РОДЪ
КНЯЗЕЙ
МОСАЛЬСКИХЪ.

(XIV–XIX СТ.).

Н. Е. БРАНДЕНБУРГЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Артиллерійскаго Журнала Фурштатская», д. № 21.
1892.

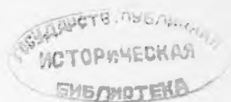
ПОСВЯЩАЕТСЯ

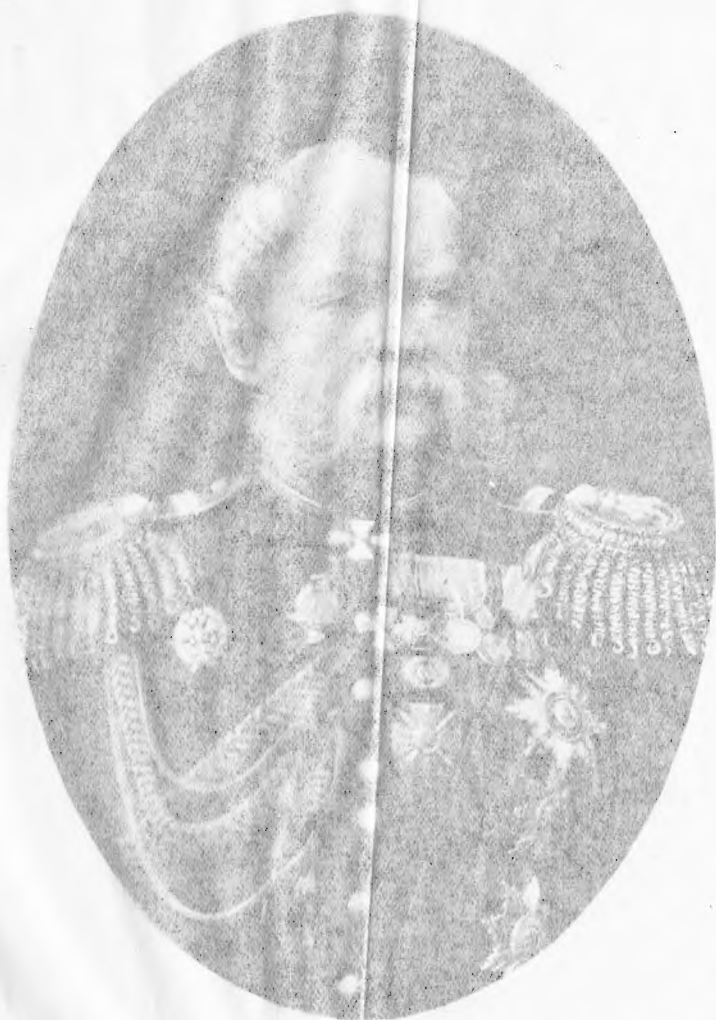
ПАМЯТИ

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА

КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ѲЕДОРОВИЧА

МОСАЛЬСКАГО.


ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА



НЯЗЬ [illegible]КОЛА[illegible] [illegible]ДОРОВИЧЪ МОСАЛЬСКІ[illegible]

(къ [illegible] [illegible]положенія)

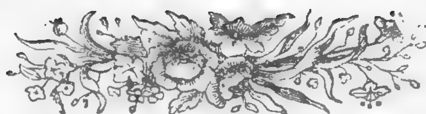
КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ МОСАЛЬСКІЙ.

(къ № 240 родословной.)

Фототипія В. Классенъ. С.Петербургъ. Кадетская лин. № 7–2.

ГЕРБЫ РОДА КНЯЗЕЙ МОСАЛЬСКИХЪ.

ГЕРБЫ РОДА КНЯЗЕЙ МОСАЛЬСКИХЪ.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысль о составленіи настоящаго труда, принадлежитъ покойному генералъ-адъютанту князю Николаю Өедоровичу Мосальскому, всегда живо интересовавшемуся какъ прошлыми судьбами своего древне-русскаго княжескаго рода, идущаго отъ Михаила Святого Черниговскаго († 1246 г.), такъ и тѣми историческими путями, которые привели современныхъ представителей фамиліи Мосальскихъ, къ положенію столь разнообразному въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ.

Родъ этотъ, первоначально весь подпавшій скипетру великаго княжества Литовскаго, представлявщій когда-то компактную среду горячихъ поборниковъ своей коренной русской народности и апологетовъ своей издревле православной религіи, нынѣ насчитываетъ въ составѣ своемъ значительное большинство приверженцевъ ученія западной церкви, давно уже забывшихъ вѣру своихъ предковъ и отпавшихъ отъ церкви восточной, въ числѣ прочихъ именитыхъ фамилій литовской Руси, также когда-то исповѣдовавшихъ православіе и дружно боровшихся противъ пропаганды католичества. Въ этомъ отношеніи настоящій трудъ представляетъ

страничку изъ общей исторіи вѣковой борьбы православно-русской народности въ западномъ краѣ съ латинствомъ и служитъ къ ней иллюстраціей.

Съ другой стороны, ополяченіе западнаго края, начавшееся еще до временъ Люблинской 1569 г. уніи, поставило добрую половину позднѣйшихъ представителей всего рода князей Мосальскихъ, въ общественныя условія совершенно противуположныя тѣмъ, въ которыхъ жила и вращалась часть его издавна переселившаяся непосредственно въ Русь восточную. За немногими единичными исключеніями, Мосальскіе въ Литвѣ стали въ ряды самой заурядной польской шляхты, усвоили польскій языкъ, взгляды и обычаи, однимъ словомъ окончательно измѣнили весь обликъ своего русскаго происхожденія и такимъ образомъ вполнѣ утратили свою коренную народность.

Совершенно понятно потому, что покойный князь Николай Өедоровичъ, какъ крупнѣйшій представитель своей фамиліи за послѣднее время, какъ человѣкъ широко просвѣщенный и вполнѣ русскій, интересовался выясненіемъ хода историческихъ обстоятельствъ, столь существенно отразившихся на современномъ ему положеніи рода князей Мосальскихъ, интересовался даже нестолько генезисомъ своей фамиліи, сколько историческими условіями, при которыхъ жили и дѣйствовали его давніе предки. Этимъ въ извѣстной степени объусловливался и самый характеръ настоящаго труда, который потому не долженъ былъ представлять лишь хронологическаго свода біографическихъ свѣдѣній, а непосредственно сложиться изъ двухъ частей: въ первой изъ нихъ мы ста-

рались охарактеризовать ту историческую обстановку, въ которой жили и дѣйствовали представители описываемой фамиліи, насколько обстановка эта связывалась съ именами тѣхъ или другихъ членовъ послѣдней, причемъ генеалогическая задача труда здѣсь оставлена почти совершенно въ сторонѣ; напротивъ, задачу второй части составило исключительно изложеніе поколѣнной росписи рода князей Мосальскихъ, сопровождаемой сжатой хроникой, необходимой въ справочномъ отношеніи.

Но къ указываемому плану насъ побуждало и другое обстоятельство. Бытъ князей Мосальскихъ, какъ уже замѣчено, вращался въ двухъ совершенно отдѣльныхъ государственныхъ сферахъ—въ Россіи и Польшѣ, чѣмъ слѣдовательно обусловливались двѣ совершенно разныхъ области историческихъ вліяній, которыя потому надлежало разсматривать отдѣльно; при этомъ на аренѣ тѣхъ или другихъ историческихъ событій, нерѣдко дѣйствующими лицами являлись одновременно нѣсколько лицъ изъ представителей описываемой фамиліи, слѣдовательно во избѣжаніе неминуемыхъ повтореній и возвращенія къ однимъ и тѣмъ-же фактамъ, являлась необходимость въ извѣстномъ обобщеніи послѣднихъ, или другими словами—являлось необходимымъ изображеніе общаго историческаго фона, на которомъ жили и дѣйствовали члены фамиліи Мосальскихъ, отдѣльно, для Россіи и Польши, достигнуть чего и давалъ принятый нами способъ изложенія.

Наконецъ мы сочли полезнымъ, присовокупить сюда-же еще третью часть, заключающую въ себѣ серію актовъ и

документовъ, существенно важныхъ для выясненія родственной связи, между разными представителями той-же фамиліи.

Относительно источниковъ, не входя въ ихъ перечисленіе, такъ какъ они указаны въ самомъ текстѣ книги, считаемъ нужнымъ сдѣлать здѣсь лишь нѣсколько общихъ замѣчаній.

Какими либо семейными архивами рода князей Мосальскихъ, намъ воспользоваться не довелось, хотя есть основанія допускать ихъ существованіе; покрайней мѣрѣ имѣются указанія, что подобнымъ архивомъ обладалъ въ прошедшемъ столѣтіи епископъ виленскій князь Игнатій Мосальскій. Кромѣ того встрѣчаются слѣды, что когда-то существовалъ еще документъ, высокаго въ данномъ случаѣ интереса, именно родъ повседневнаго журнала, веденнаго въ одной изъ линіи Мосальскихъ и восходящаго къ началу XVII столѣтія. Но сохранились-ли понынѣ матеріалы эти и гдѣ они находятся—остается совершенно неизвѣстнымъ.

Главнымъ въ настоящее время источникомъ для исторіи описываемой фамиліи, по отношенію къ Литвѣ, послужило огромное собраніе актовъ, извѣстное подъ названіемъ «Литовской метрики», источникъ остающійся даже единственнымъ, для періода болѣе удаленнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющій первостепенную важность въ документальномъ отношеніи, какъ происхожденія вполнѣ оффиціальнаго. Затѣмъ многія важныя указанія разсѣяны въ разныхъ сборникахъ актовъ, извлеченныхъ изъ другихъ архивовъ западнаго и юго-

западнаго края и изданныхъ оффиціальнымъ путемъ въ разное время, и проч.

Къ источникамъ значенія второстепеннаго, можетъ быть отнесена вся серія геральдическихъ и генеалогическихъ сочиненій, которыми богата польская литература, но которыми можно пользоваться лишь условно, такъ какъ при отрывочности сообщаемыхъ ими свѣдѣній, въ нихъ не рѣдко можно встрѣтить весьма крупные анохронизмы, перепутываніе именъ и т. под. Существуетъ также спеціальная монографія, посвященная, какъ и нашъ настоящій трудъ, исторіи рода князей Мосальскихъ, подъ названіемъ—«Historya z autorow y dyplomatow domu xiążąt Massalskich», изданная неизвѣстнымъ авторомъ въ 1789 г., вѣроятно по порученію князя Игнатія Мосальскаго епископа виленскаго, хлопотавшаго нѣсколько ранѣе объ утвержденіи своей линіи въ княжескомъ достоинствѣ; но брошюра эта, не отличаясь исторической содержательностью, страдаетъ тѣми-же вышеупомянутыми недостатками, льстивой тенденціозностью и колоссальными нелѣпостями по отношенію къ русской исторіи, почему не представляетъ ничего выдающагося. О цѣлой серіи панегириковъ, которыми также изобилуетъ польская литература второй половины прошедшаго столѣтія и въ которыхъ воспѣвается польская знать того времени, какъ напр. Михаилъ гетманъ и Игнатій епископъ—князья Мосальскіе, мы уже не говоримъ, такъ какъ при почти абсолютной безсодержательности своей, панегирики эти представляютъ лишь характерный для своего времени подборъ напыщенныхъ фразъ, изъ коихъ не почерпается ничего.

Для исторіи той линіи князей Мосальскихъ, которая уже съ XVI вѣка основалась въ Руси восточной, обширные матеріалы заключаются въ громадномъ собраніи документовъ Московскаго архива министерства юстиціи, но къ сожалѣнію документы эти далеко еще не доступны для пользованія въ полномъ своемъ объемѣ и потому извлеченіе изъ нихъ свѣдѣній пока возможно только частью. Въ источникахъ изданныхъ, довольно много различныхъ указаній о службахъ древняго русскаго дворянства вообще и князей Мосальскихъ въ частности, разсѣяны въ существующихъ подъ разными названіями сборникахъ древнихъ грамотъ и актовъ, въ розрядахъ и т. под. документахъ, попытка къ общему своду которыхъ сдѣлана Спиридовымъ, въ его обширной рукописи «Матеріалы для исторіи дворянскихъ родовъ», хранящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ и представляющей огромный трудъ, нуждающійся однако въ провѣркѣ. Что касается непосредственно генеалогической стороны дѣла, то она весьма упрощается, благодаря обилію сохранившихся родословныхъ росписей, частью также вошедшихъ въ разные генеалогическіе сборники, какъ-то Бархатную книгу, сборники Долгорукова, Петрова и др., въ томъ числѣ на французскомъ языкѣ—Annuaire de la noblesse de Russie, par Ermerin, 1889—1892 г., но и на эти росписи полагаться безусловно нельзя, въ виду встрѣчающихся въ нихъ несогласій и противурѣчій.

Полезнымъ пособіемъ для общаго обозрѣнія матеріаловъ сюда относящихся, можетъ служить трудъ г. Барсукова: Источники и литература родословія русскаго дворянства.

Мы далеко отъ мысли, считать и нашъ настоящій трудъ

исчерпывающимъ свою задачу, или свободнымъ отъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній. Въ нѣдрахъ нашихъ архивовъ, какъ русскихъ такъ и польскихъ, подъ спудомъ остается еще масса сюда относящихся матеріаловъ, но всякое изслѣдованіе ограничивается лишь возможнымъ. Въ данномъ случаѣ мы старались набросать общую картину исторической и бытовой жизни рода князей Мосальскихъ и установить ихъ общую поколѣнную роспись, по возможности провѣренную документальными, или историческими указаніями; въ какой-же степени удалось достигнуть всего этого, предоставляемъ судить другимъ.

Что касается приложенныхъ къ книгѣ портретовъ, то таковыхъ, къ сожалѣнію, удалось собрать очень немного. Въ польскомъ изданіи Папроцкаго: «Gniazdo cnoty zkad herby rycerstwa slawnego krolewstwa Polskiego...», помѣщены три поясныхъ рыцарскихъ изображенія, при текстѣ о князьяхъ Мосальскихъ (стр. 1195), но безъ всякихъ указаній и хотя повидимому долженствующихъ представлять князей Богуша, Петра и Януша Мосальскихъ (см. №№ 25, 55 и 91 родословной), но конечно не имѣющихъ никакой достовѣрности; подобнаго рода картинками наполнена вся книга Папроцкаго, почему мы и не сочли стоющимъ воспроизводить ихъ. Прекрасный, гравированный Бервикомъ, портретъ прошлаго столѣтія, епископа виленскаго князя Игнатія Мосальскаго, намъ былъ любезно сообщенъ П. Я. Дашковымъ, которому приносимъ искреннюю признательность.

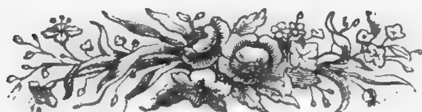
Наконецъ въ заключеніе остается прибавить, что хотя первая инициатива составленія нашей книги и принадлежитъ,

какъ уже сказано, князю Николаю Θеодоровичу, но къ несчастію кончина князя не дозволила ему завершить начатое дѣло изданіемъ. Появленіемъ своимъ въ печати, настоящій трудъ обязанъ всецѣло вдовѣ покойнаго — княгинѣ Софіи Владиміровнѣ Мосальской.

1892 г. *Авторъ.*

ЧАСТЬ I.

(ИСТОРІЯ РОДА КНЯЗЕЙ МОСАЛЬСКИХЪ).



ГЛАВА I.

Исторія князей Мосальскихъ, составляющихъ одну изъ вѣтвей дома князей Рюриковичей, получаетъ свою самостоятельность съ эпохи паденія удѣльной системы и возвышенія московскаго единодержавія, подъ скипетромъ котораго начало рости и крѣпнуть русское государство.

Происхожденіе рода князей Мосальскихъ было однимъ изъ послѣднихъ актовъ упомянутой системы, такъ какъ, въ силу принциповъ ея, родоначальникъ этой фамиліи—князь Юрій Святославовичъ, получивъ въ удѣлъ отъ отца своего князя Святослава Карачевскаго городъ Мосальскъ, существующій до настоящаго времени, положилъ такимъ образомъ начало родовому прозвищу своихъ будущихъ потомковъ ([1]). Ранѣе

([1]) О происхожденіи князей Мосальскихъ сохранились извѣстія и въ древней польской литературѣ, но эти извѣстія, не отличаясь содержательностью, представляютъ скорѣе характерный подборъ надутыхъ фразъ, нисколько не разрѣшающихъ сущности дѣла. Для образца приведемъ здѣсь велерѣчивыя слова Потоцкаго, автора конца XVII столѣтія; изъ книги его—«Poczet herbow szlachty korony polskiej»:

«Прежде всего Мосальскіе свиваютъ себѣ гнѣздо въ Москвѣ, имѣя гербомъ букву *М*, къ которой, воспріявъ здѣсь святую купель, присоединяютъ крестъ.

1*

упомянутаго факта исторія князей Мосальскихъ не отдѣляется отъ ихъ предковъ—князей черниговскихъ, потомковъ погибшаго въ ордѣ Михаила Святого, т. е. утрачиваетъ свой непосредственно родовой характеръ, а слѣдовательно тѣмъ самымъ уже выходитъ изъ предѣловъ настоящаго изслѣдованія.

Такимъ образомъ первая глава въ исторіи рода князей Мосальскихъ, совпадаетъ съ эпохою объединенія удѣльной Руси,—событіемъ имѣвшимъ огромное значеніе въ частномъ случаѣ и по отношенію къ судьбѣ удѣльныхъ княжескихъ

Изъ Москвы переходятъ въ Литву. Подобно тому какъ рыбы, которыхъ прежде чѣмъ пустить въ большую воду, выращиваютъ обыкновенно въ небольшихъ прудахъ, такъ и Мосальскіе—когда уже достаточно созрѣли въ мужествѣ и добродѣтели, вступаютъ въ море Короны польской, каковымъ путемъ изъ князей литовскихъ становятся, благодаря своему мужеству, воспріемниками митры Мазовецкаго княжества (kędy z kniaziow litewskich za powodem męstwa mitrę mazowieckiego odziedziczą xięstwa). Выйдя изъ Массиліи (sic), города славнаго между греками, родъ ихъ разростается столь широко, что вступаетъ въ родственныя связи съ королями и монархами, какъ вдругъ суровая смерть лишаетъ ихъ митры. Такова власть смерти въ людскихъ дѣлахъ (философствуетъ затѣмъ авторъ)—однихъ низводитъ съ трона, а другихъ на него возводитъ!» (стр. 495—496).

Въ 1789 году была издана въ Польшѣ брошюра, посвященная виленскому епископу князю Игнатію Мосальскому, подъ названіемъ «Historya z autorow y dyplomatow domu xiążąt Massalskich»; несмотря на подобное заглавіе, произведеніе это вполнѣ относится къ разряду тѣхъ безчисленныхъ дутыхъ панегириковъ, которые фабриковались разными мелкими авторами въ честь знатныхъ фамилій Литвы и Польши, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. Въ упомянутой брошюрѣ происхожденіе князей Мосальскихъ трактуется въ томъ же тонѣ, для образца чего не безъинтересно привести здѣсь также нѣсколько выдержекъ, какъ куріозовъ въ своемъ родѣ:

«Началу этого рода (князей Мосальскихъ), положенному въ 852 году Рюрикомъ, который былъ призванъ отъ варяговъ князей Словацкихъ править руссаками, предшествовалъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ длинный рядъ

родовъ Рюрикова дома. Оно является капитальнымъ фактомъ и въ исторіи князей Мосальскихъ, такъ какъ послѣдствія его очевидны до настоящаго времени, сдѣлавъ разныя группы представителей этой фамиліи совершенно чуждыми другъ другу по религіи, языку и отношеніямъ политическимъ. Поэтому на упомянутой эпохѣ необходимо нѣсколько остановиться.

Извѣстно что великій князь Ярославъ Владиміровичъ, умирая въ 1054 году, раздѣлилъ единодержавную при немъ Русь между своими сыновьями, назначивъ старшему Изяславу—Кіевъ, Святославу Черниговъ ([2]), Всеволоду Переяславль и Вячеславу Смоленскъ ([3]), съ обязанностью повино-

---

воиновъ. Два сына Ярополка (sic) Олегъ и Владиміръ раздѣлили между собою страну и власть; Владиміръ просвѣтилъ страну святою вѣрою, состоящею въ единеніи съ Римомъ (sic) и раздѣленіемъ своего государства въ 990 году между двѣнадцатью сыновьями, положилъ начало названію князей Мосальскихъ. Отъ меча Батыя погибли почти всѣ русскіе князья, за исключеніемъ черниговскихъ, мосальскихъ и смоленскихъ; могущественными защитниками послѣднихъ стали союзные съ ними литовскіе князья Викиндъ и Ердивиллъ. Русскіе князья Святославъ кіевскій, Семенъ друцкій, Давидъ мосальскій (!) и черниговскій, спасшіеся отъ избіенія, заключили въ 1227 году союзъ съ литовскимъ княземъ Тройнатомъ противъ татаръ, но въ 1235 году недовольные великимъ княземъ литовскимъ, соединились съ послѣдними и бывъ разбиты подъ Могильномъ въ Новогродскомъ воеводствѣ, сочли за лучшее стать снова подъ покровительство Литвы, союзной съ ними по крови и защитѣ...» и т. д..

([2]) Кромѣ того Тмуторокань, Рязань, Муромъ и страну вятичей. (Карамзинъ: Ист. гос. рос , т. II, 69).

([3]) По Карамзину (т. II, 69) Смоленская область заключала въ себѣ нынѣшнюю Смоленскую же губернію, съ частью Витебской, Псковской, Калужской и Московской.

М. Погодинъ, въ «Розысканіяхъ о предѣлахъ древнихъ русскихъ княжествъ» (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1848 г), опредѣляетъ предѣлы послѣднихъ такъ:

ваться старшему как отцу и въ случаѣ распрей, обращаться къ посредничеству его—какъ государя. Такимъ образомъ формула будущихъ отношеній между князьями устанавливалась повидимому весьма простая: старшій въ родѣ долженъ былъ быть главою остальныхъ, обязанныхъ къ нему извѣстною зависимостью, причемъ титулъ великокняжескій, какъ выраженіе только родоваго старѣйшинства, естественно являлся не наслѣдственнымъ въ нисходящимъ колѣнѣ, а переходящимъ въ боковыя вѣтви, смотря по родственному старшинству представителей послѣднихъ.

На дѣлѣ однако выходило иначе. Самый порядокъ наслѣ-

Смоленское княжество—самое бѣдное и малое изъ удѣловъ Ярославовыхъ, состояло изъ одной нынѣшней Смоленской губерніи, съ Можайскимъ уѣздомъ Московской, Ржевскимъ—Тверской и Торопецкимъ—Псковской; предѣлы его: къ юго-востоку—владѣнія черниговскія съ Брянскомъ, Мосальскомъ, и Лопаснею, къ востоку—Суздальское княжество, за верховьями Протвы и Угры и за Можайскомъ (которые принадлежали Смоленску), къ сѣверу—новгородскія владѣнія съ Торжкомъ, Холмомъ и Великими Луками; къ западу—Черниговское и Полоцкое княжество, коего ближайшими къ границѣ городами были Орша и Копысь также Витебскъ и Усвятъ. Княжество Черниговское граничило: къ западу—съ Кіевскимъ, отъ котораго отдѣлялось Днѣпромъ; къ сѣверу—очень мало съ Полоцкимъ, а потомъ съ Смоленскимъ и Переяславскимъ—Суздальскимъ; къ востоку съ финскими племенами, отъ которыхъ отдѣлялось Окою; къ югу—съ воронежскими степями, Курскимъ—Переяславскимъ и собственно Переяславскимъ княжествами.

Черниговское княжество, по раздѣлу Ярославову, заключало въ себѣ нынѣшнія губерніи: Черниговскую, часть Могилевской, южную часть Смоленской, Калужскую, Тульскую, часть Московской, Рязанскую, часть Владимірской, Тамбовской, Воронежской и губернію Орловскую.

Городъ Мосальскъ принадлежалъ Черниговскому княжеству: «Ходи Ярославъ (1231 г.) ратію на цьрниговскую волость съ новгородци .. и пожьже Шеренскъ и стоявъ подъ Мосальскомъ и вспятися вспять».

дованія великокняжескаго титула не замедлилъ пошатнуться въ своемъ основаніи, такъ какъ Святославичамъ черниговскимъ уже во второмъ колѣнѣ не пришлось воспользоваться правомъ своего старшинства передъ дѣтьми Всеволода переяславскаго, изъ которыхъ Владиміръ Мономахъ занялъ престолъ великокняжескій, въ ущербъ правъ сыновей Святослава черниговскаго. Этимъ путемъ въ отношеніяхъ князей уже съ самаго начала завязывался тотъ узелъ, который съ дальнѣйшимъ раздробленіемъ Ярославова колѣна, долженъ былъ необходимо все болѣе и болѣе затягиваться. Потомство Ярослава, разбившись на нѣсколько родовъ, раздѣлилось настолько, что каждый изъ нихъ сталъ считать свое старѣйшинство отдѣльно, почему, при удержавшемся прежнемъ взглядѣ на значеніе великокняжескаго титула, въ результатѣ явилось распаденіе Руси въ XIII вѣкѣ на нѣсколько княжествъ, имѣвшихъ каждое своего великаго князя ([4]).

Относительно положенія князей младшихъ линій, фактъ этотъ впрочемъ не имѣлъ существеннаго значенія въ порядкѣ установившихся родовыхъ отношеній, но за то онъ занялъ важное мѣсто въ системѣ отношеній государственныхъ. Въ первомъ случаѣ, не смотря на все болѣе и болѣе развивавшееся дробленіе удѣловъ, доходившее до того, что послѣдніе заключались нерѣдко въ одномъ только городѣ, или не значительной волости, удѣльный князь въ своемъ владѣніи былъ самостоятеленъ и независимъ, представляя полновластнаго распорядителя, передававшаго права свои въ наслѣд-

([4]) Соловьевъ: Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома.

ственномъ порядкѣ, т. е. сохранилъ въ меньшихъ размѣрахъ тотъ-же характеръ отношеній къ своему великому князю, какой существовалъ и въ предшествовавшее время; во второмъ—раздробленіе государства на мелкіе удѣлы и образованіе нѣсколькихъ великокняженій, подготовило событіе первостепенной важности, —паденіе самой удѣльной системы.

Въ самомъ дѣлѣ, подобное положеніе государства весьма значительно расширило ту арену внутреннихъ междуусобицъ, на которой уже первые Ярославичи оспаривали другъ у друга права своего родоваго старшинства; съ одной стороны яблокомъ раздора, вызывавшимъ борьбу, являлось обладаніе великокняжескимъ титуломъ, съ другой —наоборотъ, стремленіе поставить удѣльныхъ князей въ зависимое положеніе, въ отношенія подданическія, стремленіе усилить значенія великокняжескаго титула на счетъ удѣловъ, путемъ уничтоженія и присоединенія послѣднихъ.

Естественнымъ явленіемъ въ ряду подобныхъ междуусобицъ заполняющихъ собою удѣльный періодъ русской исторіи, должно было получиться наконецъ усиленіе котораго нибудь изъ болѣе крупныхъ владѣтелей, вслѣдствіе благопріятно сложившихся историческихъ обстоятельствъ, къ которому волей или неволей пришлось тяготѣть мелкимъ удѣламъ, и вотъ въ средѣ Руси начинаетъ расти и крѣпнуть великое княжество Московское, на долю котораго выпала участь послужить ядромъ и сплотить собою остальныя.

Извѣстно что начало «собиранія» земли русской, ощутительно проявилось уже въ первой половинѣ XIV столѣтія и

что «собирателемъ» этимъ былъ Іоаннъ Калита, по смерти котораго, въ 1340 году, преемникъ его Симеонъ Гордый называлъ себя уже великимъ княземъ «всея Руси». Съ восшествіемъ на престолъ сына Димитрія Донского—Василія (1389 г.), великокняжеское достоинство дѣлается неоспоримымъ наслѣдіемъ московскихъ владѣтелей и такимъ образомъ окончательно упрочивается главенство послѣднихъ, въ силу котораго уцѣлевшіе еще удѣлы въ сѣверо-восточной Руси представлялись уже явленіемъ исключительнымъ и доживали, такъ сказать, сочтенные дни своего существованія.

Подобный же центръ тяготѣнія одновременно образовался и на юго-западѣ, гдѣ съ XIII столѣтія начинаютъ усиливаться князья литовскіе, на счетъ удѣловъ этого края. Земли омываемыя Березиной, уже при Гедиминѣ вошли въ составъ литовскихъ владѣній, а при Ольгердѣ рубежъ послѣднихъ передвинулся еще далѣе на востокъ, такъ что и здѣсь удѣльные князья должны были признать власть Литвы, подчинясь «великому князю литовскому и россійскому» — какъ именовалъ себя Гедиминъ, властвуя въ новой своей столицѣ — Вильнѣ.

Такимъ образомъ на встрѣчу другъ другу двигались два государства—великое княжество Московское и великое княжество Литовское, захватывавшія въ свои предѣлы владѣнія болѣе слабыхъ князей; мелкимъ владѣтелямъ оставался только выборъ между тѣмъ и другимъ, такъ какъ самостоятельное ихъ существованіе ничѣмъ не могло быть обезпечено, и вотъ удѣльные князья, соплеменные между собою, являются на

двухъ враждебныхъ сторонахъ, дошедшихъ въ своемъ распространеніи до неизбѣжнаго столкновенія.

Естественно вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ подчиненіемъ господству Москвы или Литвы, удѣльные князья теряли преимущества своего родоваго положенія, и хотя старались, путемъ разныхъ договоровъ при поступленіи въ подданство, выгораживать свои права, но тѣмъ не менѣе значеніе ихъ уже безвозвратно утрачивалось; понемногу князья владѣтельные обращались просто въ служебныхъ, становясь только вотчинниками своихъ прежнихъ удѣловъ. Спасаясь отъ поглощенія ихъ Москвою, удѣльные князья иногда сами бросались въ объятія Литвы, мечтая сохранить мнимую самостоятельность, или даже возвратить утраченныя права въ своихъ родовыхъ отношеніяхъ, но мечты эти конечно и оставались мечтами, на дѣлѣ-же всѣ Рюриковичи въ юго-западной Руси, подпавшіе тѣмъ или другимъ путемъ подъ власть Литвы, стали въ половинѣ XV столѣтія въ тѣ-же служебныя, подданническія отношенія къ властителямъ послѣдней, въ какихъ находились удѣльные князья вошедшіе волей или неволей въ составъ разроставшагося великокняженія московскаго.

Таковы общія черты той эпохи, съ которой начинаетъ вести исторію свою и родъ удѣльныхъ князей Мосальскихъ.

Городъ Мосальскъ ([5]), доставшійся въ удѣлъ родоначальнику этой фамиліи—князю Юрію Святославичу, входилъ, какъ выше уже сказано, въ составъ Черниговскаго княжества и былъ главнымъ пунктомъ отданнаго вмѣстѣ съ тѣмъ

([5]) Нынѣ уѣздный городъ Калужской губерніи.

ему же владѣнія, лежавшаго между рѣками Десной, Угрой, Жиздрой и Окой ([6]). О времени образованія этого родоваго удѣла князей Мосальскихъ, точныхъ указаній не имѣется, но во всякомъ случаѣ оно должно относиться къ концу XIV столѣтія, т. е. къ эпохѣ паденія удѣльной системы, и такимъ образомъ удѣлъ Мосальскихъ, съ самаго начала своего существованія, долженъ былъ очутиться между двухъ могущественныхъ сосѣдей, двигавшихся какъ уже сказано на встрѣчу другъ другу.

Ходъ историческихъ обстоятельствъ сложился въ пользу подчиненія удѣла Мосальскихъ великому княжеству Литовскому, какъ въ силу географическаго распространенія послѣдняго, такъ и отношеній самихъ черниговскихъ князей къ развившемуся московскому единовластію. Въ первомъ случаѣ плоды наступательной политики Литвы, уже въ половинѣ XIV вѣка, проявились настолько ощутительно, что подъ скипетромъ Гедимина къ 1320 году находился уже какъ самый Черниговъ, такъ и вся Сѣверская земля, и великій князь литовскій еще при жизни своей назначилъ напр. въ удѣлъ одному изъ сыновей своихъ города Слонимъ и Карачевъ; во второмъ-же случаѣ—самыя родовыя традиціи черниговскихъ князей клонились въ пользу подданническихъ отношеній къ великому князю литовскому, предпочтительнѣе передъ подчиненіемъ объединенной Руси сѣверо-восточной, такъ какъ родъ черниговскихъ князей, потомковъ Святослава Ярославича, естественно долженъ былъ относиться враждебно къ млад-

---

([6]) Encyklopedia Оргельбранда (ст. «Massalski»).

шей линіи Мономаховичей, утвердившей за собой верховное главенство въ наслѣдственномъ порядкѣ.

Въ силу этого, подчиненіе потомковъ черниговскихъ князей литовскому владычеству, являлось менѣе тяжелымъ чѣмъ московскому, тѣмъ болѣе что къ этому не примѣшивалось и ни какихъ религіозныхъ замѣшательствъ; нѣкоторые изъ упомянутыхъ князей были связаны съ Литвой даже родственными узами, какъ напр. Святославъ Карачевскій (отецъ родоначальника князей Мосальскихъ), имѣвшій въ супружествѣ Өеодору дочь Ольгерда великого князя литовскаго ([7]), и такимъ образомъ подчиненіе Литвѣ удѣла Мосальскихъ имѣло для себя достаточно поводовъ въ политическомъ отношеніи.

Въ исторіи не сохранилось указаній, какимъ путемъ совершилось это присоединеніе; было-ли оно актомъ добровольнаго подчиненія, на основаніи какого либо договора въ родѣ сохранившихся до нашего времени, напр. между княземъ Новосильскимъ и Одоевскимъ съ королемъ Казиміромъ 1442 года, или князя Воротынскаго 1448 г. ([8]), или совершилось путемъ насильственнаго захвата Литвою—подобно тому какъ

([7]) Равнымъ образомъ сохранились данныя и о пожалованіяхъ землями предковъ Мосальскихъ, со стороны великихъ князей литовскихъ; такъ имѣемъ запись Витовта князю Василію Карачевскому, 1383 года: «Милостью Божіей мы великій князь Витовтъ вѣдомо чинимъ каждому, кто коли на сесь листъ позритъ, аже-есмо допустили садити село Княжую Луку, на сыромъ корени, у подольской земли у каменецкомъ повѣтѣ, Василеви Карачовскому слузѣ нашему, а дали есмо ему зо всими лѣсы и съ дубровами и съ полями и съ сѣножатьми и съ лугами и со всими пожитки, ему и дѣтемъ его и всимъ его потомкомъ, на вѣки вѣчные». (Акты относящ. къ ист. Западн. Россіи, т. I, № 6).

([8]) Соловьевъ: Исторія отношеній князей Рюрикова дома.

было со Смоленскомъ въ 1395 году; можно однако думать, что актъ присоединенія едва-ли имѣлъ характеръ насильственности, въ виду указанныхъ выше связей съ Литвою предковъ князей Мосальскихъ. Во всякомъ случаѣ древнѣйшія извѣстія, до насъ дошедшія, выставляютъ намъ членовъ этой фамиліи уже какъ подданныхъ великаго князя литовскаго, вмѣстѣ съ родовою ихъ отчиною—городомъ Мосальскомъ и принадлежащими къ нему волостями. Извѣстія эти относятся къ XV столѣтію. Такъ въ сношеніяхъ Іоанна III съ Александромъ, великимъ княземъ литовскимъ, по поводу различныхъ пограничныхъ неурядицъ, посолъ послѣдняго Андрей Олехновичъ въ 1493 году передавалъ слова своего государя, что—«люди твои многіи городы наши и волости Мезческъ и Серепескъ и Масалескъ и Городечну и Опаковъ огнемъ пожогли, а людей нашыхъ которіи на тыхъ нашыхъ городехъ были въ полонъ повели со всими ихъ животы и статки, и тежъ городъ нашъ Вязьму взяли и слугъ нашыхъ князей Вяземскихъ головами звели, а тыи городы и волости изъ вѣка отчына наша великого князства литовского земля и вода» (9).

Такимъ образомъ уже въ концѣ XV столѣтія, литовскіе князья называютъ Мосальскъ съ его волостями—своею стариною вотчиною. Когда именно послѣдовало присоединеніе его къ Литвѣ, сказать трудно, по неимѣнію никакихъ данныхъ, но изъ связи предшествовавшаго факта съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ литовскихъ документахъ уже упоминается

(9) Акты Метрики литовской (Книги записей № 5, л. 143).

старшій представитель втораго колѣна Мосальскихъ—князь Владиміръ Юрьевичъ, жившій при королѣ Казимірѣ, надо заключить, что уже и родоначальникъ дома князей Мосальскихъ былъ въ литовской сторонѣ, т. е. упомянутое присоединеніе свершилось не позже начала XV столѣтія.

Древнѣйшія извѣстія о князьяхъ Мосальскихъ дошли до насъ также въ актахъ великаго княжества Литовскаго, въ историческихъ же матеріалахъ Руси сѣверо-восточной эти извѣстія не восходятъ ранѣе начала XVI вѣка, если не принимать въ разсчетъ, въ подобномъ значеніи, родословныхъ росписей, сохранившихся во множествѣ разновременныхъ позднѣйшихъ списковъ, часто несогласныхъ другъ съ другомъ ([10]). Изъ сличенія полнѣйшихъ изъ этихъ списковъ, съ извѣстіями дошедшихъ до насъ въ актахъ великаго княжества Литовскаго, видно, что всѣ упоминаемые въ русскихъ родословныхъ спискахъ члены первыхъ колѣнъ рода князей Мосальскихъ, были подданными великаго князя литовскаго ([11]), что ясно свидѣтельствуютъ разныя имъ пожалованія отъ послѣдняго, сохранившіяся въ дошедшихъ до насъ документахъ.

([10]) Напр. въ Россійской родословной книгѣ—Долгорукова выведена генеалогія лишь одной вѣтви рода Мосальскихъ, а въ родословной помѣщенной во Временникѣ общества исторіи и древностей, т. X, пропущено все второе колѣно, такъ что внуки родоначальника Мосальскихъ показаны его дѣтьми.

([11]) Исключенія составляютъ два изъ трехъ сыновей князя Юрія Мосальскаго (родоначальника фамиліи), о которыхъ въ литовскихъ актахъ извѣстій не встрѣчается; подобное обстоятельство, на первый взглядъ довольно важное, не имѣетъ однако существеннаго значенія, такъ какъ дѣти и внуки упомянутыхъ лицъ всѣ упоминаются литовскими документами; поэтому указанное отсутствіе извѣстій должно скорѣе имѣть характеръ простой случайности.

Такимъ образомъ въ началѣ своей исторіи весь родъ князей Мосальскихъ сосредоточивался въ Литвѣ. Подобное явленіе однако не было вовсе исключительнымъ, такъ какъ тамъже одновременно встрѣчаемъ и многихъ другихъ Рюриковичей, какъ то: князей Одоевскихъ, Воротынскихъ, Мезецкихъ Перемышльскихъ, Можайскихъ и другихъ, въ качествѣ князей также уже служебныхъ. Великое княжество литовское въ то время не связало еще своей политической жизни съ короной Польши, почему всѣ имѣвшіе причину быть недовольными московскимъ единовластіемъ, видѣли въ Литвѣ надежный пріютъ, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ не утрачивался ихъ родной языкъ и религія. Поэтому переходы служебныхъ князей съ ихъ вотчинами изъ одного подданства въ другое, представляли въ XV вѣкѣ довольно обыкновенное явленіе, но конечно мотивы этихъ переходовъ не были для всѣхъ одинаковы. Конецъ XV столѣтія ознаменовался, какъ извѣстно, реакціей въ этомъ отношеніи: русскіе князья изъ литовскаго подданства потянули обратно къ Москвѣ, ради начавшихся религіозныхъ притѣсненій, но Мосальскихъ и эти невзгоды не скоро заставили прибѣгнуть къ покровительству московскаго единодержавія, по крайней мѣрѣ, до эпохи Ведрошской битвы.

Упомянутая реакція, бывшая однимъ изъ послѣдствій узъ связавшихъ Литву съ Польшею, черезъ принятіе польской короны великимъ княземъ литовскимъ Владиславомъ Ягеллою, поставила въ тягостное положеніе пограничныхъ служебныхъ князей, остававшихся еще въ литовскомъ подданствѣ, и въ

числѣ ихъ князей Мосальскихъ. На рубежѣ московско-литовскомъ, заселенномъ враждебными другъ другу владѣльцами, начался рядъ грабежей и насилій между князьями подданными сосѣднихъ государствъ. Намѣстникъ смоленскій панъ Станиславъ Петровичъ, справляя свое посольство передъ Іоанномъ III, заявлялъ напр. послѣднему, что — «Люди твои многіи пришедши городъ нашъ Мценескъ и иныи наши городы Серпеескъ и Масалескъ и волости нашы многіи и слугъ нашыхъ князей и бояръ смоленскихъ волости позасѣдали, и ты бы людемъ своимъ приказалъ абы они тотъ замокъ нашъ Серпеескъ и Мценескъ и Масалескъ и въ иныя волости наши не вступалися» ([12]). Князья Воротынскіе, Бѣлевскіе, Мезецкіе и другіе, перейдя въ московское подданство, не щадили вотчинъ своихъ противниковъ, остававшихся подъ властію Литвы и производили на нихъ наѣзды. Такъ въ 1492 году польскіе послы Глѣбовичъ и Владычко принесли въ Москву жалобу на князей Оболенскихъ, Перемышльскихъ и Одоевскихъ, раззорившихъ огнемъ и мечемъ города Мценскъ, Рогачевъ, Мосальскъ и другіе, и захватившихъ при этомъ случаѣ въ плѣнъ не только бывшихъ тамъ намѣстниковъ, но и самихъ князей Мосальскихъ съ ихъ семействами; послы требовали какъ наказанія грабителей такъ и возвращенія плѣнныхъ ([13]). Отъ разбоевъ не спасали и родственныя связи противниковъ, какъ напр. между упомянутыми Одоевскими, часть которыхъ была сторонниками Москвы, а

(12) Акты Метрики литовской (Книги записей № 5, л. 211).
(13) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей 1860 г., т. 4.

другая—Литвы, или между Мезецкими—силою приводившими своихъ родственниковъ въ московское подданство. Кромѣ того, независимо отъ подобныхъ грабежей, пограничныя части обоихъ государствъ постигали еще бѣдствія, вслѣдствіе войнъ между Москвою и Литвою, какъ напр. въ 1493 году, когда по заявленію польскихъ пословъ Мосальскъ опять былъ взятъ русскими воеводами—князьями Воротынскими и выжженъ (14).

Все это, съ одной стороны вызывало цѣлый рядъ дипломатическихъ сношеній между Москвою и Литвою, съ другой—можетъ обрисовывать нѣсколько положеніе въ Литвѣ князей Мосальскихъ, въ теченіи упоминаемаго перваго періода ихъ исторіи.

На дипломатическихъ сношеніяхъ мы должны нѣсколько остановиться, такъ какъ непосредственнымъ въ нихъ участникомъ является внукъ родоначальника Мосальскихъ — князь Тимоѳей Владиміровичъ, три раза пріѣзжавшій посломъ въ Москву отъ великаго князя литовскаго (15). Посольства

(14) Dzieje polski—Голенбовскаго, т. III, 407.

(15) Въ польскихъ источникахъ это посольство совершенно ошибочно приписывается князю Владиміру Мосальскому, какъ напр. у Кояловича «Historiae Lituanae» т. II, 251, подъ 1487 г. Ссылаясь на Кояловича тоже самое повторяетъ и Нѣсецкій (Herbarz polski, изд. Бобровичемъ); но эта ошибка ничто, въ сравненіи съ тою, которую Нѣсецкій дѣлаетъ далѣе, выставляя этимъ посломъ 1487 года Ивана-Тимоѳея окольничаго смоленскаго, внука князя Богуша Мосальскаго (!), между тѣмъ какъ въ дѣйствительности послѣдній самъ былъ внукомъ князя Тимоѳея Владиміровича и умеръ въ половинѣ XVI столѣтія (Т. VI, стр. 349—353).

Позднѣйшіе составители панегириковъ рода князей Мосальскихъ, конечно уже не затруднялись повторять извѣстія, сообщенныя вышеупомянутыми авто-

2

эти весьма любопытны по заключающимся въ нихъ подробностямъ ([16]):

Въ первый разъ князь Мосальскій прибылъ въ Москву въ 1487 году; 6-го Октября онъ предъ Іоанномъ III приносилъ жалобу, во первыхъ на брата государева князя Андрея Можайскаго, въ отнятіи у князя Михаила Вяземскаго волостей послѣдняго, захватѣ лошадей, скота и разной рухляди и сожженія селъ; во вторыхъ на князей Одоевскихъ, произведшихъ вооруженное нападеніе на принадлежавшій Мезецкимъ городъ Мещовскъ; въ третьихъ предъявлялъ претензіи князей Глинскихъ и Коширскихъ, объ удовлетвореніи за разграбленные у нихъ русскими людьми вотчины, запасы и пожитки; въ четвертыхъ домогался возвращенія Литвѣ волостей, которыми Іоаннъ якобы несправедливо съ давняго времени владѣетъ; наконецъ, какъ значится въ самомъ статейномъ спискѣ этого посольства ([17]), о своихъ собственныхъ обидахъ — «жаловалъ князь Тимоѳей Володимеровичъ, что-жъ приходили люди съ твоей (Іоанновой) земли и брали его отчину на имя Недоходовъ. А третьяго лѣта Ивана Товаркова тати пришедши княжу Тимоѳѣеву отчину побрали....,

---

ритетными лицами, и всѣ называютъ посломъ отъ короля Казиміра—князя Владиміра Мосальскаго. Напримѣръ авторъ панегирика «Nomen fortunae publicae in avitas domus.,....» и проч., 1748 г., посвященнаго гетману Михаилу Мосальскому, уподобляетъ упомянутаго князя Владиміра, посла короля Казимира,—солнцу—«котораго какъ царя страшился великій князь московскій Іоаннъ Васильевичъ, за свое небо» (sic)!

([16]) «Переписка Россіи съ Польшею» (Чтенія въ обществѣ ист. и древн. 1860 г., т. IV).

([17]) Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ (Акты литовск., № 1).

третятцатеро коней взяли, а платья и иныхъ статковъ домовыхъ рѣчей на 20 рублевъ взяли московскихъ а два человѣка до смерти убили, а сего-жъ лѣта тѣжъ тати княжу Тимоѳѣеву отчину тотъ-же Недоходовъ воевали, троетпатцатеро коней, платья и иныхъ статковъ домовыхъ на 15 рублевъ московскихъ взяли». Получивъ на другой день отвѣтъ, Мосальскій 8 го Октября уже выѣхалъ изъ Москвы.

Второе посольство его-же было въ слѣдующемъ 1488 году: Мосальскій передалъ неудовольствіе своего государя на неполученіе отвѣта, относительно требованій прежнихъ польскихъ пословъ объ обидныхъ дѣлахъ, домогался чтобъ запрещено было русскимъ намѣстникамъ, великолуцкому, ржевскому и чернокутскому, вступаться въ дани, доходы и другія пошлины, издревле принадлежавшія Польшѣ, но съ давнихъ временъ уже неполучавшіяся. Затѣмъ Мосальскій передалъ волю короля польскаго, о назначеніи уполномоченнаго на съѣздъ съ русскимъ бояриномъ, для разбора пограничныхъ неурядицъ, какъ-то разбоевъ, грабежей, наѣздовъ и проч.; жаловался на слугъ сына великого князя, раззорившихъ волости князя Михаила Вяземскаго и другихъ украинныхъ князей, и наконецъ удостовѣрялъ справедливость требованій князей Мезецкихъ съ Одоевскихъ, за произведенныя опустошенія; кромѣ того Мосальскій сообщалъ объ отпускѣ изъ Польши ограбленныхъ русскихъ купцовъ, возвращавшихся изъ Кафы съ товарами.

Въ послѣдній разъ князь Тимофей Владиміровичъ прибылъ въ Москву 23 Іюля 1489 года. Представляя на аудіенціи

2*

великому князю, что русскіе намѣстники наѣхавши въ польскіе города Великіе Луки и Ржеву, забираютъ со всѣхъ волостей дань, а воеводы въ вотчинахъ князей Воротынскихъ причиняютъ великія раззоренія, Мосальскій требовалъ высылки порубежныхъ комиссаровъ, для разбора всѣхъ неурядицъ; затѣмъ принесъ жалобу на князя Ѳедора Бѣльскаго, высчитавъ всѣ его грабительства, причиненныя витебскимъ боярамъ, и жаловался на убытки понесенные князьями Глинскими отъ раззоренія ихъ вотчинъ русскими людьми; наконецъ заявлялись и обиды, причиненныя самимъ князьямъ Мосальскимъ: — что люди Василія Пестрого приходили разбоемъ на вотчину его (Мосальскаго) Недоходовъ, въ числѣ 70 человѣкъ, причемъ захватили его княжого слугу, коней и платья, всего на 190 рублей, да еще отъ сихъ часовъ за полтора года приходили разбоемъ на князя Тимоѳея отчину на Недоходовъ люди князя Перемышльскаго, и взяли коней, платья и денегъ на 50 рублей.

Однако домогательства Мосальскаго, какъ видно, не привели къ устраненію пограничныхъ неурядицъ, такъ какъ слѣдующія за тѣмъ посольства по прежнему развиваютъ тѣ-же темы о различныхъ недоразумѣніяхъ. Впрочемъ существуютъ указанія на участіе князя Мосальскаго въ опредѣленіи границъ между обоими государствами и что громадный порубежный курганъ, существующій по нынѣ недалеко отъ Можайска надъ рѣкою Поляновкою, есть будто-бы современный свидѣтель упомянутой его дѣятельности ([18]).

([18]) Encyklopedia powszechna—Оргельбранда, стр. 129—131.

Приведенныя дипломатическія подробности, прибавляютъ нѣсколько чертъ къ вышеприведеннымъ-же даннымъ о положеніи въ Литвѣ князей Мосальскихъ въ описываемое время; положеніе это едва-ли можетъ быть названо блестящимъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ состоянію ихъ родовыхъ вотчинъ, съ чѣмъ въ связи быть можетъ находятся и пожалованія землями разныхъ членовъ этого дома, въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій. Такъ уже князь Владиміръ Юрьевичъ Мосальскій получилъ отъ короля Казимира имѣнія Ощитескъ и Недоходовъ, а затѣмъ сынъ его князь Тимоѳей Владиміровичъ—имѣнье Радщину; внуки князя Василія Юрьевича—князья Василій и Иванъ Ѳедоровичи Мосальскіе, получили отъ великаго князя литовскаго Александра, около 1493 года, имѣніе Площово,—всѣ лежавшія въ смоленской землѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ другіе члены получали подарки деньгами, сукнами и адамашками. Мотивовъ таковыхъ пожалованій въ современныхъ актахъ не приводится ([19]), но нѣсколько позже поводами къ наградамъ землями выставляются потеря Мосальскими ихъ родовыхъ вотчинъ, захваченныхъ великимъ княземъ московскимъ. Такъ изъ дошедшей до насъ грамоты короля Александра, 1505 года ([20]), данной на имя жены князя Тимоѳея Владиміровича Мосальскаго Анны, урожденной Сапѣги, видно, что послѣдней еще до того было пожаловано имѣніе Друя въ полоцкой землѣ (позже-Браславскомъ повѣтѣ), до возвращенія отчины ея и сыновей, нахо-

---

([19]) Акты Метрики литовской (Книги записей № 3 и 4).

([20]) См. Приложеніе 1.

дящейся въ смоленской землѣ; точно также внуки князя Василія Юрьевича Мосальскаго получили земли, взамѣнъ ихъ отошедшихъ къ Москвѣ вотчинъ.

Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ раззореніемъ отъ безпрерывныхъ военныхъ дѣйствій и грабежей въ пограничныхъ областяхъ, гдѣ лежали вотчины Мосальскихъ, могутъ указывать, что князей Мосальскихъ едва-ли удерживали въ Литвѣ извѣстныя матеріальныя выгоды, а на то-же вліяло въ значительной степени и нежеланіе подчиниться господству московскаго единовластія.

То-же самое можетъ проглядывать и въ положеніи занятомъ Мосальскими въ религіозномъ вопросѣ, развившемся въ Литвѣ въ послѣднихъ годахъ XV столѣтія. Литовскіе великіе князья, непосягавшіе ранѣе на свободу вѣроисповѣданія своихъ православныхъ подданныхъ, въ концѣ XV вѣка примѣнили систему гоненій и насилій въ пользу пропаганды католицизма. Систему эту великій князь литовскій Александръ открыто самъ заявилъ венгерскому королю, что единственная причина возстанія русскихъ князей—подданныхъ короны польской, еще противъ Казимира, есть вопросъ религіозный, вызвавшій со стороны Александра строгія мѣры и послужившій поводомъ къ переходу князей на сторону Москвы ([21]). Однако не смотря на сказанныя притѣсненія, Мосальскіе все таки не слѣдовали примѣру переходовъ другихъ князей въ московское подданство и твердо держались Литвы, не измѣняя въ то-же время и своей религіи.

([21]) Акты Западной Россіи, т. I, № 188.

Необходимо впрочемъ замѣтить, что историческія данныя, дошедшія до насъ относительно этого обстоятельства, не совсѣмъ ясны. Такъ посолъ Александра литовскаго панъ Яновичъ, въ концѣ 1493 года говорилъ великому князю московскому, что-бы — «подданныхъ слугъ нашего государя Вяземскихъ князей, Мезецкихъ князей, Мосальскихъ князей, абы всихъ отпустилъ за ся къ нашому государю и отчины ихъ отступится» ([22]); равнымъ образомъ въ Апрѣлѣ 1500 г. Іоаннъ III, въ грамотѣ къ крымскому хану Менгли-Гирею, между прочимъ писалъ, что въ числѣ другихъ князей перешли къ Москвѣ и князья Мосальскіе, съ городомъ Мосальскомъ ([23]), и такимъ образомъ выходитъ, что послѣдніе къ описываемому времени уже приняли московское подданство. Однако ближайшее разсмотрѣніе этихъ фактовъ, отнимаетъ у нихъ большую часть подобнаго значенія. Сравнивая напримѣръ свѣдѣнія, дошедшія до насъ въ польскихъ и литовскихъ документахъ, о членахъ рода князей Мосальскихъ, съ русскими родословными росписями, видимъ, что всѣ упоминаемые въ послѣднихъ представители фамиліи Мосальскихъ, до начала XVI вѣка находились, какъ уже указано, въ Литвѣ, а въ XVI вѣкѣ первыя извѣстія о князьяхъ Мосальскихъ въ Россіи, именно о Димитріи и Семенѣ Ивановичахъ, относятся къ 1513 году. Въ 1496 году оба эти лица были еще въ Литвѣ, что видно изъ тяжебнаго дѣла, возникшаго между ними съ братомъ ихъ Ѳедоромъ, по по-

---

([22]) Сборникъ Муханова, № 40.

([23]) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос., т. VI, прим. 481.

воду наслѣдства послѣ умершаго дяди князя Андрея Семеновича ([24]); въ 1513-же году князья Димитрій и Семенъ уже упоминаются въ Россіи, воеводами въ Большомъ полку при походѣ подъ Смоленскъ ([25]). Такимъ образомъ о какихъ-же Мосальскихъ могла идти рѣчь въ вышеупомянутомъ литовскомъ посольствѣ 1493 года? Вѣроятнѣе всего, что говорилось о тѣхъ, которые были захвачены, какъ мы видѣли выше, въ плѣнъ, при набѣгѣ князей Одоевскихъ и Оболенскихъ въ 1492 году; что-же касается до заявленія Іоанна Менгли-Гирею о подданствѣ Мосальскихъ, то здѣсь быть можетъ шла рѣчь объ упомянутыхъ князьяхъ Димитріи и Семенѣ Ивановичахъ, если только они перешли въ Россію въ промежутокъ между 1496 и 1500 годахъ ([26]).

Реакція въ политическихъ отношеніяхъ князей Мосальскихъ, дѣлается очевидною съ наступленіемъ XVI-го столѣтія,— съ эпохи Ведрошской битвы. Побоище это, сломившее ростъ могущества Литвы въ 1500 году, повлекло за собою, какъ видно, и перемѣну въ политическихъ взглядахъ князей Мосальскихъ, послуживъ сигналомъ къ распаденію послѣднихъ на вѣтви, которыя заняли совершенно противуположное другъ другу положеніе. Старшая вѣтвь и съ нею потомки одного изъ членовъ второй вѣтви (князя Ѳедора Михайловича) остаются въ Литвѣ, остальные же выселяются

(24) См. прил. 18.

(25) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос., т. VII, прим. 91.

(26) По указаніямъ г. Собѣщанскаго (См. Encyklopedia powszechna—Оргельбранда, т. 18, ст. «Massalski»), потомки князя Семена Юрьевича остались въ множествѣ Мосальскомъ, по взятіи послѣдняго Іоанномъ III въ 1500 году.

въ Русь московскую, положивъ такимъ образомъ основаніе капитальному разъединенію своей фамиліи, сохранившемуся въ извѣстной степени даже до настоящаго времени. Для уясненія этого разъединенія князей Мосальскихъ, бросимъ взглядъ на родственное положеніе тогдашнихъ представителей ихъ рода, что можно легко выразить помощію сокращенной таблицы:

Князь Юрій Святославовичъ Мосальскій.	Владиміръ	Тимоѳей	Александръ	Богушъ	Въ Литвѣ.
			Петръ	Мосальскіе-Друйскіе.	
			Юрій	. . . .	
			Иванъ	. . . .	
	Василій	Михаилъ	Василій	Василій-Кольцо .	Въ Россіи.
			Семенъ	Иванъ-Литвинъ .	
			Ѳедоръ		Въ Литвѣ.
	Семенъ	Иванъ	Димитрій	Иванъ-Клубокъ .	Въ Россіи.
			Семенъ	Иванъ-Горбатый.	

Отсюда видны родоначальники тѣхъ главнѣйшихъ вѣтвей, на которыя распался родъ князей Мосальскихъ въ XVI вѣкѣ. Линіи оставшіяся въ Литвѣ раздѣлились на Мосальскихъ и Мосальскихъ-Друйскихъ ([27]), а отъ выселившихся въ Россію

([27]) Кромѣ того уже въ XVI вѣкѣ извѣстна еще вѣтвь Мосальскихъ — Кошура, представители которой существуютъ и въ настоящее время. Она имѣла свою осѣдлость въ нынѣшней Могилевской губерніи и родословіе ея восходитъ документально до Кричевскаго боярина Аверкія Мосальскаго — Кошуры, сыновьямъ котораго Игнатію, Якову и Родіону были пожалованы королемъ Сигизмундомъ—Августомъ въ 1546 году двѣ земли въ Кричевскомъ староствѣ. Вѣтвь эта, также утвержденная герольдіей въ дворянскомъ достоинствѣ, со внесеніемъ въ VI ч. Родословной книги, къ сожалѣнію однако не выслѣживается генеалогически до самаго начала рода Мосальскихъ и потому въ настоящемъ случаѣ остается въ сторонѣ.

пошли Мосальскіе-Кольцовы, Мосальскіе-Литвиновы, Мосальскіе-Клубковы, Мосальскіе-Горбатые и др.

Обстоятельствами повлекшими за собою описанное расчлененіе было, какъ уже замѣчено выше, потрясеніе литовскаго могущества въ сраженіи на рѣкѣ Ведрошѣ, въ 1500 году. При открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ, вся литовская Русь была быстро занята московскими войсками и наконецъ 14 Іюля, близь Дорогобужа, произошла кровавая рѣшительная битва, окончившаяся разгромомъ литовцевъ, которыхъ до 8000 легло на полѣ сраженія. Въ этой сѣчѣ, въ рядахъ литовцевъ, бились и князья Мосальскіе, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ княземъ Острожскимъ, были захвачены въ плѣнъ ([28]); кто именно изъ нихъ попалъ въ московскую неволю, исторія молчитъ, и только изъ нѣсколько позднѣйшихъ литовскихъ актовъ мы узнаемъ, что вѣроятно въ числѣ плѣнниковъ былъ князь Ѳедоръ Михайловичъ ([29]), такъ какъ въ 1509 году ему королемъ Сигизмундомъ жалуется имѣніе «въ городенскомъ повѣтѣ въ Алексичъ селѣ», за то что онъ — съ паномъ Остиковичемъ и другими «въ рукахъ непріятельскихъ девять лѣтъ на Москвѣ сидѣлъ» ([30]). Война,

---

([28]) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос., т. VII, 300.

([29]) Въ актахъ Метрики литовской встрѣчаемъ еще извѣстіе, хотя и не совсѣмъ ясное, что быть можетъ въ числѣ плѣнниковъ былъ и князь Василій Ѳедоровичъ, двоюродный братъ упомянутаго Ѳедора; именно—въ Книгѣ записей № 8, въ статьѣ озаглавленной: «Лѣта 1506 индикъ 10, тутъ початы писатись отправы княземъ, паномъ...» и пр. (л. 412), подъ рубрикой — «А то тыи смольняне што на Москвн седѣли», читаемъ подъ 13-мъ индиктомъ: «Князю Василью Мосальскому 12 копъ скарбу» (л. 452).

([30]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 9, л. 92); также прил. 16.

какъ извѣстно, Ведрошской битвой не окончилась; въ слѣдующемъ году послѣдовало новое пораженіе литовцевъ подъ Мстиславлемъ, затѣмъ въ 1502 г. походъ русскихъ подъ Смоленскъ и жестокое опустошеніе литовскихъ областей, закончившееся наконецъ шести-лѣтнимъ перемиріемъ въ 1503 году.

Въ общихъ своихъ результатахъ эта война имѣла огромное вліяніе на судьбы рода князей Мосальскихъ. Съ одной стороны разгромъ литовцевъ долженъ былъ показать прочность порядковъ, утвердившихся въ сѣверо-восточной Руси и силу единодержавнаго скипетра Іоанна III, а слѣдовательно разрушить тѣмъ самымъ всѣ мечты, связанныя съ надеждами на ослабленіе Руси московской, съ другой—князья Мосальскіе лишились почти всѣхъ своихъ вотчинъ. Съ этого времени и городъ Мосальскъ самою Литвою уже признается принадлежащимъ скипетру великаго князя московскаго: въ перемирной грамотѣ отъ Благовѣщенія 7011 (1503) года до Благовѣщенія 7017 (1509) г, со стороны Литвы говорилось: «А мнѣ Александру въ тыи перемирные лѣта вашыхъ земль московское земли невоевати, таке-жъ и тыхъ вашихъ городовъ и волостей и земль, которыи за вашыми слугами за князем Стародубскимъ, Шемячичомъ, Бѣльскимъ и за Трубецкими князми и за Мосальскими и за иными вашими слугами и князми, за кими ни буди, города Чернигова съ волостьми,...... города Мценска съ волостьми, города Серпейска съ волостьми, города Мосальска съ волостьми......, не воевати и не зацѣпляти» ([31]).

([31]) Акты Метрики литовской (Книги Записей № 5, л. 259).

То-же самое было подтверждено и въ мирномъ договорѣ, заключившемъ военныя дѣйствія 1508 года. Со стороны Василія Іоанновича говорилось: «А князи Трубецкіе и Новосильскіе и Одоевскіе и Воротынскіе и Перемышльскіе и Бѣлевскіе и Мосальскіе князи, всѣ мои Василья и моихъ дѣтей, и съ своими отчинами къ нашему великому княжеству, а тебѣ Жигимонту королю въ нихъ и въ ихъ вотчины, и что къ ихъ отчинамъ потягло, не вступатися ничѣмъ и не обидѣти и не прінимати ихъ съ ихъ отчинами» (32).

Такимъ образомъ вопросъ о послѣднихъ рѣшался уже безповоротно въ пользу присоединенія ихъ къ державѣ московскаго государя, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія властителей Руси сѣверо-восточной, такъ какъ есть поводъ думать, что корона литовско-польская не совсѣмъ отказалась отъ надежды на ихъ обратное возвращеніе. На это можетъ намекать напримѣръ вставка въ грамотѣ короля Александра на имѣніе Друю, данную, какъ мы видѣли выше, вдовѣ князя Тимоѳея Владиміровича Мосальскаго, именно что Друя дается «до возвращенія отчизны».

Какъ бы то ни было однако, но послѣ потери Мосальскими своихъ родовыхъ вотчинъ, многіе изъ членовъ этой фамиліи просили и получили отъ короля Польши новыя помѣстья, которыя имъ были отведены большею частью въ смоленской землѣ. Такъ князь Борисъ Михайловичъ получилъ отъ короля Александра, въ Смоленскомъ повѣтѣ, дворецъ (усадьбу) Дуровичи съ землями и бобровыми гонами —

(32) Акты Западной Россіи, т. II, № 43.

«напротивку отчины его, которая отошла въ сторону великаго князя московскаго» ([33]); князю Семену Михайловичу, по тому-же поводу, король Александръ далъ четыре службы людей съ землями и бобровымъ берегомъ, въ Дубровенскомъ пути Смоленскаго повѣта ([34]); тѣмъ-же мотивировано пожалованіе королемъ Александромъ князю Ивану Ѳедоровичу имѣнія Бедричи, съ бобровымъ берегомъ, въ упомянутой-же мѣстности ([35]). Въ 1500 году князю Василію Михайловичу было дано въ Пацынской волости Смоленскаго повѣта имѣнье Колыхалово, Желтоносовичъ и Жуково; ему же, въ вознагражденіе за утрату отошедшихъ къ Москвѣ вотчинъ, король Александръ далъ въ Дубровенскомъ пути восемь служебъ людей съ землями и бобровымъ берегомъ, а въ 1506 году тридцать служебъ съ землями, въ Василишскомъ повѣтѣ ([36]). Еще позже, въ 1509 году, билъ челомъ Сигизмунду, уже упоминавшійся выше князь Ѳедоръ Михайловичъ Мосальскій, что былъ въ плѣну у непріятеля и — «што кольвекъ мелъ отчизны своее, то все отошло въ сторону великого князя московского», почему «не маетъ ся на чомъ поживати», вслѣдствіи чего ему и было дано село Алексеичичи (позднѣе — Олекшицы), въ Жерославской волости Гродненскаго повѣта([37]).

Пожалованія эти, въ связи съ предшествовавшими, намѣтили уже, такъ сказать, главные пункты осѣдлости князей

([33]) Акты Метр. лит. (Книги Записей № 8, л. 252).

([34]) Тамъ-же (Кн. Зап. № 8, л. 246).

([35]) Тамъ-же (Кн. Зап. № 8, л. 253).

([36]) Тамъ-же (Кн. Зап. № 5, л. 99; № 8, л. 244; № 10, л. 58).

([37]) Тамъ-же (Кн. Зап. № 25, л. 57).

Мосальскихъ въ западной Руси: Смоленскъ, Гродно и Полоцкъ, но историческія событія въ началѣ XVI вѣка, передавшія Смоленскъ во власть московскаго государя, ограничили эту осѣдлость только двумя послѣдними пунктами. Въ 1506 году, какъ извѣстно, на престолъ литовско-польскій вступилъ Сигизмундъ I, предупредившій своимъ коронованіемъ планы Василія Іоанновича о соединеніи Польши, Литвы и Россіи подъ однимъ своимъ скипетромъ, и между обоими государями незамедлили возникнуть вооруженныя столкновенія, театромъ которыхъ явилась смоленская область, подвергавшаяся непрерывнымъ опустошеніямъ. Къ незабытому еще ведрошскому разгрому, прибавился еще новый фактъ капитальной важности, — паденіе Смоленска, взятаго Василіемъ Іоанновичемъ въ 1514 году, послѣ неудачной осады предшествовавшаго года, въ которой принимали участіе и двое изъ находившихся уже въ Россіи Мосальскихъ — князья Димитрій и Семенъ Ивановичи, бывшіе въ числѣ воеводъ Большого полка.

Смоленскъ остался за Россіей и по перемирію 1522 года, заключившему эту десятилѣтнюю войну; паденіе его должно было новымъ тяжелымъ ударомъ отозваться на положеніи тѣхъ изъ князей Мосальскихъ, земли которыхъ находились въ этомъ краѣ, такъ какъ имъ пришлось искать себѣ новаго убѣжища, свидѣтельства о чемъ находимъ у польскихъ историковъ ([38]), передающихъ, что въ числѣ смоленскихъ

([38]) Бѣльскій: Kronika, изд. Туровскимъ; Нарбутъ: Dzieje narodu litewskiego, т. IX; также Бандтке: Исторія государства польскаго, т. II.

гражданъ предпочевшихъ потерю всего состоянія присягѣ великому князю московскому, были князья Мосальскіе Озерецкіе и другіе, которыхъ польскій король наградилъ помѣстьями въ Литвѣ, около Уцянъ. Кто именно изъ Мосальскихъ совершилъ упомянутое выселеніе, никакихъ указаній до насъ не дошло, но по всей вѣроятности это были нѣкоторые изъ дѣтей князя Михаила Васильевича, владѣвшіе, какъ сказано выше, пожалованными имъ до того въ Смоленскомъ уѣздѣ имѣньями.

Завоеваніе Смоленска неизбѣжно должно было усилить и ту реакцію въ политическихъ отношеніяхъ рода князей Мосальскихъ, или покрайней мѣрѣ младшихъ линій послѣдняго, которая уже выразилась въ переходѣ двухъ членовъ его, послѣ Ведрошской битвы, въ подданство великаго князя московскаго. Это усиленіе ясно выражается тѣмъ, что въ первой половинѣ XVI столѣтія, изъ потомковъ второй линіи князей Мосальскихъ (т. е. пошедшихъ отъ князя Василія Юрьевича), въ Литвѣ встрѣчаемъ только дѣтей князя Θедора Михайловича, владѣвшаго Олекшицами, сыновья-же князей Василія и Семена Михайловичей, упоминаются напротивъ только въ русскихъ родословныхъ спискахъ; изъ этого слѣдуетъ, что въ упомянутомъ колѣнѣ родъ князей Мосальскихъ раздѣлился уже на линіи литовскую и русскую.

О выходѣ одного изъ членовъ этого колѣна, именно князя Василія Васильевича, изъ Литвы въ Москву, встрѣчаемъ фактическое указаніе и въ современныхъ литовскихъ документахъ:—король Сигизмундъ отдаетъ, бѣжавшимъ изъ Россіи

въ Польшу дѣтямъ боярскимъ, имѣнье и людей — «тыхъ которые держалъ *зрадца* нашъ князь Василій Мосальскій и до Москвы втекъ» ([39]), на выселеніе-же изъ Литвы нѣкоторыхъ изъ остальныхъ, могутъ кромѣ того указывать и полученныя ими въ Россіи прозвища; такъ князь Иванъ Семеновичъ (внукъ Михаила Васильевича) получилъ съ братомъ прозваніе Литвинъ-Мосальскій, могущее прямо указывать на его происхожденіе и данное по всей вѣроятности въ отличіе отъ другихъ членовъ того-же дома, находившихся уже въ Россіи, точно такъ какъ вышеупомянутый «зрадца» (съ польской точки зрѣнія),—князь Василій Васильевичъ, названъ былъ Кольцо-Мосальскій ([40]).

([39]) Акты Метр. лит. (Книги судныхъ дѣлъ № 8, л. 207).

([40]) Здѣсь необходимо впрочемъ сдѣлать довольно важное замѣчаніе: Въ сохранившихся до нашего времени родословныхъ Мосальскихъ-Кольцовыхъ, неисключая и Бархатной книги, родоначальникомъ этой вѣтви показывается упомянутый князь Василій Васильевичъ, сынъ Василія Михайловича, и только одной родословной XVI вѣка, напечатанной во Временникѣ общ. ист. и древн. (т. X, стр. 200), первымъ изъ Мосальскихъ-Кольцовыхъ означенъ князь Василій Семеновичъ, а не Васильевичъ. Это одиночное свидѣтельство получаетъ свое значеніе, такъ какъ находитъ себѣ косвенную поддержку въ другихъ источникахъ. Такъ въ грамотѣ 1550 года, о роздачѣ земель боярскимъ дѣтямъ, упоминается Василій Семеновичъ Кольцо-Мосальскій (Временникъ, т. 20); въ свадьбѣ казанскаго царя Симеона 1554 г., въ числѣ поѣзжанъ встрѣчается опять князь Василій княжъ Семеновъ сынъ Кольцо-Мосальскій (Древняя рос. вивліоѳика 1790 года, т. XIII, 59). Такимъ образомъ или необходимо допустить, что двое изъ князей Мосальскихъ въ первой-же половинѣ XVI вѣка получили прозвище «Кольцо», что представляется весьма мало вѣроятнымъ, или что въ родословныхъ скрывается ошибка. Не считая себя вправѣ измѣнять генеалогическую табель вѣтви князей Кольцовыхъ-Мосальскихъ, какъ оффиціально признанную за правильную, считаетъ тѣмъ не менѣе необходимымъ указать на приведенное противорѣчіе.

Этими фактами раздѣленія, можетъ оканчиваться первый періодъ исторіи описываемой фамиліи. Бросимъ еще взглядъ на общественное положеніе послѣдней, до начала XVI вѣка включительно.

Историческихъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи почти не сохранилось, такъ какъ кромѣ факта вышеупоминавшагося посольства князя Тимоѳея Владиміровича въ Москву, другихъ извѣстій о какой либо государственной роли, которую бы занимали лица изъ рода Мосальскихъ, не встрѣчается. Извѣстія дошедшія до насъ въ литовскихъ актахъ, заключаютъ въ себѣ только немногія данныя, о нѣкоторыхъ пожалованіяхъ князьямъ Мосальскимъ деньгами, сукнами и пр., отъ великихъ князей литовскихъ. Такъ напримѣръ имѣются краткія указанія, что въ 1490 году королемъ Казимиромъ было пожаловано: «Князю Ивану Семеновичу Мосальскому поставъ сукна новогоньского изъ мыта смоленского, а брату его князю Андрею жеребя. Князю Ѳедору Мосальскому шесть копъ грошей изъ казны, а десять копъ изъ мыта смоленского» (41). Въ 1509 году, въ числѣ пожалованій отъ короля Сигизмунда, значится: «Князю Богушу Мосальскому двадцать копъ звинъ завельскихъ», ему-же въ 1510-мъ—«двѣнадцать копъ скарбу мытныхъ» (42). Въ 1509 же году записано, что дано—«Князю Ѳедору Мосальскому двадцать бочокъ жита вмелнику», а въ 1510-мъ — «князю Василью Мосальскому десять копъ змыта менского» (43).

(41) Акты Метр. лит. (Книга Записей № 4, л. 84, 85).
(42) Тамъ-же (Кн. зап. № 8, л. 431 и 463).
(43) Тамъ-же (Кн. зап. № 8, л. 449 и 455).

3

Подобныя-же отрывочныя, неясныя извѣстія имѣются и о службахъ нѣкоторыхъ изъ членовъ той-же фамиліи. Такъ въ документѣ, заключающемъ въ себѣ перепись князей и бояръ смоленскихъ при королѣ Казимирѣ, подъ рубрикою «Мащынскіе бояре», читаемъ: «Князь Михайло Васильевичъ Мосальскій, а у него пять сыновъ, ино съ нимъ два сыны а тры сыны его на службахъ, а братъ его князь Ѳедоръ а сынов него чотыры, ино два съ нимъ а два на службахъ; князь Андрей Семеновичъ а братъ его князь Иванъ, а у него три сыны (44). Подъ 1509 г., въ статьѣ означенной «Отправа давана во Львовѣ княземъ и паномъ и дворяномъ тымъ которыи служили государу на ласку государскую у волосехъ», означено между прочимъ: «А то тыи што сотескимъ ездили кволохомъ . . . князю Петру Масалскому двѣнадцать копъ» (45); также между 1506—1513 г., въ статьѣ носящей званіе «Пописъ дворянъ всихъ короля его милости у великомъ князстве», читаемъ: «Князь Богушъ Масалскій на пяти конехъ, а имене выслугу маеть впорозове» (46).

Свѣдѣнія эти, по крайнему своему лаконизму, мало проливаютъ свѣта на настоящій вопросъ, тѣмъ болѣе что послѣдній весь и исчерпывается приведенными извѣстіями, и если на основаніи ихъ возможно сдѣлать какое либо заключеніе, то повидимому фамилія князей Мосальскихъ въ описанное время не выдавалась, по своему положенію, изъ общаго

---

(44) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 4, л. 163)

(45) Тамъ-же (Кн. зап. № 8, л. 446).

(46) Тамъ-же (Кн. зап. № 8, л. 119).

уровня другихъ княжескихъ, находившихся въ Литвѣ, родовъ, какъ напр. Соломирецкихъ, Жилинскихъ, Воротынскихъ и пр., о которыхъ встрѣчаются подобныя-же указанія.

Въ связи съ изложеннымъ въ настоящей главѣ, умѣстно будетъ коснуться здѣсь-же и вопроса о гербахъ употребляемыхъ фамиліей князей Мосальскихъ, или вѣрнѣе сказать двумя ея линіями, существующими по настоящее время, именно—потомками старшей, остававшейся, какъ мы видѣли выше, въ Литвѣ, и другой—которая выселилась въ Россію еще въ XVI столѣтіи и приняла прозвище Мосальскихъ—Кольцовыхъ.

Извѣстно что употребленіе гербовъ проникло въ Россію сравнительно довольно поздно, именно лишь въ XVII вѣкѣ, а настоящимъ образомъ прививается даже только съ XVIII ([47]), тогда какъ напр. въ Польшѣ они вводятся уже въ XIV и XV столѣтіяхъ. Тѣмъ не менѣе гербы старыхъ русскихъ княжескихъ родовъ, потомковъ удѣльныхъ князей, могутъ

([47]) До Петра Великого употребленіе геральдическихъ эмблемъ не вошло еще въ обычаи высшаго русскаго сословія, на что можетъ указывать напр. свидѣтельство Котошихина, что у русскихъ старыхъ родовъ князей—гербовъ и печатей нѣтъ, но въ теченіи XVIII вѣка къ геральдикѣ пристрастилось и русское дворянство, что вызвало въ свою очередь необходимость регулированія геральдическихъ эмблемъ путемъ законодательства. Табелью о рангахъ 1722 г., повелѣвалось, между прочимъ, герольдмейстеру давать дипломы на дворянство и гербы. Окончательное право на послѣдніе опредѣлено было указомъ сенату 1797 г., о составленіи общаго гербовника дворянскихъ родовъ (Романовичъ-Славатинскій: Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка).

3*

имѣть перевѣшивающее значеніе, въ силу того, что они образовались на основаніяхъ совершенно отличныхъ отъ гербовъ западно-европейскаго рыцарства. Это перевѣшивающее значеніе можетъ вытекать прямо изъ того, что гербовыя изображенія упомянутыхъ родовъ, суть ничто иное, какъ тѣ-же эмблемы, которыя существовали на печатяхъ удѣловъ князей Рюриковичей, такъ что первоначальные гербы старыхъ русскихъ княжескихъ фамилій, состояли почти исключительно изъ одной только ихъ родовой эмблемы ([48]).

Такимъ образомъ, въ силу того-же, потомки князей Рюриковичей въ линіи Святослава Ярославича черниговскаго, имѣютъ преобладающею эмблемою изображеніе герба этого города, или иначе говоря—черниговской печати.

Эмблема черниговскаго герба состоитъ изъ щита съ серебрянымъ полемъ ([49]), на которомъ помѣщенъ черный одно-

([48]) Лакіеръ: Русская геральдика.

([49]) По Лакьеру (Русская геральдика)—поле щита золотое; подобное противурѣчіе не можетъ впрочемъ имѣть существеннаго значенія, такъ какъ прототипомъ самой эмблемы было изображеніе на городскихъ печатяхъ, на которыхъ вопросъ о цвѣтѣ поля конечно не имѣлъ мѣста.

Точно также гербамъ удѣльныхъ княжескихъ родовъ должны быть чужды и разные геральдическіе атрибуты, какъ напр. шлемъ, наметъ и девизъ, въ смыслѣ символовъ того или другаго историческаго событія, или подвига лица, отъ котораго ведутъ свое начало обыкновенные дворянскіе гербы. Княжеская закрытая шапка, увѣнчанная шаромъ съ крестомъ и отороченная горностаемъ, а также бархатная княжеская мантія, съ бахромою и шнурами, подбитая горностаемъ-же, суть только символы благороднаго происхожденія этихъ родовъ. Равнымъ образомъ имѣющіеся, въ нѣкоторыхъ изъ гербовъ подобныхъ фамилій, шлемы, увѣнчанные княжескими шапками, вмѣстѣ съ нашлемниками и щитодержателями, суть только свидѣтельства о томъ, что таковой княжескій родъ слился съ какою либо дворянскою фамиліей и что гербы ихъ также нераздѣльны (Лакьеръ).

главый орелъ съ распростертыми крыльями и золотою на головѣ короною, держащій въ лѣвой лапѣ длинный, золотой, наискось помѣщенный крестъ; клювъ и лапы орла также золотые. Это символическое изображеніе черниговскаго герба имѣетъ весьма древнее происхожденіе, такъ какъ есть основаніе думать, что оно было пріурочено городу Чернигову еще до татарскаго нашествія. Доказательствомъ можетъ служить напримѣръ фактъ, что подобная эмблема, высѣченная на камнѣ, была вставлена въ стѣнѣ черниговскаго, бывшаго католическаго доминиканскаго монастыря, обращеннаго потомъ въ греко-россійскій Борисоглѣбскій; между тѣмъ уже съ завоеванія Чернигова Гедиминомъ въ 1320 году, городъ этотъ не бывалъ болѣе княжеской резиденціей, а составлялъ помѣстное владѣніе князей Гедиминовичей, впрочемъ въ немъ неживших. Позже, во время подвластности Польшѣ, Черниговъ былъ городомъ воеводскимъ, а между тѣмъ гербъ его и въ это время былъ въ числѣ прочихъ русскихъ гербовъ, изсѣченныхъ изъ камня въ древнихъ царскихъ чертогахъ московскаго кремлевскаго дворца ([50]).

Такимъ образомъ эмблема черниговской печати, являющаяся одною изъ древнѣйшихъ, представляетъ ближайшій гербъ для потомковъ черниговскихъ-же князей, въ числѣ которыхъ состоитъ и родъ князей Мосальскихъ.

Одна линія этой фамиліи дѣйствительно и имѣетъ подобную гербовую эмблему, именно Мосальскіе-Кольцовы, но къ черниговскому черному одноглавому орлу, у нихъ прибавленъ

([50]) «О достопамятностяхъ Чернигова» (Чтенія въ общ. ист. и древн., 1847 г.).

еще красный щитокъ съ буквою *М*, крестомъ и тремя горизонтально помѣщенными полосками, въ отличіе отъ другихъ княжескихъ гербовъ той-же черниговской линіи, какъ напр. князей Одоевскихъ ([51]).

Упомянутый выше щитъ съ буквою *М*, взятый отдѣльно, составляетъ гербъ другой, старшей вѣтви рода Мосальскихъ, остававшейся въ Литвѣ, но происхожденіе этого герба должно уступать черниговскому, какъ по древности, такъ и по глубинѣ своего родоваго значенія.

Мы уже указывали, что употребленіе послѣднихъ въ Польшѣ является въ XIV и XV столѣтіяхъ; на Городельскомъ сеймѣ Владиславъ-Ягелло, въ видахъ соединенія Литвы съ Польшей, далъ литовскому дворянству права одинаковыя съ коронной шляхтой и тогда-же многимъ литовскимъ родамъ были присвоены польскіе шляхетскіе гербы. Неизвѣстно, въ это-ли именно время, или еще позже, князья Мосальскіе въ Литвѣ присвоили себѣ употребленіе упомянутой геральдической эмблемы, но на распространеніе послѣднихъ въ областяхъ долго находившихся подъ владычествомъ Польши, вліяніе польское должно было проявиться ощутительнымъ образомъ, почему можно думать, что и происхожденіе упоминаемаго герба представляетъ одно изъ подобныхъ заимствованій. Въ таковомъ-же смыслѣ говорятъ о немъ и польскіе геральдики, по крайней мѣрѣ не придавая ему характера происхожденія русскаго ([52]). Описаніе этого герба у польскихъ авто-

([51]) Общій гербовникъ, т. I, 4; т. II, 2; т. V, 1.

([52]) Такъ Кояловичъ (Herbarz litewski—рукоп. Импер. п. бл. библ.) говоритъ напр., что Мосальскіе перейдя въ великое княжество литовское, приняли за

ровъ, не вполнѣ одинаково; по мнѣнію однихъ, напримѣръ Папроцкаго ([53]) и Кояловича ([54]), буква *М* и надъ ней крестъ должны быть золотыя на красномъ полѣ, по мнѣнію-же другихъ, какъ Окольскаго и Несѣцкаго ([55])— бѣлая буква *М* съ золотымъ крестомъ должна быть на голубомъ полѣ. Папроцкій, Несѣцкій и Кояловичъ помѣщаютъ на гербѣ шлемъ, по однимъ - съ пятью, по другимъ—съ тремя страусовыми перьями. Тѣже описанія повторяются и у другихъ польскихъ геральдиковъ, какъ Малаховскаго ([56]), Куропатницкаго ([57]), Потоцкаго ([58]) и пр.

гербъ букву *М*, къ которой, обратившись въ католичество, присоединили крестъ (стр. 240).

([53]) Gniazdo cnoty zkąd herby rycerstwa slawnego krolestwa polskiego ..., и т. д.

([54]) «Herbarz litewski». Кояловичъ присвоиваетъ этому гербу названіе «Могила»; вотъ его слова: «Могила измѣненная Мосальскихъ, могила вторая или Мосальскихъ, какъ называютъ Окольскій и другіе составители гербовниковъ» (стр. 240). Впрочемъ авторъ самъ отказывается дать объясненіе упомянутому названію (см. также въ рукописяхъ Импер. публ. библіотеки болѣе поздній списокъ Кояловича, сдѣланный въ 1739 году изуитомъ Шенциллою: «O klejnotach abo herbach, ktorych familii stanu rycerskiego w prowincyach W. X. Litewskiego zażywają».

([55]) Okolski: «Orbis polonis» 1641 г.; Niesiecki: «Herbarz polski», изд. Бобровичемъ.

([56]) «Zbior naswisk szlachty z opisem herbow.., и т. д, 1790 г.

([57]) «Wiadomość o kleynocie szlacheckim oraz herbach domów szlacheckich..., и т. д., 1789 г.

([58]) «Poczet herbow szlachty korony polskiej ..., и т. д. 1696 г.

Кромѣ поименованныхъ писателей, можно еще болѣе разнообразныя свѣдѣнія встрѣтить и у разныхъ авторовъ, не преслѣдовавшихъ геральдическихъ задачъ спеціально, а касавшихся ихъ лишь случайно. Такъ напримѣръ авторъ проповѣди, говоренной въ 1641 году, при погребеніи одного изъ князей Мосальскихъ, бывшаго минскимъ воеводой, поясняетъ, что крестъ въ гербѣ этой фамиліи долженъ стоять на стрѣлѣ, а ниже послѣдней еще помѣ-

Относительно смысла геральдической эмблемы описаннаго герба, Окольскій поясняетъ, что — «родъ князей Мосальскихъ, возникшій внутри московскаго царства, знаменитъ воинскими дѣлами; по этой причинѣ, подобно тому какъ префекты Мисіи приняли за свой военный знакъ (militaria signa) букву *М*, такъ и Мосальскимъ эта буква ихъ фамильнаго прозвища, послужила знакомъ польскаго шляхетства. Когда-же они приняли святое крещеніе (sic), то къ буквѣ *М* былъ присоединенъ еще крестъ» ([59]).

Этотъ же гербъ употребляютъ и другія фамиліи, какъ-то: Бака, Хмѣльницкіе, Путята и Высоцкіе ([60]), почему вообще происхожденіе его видимо является заимствованномъ изъ Польши.

щепа луна. Въ «Encyklopedia powszechna» Оргельбранда, гербъ Мосальскихъ описанъ такъ: На щитѣ, въ красномъ или голубомъ полѣ, большая золотая буква *М*, въ серединѣ ся воткнутъ мечъ, подъ рукоятью котораго луна; на шлемѣ пять страусовыхъ перьевъ.

([59]) Orbis polonis, т. II, 218—221.

Здѣсь подъ «крещеніемъ» конечно слѣдуетъ понимать переходъ въ католичество, ибо трудно допустить чтобы Окольскій подразумѣвалъ крещеніе Литвы при Ягеллѣ. Но отпаденіе отъ православія Мосальскихъ въ Литвѣ, есть фактъ позднѣйшій, а между тѣмъ на древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ намъ оттисковъ гербовой печати князей Мосальскихъ въ Литвѣ, именно XVI стол. (на актѣ Люблинской уніи), гербъ состоитъ уже изъ буквы *М* съ крестомъ.

Замѣтимъ при этомъ, что на томъ-же оттискѣ нѣтъ трехъ горизонтальныхъ полосокъ, которыя помѣщены въ нынѣшнемъ гербѣ Мосальскихъ. Полосокъ этихъ нѣтъ и на другомъ экземплярѣ подобнаго-же герба XVI в., существующемъ на одномъ древнемъ артиллерійскомъ орудіи 1560 г. въ С.-Петербургскомъ артиллерійскомъ музеѣ.

([60]) Herbarz polski—Niesieckiego, изд. Бобровичемъ, т. VI. Отличіями въ этомъ случаѣ указывается авторомъ, что въ гербѣ Путята вмѣсто креста—луна, обращенная обоими рогами вверхъ, а у Высоцкихъ крестъ замѣненъ помѣщенною перпендикулярно стрѣлою.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, въ которой изъ геральдическихъ эмблемъ, употребляемыхъ въ родѣ князей Мосальскихъ, заключается болѣе историческаго національнаго значенія и которая изъ нихъ, по смыслу своей родовой символики, можетъ проникаться глубже идеей происхожденія, олицетворяемой гербомъ. Конечно потомкамъ удѣльныхъ князей черниговскаго рода, должна быть вполнѣ присущею древняя гербовая эмблема черниговской-же земли, а не та, которая ими принята позднѣе, въ періодъ отпаденія отъ своего настоящаго отечества; съ этой точки зрѣнія, гербомъ всѣхъ князей Мосальскихъ долженъ бы былъ служить черниговскій одноглавый орелъ, какъ эмблема коренная русская.

Наконецъ, что касается герба одного изъ Мосальскихъ, помѣщеннаго въ Общемъ гербовникѣ дворянскихъ родовъ и изображающаго остовъ корабля съ тремя надъ нимъ орлиными лапами, то таковой не имѣетъ историческаго происхожденія и пожалованъ Екатериной II въ 1792 г. одному изъ членовъ старшей линіи, именно Даніилу Афанасьевичу Мосальскому, вмѣстѣ съ грамотой на дворянское достоинство, за долговременную службу его и личныя заслуги по кораблестроенію, такъ какъ въ то время упоминаемая линія не была еще утверждена въ Россіи не только въ княжескомъ, но и въ дворянскомъ происхожденіи. Позже, какъ уже сказано, всей старшей линіи былъ присвоенъ гербъ, изображающій букву *М* съ крестомъ.

ГЛАВА II.

Въ главѣ предшествовавшей мы ознакомились съ тѣми общими свѣдѣніями, которыя сохранились о самомъ происхожденіи рода князей Мосальскихъ и распаденіи его въ началѣ XVI столѣтія на двѣ главныя группы: одну оставшуюся въ Литвѣ, въ подданствѣ польской короны, другую—выселившуюся въ Россію и принявшую подданство великого князя московскаго.

Соотвѣтственно таковому раздѣленію и самая исторія описываемой фамиліи распадается далѣе на два отдѣла, такъ какъ судьбы представителей обѣихъ группъ стали слагаться уже изъ совершенно чуждыхъ другъ другу политическихъ элементовъ, при совершенно различныхъ условіяхъ какъ жизни общественной, такъ и семейной, членовъ фамиліи Мосальскихъ, хотя и бывшихъ современниками другъ другу. Поэтому дальнѣйшее изложеніе настоящаго труда, должно представлять двѣ параллельныхъ области: положеніе князей Мосальскихъ въ Литвѣ и въ Россіи.

Какъ въ Россіи, такъ и въ Литвѣ, родъ князей Мосальскихъ уже въ XVI вѣкъ разросся столь широко, что представители его разбились въ свою очередь на нѣсколько

вѣтвей, между которыми, изъ оставшихся въ Литвѣ, не сохранилось почти никакой связи. Разъединеніе это, необходимо еще болѣе развившееся впослѣдствіи и обратившееся даже можно сказать въ полное отчужденіе другъ отъ друга, особенно замѣтно начало развиваться между линіями укоренившимися въ Литвѣ, гдѣ общественная жизнь имѣла свои характерныя основы, складывавшіяся какъ изъ нѣкоторыхъ своеобразностей владѣнія поземельной собственностью, такъ и образа жизни самихъ владѣльцевъ. Въ силу этого, тѣ или другія поземельныя владѣнія, пожалованныя первымъ представителямъ разныхъ линій рода князей Мосальскихъ, или пріобрѣтенныя послѣдними иными путями, образовали извѣстные пункты осѣдлости, около которыхъ группировались члены этихъ линій, причемъ нѣкоторыя группы присоединили къ свой фамиліи и мѣстныя прозвища, въ зависимости отъ тѣхъ-же условій.

Ниже, въ вопросѣ объ ихъ имущественномъ положеніи, мы коснемся этого подробнѣе, здѣсь-же, для уясненія дальнѣйшаго, скажемъ только, что въ Литвѣ, въ XVI вѣкѣ, фамилія князей Мосальскихъ раздѣлилась на слѣдующія группы: 1) потомки старшаго представителя, старшей-же линіи, князя Богуша Александровича, сгруппировались около пожалованнаго послѣднему имѣнія Олтупова въ Волковысскомъ уѣздѣ, 2) потомки остальныхъ представителей той-же линіи—около имѣнія Друи, отданнаго Аннѣ Мосальской, супругѣ князя Тимоѳея Владиміровича и 3) потомки представителя второй линіи сгруппировались около имѣнія Олекшицъ Гродненскаго

уѣзда, пожалованнаго князю Ѳедору Михайловичу. Изъ этихъ группъ вторая приняла къ своей фамиліи прозвище Друйскихъ, точно также какъ мы встрѣтимъ далѣе Мосальскихъ-Рачковъ и Мосальскихъ-Корецкихъ.

Упомянутое разъединеніе, имѣло свои дурныя и хорошія стороны. Въ первомъ случаѣ оно влекло за собою упадокъ фамиліи, или по крайней мѣрѣ большинства ея представителей, какъ слѣдствіе раздробленія родовыхъ имѣній, приближеніе чего сознавалось самими Мосальскими уже во второй половинѣ XVI столѣтія, пытавшимися путемъ взаимнаго договора о неотчужденіи родовыхъ имѣній ограничить подобное раздробленіе и поддержать такимъ образомъ родъ свой. Съ другой стороны, разъединеніе фамиліи князей Мосальскихъ могло спасать многихъ изъ ея членовъ отъ того неуклоннаго обезличенія ихъ національности, къ которому стремилась въ Литвѣ политика Польши. Въ самомъ дѣлѣ, развившаяся численность представителей дома Мосальскихъ, при различіи ихъ общественнаго положенія, создавала не совсѣмъ благопріятныя для того условія, потому что если въ фамиліи Мосальскихъ и являлись элементы воспріимчивые къ идеямъ о всеобщемъ польскомъ шляхетствѣ и впаденію въ латинство, то вмѣстѣ съ тѣмъ эти же элементы не являлись хорошими проводниками, для быстраго и широкаго распространенія тѣхъ же идей во всей средѣ рода Мосальскихъ; отсутствіе солидарности и связи между различными группами послѣдняго, являлось въ этомъ случаѣ препятствіемъ, ограничивавшимъ распространеніе новыхъ взглядовъ, или отступни-

чества нѣкоторыхъ отдѣльныхъ представителей той или другой группы, и слѣдовательно приносило здѣсь свою извѣстную пользу. Поэтому и въ позднѣйшей исторіи князей Мосальскихъ мы встрѣтимся съ фактами, указывающими на совершенно различное положеніе членовъ этой фамиліи, какъ въ отношеніи политическомъ, такъ и въ религіозномъ.

Какъ извѣстно, XVI вѣкъ въ судьбахъ западной Руси является періодомъ, въ которомъ актомъ Люблинскаго сейма было, покрайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, закончено соединеніе Литвы съ Польшей, но со стороны внутренней та-же унія была еще далека отъ завершенія и представляла много элементовъ, не укладывавшихся въ рамку упомянутаго единства. Общественные взгляды въ Литвѣ далеко еще не установились такіе, какіе бы желала видѣть корона Польши, религіозная же рознь представляла еще болѣе затрудненій, и вотъ борьба съ этими элементами представляетъ одну изъ характерныхъ сторонъ исторіи того времени. Вопросъ о подготовкѣ почвы для акта 1569 года, составлялъ такимъ образомъ одну половину, старанія же завершить дѣло политической уніи, устраненіемъ элементовъ въ нее не укладывавшихся,—задачу періода послѣдующаго, выразившуюся въ уніи церковной 1596 года.

Проведеніе полонизма въ Литву являлось однимъ изъ существеннѣйшихъ условій въ первомъ отношеніи, почему задачей польской политики сдѣлалось распространеніе въ Литвѣ взглядовъ и понятій польской шляхты, распространеніе здѣсь послѣдней путемъ ея водворенія и созданія такимъ образомъ

шляхты литовской; старанія роздачи литовскихъ земель католикамъ, соотвѣтственная тому-же направленію редакція литовскаго законодательства, вторженіе польскаго языка, польскихъ гербовъ и фамилій, давленіе религіозное, — все это вмѣстѣ неминуемо должно было подтачивать самобытность Литвы и ея русскаго православнаго населенія, и подготовляло почву для сеймоваго постановленія 1569 года, окончательно связавшаго Литву съ Польшей.

Значеніе всѣхъ этихъ мѣръ конечно не трудно было разгадать, почему онѣ и должны были встрѣчать извѣстное противодѣйствіе со стороны людей, дорожившихъ своею національною самобытностью. Литовское дворянство силилось отстаивать интересы русскаго православнаго населенія, но борьба являлась не равною, и если формальныя посягательства на русскую народность еще могли парализоваться такими ея представителями, какимъ напр. былъ князь Острожскій, то административныя мѣры постепенно брали свое и съ ними можно было бороться лишь общими соединенными силами, что и выражалось въ дѣятельности такъ называвшихся православныхъ церковныхъ братствъ.

Братства эти состоя изъ свѣтскихъ лицъ, имѣли задачею поддержку православной религіи и русской народности въ Литвѣ; съ этою цѣлью ими учреждались училища, типографіи, богадѣльни, госпитали, странопріимные дома; онѣ заботились о воспитаніи дѣтей, поддерживали бѣдныхъ, погребали умершихъ братій, поддерживали вкладами храмы, отправляли богослуженіе и проч., средства къ чему почерпались

въ братскихъ доходахъ. Къ братствамъ принадлежали многія изъ знатнѣйшихъ русскихъ фамилій; такъ до насъ сохранился реестръ членовъ одного изъ древнѣйшихъ братствъ, именно виленскаго, во имя св. Троицы ([1]), въ составѣ котораго, въ числѣ другихъ именитыхъ родовъ, встрѣчаемъ князя Льва Мосальскаго ([2]).

Обстоятельство это, въ связи съ положеніемъ занятымъ въ XVI вѣкѣ фамиліею князей Мосальскихъ въ вопросѣ о религіи, о чемъ мы будемъ еще говорить ниже, можетъ выяснять отчасти политическія воззрѣнія членовъ описываемаго дома, именно что до конца XVI столѣтія они, находясь въ Литвѣ, не отождествляли своего положенія съ политическими видами польской корочы и были, въ числѣ другихъ, активными противниками полонизированія Литвы. Въ этомъ отношеніи имѣется фактъ еще болѣе выдающійся: въ 1569 году состоялся универсалъ короля Сигизмунда-Августа, о присоединеніи земли волынской къ коронѣ Польши, на что отъ мѣстнаго дворянства потребовали присягу, подъ угрозой въ

([1]) «Реестръ уписованія братій братства церковнаго Святой Живоначальной Троицы, олтаря Стрѣтенія Господня, въ мѣстѣ Виленскомъ, року отъ воплощенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, 1584». (Чтенія въ общ. ист. и древн. 1859 г. т. 3).

Виленское братство основалось около 1458 г. и подраздѣлялось на панское, купецкое, кожемяцкое, кушнерское и росское; оно состояло при церкви св. Троицы, когда-же по введеніи уніи храмъ этотъ былъ обращенъ въ уніатскій, то братство построило новый православный Святодуховскій монастырь, устоявшій противъ всѣхъ происковъ іезуитовъ; названіе братства осталось прежнее.

([2]) См. № 69 родословной.

противномъ случаѣ конфискаціи имѣній (³); часть дворянъ присягнула, другая, — съ Константиномъ Острожскимъ воеводой кіевскимъ во главѣ, насчитывавшая въ средѣ своей 45 лицъ, между которыми были князья Чарторижскіе, Корецкіе, Сангушки, Четвертинскіе и прочіе, отказалась отъ присяги, потребованной отъ нихъ въ Луцкѣ королевскимъ комисаромъ; въ числѣ ихъ встрѣчаемъ и одного изъ Мосальскихъ, именно князя Богдана, по всей вѣроятности сына Ивана Васильевича (женатаго на княжнѣ Корецкой), но неизвѣстной линіи (⁴).

(³) Вѣстникъ Юго-Зап. и Зап. Россіи, 1862 г. Августъ, стр. 61. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. 2, т. 1, № 1.

(⁴) Извѣстную характеристику отношеній къ польской коронѣ, можетъ давать любопытное донесеніе Фальчевскаго—епископа Луцкаго, посланнаго королемъ въ 1545 г. для описи замковъ, между прочимъ и на Волыни. Фальчевскому вмѣстѣ съ тѣмъ предстояло пересмотрѣть и владѣльческіе документы мѣстнаго дворянства. Прибывъ въ Луцкъ, онъ наконецъ успѣлъ собрать часть дворянъ, въ числѣ которыхъ называетъ князя Ивана Мосальскаго, другіе-же вовсе не сочли нужнымъ явиться на его приглашеніе; затѣмъ Фальчевскій предъявилъ собранію королевскія грамоты и требовалъ отвѣта. Собравшееся дворянство сдѣлало ему письменное сообщеніе, начинавшееся такъ: «Милый князь епископъ. Его милость господарь. . . . . . приказалъ намъ своимъ слугамъ положить передъ вашею милостью свои привиллегіи и грамоты на имѣнія. . . . ., но мы теперь здѣсь не всѣ и не всѣ готовы; такъ было и за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, но это не могло состояться». Далѣе сообщали, что когда король будетъ со всѣми панами своими въ Литвѣ на общемъ сеймѣ и потребуетъ упомянутыхъ привиллегій, то они готовы исполнить требованіе, но однако если тоже сдѣлаютъ земля кіевская, полоцкая, витебская и всѣ повѣты подлясскіе. Писали еще, что ни они сами, ни ихъ предки, не крали королевскихъ имѣній, иначе бы старосты вырвали эти имѣнія у нихъ изъ горла, что ихъ по навѣтамъ королю хотятъ лишить и остатка имѣній, что много ихъ братьевъ князей и пановъ взято въ плѣнъ нехристями и томятся въ узахъ за его милость и т. д.

Но не всѣ члены описываемой фамиліи проявляли ту-же энергію: въ числѣ дворянъ уступившихъ требованію королевскаго комисара, по поводу вышеупомянутой присяги на присоединеніе Волыни къ Польшѣ, стоитъ имя князя Андрея Мосальскаго ([5]), а на актѣ уніи 1569 года встрѣчаемъ имя князя Ивана ([6]), бывшаго на Люблинскомъ сеймѣ депутатомъ отъ Гродненскаго повѣта ([7]). Необходимо впрочемъ замѣтить, что многіе противники политическаго слiянія Литвы съ Польшею, должны были уступить давленію обстоятельствъ и покориться ходу событій, но тѣмъ не менѣе политическіе взгляды ихъ остались прежніе. Насколько напр. искренно сочувствовало литовское дворянство уніи 1569 года, можетъ пояснять извѣстный фактъ, что по кончинѣ Стефана Баторія въ 1586 г., почти вся Литва, въ вопросѣ объ избраніи новаго короля, была на сторонѣ кондидатуры царя Ѳедора Іоанновича, по поводу чего велись даже оффиціальные переговоры, при участіи прибывшихъ въ Польшу пословъ русскихъ. Однако несмотря на это королемъ былъ избранъ, помимо Литвы, шведскій королевичъ Сигизмундъ, благодаря усиліямъ польской партіи, хотя и составлявшей меньшинство.

(Памятники изданные времен. комис. для разбора древнихъ актовъ при кіевс., подольс. и волынс. ген.-губернаторѣ, т. 4).

([5]) Изъ вѣтви Мосальскихъ-Друйскихъ, значившагося обывателемъ волынской земли, по владѣнію мѣстечкомъ Тучинымъ надъ рѣкой Горыней (см. № 27 родословной).

([6]) См. № 42 родословной.

([7]) На этомъ-же актѣ сохранилась и древнѣйшая, изъ извѣстныхъ намъ, печать князей Мосальскихъ (литовскихъ).

Литовскому дворянству, въ виду совершившагося факта — коронованія новаго короля въ Краковѣ, пришлось покориться и снарядить посольство къ Сигизмунду, съ признаніемъ его и оправданіями въ своемъ отсутствіи при выборахъ, причемъ въ составъ этого посольства былъ назначенъ отъ шляхетскаго сословія князь Мосальскій «маршалъ Его Величества великого князя литовскаго» (8).

Гораздо рельефнѣе выдается положеніе, занятое въ упоминаемую эпоху князьями Мосальскими въ вопросѣ религіозномъ.

Стремленіе утвердить латинство въ Литвѣ, исповѣдывавшей православіе, проходитъ черезъ все XVI столѣтіе, но далеко не въ одинаковой степени; наибольшее развитіе оно получаетъ во второй половинѣ упомянутаго вѣка, послѣ акта Люблинской уніи, для существа которой господство восточной церкви въ великомъ княжествѣ Литовскомъ составляло конечно одинъ изъ невыгоднѣйшихъ элементовъ. Пропаганда католичества двигалась однако съ трудомъ, встрѣчая стойкую оппозицію со стороны литовскаго дворянства и до конца XVI столѣтія послѣдователи латинства еще не выдвигались замѣтно изъ массы православнаго населенія страны, за то послѣдніе годы того-же столѣтія, ознаменованные фактомъ церковной уніи, потрясли въ основаніи православіе въ Литвѣ, такъ что даже древніе коренные русскіе роды, являются уже послѣдователями ученія западной церкви.

---

(8) Графъ Оссолинскій: «Wiadomosci historyczno-krytyczne do dziejow literatury polskiey». Упоминаемый князь Мосальскій былъ вѣроятно Өедоръ Ива-

Энергическими участниками въ этой религіозно-политической борьбѣ, встрѣчаемъ и двухъ лицъ изъ рода князей Мосальскихъ, именно супрасльскаго архимандрита Иларіона и князя Василія. Но независимо отъ этихъ, въ данномъ случаѣ наиболѣе выдающихся, личностей, имѣется еще довольно указаній, изъ которыхъ можно заключать, что въ описываемое время среди рода князей Мосальскихъ ренегатовъ повидимому еще не было; по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного прямого свидѣтельства, которое бы доказывало противное. Въ современныхъ актахъ находимъ напр., что изъ линіи владѣвшей Олекшицами, изъ которой впослѣдствіи произошелъ одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей католицизма въ Литвѣ—Игнатій епископъ виленскій, православными были князья Иванъ и Михаилъ Ѳедоровичи ([9]), князь Ѳедоръ Ивановичъ ([10])—завѣщавшій похоронить себя (1617 г.) въ православной церкви своего имѣнія, и дѣти его князья Андрей и Григорій ([11]), что видно изъ того-же оставленнаго имъ завѣщанія; князь Левъ Ивановичъ ([12]), о которомъ уже упоминалось выше, какъ о членѣ Виленскаго церковнаго братства, и княжна Ганна Михайловна—умершая въ 1620 г. и завѣщавшая похоронить себя согласно обрядамъ восточной религіи ([13]). Изъ другихъ линій—про Мосальскихъ-Друй-

---

новичъ (см. № 68 родосл.) маршалокъ гродненскій, внукъ Ѳедора Михайловича взятаго въ плѣнъ въ сраженіи при Ведрошѣ.

([9]) См. №№ 42 и 43 родосл.

([10]) См. № 68 родосл.

([11]) См. №№ 101 и 102 родосл.

([12]) См. № 69 родосл.

([13]) См. № 75 родосл., также прил. 37.

скихъ упоминаютъ древніе православные синодики (14), что-же касается до потомковъ князя Александра Тимоѳеевича, то хотя о вѣроисповѣданіи ихъ прямыхъ свидѣтельствъ не имѣется, но существуютъ косвенныя, какъ напр., что первый католикъ изъ этой линіи заявляется современными актами лишь въ 1643 году, именно князь Янушъ Михайловичъ, оставившій духовное завѣщаніе, въ которомъ выражаетъ свою волю быть схороненнымъ по обряду римско-католическому (15). Согласно съ этимъ и Нѣсецкій (16) говоритъ, что изъ князей Мосальскихъ первые католики упоминаются лишь около 1600 года. Изъ матеріаловъ неоффиціальныхъ до насъ сохранилась погребальная рѣчь 1614 го-

(14) Такъ въ синодикѣ Златоверхъ-Михайловскаго монастыря читаемъ: «Родъ князя Мосальскаго-Друйскаго: Помяни Господи души усопшихъ рабъ своихъ князя Іоанна, Кирилла, Іоанникія, Матроны, Лукіи, Ирины, іеромонаха Іосифа, князя Филиппа, инокини Діонисіи, Маріи, Матѳея, Даріи, Ѳоми, Савы, Елены, Евѳиміи». (Рукопись московс. Румянцевскаго музея).

Тамъ-же, на л. 10: «Родъ инокини Анны Юрьевой княгини Мосальской Іоанновны Соколинской»,—слѣдовательно супруги князя Юрія Тимофѣевича (см. № 13 родосл).

Кромѣ того, въ православныхъ же синодикахъ юго-западной Руси встрѣчаемъ поминовенія о князьяхъ Мосальскихъ неизвѣстно которой линіи. Напр. въ харатейномъ синодикѣ Вышегородской церкви Бориса и Глѣба, на л. 16 читаемъ: «Родъ князя Мосальскаго: Благовѣрныхъ князей Іоанна, Кондратія»; въ синодикѣ Кіево-Николаевскаго монастыря, на л. 19: «Родъ князей Мосальскихъ: князя Іоанна, Василія, Іоанна, монаха Протасія, Ульяны, Григорія, Маріи, Иліи, Клементія, схимонаха Іоанна, монаха Ѳеодорита, Іосифа, Мелетія, Клементія, іерея Максима, Ѳеклы, Еуфиміи, князя Филиппа». (Рукопись московс. Румянцевс. музея).

(15) См. прил. 41.

(16) Т. III, 228.

да, говоренная на смерть князя Александра Мосальскаго ([17]) и свидѣтельствующая, что послѣдній также принадлежалъ къ вѣроисповѣданію католическому, но когда именно онъ принялъ латинство — неизвѣстно, отецъ же его князь Ѳедоръ Ивановичъ, какъ мы видѣли выше, былъ поборникомъ ученія православной церкви.

Такимъ образомъ до конца XVI столѣтія, родъ князей Мосальскихъ оставался еще вѣренъ религіи своихъ предковъ. Многіе изъ членовъ его не ограничивались одною пассивной ролью въ вопросѣ о вѣроисповѣданіи, но и активно способствовали поддержкѣ православія, воздвигая церкви, снабжая средствами монастыри и проч., указанія на что также имѣются въ современныхъ документахъ. Такъ знаемъ напр., что вышеупомянутый князь Ѳедоръ Ивановичъ основалъ Наревскій-Вознесенскій монастырь; записывая ему въ 1574 г. населенную землю съ угодьями, князь Ѳедоръ говоритъ, что—«ижъ я хотячы абы хвала Божая до скончения вѣку трваючы тымъ болшъ квитнула и по всѣхъ концахъ свѣта множила се и розширала се, для славы имени его святого заложывши и збудовалъ и уфундовалъ есмы во мѣстѣ моемъ названномъ въ Нарову новой волѣ церковъ Вознесенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, которую есмы назвалъ и побудовалъ на монастырь иноческій мужескій закону нашого греческого старожытного, въ которомъ абы уставичне служба Божая не уставала» ([18]). Изъ

([17]) См. № 100 родосл.

([18]) Археографическій сборникъ документовъ относящихся къ исторіи сѣв.-

литовскихъ актовъ XVI столѣтія видно, что «княгиня Ивановая Мосальская» ([19]) была покровительницею Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ; ей листомъ короля Сигизмунда-Августа въ 1567 г., было разрѣшено избрать новаго игумена въ тотъ монастырь, по своему усмотрѣнію ([20]). Наконецъ по описи имущества Кіево Печерскаго монастыря, составленной въ 1593 году, въ немъ между прочимъ находилось евангеліе княжны Мосальской ([21]), но которой именно — неизвѣстно.

Подобные факты могутъ говорить за себя, почему трудно согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ изъ польскихъ писателей ([22]), объ исповѣданіи князьями Мосальскими въ началѣ XVI столѣтія ученія западной церкви, какъ результатѣ единенія кіевской митрополіи съ Римомъ, послѣ

зап. Руси, т. VI, № 35

Далѣе князь Өедоръ поручаетъ свой монастырь вѣдѣнію братскаго монастыря св. Духа въ Вильнѣ, откуда долженъ былъ назначаться и настоятель,—«человѣкъ доброй вѣры, который чтобы не чужой незвыклой вѣрѣ а каөолической восточной вѣры учителемъ былъ»; наконецъ угрожаетъ проклятіемъ и призывомъ къ отвѣту на Страшномъ судѣ тѣхъ изъ своихъ потомковъ, которые сдѣлавшись отступниками посягнутъ въ чемъ либо на его монастырь.

([19]) Имени въ документѣ не означено.

([20]) Акты Метр. литовс. (Кн. судн. дѣлъ № 52, л. 112).

([21]) Евангеліе это описано (по польски) такъ: «Переплетено въ красную парчу; на передней доскѣ: распятіе, 4 евангелиста и 4 сераөима серебряные; кругомъ позолоченная оковка; на другой—изображеніе св. Дѣвы на вызолоченной выпуклой бляхѣ, съ зеленой финифтью; по четыремъ угламъ серебряныя вызолоченныя бляшки, выпуклыя, съ финифтью; застежекъ двѣ, вызолоченныя». (Архивъ юго-зап. Россіи, ч. 1, т. 1, № 91).

([22]) См. Encyklopedia pewszechna—Оргельбранда, т. 18. (Ст. «Massalski»).

извѣстнаго Флорентинскаго собора 1439 года. Вся исторія отношеній подвластныхъ Литвѣ русскихъ князей къ религіозному вопросу, противорѣчитъ этому и князья Мосальскіе не составляли исключенія изъ прочихъ именитыхъ домовъ, возмущавшихся притѣсненіями православія въ Литвѣ, начавшимися въ послѣднихъ годахъ XV столѣтія.

Выше мы уже говорили, что православное населеніе Литвы должно было составлять одинъ изъ невыгоднѣйшихъ элементовъ, для существа политической уніи 1569 года, вслѣдствіе чего въ исторіи великого княжества Литовскаго быстрыми шагами приближалось другое событіе не меньшей важности, унія церковная 1596 г.

Посѣщеніе въ 1588 году Москвы константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, памятно въ русской исторіи между прочимъ и фактами какъ постановленія перваго патріарха Іова, такъ и извѣстнаго митрополита Михаила Рагозы, одного изъ главныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ вопросѣ о церковной уніи. Это же посѣщеніе Іереміи составляетъ памятный фактъ и въ исторіи князей Мосальскихъ, такъ какъ въ бытность свою въ Вильнѣ въ 1589 г., Іеремія произведя судъ надъ архимандритомъ супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря Тимоѳеемъ Злобою и лишивъ его сана, возвелъ на его мѣсто въ архимандриты іеромонаха Иларіона изъ рода князей Мосальскихъ ([23]), подаривъ при этомъ послѣднему драго-

([23]) Мирское имя его къ сожалѣнію неизвѣстно, почему нѣтъ никакихъ данныхъ сдѣлать даже догадку, къ которой вѣтви князей Мосальскихъ могла принадлежать эта замѣчательная личность.

цѣнную митру, понынѣ хранящуюся въ упомянутомъ монастырѣ ([24]).

Такимъ образомъ пріѣздъ константинопольскаго патріарха выдвинулъ на сцену двухъ совершенно противуположныхъ дѣятелей, Рагозу—какъ поборника уніи, и Иларіона Мосальскаго—борца за православіе въ западной Руси.

Извѣстно, что на кіевскомъ съѣздѣ епископовъ, въ 1595 г., митрополитъ Рагоза, дѣйствуя въ интересахъ западной церкви, успѣлъ провести идею о соединеніи церквей, въ результатѣ чего явилась поѣздка въ Римъ епископовъ Кирилла Терлецкого и Ипатія Поцея, какъ представителей восточной въ Литвѣ церкви, съ изъявленіемъ покорности Папѣ, и манифестъ Сигизмунда III въ томъ-же году о соединеніи церквей. Тѣмъ не менѣе однако, на дѣлѣ этотъ вопросъ еще далеко не былъ рѣшеннымъ, такъ какъ фактъ упомянутой уніи вызвалъ ропотъ и волненіе въ православномъ населеніи Литвы, волненіе опиравшееся на протесты сильнаго дворянства, возстававшаго противъ уніи, въ которой видѣли обращеніе народа въ латинство и слѣдовательно измѣну православію. Польскій король, державшій конечно сторону уніи, видѣлъ необходимость дать послѣдней высшую духовную санкцію, путемъ созванія церковнаго собора, почему и поручилъ Рагозѣ выполнить это въ Брестѣ. Въ числѣ участниковъ въ созванномъ соборѣ былъ и супрасльскій

([24]) См. брошюру архимандрита Модеста: «Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь».

архимандритъ Иларіонъ Мосальскій, занявшій мѣсто въ рядахъ оппозиціи противъ Рагозы.

Соборъ, какъ извѣстно, имѣлъ результатомъ, что обѣ стороны, предавъ проклятію другъ друга, постановили: сторонники уніи — торжественное свое согласіе на послѣднюю и лишеніе духовнаго сана противниковъ соединенія, поборники же православія — дали клятву не отступать отъ своей религіи, не признавать власти митрополита и епископовъ, какъ отступниковъ, и назначили депутатовъ къ королю, которыхъ снабдили письменной инструкціей; послѣдняя была подписана, въ числѣ прочихъ, и архимандритомъ Иларіономъ ([25]).

Такимъ образомъ въ Литвѣ образовались двѣ церкви: уніатская и несоединенная; члены послѣдней не замедлили сдѣлаться предметомъ систематическаго гоненія со стороны правительства и уніатовъ, причемъ находили себѣ мѣсто всякія средства, начиная съ мѣръ правительственныхъ административныхъ и кончая ножами убійцъ и факелами поджигателей, безнаказанно неистовствовавшихъ въ своихъ усиліяхъ обратить всю Литву въ лоно уніатской церкви. Литовское дворянство, греческаго вѣроисповѣданія, изображало въ 1599 г. свое положеніе слѣдующими мрачными красками: «Мы всѣ такія привязки и угнѣтенія терпимъ, что уже ни свободою, ни честною жизнью, ни безопасностью здравія, имѣнія и достатковъ своихъ, прямо похвалиться не можемъ. Уже по большей части наши церкви, монастыри, храмы, соборы, иные постыднымъ разграбленіемъ, великимъ мучительствомъ,

---

([25]) Архивъ юго-зап. Россіи, ч. I, т. I, № 122.

пролитіемъ крови, человѣкоубійствомъ и неслыханнымъ поруганіемъ, не только надъ живыми но и надъ мертвыми, завладѣны, раззорены и опустошены; другіе, подъ предлогомъ декретовъ, неправедно издаваемыхъ римскимъ духовенствомъ, отняли и усиливаются впредь отнять. Уже въ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдовали запрещенія свободныхъ собраній на богомолье, богослуженіе, погребеніе и другіе христіанскіе обряды и строенія церквей. Уже духовныя наши пресвитеры, за твердость въ своемъ исповѣданіи, различно преслѣдуются, въ собственныхъ домахъ терпятъ нападенія, грабежи, изгоняются, ссылаются, отдаляются отъ имѣній своихъ, которыя какъ бы выморочныя отдаются по просьбѣ другимъ. На свободныхъ дорогахъ и въ городахъ ихъ хватаютъ, заключаютъ въ узы съ разными неслыханными удрученіями, бьютъ, топятъ и умерщвляютъ, а на мѣста ихъ навязываютъ слушать такихъ пастырей, которыхъ мы почитаемъ за отступниковъ; къ церковнымъ доходамъ никто, не обѣщающій впредь повиновенія папѣ, доступа имѣть не можетъ. Гоненія воздвигаются на мѣста и лица посвященныя богослуженію, обратились и на свѣтскія лица, особенно на мѣщанство, за различіе въ исповѣданіи, за которое удаляютъ ихъ отъ цѣховъ, купечества и даже отъ житья въ городахъ; свидѣтельство ихъ не считаютъ достойнымъ довѣрія и браки незаконными, если совершены православнымъ духовенствомъ. Отъ родителей отнимаютъ власть выдавать дочерей въ замужество, а замужнихъ женъ осуждаютъ на заключеніе къ римскому духовенству. Насъ, лю-

дей благороднаго состоянія, за то что твердо стоимъ въ вѣрѣ своей, римское духовенство отъ мѣстъ и отъ пропитанія отлучаетъ и не даютъ такого доступа, какъ другимъ, къ разнымъ правительственнымъ званіямъ, а когда жалуемся на оскорбленія и обиды, то въ отвѣтъ получаемъ насмѣшки и презрѣніе. Въ церковныхъ проповѣдяхъ возбуждаютъ на насъ народъ, указывая на средства истребить насъ, за что обѣщаютъ благословенія и награды» и т. д.

Эта тяжелая картина положенія православнаго населенія въ Литвѣ, въ исходѣ XVI вѣка, картина, изъ которой мы привели лишь наиболѣе выдающіяся мѣста, подробно развивается въ актѣ, составленномъ литовскимъ дворянствомъ въ Вильнѣ, въ 1599 г. ([26]), въ числѣ подписей подъ которымъ встрѣчаемъ имя и князя Василія Мосальскаго ([27]). Цѣль акта не состояла однако въ одномъ лишь протестѣ противъ совершавшихся насилій, но имѣлась въ виду организація союза для активнаго противодѣйствія и взаимной охраны, въ виду отсутствія защиты со стороны правительства. Съ этой цѣлью именитое православное дворянство, съѣхавшись въ упомянутомъ году въ Вильнѣ, вступило въ союзъ съ представителями протестантовъ и составило договоръ, въ которомъ обязались помогать другъ другу, охра-

---

([26]) «Актъ или запись конфедераціи, заключенный дворянствомъ польскимъ и литовскимъ греческаго и протестантскаго исповѣданія въ Вильнѣ, въ 1599 г.» (Опис. Кіево-Софійскаго собора и кіевск. іерархіи, митроп. Евгенія; прилож. № 15). Подлинникъ находится въ Радзивилловскомъ архивѣ, въ Кенигсбергѣ.

([27]) Котораго именно—неизвѣстно; въ описываемое время ихъ было нѣсколько.

нять свои храмы и имущества, дѣйствовать въ своихъ интересахъ на сеймахъ и сеймикахъ, предупреждать насилія, сбираясь для этого куда надобно по первому призыву, или присылая людей своихъ, и т. д. Для облегченія сношеній между союзниками, были избраны церковные попечители, къ которымъ слѣдовало обращаться въ случаяхъ требованія помощи, а они уже давали знать всему союзу, для противодѣйствія общими силами.

Членомъ этого союза былъ, какъ уже упомянуто выше, князь Василій Мосальскій, подписавшійся на актѣ договора въ числѣ лицъ, положившихъ основаніе подобной организаціи взаимной помощи въ средѣ угнетаемаго населенія и активнаго противодѣйствія посягательствомъ уніатовъ.

Нѣсколько позже мы встрѣчаемся еще съ однимъ эпизодомъ, изъ той-же борьбы православія съ латинствомъ, эпизодомъ въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ является опять вышеупоминавшійся супрасльскій архимандритъ Иларіонъ Мосальскій.

Будучи энергическимъ борцомъ за православіе, архимандритъ Иларіонъ не хотѣлъ подчиняться митрополиту Ипатію Поцею, какъ уніату, и простеръ свою ревность къ гонимой восточной церкви до того, что въ 1601 году соборне съ братіей своего монастыря объявилъ Поцея лишеннымъ сана и братію свою ему (Поцею) неподвластною! Въ окружной грамотѣ, изданной по этому случаю королемъ Сигизмундомъ въ 1602 году, дѣйствія Иларіона были очерчены слѣдующими словами: «Ознаймуемъ ижъ Ларіонъ Мосальскій архимандритъ

супрасльскій будучи черезъ три лѣта на архимандритствѣ томъ подъ послушенствомъ его (Поцея — митрополита кіевскаго и галицкаго), яко старшого преложоного своего, потомъ часу недавного запамятавши боязни Божое и повинности своее и возгордивши послушенствомъ зверхности его архіепископской належачимъ, смѣлъ собѣ привлащати зверхность надъ нимъ старшимъ своимъ неслыханную, противъ Богу и канономъ церковнымъ, и до того примусивши и побунтовавши братью черцовъ тамошнихъ, списался зъ ними и отсудивши его отъ вряду архіепископскаго, послушенство свое ему выповѣдѣлъ» ([28]).

Узнавъ о смѣломъ поступкѣ супрасльскаго архимандрита, Поцей потребовалъ его къ себѣ на судъ, а когда Иларіонъ Мосальскій, несмотря на троекратный вызовъ, къ суду не явился, то предавъ его проклятію, отлученію и лишенію сана, вошелъ съ жалобой королю. Вслѣдствіе этого послѣдовала вышеупомянутая окружная грамота, осуждавшая Мосальскаго на изгнаніе изъ государства: — «Мы (король) тогды не терпячи въ панствахъ нашихъ таковего своеволенства и заховуючися водлугъ права духовного и тѣжъ права посполитого свѣтского пречоного Ларыона Мосальскаго, яко бунтовщика старшему преложоному пастыру и зверхности нашой господарской непослушного и противного, зо всихъ земель и панствъ нашихъ выволать есмо велѣли и симъ листомъ нашимъ выволанцомъ его чинимъ» ([29]).

([28]) Акты зап. Россіи, т. 4, № 156.

([29]) Дальнѣйшихъ извѣстій о ходѣ этого дѣла не имѣется, но сохранилось

Таковы факты дошедшіе до насъ, о положеніи занятомъ князьями Мосальскими въ двухъ важнѣйшихъ сторонахъ быта Литвы XVI вѣка. Въ связи съ этимъ на очередь выступаетъ вопросъ объ участіи той-же фамиліи въ общей системѣ тогдашняго государственнаго управленія, т. е. относительно дѣятельности ихъ въ сферахъ законодательной и административной.

Въ сохранившихся памятникахъ мы встрѣчаемъ впрочемъ всего два документальныхъ указанія, объ участіи князей Мосальскихъ въ сеймовыхъ постановленіяхъ; оба относятся ко

письмо Мосальскаго къ тому-же Поцею, писанное въ 1607 г. и помѣченное «зъ Руси»; въ немъ Иларіонъ попрежнему называетъ себя архимандритомъ, но уже является человѣкомъ со сломленной энергіей. Прилагая письменное ходатайство подскарбія великого княжества литовскаго—Ходкевича, онъ проситъ у Поцея о назначеніи себя на какую либо духовную должность и смиряется предъ своимъ врагомъ, хотя ничего не говоритъ о какой либо перемѣнѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій. Вотъ текстъ этого любопытнаго письма:

«Велебный и у Бозѣ достойный Господару, отче митрополито, милостивый пане! Посыламъ до вашей милости, своего милаго пана, листъ его милости пана подскарбьего великого князства литовского, вкладаючися за мною многогрѣшнымъ слугою своимъ до вашей милости, жебысь ваша милость, взглядомъ милосердного учинку а улютовавшися христіанско надо мною худымъ еже о Христѣ братомъ своимъ, мене мѣстцемъ якимъ хлѣба духовнаго причиною ласкавою своею до его королевское милости залетилъ и управить рачилъ, якожъ и самъ бымъ не былъ лѣнивымъ яко доброму здоровью ся вашей милости припатрить, такъ и устне въ потребахъ своихъ вашей милости чоломъ бити и ласки вашей милости заживати, нижли подъ тымъ часомъ небезпечный переѣздъ для людей жолнерскихъ зостатимъ мусялъ дома. Однакъ же уфаючи давпымъ ласковымъ обѣтницамъ вашей милости, черезъ сее писанье его милости пана подскарбьего и мое худое я покорне, унижоне в. м. прошу своего милостиваго пана, жебысь в. м. учинокъ милосердный учинивши о мнѣ служебнику и богомольцы своему,—промыслити причиною и залеценьемъ до его королевской м. и своимъ показанемъ якій хлѣбъ духовный мнѣ слузѣ и богомольцы в. м. управити рачилъ, а

второй половинѣ XVI столѣтія. Такъ мы уже видѣли выше, что князь Иванъ Өедоровичъ былъ посломъ отъ Гродненскаго повѣта на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г.; затѣмъ въ составѣ генеральнаго коронпаго сейма 1589 г. встрѣчаемъ Іеронима Мосальскаго (30), бывшаго посломъ отъ Мстиславскаго воеводства; имя его упоминается при ратификаціи мирнаго трактата между Рудольфомъ II, эрцгерцогомъ Максиміліаномъ и королемъ Польши Сигизмундомъ III, трактата—по которому Максиміліанъ, избранный одною изъ партій въ польскіе короли, отказался отъ своихъ притязаній на этотъ титулъ (31). Наконецъ, по указанію нѣкоторыхъ писателей, въ числѣ

за што Господь Богъ заплатою гойною в. м. быти рачитъ; а я уставичне повиненъ естемъ за доброе здоровье в. м. своего милостиваго пана, Господа Бога просить, абы Господь Богъ в. м. долголѣтнимъ мѣшканемъ тутъ на томъ мизерномъ свѣтѣ ховати рачилъ, а тамъ въ несмертельной радости благодатію своею святою опатрить рачилъ. Вѣдь-же будетъ-ли черезъ писанье в. м. ласкавая обѣтница в. м. не омѣшкай в. м. своему милостивому пану чоломъ ударити и устную просьбу мою донести, въ чемъ не вонтпе, же то в. м. будешь рачилъ на просьбу его милости пана подскарбьего и мое грѣшное чоломбитье учинити, яко мой милостивый панъ, которому ся я милостивой ласцѣ в. м. поручилъ. Данъ зъ Руси, мѣсеца Августа 8 дня по старому року 1607. Вашей милости моему милостивому пану повольный служебникъ и богомольца, смиренный еромонахъ Иларіонъ Мосальскій, архимандритъ, властною рукою».

(На оборотѣ надпись): «въ Бозѣ велебному и достойному господару отцу Ипатію Потию митрополиту кіевскому и галицкому всея Россіи, пану моему милостивому».

(Археогр. сборн. докум., относ. къ ист. сѣв.-зап. Руси, т. 6, № 75).

(30) Сынъ князя Василія Ивановича, внукъ Ивана Васильевича Мосальскаго-Корецкого.

(31) Codex diplomaticus Regni Poloniae et magni Ducatus Lituaniae—Догеля, т. 1, стр. 239.

депутатовъ на сеймѣ 1590 г. былъ Григорій Мосальскій, подкоморій гродненскій (32).

Кромѣ того имѣется извѣстіе объ участіи еще одного изъ князей Мосальскихъ въ сеймѣ 1597 года, но котораго именно—неизвѣстно; извѣстіе это находимъ у Муканте,—секретаря кардинала Гаетано, прибывшаго въ 1596 г. во главѣ посольства отъ папы Климента VIII къ королю Сигизмунду, съ цѣлью образованія лиги противъ турокъ; въ дневникѣ своемъ онъ передаетъ между прочимъ, что на упомянутомъ сеймѣ одинъ изъ Мосальскихъ былъ посломъ отъ Люблинскаго воеводства (33).

Гораздо болѣе сохранилось свѣдѣній о роли князей Мосальскихъ въ сферѣ дѣятельности административной. Такъ изъ представителей старшей линіи, князь Богушъ Александровичъ (34) названъ въ одномъ изъ современныхъ актовъ «намѣстникомъ виленскимъ»; извѣстіе это относящееся къ 1548 году, есть вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшее изъ имѣю-

---

(32) Нѣсецкій—«Herbarz polski», т. VI.

Изъ современныхъ актовъ Метрики литовской видно, что гродненскимъ подкоморіемъ въ концѣ XVI вѣка былъ Григорій Аѳанасьевичъ Мосальскій, но къ которой именно линіи лицо это относится, никакихъ указаній не имѣется.

(33) Нѣмцевичъ: «Zbior pamietnikow historycznych o dawney Polszcze», т. II. Приведенное извѣстіе впрочемъ нуждается въ подтвержденіи, такъ какъ, по отзыву самого Нѣмцевича, Муканте перепуталъ названіе многихъ воеводствъ и смѣшалъ фамиліи; очень возможно, что упоминаемый имъ Мосальскій былъ сеймовымъ посломъ отъ какого нибудь другаго воеводства, тѣмъ болѣе что объ осѣдлости описываемой фамиліи въ воеводствѣ Люблинскомъ, нѣтъ никакихъ указаній.

(34) См. № 25 родосл.

щихся. Одинъ изъ сыновей его—князь Петръ Богушевичъ ([35]) былъ въ 1559 г. лидскимъ судебнымъ старостой, а изъ внуковъ—князья Фридрихъ ([36]) и Янушъ ([37]) Михайловичи упоминаются въ 1572 г. ([38]) въ званіи судей—одинъ трокскаго, а другой—волковысскаго суда, третій же внукъ—князь Богданъ ([39]) состоялъ въ это время подсудкомъ того же волковысскаго суда. Изъ другой вѣтви этой же линіи, князь Григорій Ивановичъ ([40]) въ 1597 году былъ земскимъ писаремъ Браславскаго повѣта и вслѣдъ за тѣмъ тамъ же судьею, а князь Василій Ивановичъ ([41]) въ 1590 г. стольникомъ браславскимъ и въ 1594 г. тамъ-же подсудкомъ.

Далѣе, изъ представителей второй линіи, князь Иванъ Ѳедоровичъ ([42]) въ 1568 году упоминается какъ судья земскій гродненскій, сынъ его князь Ѳедоръ Ивановичъ ([43]) въ 1584 г. называется уже маршалкомъ гродненскимъ и состоялъ между прочимъ комисаромъ по дѣлу о разграниченіи Бѣловежской пущи съ имѣніями князя Острожскаго.

---

(35) См. № 53 родосл.

(36) См. № 88 родосл.

(37) См. № 89 родосл.

(38) Необходимо впрочемъ замѣтить, что патентъ на назначеніе князя Фридриха въ должность трокскаго судьи, сохранившійся въ актахъ Метрики литовской, помѣченъ 1599 г. (см. прил. 35), между тѣмъ какъ въ завѣщаніи князя Михаила Богушевича 1572 г. (см. прил. 29), сынъ его, упомянутый князь Фридрихъ, уже названъ судьею!

(39) См. № 87 родосл.—Патентъ его также помѣченъ 1602 г. (см. вын. 38).

(40) См. № 32 родосл.

(41) См. № 33 родосл.

(42) См. № 42 родосл.

(43) См. № 68 родосл.

Въ современныхъ актахъ находимъ еще указанія, что въ 1574 г. подсудкомъ гродненскимъ былъ Григорій Аѳанасьевичъ Мосальскій, личность довольно извѣстная въ свое время, но родословная нить которой въ сохранившихся документахъ не выслѣживается; этотъ-же Мосальскій въ 1580 г. называется судьей земскимъ гродненскимъ ([44]), а въ 1589 г. получаетъ привилей на подкоморство въ Гродненскомъ повѣтѣ ([45]). Наконецъ еще одинъ изъ Мосальскихъ былъ судьей земскимъ берестейскимъ ([46]) и другой—князь Іеронимъ Васильевичъ ([47]) титулуется въ 1589 г. писаремъ земскимъ въ воеводствѣ Мстиславскомъ.

Независимо отъ поименованныхъ должностей постоянныхъ, въ сеймовыхъ постановленіяхъ второй половины XVI столѣтія встрѣчаемъ еще временныя назначенія разныхъ лицъ изъ рода князей Мосальскихъ, на должности сборщиковъ податей, вызывавшіяся разными экстренными обстоятельствами. Такъ въ 1580 г., для покрытія издержекъ на происходившую тогда войну съ Россіей, установлена была сеймомъ срочная годовая подать, для сбора которой въ Вилькомирскомъ уѣздѣ былъ назначенъ князь Юрій (Андреевичъ) ([48]) Мосальскій, а въ Гродненскомъ—князь Ѳедоръ ([49]); послѣдній опредѣленъ былъ на ту-же должность и податнымъ уни-

(44) Акты Метр. лит. (Кн. записей: № 57, л. 6; № 63, л. 254; № 67, л. 201).

(45) Тамъ-же (Кн. зап. № 74, л. 612; № 76, л. 179).

(46) Акты метр. лит. (Кн. зап. № 68, л. 31).

(47) Внукъ Ивана Васильевича Мосальскаго-Корецкаго.

(48) См. № 58 родосл.

(49) См. № 68 родосл.

версаломъ 1581 года. На сеймѣ 1589 г., въ виду непріязненныхъ отношеній къ австрійскому дому и приготовленія къ войнѣ, была также наложена на одинъ годъ подать, сборщикомъ который въ Гродненскомъ уѣздѣ значится князь Левъ Мосальскій ([50]), а въ Мстиславскомъ воеводствѣ — князь Ярошъ (Іеронимъ). Рѣшеніемъ варшавскаго сейма 1590 г., изъ депутатовъ отъ сенаторовъ и пословъ, былъ установленъ военный совѣтъ, который долженъ былъ состоять при особѣ короля во все время турецкой войны. На совѣтъ возлагалась обязанность обсуждать всѣ мѣры, касающіяся до упомянутой войны, и всѣ депутаты въ него было назначены сеймомъ; въ числѣ таковыхъ (отъ пословъ изъ великого княжества Литовскаго) былъ опредѣленъ гродненскій подкоморій Григорій Мосальскій ([51]). Въ томъ-же году польской республикой было рѣшено сдѣлать заемъ въ полтора милліона злотыхъ, для реализаціи котораго опредѣлили назначить особыхъ провизоровъ, въ помощь обоимъ подскарбіямъ, т. е. коронному и литовскому; провизорамъ этимъ было дано полномочіе заключать всѣ договоры по упомянутому займу и вмѣнено въ обязанность находиться при особѣ короля, вездѣ послѣднему сопутствуя. Въ числѣ таковыхъ лицъ, получившихъ свое назначеніе отъ земскихъ пословъ великого княжества Литовскаго, состоялъ тотъ-же Григорій Мосальскій подкоморій гродненскій ([52]). Наконецъ въ

([50]) См. № 69 родосл.

([51]) Volumina legum, т. II, стр. 306 (см. вын. 32).

([52]) Volumina legum, т. II, стр. 307.

5*

томъ же 1590 году, для сбора подати установленной по случаю войны съ Турціей, сборщикомъ въ Гродненскомъ уѣздѣ былъ назначенъ уже вышеупоминавшійся князь Левъ Мосальскій.

Помимо перечисленныхъ должностей службы земской и гражданской, князья Мосальскіе несли непосредственно и всѣ тягости службы боевой военной, причемъ на долю ихъ выпало не мало тяжелыхъ испытаній.

Дѣятельное участіе ихъ въ войнахъ съ Россіею, имѣло исходной точкой, по всей вѣроятности, все еще лелѣявшіяся мечты о возвращеніи фамильнаго родоваго удѣла, т. е. отошедшаго къ Москвѣ города Мосальска съ вотчинами; это проглядываетъ напр. въ томъ, что даже въ 1577 году, когда представители старшей линіи князей Мосальскихъ, именно внуки князя Богуша Александровича, сдѣлали между собою уговоръ о неотчужденіи своихъ родовыхъ имѣній, то вмѣстѣ съ тѣмъ поставили условіемъ, чтобъ уговоръ сохранилъ свою силу и тогда, когда возвращены будутъ имѣнія — «оставленныя по волѣ Бога въ Смоленщизнѣ ихъ прародителями» ([53]). Путемъ поддержки подобныхъ надеждъ, правительство могло эксплоатировать въ свою пользу завѣтныя мечты князей Мосальскихъ и повидимому не упускало случая этимъ пользоваться, призывая ихъ на службу, какъ напр. въ письмѣ короля Стефана Баторія 1581 г., адресованномъ на имя князей Мосальскихъ вообще, съ приглашеніемъ прибыть во главѣ вооруженныхъ отря-

([53]) См. прил. 31.

довъ въ лагерь подъ Великими Луками—«для расширенія панства онаго отчизнъ вашихъ» ([54]). Вѣроятно вслѣдствіе этого, князья Мосальскіе и проявляли на столько воинственныя наклонности, что послужили даже темой для пословицы — что ихъ фамилія подобно литовскимъ татарамъ вся поголовно становится подъ знамена ([55]).

Справедливость подобной характеристики можетъ подтверждаться отчасти и дошедшими до насъ фактами, о тяжелыхъ невзгодахъ, постигшихъ разныхъ членовъ рода Мосальскихъ, въ теченіи войнъ XVI столѣтія. Такъ мы имѣли уже случай говорить (см. гл. I) о девятилѣтней неволѣ въ Москвѣ князя Ѳедора Михайловича, взятаго въ плѣнъ въ битвѣ при Ведрошѣ (1500 годъ); подобная же участь постигла, около 1534 года, и князя Петра Богушевича, который за свое заточеніе въ Москвѣ получилъ даже прозваніе «Вериги» ([56]). Обстоятельствомъ послужившимъ къ освобожденію послѣдняго изъ неволи, было плѣненіе литовцами, въ свою очередь, князя Сицкого (взятаго подъ Стародубомъ), въ обмѣнъ за котораго тотъ и былъ выпущенъ ([57]).

Гораздо трагичнѣе окончился плѣнъ еще одного лица,

([54]) См. прил. 19. Подлинникъ, адресованный въ Вейсеи и Олекшицы, находился въ архивѣ епископа виленскаго—князя Игнатія Мосальскаго (см. «Historya z autorow y dyplomatow domu xiąząt Massalskich», Wilna 1789 г.); въ 1776 г. онъ былъ заявленъ ко внесенію въ книги Литовской метрики.

([55]) Оргельбрандъ: «Encyklopedia powszechna», т. 18. стр. 129—131.

([56]) См. № 53 родосл.

([57]) Нѣсецкій: «Herbarz polski», изд. Бобровичемъ, т. VI.

именно — князя Тимоѳея Мосальскаго ([58]). Въ хроникѣ Александра Гвагнина ([59]) передается объ участи его слѣдующее любопытное извѣстіе: Въ то время когда Тимоѳей Мосальскій, литовскій шляхтичъ знатнаго рода, взятый въ плѣнъ, уже не малое время содержался въ заточеніи, случилось что одинъ изъ слугъ казненнаго воеводы Ивана Петровича, желая спасти хоть что нибудь изъ расхищавшагося имущества своего господина, взялъ тайно красивыя вызолоченныя латы и передалъ ихъ на сохраненіе своимъ товарищамъ, которые содержались въ той-же тюрьмѣ, гдѣ былъ заключенъ и князь Мосальскій: чрезъ нѣсколько времени латы эти были заложены послѣднему, который въ свою очередь отдалъ ихъ на сохраненіе своему слугѣ, прислуживавшему ему въ темницѣ, но находившемуся на свободѣ. Относя латы къ себѣ домой, слуга этотъ наткнулся на стражу, былъ схваченъ и приведенъ къ смотрителю, а послѣдній отобравъ упомянутые доспѣхи и прельстившись ихъ богатой отдѣлкой, присвоилъ вооруженіе себѣ и скрылъ. Между тѣмъ два стрѣльца, находившіеся въ той-же тюрьмѣ и знавшіе все дѣло, сдѣлали доносъ на смотрителя,—что онъ получилъ отъ Тимоѳея Мосальскаго золоченыя латы, принадлежавшія московскому воеводѣ Ивану Петровичу и скрываетъ ихъ, такъ что вся исторія дошла до самого великого князя. Иванъ Грозный приказалъ привести передъ себя Мосальскаго, смотрителя, слугъ казненнаго воеводы, а равно и стрѣльцовъ доносчиковъ, под-

([58]) Вѣроятно Богушевича, такъ какъ другаго Тимоѳея Мосальскаго въ XVI столѣтіи не встрѣчается. (См. № 56 родосл.).

([59]) «Rerum polonicarum», т. II.

вергъ всѣхъ шестерыхъ жестокой пыткѣ и затѣмъ велѣлъ казнить:--четверо изъ нихъ были утоплены, Тимоѳей-же Мосальскій и смотритель, связанные отправлены въ Москву и тамъ въ Субботу, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья, обезглавлены на площади, тѣла же ихъ брошены въ воду.

Въ какой степени всѣ подробности этого разсказа достовѣрны, ручаться конечно трудно, но можно прибавить, что самый фактъ повторяется и другими писателями, хотя по всей вѣроятности на основаніи словъ того-же Гвагнина (60); можно замѣтить еще, что отсутствіе извѣстій о князѣ Тимоѳеѣ Мосальскомъ, въ современныхъ литовскихъ документахъ, отчасти согласуется съ печальной исторіей и развязкой его плѣна.

Изъ другихъ лицъ описываемой фамиліи, бывшихъ также въ плѣну въ Россіи, имѣются еще свѣдѣнія о двухъ князьяхъ Мосальскихъ, захваченныхъ войсками Іоанна Грознаго при нападеніи на Литву въ 1563 году. Объ одномъ изъ нихъ—князѣ Матѳеѣ Ивановичѣ (61), бывшемъ въ числѣ совладѣльцевъ Друи, сохранилось современное свидѣтельство, что онъ

---

(60) Авторъ рукописи: «Klucz wlasny do wszystkich domow xiążąt litewskich i niektorych ruskich» (рукоп. Имп. публ. библ.) относитъ описанный случай къ 1570 году. Авторъ панегирика 1748 г., посвященнаго гетману князю Михаилу Мосальскому—«Nomen fortunae publicae и пр.», разсыпаясь въ лести говоритъ, что князь Тимоѳей — «достойный того чтобъ образовывать вождей для войны, превосходившій даже Александра въ бою, которому подражали Фабіи. Помпеи, Аннибалы (sic), — молніей явилъ себя и въ томъ, что разразившись надъ непріятелемъ самъ палъ съ побѣжденными врагами, поразя этимъ пыломъ враждебныя толпы Москвы, такъ что немногаго недоставало чтобъ обратить эту холодную страну въ прахъ»!!...

(61) См. № 31 родосл.

попалъ въ неволю при взятіи Полоцка, о чемъ въ 1564 г. заявлялъ королю князь Андрей Петровичъ Мосальскій, говоря, что — «братъ его стрыечный князь Матфей Ивановичъ пры посегненью съ допущенья Божъего через непріятеля нашого князя великого московского звыклостью зрады его замку нашого Полоцка межы инымъ рыцерствомъ нашымъ взятъ есть въ полонъ и запроваженъ тамъ до земли непріятельское» (62). До нашего времени дошелъ даже отрывокъ письма, писаннаго княземъ Матѳеемъ изъ плѣна (63), съ просьбою относительно заявленія королю объ утратѣ разныхъ документовъ, пропавшихъ въ полоцкомъ погромѣ, но дальнѣйшихъ свѣдѣній объ участи его болѣе не имѣется, почему является возможнымъ предположеніе, что онъ вѣроятно въ плѣну и умеръ. Во время той же войны 1563 года, попалъ въ неволю и князь Александръ Мосальскій (64), также въ Полоцкѣ, какъ по крайней мѣрѣ заявляется въ нѣкоторыхъ источникахъ (65); вмѣстѣ съ прочими плѣнниками онъ былъ отправленъ въ Москву, но вѣроятно въ 1566 г. уже получилъ свободу, такъ какъ въ это время обоюдный размѣнъ плѣнныхъ былъ уже рѣшенъ.

Но кромѣ приведенныхъ фактовъ, въ современныхъ матеріалахъ можно найти довольно и другихъ указаній, болѣе общихъ, въ которыхъ имена князей Мосальскихъ связываются

(62) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 35, л. 345).

(63) См. прил. 20.

(64) Быть можетъ Александръ Михайловичъ (см. № 73 родосл.).

(65) Чтенія въ общ. ист. и древностей 1860 г., т. 4. (Переписка Россіи съ Польшей).

съ отправленіемъ военной службы литовскимъ дворянствомъ въ XVI столѣтіи. Такъ отъ Виленскаго сейма 1528 года, сохранился одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ въ этомъ родѣ: «Ухвала учиненая зстороны обороны земское колко хто спановъ радъ врядниковъ и всихъ обывателеи великого князства литовского зыменеи своихъ ку служъбе военънои конеи ставити маеть» ([66]); въ документѣ этомъ, устанавливающемъ порядокъ участія въ отправленіи натурою воинской повинности впредь на 10 лѣтъ, указывается — «которымъ обычаемъ маютъ панове рады и княжата и панята и вся шляхта у великомъ князстве литовскомъ ку службе земское зовъжды поготову быти и почотъ конеи зыменеи своихъ конъно и зброино ставити водлугъ тое уфалы и попису земъского..., ижъ хто колвекъ маеть людеи своихъ выименяхъ своихъ тотъ повиненъ скожъдыхъ осми службъ людеи ставити пахолка на добромъ кони во зброи, здревомъ спрапоромъ, на которомъ бы былъ панъцеръ, прылъбица, мечъ або кордъ, сукня цветная навеза и остроги две». Здѣсь между прочимъ читаемъ:

«По реестру почтовъ ([67]) княжескихъ:

... Князь Юрій Тимоѳѣевичъ, маетъ ставити 3 кони.

Князь Иванъ Тимоѳѣевичъ Мосальскій, маетъ ставити 2 кони.

Бояре Белицкого повѣту:

... Князя Мосальскаго сказалъ маетъ ставити 2 кони.

([66]) Акты Метр. литовс. (Кн. публич. дѣлъ, № 1).

([67]) Почотъ, почтъ—число, счетъ; толпа, свита.

Реистръ бояръ мерецкихъ:

... Князь Богушъ Масальскій 5 коней.

Реистръ бояръ василишскихъ:

... Князь Василій Масальскій 4 кони.

Реистръ бояръ волковыскихъ:

... Князь Богушъ Масальскій 3 кони.

Пописъ земли волынское:

... Князь Иванъ Масальскій-Корецкій 8 коней.

То суть бояре замку мстиславского:

Князь Алексѣй съ братомъ, Мосальскій, конь» (68).

Въ томъ же родѣ имѣется документъ и отъ второй половины XVI столѣтія (69), заключающій въ себѣ перепись части войска, распущеннаго по королевскому приказанію въ 1565 году; здѣсь перечисляются разныя хоругви (70), сформированныя изъ конныхъ ратниковъ, выставленныхъ литовскимъ дворянствомъ, въ числѣ которыхъ упоминаются:

Хоругвь дворная... князь Мосальскій 5 коней.

Хоругвь берестейская... княжна Василевая Мосальская Софія Чаплинская 2 кони.

Хоругвь мерецкая... князь Петръ Мосальскій ставитъ 2 кони.

Земля волынская которые также сбиралися... Богданъ Масальскій—конь» (71).

---

(68) Акты Метр. лит. (Кн. публ. дѣлъ № 1, л. 7, 10. 88, 89, 95, 193, 220).

(69) «Реестръ по опису войска господарского великого князства литовского» (рукоп. Импер. публ. библ.).

(70) Хоругвь—знамя; отрядъ соотвѣтствующій ротѣ.

(71) «Реестръ по опису... и пр.» (см. вын. 69), л. 12, 38, 65, 114.

Приведенными выдержками, вопросъ о военныхъ службахъ князей Мосальскихъ, конечно далеко еще не исчерпывается. Выдержки эти дошли до насъ въ источникахъ такъ сказать концентрированныхъ, независимо отъ которыхъ разныя указанія о томъ же можно встрѣтить еще и въ другихъ актахъ.

Такъ изъ челобитной князя Андрея Мосальскаго ([72]) 1522 года, узнаемъ, что онъ учавствовалъ въ извѣстной битвѣ подъ Оршей (1514 г.), въ которой литовцы подъ предводительствомъ князя Острожскаго одержали побѣду надъ войсками великого князя московскаго, и что въ этой битвѣ князь Андрей—«отъ людей непрыятельскихъ былъ зраненъ и вздоровьи нарушонъ» ([73]). Этотъ же Мосальскій въ 1538 г. билъ челомъ о назначеніи ему, ради его старости, денежной пенсіи, причемъ пояснялъ, что—«бывалъ на многихъ послугахъ военныхъ противъ людей непрыятельскихъ и тамъ немало крови своее розлилъ и раны обличныи принялъ» ([74]). Далѣе, въ патентѣ князю Василію Ивановичу Мосальскому 1590 г., на должность стольника Браславскаго повѣта, упоминается вообще—«о учтивыхъ въ рѣчи посполитой заслугахъ, которыя онъ за панованья короля его милости Стефана на вой-

---

([72]) Котораго именно—не видно.

([73]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 12, л. 17)

([74]) Ему была назначена ежегодная пенсія въ 20 копъ грошей (Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 20, л. 211).

Вѣроятно къ этому же князю Мосальскому относится королевскій листъ 1546 г., которымъ онъ за старостью своего совершенно освобождается отъ военной службы. (Тамъ-же, Кн. зап. № 30, л. 137).

нахъ прошлыхъ съ себѣ показовалъ» ([75]). Другой князь Андрей Мосальскій ([76]), королевскимъ повелѣніемъ 1565 года былъ назначенъ ротмистромъ конной роты, постъ въ то время довольно высокій, причемъ назначеніе мотивируется прежними заслугами князя Андрея—«которыя въ потребахъ и оборонѣ земской добре статочне дѣла вѣдомы будучи» ([77]); рота эта состояла, въ числѣ другихъ, подъ общимъ начальствомъ литовскаго гетмана Ходкевича и упоминается въ призывахъ на службу въ 1566 и 1567 годахъ, въ составѣ полутораста коней ([78]).

Наконецъ здѣсь же можно упомянуть еще объ участіи князей Мосальскихъ въ содержаніи городовыхъ укрѣпленій, какъ части общихъ оборонительныхъ средствъ всего государства. Указаніе на это находимъ въ сохранившемся спискѣ описи украинскихъ, волынскихъ и подольскихъ замковъ 1545 г. ([79]), документѣ весьма любопытномъ, изъ котораго приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ, относящихся непосредственно къ описываемой фамиліи.

Осматривать упомянутые знаки назначенъ былъ Юрій Фальчевскій, епископъ луцкій, съ дьякомъ Тишковичемъ. Въ отчетѣ своемъ онъ говоритъ, что посѣтивъ замокъ Владимірскій, прибылъ съ Тишковичемъ въ замокъ Луцкій, гдѣ

([75]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 77, л. 86); См. № 33 родосл.

([76]) По всей вѣроятности Андрей Петровичъ (см. № 27 родосл.).

([77]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 47, л. 11).

([78]) Тамъ-же (Кн. публ. дѣлъ № 7, л. 134, 144).

([79]) Памятники издан. Времен. комиссіей для разбора древн. актовъ при кіевс., подольс. и волынскомъ ген.-губернаторѣ, т. 4.

три дня ожидалъ собранія мѣстнаго дворянства, послѣ оповѣщенія о своемъ прибытіи. Многіе однако вовсе не явились, вопреки королевскому приказанію, такъ что Фальчевскій долженъ былъ составить тѣмъ и другимъ реестры, въ которыхъ перечисляя оказавшихся въ наличномъ сборѣ дворянъ, называетъ князя Ивана Мосальскаго (80). Тѣмъ не менѣе епископъ приступилъ къ описи луцкихъ укрѣпленій, состоявшихъ изъ двухъ замковъ—«верхняго и окружнаго», и въ своемъ донесеніи о состояніи послѣдняго говоритъ, что встрѣтилъ во первыхъ мостъ, идя въ замокъ отъ города, затѣмъ слѣдуетъ башня Перемыльская, за ней идутъ городни къ башнѣ Пинской: первая городня Крупская князя Василія Константиновича, подлѣ нея городня Торговицкая князя Ивана Мосальскаго и проч.; далѣе—на каменныхъ стѣнахъ окружнаго замка:—башня Свинюская, за ней послѣ другихъ—городня князя Ивана Мосальскаго съ Торговицы и съ Терешова; затѣмъ, послѣ описанія большаго моста земскаго—городня князя и княгини Острожскихъ, пани Дахновой, князя Мосальскаго съ Терешова; далѣе еще городня князя Мосальскаго съ Торговицы.

Покончивъ съ Луцкомъ, авторъ цитируемаго донесенія отправился съ тою же цѣлью въ замокъ Кременецкій, въ которомъ повторилась та-же исторія, по поводу сбора приглашенныхъ дворянъ. Перечисляя прибывшихъ на его зовъ лицъ, онъ между прочимъ говоритъ, что явился и князь Иванъ

(80) Вѣр. Ивана Васильевича Мосальскаго-Корецкого.

Мосальскій—Муньча, а затѣмъ, описывая укрѣпленія Кременца, называетъ въ числѣ городень княжескихъ и панскихъ—упомянутаго Мосальскаго—Муньчи «съ именія его Опошковецъ и съ прочихъ приселковъ».

Таковы свѣдѣнія дошедшія до насъ о службахъ князей Мосальскихъ вообще, свѣдѣнія конечно далеко не полныя, но изъ совокупности которыхъ можетъ все таки слагаться извѣстное представленіе, объ этомъ такъ сказать внѣшнемъ положеніи описываемой фамиліи въ политической жизни Литвы XVI вѣка; можно ознакомиться еще и съ ихъ внутреннимъ бытомъ, т. е. съ сохранившимися чертами изъ отношеній семейныхъ, имущественныхъ и проч.

Поземельная собственность, которою въ XVI вѣкѣ владѣлъ въ Литвѣ родъ князей Мосальскихъ, образовалась первоначально изъ земель, пожалованныхъ, какъ мы имѣли уже случай говорить въ первой главѣ, польскими королями различнымъ членамъ этой фамиліи, въ вознагражденіе за утрату отошедшихъ къ Россіи родовыхъ отчинъ. Пожалованія эти съ теченіемъ времени въ свою очередь обратились въ родовыя имѣнія, около которыхъ группировались нисходящія колѣна князей Мосальскихъ, почему и самый обзоръ ихъ будетъ удобнѣе сдѣлать отдѣльно, въ каждой линіи.

Старшая линія, т. е. потомки князя Владиміра Юрьевича, распалась въ XVI вѣкѣ на двѣ группы, изъ коихъ одна имѣла представителемъ князя Александра Тимоѳеевича, а другую составили остальныя дѣти князя Тимоѳея Владиміровича, принявшія прозваніе Мосальскихъ-Друйскихъ. Обѣ

группы имѣли совершенно отдѣльную, въ разныхъ пунктахъ поземельную собственность.

По свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, сынъ упомянутаго князя Александра Тимоѳеевича—Богушъ Александровичъ ([81]), послѣ паденія Смоленска получилъ отъ короля Сигизмунда значительное имѣніе около Волковыска, называвшееся Олтупово и другое въ волости Меречской ([82]); по инымъ же свѣдѣніямъ—князь Богушъ, послѣ взятія Смоленска московскимъ великимъ княземъ, получилъ отъ короля земли около Уцянъ ([83]). Справедливость перваго извѣстія дѣйствительно подтверждается послѣдующими документами, о послѣднемъ же точныхъ указаній въ сохранившихся, или покрайней мѣрѣ извѣстныхъ, актахъ не встрѣчается. Собственно въ документахъ оффиціальныхъ до насъ дошло только пожалованіе князю Богушу «на вѣчность» имѣнія въ волости Меречской Трокскаго повѣта ([84]), даннаго королемъ Сигиз-

(81) См. № 25 родосл.

(82) Оргельбрандъ: Encyklopedia powszechna, т. 18, стр. 129—131.

Здѣсь же говорится о князѣ Богушѣ, что онъ—«какъ представитель старшей линіи, на котораго въ 1521 году, послѣ безпотомственной кончины князя рязанскаго Ивана Васильевича, перешло родовое старшинство во всемъ родѣ Рюриковичей, предпочелъ остаться въ Литвѣ, несмотря на всѣ привлекательныя приглашенія великого князя московскаго, о чемъ свидѣтельствуетъ большое число указаній въ современныхъ историческихъ памятникахъ» (?).

(83) «Klucz wlasny do wszystkich domow xiążąt litewskich» (рук. Имп. публ. библ. отд. Historia Polonia) съ сылками на Гвагнина и Кояловича. Уцяны близь Динабурга.

(84) Акты Метр. лит. (Кн. Зап. № 25, л. 179, 180).

мундомъ индикта 4-го ([85]), и заключавшаго въ себѣ 43 службы людей ([86]) и 8 земель пустопорожнихъ, о принадлежности же князю Богушу другихъ имѣній, въ томъ числѣ Олтупова въ Волковыскомъ повѣтѣ, свидѣтельствуютъ документы косвенные, не относящіеся къ числу королевскихъ пожалованій, какъ напр. жалоба того-же князя Богуша, 1534 г., на боярина мстибоговского Оксакова, за наѣздъ и грабежъ, произведенный въ упомянутомъ имѣніи, именно что Оксаковъ—«наславшы слугъ своихъ моцно гвалтомъ на дворецъ его Олтуповскій, тивуна и челядь его побили и статки его тыи, которыи въ тотъ часъ въ дворцы его были, побрали и въ людей его, которыи-жъ люди сѣдять около дворца его олтуповского, быдло и статки ихъ побрали; а наѣхавшы на домъ боярина его на имя Пашка, его самого и сына его збили и статки ихъ домовыи и пенези княжіи которыи въ тотъ часъ въ нихъ были, побрали» ([87]). Затѣмъ въ дошедшемъ до насъ духовномъ завѣщаніи князя Михаила Богушевича, 1572 г. ([88]), послѣдній называетъ Олтуповское имѣніе, въ числѣ другихъ,—наслѣдственнымъ; здѣсь же видно, что часть этого имѣнія лежала въ Слонимскомъ повѣтѣ и что пожалованное королемъ князю Богушу въ Меречской волости—называлось Подмеречъ. По владѣнію этими двумя имѣніями, князь Богушъ въ современныхъ ак-

([85]) 4-й индиктъ въ царствованіе Сигизмунда I падаетъ на 1516, 1531 и 1546 годы.

([86]) Служба—заселенный участокъ земли.

([87]) Акты Метр. лит. (Кн. Зап. № 18, л. 106).

([88]) См. прил. 29.

тахъ, какъ мы видѣли напр. выше, показанъ иногда въ числѣ бояръ волковыскихъ, иногда-же въ числѣ—мерецкихъ. Независимо отъ того князь Богушъ владѣлъ еще имѣніями въ «сокольской землѣ» ([89]), что видно изъ вышеупоминавшагося завѣщанія князя Михаила Богушевича, но эти имѣнія въ томъ-же завѣщаніи уже названы «отчужденными по случаю происшедшей войны», слѣд. Михаилъ Богушевичъ лишился ихъ передъ 1572 годомъ; такимъ образомъ вышеприведенное извѣстіе о пожалованіи князю Мосальскому имѣній около Уцянъ, также находитъ себѣ косвенное подтвержденіе, если подъ ними подразумѣваются утраченныя владѣнія Мосальскихъ въ Сокольской землѣ, что является очень вѣроятнымъ ([90]). Упомянутыя имѣнія Олтупово и Подмеречъ составили родовую собственность старшей линіи князей Мосальскихъ ([91]), къ сохраненію которой въ ихъ родѣ, членами этой линіи были дѣлаемы соотвѣтственныя условія и распоряженія, о чемъ уже замѣчено выше. Такъ князь Михаилъ Богушевичъ, завѣщая своимъ дѣтямъ упомянутыя имѣнія, обязывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ не отдавать и не отписывать ихъ въ чужое постороннее владѣніе, вслѣдствіе чего въ 1577 г.

([89]) Соколъ—мѣстечко въ Витебской губ.

([90]) Можно прибавить еще, что около Уцянъ были пожалованы земли и другимъ Мосальскимъ, по крайней мѣрѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ 1522 г. королемъ Сигизмундомъ было дано князю Андрею Мосальскому 15 служебъ людей и 4 земли пустопорожнихъ въ Утенской волости (Акты Метр. лит.: Кн. Зап. № 12, л. 17 и 274).

([91]) Кромѣ того имѣется указаніе, что князь Богушъ имѣлъ въ своемъ пользованіи землю Войкилишки въ Подляскомъ воеводствѣ, принадлежавшую Сапегамъ (Акты Метр. лит.: Кн. суд. дѣлъ № 8, л. 33).

6

три его сына князья Богданъ, Фридрихъ и Янушъ заключили между собою, вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ княземъ Ѳедоромъ Петровичемъ, договоръ, цѣль котораго была предохранить свой родъ отъ обѣдненія, могшаго явиться результатомъ раздробленія родовыхъ имѣній. Договоръ этотъ, дошедшій до насъ ([92]), любопытенъ, независимо отъ своей прямой цѣли, еще и по традиціоннымъ взглядамъ, высказываемымъ въ немъ упомятыми лицами, относительно правъ на утраченныя въ войнахъ съ Россіею вотчины. Въ немъ Мосальскіе заявляютъ, что они четверо, вступивъ во владѣніе имѣніями, доставившимися послѣ отца ихъ и бездѣтной смерти дяди Петра Богушевича Вериги, условились, что если у кого изъ нихъ, братьевъ, не будетъ потомства, то упомянутыхъ имѣній никому постороннему не отписывать и не продавать, записи-же на церкви дѣлать деньгами; равнымъ образомъ и въ случаѣ выдачи замужъ дочерей, денежныя записи на имѣніяхъ дѣлать умѣренныя, чтобъ была возможность ихъ внести и такимъ образомъ имѣнія выкупить; далѣе, что договоръ этотъ распространяется и на тѣ земли, которыя, будучи по милости Бога оставлены ихъ прародителями въ Смоленщизнѣ, вернутся впослѣдствіи, что договоръ долженъ имѣть силу, пока будетъ существовать мечъ, что онъ обязателенъ для ихъ потомковъ и что упомянутый мечъ они должны сохранить въ сердцахъ своихъ, для поддержки рода князей Мосальскихъ!..

Въ современныхъ документахъ можно подмѣтить нѣсколько

([92]) См. прил. 31.

данныхъ относительно и семейныхъ отношеній между потомками князя Богуша, данныхъ, указывающихъ на существованіе между ними извѣстныхъ раздоровъ. Самоуправство дворянъ, развившееся въ Литвѣ и вызывавшее подъ часъ кровавыя сцены между враждующими, находило себѣ мѣсто и въ семьѣ князей Мосальскихъ, дозволявшихъ себѣ примѣнять право сильнаго какъ въ отношеніяхъ къ другимъ, такъ и между собою. Главнѣйшимъ образомъ эти самоуправства вызывались распрями изъ за правъ поземельной собственности и выражались вооруженными грабежами, сопровождавшимися смертоубійствами, жертвами которыхъ нерѣдко падали сами враждующіе, какъ напр. ниже мы встрѣтимся съ однимъ изъ подобныхъ случаевъ, гдѣ одинъ изъ князей Мосальскихъ даже поплатился жизнью за разнузданность своего времени.

Въ силу подобнаго порядка вещей, встрѣчаемые примѣры насильственнаго самоуправства членовъ описываемой линіи, какъ съ другими обывателями, такъ и между собою, не представляютъ явленія исключительнаго, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ князья Мосальскіе служили только отраженіемъ духа своего времени. Въ современныхъ судебныхъ актахъ встрѣчаемъ напр. два обвиненія, по которымъ призывался къ суду князь Петръ Богушевичъ, вслѣдствіе насилій, совершенныхъ имъ въ 1562 г. Въ первомъ случаѣ на него принесъ жалобу одинъ земянинъ Трокскаго повѣта, о «гвалтовномъ отнятіи» у него княземъ Мосальскимъ двухъ служебъ людей, которыхъ Мосальскій силою удерживалъ у

6*

себя и заставлялъ работать въ теченіи шести лѣтъ ([93]); во второмъ—съ жалобой въ судъ обратился родной братъ Петра Богушевича—князь Михаилъ, на котораго тотъ нагрянулъ со своими людьми, ограбилъ его сѣножать и увезъ съ собою 60 возовъ сѣна; при этомъ по приказанію Петра Богушевича, были нанесены грубыя оскорбленія и побои даже женѣ князя Михаила, урожденной Волловичъ ([94]). Сынъ того-же Петра Богушевича, князь Янушъ, въ 1580 г. воспользовавшись отсутствіемъ одного помѣщика Минскаго уѣзда, сдѣлалъ наѣздъ на его имѣніе и увезъ съ собою его жену, ребенка, прислугу и имущество:—«Подъѣхавши подъ дворъ имѣнья его, называемаго Давыдовскою,»—говорится въ современной жалобѣ ([95]), «жену его вѣнчальную со всею маетностью его взявшы до имѣнья своего Олтуповскаго выпровадилъ». На сколько подобныя экспедиціи были въ духѣ своего времени, можетъ указывать напр. то обстоятельство, что во главѣ ихъ являлся даже женскій персоналъ; такъ характерную черту въ этомъ родѣ, представляетъ образъ дѣйствій жены другаго Петра Богушевича Мосальскаго, прозваннаго Веригой. Супруги сообща пріобрѣли покупкою усадьбу Войкилишки ([96]) у Сапеги, но остались должны по-

([93]) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 51, л. 50; № 52, л. 258). Мосальскій былъ приговоренъ за это къ уплатѣ 50 копъ грошей и къ возвращенію захваченныхъ людей.

([94]) Тамъ-же (Кн. суд. дѣлъ, № 47, л. 27). Конецъ дѣла неизвѣстенъ.

([95]) Тамъ-же (Кн. зап. № 68, л. 66; Кн. суд. дѣлъ № 60, л. 212). Мосальскій былъ два раза вызываемъ въ судъ, но оба раза не явился, ссылаясь на болѣзнь; разборъ дѣла былъ отложенъ и чѣмъ оно окончилось—не видно.

([96]) См. выноску (91).

слѣднему часть суммы, по поводу чего въ 1561 г. на вдову Мосальскую (такъ какъ ея мужъ въ это время умеръ) былъ предъявленъ искъ; какъ видно изъ дѣла, Мосальская отказывалась отъ уплаты и вѣроятно лишившись поэтому усадьбы, въ 1562 г. въ отмщеніе нагрянула на послѣднюю, перебила въ ней слугъ и повредила самый домъ. Сапега два раза жаловался въ судъ на княгиню Мосальскую за упомянутый «гвалтовный наѣздъ на дворецъ его Войкилишки, и о збитьѣ и мордованьѣ врадника, бояръ и людей его и немалой шкодѣ дворцу», но оба раза Мосальская въ судъ не явилась ([97]).

Наконецъ нѣсколько чертъ для характеристики семейныхъ отношеній между сыновьями князя Богуша Александровича, могутъ еще воспроизводиться изъ любопытнаго документа 1562 г., содержащаго въ себѣ изложеніе сущности процесса между вдовой князя Петра Вериги и братьями ея мужа ([98]); изъ него видно, что послѣдними (по смерти Вериги) начата была тяжба, имѣвшая цѣлью лишить вдову Вериги правъ на наслѣдованіе движимыми и недвижимыми имѣніями, завѣщанными ей умершимъ ихъ братомъ, который былъ соучастникомъ по владѣнію родовыми имѣніями этихъ Мосальскихъ.

Другую группу той же старшей линіи составляли, какъ выше уже сказано, остальные три сына князя Тимоѳея

([97]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 39, л. 235; Кн. суд. дѣлъ № 35, л. 131, 218; № 41, л. 408).

([98]) См. прил. 21.

Владиміровича, родовою собственностью которыхъ сдѣлалась Друя, обширное имѣніе надъ Двиною, утвержденное за ними королевскою грамотою 1505 г. (99). Представителями этой группы въ началѣ XVI вѣка, были князья Петръ, Юрій и Иванъ Тимоѳеевичи (100), принявшіе къ своей фамиліи прозваніе Друйскихъ; независимо отъ того они просили и получили отъ короля Сигизмунда еще пять пустопорожнихъ земель въ Смоленскомъ повѣтѣ, о чемъ сохранилось королевское повелѣніе, помѣченное индиктомъ первымъ (101). Въ 1524 г. упомянутыя лица раздѣлили между собою Друю, или вѣрнѣе сказать выдѣлили князя Юрія Тимоѳеевича, который получилъ земли Понизовье и Лубковщизну, съ точно обозначенными въ договорѣ границами (102). Земли, уступленныя князю Юрію, окружали со всѣхъ сторонъ самое мѣ-

(99) См. прил. 1. Въ той же грамотѣ Мосальскіе получили еще и привиллегію, освобождавшую ихъ съ потомками на всегда отъ платежа всякихъ таможенныхъ пошлинъ, вверхъ и внизъ по рѣкѣ Двинѣ, имѣть свободныя отъ даней и таможенныхъ пошлинъ пристань и плаваніе по упомянутой рѣкѣ, для торговли продуктами и произведеніями друйской земли; однако воскъ, везомый въ Ригу (Двиною) обязательно было оплачивать пошлиною въ друйской таможнѣ, именно со всякаго камня воска 6 грошей и 1 грошъ въ пользу смотрителя (съ 6-ти камней); равнымъ образомъ соль, везомая изъ Риги подлежала оплатѣ, въ размѣрѣ 4 грошей съ куля (берковца) и двухъ оболовъ таможенному смотрителю. Кромѣ того для жителей Друи оставалась обязательною еще одна земская подать, называвшаяся королевщиною, отъ остальныхъ-же они были освобождены.

(100) См. №№ 12, 13 и 14 родословной.

(101) Первый индиктъ въ царствованіе короля Сигизмунда падаетъ на 1513, 1528 и 1543 годы.

(102) См. прил. 3.

стечко Друю, почему онъ обязался отдавать подъ выгонъ жителямъ свои пустопорожнія мѣста, получая за это дань (на праздникъ вешняго Юрія) съ каждой головы пасущагося скота. Вмѣстѣ съ тѣмъ и князь Иванъ Тимоѳеевичъ отказался отъ всякихъ правъ на участіе въ самомъ замкѣ Друѣ, который слѣдов. остался во владѣніи двухъ другихъ братьевъ, т. е. князей Петра и Юрія, выдавшихъ князю Ивану за то соотвѣтственное вознагражденіе.

Независимо отъ сказанныхъ пожалованій, поземельныя владѣнія князей Мосальскихъ-Друйскихъ значительно еще расширились путемъ брачныхъ союзовъ, а также и пріобрѣтенія имѣній покупкою. Такъ старшій изъ упомянутыхъ братьевъ, князь Петръ, женившись на дочери «князя Матфея Микитыча» ([103]), получилъ за ней въ приданое имѣніе Стругу, третья часть котораго перешла въ его вѣчную собственность по завѣщанію жены, умершей около 1524 г. ([104]). Сынъ князя Петра Тимоѳеевича, Андрей ([105]), былъ женатъ на княжнѣ Ганнѣ Путята, которая записала мужу большое имѣніе Тучинъ на Волыни, лежавшее при рѣкѣ Горыни и состоявшее изъ замка съ мѣстечкомъ и нѣсколькихъ селъ съ приселками; кромѣ того она предоставила ему-же пользованіе еще другими своими землями на Волыни, но находив-

---

([103]) По всей вѣроятности князя Ряполовскаго-Головчинскаго. Соединеніе гербовъ Ряполовскаго и Мосальскихъ сохранилось и на нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ, какъ напр. на одной польской пушкѣ 1560 г., хранящейся въ С.-Петербургскомъ артил. музеѣ.

([104]) См. прил. 9.

([105]) См. № 27 родосл.

шимися въ залогѣ, почему назначивъ деньги на ихъ выкупъ, княгиня Мосальская предоставила эти земли удержать у себя мужу, пока родственники ея не уплатятъ послѣднему внесеннаго ею выкупа; этотъ-же князь Андрей владѣлъ еще имѣніемъ Смердынскимъ, въ Луцкомъ повѣтѣ надъ рѣкою Стыромъ, въ которомъ по королевскому повелѣнію 1569 г. было разрѣшено устройство ярмарокъ и вольныхъ торговъ; сыну князя Андрея, Юрію ([106]), принадлежало въ Вилькомірскомъ повѣтѣ имѣніе Стеркишки, взятое имъ за женой своей Ганной Крывцовной. Князь Юрій Тимоѳеевичъ въ 1524 г. купилъ у полоцкихъ мѣщанъ землю Собутевщину, затѣмъ въ Полоцкомъ-же воеводствѣ-землю «лежачую на влнне» и наконецъ третью – въ Опеской волости Браславскаго повѣта. Упомянутый князь Петръ Тимоѳеевичъ покупаетъ въ 1524 г. имѣніе Ищолно. Сверхъ всего этого значительныя имѣнія находились еще у того-же князя Петра во временномъ владѣніи, на основаніи «заставного» права ([107]), т. е. въ видѣ вознагражденія и обезпеченія за взятыя правительствомъ заимообразно денежныя суммы. Такъ ему было отдано «заставою» имѣніе Стоклишки, за занятую королемъ Сигизмундомъ сумму въ 1000 копъ грошей; затѣмъ въ пользованіе его-же была отдана на опредѣленныхъ условіяхъ волость Любошанская и наконецъ далѣе онъ называется «державцей» сомилишскимъ. Упомянутый выше князь Юрій Андреевичъ, также по заставному праву владѣлъ

([106]) См. № 58 родосл.
([107]) См. прил. 7.

частью Утянской волости, за данную имъ сумму въ 4000 копъ грошей, такъ что всѣ эти данныя въ совокупности представляютъ вѣтвь князей Мосальскихъ-Друйскихъ съ весьма широкими матеріальными средствами. Однако войны съ Россіей во второй половинѣ XVI ст., какъ видно, тяжело отозвались на ихъ благосостояніи, по крайней мѣрѣ несмотря на вышеупоминавшіяся льготы, данныя имъ въ грамотѣ на владѣніе Друей и подтвержденныя новой грамотой въ 1556 г., князья Мосальскіе-Друйскіе коллективно били челомъ королю (въ 1562 г.), объ освобожденіи ихъ отъ земскаго побора, установленнаго въ Полоцкѣ; листомъ королевскимъ, документомъ весьма любопытнымъ въ своемъ родѣ ([108]), повинности были смягчены для нихъ — «яко людемъ украинымъ, для знащенья и шкоды ихъ, которую отъ непріятеля его королевское милости приняли».

Въ домашнемъ быту князей Мосальскихъ-Друйскихъ, встрѣчаемъ тѣже черты нарушенія гражданскаго общежитія, съ которыми мы уже встрѣчались выше, говоря о князьяхъ Богушевичахъ, и которыя, выражаясь въ своевольномъ самоуправствѣ и нарушеніи законовъ, являлись и здѣсь только отраженіемъ общаго направленія нравовъ современной Литвы. Въ этомъ отношеніи хроника Мосальскихъ-Друйскихъ представляетъ также небезъинтересные факты, обрисовывающіе характеръ своего времени. Сохранилось напр. нѣсколько указаній на безпорядки и даже разбои въ самой Друѣ, виновниками которыхъ являлись владѣльцы послѣдней и под-

---

([108]) См. прил. 22.

властные имъ люди, дѣйствовавшіе сообразно съ отношеніями своихъ господъ. Такъ напр. встрѣчаемъ нѣсколько жалобъ князя Ивана Тимоѳеевича на брата своего Петра, жалобъ заключающихъ одинаковый мотивъ—одинъ разъ «о кривдахъ, гвалтахъ, грабежахъ и боѣ отъ князя Петра и его подданныхъ» ([109]), другой — что «князь Петръ наславши врадника своего гвалтомъ моцъю люди за се къ имѣнью своему привернути казалъ», что одинъ изъ людей его князя Ивана «не есть безпеченъ живота своего» отъ князя Петра и слугъ послѣдняго, что люди князя Ивана «маютъ кривды отъ людей князя Петровыхъ и онъ на людей своихъ права ни въ чемъ давати не хочетъ» ([110]) и т. д. Равнымъ образомъ встрѣчаемъ жалобы и постороннихъ лицъ на Мосальскихъ, какъ напр. бояриена Чижевича, предъявившаго искъ на того же князя Петра Тимоѳеевича за своихъ людей, которые имѣли раны и шкоды ([111]); князя Соколинскаго — на Юрія Тимоѳеевича, за насильственный захватъ людей и употребленіе ихъ въ работу на себя ([112]); мѣщанки Борисовой на князя Ивана Тимоѳеевича, что послѣдній выгналъ ее изъ ея же дома и забралъ все имущество ([113]) и проч. Но если съ одной стороны сами Мосальскіе представляютъ довольно случаевъ нарушенія общественнаго порядка, являясь виновниками подобныхъ нарушеній, хотя и обыден-

([109]) Акты Метр. лит. (Кн. Зап. № 16, л. 271).
([110]) См. прил. 8.
([111]) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ, № 3, л. 9).
([112]) Тамъ-же (Кн. Зап. № 29, л. 1).
([113]) Тамъ-же (Кн. суд. дѣлъ № 28, л. 3).

ныхъ въ гражданскомъ бытѣ окружавшей ихъ среды, то съ другой—нерѣдко и сами они являлись жертвами подобныхъ же самоуправствъ своихъ противниковъ, на что въ свою очередь указываютъ приносившіеся и ими жалобы ([114]); не входя въ сущность послѣднихъ, какъ мотивированныхъ тѣми же гвалтами и наѣздами, съ которыми мы уже встрѣчались выше, упомянемъ здѣсь только о случаѣ, выдающемся по своей характерности. Князь Андрей Петровичъ ([115]) въ 1565 г., отправляясь на военную службу, заѣхалъ въ Луцкъ для закупки разныхъ предметовъ военнаго снаряженія и нагрузивши ими повозку, отправился съ своими слугами далѣе, какъ вдругъ на дорогѣ нѣкто Сепюта-Ляховицкій догналъ его съ шайкой вооруженной аркебузами и луками, и—какъ заявлялъ въ судѣ самъ Мосальскій, — «не чынечи съ нимъ жадное розмовы але за раземъ оскочившы его самого и хлопца его съ воза сбивши окрутне его самого и слугъ его помордовалъ и поранилъ и коня его скололи, при которомъ деи збитью и зраненю его немалыя ся шкоды ему стали, то естъ вся маетность его которая съ нимъ у котчомъ возѣ была, яко грошы готовые, сребро, ланцугъ, клеиноты, шаты, зброи и иные многіе рѣчы, то деи все на опъ часъ побрано...» ([116]). Подобный примѣръ впрочемъ не единственный: въ актахъ того времени находимъ еще указаніе, что

([114]) Тамъ-же (Кн. суд. дѣлъ № 35, л. 139; № 54, л. 83).

([115]) См. № 27 родослов.

([116]) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 50, л. 178). При дѣлѣ находится документъ, крайне любопытный въ своемъ родѣ: «Реестръ шкодъ князя Мосальскаго», заключающій въ себѣ перечень отнятаго у него имущества съ

сынъ князя Юрія Тимоѳеевича, Иванъ ([117]), былъ даже забитъ до смерти нѣкоимъ Котломъ, въ 1558 г. ([118]).

Вторая линія князей Мосальскихъ, т. е. потомки князя Василія Юрьевича, раздѣлилась, какъ мы уже имѣли случай упоминать ранѣе, на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна переселилась въ XVI ст. въ Россію (Мосальскіе—Кольцовы), а другая осталась въ Литвѣ, имѣя представителемъ князя Ѳедора Михайловича ([119]), получившаго отъ короля Сигизмунда I имѣніе Олекшицы въ Гродненскомъ повѣтѣ, которое и сдѣлалось родовою собственностью этой вѣтви; кромѣ того внукомъ Ѳедора Михайловича — княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ ([120]), было пріобрѣтено имѣніе Волчковское въ Волковыскомъ повѣтѣ, проданное имъ въ 1589 году своему брату князю Льву ([121]), а въ 1594 г. ему же было пожаловано королемъ 26 волокъ земли въ лѣсничествѣ Немоноитскомъ ([122]), но въ пожизненное лишь владѣніе; упомянутому князю Льву принадлежало еще имѣніе Свислочь, при рѣкѣ того же имени ([123]).

Общественная жизнь и семейныя отношенія этой линіи

обозначеніемъ цѣны каждой вещи (см. прил 23). Всего вычислено на 1165 копъ грошей. Интересно въ немъ и то, что израненье самого князя Мосальскаго, его двухъ служебниковъ и хлопца, оцѣнено въ 80 копъ «яко шляхтичомъ».

([117]) См. № 28 родословной.

([118]) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 36, л. 677).

([119]) См. № 18 родосл.

([120]) См. № 68 родосл.

([121]) Акты Мет. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 68, л. 7).

([122]) Тамъ-же (Кн. Зап. № 77, л. 521).

([123]) Тамъ-же (Кн. суд. дѣлъ № 60, л. 139).

князей Мосальскихъ, не прибавляютъ ничего новаго къ чертамъ уже вышеуказаннымъ; здѣсь также встрѣчаемся съ фактами произвола, съ которыми уже ознокомились въ отношеніяхъ между членами и старшей линіи. Князья Иванъ и Михаилъ Өедоровичи ([124]) владѣли послѣ смерти отца родовымъ имѣніемъ Олекшицами, въ которомъ каждый изъ нихъ имѣлъ по селу съ землями, какъ отдѣльную собственность: первому принадлежало самое село Олекшицы, второму—Пониклицы, и хотя князь Иванъ проживалъ не въ своемъ имѣніи, а во дворѣ Вертилишки гродненскаго староства, который онъ держалъ по передачѣ отъ Ходкевича, тѣмъ не менѣе въ современныхъ актахъ сохранились слѣды раздоровъ между братьями; такъ нѣсколько бояръ подали въ 1551 г. жалобу на князя Ивана, что онъ ограбилъ ихъ сѣножать, находившуюся въ залогѣ у князя Михаила, а въ 1555 г. встрѣчаемъ наоборотъ—жалобу князя Ивана на своего брата, что послѣдній ночью сдѣлалъ вооруженное нападеніе на Олекшицы и причинилъ многія кривды и шкоды([125]). Непріязненныя отношенія эти впрочемъ велись, какъ видно, еще съ молодости князей Ивана и Михаила, на что можетъ указывать жалоба перваго по поводу общей ихъ церкви св. Иліи въ селѣ Олекшицахъ; въ этой жалобѣ, поданной въ 1555 г., князь Иванъ представлялъ, что по смерти отца ихъ они были въ опекѣ у своего отчима Василія Чижа, который ту церковь на общій ихъ братьевъ счетъ снова перестроилъ, снабдилъ

([124]) См. №№ 42 и 43 родосл.

([125]) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 24, л. 29; № 33, л. 173).

утварью, образами, книгами и прочимъ, а теперь князь Михаилъ всю ту церковь со всею маетностью и землями церковными «подъ свою властность одинъ самъ привлащаетъ, а тыхъ поповъ безъ его, брата своего, судитъ и рядитъ и ими справуетъ и маетности церковныя, келихи, евангеліе и земли церковныя роздаетъ и тѣмъ церковь Божію пустошитъ» ([126]). Эти-же непріязненныя отношенія между братьями, встрѣчаемъ и позже, какъ напр. въ 1568 г., когда лицо оффиціально посланное къ князю Михаилу, съ вызовомъ его къ суду по жалобѣ князя Ивана, заявило, что тотъ «листы его королевской милости принявши, опые листы вычитавши, брата своего князя Ивана Мосальскаго словы неучтивыми соромотилъ, а потемъ листъ мандатъ себѣ загамовалъ» ([127]).

([126]) Тамъ-же (Кн. суд. дѣлъ № 33, л. 171). Дѣло это любопытное по выясняемымъ имъ отношеніемъ землевладѣльцевъ вообще, къ современному религіозному быту, окончилось мировой сдѣлкой, формулированной впрочемъ не совсѣмъ ясно, а именно: «Ижъ князь Михаило за половицу земли церковное князю Ивану брату своему отъмену дати маеть въ селѣ князя Ивановомъ въ Олекшицкомъ землею подданого своего Опанаса Фалеевича съ селидбою того подданнаго своего знесши его отколь прочь, а если бы тою землею его делу ровного князю Ивану вынести не могло ино князь Михаило иншою землею своею гдѣбы споручъ было додать маеть, ажбы такожъ грунту и такъ много земель, гаевъ, лѣсовъ и сѣножатей князю Ивану отдано было чтобы за половицу грунту церковнаго стояло, а што ся дотычеть о половицу дерева въ той церкви ино князь Михаило такъ много дерева, штобы за половицу тое церкви стояло маеть вывезти людьми своими, а въ рѣчахъ церковныхъ въ образохъ, серебрѣ и ризахъ князю Ивану половицу дати маеть и за половицу звону (колокола) одинъ другому сплатити маеть.» Затѣмъ «князь Иванъ до церкви князя Михаила въ селѣ Пониклицы, а князь Михаилъ до тое церкви, которую онъ у себя въ селѣ Олекшицкомъ поставитъ, ничего мети не маютъ.» (Тамъ-же: Кн. суд. дѣлъ № 33, л. 315).

([127]) Тамъ-же (Кн. суд. дѣлъ № 51, л. 118).

Въ дополненіе къ перечисленнымъ уже извѣстіямъ объ имущественномъ положеніи князей Мосальскихъ въ Литвѣ въ XVI стол., мы должны здѣсь привести нѣсколько подобныхъ же свѣдѣній еще о трехъ лицахъ, генеалогія которыхъ въ восходящемъ колѣнѣ въ дошедшихъ до насъ документахъ однако не выслѣживается. Въ числѣ таковыхъ современные акты называютъ Григорія Аѳанасьевича Мосальскаго ([128]) подкоморія гродненскаго, одного изъ крупнѣйшихъ представителей этой фамиліи въ имущественномъ отношеніи. Въ 1563 г. онъ упоминается какъ бояринъ Троцкаго повѣта, по случаю утвержденія за нимъ небольшаго имѣнія Урдомины въ Стобинской волости, взятаго имъ за вдовой Лысой, съ которой онъ вступилъ въ супружество ([129]), а затѣмъ онъ-же является все болѣе и болѣе крупнымъ землевладѣльцемъ: въ 1567 г. получаетъ въ заставу волость Обельскую, за данныя правительству заимообразно 3200 копъ грошей ([130]) и въ 1569 г. на такомъ же основаніи ему отдается волость Оникштенская; въ томъ же году онъ въ актахъ называется еще державцей Перстунскимъ и Берзницкимъ ([131]). Независимо отъ арендъ и пожизненныхъ пожалованій, Григо-

---

([128]) Въ сохранившихся документахъ не встрѣчается ни одного лица изъ рода Мосальскихъ, которое бы въ описываемое время носило имя Аѳанасія. У Григорія были дѣти: Лукашъ, Александръ, Ганна и Христина.

([129]) Акты Метр. лит. (Кн. Зап. № 39, л. 468).

([130]) Тамъ-же (Кн. суд. дѣлъ № 53, л. 95).

([131]) Тамъ-же (Кн. Зап. № 52, л. 9; № 58, л. 329; Кн. суд. дѣлъ № 49, л. 115).

рій Аѳанасьевичъ является и крупнымъ собственникомъ имѣній, непосредственно ему принадлежавшихъ, пріобрѣтенныхъ покупкою за весьма значительныя для того времени суммы; такъ въ 1584 г. имъ были куплены надъ Нѣманомъ: Сапежишки—родовое имѣніе Сапегъ за 15000 копъ грошей и другое—Дедикгольдишки отъ Дембинскаго—за 10000 копъ (132); сверхъ того про Григорія-жъ Аѳанасьевича читаемъ у Нѣсецкаго (133), что онъ имѣлъ жену изъ фамиліи Рачковъ (слѣдов. былъ женатъ два раза), за которою взявъ въ приданое имѣніе Рачки, получилъ прозвище Рачокъ-Мосальскій. Въ современныхъ актахъ встрѣчаемъ еще двухъ лицъ, принадлежащихъ также къ неизвѣстной линіи, именно князя Ивана Васильевича и князя Андрея. Про перваго изъ нихъ сохранилось извѣстіе, что онъ былъ женатъ на княжнѣ Ганнѣ Ивановнѣ Корецкой (134), за которою въ приданое

---

(132) Тамъ-же (Кн. Зап. № 68, л. 393; Кн. суд. дѣлъ № 61, л. 405; № 65 л. 15).

(133) «Herbarz polski» издан. Бобровичемъ, т. VI.

(134) По нѣкоторымъ указаніямъ эта Ганна Корецкая была замужемъ именно за княземъ Иваномъ (См. № 42 родосл.) сыномъ Ѳедора Михайловича, владѣвшаго Олекшицами, о чемъ напр. говорится въ меморіалѣ 1774 г., поданномъ въ сеймовую делегацію княземъ Игнатіемъ Мосальскимъ, епископомъ виленскомъ, причемъ сказано, что упомянутый первый владѣлецъ Олекшицъ имѣлъ два имени Ѳедоръ-Василій. Руководствуясь меморіаломъ, какъ видно, тоже самое повторилъ и неизвѣстный авторъ брошюры 1789 г.: «Historya z autorow y dyplomatow domu xiążąt Massalskich», но изъ актовъ Метрики литовской почерпается точное свѣдѣніе, что на Корецкой былъ женатъ князь Иванъ Васильевичъ, а не Ѳедоровичъ, и хотя подобное противорѣчіе могло бы находить себѣ соглашеніе, если допустить справедливость извѣстія о двуимянности перваго владѣтеля Олекшицъ, но дальнѣйшіе документы препятствуютъ о тож-

получилъ половину замка и имѣнія Корцы, почему и принялъ прозваніе Мосальскій-Корецкій ([135]); однако уже въ 1532 г. князь Иванъ съ женой просили у короля разрѣшенія, обмѣнять съ кѣмъ нибудь ихъ часть въ упомянутомъ имѣніи, въ силу невыносимыхъ отношеній съ княземъ Богушемъ Корецкимъ, которому принадлежала другая половина Корцовъ; они представляли, что послѣдній: «съ тое ден половицы своей кривды и втиски яко имъ самимъ такъ и людямъ ихъ великіе дѣлаетъ и словы неучливыми на нихъ сечаеть и многихъ слугъ его (Мосальскаго) казалъ збити и зранити, и што далей то больше трудности и шкоды и не могутъ отъ него самого и слугъ его упокойного мешканья мети и здоровья своего не суть отъ него безпечни» ([136]). Въ виду подобныхъ отношеній, король — «не хотячи обы таковой ростырки межи подданными нашими ся становили», разрѣшилъ просимый обмѣнъ и, можно думать, что вмѣсто упомянутой части Корцовъ, Мосальскими было пріобрѣтено имѣніе Торговицы, перешедшее по наслѣдству затѣмъ къ ихъ

дествленію князей Ивана Өедоровича и Ивана Васильевича въ одно лицо, такъ какъ дѣти ихъ въ современныхъ юридическихъ актахъ видимо относятся къ разнымъ родителямъ (см. напр. акты Метр. лит.: Кн. зап. № 68, л. 386; кн. суд. дѣлъ № 61, л. 386; Кн. корон. записей подъ лит. Н, л. 159). Быть можетъ упоминаемый князь Иванъ Васильевичъ былъ сыномъ князя Василія Өедоровича (см. № 20 родосл.), но во всякомъ случаѣ на это никакихъ положительныхъ данныхъ не имѣется.

([135]) Нѣсецкій: Herbarz polski, ч. VI. Выше мы уже видѣли (см. стр. 74), что съ этимъ прозваніемъ князь Иванъ значится въ актахъ Волынской земли, 1528 г. Онъ имѣлъ двухъ сыновей Богдана и Василія.

([136]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 17, л. 185).

7

дѣтямъ, что видно изъ тяжбы 1585 г. между послѣдними и сыномъ упомянутаго князя Корецкаго воеводы волынскаго ([137]). Что касается до упомянутаго выше князя Андрея, то, какъ сказано уже ([138]), ему въ 1522 г. во вниманіе утраты отнятыхъ непріятелемъ вотчинъ и ранъ полученныхъ въ битвѣ подъ Оршей, велѣно было дать 15 служебъ людей и 4 пустопорожнихъ земли въ Утянской волости, а въ 1546 г. тамъ же еще двѣ службы людей съ тремя землями пустыми ([139]).

Таковы свѣдѣнія дошедшія до насъ о политическомъ и общественномъ бытѣ князей Мосальскихъ въ Литвѣ; бросимъ теперь взглядъ на бытъ ихъ современниковъ, переселившихся въ Россію.

Въ отношеніи имущественномъ, главный интересъ сосредоточивается на вопросѣ о родовомъ удѣлѣ князей Мосальскихъ, т. е. городѣ Мосальскѣ съ волостями. Что удѣлы, или вѣрнѣе сказать территорія ими занимавшаяся, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, принадлежала во времена Ивана Грознаго тѣмъ-же владѣльцамъ, предки которыхъ были тамъ-же удѣльными князьями, о томъ

([137]) Тамъ-же (Кн. корон. зап. подъ лит. H, л. 159). Вѣроятно изъ этихъ Мосальскихъ-Корецкихъ одинъ былъ замѣшанъ въ довольно замѣчательномъ фактѣ, констатированномъ въ жалобѣ епископа луцкаго 1584 г., на старосту лидскаго князя Пронскаго, что послѣдній при соучастіи Мосальскаго и другихъ лицъ, отнялъ вооруженною силою у епископа Жидичинскій монастырь, велѣлъ выкопать кости его сына и невѣстки и выбросить ихъ изъ монастыря (Арх. Ю. З. Россіи, ч. I, т. 1, № 40, стр. 189).

([138]) См. выноску (90).

([139]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 12, л. 17, 274; № 30, л. 147).

сохранились современныя указанія, какъ напр. въ духовномъ завѣщаніи царя Ивана Васильевича 1572 году; въ немъ говорится: «А князи Одоевскіе, Оболенскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Мосальскіе, съ своими вотчинами служатъ сыну моему Ивану..., а которые отъѣдутъ къ сыну моему Ѳедору или инуды куды нибудь и тѣхъ вотчины сыну моему Ивану». Такимъ образомъ видно, что и князья Мосальскіе сдѣлавшись князьями служебными, сохраняли еще въ своей фамиліи родовыя отчины, хотя конечно уже на совершенно иныхъ правахъ владѣнія. Кому именно изъ членовъ описываемой фамиліи принадлежалъ самый—городъ Мосальскъ, свѣдѣній не имѣется, но возможна лишь догадка, что онъ находился во владѣніи тѣхъ лицъ изъ нихъ, которыя ранѣе другихъ сдѣлались подданными великого князя Московскаго, а таковыми встрѣчаемъ двухъ внуковъ князя Семена Юрьевича Мосальскаго – князей Димитрія и Семена Ивановичей, упоминаемыхъ уже въ смоленскомъ походѣ 1513 г. Тѣмъ не менѣе въ 1550 г. находимъ другое любопытное въ этомъ же отношеніи указаніе, изъ котораго надо заключить, что въ родовомъ удѣлѣ князей Мосальскихъ въ это время водворились уже и прочія ихъ вѣтви, выселившіяся изъ Литвы въ Россію, т. е. Мосальскіе-Кольцовы и Мосальскіе-Литвиновы. Въ упомянутомъ году, по грамотѣ Ивана Грознаго, велѣно было «учинить въ Московскомъ уѣздѣ помѣщиковъ дѣтей боярскихъ 1000 человѣкъ», обязанныхъ извѣстной службой, которымъ было опредѣлено отвести тамъже помѣстья, подраздѣля ихъ на три каттегоріи. Здѣсь въ

7*

числѣ «дѣтей боярскихъ», отнесенныхъ къ третьей статьѣ, т. е. такихъ, которымъ велѣно было дать по сто четей земли, встрѣчаемъ девятерыхъ князей Мосальскихъ ([140]), причемъ въ самомъ документѣ они всѣ означены «изъ Мосальска».

Выселеніе въ Россію князей Мосальскихъ совершилось, какъ мы видѣли выше, неодновременно, слѣдовательно и самое водвореніе ихъ въ родовыхъ вотчинахъ также происходило въ періоды разные; кромѣ того нельзя утверждать также, чтобы всѣ Мосальскіе получали земли именно въ раіонѣ своихъ родовыхъ вотчинъ, такъ какъ извѣстно, что у нѣкоторыхъ изъ князей, какъ напр. у Воротынскаго—родовая вотчина была отобрана, а взамѣнъ данъ городъ Стародубъ-Ряполовскій ([141]). Вообще князья Мосальскіе не были уже полными обладателями своей родовой собственности, по крайней мѣрѣ въ той-же вышеупомянутой духовной Ивана

([140]) «Лѣта 7059 Октября въ 3 день царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси приговорилъ съ бояры учинить въ Московскомъ уѣздѣ... отъ Москвы верстъ за 60 и за 70, помѣщиковъ дѣтей боярскихъ лучшихъ слугъ 1000 человѣкъ..., а третьей статьѣ дать помѣстья дѣтямъ боярскимъ по 100 чети ..., а который по грѣхомъ изъ тое тысячи вымретъ, а сынъ его не пригодится къ той службѣ, ино въ того мѣсто прибрать иного. А за которыми бояры и за дѣтьми боярскими вотчины въ Московскомъ уѣздѣ или въ иномъ городѣ, которые близь Москвы верстъ за 50 или за 60, и тѣмъ помѣстья не дать.

... Статья третья. Въ третьей статьѣ дать дѣтямъ боярскимъ помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ по 100 чети:

Изъ Мосальска: Князь Василей Кольцова да Андрей Семеновы дѣти Старого Мосальского, князь Василей Усатова княжъ Семеновъ сынъ Мосальскаго, князь Василей да Иванъ да Михайло княжъ Васильевы дѣти Мосальскаго Литвинова, да князь Александръ да Осипъ да Иванъ княжъ Димитріевы дѣти Мосальского. (Времен. общ. ист. и древн. кн. 20).

([141]) Соловьевъ: Ист. Россіи, т. VII, 9.

Грознаго, послѣдній отдаетъ сыну своему Іоанну третью часть города Мосальска; точно также и позже, напр. въ 1593 году, встрѣчаемъ извѣстіе, что по случаю кончины дочери царя Ѳедора Іоанновича Ѳеодосіи,—«Государь повелѣ въ Вознесенскій монастырь дати вотчину въ Мосальскомъ уѣздѣ, село Чертень» ([142]). Самое право вотчиннаго владѣнія, уже не представляло и тѣни прежнихъ удѣльныхъ порядковъ, независимо отъ чего постановленіе 1562 года, ограничивавшее порядокъ наслѣдованія и отчужденія тѣхъ-же вотчинъ, еще обусловливало скорѣйшій переходъ этихъ вотчинъ въ казну;—царь и великій князь приговорилъ съ бояры: «которыя вотчины за князьями Ярославскими, за Стародубскими, за Ростовскими, за Суздальскими, за Тверскими, за Оболенскими, за Бѣлозерскими, за Воротынскими, за Мосальскими, за Трубецкими, за Одоевскими и за иными служилыми князьями вотчины старинныя и тѣмъ княземъ вотчинъ своихъ не продавати и не мѣняти и за дочерьми своими и за сестрами въ приданое не давати; а котораго князя бездѣтна не станетъ и тѣ вотчины имати на государя» ([143]). Такимъ образомъ родовыя вотчины отчуждаемы быть не могли и становясь выморочными въ мужской нисходящей линіи, поступали въ казну, потому что переходъ ихъ даже въ ближайшія боковыя линіи былъ поставленъ въ зависимость отъ воли государя—«и государь того посмотря

([142]) Карамзинъ: Ист. госуд. россійскаго, т. X, прим. 278. По Никоновой лѣтописи—Гертенъ (т. VIII, стр. 26).

([143]) Акты истор., т. 1, № 268.

по вотчинѣ и по духовной, велитъ указъ учинити»; впрочемъ продажа земель не устранялась вполнѣ, но никому другому «опричь своей братьи и племянниковъ», въ противномъ случаѣ имѣніе подлежало конфискаціи въ казну.

Гдѣ еще въ XVI столѣтіи владѣли поземельной собственностью князья Мосальскіе, свѣдѣній не имѣется, но во всякомъ случаѣ даже въ концѣ XVII вѣка, многіе изъ членовъ ихъ рода удерживаются еще на территоріи своего бывшаго родоваго удѣла, обратясь въ разрядъ обыкновенныхъ помѣщиковъ.

Объ участіи князей Мосальскихъ въ государственной жизни тогдашней Россіи, сохранилось нѣсколькой извѣстій, особо выдѣляющихся изъ цѣлаго ряда другихъ, болѣе или менѣе заурядныхъ. Относительно этихъ послѣднихъ въ дошедшихъ до насъ «розрядахъ» того времени, можно встрѣтить цѣлый рядъ упоминаній о князьяхъ Мосальскихъ, напр. между тогдашними нарядами на различныя должности по администраціи гражданской и военной, назначеніями на воеводство въ городахъ и войскахъ, участію въ разныхъ торжественныхъ церемоніяхъ, пріемахъ пословъ, царскихъ выходахъ, свадьбахъ и т. д. ([144]), но всѣ подобные факты не имѣютъ выдающагося значенія, такъ какъ обставляютъ собою общественный бытъ и всего остальнаго именитаго дворянства тогдашней Руси. Поэтому здѣсь мы остановимся только на извѣстіяхъ болѣе исключительныхъ.

Такъ во первыхъ имена девяти князей Мосальскихъ встрѣ-

([144]) См. ч. 2—«Поколѣнная роспись и лѣтопись рода князей Мосальскихъ».

чаемъ на актѣ избранія въ цари Бориса Годунова, 1598 г. ([145]), гдѣ они показаны частью какъ лица учавствовавшіе въ земскомъ соборѣ, частью — въ числѣ приложившихъ руки у утвержденныхъ грамотъ. Далѣе, одного изъ Мосальскихъ встрѣчаемъ какъ дѣятеля дипломатическаго, на котораго было возложено довольно трудное порученіе — возстановить мирныя отношенія съ Крымомъ, во второй половинѣ XVI столѣтія. Дѣятелемъ этимъ современные акты называютъ князя Василія Мосальскаго ([146]).

Въ 1578 году крымскимъ ханомъ сдѣлался Магметъ-Гирей, выразившій намѣреніе отправить въ Россію посольство для заключенія мира, въ отвѣтъ на что съ русской стороны въ Тавриду и былъ посланъ упомянутый Мосальскій, который повезъ съ собою богатые дары хану, получа инструкцію — бить челомъ послѣднему, обѣщать ежегодные дары въ случаѣ союза и требовать, но безъ упорства, чтобы Маг-

([145]) Акты Археогр. эксп. т. 2, № 7.

([146]) Котораго именно—рѣшить довольно трудно, такъ какъ въ описываемое время ихъ было нѣсколько. По Щербатову (Ист. россійс. т. V, ч. 2, стр. 442—444), это былъ князь Василій Васильевичъ, слѣд. Мосальскій-Литвиновъ, такъ какъ Василій Васильевичъ Мосальскій-Кольцовъ въ 1577 году уже умеръ. Строевъ,—въ своемъ «Ключѣ» къ Карамзину, тѣмъ не менѣе называетъ посломъ упомянутаго князя Мосальскаго-Кольцова; наконецъ Спиридовъ, въ своихъ «Матеріалахъ для исторіи дворянскихъ родовъ въ Россіи» (рукоп. Импер. публ библ.), относитъ то-же посольство къ личности князя Василія Михайловича Мосальскаго-Рубца. Въ подлинныхъ современныхъ документахъ къ сожалѣнію находимъ только одно имя князя Мосальскаго, безъ указанія его отчества; такъ напр. въ наказахъ 1580 и 1582 г., при сношеніяхъ Ивана Грознаго съ императоромъ Рудольфомъ, нѣсколько разъ упоминается «Князь Василій Мосальскій—посолъ въ Крыму». (Памятники диплом сношеній, т. I, 778, 808, 856).

меть-Гирей называлъ великого князя царемъ; далѣе Мосальскому предписывалось вести себя «смирно», избѣгать колкостей и, въ случаѣ возможныхъ попрековъ прежними несогласіями,—отвѣчать: «Не знаю старины, вѣдаетъ ее Богъ и вы государи» ([147]). Вообще, въ силу инструкціи, на Мосальскаго возлагался способъ дѣйствія, требовавшій ловкости и изворотливости, такъ какъ нужно было заключить миръ и въ то-же время вытянуть какъ можно болѣе уступокъ отъ хана, хотя секретная сторона наказа предписывала послу ни на чемъ серіозно не настаивать, лишь бы заключить миръ и союзъ съ крымцами, относительно чего Мосальскій былъ снабженъ даже образцовой шертной грамотой, въ которой были обозначены и исчислены русскія области, имѣвшія быть гарантированными отъ крымскихъ набѣговъ ([148]).

([147]) Карамзинъ: Истор. госуд. рос., т. IX, 279).

([148]) Шербатовъ: Исторія россійская, т. V, ч. 2, стр. 442—444.

Независимо отъ этого Мосальскій имѣлъ еще порученіемъ, разъяснить въ Крыму вопросъ по выкупу плѣнныхъ: татары покупали въ Москвѣ плѣнъ литовскій, а въ Литвѣ—московскій, и затѣмъ въ Тавридѣ распродавали его какъ рабовъ въ разныя страны. Подобныхъ плѣнныхъ нерѣдко выкупало правительство и частные люди, что производилось при посредствѣ крымскихъ гонцовъ, находившихъ это для себя очень выгоднымъ. Тѣмъ не менѣе не обходилось и безъ взаимныхъ нареканій. Послы московскіе напр. доводили до свѣдѣнія хана, что—«гонцы крымскіе ѣздятъ не для государскаго дѣла, гонечество покупаютъ у князей и у мурзъ, а ѣздятъ для своихъ долговъ; покупаютъ плѣнныхъ въ Крыму дешево, а берутъ на нихъ кабалы не по государеву уложенью, во многихъ деньгахъ, не по ихнему отечеству».

По поводу этого, въ наказѣ данномъ князю Мосальскому предписывалось выяснить, что—«если крымскіе князья и гонцы, пріѣзжавшіе въ Москву, станутъ говорить, что приводили они съ собою выкупленныхъ плѣнниковъ, а на Москвѣ деньги за нихъ давали не сполна, то отвѣчать, что они выкупали

Князь Мосальскій оставался въ Крыму четыре года и повидимому успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе; по крайней мѣрѣ самъ Иванъ Грозный, въ переговорахъ своихъ съ извѣстнымъ іезуитомъ Поссевиномъ въ 1582 г., заявлялъ, что—«нынѣ къ намъ изъ Крыму писали послы наши князь Василій Мосальской да дьякъ Шапиловъ, что съ Крымскимъ царемъ учинили насъ въ дружбѣ и любви, и царя и царевичевъ и всю землю къ шерти привели....., и пословъ своихъ царь къ намъ отпустилъ и грамоту о томъ перемирьѣ съ золотымъ нишаномъ послалъ» ([149]).

Въ той же сферѣ гражданской дѣятельности дошло до насъ еще участіе нѣсколькихъ изъ Мосальскихъ въ земскомъ совѣтѣ 1566 года. Соборъ этотъ, представляющій любопытный примѣръ совѣщанія правительства съ народными представителями въ XVI вѣкѣ, былъ созванъ въ виду вопроса—продолжать ли войну съ Польшею, тянувшуюся уже въ теченіи пяти лѣтъ и отягощавшую обѣ враждующія стороны. Мирные переговоры, возобновившіеся въ это время, не встрѣчали однако себѣ сочувствія въ намѣреніяхъ Ивана

дѣтей боярскихъ молодыхъ не по ихъ отечеству, выкупали также казаковъ и боярскихъ людей; которые дѣти боярскіе взяты въ бояхъ, за тѣхъ государь давалъ окупъ, кто чего стоитъ. Это дѣло торговое: въ чемъ есть прибытокъ, тѣмъ и торгуютъ; а государю нашему не по цѣнѣ, чего кто не стоитъ, впередъ не платить; казначей и дьяки государевы гонцамъ вашимъ неразъ говаривали, чтобъ они покупали по цѣнѣ, кто чего стоитъ, а лишней безмѣрной цѣны не писали. Теперь какія кабалы у гонцовъ были, государь нашъ много денегъ дать велѣлъ, чего кто и не стоитъ, потому что ханъ и калга объ этомъ писали, а впередъ пусть плѣнныхъ выкупаютъ кто чего стоитъ». (Соловьевъ: Исторія Россіи, т. VII, 191).

([149]) Карамзинъ: Ист. госуд. рос. т IX, прим. 622.

Грознаго, предъявившаго поэтому Польшѣ довольно широкія требованія, но желая вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать эти требованія какъ бы дѣломъ всего народа, который въ такомъ случаѣ самъ являлся и отвѣтчикомъ за всѣ военныя тяго-сти, Іоаннъ поставилъ участь переговоровъ въ зависимость отъ рѣшенія земскаго совѣта, собраннаго въ Москвѣ изъ людей духовнаго чина, дворянъ и купцовъ. Приговоръ совѣта конечно послѣдовалъ въ томъ духѣ, какъ того желалъ Іоаннъ,—предложенія польскихъ пословъ были отвергнуты и рѣшено дальнѣйшее продолженіе войны. Въ числѣ лицъ подписавшихъ самое постановленіе, встрѣчаемъ семь именъ князей Мосальскихъ ([150]).

Затѣмъ въ числѣ болѣе замѣтныхъ фактовъ сюда-же относящихся, можно упомянуть еще объ указаніяхъ, на участіе въ составленіи современныхъ переписей нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи. Такъ сохранились свѣдѣнія, что изъ числа членовъ той-же фамиліи, въ 1585 году назначенъ былъ описывать Козельскъ князь Владиміръ Васильевичъ, въ 1586 г. Рузу—Князь Михаилъ Семеновичъ ([151]), а въ 1567 г. писцомъ Юрьева—Ливонскаго упоминается Князь Василій Васильевичъ ([152]), производившій от-

---

([150]) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ т. I, № 192. (См. №№ 76, 79, 80, 82, 84, 85 родословной).

([151]) Спиридовъ: Матеріалы для ист. дворянс. родовъ въ Россіи (рукоп. Имп. публ. библ., кн. 4); (см. №№ 63 и 41 родосл.).

([152]) Который именно—неизвѣстно; въ описываемое время ихъ было два.

межеванія селъ и деревень Печерскаго монастыря, отъ дворцовыхъ и помѣщичьихъ ([153]).

Наконецъ имена князей Мосальскихъ встрѣчаемъ еще на любопытныхъ актахъ, имѣвшихъ цѣлью пресѣченіе отъѣзда, тѣхъ или другихъ лицъ заграницу, въ виду чего послѣднія связывались формально изложенными клятвенными обѣщаніями, скрѣпленными сверхъ того нѣсколькими поручителями, отвѣчавшими за то лицо, съ котораго бралась подобная присяга. Такія поручительства особенно развились въ суровое царствованіе Ивана IV, при которомъ упомянутые обязательства брались не только съ ненадежныхъ лицъ, но еще требовались гарантіи и съ тѣхъ, которые за нихъ ручались, т. е. брались еще поручители за поручителей, отвѣчавшіе денежнымъ обезпеченіемъ. Такъ въ 1562 году трое князей Мосальскихъ обязались вмѣстѣ съ другими еще лицами, денежною отвѣтственностью, за тѣхъ, кто ручался по князѣ Бѣльскомъ ([154]), а въ 1563 г. двое князей Мосальскихъ дали вмѣстѣ съ другими поручную запись за поручителей по князѣ Воротынскомъ ([155]); наконецъ въ 1571 году встрѣчаемъ третью подобную же запись, въ которой шестеро Мосальскихъ, въ числѣ другихъ лицъ, отвѣчали за поручителей по князѣ Мстиславскомъ ([156]).

([153]) Часть «отмежнаго списка», какъ результата трудовъ князя Василія Васильевича, дошла до нашего времени, въ числѣ грамотъ Печерскаго монастыря, хранящихся въ москов. Румянцевскомъ музеѣ.

([154]) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, т. 1, № 176. (См. № 64 родосл.).

([155]) Тамъ-же, т. 1, № 179. (См. №№ 45 и 78 родосл.).

([156]) Собраніе госуд. грамотъ и догов. т. 1, № 198. (См. №№ 76, 79, 80, 81, 83, 84 родосл.).

Общая формула подобныхъ поручительствъ приблизительно слѣдующая:

О положеніи князей Мосальскихъ въ то-же царствованіе Грознаго, въ теченіи мрачнаго періода опричнины и казней, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній, такъ что нѣтъ данныхъ судить о томъ, какую роль играли члены этой фамиліи въ кровавые дни упомянутыхъ событій. Сохранилось только извѣстіе объ одной жертвѣ изъ рода Мосальскихъ, погибшей въ эту мрачную эпоху, но имя ея неизвѣстно, такъ какъ въ синодикѣ вологодскаго Спасоприлуцкаго монастыря, въ которомъ по повелѣнію Ивана Грознаго занесены для вѣчнаго поминовенія цѣлые ряды именъ, въ концѣ читаемъ только: «Помяни Господи души: . . . . . . княжны Мосальскаго ([157]).

«Се язъ князь Өедоръ, да язъ князь Михайло княжъ Александровы дѣти Мосальского, да язъ князь Өедоръ княжъ Осиөов ь сынъ Мосальского, да язъ князь Данило да язъ князь Володимеръ княжъ Ивановы дѣти Мосальского . . . . . да язъ князь Володимеръ княжъ Ивановъ сынъ Мосальского . . . . подручилися есми царя и великого князя бояромъ князю Одоевскому да Морозову да . . . . ., въ томъ, выручили (послѣдніе) князя Ивана Мстиславского что ему отъ государя нашего . . . . не отъѣхати за ихъ порукою до своего живота въ Турки и въ Крымъ и въ Литву и въ Нагаи и въ иные ни въ которыя государства; также князю Ивану Мстиславскому за ихъ порукою не ссылатися съ крымскимъ царемъ ни о какомъ лихе на государя. А гдѣ князь Иванъ Мстиславскій отъѣдетъ, за княжъ Одоевского, да Морозова . . . . порукою, ино на насъ на поручникахъ . . . . вся порука 20 тысячъ рублевъ, на мнѣ на князѣ Өедорѣ да на мнѣ на князѣ Михайлѣ па князь Александровыхъ дѣтяхъ Мосальского—350 рублевъ, на мнѣ на князѣ Өедорѣ на князь Осиповѣ сынѣ Мосальского—230 рублевъ . . . . . А животы и статки князя Ивана Мстиславского и отчины государю-жъ нашему Ивану Васильевичу всея Руссіи и его дѣтемъ....»

([157]) Чтенія въ общ. ист. и древн. 1859 г. кн. 3; (см. также синодикъ Грознаго въ сказаніяхъ Курбскаго).

Участіе князей Мосальскихъ въ военныхъ событіяхъ XVI вѣка, независимо отъ хотя и многочисленныхъ, но тѣмъ не менѣе обыденныхъ нарядовъ на военныя службы, которыми наполнены страницы дошедшихъ до насъ современныхъ «розрядовъ», выражается еще и въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ историческихъ эпизодахъ, болѣе выдающагося значенія.

Такъ въ исторіи встрѣчаемъ довольно обстоятельныя извѣстія, о дѣйствіяхъ двухъ князей Мосальскихъ въ недавно тогда покоренномъ краѣ—далекой Сибири.

Однимъ изъ нихъ былъ князь Владиміръ Васильевичъ Мосальскій-Кольцовъ ([158]), состоявшій въ 1590 и 1591 г. воеводой въ Тобольскѣ, т. е. четвертымъ по счету, начиная съ покорителя Сибири—Ермака ([159]), и первымъ—въ Тобольскѣ, бывшемъ до того подъ общимъ управленіемъ съ Тюменью. Съ построеніемъ этихъ городовъ, явился надежный оплотъ противъ бывшаго обладателя тѣхъ же мѣстъ—хана Кучума, который тѣмъ не менѣе не переставалъ тревожить Тобольскъ и раззорять его окрестности, мечтая все еще возвратить свои утраченныя владѣнія. Тоже самое повторилось и въ первый же годъ прибытія на воеводство князя Владиміра Васильевича, когда Кучумъ съ своими татарами подошелъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ къ самому Тобольску, но не рѣшившись напасть на городъ, разграбилъ его окрестности и затѣмъ скрылся съ добычей. Въ томъ же году послѣдо-

(158) См. № 63 родосл.

(159) Записки къ сибирской исторіи (Древняя рос. вивліоѳика, т. 3, 108).

валъ вторичный набѣгъ Кучума на подвластныя русскимъ области, гдѣ онъ снова произвелъ грабежи и раззореніе, вслѣдствіе чего новый воевода князь Мосальскій рѣшился въ слѣдующемъ году самъ сдѣлать нападеніе на хищника. Составивъ отрядъ изъ части тобольскаго гарнизона и окрестныхъ татаръ, князь Владиміръ Васильевичъ отправился отыскивать своего врага, въ самомъ мѣстѣ его пребыванія—въ степяхъ, и 1-го Августа настигъ его у озера Чили-Кула при рѣкѣ Ишимѣ. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ сраженіи, Мосальскій обратилъ Кучума въ бѣгство и разсѣялъ его орду, причемъ взялъ въ плѣнъ двухъ женъ хана и сына его Абулхаира, которыхъ и привелъ съ собою въ Тобольскъ, вмѣстѣ съ захваченной добычей ([160]).

Но окончательно уничтожить безпокойнаго врага русскаго господства въ Сибири, пришлось не князю Владиміру Васильевичу, котораго въ 1592 году уже встрѣчаемъ воеводой въ шведскомъ походѣ, а одному изъ его преемниковъ, его же сыну князю Ивану Владиміровичу ([161]).

Въ 1596 г. подъ скипетръ Россіи была уже покорена вся Барабинская степь, что ставило Кучума въ отчаянное положеніе, приближая моментъ окончательной гибели, тѣмъ болѣе, что его начали покидать даже самые приближенные люди и родственники, переходившіе въ русское подданство. Употребляя послѣднія усилія спасти свое рушившееся господ-

---

([160]) Фишеръ: Сибирская исторія, 183; Щербатовъ: Исторія россійская, т. 6, ч. 1, стр. 328.

([161]) См. № 95 родосл.

ство, Кучумъ въ 1598 г. сталъ набирать новыя толпы, угрожая нападеніемъ на Тарскій уѣздъ, управлявшійся тогда воеводою княземъ Иваномъ Владиміровичемъ Мосальскимъ-Кольцовымъ, вслѣдствіе чего было рѣшено предупредить Кучума нападеніемъ на него самого. Принявъ начальство надъ присланнымъ изъ Тобольска отрядомъ, около 1000 человѣкъ, князь Мосальскій выступилъ весною изъ Тары и напалъ на Кучума въ самомъ его кочевьѣ. Въ происшедшемъ затѣмъ бою, Кучумъ потерпѣлъ окончательное пораженіе, лишился своего семейства, захваченнаго въ плѣнъ, сообщниковъ—побитыхъ въ схваткѣ и потерялъ весь свой станъ, доставшійся побѣдителямъ, самъ-же бѣжалъ къ калмыкамъ гдѣ вскорѣ и погибъ ([162]).

Такимъ образомъ исходъ этой экспедиціи имѣлъ весьма важное значеніе, избавивъ навсегда русскія владѣнія отъ одного изъ самыхъ предпріимчивыхъ и энергическихъ враговъ, сражавшагося еще съ Ермакомъ и сподвижниками послѣдняго.

Почти одновременно съ описанными событіями, отличился геройской защитой г. Шацка князь Владиміръ Ивановичъ Мосальскій ([163]), бывшій въ немъ воеводою. Въ Маѣ 1594 г. городъ этотъ подвергся нападенію 20000 ногайцевъ и азов-

---

([162]) Фишеръ: Сибирс. исторія, 189—191; Щербатовъ: Ист. рос. т. 7, ч. 1, стр. 52—53; также Арцыбашевъ: Повѣтствованіе о Россіи, т. 3, стр. 49. Карамзинъ (Ист. Гос. рос. т. XI, 23, 24) называетъ однако виновникомъ пораженія Кучума Воейкова, у котораго было подъ командой 397 человѣкъ, причемъ приводитъ его современное донесеніе; вѣроятно этотъ Воейковъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ.

([163]) Щербатовъ (Ист. рос. т. VI, ч. 2, 28) называетъ его Мосальскимъ-Кольцовымъ, но вѣроятно это былъ Мосальскій-Клубковъ (см. № 83 родосл.).

цевъ, но мужественный воевода отбилъ всѣ приступы непріятеля, такъ что послѣдній долженъ былъ отступить къ р. Медвѣдицѣ и отказаться отъ своего намѣренія овладѣть городомъ. Затѣмъ еще одинъ историческій эпизодъ, связанный съ именемъ князя Ѳедора Ивановича Мосальскаго-Литвинова ([164]), относится къ эпохѣ войны Ивана Грознаго съ Баторіемъ. Война эта, какъ извѣстно, была рядомъ неудачъ для Іоанна, такъ что рѣдкіе случаи успѣха на его сторонѣ были явленіемъ исключительнымъ. Тѣмъ не менѣе одно изъ подобныхъ удачныхъ дѣлъ, по свидѣтельству нашихъ историковъ ([165]) совершилось подъ предводительствомъ воеводъ Ногтева и князя Мосальскаго. Въ то время какъ польскій король стоялъ подъ Великими Луками въ 1580 г., одинъ изъ его военачальниковъ Филонъ Кмита съ 9000 отрядомъ подступилъ къ Смоленску, но Ногтевъ и Мосальскій не допус-

(164) См. № 67 родословной.

(165) Карамзинъ: Ист. Гос. рос т. IX, 313. Щербатовъ: Ист. россійс. т. V, ч. 3, стр. 81, 82. Однако здѣсь нельзя не замѣтить противорѣчія со свѣдѣніями имѣющимися въ розрядахъ, въ которыхъ воеводами называются другія лица. Такъ въ розрядной книгѣ 1580, 1593 г. (рук. Имп. публ. библ. № 181) читаемъ: «Тоежъ осени приходилъ къ Смоленску изъ Литвы Филонъ панъ литовской..., и пришли на него воеводы изъ Смоленска И. Бутурлинъ, М. Салтыковъ, П. Нащокинъ да И. Блудовъ съ дѣтьми боярскими и съ становъ Филона сбили» и т. д. Затѣмъ: «И какъ послѣ Филонова приходу взяли къ Москвѣ И. Бутурлина... (и другихъ) и на Иваново мѣсто Бутурлина присланъ князь М. Туренинъ..., а на мѣсто Пушкина князь И. Токмаковъ да князь Ѳедоръ Мосальскій...» Тамъ-же эти лица показаны смоленскими воеводами и въ 1581 г. причемъ въ новомъ земляномъ городѣ написанъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Литвиновъ-Мосальскій. Въ выдержкѣ изъ розрядовъ приводимой Карамзинымъ (прим. 547), участниками въ бою съ Кмитой показаны также не тѣ лица.

тили его до города и выйдя на встрѣчу дали сраженіе, въ которомъ Кмита былъ на голову разбитъ и бѣжалъ, потерявъ знамена, обозъ и артиллерію.

Въ ряду фактовъ той же военной дѣятельности, можно упомянуть еще объ участіи князей Мосальскихъ въ возведеніи различныхъ оборонительныхъ пунктовъ тогдашней Россіи. Такъ въ 1577 г. былъ посланъ строить крѣпости на р. Окѣ князь Иванъ Семеновичъ Мосальскій-Литвиновъ ([166]), а въ розрядахъ 1583 г. упоминается, что воевода Сторожевого полка князь Ѳедоръ Осиповичъ Мосальскій, будучи въ плавной рати на Волгѣ «шедъ въ Козмодемьянскомъ острогъ поставили» ([167]). Въ 1586 г. былъ рѣшенъ вопросъ о перенесеніи пограничной черты далѣе въ глубь степей, почему велѣно было по царскому указу и по приговору бояръ князя Мстиславского съ товарыщи—«на Соснѣ не доѣзжая Оскола два днища поставить городъ Ливны, а на Дону на Воронежѣ городъ Воронежъ, а быти на Ливнахъ и городъ ставить воеводѣ князь Володимеру Васильевичу Кольцову-Мосальскому да Лукьяну Хрущову». ([168]) Въ 1594 г. тому-же князю Мосальскому было поручено укрѣпить городъ Кромы ([169]). Въ 1595 г. онъ же былъ посланъ ставить города на Яи-

([166]) Спиридовъ: Матер. для ист. дворян. родовъ въ Россіи (рук. Имп. публ. библ. кн. 4).

([167]) Розряды (Симбирс. сборникъ).

([168]) Москов. арх. мин. юст. (Кн. дѣлъ Москов. стола 1, л. 295); также Чт. Общ. ист. и древ. 1846 г., 33 и Древн. грам. касающ. Воронеж. губ. кн. 2, стр. 156.

([169]) Щербатовъ: Ист. російс. т. 6, ч. 2, стр. 29; также Чтенія Общ. ист. и древн. 1846 г., 33. Карамзинъ: т. X, пр. 300.

8

кѣ ([170]). Наконецъ въ 1599 г. князю Владиміру Васильевичу было велѣно построить городъ на устьѣ рѣки Валуйки ([171]).

Объ отношеніяхъ членовъ рода Мосальскихъ между собою и ихъ частномъ бытѣ въ Россіи, трудно выслѣдить какія либо черты въ дошедшихъ до насъ матеріалахъ, по самому свойству послѣднихъ, какъ источниковъ оффиціальныхъ и притомъ характера почти исключительно служебнаго.

Развѣтвленіе Мосальскихъ на нѣсколько линій съ ихъ отдѣльными прозваніями, повторяется и здѣсь, подобно тому какъ мы то видѣли въ Литвѣ, но въ послѣдней подобное обстоятельство являлось въ связи съ владѣніемъ извѣстной поземельной собственностью, здѣсь-же почти во всѣхъ случаяхъ прозвища разныхъ линій имѣли основаніемъ какія нибудь личныя особенности родоначальниковъ того или другаго колѣна, что быть можетъ находилось въ извѣстной зависимости отъ разростанія самого ихъ рода и значительности числа его представителей; исключеніе составляетъ только линія Мосальскихъ-Литвиновыхъ, получившая это прозваніе въ связи съ своимъ переходомъ изъ литовскаго подданства въ Россію. Личныхъ прозвищъ князей Мосальскихъ въ XVI вѣкѣ, встрѣчаются довольно много; про князя Василія Кольцо мы уже нѣсколько разъ говорили выше, затѣмъ упоминаются князь Иванъ Дмитріевичъ прозванный Клубокъ, князь Василій Михайловичъ—называвшійся Рубецъ князь Василій Семеновичъ—Усъ, князь Иванъ Димитріе-

([170]) Розряды (Симбирс. сборн.).

([171]) Щербатовъ: Ист. россійс., т. 7, ч. 1, стр. 56.

вичъ — Зубатый, князь Иванъ Семеновичъ—Горбатый, князь Өедоръ Александровичъ—Гладышъ, князь Өедоръ Семеновичъ—Жеберденской, князь Өедоръ Семеновичъ—Черный, князь Михаилъ Семеновичъ—Шулепъ и другіе. Многіе изъ нихъ имѣли потомковъ, у которыхъ эти прозвища перешли въ фамилію и такимъ образомъ образовались Мосальскіе-Кольцовы, Мосальскіе-Литвиновы, Мосальскіе-Клубковы, Мосальскіе-Горбатые и т. д.

Несмотря однако на подобное размноженіе и распаденіе Мосальскихъ на вѣтви съ разными прозвищами, единство ихъ рода въ Россіи повидимому удерживалось болѣе, нежели то мы видѣли въ Литвѣ. Хотя прямыхъ фактовъ о подобной солидарности до насъ не сохранилось, но это можно до извѣстной степени заключить изъ нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній, обнаруживающихъ взглядъ современниковъ на весь родъ Мосальскихъ, какъ на нѣчто цѣлое, сохранявшее связь между своими многочисленными представителями.

Такъ напр. въ одномъ отрывкѣ изъ массы дѣлъ, производившихся въ старину по мѣстничеству, — въ счетномъ дѣлѣ Пушкина съ Плещеевымъ, 1628 г., послѣдній представлялъ, что въ 1599 г. въ Черниговѣ были письменными головами — «князь Василій Михайловъ сынъ Рубецъ-Мосальской, да Михаилъ сынъ Петровъ, да Тимоѳей сынъ Пушкинъ..., и потому государь случаю князь Василій Рубецъ больши Тимоѳея Пушкина двѣмя мѣсты; а князь Володимеръ, государь, Кольцовъ-Мосальскій въ роду своемъ

8*

больши князя Василья Рубца осмью мѣсты»... и т. д. ([172]).

Такимъ образомъ здѣсь видна общая для всѣхъ Мосальскихъ связь родового старшинства, едва-ли имѣвшая бы мѣсто при полномъ разъединеніи различныхъ вѣтвей цѣлаго рода. Изъ тѣхъ-же обрывковъ древняго мѣстничества, можно видѣть еще, что въ описываемое время князья Мосальскіе вошли уже вполнѣ въ общій уровень всего тогдашняго русскаго дворянства и были уже чужды какихъ либо традиціонныхъ родовыхъ преданій, проглядывавшихъ еще въ вѣтвяхъ оставшихся въ Литвѣ. Князья Мосальскіе наравнѣ съ прочими мѣстничаются съ разными лицами; одинаково и послѣднія въ свою очередь завязывали споры о мѣстничествѣ съ самими Мосальскими. Подобныхъ случаевъ встрѣчается довольно. Такъ въ 1624 г. воевода П. Пушкинъ билъ челомъ государю, что въ сходъ ему въ Сторожевой полкъ къ князю Андрею Мосальскому идти не вмѣстно,—«потому что родители ихъ вездѣ бывали больши Мосальскихъ» ([173]), а въ 1599 г. князь Коркодиновъ на князя Владиміра Кольцова-Мосальскаго, что ему нельзя быть меньше послѣдняго ([174]). Равнымъ образомъ мѣстничались съ другими и Мосальскіе, какъ напр. въ 1599 г., когда Владиміръ Кольцовъ-Мосальскій, назначенный съ Ромодановскимъ въ Передовой полкъ, билъ челомъ, что «на государеву службу я холопъ готовъ, а меньши мнѣ князь Ромодановскаго быть не вмѣстно» ([175]). Такимъ образомъ преставители опи-

(172) Временникъ общ. ист. и древн., кн. XIV, стр. 46.

(173) Дворцовые розряды, т. I, стр. 594.

(174) Временникъ общ. ист. и древн., кн. XIV, стр. 139.

(175) Розряды (Симбирскій сборн., 123), (См. Гл. III).

сываемой фамиліи вполнѣ являлись и здѣсь слугами своего времени, не становясь выше мелкихъ счетовъ мѣстничества, въ кругѣ котораго вращалось и все остальное русское дворянство. Мелочное самолюбіе находило себѣ исходъ въ полученіи какой нибудь «невмѣстной грамоты», въ какой нибудь оффиціально выраженной въ указѣ фразѣ, что «лучшему Пушкину мочно быть меньши Мосальскаго»...! Измельчавшіе интересы потомковъ Михаила Святого, довольствовались уже и этимъ.

ГЛАВА III.

Политическое и церковное единеніе съ Литвою, оффиціально превозглашенное во второй половинѣ XVI вѣка, составляло предметъ внутренней политики Польши и въ XVII столѣтіи, стремясь къ завершенію той же задачи, т. е. къ обезличенію русской народности и привлеченію въ латинство православнаго народоселенія края.

Въ теченіи XVII вѣка, политика эта принесла уже свои плоды, успѣвъ настолько ослабить ряды оппозиціи, представлявшейся православнымъ литовско-русскимъ дворянствомъ, что къ концу упомянутаго періода лишь единичные представители русской народности въ западномъ краѣ, напоминали о прежнихъ дняхъ господства своего языка и религіи, въ уже ополяченной и окатоличенной Литвѣ. «Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, который я носила въ вѣнцѣ, вмѣстѣ съ другими брилліантами на главѣ моей, какъ солнце среди звѣздъ», — краснорѣчиво восклицаетъ современникъ той эпохи [1], влагая слова эти въ уста плачущей, объ отпавшихъ въ латинство лучшихъ сынахъ своихъ, православной

---

[1] Извѣстный Мелетій Смотрицкій, въ своемъ «Фриносѣ».

церкви;—«гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней вѣры. Гдѣ и другіе, также неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды русскихъ князей, мои сапфиры и алмазы,—князья Слуцкіе, Заславскіе, Збоpажскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Коширскіе, Мосальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и другіе безъ числа!... Вы, злые люди, обнаружили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ, изъ котораго однако вы всѣ вышли. Но помните, проклятъ всякъ открывающій наготу своей матери; настанетъ время что всѣ вы будете стыдиться своихъ дѣйствій!»

Но чѣмъ рѣже становились ряды русской народности въ Литвѣ, тѣмъ болѣе вниманія привлекаютъ на себя личности, сохранившія свою религіозную и народную самобытность, несмотря па весь гнетъ современной имъ польско-католической пропаганды.

Родъ князей Мосальскихъ XVII вѣкѣ, продолжалъ еще имѣть представителей православнаго вѣроисповѣданія, принадлежавшихъ къ разнымъ линіямъ, на которыя онъ раздѣлился. Можно даже сказать, что въ первой половинѣ того-же столѣтія, еще значительная часть его неуклонно держалась религіи своихъ предковъ, тѣмъ болѣе, что въ это время доживали свой вѣкъ еще многіе изъ тѣхъ князей Мосальскихъ, на глазахъ которыхъ началось самое дѣло церковной уніи, были живы еще лица, состоявшія членами организованныхъ, боровшихся съ уніею, корпорацій и на-

конецъ такіе энергическіе поборники своей православной религіи, какъ князь Θедоръ Ивановичъ ([2]), грозившій загробнымъ проклятіемъ своимъ потомкамъ, за отступничество и посягновеніе на устроенную имъ православную обитель.

Между тѣмъ унія все таки брала свое, хотя по временамъ и оказывалась въ необходимости дѣлать уступки. Такъ, встрѣчаемъ напр. актъ генеральной конфедераціи варшавскаго сейма 1632 года, подписанный между прочимъ однимъ изъ Мосальскихъ — княземъ Григоріемъ ([3]), въ которомъ диссидентамъ христіанскихъ исповѣданій даже торжественно обезпечивались миръ и свобода, уничтожались всѣ трибунальные приговоры и королевскіе указы, противные постановленію упомянутой конфедераціи, дозволялось совершеніе общественныхъ богослуженій тамъ, гдѣ имѣются для того общественные дома, но не воздвигая новыхъ, и наконецъ—нарушителямъ этого постановленія угрожалось даже строгимъ наказаніемъ ([4]). Тѣмъ не менѣе однако, представителямъ рѣдѣвшихъ рядовъ православнаго дворянства, приходилось выдерживать борьбу противъ разныхъ посягательствъ на права свои. Въ первой половинѣ XVII столѣтія встрѣчаемъ любопытный актъ, въ составленіи котораго принималъ участіе также одинъ изъ членовъ описываемой фамиліи, именно по поводу избранія, на кіевскомъ дворянскомъ съѣздѣ 1647

([2]) См. № 68 родословной.

([3]) Сынъ Θедора Ивановича; маршала гродненскаго (См. № 102 родосл.).

([4]) Volumina legum, т. III, 345—352.

года, епископа Сильвестра Косова въ кіевскіе митрополиты ([5]). Документъ этотъ, подписанный между прочимъ и княземъ Василіемъ Мосальскимъ ([6]), сохранился до насъ какъ одинъ изъ результатовъ борьбы, выдержанной предъ тѣмъ православнымъ дворянствомъ съ папою Климентомъ VIII, хотѣвшимъ нарушить существовавшее право дворянства относительно избранія высшихъ духовныхъ лицъ на нѣкоторыя духовныя же должности ([7]).

Во второй половинѣ XVII стол. встрѣчаемъ также одного изъ Мосальскихъ, какъ защитника интересовъ православной церкви. Въ 1673 году возникло дѣло, по поводу насильствъ, произведенныхъ женою старосты плотельскаго Волловичъ, надъ русскою церковью въ Бѣльскѣ, которая пришла въ запустѣніе, будучи лишена утвари, земли и даже дома священника, у нея отнятыхъ. Судъ постановилъ одна-

(5) Архивъ Ю. З. Россіи, ч. 2, т. 1, № 28.

(6) Которымъ именно—не видно

(7) Дѣло въ томъ, что западно-русское дворянство имѣло за собой право избирать митрополита, нѣкоторыхъ епископовъ и архимандритовъ важнѣйшихъ монастырей, какъ напр. Кіево-Печерской лавры. Папа Климентъ VIII, по представленію Сигизмунда III, издалъ буллу, которою упомянутая лавра предоставлялась во власть кіевскаго митрополита, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы митрополиты пребывали въ единеніи съ римскою церковью. Булла возбудила сильный ропотъ и негодованіе въ юго-западной Россіи и дворянство отправило пословъ на Варшавскій сеймъ, чтобы требовать ея отмѣны, на основаніи того, что право назначенія архимандрита въ Кіево-печерскую лавру не принадлежитъ ни королю, ни папѣ, а только православнымъ дворянскимъ фамиліямъ. Волненіе и негодованіе были столь сильныя, что папѣ пришлось уступить и булла была отмѣнена. (Арх. Ю-З. Россіи, ч. 2. т. 1, № 28).

ко ([8]) возвратить церкви все обратно и возстановить богослуженіе, причемъ декретъ по поводу этого состоялся съ одной стороны между самимъ старостой плотельскимъ, а съ другой — съ княземъ Мосальскимъ хорунжимъ гродненскимъ, поддерживавшимъ такимъ образомъ права разоренной православной церкви ([9]). Отецъ послѣдняго (подкоморій гродненскій, въ это время уже умершій) также оставилъ нѣкоторые слѣды своихъ религіозныхъ убѣжденій, повидимому анти-католическихъ, по крайней мѣрѣ судя по его отношеніямъ къ монастырю гродненскихъ бернардиновъ, въ которомъ въ 1669 году учинилъ кровопролитіе, имѣвшее послѣдствіемъ искъ монастыря, погашенный впрочемъ княземъ Михаиломъ Мосальскимъ въ 1671 году ([10]).

Не исчезъ безслѣдно въ вопросѣ о вѣроисповѣданіи и женскій персоналъ. Жена Димитрія Скумина - Тишкевича, — княжна Ганна Михайловна Мосальская ([11]), о которой мы имѣли случай упоминать уже въ предшествовавшей главѣ, умирая въ 1620 году оставила завѣщаніе ([12]), въ которомъ поручаетъ братьямъ своимъ Михаилу, Юрію и Ѳедору (слѣдовательно также православ-

([8]) Акты издан. Комис. для разбора древн. акт. въ Вильнѣ, т. I, 131.

([9]) Въ 1673 г. гродненскимъ хорунжимъ былъ князь Михаилъ Станиславовичъ Мосальскій (см. № 148 родос.), но изъ оставленнаго имъ въ 1677 году завѣщанія видно однако, что онъ умеръ уже католикомъ, хотя повидимому и настолько нетвердымъ, что при своемъ погребеніи завѣщалъ быть священникамъ и восточной церкви (см. прил. 38).

([10]) Акты издан. Комис. для разбора древн. актовъ въ Вильнѣ, т. I, стр. 344.

([11]) См. № 75 родосл.

([12]) См. прил. 37.

нымъ) соорудить надъ своимъ склепомъ въ имѣніи Гатово-Корелищевичахъ (въ Минск воевод.) часовню и совершить похоронный обрядъ въ Минскѣ, въ церкви святыхъ апостоловъ Петра и Павла, по закону восточной церкви, за нарушеніе чего угрожаетъ призывомъ къ отвѣту на Страшномъ судѣ Христовомъ. При этомъ не лишены значенія и слова, которыми усопшая мотивируетъ свои оставляемые православнымъ церквамъ въ Олекшицахъ и Минскѣ вклады, слова — въ которыхъ проглядываетъ забота завѣщательницы относительно своей религіи,—что бы въ церкви св. Иліи (въ Олекшицахъ) всегда отправлялось богослуженіе и не изглаживалось изъ памяти людской воспоминаніе, о схороненныхъ въ храмѣ православныхъ членахъ рода князей Мосальскихъ.

Другую личность, изъ числа женскихъ же представительницъ описываемой фамиліи, встрѣчаемъ гораздо позже, но въ обстановкѣ совершенно иной,—какъ жертву современнаго гнета уніи, подвергшуюся наглымъ истязаніямъ за свое вѣроисповѣданіе. Это была православная инокиня Агаѳія Мосальская, жившая въ концѣ XVII столѣтія, которую въ 1702 году встрѣчаемъ монахиней Четвертинскаго монастыря. Въ упомянутомъ году игуменъ послѣдняго—князь Сильвестръ Четвертинскій, подалъ жалобу въ судъ, что во время отсутствія его по дѣламъ монастырскимъ въ Луцкѣ, владѣльцы замка Старая-Четвертня, Гораины, дали письменный приказъ своимъ крестьянамъ и слугамъ сдѣлать нападеніе на монастырь. Ворвавшись въ послѣдній, толпа стала требовать у намѣстника Стояновскаго выдачи Агаѳіи

Мосальской и затѣмъ вломившись въ келью ея, сорвала съ Мосальской монашескую одежду и въ одной разорванной рубашкѣ потащила инокиню черезъ весь городъ въ Четвертинскій замокъ, къ великому соблазну собравшагося народа ([13]). Здѣсь владѣльцы замка продержали Мосальскую два дня въ тюрьмѣ, послѣ чего отвели подъ стражей въ село Озеры и тамъ жена Гораина, приказавъ раздѣть до нага злополучную монахиню, велѣла ее жестоко высѣчь и затѣмъ въ такомъ видѣ выгнать изъ села!

Причипъ этихъ истязаній въ самой жалобѣ не приводится, но онѣ достаточно выяснены издателями и коментаторами актовъ, передающихъ приведенное происшествіе ([14]). Истецъ въ своей жалобѣ упоминаетъ только, что Гораины притѣсняли монастырь, желая заставить его переселиться въ другое мѣсто, но детали всего дѣла, подкладкой котораго служили ненависть и притѣсненія уніатовъ, были слѣдующія: князь Сильвестръ Четвертинскій, по принятіи имъ монашескаго сапа, состоялъ игуменомъ въ основанномъ его предками православномъ монастырѣ въ мѣстечкѣ Старой-Четвертнѣ, гдѣ находился еще другой православный-же монастырь, но женскій. Со временемъ упомянутое мѣстечко перешло во владѣніе шляхтича Гораина, такъ что за князьями Четвертинскими оставалось только право патроната надъ обоими монастырями. Гораинъ задумалъ перевести оба въ унію и въ женскомъ успѣлъ достичь своей цѣли, но тогда Сильвестръ, на основаніи своего

([13]) Арх. Ю. З. Россіи, ч. 1, т. 4, № 88.

([14]) Тамъ-же (предисл. къ ч. 1, т. 4, стр. 68).

права удалилъ изъ этого монастыря уніатскихъ монахинь и поселилъ въ немъ православную инокиню Агаѳію Мосальскую, который поручилъ составить новую общину.

Вслѣдствіе этого то и произошло упомянутое насиліе,— Гораинъ съ толпою слугъ ворвался въ женскій монастырь, но когда Мосальская спасаясь убѣжала въ мужской, то онъ явился за ней и туда, выломалъ двери и избивъ до полусмерти намѣстника Стояновскаго, велѣлъ схватить несчастную монахиню и увелъ ее къ себѣ, гдѣ она и подвергнулась описаннымъ выше истязаніямъ.

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ этой Мосальской не имѣется; извѣстно только еще, что она была переведена въ другой монастырь, а тотъ, за который она пострадала, все таки въ концѣ концовъ стараніями Гораина обратился въ уніатскій.

Рядомъ съ этими фактами сохранились извѣстія, показывающія однако, что въ описываемое время среди Мосальскихъ было уже не мало и членовъ не только принявшихъ латинство, но даже фанатически преданныхъ ученію католической церкви. Такъ минскій воевода, староста ковенскій князь Александръ Мосальскій ([15]), былъ настолько ревностнымъ послѣдователемъ католицизма, что даже не садился за обѣденный столъ безъ отцовъ бернардиновъ, къ которымъ, по свидѣтельству его надгробнаго панегириста Августа Витунскаго ([16]), былъ особенно щедръ и преданъ. Дочь этого-же

([15]) Къ которой именно вѣтви принадлежалъ онъ, неизвѣстно.

([16]) Въ проповѣди послѣдняго («Radośny Grób»), говоренной въ 1641 г. по

Мосальскаго Клара, была монахиней въ монастырѣ св. Франциска, выстроенномъ нарочно для того отцемъ ея въ Ковно, около 1623 года. Подобнымъ-же покровителемъ гродненскихъ бернардиновъ былъ князь Лука Мосальскій ([17]), слѣдовательно также католикъ. Въ 1679 г. игуменьею ковенскаго монастыря св. Венедикта, встрѣчаемъ Софію-Викторію ([18]) и около того-же времени въ числѣ кіевскихъ канониковъ Ивана-Александра,—Мосальскихъ ([19]). Далѣе, въ нѣкоторыхъ сохранившихся духовныхъ завѣщаніяхъ Мосальскихъ, видна также значительная ревность завѣщателей къ латинству; напр. въ 1662 г. князь Янъ ([20]) завѣщаетъ похоронить себя въ Эйсмонтовскомъ костелѣ, въ Ивановцахъ, Гродненскаго повѣта, гдѣ имѣлъ быть устроеннымъ и склепъ для погребенія его потомковъ; кромѣ того онъ-же оставилъ и вкладъ для ксендза костела, чтобы всегда имѣлось все необходимое для богослуженія и чтобы еженедѣльно по средамъ и пятницамъ были совершаемы въ томъ-же костелѣ заупокойныя службы ([21]). Изъ тѣхъ же завѣщаній видно, что католиками были еще изъ рода Мосальскихъ князь Николай ([22]), приславшій въ 1660 году свою духовную изъ Москвы, гдѣ

случаю погребенія упомянутаго Мосальскаго. (Нѣсецкій: Gerbarz polski, т. VI, 349—353; тоже—«Monimenta Coll. Brestensis» и акты Метрики литовс., кн. суд. дѣлъ № 88, л. 65.

([17]) Нѣсецкій: Herbarz polski, т. VI.

([18]) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 151, л. $^{530}/_{12}$).

([19]) Нѣсецкій: Herbarz polski, т. VI, 349—353.

([20]) См. прил. 39.

([21]) Тамъ же.

([22]) Изъ вѣтви Мосальскихъ-Друйскихъ (см. № 61 родосл. и прил. 40).

находился въ плѣну и написавшій при этомъ, что ему придется умереть въ такой странѣ — «въ которой трудно сподобиться святой исповѣди, трудно найти священника нашей католической религіи»;—князь Янушъ ([23]), завѣщавшій въ 1643 году похоронить себя по римско-католическому обряду, наконецъ—князь Михаилъ ([24]), выразившій волю быть положеннымъ по смерти своей въ Сейненскомъ костелѣ, въ часовнѣ основанной его фамиліей, причемъ любопытно, что завѣщатель требовалъ присутствія при своемъ погребеніи священнослужителей какъ католическихъ, такъ и православныхъ, выразившись—чтобъ священники были съ обѣихъ сторонъ; изъ этого однако видно, что религіозныя убѣжденія его были довольно шатки и въ сущности князь Михаилъ былъ плохимъ представителемъ латинства.

Въ концѣ концовъ католицизмъ, пріобрѣтая себѣ все болѣе и болѣе прозелитовъ въ рядахъ изстари православнаго литовско-русскаго дворянства, быстро приближалъ время, когда это дворянство стало видѣть среди себя православныхъ членовъ уже какъ рѣдкое исключеніе. Бывшій іезуитъ король Янъ-Казиміръ, вступивъ на престолъ Польши, торжественно даже присягнулъ не давать государственныхъ должностей некатоликомъ и такимъ образомъ еще болѣе расчистилъ почву для успѣховъ уніи. Наконецъ исчезли слѣ-

---

([23]) Представитель старшей вѣтви—Богушевичей (см. № 89 родословной и прил. 41).

([24]) Изъ вѣтви владѣвшей Олекшицами, правнукъ князя Ѳедора Ивановича, горячаго поборника православія (см. № 148 родосл. и прил. 38).

ды самой православной іерархіи, какъ напр. въ юго-западномъ краѣ,—религіозная борьба была окончена!

Въ государственномъ строѣ ополячивавшейся и окатоличивавшейся Литвы, родъ князей Мосальскихъ въ теченіи XVII вѣка игралъ довольно видную роль, хотя и на весьма различныхъ ступеняхъ тогдашней администраціи, причемъ наибольшее число дѣятелей, судя покрайней мѣрѣ по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, представляютъ члены вѣтви владѣвшей Олекшицами.

Такъ во первыхъ значительное число лицъ изъ нихъ, встрѣчаемъ въ качествѣ земскихъ представителей въ собраніяхъ, по рѣшенію государственныхъ вопросовъ первостепенной важности, какъ напримѣръ избранію королей. Въ первый разъ съ актомъ подобнаго избранія связываются имена Мосальскихъ въ 1632 году, въ которомъ упоминаются ([25]) князь Александръ каштелянъ смоленскій ([26]) и Андрей каштелянъ брестскій ([27]), какъ избиратели присутствовавшіе на присягѣ короля Владислава IV, происходившей въ Варшавѣ въ костелѣ св. Іоанна. Далѣе,—при голосованіи воеводствъ, земель коронныхъ и великого княжества Литовскаго, происходившемъ 17-го Ноября 1648 года между Варшавой и Волей, при избраніи королемъ Яна-Казимира ([28]), встрѣчаемъ шестерыхъ Мосальскихъ, имен-

([25]) Акты Генеральнаго сейма 1632. (Volumina legum, т. III, 367).

([26]) Неизвѣстной вѣтви, умеръ въ 1641 г.

([27]) Сынъ Өедора Ивановича маршала (см. № 101 родосл.).

([28]) Volumina legum, т. IV, 99—116.

но: изъ воеводства Брестскаго—князя Андрея ([29]) съ сыномъ Казимиромъ и Яроша ([30]); изъ Волынскаго—князя Ивана, изъ Ковенскаго уѣзда—Казимира и изъ Упитскаго—Александра ([31]). Въ 1674 г. въ числѣ подписей подъ пунктами Pacta Conventa, при избраніи короля Яна III, встрѣчаемъ имя князя Ивана-Казимира Мосальскаго ([32]) подстолія венденскаго, бывшаго депутатомъ по вопросу объ упомянутомъ государственномъ договорѣ ([33]), а въ голосованіи на самомъ избраніи 21-го Мая 1674 года, учавствовали еще четверо Мосальскихъ, именно: изъ Ковенскаго уѣзда Иванъ-Давидъ, изъ Слонимскаго-Доминикъ, изъ Волковысскаго—Иванъ и изъ Бѣльской земли—Юрій-Николай староста августовскій ([34]). Наконецъ въ голосованіи при избраніи короля Августа II, 27-го Іюня 1697 года, опять упоминаются четверо Мосальскихъ, какъ представители уѣздовъ Гродно, Ковно и Упиты, Троцкаго воеводства, а именно: князь Иванъ хорунжій и посолъ Гродненскаго уѣзда, Петръ—

([29]) Воевода брестскій (см. № 101 родосл.).

([30]) Неизвѣстной вѣтви.

([31]) Послѣдніе трое также неизвѣстной вѣтви.

([32]) По всей вѣроятности потомокъ князя Богуша Мосальскаго (см. № 136 родословной).

([33]) Акты Генеральнаге сейма избранія новаго короля, 1674 г. Volumina legum, т. V, 139—146).

([34]) Изъ нихъ трое неизвѣстной вѣтви, а четвертый — Иванъ вѣроятно тотъ-же, который подписался и подъ пунктами Pacta Conventa (см. № 136 родословной).

9

старостичъ августовскій, Доминикъ—скарбникъ волковыскій и Θома ([35]).

Такимъ образомъ во второй половинѣ XVII столѣтія, ходъ историческихъ обстоятельствъ соединяетъ имена князей Мосальскихъ съ фактами совершенно противуположными тѣмъ, къ которымъ были причастны имена ихъ-же въ вѣкѣ XVI-мъ. Мосальскіе являются въ рядахъ избирателей такихъ королей, которые начиная съ Яна-Казимира даютъ и повторяютъ одинъ за другимъ присягу оффиціально преслѣдовать все православное въ Литвѣ и не допускать не католиковъ къ должностямъ государственнымъ. Тѣмъ не менѣе однако, хотя религіозный вопросъ въ Литвѣ къ концу XVII столѣтія потерялъ уже свой острый характеръ, покрайней мѣрѣ для большинства представителей литовскаго дворянства, покинувшихъ уже въ пользу латинства вѣру своихъ предковъ; хотя на сеймахъ все болѣе и болѣе проводились изъ Польши шляхетскіе порядки, какъ напримѣръ въ 1697 году, когда представителями великого княжества Литовскаго вновь были приняты нѣкоторые законы и судебные обычаи короны, а равно опредѣлены права и обязанности высшихъ сановниковъ равныя коронным ([36]),—политическіе взгляды того же дворянства на государственный строй и шляхетскія вольности перене-

([35]) Volumina legum, т. V, 529. Родословная упомянутыхъ лицъ неизвѣстна; изъ нихъ князь Петръ вѣроятно сынъ уже упоминавшагося Юрія-Николая старосты августовскаго, а князь Иванъ—сынъ Михаила Станиславовича (см. № 176 родосл.).

([36]) Volumina legum, т. V, 417—421.

сенныя изъ Польши, не отличались всецѣлымъ сочувствіемъ. Такъ было покрайней мѣрѣ въ извѣстной партіи литовскаго дворянства, заявившей въ рядахъ своихъ консервативную привязанность къ прежнимъ порядкамъ временъ Гедимина, Ольгерда и Ягайлы, какъ напр., въ вопросѣ о предпочтеніи наслѣдственности верховной власти противъ порядка престолонаслѣдія избирательнаго и въ отвращеніи отъ тѣхъ правъ и обычаевъ прословутой польской вольности, которыя были навязаны Литвѣ ея шляхетной сосѣдкой. Въ рядахъ этой консервативной партіи, высказавшей впрочемъ свои взгляды отъ лица всего литовскаго дворянства, находились нѣсколько лицъ и изъ князей Мосальскихъ. Собравшись въ Вильнѣ въ 1700 году, представители упомянутаго консервативнаго направленія, составили за своими подписями въ высшей степени замѣчательный актъ, о предоставленіи королю Августу II наслѣдственности литовскаго престола, съ выраженіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ полнаго своего порицанія польскимъ избирательнымъ порядкамъ и наоборотъ — полнаго сочувствія къ неограниченности верховной власти. Въ этомъ виленскомъ постановленіи (37) заявлялось, что на основаніи опыта

(37) Вотъ переводъ текста этого любопытнѣйшаго въ своемъ родѣ документа: «Мы сенаторы, чины и все дворянство великого княжества Литовскаго, собравшіеся изъ воеводствъ и уѣздовъ на общее совѣщаніе всѣхъ литовскихъ народовъ, дабы вѣчно была о томъ память, объявляемъ всѣмъ слѣдующее, какъ поколѣнію нынѣшнему, такъ и будущимъ: Разсмотрѣвъ прошлыя и нынѣшнія дѣянія литовскаго народа, прошлое и нынѣшнее его состояніе и видя, что счастливѣе жилось нашимъ славнымъ предкамъ, дворянству великого княжества Литовскаго, когда они находились какъ вѣрноподданные, подъ властью одного Господина и Монарха, и расширяя во всѣ стороны границы своего государства

9*

исторіи Литвы, дворянство видитъ, что въ прежнія времена подъ скипетромъ неограниченной монархіи ихъ родина была сильна, росла и еще болѣе укрѣплялась, когда-же по ихъ непростительной безпечности вкралась изъ Польши въ Литву такъ называемая свобода, съ ея veto, то открылось поле всякимъ интригамъ и литовское княжество начало слабѣть, яви-

---

страшны были своимъ сосѣдямъ, преумножали, сберегали и поддерживали замки, города, крѣпости, староства и свои имѣнія; когда-же, благодаря непростительной безпечности, изъ Польши вкралась въ почтенный литовскій народъ сладкая и подлая страсть къ свободѣ (potym zaś, gdy słodka i nikczemna wolnonści libido per ignaviam imperitantiam (sic) w ten zacny narod litewski z polski zakroczyła) и открыла черезъ право свободнаго veto поле для всяческихъ злоупотребленій, то немедленно литовское княжество стало слабѣть и стѣсняться въ своихъ границахъ, сильные стали угнетать слабыхъ и наступило полное пренебреженіе законовъ и постановленій, людскихъ и божескихъ, что продолжается и по настоящее время. Напротивъ мы видимъ, что тѣ королевства и государства, которыя были некогда свободны во всемъ свѣтѣ, а теперь отказавшись отъ своей свободы, или лучше сказать—своеволія, и подчинившись власти единаго государя управляются монархами, эти государства тотчасъ стали оправляться и пребываютъ нынѣ безъ смутъ и волненій въ безопасности и довольствѣ, чему примѣры можемъ видѣть во Франціи, Англіи, Москвѣ, Швеціи, Чехіи, Венгріи, Испаніи, Португаліи, Пруссіи и Турціи. Поэтому мы, литовскіе чины и дворянство, принимая во вниманіе эти и прочія обстоятельства, и видя что благодаря упомянутому политическому своеволію, или вольности, которыми безъ нужды насъ одарила Польша, мы почти погибаемъ безъ всякой надежды на спасеніе, и видя въ то-же время всю великую щедрость, мужество, богатство и проч. свѣтлѣйшаго, а на царствованіе намъ и потомкамъ нашимъ вѣчно... (*въ подлинникѣ мѣсто попорчено*), какъ родъ такъ и поколѣніе Его Королевскаго Величества, но всего болѣе изъ признательности престолу за ту помощь, которую онъ соблаговолилъ оказать намъ при обороніи враговъ нашихъ, поддерживавшихъ вольность по тайному соглашенію съ поляками, вопреки намѣреніямъ Его Королевскаго Величества и нашимъ, помощь—которую онъ и впредь подъ клятвою обѣщалъ намъ оказывать, мы нашимъ именемъ обѣщаемъ и клянемся въ вѣчномъ подданствѣ нашемъ и потомковъ нашихъ

лись притѣсненія и беззаконія и всякое зло, отъ которыхъ Литва почти погибаетъ. Поэтому послѣдняя отдаетъ себя въ вѣчное подданство королю, отказываясь отъ всякихъ правъ и вольностей, перешедшихъ изъ Польши, и поручая себя неограниченному скипетру его и его потомства. Съ тѣми-же изъ литовцевъ, которые стали бы дѣйствовать вопреки настоящаго постановленія, воленъ онъ, государь Литвы, по-

---

свѣтлѣйшему Августу-Фридриху, нѣкогда избранному, а отнынѣ наслѣдственному литовскому князю, а равно и его единокровнымъ наслѣдникамъ обоего пола, отказываемся отъ всѣхъ нашихъ правъ, которыя ради подлой польской вольности... княжеству литовскому, были пожалованы нашимъ предкамъ королями польскими и князьями литовскими, отвергаемъ право свободнаго veto и свободнаго обсужденія общественныхъ дѣлъ и отдаемъ себя свѣтлѣйшему князю, дабы правилъ и владѣлъ нами какъ верховный и неограниченный господинъ, подобно тому какъ нѣкогда неограниченно царствовали наслѣдственные великіе князья литовскіе Гедиминъ, Ольгердъ и Ягайло. Мы отказываемся также отъ принадлежащихъ намъ правъ свободнаго избранія королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, кассируемъ и уничтожаемъ всѣ тѣ пункты, заключенія и параграфы статута и литовскихъ конституцій, которыми поддерживаются вольности и не будемъ впредь ими пользоваться, а взамѣнъ ихъ принимаемъ настоящее наше постановленіе, которое имѣетъ предложить намъ пресвѣтлѣйшій государь и которое онъ велитъ обнародовать, и обѣщаемъ свято повиноваться во всемъ его государевой волѣ. Отнынѣ если-бы кто изъ насъ, или потомковъ нашихъ, литовскихъ гражданъ, сталъ противиться сему нашему обязательству и подчиненію (subjekcii), или сталъ бы явно или тайно посягать на верховную и неограниченную власть нашего государя, властенъ свѣтлѣйшій князь Августъ-Фридрихъ, нашъ наслѣдственный государь, по своему вѣчному праву верховнаго и неограниченнаго господина великого княжества Литовскаго, карать такого безъ суда и слѣдствія, какъ бунтовщика, какого бы состоянія и пола онъ не былъ. Въ подтвержденіе сего и для бóльшаго значенія въ глазахъ потомства, мы собственноручно подписываемся и прикладываемъ свои печати. Писано въ Вильнѣ 29 Ноября, лѣта Господня 1700.»

(*Слѣдуютъ подписи:* Михаилъ Корибутъ князь Вишневецкій... Карлъ князь

ступать какъ съ бунтовщиками, карая безъ суда и слѣдствія, въ силу своихъ верховныхъ и неограниченныхъ правъ!.. ([38]).

Постановленіе подписано 31-мъ лицемъ, между которыми значатся самыя громкія литовскія фамиліи, какъ Корибутъ-Вишневецкіе, Огинскій, Пацъ, Радзивиллъ и друг. Здѣсь-же встрѣчаемъ, какъ упомянуто выше, имена и двоихъ Мосальскихъ — князя Ивана маршала гродненскаго, умершаго въ 1703 году ([39]), и Франца ([40]).

Независимо отъ приведенныхъ фактовъ, слѣды дѣятельности князей Мосальскихъ въ теченіи XVII вѣка, находимъ въ отправленіи другихъ спеціальныхъ обязанностей во время сеймовыхъ собраній и въ редакціи различныхъ государственныхъ постановленій. Такъ князь Григорій, уже упоминавшійся выше, былъ посломъ на варшавской конвокаціи 1632 г., на которой имъ въ числѣ другихъ была подписана генеральная конфедерація, относительно какъ будущаго избирательнаго сейма, такъ и вопроса о правахъ дессидентовъ и принятія мѣръ для огражденія внѣшней безопасности государства, особенно со стороны Россіи ([41]). Тотъ же князь Григорій былъ посломъ отъ Брестскаго воеводства и на виленской конвокаціи 1634 года, о чемъ свидѣтельствуетъ дошед-

---

Радзивиллъ..., Иванъ Мосальскій гродненскій маршалъ, Григорій Котовичъ..., Францъ Мосальскій и проч.)

([38]) Нарбутъ: Dzieje narodu litewskiego, т. IX, прибавл. IX.

([39]) См. № 176 родосл.

([40]) По всей вѣроятности потомокъ князя Богуша (т. е. № 138 родосл.)

([41]) Volumina legum, т. III, 345—352.

О правахъ дессидентовъ относительно свободы богослуженія, мы уже упоминали выше (см. стр. 120), другія-же важнѣйшія статьи конфедераціи каса-

шее до насъ сеймиковое постановленіе дворянъ Брестскаго воеводства и данная ими посламъ своимъ инструкція ([42]); послѣдняя касается впрочемъ лишь вопроса объ изысканіи денежныхъ средствъ, для веденія войны съ Москвою. Князь Александръ Мосальскій ([43]) состоялъ въ 1613 году трибунальнымъ маршалкомъ; имя его встрѣчаемъ въ засвидѣтельствованіи историческаго документа, представленнаго въ копіи изъ книгъ Виленскаго трибунала, именно грамоты короля Стефана Баторія 1585 года, объ освобожденіи православныхъ отъ принятія новоисправленнаго календаря и дарованіи имъ свободы строить и возобновлять храмы и училища ([44]). Другаго князя Александра ([45]) находимъ въ числѣ сенаторовъ, подписавшихъ на сеймѣ 1638 года актъ брачной дарственной записи и свадебныхъ подарковъ королевѣ Цециліи-Ренатѣ, отъ супруга ея короля Польши Вла-

лись напр.: недопущенія происковъ и злоупотребленій при будущемъ избраніи короля,—различныхъ постановленій касательно юстиціи въ теченіе наступившаго междуцарствія,—учрежденія на время предстоящаго элекціоннаго сейма суда, на правахъ трибунала,—назначенія комиссіи для ревизіи государственной казны и архивовъ,—назначенія совѣта при коронномъ примасѣ и проч. Что-же касается до военныхъ мѣръ противъ Россіи, то конфедерація постановила: во первыхъ предоставить въ распоряженіе литовскихъ гетмановъ 4500 наемныхъ солдатъ, собранныхъ въ силу рѣшенія прошедшаго сейма, если-же этого войска оказалось-бы недостаточно, то нанять еще и въ крайнемъ случаѣ прибѣгнуть къ посполитому рушенью (ополченію).

([42]) Акты издан. Комис. для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ, т. II, стр. 167, 169.

([43]) Сынъ князя Ѳедора Ивановича маршала гродненскаго (см. № 100 род.).

([44]) Собраніе древнихъ грамотъ Минской губ., № 31; также - Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ, ч. 1, № 15.

([45]) Неизвѣстной вѣтви.

дислава IV ([46]). Наконецъ въ составѣ короннаго варшавскаго сейма 1661 года, встрѣчаемъ Станислава Мосальскаго ([47]) подкоморія гродненскаго, участвовавшаго въ немъ въ качествѣ посла и назначеннаго членомъ казеннаго трибунала, имѣвшаго открыться въ Вильнѣ, для разрѣшенія вопросовъ о взысканіи податныхъ государственныхъ недоимокъ ([48]).

Тѣми же сеймовыми постановленіями на Мосальскихъ возлагались кромѣ того разныя специальныя порученія, а именно: на сеймѣ 1611 года былъ назначенъ комисаромъ въ комиссію Гродненскаго уѣзда, по дѣлу о размежеваніи земель, князь Өедоръ Ивановичъ маршалъ гродненскій ([49]) и затѣмъ онъ-же въ 1613 году, по тому-же вопросу ([50]). Постановленіемъ сейма 1621 года учрежденъ въ Вильнѣ судъ, на правахъ трибунала, для взысканія недоимокъ, депутатомъ въ который былъ назначенъ Александръ Мосальскій маршалъ ковенскій ([51]); онъ-же въ 1628 году опредѣленъ отъ сената однимъ изъ комисаровъ, на которыхъ возлагалась уплата жалованья войскамъ въ Лифляндіи ([52]); въ 1629 году онъ снова былъ депутатомъ отъ сената въ Ви-

([46]) Codex diplomaticus—Догеля, т. I, стр. 315

([47]) Внукъ Өедора Ивановича маршала (см. № 122 родосл.).

([48]) Постановленія генеральнаго сейма въ Варшавѣ, 1661 г. (Volumina legum, т IV, 370-372).

([49]) Volumina legum, т. III, 26 (см. № 68 родосл.).

([50]) Постановленія сейма 1613 г. (Vofumina legum, т. III, 99).

([51]) Volumina legum, т. III, 208. Неизвѣстной вѣтви.

([52]) Постановленія сейма 1628 г. (Volumina legum, т. III, 277).

ленскомъ трибуналѣ, по вопросамъ о взысканіи недоимокъ, нарушенію постановленій о закрытіи нѣкоторыхъ портовъ и неисправностяхъ по сбору войскъ ([53]); въ 1631 года еще разъ депутатомъ въ томъ-же трибуналѣ. По постановленію сейма 1631 года, относительно обложенія на два года пошлиной всѣхъ предметовъ вывозной торговли, въ виду изысканія средствъ для уменьшенія государственнаго долга, была составлена комиссія для начертанія инструкціи таможнямъ, депутатами отъ сената въ которую назначены Сапѣга и упоминаемый князь Александръ Мосальскій ([54]). Въ 1634 г. его-же опять встрѣчаемъ, совмѣстно съ Скуминъ-Тишкевичемъ, представителями интересовъ польской республики, въ вопросѣ о Кролевецкомъ (Кенигсбергскомъ) портѣ, котораго ревизію они имѣли произвести вмѣстѣ съ комисаромъ курфирста, принявшаго на свой счетъ очистку порта, для свободнаго сплава товаровъ изъ великого княжества Литовскаго, съ правомъ взиманія за то пошлинъ ([55]); въ 1634 году Александръ Мосальскій былъ снова комиссаромъ отъ сената, въ составѣ комиссіи, учрежденной при гетманѣ великого княжества Литовскаго, для уплаты жалованья войскамъ, учавствовавшимъ въ войнѣ съ Россіей ([56]), и наконецъ въ 1638 году—комиссаромъ отъ сената по разграниченію Любельскаго и Подлясскаго воеводствъ, въ виду

([53]) Постановленіе сеймовъ 1629 и 1631 г. (Volumina legum, т. III, 296, 322).

([54]) Volumina legum, т. III, 325.

([55]) Постановленіе сейма 1633 г. (Volumina legum, т. III, 384—385).

([56]) Постановленіе сейма 1634 г. (Volumina legum, т. III, 398).

установленія порядка правильнаго сбора податей ([57]). Еще двое Мосальскихъ упоминаются сеймовыми постановленіями 1662 и 1697 г., именно—Станиславъ подкоморій гродненскій ([58]), бывшій комиссаромъ по размежеванію королевскихъ и частныхъ земель въ Гродненскомъ уѣздѣ, и—Янъ, назначенный комиссаромъ по расквартированію войскъ великого княжества Литовскаго ([59]).

Приведенными свѣдѣніями исчерпываются данныя, сохранившіяся относительно дѣятельности князей Мосальскихъ въ болѣе высшихъ сферахъ государственнаго управленія, но кромѣ того многіе изъ нихъ въ теченіи XVII столѣтія занимали еще разныя должности по внутреннему управленію. Такъ дошедшіе до насъ документы упоминаютъ изъ Мосальскихъ старшей линіи (т. е. изъ потомковъ князя Богуша) слѣдующихъ лицъ: Въ 1600 году—князя Фридриха, какъ судью трокскаго ([60]), въ 1602 г.—князя Богдана какъ подсудка волковысскаго, въ 1680 г.—Ивана-Казимира какъ стольника волковысскаго и войта вержболовскаго, въ 1682 г. сына его Владислава какъ войта-же вержболовскаго, въ томъ-же году—вышеупомянутаго Ивана-Казимира какъ судью волковысскаго и въ 1689 г.—Доми-

---

([57]) Постановленія сейма 1638 г. (Volumina legum, т. III, 448—449).

([58]) См. № 122 родосл.

([59]) Volumina legum, т. IV, 424; т. V, 419. Имени Яна въ назначеніи не упоминается, но такъ какъ онъ названъ «хорунжичемъ», то по всей вѣроятности рѣчь идетъ о Янѣ Михайловичѣ (см. № 176 родосл.), такъ какъ отецъ его около этого времени былъ хорунжимъ гродненскимъ.

([60]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 86, стр. 150). См. № 88 родосл.

ника какъ скарбника волковысскаго ([61]). Изъ другой линіи (владѣвшей Олекшицами) въ современныхъ документахъ встрѣчаемъ: князя Ѳедора Ивановича ([62]), уже не разъ выше упоминавшагося и бывшаго маршаломъ гродненскимъ до 1617 года; сыновей его Андрея и Григорія ([63]), изъ коихъ первый по смерти отца былъ назначенъ также маршаломъ гродненскимъ, а въ 1628 г. именуется какъ кастелянъ брестскій и въ 1645 году какъ воевода брестскій-же; второй, т. е. Григорій, — въ 1626 г. былъ избранъ въ должность подкоморія гродненскаго. Внуки того-же Ѳедора Ивановича, князья Станиславъ и Владиславъ ([64]), названы гродненскими подкоморіями, одинъ въ 1659 г., другой въ 1669 г., и кромѣ того первый изъ нихъ какъ староста гродненскій; правнукъ—князь Михаилъ былъ въ 1671 году гродненскимъ хорунжимъ и наконецъ сынъ послѣдняго—Янъ ([65]), умершій въ 1703 г., упоминается какъ староста гродненскій, а въ 1699 г. назначенъ тамъ-же маршаломъ. Къ этой же Олекшицкой линіи можетъ быть причисленъ еще членъ боковой вѣтви, именно князь Ѳедоръ Михайловичъ ([66]), показываемый современными актами въ 1620 г. въ званіи маршалка гродненскаго.

([61]) См. №№ 87, 136, 157 и 137 родосл.

([62]) Умеръ въ 1617 г. (См. № 68 родосл.).

([63]) См. №№ 101 и 102 родосл.

([64]) См. №№ 122 и 126 родосл.

([65]) См. №№ 148 и 176 родосл.

([66]) См. № 72 родосл.

Всѣ поименованныя лица связываются между собою генеалогически, но необходимо сказать еще и о прочихъ. Сюда могутъ быть включены: князь Димитрій—въ 1620 г. стольникъ браславскій, въ 1624 г.—войскій браславскій-же; Юрій—сборщикъ податей Волковысскаго повѣта въ 1619 г.; другой Юрій—въ 1624 г. стольникъ браславскій и третій—въ 1674 г. староста августовскій ([67]); Янъ — подстолій браславскій въ 1621 г.; Александръ—умершій въ 1641 г., какъ видно изъ дошедшей до нашего времени погребальной рѣчи, произнесенной на похоронахъ его и упоминаемый сохранившимися документами въ 1613 г.—какъ тіунъ ретовскій, въ 1617 г.—какъ маршалъ ковенскій, въ 1620 г.—какъ кастелянъ дерптскій и староста язвонскій, въ 1631 г.—какъ кастелянъ смоленскій, въ 1635 г.—какъ староста ковенскій и въ 1639 г.—какъ воевода минскій ([68]). Другой князь Александръ встрѣчается въ 1676 г. какъ подкоморій гродненскій; наконецъ—Василій и Кирикъ, бывшіе сборщиками податей въ Волынскомъ воеводствѣ въ 1649 и 1653 годахъ ([69]).

Изъ этого общаго перечня гражданскихъ службъ князей Мосальскихъ, можно видѣть, что на сцену политической и гражданской дѣятельности съ теченіемъ времени выдвинулась главнѣйшимъ образомъ младшая изъ литовскихъ вѣтвей ихъ фамиліи, старшая-же почти не

([67]) Всѣ неизвѣстной вѣтви.

([68]) Также.

([69]) Также.

представляетъ выдающихся въ какомъ либо отношеніи общественныхъ дѣятелей, такъ что имена членовъ ея не причастны ни къ какимъ историческимъ событіямъ Литвы, въ теченіи всего XVII столѣтія.

Бросимъ еще взглядъ на участіе рода князей Мосальскихъ во внѣшнихъ событіяхъ той-же эпохи.

Періодъ самозванцевъ въ русской исторіи и войны Россіи съ Польшей, составляютъ важнѣйшія политическія событія, съ которыми соединяются имена многихъ изъ членовъ описываемой фамиліи; но вмѣстѣ съ тѣмъ большинство сохранившихся извѣстій ограничивается лишь общими указаніями на бытность Мосальскихъ въ рядахъ польскихъ войскъ и только въ нѣсколькихъ немногихъ случаяхъ дошли до насъ отдѣльныя, болѣе любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ изъ нихъ, въ связи съ внѣшней политикой и военными событіями XVII вѣка. Напротивъ, въ области тѣхъ же событій, но со стороны Россіи, исторія Мосальскихъ гораздо богаче и тамъ имена ихъ, какъ увидимъ ниже, встрѣчаются рядомъ съ самыми кровавыми эпизодами московскихъ смутъ той-же эпохи.

Изъ извѣстій касающихся литовской группы рода Мосальскихъ, одно довольно любопытно, именно, что въ составѣ извѣстнаго посольства отъ Сигизмунда III къ Лжедимитрію, по воцареніи послѣдняго въ Москвѣ, находился князь Александръ Мосальскій ([70]), отправленный вмѣстѣ съ

([70]) По всей вѣроятности сынъ Ѳедора Ивановича маршала гродненскаго, умершій въ 1614 году (см. № 100 родосл.).

Олесницкимъ кастеляномъ мологовскимъ и Корвиномъ-Гонсѣвскимъ — старостой велижскимъ, по случаю бракосочетанія самозванца съ Мариною Мнишекъ ([71]). Посольство это, по однимъ извѣстіямъ имѣло задачей — требовать чтобы Польшѣ были уступлены земли до Можайска и Россія заключила бы съ нею союзъ для войны съ крымскимъ ханомъ, по другимъ — назначалось лишь присутствовать на свадьбѣ Лжедимитрія и скрѣпить союзъ между обоими государствами.

3-го мая (1606 г.) польскіе послы были на аудіенціи, во время которой возникли извѣстные споры и пререканія, по поводу порядка титулованія самозваннаго царя московскаго, такъ какъ послѣдній въ грамотѣ Сигизмунда не былъ названъ цесаремъ, чего требовалъ самозванецъ. Послы, устами пана Олесницкаго, наговорили самозванцу много упрековъ и въ концѣ концовъ настояли на своемъ. Затѣмъ въ заключеніе аудіенціи, послѣдовала передача подарковъ отъ лица каждаго изъ трехъ пословъ, сопровождавшаяся произнесеніемъ стереотипной формулы — «Божіею милостью пресвѣтлѣйшему Димитрію Ивановичу посолъ польскаго короля челомъ бьетъ» и перечисленіе даровъ, въ числѣ которыхъ отъ Александра Мосальскаго были переданы самозванцу — «Ростихановъ большихъ серебряныхъ вызолоченныхъ два и золотая цѣпь» ([72]). Мая

([71]) Малиновскій: Zrźodła do dziejow polskich Poselstwo od Zygmunta III do Dymitra Iwanowicza cara Moskiewskiego); также Устряловъ—Сказ соврем. о Дим. самозванцѣ (Дневникъ Мар. Мнишекъ и польскихъ пословъ), Щербатовъ (Ист. Рос.) по Нѣмцевичу, и друг.

([72]) Рачинскій: Poselstwo od Zygmunta III и пр. (см. также вын. 71).

По отправленіи посольства пословъ пригласили сѣсть. Григорій Микулинъ

15-го послы опять были во дворцѣ, для переговоровъ съ думными боярами, которыхъ явилось трое: князь Шуйскій, Татищевъ и одинъ изъ ближайшихъ пособниковъ самозванца—князь Мосальскій ([73]); такимъ образомъ въ московскомъ дворцѣ судьба столкнула двухъ лицъ описываемой фамиліи, явившихся представителями совершенно противуположныхъ національныхъ интересовъ. Переговоры шли о способахъ и средствахъ для веденія сообща войны съ турками и прочими басурманами, но не привели ни къ чему, такъ какъ окончаніе ихъ отложили до новой аудіенціи у Лжедимитрія, а между тѣмъ дни послѣдняго были уже сочтены и новой аудіенціи не суждено было состояться. Послѣ трагической смерти самозванца, польскимъ посламъ довелось видѣть

прочиталъ списокъ подарковъ: Божіею милостью всепресвѣтлѣйшему и великому королю всея Россіи Димитрію Іоанновичу, отъ пословъ его королевскаго величества, государю нашему всемилостивѣйшему. Отъ пана Мологоскаго: большая золотая цѣпь на кольчугу, одиннадцать большихъ серебряныхъ бокаловъ, по мѣстамъ вызолоченныхъ, два большіе складные бокала, гнѣдой жеребецъ подъ попоною, большой персидскій коверъ, бѣлый турецкій конь подъ попоною, небольшой персидскій шелковый коверъ, комнатная англійская собака, годная и для звѣриной травли. Отъ пана Корвинъ-Гонсѣвскаго тому-жъ господарю: большой серебряный бокалъ съ крышкой, вызолоченный,—другой серебряный бокалъ съ крышкой, вызолоченный, гнѣдой жеребецъ подъ попоною. Отъ князя Александра Мосальскаго: два серебряные съ двойною позолотою бокала, одна большая золотая цѣпь. (Устряловъ—Сказанія, ч. II, 216).

([73]) У Рачинскаго (см. выше) названъ—«Михайловичъ—Мосальскій»; въ то время однимъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ Лжедимитрію лицъ, былъ князь Василій Михайловичъ Мосальскій—Рубецъ (см. № 107 родосл.), личность связанная съ многими, какъ мы далѣе увидимъ, историческими событіями этой мрачной эпохи.

страшныя сцены народной расправы съ наѣхавшими въ Москву поляками и пришлось еще долго оставаться въ предѣлахъ Россіи, въ видѣ заложниковъ за безопасность пословъ русскихъ, отправленныхъ къ Сигизмунду.

Въ розрядныхъ книгахъ встрѣчаемъ еще извѣстіе объ одномъ изъ Мосальскихъ, бывшемъ въ 1617 году въ предѣлахъ Россіи, въ войскахъ Гонсѣвскаго. Смоленскъ былъ осаждаемъ тогда русскими войсками и Гонсѣвскій, намѣреваясь отрѣзать сообщенія ихъ отъ Москвы, задумалъ нападеніе на Дорогобужъ и Вязьму. Присоединивъ къ себѣ подошедшіе отряды Лисовскаго, онъ двинулся къ Дорогобужу, но на помощь послѣднему явились уже изъ Москвы воеводы Сулешевъ и Прозоровскій, которые выслали противъ Гонсѣвскаго отрядъ, подъ начальствомъ Барятинскаго и Чеинскаго. Подъ Булавицами отрядъ этотъ встрѣтился съ литовцами и разбилъ ихъ, взявъ много плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ, по свидѣтельству нашихъ розрядовъ, былъ захваченъ и князь Мосальскій ([74]).

([74]) Какъ видно князь Стефанъ Янушевичъ (см. № 117 родосл.); въ розрядахъ читаемъ только: «И они (Барятинскій съ Чеинскимъ) пришедъ подъ Булавицы литовскихъ людей побили, ротмистровъ и поручиковъ и языки многія поимали, а взяли Мосальскаго князя да Роткевича. (Дворцов. розр., т. I, 261—263); но указаніе на имя Мосальскаго сохранилось въ документахъ московскаго Архива министерства юстиціи; здѣсь сказано:—«и апрѣля въ 5 день (1617 г.) онъ князь Василей Борятинской съ головами..... польскихъ и литовскихъ людей побилъ на голову и полковника князя Степана Мосальскаго и ротмистра Кричевскаго и поручика Ероша Котловскаго и Дубровина......а съ ними многихъ шляхтичей и товарищевъ въ языцехъ поймали, а достальные не великіе люди съ того бою въ острожкѣ отсидѣлись» (Книги Московскаго стола № 2, л. 116).

Кромѣ этихъ двухъ лицъ, можно еще заключить изъ косвенныхъ указаній, что въ рядахъ поляковъ, опустошавшихъ тогдашнее московское государство, были еще князья Андрей ([75]) и Іосифъ ([76]) Мосальскіе. Въ патентѣ на назначеніе перваго изъ нихъ маршаломъ гродненскимъ въ 1618 г., упоминаются его заслуги, которыя онъ оказывалъ Рѣчи Посполитой въ землѣ инфлянтской и московской, не щадя ни здоровья своего, ни издержекъ ([77]); что же касается до князя Іосифа, то онъ служилъ жолнеромъ въ хоругви жмудкаго хорунжаго ротмистра Войны и находился въ разныхъ военныхъ экспедиціяхъ, въ томъ числѣ и противъ Москвы, еще при отцѣ Владислава IV.

По всей вѣроятности не чуждъ былъ вооруженнаго участія въ упоминаемыхъ смутахъ и князь Александръ Мосальскій ([78]), умершій въ 1641 году минскимъ воеводой; онъ съ раннихъ своихъ лѣтъ искалъ военной славы, учавствовалъ въ походахъ не только лично, но снаряжалъ на свой счетъ цѣлые отряды. Въ одномъ изъ пожалованій ему земель, данномъ въ 1633 году, говорится напр., что онъ еще при отцѣ короля Владислава IV состоялъ въ экспедиціяхъ московской, волошской и инфлянтской, а при Влади-

---

([75]) Сынъ Ѳедора Ивановича маршала (см. № 101 родосл.).

([76]) Неизвѣстной вѣтви.

([77]) Ему-же въ 1633 г. были пожалованы земли, въ вознагражденіе службъ и убытковъ его въ войнахъ съ Москвою.

([78]) Неизвѣстной вѣтви.

10

славѣ былъ въ послѣдней войнѣ, т. е. учавствовалъ въ извѣстныхъ событіяхъ подъ Смоленскомъ въ 1632 году, когда русскій воевода Шеинъ принужденъ былъ подъ стѣнами этого города сдаться польскому королю со всею своею арміею.

Къ тѣмъ же событіямъ подъ Смоленскомъ, повидимому прикосновененъ и князь Димитрій Мосальскій войскій браславскій ([79]), такъ какъ онъ въ 1635 году также получилъ землю, за свои военныя и земскія службы.

Въ послѣдующей войнѣ Россіи съ Польшей, начавшейся въ 1654 году, встрѣчаемъ двухъ сыновей Андрея Ѳедоровича воеводы брестскаго — князей Казимира и Станислава ([80]). Первый изъ нихъ, побывавъ еще въ походѣ подъ Берестечкомъ, гдѣ находился во главѣ сформированнаго имъ же отряда драгунъ, принялъ затѣмъ участіе и въ войнѣ московской, но погибъ въ ней, какъ о томъ свидѣтельствуется въ современныхъ актахъ 1658 года; второй, т. е. князь Станиславъ, въ описываемое время занималъ довольно высокій постъ въ военной іерархіи, такъ какъ состоялъ полковникомъ польскихъ войскъ.

Война 1654 года была, какъ извѣстно, весьма счастлива для русскаго оружія. Воеводы царя Алексѣя Михайловича въ томъ-же году взяли Дорогобужъ, Невель, Рославль,

---

([79]) Неизвѣстной линіи.

([80]) См. №№ 123 и 122 родосл.

Полоцкъ, Дисну, Друю, Оршу; разбили подъ Оршей гетмана Радзивилла и покорили многіе другіе города; въ слѣдующемъ нанесли новое пораженіе Гонсѣвскому и Радзивиллу около Вильны, заняли послѣднюю, кромѣ того Велижъ, Минскъ, Ковно, Гродно и друг., такъ что вся Литва очутилась во власти русскихъ. Въ числѣ завоеванныхъ пунктовъ находились, какъ сказано уже,—Полоцкъ, Друя и Гродно, т. е. мѣста, гдѣ сосредоточивались родовыя имѣнія князей Мосальскихъ, что конечно должно было лечь тяжелымъ бременемъ на послѣднихъ. Неизвѣстно какое положеніе заняли члены описываемой фамиліи вообще, относительно своихъ завоевателей, но сохранились два факта, значенія совершенно противуположнаго: одного изъ Мосальскихъ, именно князя Николая ([81]), совладѣтеля Друи, встрѣчаемъ въ 1660 году плѣнникомъ въ Москвѣ, другаго—изъ линіи владѣвшей Олекшицами, именно упоминавшагося выше князя Станислава,—принявшимъ сторону русскихъ, безъ сомнѣнія ради своихъ личныхъ интересовъ. Объ участи князя Николая узнаемъ изъ актовъ литовскаго трибунала, въ который въ 1663 г. былъ заявленъ «тестаментъ его милости пана Миколая Мосальскаго, на тотъ часъ въ везеню непріятельскомъ московскомъ будучаго» ([82]); завѣщаніе помѣчено 1660 годомъ и писано въ тюрьмѣ, изъ которой, какъ видно, узникъ не имѣлъ надежды освободиться, потому что передавая свои посмертныя распоряженія, онъ

([81]) Сынъ Василія Ивановича стольника браславскаго (см. № 61 родосл.).

([82]) См. прил. 40.

10*

проситъ молиться о душѣ своей, прибавляя — что умретъ безъ напутствія священника своей католической религіи, котораго тамъ и не найти, а если бы и нашелся то все равно не допустятъ ([83]).

Совершенно иное положеніе, во время успѣховъ русскаго оружія въ Литвѣ, занялъ князь Станиславъ Мосальскій. Изъ современныхъ актовъ ([84]) узнаёмъ, что съ вступленіемъ московскихъ войскъ въ литовскіе предѣлы, онъ принялъ сторону побѣдоноснаго непріятеля и успѣлъ даже выпросить себѣ, предварительно отъ литовскаго великаго гетмана, а затѣмъ и отъ русскихъ властей, гродненскую экономію, т. е. самый городъ Гродно съ окружными имѣніями, бывшій староствомъ ([85]). Мосальскій видимо двуличничалъ и покрайней мѣрѣ въ 1658 году дѣйствія его были весьма неблаговидны, такъ какъ онъ находился въ сношеніяхъ съ обѣими непріятельскими сторонами. Любопытныя подробности объ этомъ читаемъ въ донесеніи Шереметева и Головина 1658 г. изъ Борисова, въ отвѣтъ на требованіе изъ Москвы извѣстій о разныхъ политическихъ вопросахъ въ Литвѣ, напр. о количествѣ войскъ у короля Яна-Казимира, о дѣйствіяхъ въ Литвѣ шведовъ, о цесарскихъ послахъ къ польскому королю

([83]) Помѣтка на тестаментѣ не совсѣмъ ясна:—Писанъ въ тюрьмѣ въ столицѣ въ Крымъ—городѣ» (Кремлѣ?).

([84]) Акты Метр. лит. (Книги записей № 131, л. 688).

([85]) По Нѣсецкому (Herbarz polski) этотъ Станиславъ Мосальскій—«остался въ Москвѣ» (т. VI, 349—353), что впрочемъ едва-ли справедливо, такъ какъ во первыхъ онъ въ 1658 г. получилъ отъ польскаго короля амнистію, а во вторыхъ—его-же въ 1659 г. встрѣчаемъ въ Литвѣ, въ качествѣ подкоморія гродненскаго.

и проч. ([86]). Отвѣчая на всѣ вопросы, Шереметевъ между прочимъ писалъ: «Ѣздилъ-де въ Брестъ полковникъ князь Станиславъ Мосальскій къ брату своему къ гетману къ Павлу Сапѣгѣ, и Сентября въ 7 день князь Станиславъ Мосальскій пріѣхалъ въ Гродно, сказывалъ: отъ польскаго-де короля и отъ гетмановъ и отъ коруны польскіе и отъ княжства литовскаго посланы послы къ запорожскимъ черкасамъ, чтобы черкасы съ королемъ и гетманы и съ коруною польскою помирились, а какъ де помирятся и хотятъ де идти подъ твои великаго государя городы, которые въ великомъ княжствѣ литовскомъ; а у польскаго-жъ де короля ратныхъ людей немного, а цесарскихъ де людей у короля 18 тысячъ. Да пріѣзжаютъ де къ гетману къ Павлу Сапѣгѣ гроденскаго повѣту шляхта и съ гетманомъ думаютъ, а что думаютъ и онъ-де того не вѣдаетъ. Да онъ-же де князь Станиславъ сказывалъ, что польскому королю и къ гетману и къ корунѣ польской и ко всему княжству литовскому отъ цесарева сына пришли послы, чтобъ по смерти его, польскаго короля, на коруну польскую и на все княжство литовское обрали королемъ его, цесарева сына; а онъ де цесарь съ войскомъ

([86]) Памятники дипломатическихъ сношеній, т. III, стр. 730. Спрашивали:—«Гдѣ нынѣ польскій Янъ-Казимеръ король и корунные гетманы и много ль при королѣ и при гетманѣхъ войска польскаго и литовскаго и нѣтъ-ли нынѣ отъ короля русскимъ ратнымъ людямъ гдѣ либо и какихъ либо задоровъ. И Краковъ и иные мѣста, въ которыхъ мѣстахъ были шведы, также и Брестъ, нынѣ за кѣмъ, за польскимъ-ли королемъ или еще за шведы, и будетъ за польскимъ — и какъ за него достались, боемъ-ли или одачею. И въ Вильнѣ и въ иныхъ мѣстѣхъ моровое повѣтріе ужъ-ли перестало» и пр..

будетъ польскому королю помогать ратными людьми и хочетъ-де стоять заодно; и коруна-де польская хотятъ цесарева сына по смерти польскаго короля на королевство обрать».

Такимъ образомъ здѣсь Мосальскій является чѣмъ-то въ родѣ политическаго агента Шереметева, доставляющаго послѣднему извѣстія изъ польскихъ политическихъ сферъ; но дальнѣйшая приписка того-же Шереметева, выказываетъ и иное: — «Да по твоему Великаго Государя указу», — продолжаетъ онъ, «велѣно сбирать ратнымъ людямъ съ экономіи гроденской и со всѣхъ королевскихъ селъ и деревень хлѣбные запасы; и комиссіею де гроденскою владѣетъ полковникъ князь Станиславъ Мосальскій, хлѣбныхъ де запасовъ князь Станиславъ сбирать не далъ, а собралъ де онъ князь Станиславъ съ экономіи гроденской 6000 злотыхъ и послалъ къ польскому королю»!...

Въ томъ-же 1658 году упоминаемаго Мосальскаго встрѣчаемъ уже получившимъ полную амнистію отъ короля, за свои прежніе поступки, съ сохраненіемъ всѣхъ имѣній принадлежавшихъ князю Станиславу какъ до войны, такъ и пріобрѣтенныхъ имъ во время послѣдней. Въ амнистіи этой, послѣдовавшей вслѣдствіе ходатайства многихъ важныхъ лицъ и самого великого гетмана литовскаго, упоминается между прочимъ, что король помнитъ также храбрость, выказанную Станиславомъ Мосальскимъ во главѣ своихъ собственныхъ людей подъ Тыкоциномъ, и утверждаетъ за нимъ опять гродненскую экономію. Въ 1659 г. его-же встрѣчаемъ въ качествѣ гродненскаго подкоморія, причемъ въ актѣ по-

жалованія онъ названъ полковникомъ и самое пожалованіе мотивировано какъ данное «за его многія службы».

Къ приведеннымъ извѣстіямъ, можно прибавить дошедшія свѣдѣнія еще о трехъ лицахъ, именно князьяхъ Лукашѣ ([87]), Казимирѣ и Владиславѣ ([88]), о которыхъ современные акты упоминаютъ, какъ объ участникахъ въ разныхъ военныхъ экспедиціяхъ, хотя и неизвѣстно какихъ именно. Равнымъ образомъ еще нѣкоторыя данныя почерпаются изъ немногихъ дошедшихъ до насъ войсковыхъ реестровъ XVII столѣтія, указанія которыхъ впрочемъ довольно глухи. Такъ имѣемъ реестръ королевскаго войска служившаго въ Лифляндіи, подъ начальствомъ польнаго гетмана великого княжества Литовскаго Христофора Родзивилла въ 1621 году ([89]). Въ реестрѣ этомъ между прочимъ показаны: Гусарская хоругвь пана Мальхра Сѣсицкаго, въ которой «товарищемъ» былъ нѣкто Мосальскій, съ нимъ 3 всадника. Козацкая хоругвь пана Якушевскаго,—въ ней также одинъ изъ Мосальскихъ съ тремя всадниками. Гусарская хоругвь Гродненскаго уѣзда—Мосальскій съ тремя всадниками. Гусарская хоругвь князя польнаго гетмана—Мосальскій съ 6-ю всадниками. Козацкая хоругвь пана Бонецкаго—Мосальскій съ 4-мя всад-

([87]) Неизвѣстной вѣтви. Объ его участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ упоминается въ 1641 года.

([88]) Внуки Ѳедора Ивановича маршала (см. №№ 125 и 126 родосл.). Объ ихъ военныхъ службахъ упоминается въ 1650 году.

([89]) Рукопись Импер. публ. библіотеки. «Regestra popisowe woiska które w Jnflanciech pod regimentem... Roku 1621 służylo» (по катол. Historia Polonica, отд. IV, № 47).

никами. Кромѣ того въ томъ-же реестрѣ, въ числѣ лицъ приславшихъ Радзивиллу въ Лифляндію вооруженныхъ людей, по собственному притомъ почину, упоминается еще Александръ Мосальскій маршалъ ковенскій ([90]), доставившій шесть гусаровъ.

Такимъ образомъ изложенныя данныя даютъ замѣтить, что повидимому и здѣсь наибольшее число сохранившихся извѣстій относится къ линіи владѣвшей Олекшицами, старшая-же, т. е. потомки князя Богуша, остается въ сторонѣ, точно также какъ мало принимала она участія и въ сферѣ управленія гражданскаго.

Обратимся теперь къ внутреннему быту описываемой фамиліи.

Относительно имущественнаго положенія князей Мосальскихъ, мы уже видѣли въ предшествовавшей главѣ, что родовыми имѣніями старшей линіи были: Олтупово — въ Волковысскомъ повѣтѣ ([91]), Подмеречь — въ Трокскомъ и Друя — въ Браславскомъ. Мы видѣли также, что внуки князя Богуша Мосальскаго договорились между собою, о неотчужденіи изъ своей линіи родовыхъ имѣній, въ видахъ поддержки благосостоянія своего дома; тѣмъ не менѣе однако, съ дальнѣйшимъ расчлененіемъ старшей линіи необходимымъ являлось и раздробленіе родовыхъ имуществъ на нѣсколько мелкихъ владѣній.

Два первыхъ, т. е. Олтупово и Подмеречъ, какъ намъ

([90]) См. о немъ выше.

([91]) Часть Олтупова лежала въ Слонимскомъ.

уже извѣстно, сосредоточились по смерти князя Михаила Богушевича ([92]) въ рукахъ троихъ его сыновей: Фридриха, Богдана и Януша, въ общемъ ихъ владѣніи. Такой порядокъ совладѣнія очевидно представлялъ многія неудобства, въ силу чего братья и заключили между собою въ 1604 году письменное условіе, чтобы съѣхавшись въ томъ же году въ день Св. Мартина (11 Ноября), произвести раздѣлъ обоихъ имѣній. Результатомъ этого съѣзда состоялся помѣченный 1605 годомъ актъ ([93]), изъ котораго видно, что князь Фридрихъ Михайловичъ уступилъ свою часть Олтупова братьямъ Богдану и Янушу, а отъ послѣднихъ получилъ за то ихъ доли въ имѣніи Подмеречъ, которое такимъ образомъ перешло вполнѣ въ его руки. Тому-же князю Фридриху принадлежали еще въ Слонимскомъ староствѣ два села Кокошки и Шепетовичи, съ 19-ю влоками земли, пожалованныя ему королемъ Стефаномъ Баторіемъ ([94]).

Далѣе, изъ духовнаго завѣщанія князя Януша Михайловича ([95]) видно, что по смерти его въ 1643 году, принадлежавшая ему половина Олтупова перешла къ дѣтямъ его князьямъ Стефану и Мартину—Казимиру ([96]). По акту совершенному послѣднимъ въ 1663 г., Олтупово ([97]) было

([92]) См. № 54 родосл.

([93]) См. прил. 34.

([94]) См. прил. 36.

([95]) См. прил. 41.

([96]) См. №№ 117 и 118 родосл.

([97]) У Стефана, брата Мартина, дѣтей не было, по крайней мѣрѣ о нихъ свѣдѣній не встрѣчается, почему вѣроятно и часть Олтупова принадлежавшая Стефану, перешла къ дѣтямъ князя Мартина.

опредѣлено въ раздѣлъ шестерымъ сыновьямъ князя Мартина, именно: Ивану—Казимиру, Константину, Францу, Доминику, Діонисію и Александру ([98]), изъ которыхъ Иванъ-Казимиръ въ 1686 г. пріобрелъ еще покупкою Менженинъ въ Мельницкой землѣ ([99]); ему же принадлежали еще имѣнія Начъ въ Новогрудскомъ воеводствѣ и Пржедзельскъ—въ Бретскомъ, изъ коихъ первое онъ получилъ въ приданое за женой своей. Въ 1698 г. этотъ Иванъ-Казимиръ раздѣлилъ ихъ между восемью своими сыновьями, назначивъ Менженинъ Владиславу-Аѳанасію, Олтупово—Рафаилу, Пржедзельскъ—Францу и Начъ остальнымъ пятерымъ, т. е. Мартину, Іосифу, Михаилу, Антонію и Венедикту ([100]). Что касается до другой половины Олтупова, оставшейся во владѣніи князя Богдана Михайловича, то обладателями ея въ 1638 г. встрѣчаемъ трехъ сыновей его—князей Юрія, Андрея и Ѳедора (См. №№ 114 115 и 116 родосл.), а затѣмъ внуковъ, т. е. дѣтей князя Ѳедора, отъ которыхъ, какъ увидимъ впослѣдствіи,—эта половина Олтупова перешла снова въ потомство князя Януша Михайловича.

Родовымъ имѣніемъ другой вѣтви этой же линіи была, какъ уже извѣстно — Друя. Представителями владѣльцевъ послѣдней въ XVII столѣтіи, встрѣчаемъ въ мужскомъ колѣнѣ только двухъ—князей Николая и Александра ([101]), изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ первый, вла-

([98]) См. №№ 136—141 родосл. и прил. 42.

([99]) См. прил. 43.

([100]) См. прил. 44.

([101]) См. №№ 61—62 родосл.

дѣлъ частью Друи еще въ 1660 году, какъ видно изъ духовнаго его завѣшанія ([102]); въ немъ онъ отказываетъ эту часть въ пожизненное владѣніе женѣ своей, а по кончинѣ жены — своему потомку ([103]), или въ случаѣ его смерти — ближайшему своему родственнику.

Вторая линія владѣла родовымъ имѣніемъ Олекшицы. Въ XVII столѣтіи обладателемъ Олекшицъ, или вѣрнѣе половины — носившей названіе «Но-вый Дворъ», былъ князь Θедоръ ([104]), который успѣлъ прикупить у брата своего еще часть называвшуюся «Старый Дворъ». Кромѣ того князь Θедоръ вла-

---

([102]) См. прил. 40.

([103]) Этотъ пунктъ завѣщанія нѣсколько теменъ: князь Николай говоритъ о своемъ потомкѣ: — «кто бы онъ не былъ, сынъ или дочь», слѣдовательно его еще не зналъ! Завѣщаніе писано имъ изъ плѣна, слѣдов. надо предположить, что въ неволю онъ попалъ тогда, когда еще не совершилось ожидаемое приращеніе семьи его.

([104]) Такъ какъ другой половиной называвшейся Понинлицы, владѣлъ дядя его Михаилъ, а затѣмъ сынъ послѣдняго — Михаилъ-же.

([105]) Перешедшимъ къ нему отъ Ходкевичей, но собственно половиною, такъ какъ другая принадлежала повидимому Сангушкамъ. По поводу этого сохранился весьма любопытный актъ дѣлежа упомянутаго имѣнія, между Мосальскимъ и прочими совладѣльцами, происходившаго въ 1604 году. Дѣло въ томъ, что въ Берестовицахъ была православная церковь, которая пошла также въ раздѣлъ: половина церкви и иконостаса отошла къ одному, другая — къ остальнымъ; равнымъ образомъ поступили съ церковнымъ дворомъ и тремя церковными колоколами. (Акты издан. Комис. для разбора древн. актовъ въ Вильнѣ, т. I, стр. 16).

По поводу этого-же имѣнія позже возникли недоразумѣнія и съ инстигаторомъ великого княжества Литовскаго: Берестовицы находились между рѣками Нарвею и Наревкою и прилегали къ королевской пущѣ, какъ разъ на переходахъ звѣриныхъ, а между тѣмъ Мосальскій, по словамъ поданной на него

дѣлъ по заставному праву Берестовицами ([105]) въ Гродненскомъ повѣтѣ, пріобрелъ покупкою здѣсь-же имѣніе Вейсеи, Черніе или Черневъ — въ Берестейскомъ повѣтѣ, пущу Наревку и въ Гродно домъ съ плацомъ. Все это по духовному завѣщанію князя Θедора 1617 года ([106]), перешло къ двумъ сыновьямъ его Григорію и Андрею ([107]), съ обязательствомъ выплатить извѣстныя суммы остальнымъ наслѣдникамъ женскаго колѣна. Впослѣдствіи упомянутые братья раздѣлили между собой наслѣдство, причемъ Андрей получилъ Олекшицы, гдѣ находилась церковь во имя Спаса (съ фамильнымъ склепомъ Мосальскихъ), Вейсеи и Черніе, а Григорій—остальныя ([108]). Послѣднему кромѣ того, еще при жизни отца, было передано право на пожизненное владѣніе 26-ю влоками земли въ лѣсництвѣ Немоноитскомъ ([109]).

Къ упомянутымъ имѣніямъ оба брата присоединили еще новыя: князь Андрей въ 1633 г. получилъ, въ вознагражденіе за службы и убытки въ войнахъ съ Москвою, деревни Землякино, Батыкино и Рогачевку, въ Почеповской землѣ

жалобы,—«тамъ новыя села засажаетъ, къ великой шкодѣ пущъ государскихъ, звѣрь перехода вольнаго до пущъ королевскихъ не маетъ», вслѣдствіе чего въ 1616 г. велѣно было назначить комисаровъ для разбора дѣла. (Акты Метр. лит.: Книги судн. дѣлъ № 82, л. 9).

([106]) См. прил. 45.

([107]) См. №№ 102—101 родосл. Третій сынъ его Александръ уже умеръ.

([108]) Однако изъ нѣкоторыхъ актовъ видно, что, покрайней мѣрѣ около 1646 года, въ числѣ владѣній этого-же Григорія состояла и часть Олекшицъ именно Новый Дворъ. (Акты Метр. литовс.: Кн. суд. дѣлъ № 118, л. 15).

([109]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 85, л. 318).

Стародубовскаго повѣта ([110]), а князю Григорію, по свидѣтельству современныхъ документовъ, принадлежали еще Массаляны ([111]), около Гродно; онъ же былъ державцей Скирштумонскимъ ([112]).

Потомство князя Григорія въ сохранившихся актахъ не выслѣживается, видно только, что у него были дѣти, продолжавшія владѣть имѣніями отца; въ числѣ послѣднихъ упоминается, ок. 1647 г., еще одно новое—Федковцы ([113]), находившееся повидимому около Берестовицы. Что-же касается до потомковъ князя Андрея, то это линія, какъ увидимъ впослѣдствіи, достигла апогея своего матеріальнаго благосостоянія, при такихъ крупныхъ ея представителяхъ, какими въ XVIII столѣтіи явились Михаилъ гетманъ и Игнатій епископъ виленскій.

Кромѣ Олекшицъ, Вейсей ([114]), Черніе и др., члены

(110) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 110, док. № 199).

(111) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 121, л. 629, док. № 187). Въ меморіалѣ представленномъ въ 1774 г. епископомъ Игнатіемъ Мосальскимъ въ сеймовую делегацію, упоминается между прочимъ о существованіи акта 1645 года, которымъ разрѣшалось основаніе въ Массалянахъ города; по всей вѣроятности этотъ актъ есть тотъ-же самый, который въ книгахъ литовской Метрики занесенъ подъ 1646 г. и въ которомъ разрѣшается одному изъ Мосальскихъ—Яну основать мѣстечко въ его «властномъ дѣдичномъ» имѣніи Массаляны, съ правомъ быть ярмаркѣ и постройки костела. (Кн. зап. № 121, актъ № 187).

(112) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 83, л. 360).

(113) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 122, л. 684).

(114) Вѣроятно часть этого имѣнія, носившая названіе Вейсейки-Сапежинскіе, купленная у Сапѣгъ еще княземъ Андреемъ Ѳедоровичемъ, была продана въ 1649 г. какому-то Снарскому. Остававшаяся за Мосальскими называлась Большія Вейсеи (Wieysieie Wielkie). (Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 133, актъ № 52).

этой же линіи еще владѣли: князь Станиславъ (сынъ Андрея) имѣніемъ Галштъ въ Гродненскомъ повѣтѣ и старостномъ гродненскимъ ([115]); внуку Андрея—князю Михаилу принадлежали Чабишки въ виленскомъ воеводствѣ и пожизненно—Лосовичи, а также имѣнія Колковъ въ Брестскомъ повѣтѣ, Наревка—въ Гродненскомъ и другая Наревка—купленная имъ у Эйсмонтовой Мосальской, каменный домъ и дворъ съ пивоваренным заводомъ въ Гроднѣ ([116]). Все это въ 1677 году перешло по духовному завѣщанію къ сыну князя Михаила-Яну.

Но кромѣ указанныхъ, болѣе или менѣе выслѣживаемыхъ переходовъ недвижимой собственности въ нисходящихъ колѣнахъ, современные документы сообщаютъ еще свѣдѣнія и объ имущественномъ положеніи другихъ лицъ изъ рода Мосальскихъ, генеологія которыхъ остается неизвѣстною. Такъ въ XVII столѣтіи встрѣчаемъ потомковъ Григорія Аѳанасьевича Мосальскаго (см. гл. II) князей Юрія и Станислава ([117]), владѣющихъ имѣніями Рачки и Щодрухи въ Гродненскомъ повѣтѣ; далѣе,—князь Александръ ([118]), владѣвшій староствами ковенскимъ и язвонскимъ (въ Жмуди), получилъ въ 1631 г. отъ короля Сигизмунда Скрабле и Сциляны (въ Жмуди-же), въ 1633 г. еще имѣнія Юпальцы, Москово, Иваськово, Ксабастово, Черниково и друг., въ Старо-

(115) Акты Метр. лис. (Кн. суд. дѣлъ № 122, л. 696; Кн. зап. № 131, л. 688).

(116) См. прил. 38.

(117) Неизвѣстной вѣтви.

(118) Вѣроятно сынъ того-же Григорія Аѳанасьевича.

дубовскомъ повѣтѣ, за службы и убытки въ войнахъ съ Москвою, и въ 1633 г. за военныя и земскія службы—село Бороденки въ Могилевской землѣ. Повидимому тому-же Александру принадлежали Сапежинки, или Сапежишки ([119]), и вообще эта личность является весьма богатою, о чемъ можетъ свидѣтельствовать уже одно то обстоятельство, что онъ былъ въ состояніи выстроить въ Ковно (около 1623 года) монастырь св. Клары ([120]). Князю Димитрію ([121]) въ 1633 году было пожаловано за его службы имѣніе Михневичъ въ державѣ интарской и фольваркъ Янкушки въ воеводствѣ виленскомъ, а князю Іосифу ([122]) въ 1657 году земли въ Жмуди, пожизненно. Князю Киріаку ([123]) принадлежалъ Свислочъ въ Гродненскомъ уѣздѣ, князю Петру — имѣніе Высокое въ Пинскомъ повѣтѣ, князю Давиду-Яну— Швабишки въ Вилкомирскомъ ([124]); Ярошъ-Казимиръ владѣлъ Бучемлей въ брестскомъ воеводствѣ ([125]) и т. д.; въ перечисленіе еще другихъ имѣній, которыя были назначаемы разнымъ лицамъ изъ рода Мосальскихъ, въ видѣ временнаго пожизненнаго владѣнія, здѣсь мы не входимъ.

Рядомъ со всѣми этими данными, на страницахъ совре-

(119) Такъ какъ онъ въ современныхъ актахъ пишется Александръ «на Сапежинкахъ» Мосальскій.

(120) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 88, л. 65). По другимъ свѣдѣніямъ (Нѣсецкій—Herbarz polski) монастырь этотъ былъ посвященъ св. Франциску.

(121) Неизв. вѣтви.

(122) Также.

(123) Также.

(124) Также.

(125) Также.

менныхъ документовъ можно встрѣтить однако и довольно приговоровъ, по взысканію съ Мосальскихъ разныхъ денежныхъ, обязательствъ. Это можетъ давать поводъ думать, что несмотря на весьма значительное повидимому количество принадлежавшей Мосальскимъ поземельной собственности, матеріальная сторона быта многихъ изъ нихъ не была вполнѣ обезпеченною. Впрочемъ здѣсь объясненіемъ можетъ служить какъ огромное развѣтвленіе описываемой фамиліи, влекшее за собою раздробленіе имущества, такъ и неизбѣжныя семейныя распри, еще болѣе раздѣлявшія членовъ ея другъ отъ друга ([126]). Распри эти, порождаемыя

([126]) Въ одномъ изъ сохранившихся писемъ Мосальскихъ, XVII в., хранящихся въ виленской Публичной библіотекѣ, который-то Янъ Мосальскій пишетъ къ Сапѣгѣ, маршалу вел. княж. Литовскаго въ 1629 году, что виленскій воевода поставилъ его въ критическое положеніе, приказавъ отобрать у Мосальскаго не только подстаростово Могилевское, но и бывшее въ арендѣ село съ пашнями, хотя срокъ аренды еще не кончился.—«Итакъ», пишетъ Мосальскій,—«мнѣ съ женою и дѣтьми приходится стать обозомъ гдѣ нибудь среди поля, подъ открытымъ небомъ. Прошу васъ позволить мнѣ переѣхать на какихъ нибудь условіяхъ въ Селецъ, на короткое время, потому что въ настоящую пору я не имѣю никакого пристанища, нѣтъ у меня собственнаго уголочка, куда бы я могъ загнать свой скотъ, не имѣю и наличныхъ денегъ, такъ какъ свой незначительный собранный капиталецъ, отдалъ взаймы по вашему приказанію».... (Рукописн. отд. виленс. Публ. библ.).

Не въ особенно благопріятномъ свѣтѣ представляется матеріальное благосостояніе еще напр. Изабеллы Мосальской,—жены убитаго въ 1676 году князя Александра (см. далѣе). До насъ дошло ея духовное завѣщаніе, писанное въ 1690 г. (См. прил. 46), въ которомъ она расточаетъ проклятія, мужу своей дочери Елисаветы—Бѣлецкому, за то что послѣдній, получивъ въ приданное королевское имѣніе Владиславово и проживъ съ женой 25 лѣтъ, выгналъ вдругъ ее съ матерью отъ себя, поставивъ тѣмъ Елисавету Мосальскую въ крайнее положеніе; послѣдней пришлось питаться милостыней по со-

столкновеніями часто не ясно разграниченныхъ интересовъ мѣстныхъ совладѣтелей того или другаго имѣнія, или неудовлетворенными ожиданіями при самомъ раздѣлѣ, ставили даже кровныхъ родственниковъ въ вполнѣ враждебныя отношенія и находили себѣ широкій просторъ въ сферѣ насилій и самоуправствъ, столь обычныхъ при тогдашнихъ общественныхъ порядкахъ въ Литвѣ. Масса дошедшихъ до насъ актовъ земскихъ судовъ, по поводу дѣлъ о различныхъ истязаніяхъ, обрисовываетъ ту сферу, въ которой жили и дѣйствовали князья Мосальскіе, почему частные эпизоды подобныхъ-же подвиговъ, въ которыхъ роль дѣйствующихъ лицъ принадлежитъ самимъ Мосальскимъ, не составляютъ собою чего либо исключительнаго, а являются только частными штрихами картины тогдашней жизни литовскаго общества. Наравнѣ со всѣми представителями послѣдняго, Мосальскіе являлись иногда также виновниками буйнаго самоуправства, иногда-же обратно — жертвами общественной разнузданности. Въ 1695 г. наприм. былъ присужденъ къ баниціи князь Янъ-Казимиръ ([127]), по поводу жалобы какого-то Домбровскаго, на жилище котораго Мосальскій учинилъ открытое нападеніе, причемъ весьма любопытно, что князь Янъ во время своего буйства состоялъ

сѣдямъ и затѣмъ остаться на рукахъ у матери, которая вынуждена была кормить ее и одѣвать. Изабелла Мосальская обвиняетъ зятя въ своей смерти и проклинаетъ его, призывая на голову Бѣлецкаго громы небѣсные и прося землю поглотить его!....

([127]) См. № 136 родосл.

11

въ качествѣ судьи земскаго Волковысскаго! ([128]). Съ другой стороны, въ 1620 г. разбиралось дѣло Софіи Скиндеръ, урожденной Мосальской ([129]), которая проживая въ своемъ имѣніи Сынковичи Слонимскаго повѣта, въ одну прекрасную ночь подверглась наѣзду и грабежу какого-то Михаловскаго, который не только захватилъ себѣ часть ея имущества, но разбивъ дворню Мосальской и нанеся побои даже самой владѣлицѣ, увезъ послѣднюю съ собой, вмѣстѣ съ одной изъ ея прислужницъ ([130]).

Наконецъ, какъ о случаѣ окончившемся еще болѣе трагически, можно упомянуть о развязкѣ тяжбы между Суходольскими и княземъ Александромъ Мосальскимъ: въ 1676 году послѣдній ѣдучи въ виленскій трибуналъ по дѣламъ своимъ, подвергся на Солевницкомъ полѣ (въ Виленскомъ воеводствѣ) нападенію Суходольскаго и былъ имъ убитъ на мѣстѣ!... ([131]).

Подобные-же факты, но въ которыхъ обѣими враждующими сторонами являлись сами Мосальскіе, указываютъ намъ и на отношенія членовъ этой фамиліи между собою. Такъ среди потомковъ князя Өедора, владѣвшихъ Олекшицами, по-видимому существовала непріязнь, систематически выражавшаяся въ преслѣдованіи населенія земель, принадлежавшихъ тѣмъ и другимъ владѣльцамъ. Уже дѣти князя Өедора Михайловича тягались между собою, какъ мы видѣли это выше

([128]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 178, л. 15).

([129]) Дочь Өедора Ивановича маршала. (См. № 103 родосл.).

([130]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 83, актъ № 286).

([131]) Тамъ же. (Кн. судн. дѣлъ № 152, л. 332).

([132]), тоже самое встрѣчаемъ и между внуками.—Князья Михаилъ и Өедоръ Михайловичи ([133]), владѣвшіе послѣ отца своего частью Олекшицъ—Пониклицами, разбирались судомъ, по жалобѣ перваго на послѣдняго, о двукратномъ насиліи, произведенномъ въ 1611 и 1612 годахъ ([134]), причемъ на судѣ выяснилось, что и подданные обоихъ владѣльцевъ—«другъ противъ друга великую вазнь и ненависть питаютъ». Одинъ изъ этихъ «подданныхъ» князя Михаила, какой-то Лукашъ, возвращаясь однажды изъ Пониклицъ, былъ на дорогѣ схваченъ людьми князя Өедора и приведенъ въ домъ къ послѣднему. Здѣсь князь Өедоръ «самъ руками своими его билъ и мордовалъ, требуя чтобы признался въ разныхъ небывалыхъ рѣчахъ», затѣмъ его вывели на дворъ, привязали по приказанію хозяина къ лавкѣ и опять били, поливая изъ ушата водою. Наконецъ послѣ продолжительныхъ истязаній, Лукашу привязали на шею куль соломы «а потомъ ключищо одно дерева ольховаго вложили» и въ такомъ видѣ отправили на дворъ князя Михаила Мосальскаго. Въ другой разъ также одинъ изъ «подданныхъ» этого Мосальскаго, зашелъ во владѣнія князя Өедора, какъ вдругъ сама княгиня (жена послѣдняго) нагрянула съ людьми своими и такъ избила зашедшаго постромками, что несчастнаго едва потомъ могли отлить водою.... Судъ приговорилъ князя Өедора къ денежному штрафу ([135]).

([132]) См. Гл. II.

([133]) См. №№ 71 и 72 родосл.

([134]) Акты изд. комисіей для разб. древ. ак. въ Вильнѣ, т. 1, стр. 258.

([135]) Въ томъ-же родѣ попадаются случаи самоуправства Мосальскихъ и по

11*

Въ той же линіи встрѣчаемъ тяжбу между дѣтьми другого князя Θедора ([136]), по поводу вопроса о наслѣдствѣ. Дѣло завязалось изъ за стараго завѣщанія, сдѣланнаго княземъ Θедоромъ еще въ 1611 году, въ пользу находившагося тогда въ живыхъ сына своего Александра ([137]), на основаніи котораго послѣдній въ свою очередь далъ запись, женѣ своей и дочери, въ 15000 злотыхъ на Олекшицахъ; между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, княземъ Θедоромъ было сдѣлано новое завѣщаніе въ 1617 году, въ пользу остальныхъ сыновей Григорія и Андрея, вслѣдствіе чего въ 1620 году и затѣялся процессъ между двумя послѣдними и вдовой князя Александра ([138]). Точно также въ 1652 г. въ виленскомъ трибуналѣ состоялось рѣшеніе, по дѣлу между дѣтьми упомянутаго князя Андрея, вслѣдствіе жалобы второй жены послѣдняго Христины, урожденной Тишкевичъ, съ сыномъ Казиміромъ, на князя Станислава,—сына отъ первой жены—Воеръ, выгнавшаго ихъ изъ Олекшицъ ([139]).

отношенію къ лицамъ совершенно постороннимъ: въ 1616 г. напр., по приказанію князя Киріака Мосальскаго, владѣвшаго имѣніемъ Свислочъ въ Гродненскомъ повѣтѣ, слуги его въ глубокую ночь напали на село Жирославку, принадлежавшее какому то Свяцкому, и неистовствовали здѣсь разгоняя жителей ружейными выстрѣлами, причемъ одного даже ранили пулей. Истецъ за все это искалъ только денежнаго вознагражденія, въ размѣрѣ 25 копъ грошей, но Мосальскій не счелъ нужнымъ согласиться и подалъ на аппеляцію въ трибунальный судъ. (Акты издан. Комис. для разбора древн. ак. въ Вильнѣ, т. 1. стр. 289).

([136]) Ивановича, маршала гродненскаго.

([137]) См. № 100 родосл.

([138]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 83. л. 360).

([139]) Меморіалъ епископа Игн. Мосальскаго, поданный на сеймъ 1774 г.

Такимъ образомъ семейныя несогласія и раздоры ясно замѣчаются, въ отношеніяхъ Мосальскихъ между собою, обстоятельства конечно только способствовавшія упадку всей фамиліи. Внутренней связи между членами дома не видно никакой. Близкіе члены одной и той-же фамиліи прибѣгали, во взаимныхъ спорахъ и преслѣдованіяхъ, къ примѣненію другъ надъ другомъ высшихъ степеней уголовныхъ наказаній, налагавшихся тогдашними, безсильными впрочемъ въ большинствѣ случаевъ, судами, — выносили другъ на друга баниціи, т. е. лишеніе покровительства законовъ, связывавшееся съ изгнаніемъ изъ государства. Подобными баниціями наводнены страницы современныхъ польскихъ актовъ и являлись онѣ по преимуществу результатами сопротивленія отвѣтчиковъ исполненію надъ ними судебныхъ приговоровъ, главнымъ образомъ по вопросамъ о денежныхъ взысканіяхъ.

Такихъ «банитовъ» попадается не мало и между Мосальскими, напр. въ 1605 г. была осуждена на изгнаніе Богдана Мосальская, жена князя Льва ([140]), за недопущеніе судьи земскаго Сапѣги къ выполненію приговора, по которому ея имѣніе Свислочь въ Гродненскомъ повѣтѣ, должно было поступить за долгъ въ 2440 копъ грошей—въ заставу нѣкоему Пражевскому ([141]). Въ 1642 г. подвергся баниціи князь Сигизмундъ ([142]), не допустившій взысканія на своемъ

([140]) См. № 69 родосл.

([141]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 76, л. 367). Мосальская впрочемъ скоро выпросила себѣ прощеніе. (Тамъ-же: Кн. судн дѣлъ № 76, л. 378, 402.

([142]) Неизв. вѣтви.

имѣніи Корысти, долга въ 11530 копъ грошей ([143]). Въ 1644 году объявленъ банитомъ князь Александръ ([144]), за недопущеніе взысканія 8025 злотыхъ съ своего имѣнія Лосовичи ([145]). Въ 1646 г. подверглось баниціи семейство князя Григорія Өедоровича, въ лицѣ жены его Христины и двухъ сыновей Казимира и Владислава, за сопротивленіе взысканію долга въ 4000 злотыхъ на имѣніи ихъ Новомъ Дворѣ ([146]). Въ 1647 г. новая баниція на того-же Казимира Мосальскаго, по иску на имѣніи его Брестовицы и Федковцы ([147]). Въ 1648 г. то-же семейство князя Григорія снова осуждается на изгнаніе, по иску князя Яна Мосальскаго ([148]); въ 1652 г. князья Казимиръ и Владиславъ еще разъ объявляются банитами ([149]), а также и князь Александръ ([150]),—за сопротивленіе законамъ по иску на имѣніи его Лосовичахъ ([151]). Въ 1650 г. подвергся баниціи

([143]) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 108, л. 70). Небезъинтересно здѣсь, что этотъ-же Мосальскій, годъ тому назадъ, въ свою очередь подвергъ баниціи тѣхъ, съ кого взыскивалъ самъ деньги (тамъ-же, л. 18).

([144]) Неизв. вѣтви.

([145]) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 108 л. 249).

([146] См. №№ 125 и 126 родосл. Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 118, л. 15).

([147]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 122 л. 684).

([148]) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 119, л. 49).

([149]) Акты Метр. лит. (Кн. суд. дѣлъ № 130, л. 177). Новыя баниціи на тѣхъ-же самыхъ лицъ, являлись результатами разныхъ исковъ; часто бывало, что дѣйствіе баницій пріостанавливалось, если подсудимый изъявлялъ покорность закону, или просилъ пересмотра дѣла, но въ то-же время возникали столкновенія по другимъ претензіямъ и повторялась та-же исторія.

([150]) Неизв. вѣтви.

([151]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 130 л. 82).

князь Станиславъ, по иску въ 35000 злотыхъ на имѣніи его Гальштъ въ Гродненскомъ повѣтѣ ([152]). Въ 1654 г.— князь Юрій-Николай, за сопротивленіе законамъ по взысканію долга на имѣніи его Рачки ([153]); въ 1672 г.—князь Михаилъ, по взысканію на его имѣніи Чабишки ([154]); въ томъ же году банитомъ объявленъ князь Ярошъ ([155]) и въ 1678 г. князья Станиславъ-Казимиръ и Юрій-Николай, по иску на имѣніяхъ ихъ Рачки и Щадрухи въ Гродненскомъ повѣтѣ ([156]).

Приведеннымъ перечнемъ впрочемъ еще не исчерпываются всѣ эти приговоры, хотя на первый вглядъ и суровые, но въ сущности остававшіеся болѣе на бумагѣ. Баницій на Мосальскихъ попадается еще довольно, кромѣ уже выше приведенныхъ, но для характеристики общественныхъ порядковъ, въ которыхъ вращались члены описываемой фамиліи, довольно и сказаннаго. Можно указать еще на то обстоятельство, что повидимому наиболѣе въ сторонѣ какъ отъ междуусобицъ родственныхъ, такъ и отъ разныхъ судебныхъ имущественныхъ процессовъ, оставалась старшая линія князей Мосальскихъ,—потомки князя Богуша, покрайней мѣрѣ только единственный, приведенный выше, случай баниціи за насиліе, въ 1695 году, и сохранился въ современныхъ актахъ, какъ

([152]) См. № 122 родосл. Акты Метр. лит (Кн. зап. № 124, актъ № 218).
([153]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 132, л. 401).
([154]) См. № 148 родосл. Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 144, л 57).
([155]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 144, л. 145).
([156]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 154, л. 852).

относящійся къ одному изъ членовъ этой линіи; другихъ-же болѣе не встрѣчается.

Нѣсколько чертъ общественнаго положенія князей Мосальскихъ, обрисовываются намъ еще изъ дошедшихъ писемъ членовъ этого дома ([157]), за первую половину XVII столѣтія. Сохранившаяся переписка велась Мосальскими съ Сапѣгой, маршаломъ великого княжества Литовскаго, и хотя въ документальномъ отношеніи она представляетъ мало интереса, но тѣмъ не менѣе позволяетъ уловить отношенія самихъ переписывавшихся лицъ.

Изъ писемъ Мосальскихъ прямо видно, что авторы ихъ уже почти затерялись въ рядахъ мелкой польской шляхты, занявъ роль служебниковъ крупныхъ литовскихъ магнатовъ, исполняя ихъ порученія, дѣйствуя въ ихъ интересахъ и т. д. Въ подобномъ свѣтѣ является даже напр. и вышеупоминавшійся князь Александръ ([158]), несмотря на то, что онъ былъ лицомъ вполнѣ обезпеченнымъ въ имущественномъ положеніи и даже занималъ одну изъ видныхъ ступеней въ тогдашнемъ общественномъ строѣ. Въ письмѣ своемъ отъ 12 янв. 1624 г., князь Александръ, говоря о данныхъ ему Сапѣгой денежныхъ порученіяхъ, не упускаетъ напр. прибавить, что—«заботясь о вашихъ выгодахъ и исполняя ваши приказанія, которыя я всегда выполнялъ въ точности, надѣюсь что вы будете ко мнѣ милостивы, какъ и всегда», и затѣмъ распространяется

([157]) Рукописн. отд. виленск. Публ. библіотеки (Подлинники на польскомъ языкѣ).

([158]) Неизв. вѣтви.

о своихъ дѣйствіяхъ въ интересахъ Сапѣги, на сеймиковыхъ выборахъ. Въ другомъ письмѣ, отъ 29 окт. 1625 г., онъ доставляетъ Сапѣгѣ разныя секретныя свѣдѣнія и оканчиваетъ заявленіемъ о своихъ за Сапѣгу молитвахъ Богу; въ третьемъ - отъ 25 апр. того-же года, пишетъ, что онъ по милости Бога и Сапѣги принялъ державу (имѣніе) Язвоны, будетъ молить Господа—«какъ и всегда, о вашемъ счастіи», выражается о врагахъ Сапѣги какъ общихъ и для него, и затѣмъ сообщаетъ опять о денежныхъ порученіяхъ своего патрона. Въ четвертомъ, отъ 11 дек. того-же года, сообщаетъ о своемъ стѣсненномъ положеніи отъ постоя солдатъ въ Язвонахъ, говоритъ—что и писать Сапѣгѣ объ этомъ не смѣетъ, но взываетъ къ «милостивому вниманію» его, чтобы обыватели Язвонъ не жаловались на Сапѣгу—«моего благодѣтеля, которому я отъ души радъ служить, чему свидѣтель самъ Богъ». Въ пятомъ, отъ 31 марта 1627 г., хлопочетъ о томъ, чтобы достать Сапѣгѣ пива и предоставляетъ себя милостямъ маршала. Въ шестомъ, отъ 24 авг. того-же года, сообщаетъ о полученіи отъ Сапѣги письма и говоритъ, что считаетъ это знакомъ особой къ себѣ милости, распространяясь далѣе въ льстивыхъ выраженіяхъ, что не понимаетъ причинъ препятствующихъ Сапѣгѣ пріѣхать,—«развѣ что счастье позавидовало тому, что мы могли бы наслаждаться вашимъ присутствіемъ» и т. д. Въ седьмомъ, отъ 2 марта 1628 г., извѣщаетъ о появленіи моровой язвы. Въ восьмомъ, отъ 18 февр. 1629 г., раболѣпно изливаетъ свое горе объ обманутой надеждѣ видѣть Сапѣгу, прибавляя, что облегчаетъ

это горе только желаніями своему патрону всевозможнаго счастія, и наконецъ въ девятомъ, отъ 30 іюня 1629 г., пишетъ къ Сапѣгѣ, что не желаетъ пропустить удобнаго случая засвидѣтельствовать свое нижайшее почтеніе и глубокую преданность, и предлагаетъ свои «смиренныя услуги».

Приведенныхъ выдержекъ болѣе чѣмъ довольно, чтобы сбрисовать отношенія Мосальскаго къ Сапѣгѣ,— это письма подчиненнаго къ своему патрону и милостивцу (159).

Другая серія писемъ къ тому-же Сапѣгѣ, принадлежитъ перу князя Димитрія Мосальскаго (160). Въ нихъ послѣдній является чѣмъ-то въ родѣ довѣреннаго лица маршала литовскаго, доставляющимъ разныя свѣдѣнія изъ мѣстныхъ политическихъ кружковъ, исполняющимъ различныя денежныя и другія порученія Сапѣги, а также и мелкія хозяйственныя, въ родѣ покупки пива, марципановъ и т. под. Письма писаны въ періодъ за 1625—1631 гг.,—въ нихъ сквозятъ тѣ же отношенія близкаго слуги къ господину, какъ и въ первыхъ, цитированныхъ выше, хотя и въ меньшей степени. Мосальскій титулуетъ Сапѣгу «ваша милость», величаетъ

---

(159) Сохранились и два письма жены этого Мосальскаго, Апполоніи Ясинской, одно 1629 года, другое безъ даты. Въ первомъ она въ томъ-же тонѣ пишетъ, что владѣніе Язвонами, по случаю тревожнаго положенія края, приноситъ имъ большіе убытки, отъ которыхъ она съ мужемъ даже якобы обѣднѣли. Въ другомъ содержаніе посвящено какимъ-то интимнымъ отношеніямъ Сапѣги съ неизвѣстной дамой, въ которыхъ Мосальская является посредницей. Послѣднее письмо писано ею собственноручно (довольно безграмотно) съ извиненіемъ, что она пишетъ «такъ глупо и неумѣло».

(160) Неизв. вѣтви.

его своимъ благодѣтелемъ и жалуется на свое стѣсненное положеніе; въ одномъ изъ писемъ посылаетъ къ Сапѣгѣ своего племянника, котораго проситъ принять въ число слугъ маршала и проч.

Остальныя двѣ серіи писемъ принадлежатъ князьямъ Яну и Юрію ([161]) и писаны въ 1629—1631 гг. Въ нихъ проглядываетъ то-же, что и въ приведенныхъ выше; князь Янъ напр. заискиваетъ и передъ воеводой виленскимъ и передъ Сапѣгой, прося послѣдняго о заступничествѣ передъ первымъ, чтобы тотъ остался по прежнему—«моимъ милостивымъ благодѣтелемъ». Князь Юрій начинаетъ нѣкоторыя свои письма тѣми-же, сейчасъ приведенными словами и величаетъ себя «старымъ слугой» Сапѣги, служащимъ послѣднему уже двадцать лѣтъ... Вообще оба въ своихъ сношеніяхъ съ маршаломъ, являются усердными подручниками литовскаго магната.

Такимъ образомъ очевидно, что въ средѣ покрайней мѣрѣ многихъ изъ членовъ описываемой фамиліи, въ XVII столѣтіи утратились вполнѣ какія бы то не были семейныя традиціи. Большинство князей Мосальскихъ въ Литвѣ, въ упоминаемое время выродилось уже вполнѣ въ польскую шляхту, шляхту настолько-же высокомѣрную съ «хлопами», насколько раболѣпную передъ крупными магнатами. При подобныхъ условіяхъ является весьма существеннымъ вмѣстѣ съ тѣмъ и фактъ постепенной утраты большинствомъ изъ нихъ своего русскаго княжескаго титула,—

([161]) Которымъ именно—не видно.

обстоятельство особенно замѣтное въ теченіе XVII столѣтія. Съ измельченіемъ интересовъ прежнихъ крупныхъ представителей западнаго православнаго дворянства, съ утратой послѣднимъ почвы своего историческаго прошлаго, съ измѣной своей стародавней религіи, естественно должна была исчезнуть и всякая самобытность того или другаго происхожденія, особенно если въ помощь къ этому являлись еще обѣднѣніе и широкое расчлененіе родовитыхъ, бывшихъ когда-то русскими, фамилій. Онѣ должны были затонуть въ пучинѣ пресловутой польской шляхты, ряды которой ктому-же настолько усердно пополнялись разнымъ сбродомъ, легко получавшимъ себѣ отъ правительства нобилитацію, что большинство этой вновь пожалованной шляхты значительно перевысило даже первоначальный контингентъ шляхетства, не нуждавшійся по происхожденію своему ни въ какой правительственной нобилитаціи. Такимъ образомъ остаткамъ литовскаго дворянства приходилось понемногу окончательно исчезать въ этой массѣ шляхетскаго сословія, порвавъ всѣ связи съ своимъ историческимъ прошлымъ. Собственно начало утраты титула въ родѣ князей Мосальскихъ, начинаетъ замѣчаться уже въ половинѣ XVI вѣка; — въ современныхъ актахъ встрѣчаемъ Григорія Аѳанасьевича Мосальского ([162]), личность весьма видную по своему общественному положенію, но не называемую въ актахъ княземъ, а то бояриномъ ([163]), то просто

([162]) Неизвѣстн. вѣтви.

([163]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 39, л. 468).

Григоріемъ Мосальскимъ ([164]) и иногда—паномъ ([165]). Равнымъ образомъ величали иногда просто «урожонымъ», безъ титула—князь, напр. и Θедора Ивановича маршала гродненскаго ([166]), а также нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, въ XVI вѣкѣ отсутствіе при именахъ Мосальскихъ княжескаго титула, является еще какъ исключеніе, но къ концу XVII-го—наоборотъ,—титулованіе «княземъ» встрѣчается уже довольно рѣдко и почти вездѣ замѣняется выраженіями: вельможный, урожоный, иногда — шляхетный и т. д. Даже въ большинствѣ такихъ важныхъ документовъ, какъ напр. духовныхъ завѣщаніяхъ, а равно и письмахъ, XVII вѣка, Мосальскіе откидываютъ свой титулъ, хотя впрочемъ и не всегда ([167]). Въ упомянутыхъ письмахъ мѣстами проскакиваютъ фразы, явно обнаруживающія, насколько пресловутое «шляхетство» успѣло вкорениться уже во многихъ представителяхъ древнихъ русскихъ княжескихъ фамилій; напр. Янъ Мосальскій, въ письмѣ своемъ къ Сапѣгѣ, 1629 года, говоритъ, что по случаю отнятія у него могилевскаго подстароства, ему приходится съ женой и дѣтьми расположиться гдѣ нибудь среди открытаго поля, по-

([164]) Напр. въ листѣ короля Генриха 1574 г., данномъ Мосальскому на званіе подсудка гродненскаго, говорится, что «станъ шляхетскій» избравъ изъ среды своей четырехъ кандидатовъ—«чотырохъ особъ шляхтичовъ», на упоминаемую должность, представилъ выборъ изъ нихъ на усмотрѣніе короля. Послѣдній назначилъ Мосальского. (Ак. Метр. лит.: Кн. зап., № 57 л. 6).

([165]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 68, л. 393).

([166]) См. № 68 родосл. (Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 77, л. 521).

([167]) Напр. въ духовномъ завѣщаніи Яна Мосальского (см. прил. 39) послѣдній пишется безъ титула, но брата своего называетъ княземъ.

тому что онъ — какъ урожденный шляхтичъ, не желаетъ останавливаться въ городѣ у какого нибудь жида»! Въ другомъ письмѣ, 1630 года, Юрій Мосальскій, относясь къ Сапѣгѣ, какъ къ своему барину, жалуется въ тоже время на обиду, нанесенную ему Мосальскому какимъ-то «хлопомъ», обиду заключавшуюся въ томъ, что этотъ хлопъ подалъ на него въ судъ протестацію!.... Это совершенно въ духѣ тѣхъ все болѣе и болѣе развивавшихся шляхетскихъ взглядовъ, при которыхъ укладывались совмѣстно раболѣпство передъ своимъ патрономъ магнатомъ, съ презрительнымъ высокомѣріемъ къ низшимъ себя. Потомки Михаила Черниговскаго ставили себѣ въ честь названіе шляхтича, приравнивая такимъ образомъ себя на одну доску съ той нобилизированной шляхетной дворней, которую магнаты наказывали у себя на дворахъ розгами, но наказывали не иначе какъ подостлавъ коверъ, такъ какъ это былъ шляхтичъ, а не хлопъ, котораго можно было драть и безъ ковра!.....

Менѣе другихъ утонула въ шляхетствѣ повидимому старшая линія князей Мосальскихъ, покрайней мѣрѣ насколько о томъ можно судить изъ уцѣлевшихъ документовъ,—члены ея не промѣняли своего родоваго титула и почти во всѣхъ дошедшихъ до насъ актахъ продолжали титуловаться князьями, въ теченіи всего XVII столѣтія.

Обратимся теперь къ положенію и быту описываемой фамиліи въ Руси восточной, за тотъ-же періодъ времени.

Начало XVII вѣка представляетъ въ государственной

жизни московской Руси одну изъ тяжкихъ эпохъ ея исторіи,— эпоху самозванцевъ, эту многоактную трагедію, въ длинномъ строѣ участниковъ которой одни являются передъ нами заклейменными судомъ исторіи, какъ преступники противъ народа и родины, другіе-же въ ореолѣ свѣтлыхъ доблестей, выказанныхъ ими въ ту-же тяжкую годину московскаго раззоренья. Періодъ самозванцевъ, захвативъ въ свой водоворотъ всѣ слои тогдашняго русскаго общества, естественно занимаетъ выдающееся мѣсто и въ исторіи рода князей Мосальскихъ, начертавъ нѣсколько темныхъ и свѣтлыхъ страницъ также и въ жизни тогдашнихъ его представителей. Въ лѣтописяхъ этой бѣдственной эпохи, нѣкоторые члены описываемой фамиліи занимаютъ даже одно изъ первенствующихъ мѣстъ, являясь съ одной стороны въ рядахъ наиболѣе приближенныхъ пособниковъ самозванцевъ, съ другой-же сподвижниками народа, силившагося освободить свою дымящуюся пожарами и залитую кровью родину.

Поэтому, чтобы избѣжать неминуемыхъ повтореній, намъ приходится прослѣдить послѣдовательно эту эпоху, въ связи съ участіемъ въ ней представителей рода Мосальскихъ, чтобы не возвращаться дважды къ однимъ и тѣмъ же событіямъ.

Въ Октябрѣ 1604 года въ южныхъ областяхъ Россіи появился первый самозванецъ Лжедимитрій и принялъ покорность пограничнаго города Моравска, добровольно ему подчинившагося. Увидѣвъ затѣмъ въ своей власти Кіевъ и Черниговъ, Лжедимитрій направился къ главному пункту Сѣ-

верскаго края, — подъ Путивль, имѣвшій крѣпкія каменныя стѣны и защищенный крупными орудіями. Осаднымъ воеводой здѣсь въ это время былъ князь Василій Михайловичъ Мосальскій—Рубецъ ([168]), уже давно повидимому рѣшившій дальнѣйшій образъ своихъ дѣйствій, еще при первыхъ слухахъ о появленіи самозванца, по крайней мѣрѣ судя потому, что уже успѣлъ навлечь на себя подозрѣніе царя Бориса, который вслѣдствіе этого прислалъ въ Путивль старшимъ надъ Мосальскимъ окольничаго Салтыкова ([169]).

Съ приближеніемъ самозванца къ городу, Мосальскій рѣшился дѣйствовать открыто. Пользуясь возбужденіемъ народа и при содѣйствіи дьяка Сутупова, онъ произвелъ открытый бунтъ въ пользу самозванца, обезоружилъ 200 московскихъ стрѣльцовъ, не хотѣвшихъ стать на сторону возмущенія, связалъ Салтыкова и отправилъ его, вмѣстѣ съ стрѣлецкимъ головою и сотниками, къ Лжедимитрію, сдавъ послѣднему и самый городъ. Это произошло въ концѣ Ноября и сразу доставило Мосальскому большую милость самозванца, но за то

([168]) См. № 107 родосл.

([169]) Мотивами упомянутаго подозрѣнія передается слѣдующее обстоятельство: черезъ девять дней по вступленіи самозванца въ Россію, къ нему явилась депутація съ Дона, съ заявленіемъ своей преданности, причемъ привезла съ собою нѣкоего дворянина Хрущова, который прибылъ къ казакамъ по порученію Царя Бориса—звать ихъ на службу противъ Лжедимитрія. Хрущовъ перешелъ на сторону самозванца и заявилъ ему, что онъ имѣетъ свѣдѣнія отъ своего пріятеля воеводы путивльскаго Мосальскаго, что народонаселеніе города и окрестностей сочувственно встрѣчаетъ появляющіяся у нихъ подметныя письма и готово принять сторону Лжедимитрія. Слухи объ этомъ дошли до Годунова, который вѣроятно и счелъ необходимымъ послать въ Путивль старшимъ воеводой Салтыкова. (Арцыбашевъ: Повѣтств. о Россіи, т. 3, 80—81).

съ другой стороны князь Василій Михайловичъ заслужилъ отъ современниковъ эпитетъ «окаяннаго» (170).

Предательство Мосальскаго имѣло дѣйствительно пагубное вліяніе, такъ какъ вѣсть о сдачѣ подобнаго важнаго пункта, какъ Путивль, разнесясь повсюду, не замедлила вызвать подражаніе въ другихъ городахъ и поддержала положеніе самозванца подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, гдѣ дѣла его шли плохо, благодаря энергіи защитника города Басманова (171).

Поэтому сдача Путивля, со всѣми ея послѣдствіями получила важное значеніе, пріобрѣтя Лжедимитрію множество новыхъ сторонниковъ, не говоря уже о томъ, что послѣднему достались еще много пушекъ, въ которыхъ онъ нуждался, чтобы сломить сопротивленіе Новгорода-Сѣверскаго.

Вскорѣ князю Мосальскому довелось оказать еще бóльшую услугу Лжедимитрію, спася его отъ смерти и плѣна въ сраженіи при деревнѣ Добрыничахъ. Напавъ 21 Января на стоявшія здѣсь войска Бориса, потерпѣвшія уже передъ тѣмъ неудачу, самозванецъ въ свою очередь понесъ пораженіе и потерялъ массу своихъ приверженцевъ. Уходя затѣмъ отъ преслѣдовавшей его конницы, Лжедимитрій чуть не попалъ въ руки нѣмцевъ, бывшихъ въ царскихъ

---

(170) Софійскій временникъ: «Такожъ и въ Путивлѣ окаянной князь Василей Рубецъ—Мосальской да дьякъ Богданъ Сутуповъ здумаше, также околничево Мих. Салтыкова поимаше, а къ нему послаша съ повинною. Той же Гришка нача тово князь Василя жаловать». (См. также «Лѣтопись о многихъ мятежахъ»).

(171) Послѣ неудачнаго отбитаго приступа, поляки даже хотѣли покинуть самозванца.

12

войскахъ,—подъ нимъ была убита лошадь, но сопровождавшій его князь Мосальскій соскочилъ съ своего коня, посадилъ на него самозванца, а самъ взялъ лошадь у слуги и благодаря этому спаслись оба ([172]).

Такимъ образомъ Мосальскій уже вторично являлся какъ бы орудіемъ судьбы, выручавшимъ Лжедимитрія въ критическихъ обстоятельствахъ и, кто знаетъ, каковы бы были дальнѣйшія историческія событія въ Россіи, если бы «окаянный» князь не принималъ въ нихъ такого близкаго участія.

Въ связи съ этимъ-же эпизодомъ, на сцену событій выдвигается еще новое лицо изъ членовъ описываемой фамиліи;—Лжедимитрій находитъ себѣ еще новаго ревностнаго приверженца изъ рода Мосальскихъ, — другаго князя Василія-же Михайловича ([173]), не замедлившаго измѣнить Годунову. Случай для этого представился тѣмъ болѣе удобный, что явилась возможность перейти къ самозванцу не съ пустыми руками и слѣдовательно можно было разсчитывать на признательность послѣдняго. —Царь Борисъ, получивъ извѣстіе о побѣдѣ при Добрыничахъ, отправилъ въ сражавшіяся войска 80000 руб., для роздачи въ видѣ награды, и доставку денегъ этихъ поручилъ упомянутому Мосальскому; послѣдній вмѣсто

([172]) Костомаровъ.—«Названый царь Димитрій».

([173]) Въ родословныхъ этого новаго лица не встрѣчается, но тѣмъ не менѣе существованіе его доказывается уже тѣмъ, что изъ двоихъ упоминаемыхъ Мосальскихъ одинъ, какъ увидимъ ниже, погибъ въ 1607 году, другой —умеръ въ 1612-мъ. Тождество именъ и отчества этихъ Мосальскихъ, послужило поводомъ къ крайней запутанности сохранившихся о нихъ извѣстій, такъ что не всегда можно даже разобрать съ достовѣрностью, о которомъ именно идетъ рѣчь.

того, чтобы ѣхать къ царскимъ воеводамъ, провезъ ввѣренную ему казну въ Путивль и передался вмѣстѣ съ деньгами самозванцу, который, по разсказамъ иностранцевъ современниковъ, встрѣтилъ Мосальскаго съ крестами, знаменами и барабаннымъ боемъ и сдѣлалъ его своимъ маршаломъ ([174]).

Несмотря на нѣкоторыя неудачи, дѣла самозванца въ общемъ подвигались впередъ и уже въ самой Москвѣ появилось много его сторонниковъ. Въ Апрѣлѣ 1605 года умеръ царь Борисъ и на престолъ взошелъ сынъ его Ѳеодоръ. Вскорѣ въ столицѣ явились клевреты Лжедимитрія-Плещеевъ и Пушкинъ, успѣвшіе бросить искру въ накопившійся уже горючій матеріалъ,—въ Москвѣ вспыхнуло возстаніе и новый царь былъ низведенъ съ престола. Москва присягнула Лжедимитрію и отправила къ нему депутацію въ Тулу, но самозванцу этого было мало, ему нужно было стереть съ земли Годуновыхъ. Выборъ для выполненія этого намѣренія, палъ на князей Голицына, Мосальскаго — бывшаго воеводу Путивльскаго, и дьяка Сутупова, которымъ дано было кровавое порученіе убить Годуновыхъ, разослать въ ссылку всѣхъ ихъ родственниковъ и низвести патріарха Іова.

Прибывъ въ Москву Голицынъ и Мосальскій начали съ патріарха. Явившись къ послѣднему, они нашли его въ Успенскомъ соборѣ, за отправленіемъ литургіи, прервали священнодѣйствіе, сорвали съ Іова облаченія и одѣвъ въ черное платье

([174]) Петрей: «Muskow. Chronica» (Устряловъ—Сказанія, ч. 1, стр. 373). Щербатовъ (Ист. Рос. т. 7, ч. 1, стр. 253). Надо замѣтить впрочемъ, что относительно этого случая не всѣ извѣстія сходятся.

12*

въ простой телѣгѣ отправили въ заточеніе въ старицкій Богородицкій монастырь. Затѣмъ покончивъ съ второю частью своего порученія, т. е. разославъ по тюрьмамъ и въ ссылку родню Годуновыхъ, Голицынъ съ Мосальскимъ не менѣе успѣшно выполнили и кровавую расправу съ семьей умершаго царя Бориса. Царица Марья, съ сыномъ Ѳеодоромъ и дочерью красавицей Ксеніей, по низведеніи Ѳеодора съ престола жили вмѣстѣ, въ своемъ принадлежавшемъ отцу ихъ домѣ, но подъ наблюденіемъ стражи. 10 го іюня къ нимъ явились присланные Лжедимитріемъ убійцы, именно—упомянутые Мосальскій и Голицынъ, съ помощниками—Молчановымъ, Шерефединовымъ и тремя стрѣльцами, захватили царственную семью и разведя ее по разнымъ покоямъ—царицу Марью и Ѳеодора удавили, а Ксенію Мосальскій увезъ къ себѣ въ домъ, такъ какъ имѣлъ приказаніе отъ самозванца пощадить ее, ради ея красоты, которая послѣднему была извѣстна и которою самозванецъ предполагалъ развлечься, по своемъ прибытіи въ Москву ([175]). Народу объявили затѣмъ, что семья Годунова отравилась со страху.

([175]) По сказанію Бера и Де-Ту, Ксенію до прибытія самозванца въ Москву, держали въ Дѣвичьемъ монастырѣ, но лѣтописи утверждаютъ, что ее велѣно было «блюсти въ дому князя Василія Мосальскаго».

Сохранилось также нѣсколько возмутительныхъ подробностей совершенія самаго убійства, по поводу сопротивленія Ѳеодора владѣвшаго необыкновенной силой и успѣшно боровавшагося съ своими убійцами. Напр. въ Никоновск. лѣтописи:—«царевича-жъ многіе часы давиша, якожъ не по младости въ тѣ поры далъ ему Богъ мужество. Тѣжъ злодѣи ужасошася, яко единъ съ четырьмя борящеся; единъ-же отъ нихъ взятъ его за тайные ..... и раздави...». По дру-

20-го іюня совершилось вступленіе самозванца въ Москву. Положеніе новаго царя естественно требовало выраженія знаковъ вниманія своимъ, хотя бы и номинальнымъ, родственникамъ, гонимымъ при Борисѣ Годуновѣ и вотъ рядъ милостей засвидѣтельствовалъ это вниманіе къ опальной доселѣ роднѣ царевой. Это было сдѣлать не трудно, но оставалось главное,—была въ живыхъ еще вдовствующая царица мать Димитрія Іоанновича и требовалось признаніе ею самозванца за своего сына. Послѣ тайныхъ переговоровъ съ царственной инокиней, самозванецъ отправилъ наконецъ за ней въ Выксинскій монастырь торжественное посольство, въ составѣ котораго опять встрѣчаемъ князя Василія Михайловича Мосальскаго-Рубца ([176]), сдѣлавшагося однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ Лжедимитрію. Посольство везло просьбу послѣдняго къ инокинѣ Маѳѣ—благословить новаго царя, ея сына, на царство и 18-го іюля прибыло съ царицей обратно въ Москву, гдѣ послѣдовало извѣстное свиданіе Маѳы съ самозванцемъ и торжественный затѣмъ въѣздъ ея въ Кремль.

Въ потокѣ излившихся милостей не былъ забытъ и Мосальскій; въ современныхъ документахъ онъ носитъ титулы: дворецкаго, боярина ([177]), верховнаго маршала, правителя

гимъ:—«Царь-же Ѳеодоръ нача убійцъ со слезами молити, чтобы скорою смертью животъ его прекратили, единъ-же отъ убійцъ веемъ древо веліе и удари Ѳеодора по раменамъ...». (Карамзинъ, т. XI, прим. 317).

([176]) Арцыбашевъ (Повѣтств. о Россіи, т. III, 99); Маржеретъ (Устряловъ—Сказанія) и т. д.

([177]) Эти два званія его упоминаются и въ «Послужномъ спискѣ старинныхъ

сѣверскаго и воеводы нижегородскаго ([178]); кромѣ того онъ состоялъ въ числѣ перворазрядныхъ членовъ совѣта, учрежденнаго Лжедимитріемъ ([179]). Въ этомъ же совѣтѣ засѣдали и еще двое лицъ изъ описываемой фамиліи,—князья Владиміръ Васильевичъ ([180]) и Владиміръ Ивановичъ ([181]), хотя и не бывшіе впрочемъ такими тѣсными пособниками самозванца, какъ вышеупомянутый Мосальскій-Рубецъ; но самозванца тогда уже признавали всѣ и Мосальскіе не могли составлять исключенія.

Наступило извѣстное событіе бракосочетанія Лжедимитрія. По свидѣтельству нѣкоторыхъ нашихъ историковъ ([182]), самозванецъ сначала снарядилъ, для оффиціальнаго сватовства за Марину Мнишекъ, цѣлое посольство, именно—своего любимца князя Василія Михайловича Мосальскаго-Рубца съ Татищевымъ и двумя думными дьяками, но посольство это

бояръ»; въ немъ подъ 1605 г. читаемъ: «При разстригѣ вновь сказано бояре:—Дворецкой князь Василій Михайловичъ Рубецъ-Мосальской» (Древн. рос. вивліоѳ. ч. XX).

(178) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ т. II, №№ 108 и 118.

(179) Собр. государ. грамотъ и договоровъ, т. II, № 93: «Перваго класса бояре: Ѳ. И. князь Мстиславской... Василій Михайловичъ князь Мосальскій». По Арцыбашеву (Повѣтств. о Россіи, т. III, 99) Мосальскій-Рубецъ.

(180) Мосальскій-Кольцовъ (см. № 63 родосл.), пожалованный въ бояре въ 1606 году, какъ значится въ «Послужномъ спискѣ старинныхъ бояръ». (Древн. рос. вивл., ч. XX).

(181) Мосальскій-Клубковъ (см. № 83 родосл.), но въ числѣ совѣтниковъ втораго разряда, пожалованный въ 1606 г. въ окольничіе (Послужн. сп. стар. бояръ).

(182) Щербатовъ (Исторія рос., т. 7, ч. 2); Арцыб. (Повѣтств. о Рос. III, 108).

по разнымъ дипломатическимъ соображеніямъ было отмѣнено ([183]) и сватомъ за Марину отправился думный дьякъ Власьевъ. Въ апрѣлѣ 1606 года царская невѣста въѣхала въ Россію и на границѣ торжественно была встрѣчена спеціально для того высланной свитой, во главѣ которой стояли бояре Михаилъ Нагой и тотъ-же вышеупомянутый князь Василій

([183]) По другимъ извѣстіямъ (Чтенія въ общ исторіи и древн. 1860 г., т. 4: Переписка Россіи съ Польшей), посольство Мосальскаго имѣло состояться послѣ поѣздки Власьева, въ виду того, что послѣдній не получилъ отъ польскаго короля рѣшительнаго отвѣта на нѣкоторые вопросы, какъ напр. относительно заключенія союза противъ турокъ, о титулахъ и проч.

Фактъ назначенія Мосальскаго въ упомянутое посольство, во всякомъ случаѣ вполнѣ подтверждается дошедшею до насъ грамотою Лжедимитрія къ Сигизмунду III. Вотъ текстъ ея, въ переводѣ съ латинскаго:

«Мы пресвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій монархъ Димитрій Ивановичъ, Божіею милостью императоръ и великій князь всея Россіи и проч.».

Наияснѣйшему государю Сигизмунду, Божіею милостью королю польскому и проч.

Наияснѣйшій государь! Увѣдомились мы, что наияснѣйшество ваше сеймъ генеральный своего королевства въ будущему Великому посту имѣть изволитъ. Чего мы такъ съ великимъ желаніемъ до сего времени по многимъ и важнымъ причинамъ ожидали, что безъ всякаго замедленія, не дождався, о семъ дѣлѣ извѣстія отъ наияснѣйшества вашего, скоро на тотъ сеймъ отправить опредѣлили пословъ нашихъ: Сіятельнаго и почтеннаго князя Василія Михайловича Мосальскаго, боярина и верховнаго государства нашего маршала, правителя сѣверскаго и воеводу Нижняго-Новгорода,—почтеннаго Мих Игн. Татищева окольничего нашего, можайскаго воеводу, также почтенныхъ Василья Иванова и Андрея Иванова думныхъ дьяковъ нашихъ, что для великихъ дѣлъ не токмо обоимъ намъ и государствамъ нашимъ, но и всему вообще христіанству полезно и потребно быть имѣетъ...

Дана въ царствующемъ градѣ нашемъ Москвѣ, лѣта Господня 1605 г. дек. 16 дня. (Собр. госуд. грам. и догов. т. II, № 108).

Михайловичъ Мосальскій-Рубецъ ([184]), причемъ на послѣдняго были возложены самозванцемъ всѣ заботы по матеріальной обстановкѣ путешествія Марины. Мосальскій при этомъже случаѣ препроводилъ Мнишку и порядочный кушъ денегъ отъ имени самозванца, именно 13290 талеровъ и 5200 рублей ([185]).

Въ дневникѣ путешествія Марины сохранились нѣсколько любопытныхъ подробностей самой встрѣчи, происшедшей около Смоленска.—«Другой ночлегъ»,—пишутъ современники ([186]),—«пришелся въ Лубной, въ восьми миляхъ отъ Краснаго; здѣсь М. А. Нагой дядя царя, человѣкъ старый, и князь Мосальскій, каждый съ отборнымъ отрядомъ въ 3000 человѣкъ, хотѣли привѣтствовать царицу, во время самаго

([184]) Объ этомъ самозванецъ предупреждалъ Мнишка письмомъ, еще въ Январѣ мѣсяцѣ: «Увѣдомяся о счастливомъ выѣздѣ къ намъ пресвѣтлѣйшей цесаревы супруги нашей»,—писалъ онъ,—«не токмо мы и съ того по премногу обрадовалися, Господа Бога моля дабы въ томъ путешествіи ея благословилъ, но такожъ наскоро послали мы сіятельныхъ бояръ нашихъ М. А. Нагова, намѣстника великопермскаго и костромскаго и Василья Михайловича князя Мосальскаго дворецкаго нашего, великаго губернатора земли сѣверской и намѣстника Нижняго-Новгорода, дабы на границахъ государствъ нашихъ государыню цасареву именемъ нашимъ поздравили и приняли, а потомъ съ надлежащимъ почтеніемъ въ престольный нашъ городъ препроводили. Которымъ такожъ повелѣли мы, а именно сіятельному князю Мосальскому, дабы всякіе припасы и потребности для государыни цесаревны промышляли и давали... и т. д. Данъ въ государственномъ городѣ нашемъ Москвѣ января 23 дня 1606 г. Димитрій другъ и сынъ». (Собр. госуд. грам. и догов. т. II, № 118).

Собственно самого Мнишка встрѣчать назначенъ былъ Воейковъ.

([185]) Благодарственное письмо Мнишка къ самозванцу (Собр. госуд. грам. и догов. т. II, № 134).

([186]) Когновицкій: «Życia Sapiehów», т. II.

пути, но воевода (Мнишекъ) чувствуя себя не вполнѣ здоровымъ, да притомъ было и довольно холодно, просилъ ихъ отложить церемонію до мѣста остановки. Они такъ и сдѣлали, разставивъ только своихъ людей по обѣ стороны дороги, по которой слѣдовалъ царскій поѣздъ. По пріѣздѣ царицы въ нарочно для нея устроенный домъ, Нагой и князь Мосальскій немедленно къ ней отправились, въ сопровожденіи ста человѣкъ нарядной отборной свиты. По правую руку шелъ Нагой, какъ дядя царскій, по лѣвую — князь Мосальскій. Передъ царскими покоями ихъ приняли отъ имени царицы луковскій староста и Самуилъ Баль. Войдя, въ числѣ 12 человѣкъ, въ комнату, гдѣ на устроенномъ въ видѣ трона сѣдалищѣ помѣщалась царица, они первымъ дѣломъ низко, низко поклонились и затѣмъ Нагой обратился къ царицѣ съ рѣчью, въ которой прежде всего благодарилъ Господа Бога, что соблаговолилъ привести сюда ее и ея отца невредимо и въ добромъ здравіи, потомъ передалъ, что царь сгораетъ нетерпѣніемъ и желаніемъ увидѣть ее поскорѣе и добавилъ наконецъ, что всѣ московскіе бояре весьма благодарны своему государю за то, что онъ породнился съ поляками. Нагого вѣжливо благодарилъ панъ воевода. Затѣмъ говорилъ князь Мосальскій, обращаясь къ воеводѣ отъ царскаго имени. Рѣчь его была исполнена большими любезностями, между которыми Мосальскій подробно излагалъ, что благодаря неисповѣдимой и чудесной помощи Всемогущаго Господа Бога, царь Димитрій Ивановичъ сидитъ теперь на престолѣ своихъ предковъ, претерпѣвъ до того въ чужихъ

краяхъ много нищеты и лишеній. Но ты (говорилъ Мосальскій обращаясь къ Мнишку), незная кто онъ, ласково принялъ его въ домъ свой, заботился о немъ какъ отецъ о сынѣ, окружилъ его достаткомъ и удобствами и ведя его на наслѣдственный престолъ, не дорожилъ своимъ состояніемъ и здоровьемъ. Господь благословилъ васъ обоихъ въ вашемъ предпріятіи. Такимъ образомъ царь убѣдился въ твоей къ нему любви, преданности и готовности и не зная какъ достаточно наградить тебя, жертвовавшаго для него своимъ здоровьемъ и кровью, выказываетъ за великія услуги твои благодарность свою тѣмъ, что беретъ изъ твоего дома дочь твою Марину, минуя всѣ монархіи и дома королей, съ которыми могъ бы легко породниться» и т. д.

Затѣмъ Мосальскій представилъ царской невѣстѣ, отъ имени Лжедимитрія, трое дорожныхъ саней, изъ которыхъ первыя были огромной величины, съ дверями и окнами, обтянуты алымъ сукномъ и вмѣсто желѣза—окованы серебромъ; внутри сани были обиты дорогими соболями. Въ запряжкѣ находились 12 бѣлыхъ лошадей, убранныхъ краснымъ бархатомъ и серебряными бляхами, прислуга была одѣта въ золотыя парчи ([187]).

([187]) Щербатовъ (Ист. рос. т. 7, ч. 2); Голиковъ (Доп. дѣян. Петра Вел., ч. 1, 257). Въ дневникѣ Марины и польскихъ пословъ 1605—1608 г. (Устряловъ—Сказанія, ч. II) читаемъ о томъ-же: «20-го апрѣля ночлегъ въ Люблинѣ; здѣсь также было тѣсно, какъ и въ Красномъ. Насъ встрѣтили до 1000 человѣкъ, которые уже около трехъ мѣсяцевъ ожидали пріѣзда царицы. Они привѣтсвовали ее по своему обычаю низкими поклонами. Тутъ-же находились—московскій князь Василій Михайловичъ Мосальскій и М. А. Нагой, — царскій

По прибытіи невѣсты въ Москву, начался рядъ празднествъ и 8-го Мая совершилось самое бракосочетаніе. Въ дошедшемъ до насъ церемоніалѣ вѣнчанія Лжедимитрія ([188]), встрѣчаемъ имена нѣсколькихъ Мосальскихъ, участвовавшихъ въ церемоніи вмѣстѣ съ многими другими именитыми русскими фамиліями. Выдающееся мѣсто занималъ любимецъ самозванца князь Василій Михайловичъ, который, по словамъ иностранцевъ современниковъ присутствовавшихъ на свадьбѣ ([189]),—велъ царя подъ руки, вмѣстѣ съ паномъ воеводой Сандомирскимъ (Мнишкомъ), объ остальныхъ-же въ древнемъ церемоніалѣ говорится:

«Лѣта 7114 Мая въ 8 день женился рострига на Маринкѣ, а вѣнчалъ его въ Пречистой соборной церкви патріахъ Игнатей. Въ поѣзду были дворяне московскіе: князь Ѳедоръ да князь Семенъ Андреевичи Татевы...., князь Василій Ѳедоровичъ Мосальской...., князь Иванъ Даниловичъ Мосальской ([190])...., а были поѣзжана безъ мѣстъ.

А рынды были на свадьбѣ въ бѣломъ платьѣ: князь

дядя по матери. Оба они, съ нѣсколькими своими дворянами, встрѣтили царицу при входѣ ея въ комнату и поздравивъ земными поклонами, вручили ей и пану воеводѣ письма отъ своего государя. Царь прислалъ для своей супруги 54 бѣлыхъ лошади съ бархатными шорами и три кареты съ окнами, обитыя внутри соболями. Въ одной каретѣ, подъ царицею, было 12 лошадей, въ другой—10, а въ третьей подъ дамами—8; остальныхъ лошадей вели въ поводахъ».

(188) Комаровъ: Описаніе 13-ти старинныхъ свадебъ; также: Древняя рос. вивл. (изд. 1790 г.), ч. XIII.

(189) Дневникъ Марины Мнишекъ и польс. пословъ (Устряловъ -Сказанія).

(190) См. №№ 106 и 108 родосл.

Ю. М. Трубецкой, князь Иванъ да князь Андрей Володимеровичи Кольцовы-Мосальскіе ([191]), да князь Ю. Мещерскій.

Да на свадьбѣ-жъ были польскаго литовскаго короля Жигимонта послы Н. Олесницкій, да А. Госевской съ дары ([192]). Николай сидѣлъ за однимъ столомъ, Александръ сидѣлъ въ кривомъ столѣ, по прежнему, какъ послы садятся. А звать пословъ за столъ ходилъ князь Василей Ѳедоровичъ Литвиновъ-Мосальской ([193]). Объявлялъ посламъ князь Туренинъ, а за кушаньемъ сидѣлъ бояринъ, дворецкой князь Василей Михайловичъ Мосальскій, да думный дворянинъ Измайловъ.

А на свадьбѣ боярыни сидѣли въ лавкѣ, въ большомъ столѣ: П. И. Мстиславская..., свахи: Е. Г. Шуйская...; да боярыни-жъ сидѣли подъ свахами:.... князь Михайлова княгиня Васильевича Мосальскаго Марья Ивановна, боярина князь Володимерова княгиня Васильевича Кольцова-Мосальского Марѳа Ивановна ([194])....

А у подклѣта сидѣли бояре: А. Нагой, да князь Володимеръ Васильевичъ Кольцовъ-Мосальской....

А въ мыльню ходили: бояринъ П. Колычевъ....; мовники (мывшіе): князь М. В. Скопинъ-Шуйскій...., князь Иванъ

([191]) См. №№ 95 и 96 родосл.

([192]) Въ этомъ посольствѣ, какъ уже упомянуто въ началѣ настоящей главы (см. стр. 141), участвовалъ князь Александръ Мосальскій, вѣроятно также присутствовавшій на свадьбѣ.

([193]) См. № 98 родосл.

([194]) См. №№ 66 и 63 родосл.

да князь Андрей Володимеровичи Кольцовы-Мосальскіе, князь Василій да князь Андрей ([195]) Өедоровичи Литвиновы-Мосальскіе».

Во всемъ этомъ впрочемъ еще не выражалось какого либо особаго положенія, которое бы занимали поименованные члены описываемой фамиліи, относительно своей политической роли при самозванцѣ; участіе ихъ въ церемоніалѣ было дѣломъ чисто внѣшнимъ, безъ особаго внутренняго значенія, исключая роли князя Василія Михайловича Мосальскаго-Рубца, въ смыслѣ лица особо приближеннаго къ Лжедимитрію. Когда напр. 12 Мая Марина давала интимный пиръ своей польской свитѣ, пиръ на которомъ все было по польскимъ образцамъ и обычаямъ и самъ самозванецъ отплясывалъ въ гусарскомъ платьѣ, то изъ русскихъ при этомъ присутствовали всего двое—дьякъ Власьевъ, обручавшійся въ Польшѣ съ Мариною за Лжедимитрія, и упомянутый князь Василій Михайловичъ; ихъ уже видимо поляки причисляли къ своимъ, остальныхъ-же представителей московской знати угощали во дворцѣ отдѣльно, два дня спустя.

До сихъ поръ самозванцу и его сторонникамъ все улыбалось, но минута кровавой расплаты была уже близка. Въ Москвѣ, подъ руководствомъ Шуйскаго, уже созрѣлъ заговоръ и рѣшено было «избить ростригу и ляховъ»; ожидался только моментъ взрыва. Сохранилось извѣстіе, изъ котораго можно заключить, что тому-же заговору не чуждъ былъ и упоминаемый князь Василій Михайловичъ Мосальскій,

---

([195]) См. № 99 родосл.

хотя трудно объяснить, какіе мотивы могли побудить его къ этому? Быть можетъ впрочемъ онъ предвидѣлъ приближеніе катастрофы и вторичной измѣной думалъ отвратить отъ себя ея послѣдствія, что не невозможно, или даже было легко, для подобной личности, какою представляется намъ этотъ Мосальскій, въ своихъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Какъ бы то не было, но одинъ изъ современниковъ упоминаемой эпохи ([196]) передаетъ, что Лжедимитрій преждевременно открылъ маршалу своему князю Василію Михайловичу Мосальскому свое намѣреніе преобразовать церковь въ Россіи, отмѣнить греческую вѣру и ввести латинскую, заключить вѣчный миръ съ поляками и разорвать таковой со шведами, а Мосальскій, изъ выгодъ якобы своего отечества, открылъ все это Шуйскому и прочимъ боярамъ и тѣмъ ускорилъ гибель самозванца.

Такъ или иначе, но князь Василій Михайловичъ вышелъ цѣлымъ изъ послѣдовавшихъ затѣмъ кровавыхъ событій, несмотря на свои интимныя отношенія къ польской партіи. 17-го мая, какъ извѣстно, былъ убитъ первый Лжедимитрій, а 1-го іюня на царство вѣнчанъ Василій Шуйскій, человѣкъ самъ видѣвшій эшафотъ и ссылку, опытный заговорщикъ, умѣвшій поэтому разбирать людей. Естественно, что онъ не могъ имѣть довѣрія ко многимъ даже изъ своихъ прежнихъ сообщниковъ, зная на опытѣ съ какою легкостью ими совершались измѣны, почему и князь Василій Михай-

([196]) Шаумъ: Tragoedia Demetrio Moscovitica (Чтенія въ общ. ист. и древн. 1847 г.); сочиненіе его издано въ 1614 году.

ловичъ не могъ ему внушать довѣрія. Удаляя отъ себя въ опалу разныхъ лицъ, новый царь не обошелъ и Мосальскаго,—его отправили на воеводство въ Корелу или Кексгольмъ ([197]), гдѣ онъ находился еще и въ 1608 году, вдали отъ новыхъ переворотовъ совершавшихся между тѣмъ въ Москвѣ и на югѣ Россіи ([198]).

Новыя смуты начались немедленно вслѣдъ за гибелью самозванца, имя котораго послужило знаменемъ для новыхъ волненій. Пошли слухи, что называвшій себя царемъ Дими-

---

([197]) Въ «Послужномъ спискѣ старинныхъ бояръ» фактъ этотъ отмѣченъ подъ 1606 годомъ, слѣдующими словами: «Отставленъ бояринъ и дворецкой князь Василій Михайловичъ Рубецъ-Мосальскій». (Древн. рос. вивл., т. XX).

([198]) Карамзинъ: Ист. Госуд. рос., т. XII, пр. 119.

Слѣды пребыванія этого Мосальскаго въ Корелѣ, сохранились и въ нѣкоторыхъ дипломатическихъ памятникахъ описываемаго времени; такъ до насъ дошелъ данный ему наказъ или инструкція, по поводу отвѣта шведамъ, предлагавшимъ чрезъ Мосальскаго вооруженную помощь Шуйскому и требовавшимъ присылки русскихъ пословъ на границу, для переговоровъ. Мосальскому велѣно было отвѣчать представителю шведской власти въ Выборгѣ (откуда въ февралѣ 1607 г. послѣдовало упомянутое предложеніе) слѣдующее: «Ты писалъ ко мнѣ, что государя вашего Арцыкарлуса послы стоятъ долго на рубежѣ понапрасну, дожидаются пословъ его царскаго величества: я твоему письму подивился, что пишешь все о тѣхъ-же дѣлахъ, о которыхъ прежде не одинъ разъ мы вамъ отвѣтъ давали, а теперь даю знать, что о послахъ великаго государя у насъ указа нѣтъ и къ вамъ мы о томъ никогда не писывали, что будутъ государя нашего послы на съѣздъ. И вы бы впередъ къ намъ о посольскихъ съѣздахъ не писали, потому что посольскіе съѣзды и о послахъ ссылки въ Корелѣ никогда не бывали, государь бы вашъ велѣлъ о посольскомъ съѣздѣ ссылаться съ новгородскими воеводами. Ты пишешь что государя вашего воевода со многими людьми стоитъ въ Выборгѣ и еще воинскихъ людей собираетъ каждый день: но онъ этимъ только убытокъ государю своему дѣлаетъ, а намъ его сборы не страшны; знаете и сами, что у великаго государя нашего многія рати собственныя его государевы, а по

тріемъ не погибъ въ московской рѣзнѣ, а спасся и теперь сбираетъ приверженцевъ, чтобы возвратить свой захваченный Шуйскимъ престолъ. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, первый слухъ о спасеніи Лжедимитрія былъ пущенъ нѣкимъ Молчановымъ, однимъ изъ соучастниковъ убійства Годуновыхъ, который бѣжавъ во время упомянутой рѣзни, разсказывалъ по дорогѣ о мнимомъ спасеніи самозванца и выдавалъ даже себя за Димитрія, что подтверждалъ въ свою очередь и князь Шаховской, удаленный Шуйскимъ на воеводство въ Путивль и успѣвшій во время бывшихъ въ Москвѣ безпорядковъ, похитить государственную печать (199).

сборныя и не наемныя, всегда готовы. Постановленнаго прежняго мира великій государь нашъ нарушать ничѣмъ не велѣлъ, съ его стороны никакой неправды и задоровъ нѣтъ. Да вы-же пишете, хотите знать отъ меня, кто у насъ царь и великій князь! Но государь вашъ знаетъ по нашей сказкѣ, что у насъ государь Василій Ивановичъ всея Руси. Пишете будто его подданные стоятъ противъ него, и потому гонцамъ вашего государя къ нашему государю дороги нѣтъ, и что у васъ указъ есть съ своими воинскими людьми помогать нашему государю противъ его недруговъ, а русской землѣ государь вашъ не хочетъ никакой порухи, хочетъ помогать новгородской землѣ: и вамъ давно извѣстно, что по Божіей милости, по прародительской степени, за прошеніемъ освященнаго собора и за челобитьемъ всего народнаго множества московскаго государства, учинился на великихъ государствахъ Василій Ивановичъ, и всѣ ему служатъ и розни между ними никакой нѣтъ, по милости Божьей и впередъ не будетъ, а вы теперь, не вѣдомо какимъ воровскимъ обычаемъ, пишете такія непригожія и злодѣйственныя слова. А что пишете о помощи, и я даю вамъ знать, что великому государю нашему помощи никакой ни отъ кого ненадобно, противъ всѣхъ своихъ недруговъ стоять можетъ безъ васъ и просить помощи ни у кого не станетъ, кромѣ Бога. А гонцамъ ѣздить было нельзя отъ того, что во всемъ новгородскомъ уѣздѣ было моровое повѣтріе» (Соловьевъ: Ист. Рос., т. 8, 221).

(199) Соловьевъ: Ист. Рос., т. VIII.

По другимъ извѣстіямъ, фактъ появленія новаго самозванца зародился при непосредственномъ участіи князя Василія Мосальскаго (200), по всей вѣроятности именно того, который передался первому самозванцу съ ввѣренной ему казной царя Бориса, о чемъ мы имѣли случай упоминать выше.

Какъ бы то не было, но на сторонѣ новаго самозванца не замедлили оказаться много сторонниковъ, и въ числѣ ихъ нѣсколько лицъ изъ рода князей Мосальскихъ.

Раньше другихъ повидимому примкнулъ къ нему упомянутый князь Василій Михайловичъ (201). Когда по восшествіи своемъ на престолъ, Шуйскій снарядилъ посольство въ Польшу, какъ для увѣдомленія о свершившемся событіи, такъ и для объясненій по поводу возникшихъ слуховъ о появленіи новаго самозванца, то уже въ первой половинѣ Августа (1606 г.), послу Волконскому передавали въ Гроднѣ, оффиціальныя лица, что Димитрій полагаемый убитымъ въ Москвѣ, живъ, находится въ

(200) Въ нѣсколько позднѣйшей переписке устюжскаго воеводы съ вологодскимъ, послѣдній увѣдомлялъ между прочимъ перваго: «писалъ съ Костромы Б. Салтыковъ съ товарищи,—сказывалъ де имъ съ пытки князь Дмитрій Мосальской—Горбатовъ, а былъ онъ на Костромѣ отъ вора воевода,—который де воръ называется царемъ Димитріемъ и тотъ де воръ съ Москвы съ Арбату отъ Знаменья Пречистыя изъ за Конюшевъ поповъ сынъ Митька, а умышлялъ де и отпущалъ его съ Москвы князь Василій Мосальской, за пять дней до ростригина убійства». (Древн. грамоты, собран. въ Пермс. губерніи, № XIII; также Акты Арх. Эксп. т. 2, № 94).

Щербатовъ (Ист. Рос. т. 7, ч. II) полагаетъ, что и государственная печать была похищена не Шаховскимъ, а Мосальскимъ.

(201) См. вын. 173.

13

Сендомирѣ и что къ нему не только собираются поляки, но и пріѣхалъ изъ Москвы князь Василій Мосальскій, пользовавшійся прежде его милостями ([202]).

Надо замѣтить, что въ теченіи перваго времени слуховъ о новомъ самозванцѣ, личность послѣдняго оставалась еще подъ завѣсой и лозунгомъ начавшихся волненій служило пока только имя новаго лжедмитрія, роли котораго въ сущности еще никто не розыгрывалъ. Вышеупоминавшійся Молчановъ не принялъ напр. на себя этой роли, несмотря на предложеніе о томъ Шаховскаго и первоначальное выдаваніе себя за спасшагося якобы Димитрія, почему успѣхомъ возстанія противъ Шуйскаго орудовали пока сторонники мятежа, дѣйствуя лишь именемъ еще не воплотившагося такъ сказать

([202]) Въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ личность этого Мосальскаго смѣшивается съ именемъ Василія Михайловича Мосальскаго-Рубца, вслѣдствіе одинаковости ихъ именъ и отчества. Напр. въ выпискѣ изъ посольства Волконскаго (Карамзинъ т. XII, пр. 49) говорится по поводу новаго самозванца, что—«многіе русскіе люди къ нему пристали и польскіе и литовскіе люди къ нему пробираются. Да къ нему же пріѣхалъ князь Василей Мосальской, который при немъ былъ на Москвѣ ближній бояринъ и дворецкій». Точно также напр. Малиновскій, въ своемъ Źrźodla do dziejow polskich, т. I,» передавая о положеніи дѣлъ въ столицѣ, послѣ гибели перваго Лжедимитрія, и слухахъ о появленіи самозванца Лжепетра, говоритъ: «Въ Москвѣ тревога, даже бояре не могутъ согласится между собою и разъѣзжаются перессорившись. Среди этой суматохи неоказывается между ними нѣсколькихъ сенаторовъ, а именно князя Мосальскаго маршала Василія и другихъ. Неизвѣстно куда они направились, но кажется не ошибаются тѣ, которые говорятъ, что кто-то изъ нихъ отбылъ къ литовскимъ границамъ и тамъ передался». Маршаломъ, дворецкимъ и бояриномъ при первомъ самозванцѣ былъ, какъ мы уже видѣли, Князь Василій Михайловичъ Мосальскій-Рубецъ, но фактически извѣстно, что его удалили на воеводство въ Корелу, слѣд. къ новому самозванцу присталъ соименный ему князь Мосальскій, вскорѣ погибшій въ побоищѣ на р. Выркѣ.

претендента ([203]). Фактическимъ вождемъ вооруженнаго возстанія былъ въ это время, какъ извѣстно, пресловутый Болотниковъ.

Быть можетъ въ подобномъ положеніи дѣла надо искать объясненія того обстоятельства, что упомянутаго князя Мосальскаго, о которомъ заявляли Волконскому какъ о прибывшемъ въ Польшу, встрѣчаемъ по нѣкоторымъ извѣстіямъ—пособникомъ еще третьяго самозванца, появившагося въ это время на Дону и называвшаго себя царевичемъ Петромъ, сыномъ Өеодора Іанновича ([204]). Очень можетъ быть, что ознакомившись въ Польшѣ съ указаннымъ характеромъ новаго возстанія, т. е. не найдя во главѣ его того лица, во имя котораго оно вспыхнуло и съ которымъ Мосальскій хотѣлъ дѣйствовать, онъ предпочелъ присоединиться къ скопищамъ другаго самозванца, уже явившагося фактически, и поэтому присталъ къ авантюристу назвавшему себя царевичемъ Петромъ. Служить тому или другому для Мосальскаго конечно было все равно, такъ какъ дѣло заключалось очевидно лишь

([203]) Соловьевъ (Ист. Рос. т. VIII).

([204]) Такъ нашъ посолъ Волконскій (см. стр. 193) вернувшись въ февралѣ 1607 года обратно въ Москву, увѣдомлялъ государя, что явился еще новый самозванецъ, называющій себя царевичемъ Петромъ, къ коему уже въ Сѣверскомъ княжествѣ многія воеводы пристали, въ томъ числѣ князь Шаховской, князь Мосальскій и друг. («Переп. Рос. съ Польшей»—Чтенія въ общ. ист. и древн. 1860 г. кн. 4). Въ выпискѣ изъ посольства—также: «Да спрашивали паны Рады про князя Василія Мосальскаго..., сказали что онъ отпущенъ былъ на Сѣверу и отъ государя отсталъ и присталъ къ Петру и многіе городы въ Сѣверѣ попмалъ на Дмитрея, сказываючи его жива». (Карамз. т. XII, пр. 57).

13*

въ самомъ участіи въ мятежѣ, безразлично подъ знаменемъ того или другаго претендента.

Въ началѣ 1607 года положеніе дѣлъ было таково, что Болотниковъ, послѣ нѣсколькихъ успѣховъ одержанныхъ надъ войсками Шуйскаго, потерпѣлъ наконецъ неудачу подъ селомъ Коломенскимъ и долженъ былъ отступивъ засѣсть съ своими скопищами въ Калугѣ, гдѣ и былъ осажденъ царскими воеводами.

Самозванецъ Петръ, съ которымъ вошли въ сношенія Болотниковъ и Шаховской, все еще неимѣвшіе среди себя того новаго Лжедимитрія, именемъ котораго они дѣйствовали, выслалъ изъ Путивля, на помощь Калугѣ, отрядъ своей вольницы, подъ предводительствомъ упомянутаго князя Василія Мосальскаго, который разбивъ на пути князя Хилкова, осадившаго Веневъ, двинулся по Бѣлевской дорогѣ на Калугу. Осаждавшій послѣднюю князь Мстиславскій, узнавъ объ этомъ движеніи, выслалъ на встрѣчу Мосальскому боярина И. Н. Романова, М. Нагова и князя Мезецкаго съ войсками, которые и встрѣтили непріятеля на берегахъ р. Вырки, впадающей въ Оку близь Бѣлева.

Послѣдовало сраженіе, продолжавшееся цѣлыя сутки и кончившееся полнымъ пораженіемъ мятежниковъ, несмотря на геройскую храбрость ихъ предводителя, который наконецъ самъ былъ убитъ въ кровавой сѣчѣ. Ожесточеніе битвы, по словамъ лѣтописцевъ, было такъ велико ([205]), что разбитые

([205]) Въ Никоновской лѣтописи (т. VIII, 85) читаемъ: «Воевода-жъ съ ними съ ворами князь Василій Мосальскій... Они-же встрѣтоша ихъ на Вырке рѣчкѣ.

мятежники предпочитали смерть плѣну и гибли взрывая себя на пороховыхъ бочкахъ!

Трагическое окончаніе экспедиціи Мосальскаго, не остановило однако дальнѣйшихъ попытокъ помочь Калугѣ. Подъ Тулу прибылъ самъ самозванецъ Петръ и выступившій отсюда Телятевскій успѣлъ разбить при Пчельнѣ войско высланное Мстиславскимъ, вслѣдствіе чего послѣдній долженъ былъ снять осаду Калуги. Освобожденный Болотниковъ соединился послѣ этого въ Тулѣ съ Петромъ, но и ихъ конецъ уже былъ близокъ. Самъ Василій Шуйскій выступилъ противъ нихъ и одержавъ побѣду при рѣкѣ Восмѣ, окружилъ Тулу, со взятіемъ которой, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, въ руки его попали и самозванецъ съ Болотниковымъ. Перваго повѣсили въ Москвѣ, послѣдняго утопили въ Каргополѣ.

Въ этомъ же періодѣ смутъ, въ числѣ предводителей скопищъ мятежниковъ, встрѣчаемъ еще одного изъ князей Мосальскихъ, именно—Ивана Даниловича Мосальскаго-Клубкова ([206]). Мы уже упоминали выше, что князь Василій Мосальскій двигаясь къ Калугѣ, успѣлъ разбить подъ Веневымъ князя Хилкова, который потому долженъ былъ отступить къ Коширѣ, но послѣ гибели Мосальскаго на Выркѣ и соединившись съ Измаиловымъ и Пушкинымъ, подошедшими изъ

и начаша съ ними биться и бились съ ними день да ночь, и по милости Божіей побиша воровъ на голову и воеводу князь Василья убиша; достальные-жъ воры многіе на зелейныхъ бочкахъ сами сидяху и подъ собою зажгоша и злою смертью помроша».

([206]) См. № 108 родосл.

усмиреннаго ими Арзамаса и Ардатова, Хилковъ двинулся изъ Коширы къ селу Серебрянымъ Прудамъ (Веневс. уѣзда), гдѣ въ укрѣпленномъ острогѣ сосредоточилось значительное скопище бунтовщиковъ. Къ ночи острогъ былъ взятъ приступомъ, но на другой день явилась запоздалая уже помощь, —новый отрядъ мятежниковъ, шедшій изъ Украины подъ предводительствомъ князя Ивана Даниловича Мосальскаго и Ив. Сторовскаго. Царскія воеводы выступили имъ на встрѣчу и въ шести верстахъ отъ Серебряныхъ Прудовъ разбили ихъ на голову, причемъ оба упомянутые предводители мятежниковъ попали въ плѣнъ ([207]). Пораженіе это однако не повлекло за собою гибели или казни взятаго въ плѣнъ Мосальскаго, такъ какъ позже его снова встрѣчаемъ, хотя уже и не на политической аренѣ.

Наконецъ въ современныхъ актахъ находимъ еще два извѣстія, изъ которыхъ видно, что тѣмъ-же потокомъ смутъ были увлечены еще двое изъ князей Мосальскихъ, —князья Иванъ Львовичъ и Димитрій Васильевичъ ([208]).

О первомъ изъ нихъ знаемъ только, что въ концѣ концовъ онъ принесъ повинную въ своихъ проступкахъ, другихъ же подробностей болѣе не сохранилось; въ царской грамотѣ отъ 29 Іюня читаемъ лишь, что—«писалъ къ намъ воевода Юрія Кобяковъ (изъ Рязани), что изъ Рязского князь Иванъ княжъ Львовъ сынъ Мосальской и дворяня и дѣти боярскіе и атаманы и казаки и всякіе посадскіе люди, намъ добили

([207]) Арцыбашевъ: Повѣтств. о Россіи, ч. III. 159.

([208]) См. №№ 110 и 113 родосл.

челомъ и челобитныя повинныя къ нему (Кобякову) прислали и онъ въ Рязской послалъ приводити всякихъ людей къ нашему крестному цѣлованію» ([209]). Что же касается до князя Дмитрія Васильевича, то его еще во время дѣйствій самозванца Петра встрѣчаемъ воеводой въ Рославлѣ, какъ агитатора въ пользу оказанія вооруженной помощи возмущенію на югѣ Россіи. Сохранилось его посланіе къ Пацу, державцѣ мстиславскому, въ которомъ онъ проситъ о присылкѣ тысячи ратниковъ, для поддержки возстанія. Обращаясь къ Пацу и къ всему населенію Мстиславля, онъ говоритъ, чтобы они— «Государемъ вашимъ прироженнымъ, государю царю и великому князю Димитрію Ивановичу всея Руси и государю благовѣрному царевичу и великому князю Петру Θедоровичу всея Руси прислужили и прислали-бъ служивыхъ всякихъ людей на государевыхъ измѣнниковъ, на смольнянъ и на дорогобужанъ и на серпьянъ, а тамъ будетъ добра многа; а Божью милостью коли государь царь и великій князь Димитрій Ивановичъ всея Руси и государь царевичъ Петръ Θедоровичъ будутъ на прародителей своихъ престолѣ, на Москвѣ, и васъ всихъ служивыхъ людей пожалуютъ своимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ на разумѣ нѣтъ. А прислали-бы есте къ намъ своихъ служивыхъ людей ратныхъ съ тысячу, вскорѣ часа того, не мѣшкая, а передъ ними-бъ прислали къ намъ напередъ лутчихъ людей, пять или съ 10 человѣкъ, чтобы намъ съ ними обо всемъ договоритца, а служивые ратные люди шли-бъ за ними. А мы вамъ, великимъ па-

([209]) Акты Археогр. Эксп. т. II, № 76.

номъ, челомъ бьемъ» ([210]). Дѣятельности этого князя Димитрія впрочемъ также скоро предстоялъ трагическій конецъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Такимъ образомъ въ первомъ періодѣ московскихъ смутъ, на сторонѣ мятежа видимъ пятерыхъ Мосальскихъ и только одного—въ рядахъ правительственныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ самозванцевъ; этимъ однимъ былъ князь Владиміръ Васильевичъ Мосальскій-Кольцовъ ([211]), высланный изъ Москвы въ Серпуховъ съ вспомогательнымъ отрядомъ, послѣ разбитія Болотниковымъ Трубецкаго подъ Кромами. Вскорѣ однако Мосальскій былъ вынужденъ вернуться обратно, въ виду общаго отступленія войскъ Шуйскаго подъ Москву, послѣ чего послѣдовало упоминавшееся уже занятіе Болотниковымъ села Коломенскаго и т. д.

Другой періодъ описываемой эпохи можно начать съ появленія во главѣ дальнѣйшихъ смутъ втораго самозванца Лжедимитрія. Около того времени какъ Болотниковъ былъ осажденъ въ Калугѣ, наконецъ нашелся тотъ, кѣмъ до сихъ поръ тщетно старались замѣстить погибшаго въ Москвѣ перваго Лжедимитрія. Новый самозванецъ былъ впрочемъ личностью темною для всѣхъ, но съ исторіей его снова связываются имена нѣкоторыхъ изъ Мосальскихъ.

Въ разныхъ толкахъ, ходившихъ о его прошломъ, между прочимъ говорили, что это былъ поповъ сынъ Матвѣй

([210]) Акты историч. т. II, № 75.

([211]) См. № 63 родословной.

Веревкинъ, другіе - - что этотъ поповичъ Димитрій изъ Москвы отъ церкви Знаменья на Арбатѣ, которую построилъ князь Василій Мосальскій ([212]) и т. под.; во всякомъ случаѣ въ Стародубѣ сдѣлалась извѣстною личностью такъ называемаго въ нашей исторіи «тушинскаго вора», около котораго начали сплочиваться его сторонники, вслѣдствіе чего царемъ Василіемъ Шуйскимъ высланы были за Оку два отряда войскъ, одинъ подъ начальствомъ князя Сецтова, другой — князя Василія Ѳедоровича Мосальскаго ([213]); послѣдній осадилъ Козельскъ, но въ концѣ Сентября 1607 года самозванецъ, новый Лжеотрепьевъ, усиленный прибывшими къ нему литовцами, приблизился къ Козельску, направляясь къ Тулѣ, въ которой тогда еще держался Болотниковъ, и напалъ на Мосальскаго; послѣдній съ своимъ 8000 отрядомъ не могъ устоять противъ непріятеля и будучи разбитъ отступилъ къ Мещовску ([214]). Но и самозванецъ однако измѣнилъ свои намѣренія, вслѣдствіе совершившагося паденія Тулы, и ушелъ въ Орелъ. Здѣсь къ нему прибыла новая помощь,—явились Тишкевичъ, Лисовскій и казаки Заруцкаго, почему онъ

([212]) Соловьевъ: Ист. Рос. т. VIII, 185. Въ настоящее время въ упоминаемой церкви нѣтъ никакихъ свѣдѣній о ея основателѣ,—сохранился только колоколъ, отлитый въ 1600 году.

([213]) Мосальскій-Литвиновъ (См. № 98 родосл.).

([214]) Происшествіе это въ одной польской рукописи Historya Dmitra falszywego) передается такъ: «Того-же года (1607) 14 Окт. царь (самозванецъ) отправилъ Мѣховецкаго и Будилу освобождать Козельскъ, который осаждали присланные Шуйскимъ князь Мосальскій и Матіашъ Местинъ. Они неожиданно напали на лагерь послѣднихъ 18-го числа, утромъ на разсвѣтѣ. Русскіе пришли въ смятеніе и не могши приготовиться къ битвѣ стали спасатся бѣгствомъ.

двинувшись къ Брянску, чтобы овладѣть послѣднимъ, обложилъ защищавшихся здѣсь воеводъ Кашина и Ржевскаго. Съ полученіемъ объ этомъ вѣстей въ Москвѣ, къ Брянску отсюда былъ направленъ князь Куракинъ и изъ Мещовска князь Василій Ѳедоровичъ Мосальскій-Литвиновъ. Послѣдній не выждавъ Куракина двинулся къ Брянску ранѣе и пришелъ 15 Декабря къ берегамъ Десны, отдѣлявшей его отъ непріятеля и осажденнаго города. Рѣка была покрыта ледоходомъ, но это не остановило князя Василія Ѳедоровича, который въ данномъ случаѣ выказалъ высокую личную доблесть и отвагу. Видя критическое положеніе осажденныхъ, взывавшихъ съ того берега о помощи, Мосальскій рѣшился на отчаянную переправу въ глазахъ и подъ выстрѣлами непріятеля, черезъ покрытую плывущимъ льдомъ рѣку и самъ подалъ тому примѣръ, бросившись первымъ на конѣ въ воду ([215]). Поступокъ его увлекъ всѣхъ и дерзкая переправа совершилась благополучно; сносимый несущимися льдинами, отрядъ Мосальскаго успѣлъ все таки достичь противуположнаго берега и совмѣстно съ сдѣлавшими вылазку осажденными ударилъ на непріятеля, котораго и заставилъ отступить.

Одни убѣгая защищались, а другіе пали на мѣстѣ. Мѣховецкій и Будило взяли обозъ со всѣмъ имуществомъ, остальное сожгли. Местинъ (по Никон. лѣтописи —Мизиновъ) и многіе другіе захвачены въ плѣнъ. Побѣдители съ торжествомъ въѣхали въ Козельскъ, гдѣ народъ встрѣтилъ ихъ съ великою радостью, выйдя за городъ съ хлѣбомъ и солью, и чествовали воеводу. Октября 1-го самъ царь (самозванецъ) прибылъ въ Козельскъ и благодарилъ за побѣду» (Рус. истор. библ., т. 1, стр. 126).

([215]) Карамзинъ (Ист. Госуд. рос. т. XII, 74); Никон. лѣт. т. VIII и пр.

отъ города. По окончаніи дѣла прибылъ и Куракинъ, снабдившій Брянскъ всѣмъ необходимымъ.

Въ общемъ результатѣ эпизодъ этотъ не имѣлъ однако послѣдствій, потому что въ скоромъ времени Куракинъ и Мосальскій должны были отступить передъ превосходными силами непріятеля и отошли въ Карачевъ ([216]).

Этимъ закончился 1607 годъ. Начало 1608-го прошло въ бездѣйствіи до самой весны, выключая попытки тогоже Мосальскаго воспрепятствовать движенію самозванца на Орелъ, чему помѣшать впрочемъ ему не удалось, такъ что 16-го Января «тушинскій воръ» зазимовалъ въ Орлѣ. Противъ него Шуйскимъ было выслано новое войско, въ составъ котораго (въ Сторожевой полкъ) вошли отряды Куракина и упоминаемаго Мосальскаго. Войско это расположилось около Болхова и здѣсь стояло до весны, когда 10 и 11 Мая открылись снова военныя дѣйствія. Царскія воеводы перешли въ наступленіе, намѣреваясь вытѣснить самозванца изъ Орла, но исходъ завязавшагося дѣла былъ крайне неудаченъ. Передовой полкъ подъ начальствомъ Голицына, былъ близъ селенія Каменки разбитъ и опрокинулся на главныя силы, увлекши и ихъ въ безпорядочное отступленіе, такъ что только

([216]) Въ вышеупомянутой рукописи (Historya Dmitra falszywego) объ этомъ читаемъ иначе: «Того-же года (1607) 24 Дек. князь Мосальскій пришелъ выручать Брянскъ, но въ Декабрѣ-же прибылъ изъ Польши царевичъ съ 12-ю хоругвями Велегловскаго и другіе. Князь Мосальскій не видя возможности освободить Брянскъ, но получивъ напротивъ самъ порядочную острастку, долженъ былъ чрез нѣсколько времени ночью уйти.» Рус. ист. библ. т. I, стр. 129).

рѣшительный ударъ Куракина съ Мосальскимъ поправилъ нѣсколько дѣло, остановивъ поляковъ и прикрывъ отступленіе своихъ (²¹⁷). На слѣдующій день рѣшительный натискъ непріятеля докончилъ пораженіе русскихъ,—разбитыя войска Шуйскаго потянулись къ Москвѣ, непріятель занялъ Болховъ и торжествующій самозванецъ направилъ свой путь, черезъ Калугу и Можайскъ, къ древней русской столицѣ.

Въ Іюнѣ 1608 года самозванецъ раскинулъ свой станъ подъ Москвою въ селѣ Тушинѣ. Находившійся съ нимъ Рожинскій занялъ было и село Тайнинское, съ цѣлью пресѣчь нѣкоторыя сообщенія столицы, но такъ какъ при этомъ его собственныя стали подвергаться опасности, то онъ направился снова въ Тушино, причемъ возвращаясь встрѣтился, около 9-го Іюня, съ русскими войсками, пытавшимися отрѣзать ему дорогу. Въ составѣ послѣднихъ находился и князь Василій Ѳедоровичъ Мосальскій-Литвиновъ (²¹⁸). Попытка эта впрочемъ не имѣла удачи, такъ какъ Рожинскій, послѣ горячаго дѣла, успѣлъ все таки пробиться къ Тушину, а русскія войска отошли на Ходынку. Въ этомъ-же сраженіи, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, поляки захватили въ плѣнъ котораго-то князя Василія Мосальскаго (²¹⁹), привели его въ

(²¹⁷) Бутурлинъ—Исторія смутнаго времени въ Россіи.

(²¹⁸) Бутурлинъ: Ист. смутн. врем. въ Россіи. По современнымъ розрядамъ Мосальскій находился въ составѣ «Большаго полка» (Карамзинъ т. XII, 198).

(²¹⁹) По Пясецкому (Chronica Gestorum in Europa singularium recentiorum, 1645 г.) выходитъ, что это былъ князь Василій Ѳедоровичъ Мосальскій-Литвиновъ. Въ «хроникѣ» разсказывается: Рожинскій рѣшился предупредить Москву, которая въ числѣ 70000 расположилась, подъ предводительствомъ Ва-

свой лагерь и вынудили дать присягу служить тушинскому вору.

Вскорѣ на этого именно Мосальскаго, самозванецъ возложилъ важное для себя порученіе — доставить въ Тушино Марину Мнишекъ, которая вслѣдствіе окончанія переговоровъ съ давно уже прибывшими въ Москву польскими послами, должна была въ половинѣ Августа быть отпущена изъ столицы, вмѣстѣ съ тѣмъ же посольствомъ.

Между Мнишками и самозванцемъ, какъ полагаютъ, было соглашеніе, относительно послѣдовавшаго затѣмъ перехвата Марины княземъ Мосальскимъ. Въ исполненіе даннаго порученія, послѣдній во главѣ своего отряда составленнаго изъ русскихъ, соединился съ Зборовскимъ и Стадницкимъ, командовавшими отрядами изъ поляковъ, и въ августѣ 1608 г. въ окрѣстностяхъ Бѣлаго настигли кортежъ польскихъ пословъ, съ которымъ слѣдовали и Мнишки. Мосальскій послѣ схватки съ отрядомъ Долгорукова, ихъ конвоировавшаго, за-

---

силія князя Мосальскаго, на берегу Ходынки, выжидая удобнаго времени напасть на поляковъ. Онъ въ величайшей тишинѣ почью вывелъ изъ лагеря войска и на разсвѣтѣ напалъ на непріятеля. Произошла страшная рѣзня, непріятель былъ разсѣянъ. Убито было до 14000, захвачено 30 пушекъ, весь лагерь и самъ командующій Мосальскій взятъ въ плѣнъ.»

Изъ русскихъ источниковъ извѣстно однако, что упомянутыми войсками начальствовалъ Скопинъ, при которомъ воеводами въ Большомъ полку были Ив. Романовъ и упоминаемый Мосальскій, слѣдовательно извѣстіе Пясецкаго не вполнѣ точно, почему можетъ рождаться сомнѣніе, — дѣйствительно-ли о плѣнѣ именно князя Василія Өедоровича идетъ здѣсь рѣчь, тѣмъ болѣе, что изъ Мосальскихъ Василіями назывались въ описываемое время нѣсколько лицъ. Однако вполнѣ отвергать показаніе Пясецкаго причинъ нѣтъ.

хватилъ весь кортежъ, пословъ отпустилъ продолжать путь свой, а Марину повезъ къ самозванцу.

Предпріятіе окончилось такимъ образомъ успѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ послужило поводомъ къ бѣгству упоминаемаго Мосальскаго обратно въ Москву. Во время приближенія Марины къ Тушину, 31-го августа произошелъ слѣдующій эпизодъ, передаваемый современниками (220): Марина была очень весела и даже пѣла, сидя въ своей каретѣ; вдругъ къ ней подъѣжаетъ кто-то и говоритъ—«Вы Марина Юрьевна веселыя пѣсенки распѣваете,—было бы кстати веселиться, если бы вы нашли въ Тушинѣ вашего мужа, но на бѣду тамъ не тотъ Димитрій, который былъ вашимъ супругомъ, а другой!» Слова эти перемѣнили расположеніе духа Марины,—она принялась плакать, что въ свою очередь вызвало замѣчаніе Зборовскаго, полюбопытствовавшаго узнать о причинѣ ея слезъ. Марина объяснила причину и на распросы Зборовскаго указала лицъ, передавшихъ ей слышанное. Оказался замѣшаннымъ въ это дѣло князь Мосальскій и какой-то польскій шляхтичъ, котораго Зборовскій велѣлъ связать и затѣмъ по прибытіи въ Тушино несчастнаго посадили на колъ. Что-же касается Мосальскаго, то не ожидая себѣ также ничего хорошаго за свою неосторожность, онъ предпочелъ бѣгство и 8-го сентября гдѣ-то у Звенигорода ушелъ въ Москву (221).

(220) См. Костомарова: «Царь Василій Шуйскій и воры».

(221) Съ этимъ извѣстіемъ совпадаютъ и показанія современниковъ иностранцевъ, передающихъ, что будто Мосальскій при свиданіи съ самозванцемъ убѣдился въ его подложности, почему вернулся въ Москву и всенародно объ этомъ засвидѣтельствовалъ. Такъ Мартинъ Беръ, въ своей лѣтописи Москов-

После пріѣзда Марины къ тушинскому вору, въ числѣ сообщниковъ послѣдняго встрѣчаемъ еще трехъ лицъ изъ описываемой фамиліи. Одинъ былъ уже извѣстный намъ князь Василій Михайловичъ-Рубецъ, отъ котораго царь Шуйскій отнялъ въ это время воеводство въ Корелѣ и вызвалъ обратно въ Москву, гдѣ онъ конечно былъ въ опалѣ и не замедлилъ перейти на сторону самозванца ([222]); другимъ былъ князь Димитрій Васильевичъ ([223]), котораго тушинскій воръ поставилъ воеводой въ Костромѣ и наконецъ третьимъ—князь Андрей Ѳедоровичъ Мосальскій-Литвиновъ; съ ними мы еще встрѣтимся далѣе ([224]).

ской, пишетъ: «Знатные вельможи оставляли Шуйскаго и толпами стремились къ Димитрію (тушинс. вору), пока не увѣрилъ москвитянъ въ обманѣ князь Василій Мосальскій, который въ числѣ другихъ передавшись самозванцу, возвратился черезъ нѣсколько дней въ Москву и объявилъ торжественно, что мнимый Димитрій есть новый воръ и обманщикъ. Съ тѣхъ поръ москвитяне стали усердно защищаться». (Устряловъ: Сказ. соврем. о Димитріѣ самозванцѣ, ч. 1; также Морачевскій—«Dzieje Rzeczy pospolitej», т. 7).

(222) Напр. въ грамотѣ 1613 г. изъ Москвы къ Сигизмунду говорится: «А отъ васъ.... пріѣхали изъ подъ Смоленска крестопреступники и измѣнники Салтыковъ да князь Василій Михайловъ сынъ мосальской...., которые были въ Тушинѣ у вора, а послѣ того у васъ подъ Смоленскомъ....» (Собр. Госуд. грам. и догов. т. III, № 7).

(223) Изъ Мосальскихъ-Горбатыхъ (см. № 113 родосл.), бывшій прежде при самозванцѣ Петрѣ воеводой въ Рославлѣ (см. стр. 199).

(224) См. № 99 родосл. О князѣ Андреѣ упоминаетъ также князь Шаховской въ своихъ «Домашнихъ запискахъ» (1601—1650 г.): «Того-жъ 118 году я князь Семенъ, да князь Андрей Мосальской, да князь Петръ Бахтеяровъ, да Мих. Бутурлинъ, отъѣхали въ Тушино въ великой мясоѣдъ, и того-жъ мясоѣду послѣ насъ спустя двѣ недѣли.... приходили на царя Василья многіе дворяне съ шумомъ и отъѣхали въ Тушино Казаринъ и Бегичевъ съ товарищи». (Московс. вѣстникъ, 1830 г., ч. V). Кромѣ того сохранилось еще и

Положеніе дѣлъ тушинскаго вора въ теченіи зимы 1608—1609 г., было далеко не блестяще, не смотря на внѣшнюю обстановку его въ окрестностяхъ столицы Россіи, откуда разныя шайки и отряды, дѣйствовавшіе во имя власти новаго претендента, и несшія съ собою грабежи и разбои вездѣ, гдѣ только появлялись. Общая неурядица и опустошенія, неистовства тушинцевъ и казаковъ, озлобляли бѣдствующее населеніе Россіи и вели къ тому, что отъ самозванца начали отпадать города, уже признавшіе и тянувшіе его сторону. Въ разныхъ пунктахъ начались возстанія, которыхъ не въ силахъ были подавить кровавыя репрессаліи поляковъ и тушинцевъ. Озлобленное населеніе пользовалось удобными случаями, соединилось въ партіи, сносилось между собою и нерѣдко разбивало отряды самозванца, высылавшіеся для приведенія ихъ къ покорности. Въ разныхъ мѣстахъ народъ началъ творить свой судъ и расправу надъ воеводами тушинскаго вора,—во Владимірѣ побили камнями Вельяминова, въ Костромѣ убили князя Димитрія Мосальскаго. О послѣд-

---

письмо этого Мосальскаго, писанное изъ Тушина къ гетману Сапѣгѣ, отъ 14 марта 1609 г., содержанія довольно раболѣпнаго: «Государю моему Яну Петру Сопегѣ князь Онъдрѣй Мосальской челомъ бьетъ. Буди, государь, Богомъ хранимъ и покровенъ десницею Вышняго Бога на многія лѣта, а язъ твое государя своего здоровье слышачи радуюсь; а про меня государь пожалуешь похошь спросити, и язъ при государевыхъ царевыхъ и великаго князя Дмитрея Ивановича всея Русіи свѣтлыхъ очяхъ, марта въ 14 день, живъ, а впереди уповаю на Бога. Да спасибо государь на великомъ жалованьѣ, что ты государь пожаловалъ, челобитья моего не оставилъ, велѣлъ лошаденка припроводити мнѣ; за твое жалованье работать радъ головою своею. А язъ тебѣ государю челомъ бью до лица земнаго». (Акты Истор. т. II, № 175).

немъ еще 12-го декабря писали изъ Костромы въ Нижній, что костромичи—«государю царю и великому князю Василію Ивановичу добили челомъ, вины свои принесли и крестъ ему цѣловали, а которые были присланы къ Костромѣ отъ вора, князь Димитрій Мосальской и литовскіе люди, и они деи тѣхъ воровъ перенмавъ ихъ покидали въ тюрьму» (225). Затѣмъ, по дальнѣйшимъ извѣстіямъ—Мосальскій былъ подвергнутъ различнымъ истязаніямъ; его пытали, допрашивали о происхожденіи самозванца (226) и послѣ продолжительныхъ мученій, отрубивъ злополучному воеводѣ руки и ноги, утопили его въ рѣкѣ (227).

Весною 1609 г. въ сѣверныя окраины тогдашняго московскаго государства вступили шведы, а затѣмъ въ западныя — польскій король Сигизмундъ III. Прибытіе шведовъ развязало руки Скопину-Шуйскому, который успѣлъ очистить отъ тушинцевъ многіе сѣверные города и шелъ къ Москвѣ; вторженіе-же Сигизмунда не замедлило оказать свое вліяніе въ тушинскомъ станѣ и также не въ пользу самозванца. По временамъ приходили извѣстія объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ правительственныхъ войскъ и на югѣ отъ Москвы. Такъ около половины іюля 1609 г., воеводой надъ войсками стоявшими въ Коломнѣ былъ князь Василій Θедоровичъ Мосальскій (228). Будучи стѣсненъ въ Коломнѣ Млоцкимъ, онъ съ пришедшими на помощь рязанцами произвелъ вылазку, но

(225) Акты Археогр. Эксп. т. II, № 104.
(226) См. вын. 200.
(227) Соловьевъ: Ист. Рос. т VIII, 256.
(228) Вѣроятно Литвиновъ (см. № 98 родосл.).

14

успѣха не имѣлъ и долженъ былъ отступить съ большими потерями, когда-же пронесся слухъ объ удачахъ князя Скопина и даже о приближеніи послѣдняго, то часть отряда Млоцкаго отошла къ Серпухову, чѣмъ въ свою очередь воспользовался князь Мосальскій;—онъ произвелъ нападеніе на оставшійся непріятельскій лагерь и нанесъ врагу полное пораженіе ([229]). Успѣхъ былъ важенъ въ томъ отношеніи, что благодаря ему снова освободилась важная для Москвы коломенская дорога, почему царь Шуйскій не оставилъ даже это дѣло безъ награды, — «воеводъ князя Василья Мосальскова и товарищи и съ ратными людьми пожаловалъ своимъ государевымъ жалованьемъ» ([230]).

Тѣмъ не менѣе Москва скоро была опять стѣснена и стѣснена настолько, что въ ней началъ сильно ощущаться недостатокъ въ продовольствіи, причиной чему являлись старанія тушинцевъ не пропускать въ столицу никакихъ подвозовъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ путей сообщенія Москвы, коломенская дорога, опять закрылся, благодаря скопищамъ

([229]) Объ этомъ упоминается и въ царской похвальной грамотѣ вологжанамъ, отъ 26-го іюля 1609 г.:—«Да іюля въ 18 день писалъ къ намъ съ Коломны столникъ нашъ и воеводы князь Василей Ѳедоровичъ Мосальской съ товарищи: которые воры и литовскіе люди стояли подъ Коломною и тѣ воры Божьею милостью іюля къ 17 день изъ подъ Коломны побѣжали врозь, а воеводы наши со всѣми людьми вышедъ изъ Коломны и пришедъ на нихъ въ воровскіе таборы, и которыхъ въ таборѣхъ застали и тѣхъ многихъ побили и за ними гоняли и сшедши ихъ многихъ у нихъ воровъ побили и живыхъ поимали и нынѣ коломенская дорога отъ воровъ очистилася». (Акты Археогр. Эксп. т. 2, № 132).

([230]) Никон. лѣтоп., т. VIII.

какого-то крестьянина Хатунской волости Салкова, который сообща съ остатками отряда Млоцкаго въ Серпуховѣ, удачно разбойничалъ на упомянутой дорогѣ и перехватывалъ всѣ шедшіе въ Москву обозы. Въ виду необходимости снабдить нуждающуюся столицу, коломенскій воевода князь Василій Ѳедоровичъ Мосальскій получилъ въ октябрѣ приказаніе собрать огромный транспортъ и подъ своимъ прикрытіемъ доставить въ Москву. Извѣстіе объ этомъ дошло однако и до Салкова, который успѣлъ подтянуть къ себѣ на помощь поляковъ Млоцкаго изъ Серпухова и приготовился сдѣлать нападеніе на транспортъ. Не доходя Бронницъ версты за три, у Баршева, обозы Мосальскаго были застигнуты непріятелемъ и конвоировавшій ихъ отрядъ разбитъ на голову; — «князя Василья побиша», — говоритъ лѣтописецъ (231), — «и многихъ живыхъ поимали и запасы всѣ отбиша, и коихъ было запасовъ поднять немочно и тѣ пожгоша; на Москвѣ-жъ опять бысть сумнѣніе великое и дороговь хлѣбная» (232).

Между тѣмъ въ самомъ тушинскомъ станѣ подготовлялись важныя перемѣны. Съ появленіемъ Сигизмунда въ предѣлахъ Россіи, между нимъ и тушинцами завязались сношенія,

(231) Никон. лѣтоп., т. VIII.

(232) По извѣстіямъ иностранныхъ писателей (Нѣмцевичъ), съ Мосальскимъ былъ и Голицынъ, причемъ пораженіе было на столько полное, что лишь немногіе бѣглецы донесли въ Москву извѣстіе о случившемся. На мѣстѣ побоища находится въ настоящее время много кургановъ, происхожденіе которыхъ приписывается упомянутому эпизоду разбитія князя Мосальскаго. (См. Иванчина-Писарева: Прогулка по древне-коломенс. уѣзду, ст. 18).

имѣвшія со стороны короля цѣлью — притянуть на свою сторону сторонниковъ самозванца. Собственно личность послѣдняго уже имѣла мало значенія среди окружавшихъ его поляковъ; онъ представлялъ только орудіе Рожинскаго, который не стѣснялся съ нимъ даже въ наружномъ обращеніи. Самозванца ругали и позорили въ глаза, до него доходили какіе-то слухи о намѣреніяхъ относительно избранія царемъ королевича Владислава, такъ что въ концѣ концовъ ему лучшимъ оставалось бѣжать отъ своихъ опекуновъ. Самозванецъ рѣшился на послѣднее. Переодѣвшись въ крестьянское платье онъ бѣжалъ въ Калугу и тогда въ тушинскомъ станѣ произошелъ расколъ: одна часть серіозно стояла за сближеніе съ Сигизмундомъ, другая — въ рядахъ которой агитировала въ пользу бѣжавшаго самозванца Марина Мнишекъ, тянула сторону скрывшагося въ Калугу царика и намѣревалась поддерживать его дѣло.

Къ первой партія присоединился, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ ея двигателей, и князь Мосальскій Василій Михайловичъ Рубецъ. Партія эта положила отправить къ Сигизмунду формальное посольство, съ предложеніемъ быть русскимъ царемъ королевичу Владиславу и послами отправились: упомянутый князь Мосальскій, Салтыковъ, Хворостининъ, Плещеевъ, Вельяминовъ и нѣсколько дьяковъ (233). Въ

(233) Многія лица этого посольства упоминаются напр. и въ грамотѣ Сигизмунда отъ 21 сент. 1610 г.: «Били намъ челомъ. . . . . . М. Салтыковъ съ сыномъ своимъ Иваномъ, Князь Василій Масальскій, князь Хворостининъ. . . . и всѣ которые пріѣхали къ нашему королевскому величеству и почали служить прежъ всѣхъ и повѣдали предъ нами..» ... и т. д. (Собраніе госуд. грам. и догов.,

концѣ январѣ 1610 года они подъ Смоленскомъ торжественно представлялись королю и объясняли цѣль своего прибытія; сначала говорилъ Салтыковъ, потомъ Мосальскій, за ними дьякъ Грамотинъ. Мосальскій въ напыщенныхъ выраженіяхъ сравнивалъ свое отечество съ бурнымъ моремъ, въ которое по Божьему указанію прибылъ король, чтобы спасти корабль государства, разбиваемый разъяренными волнами и т. д. ([234]), а дьякъ Грамотинъ наконецъ объявилъ, что Россія призываетъ къ себѣ на царство королевича Владислава, но на извѣстныхъ однако условіяхъ, которыя чрезъ нѣсколько дней были формулированы письменно и приняты обѣими сторонами ([235]).

Послы не забыли при этомъ случаѣ и своихъ личныхъ интересовъ; независимо отъ желанія «спасти погибающій государственный корабль»,—Мосальскій съ товарищами кстати

т. II, № 208). Точно также въ грамотѣ 1613 г. отъ московскаго земскаго совѣта къ Сигизмунду, говорится: «А отъ васъ Жигимонта короля пріѣхали изъ подъ Смоленска крестопреступники и измѣнники московскому государству М. Салтыковъ, да князь Василій Михайловъ сынъ Мосальскій. . . . . . съ своими совѣтники, которые были въ Тушинѣ у вора, а послѣ того у васъ подъ Смоленскомъ. . . . . .» (Тамъ-же, т. III, № 7). Равнымъ образомъ и на съѣздѣ 1615 г. подъ Смоленскомъ, польскіе послы говорили: «Именитые, зацные люди..... которые отъ князя Василія Ивановича (Шуйскаго) для его тиранства отъѣхавши, были на Тушинѣ и по городамъ. . . . . . и укрѣпившись своимъ общимъ крестнымъ цѣлованіемъ што на господарство никого изъ народу своего московскаго не хотѣти, прислали къ королю нашому подъ Смоленескъ братью свою боярина М. Салтыкова, да боярина князь Василья Михайловича Мосальского съ товарищи, бьючи челомъ о господарѣ королевичѣ Владиславѣ на московское господарство». (Акты относ. къ ист. зап. Россіи, т. 4, № 209).

([234]) Переговоры пословъ см. у Коборжицкаго: «Hist. Wladisl.».

([235]) Подробности условій см. напр. у Соловьева (Ист. Рос., т. VIII, 296).

ударили челомъ королю и о поправленіи своихъ собственныхъ обстоятельствъ, пострадавшихъ въ Москвѣ, гдѣ дворы челобитчиковъ были раззорены Шуйскимъ — якобы за рвеніе къ службѣ короля и поѣздку подъ Смоленскъ ([236]). Въ концѣ іюля посольство это уже прибыло съ Жолкевскимъ подъ Москву.

Пока такимъ образомъ обдѣлывала свои дѣла партія русскихъ тушинцевъ, тянувшая сторону польскаго короля, сторонники бѣжавшаго въ Калугу самозванца, къ которому на помощь пришелъ Шаховской съ казаками, хотѣли заставить Рожинскаго идти также въ Калугу. Рожинскій въ виду волненій въ своемъ войскѣ, а также положенія самозванца въ Калугѣ и возможной опасности отъ отряда Скопина, очистивъ свой тушинскій станъ отошелъ къ Іосифову-Волоколамскому монастырю, гдѣ по его смерти, послѣдовавшей въ началѣ апрѣля, разстроилось и все его войско. Часть по-

---

([236]) Позже (въ сентябрѣ того-же года) все это было изложено въ королевской грамотѣ на имя московской Боярской думы: «Били намъ челомъ М. Салтыковъ, князь Василій Мосальскій. . . . . . и повѣдали предъ нами, ижъ де и въ тѣ поры какъ они пріѣхали до насъ государя подъ Смоленескъ, князь Василій Шуйскій будучи на государствѣ московскомъ и мстя се того на нихъ, что они намъ государю служили, дворы ихъ на Москвѣ раззорилъ до основанья и животы ихъ всѣ велѣлъ пограбить на себя; и били намъ челомъ, чтобы мы ихъ пожаловали, ихъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, за ихъ вѣрную къ намъ службу, вмѣсто ихъ дворовъ иными дворами, которыми пригоже, и животы ихъ, которые будутъ въ сыску, велѣли имъ отдати. Ино мы государь велѣли есьмо. . . . . . дворы ихъ на Москвѣ воротити, а которыхъ раззорены тѣмъ иные дворы порожіе, кому што будетъ пригожъ дати. . . . . ., и за тое раззоренье ихъ изъ московскихъ доходовъ четвертнымъ жалованьемъ по ихъ окладомъ на году указати велѣли». (Собр. госуд. грам. и догов., т. II, № 208).

слѣдняго ушла подъ Смоленскъ, а другая была разбита и уничтожена въ маѣ мѣсяцѣ воеводою Валуевымъ.

Еще ранѣе ухода Рожинскаго, освободилась отъ осады (въ январѣ) и Троицкая лавра, изъ подъ которой Сапѣга долженъ былъ наконецъ отступить и отойти къ Волоколамску. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ подъ Москвою приняло на столько иной оборотъ, что 12-го марта князь Скопинъ съ Делагарди имѣли уже торжественный въѣздъ въ Москву.

Скоро однако событія опять пошли иначе и съ смертью Скопина, послѣдовавшей въ началѣ мая, дѣла роковымъ образомъ повернулись для царя Василія: 50-ти тысячное войско его, посланное на помощь осаждаемому Сигизмундомъ Смоленску, было на голову разбито Жолкевскимъ подъ Клушинымъ; въ Рязани противъ царя вспыхнуло возстаніе, во главѣ котораго явился Ляпуновъ; подъ Шацкомъ былъ разбитъ другой воевода вѣрный Шуйскому—князь Василій Ѳедоровичъ Мосальскій-Литвиновъ, хотѣвшій привести къ покорности жителей Шацка (тянувшихъ сторону самозванца), но понесшій самъ пораженіе отъ князя Черкасскаго (воеводы въ Шацкѣ); когда-же къ Мосальскому на помощь послали отрядъ стрѣльцовъ, то Ляпуновъ не допустилъ ихъ присоединиться, чтобы поправить неудачу. Нѣсколько дальнѣйшихъ успѣховъ, достигнутыхъ тѣмъ же Мосальскимъ въ усмиреніи возставшей мордвы, взятіе Арзамаса и разбитіе на рѣчкѣ Аншѣ пришедшихъ къ послѣднему скопищъ самозванца, не могли дать вѣскихъ результатовъ, такъ какъ Мосальскій долженъ былъ отступить въ Муромъ, въ виду опасности начав-

шей грозить самой столицѣ, а между тѣмъ самозванецъ, усиленный войсками Сапѣги, успѣлъ уже взять Серпуховъ, Коломну и стоялъ у села Коломенскаго; все это въ концѣ концовъ привело къ катастрофѣ: въ половинѣ іюня Шуйскій былъ низведенъ съ престола и въ Москвѣ во главѣ правленія стала Боярская Дума.

Положеніе дѣлъ подъ Москвою требовало какого нибудь рѣшенія; съ одной стороны —самозванцемъ, отправившимся на Сапѣгу и Ляпунова, была уже сдѣлана попытка овладѣть столицей, но попытка однако неудачная, послѣ которой онъ ушелъ въ Угрѣшскій монастырь, съ другой—Жолкевскій стоялъ въ семи верстахъ подъ Москвою, куда прибылъ 24-го іюля изъ Можайска, по призыву бывшихъ въ Москвѣ сторонниковъ Владислава. Наконецъ въ столицѣ было порѣшено избраніе послѣдняго и въ концѣ августа послѣдовала присяга королевичу, съ чѣмъ въ связи въѣхали въ Москву и прибывшіе, какъ сказано уже выше, съ Жолкевскимъ послы къ Сигизмунду отъ русскихъ тушинцевъ, т. е. Салтыковъ, Князь Василій Михайловичъ Мосальскій-Рубецъ и прочіе ([237]), которые забывъ свои прежнія дѣянія, не

([237]) Сохранились нѣкоторыя подробности прибытія этихъ лицъ: Польское войско остановилось за милю отъ Москвы, на Сѣтуни, и передовой отрядъ приблизился къ окраинѣ города. Русскіе думали было, что это отрядъ изъ войска самозванца пробирается на другую сторону города, и начали стрѣлять, но скоро убѣдились, что это не тѣ поляки, которые служатъ вору, а другіе. Тогда изъ польскаго отряда вышли впередъ русскіе и ихъ сейчасъ-же соотечественники признали по одеждамъ; то были Салтыковъ, Валуевъ, Мосальскій и другіе. Когда они подошли къ московскимъ людямъ и начали по рус-

стѣснились явиться въ Успенскій соборъ и подойти къ патріарху за благословеніемъ! ([238]).

По принесеніи присяги Владиславу, рѣшено было отправить къ Сигизмунду посольство, во главѣ котораго стали митрополитъ Филаретъ и Голицынъ,—съ цѣлью окончательнаго утвержденія условій избранія и требованія скорѣйшаго прибытія королевича въ Москву. Въ то-же время въ виду вновь усилившейся агитаціи въ разныхъ городахъ въ пользу самозванца, Жолкевскій, заручившись согласіемъ Сапѣги, сдѣлалъ попытку захватить самозванца въ Угрѣшскомъ монастырѣ, но Лжедмитрій во время узнавъ объ этомъ, успѣлъ убѣжать съ Заруцкимъ въ Калугу, почему во отвращеніе дальнѣйшихъ волненій, могущихъ возникнуть въ самой Москвѣ, часть бояръ рѣшила ввести поляковъ въ столицу, что 21-го сентября и было приведено въ исполненіе ([239]).

скому обычаю цѣловаться, то поляки замѣтили, что они плакали. (Костомаровъ: «Московское раззоренье»).

([238]) Объ этомъ въ Никоновской лѣтописи (ч. VIII, 141) разсказывается подробно: «Придоша во градъ тѣ враги Бога отметники Михайло Салтыковъ да князь Василій Мосальской съ товарищи въ церковь Успенія Пречистыя Богородицы и придоша къ благословенію къ патріарху Ермогену, патріархъ же ихъ не благословляше и нача имъ говорить: будетъ пришли вы въ соборную апостольскую церковь правдою, а не лестію, и будетъ въ вашемъ умыслѣ не будетъ нарушеніе православной христіанской вѣрѣ, то буди на васъ благословеніе отъ всего вселенскаго собору и мое грѣшное благословеніе; а будетъ вы пришли съ лестію и нарушеніе будетъ въ вашемъ умыслѣ православной христіанской истинной вѣрѣ, то не буди на васъ милость Божья и Пречистые Богородицы и будьте прокляты отъ всего вселенскаго собору, яко-же тако и сбыться слово его».

([239]) Иниціатива этого дѣла принадлежала, какъ видно, все тѣмъ-же бывшимъ посламъ подъ Смоленскъ изъ Тушина. Такъ въ 1613 г. бояре писали

Москвой сталъ править Гонсѣвскій. Засѣдая въ Думѣ съ боярами, онъ тѣмъ не менѣе рѣшалъ всѣ дѣла лишь при участіи испытанныхъ сторонниковъ польской партіи, именно М. Салтыкова, того-же Василія Михайловича Мосальскаго, Ѳ. Андронова и Грамотина, окружавшихъ его въ Думѣ и вознамѣрившихся уже дѣйствовать непосредственно въ пользу утвержденія въ Москвѣ власти самого Сигизмунда. Въ этомъ смыслѣ какъ они сами, такъ и ихъ сторонники, относились къ польскому королю, получая и испрашивая отъ него для себя имѣнія, должности и проч. Напр. князя Василія Михайловича Мосальскаго встрѣчаемъ снова съ прежнимъ его титуломъ боярина и дворецкаго ([240]),—въ современныхъ актахъ находимъ ему «листъ на дворчество» ([241]); въ дошедшей

изъ Москвы къ польскому королю: «А отъ васъ Жигимонта короля..... къ Москвѣ на урядъ Олександро Гасевской съ вашими королевскими листы, и учали быти по вашему велѣнью въ московскомъ государствѣ владѣтели; и умысля межъ себя злодѣйски, многихъ московскаго государства бояръ и дворянъ и всякихъ служилыхъ людей разослали съ Москвы, будто на службу, по дальнимъ городамъ; а сами злодѣи М. Салтыковъ да Ѳ. Андроновъ съ товарищи, умысля съ своими совѣтники и съ А. Гасевскимъ, будто для береженья отъ воровскихъ людей, обманомъ польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей съ гетманомъ Желковскимъ ввели въ Москву въ каменные городы, а государя нашего царя Василія Ивановича взяли, а сказали будто для береженья посылаютъ его въ Осифовъ монастырь». (Собр. госуд. грам. и догов., т. III, № 7).

([240]) Акты относящ. къ ист. зап. Россіи, т. IV, № 183.

([241]) Отъ 3-го нояб. 1610 г.; текстъ его слѣдующій: «Самъ наяснѣйшій и великій господаръ Жикгимонтъ третій, король польскій и великій князь литовскій и проч., боярину великаго господарства московскаго князю Василью Михайловичу Мосальскому. Вѣдаючи мы господаръ вѣрные правдивые и зычливые къ намъ господару и къ сыну нашему королевичу Владиславу Жикгимонтовичу

перепискѣ его съ поляками, онъ раболѣпствуетъ передъ Сапѣгой, посылаетъ ему поклоны и подарки ([242]); другаго Мо-

службы твои, и хотѣчи ихъ отъ тебе и впередъ мѣти, жалуемъ тебе и велимъ тобе быти дворецкимъ нашимъ великого господарства московскаго и хочемъ мѣти и приказуемъ тобѣ, штобы еси будучи дворецкимъ нашимъ, вси городы, волости, села и деревни наши господарскіе дворцовые подклѣтные и всякіе инщіе отыскивалъ, приходы денежные, хлѣбные и мѣдовые, вина, коренья и всякіе иные запасы збиралъ и то все ховалъ што на обыходъ нашъ господарскій до кухни, до пивницы, до погребовъ, до стайни и на всѣ инщіе потребы и обыходы наши господарскіе належитъ, и пильно стерегъ того, штобы въ тыхъ проходѣхъ нашихъ нияковѣ шкоды и убытку не было, яко о твоей къ намъ и къ сыну нашому вѣрной и правдивой службѣ держимъ, а мы тебе по твоихъ службахъ и впередъ жаловати будемъ. Писанъ на стану нашомъ подъ Смоленскомъ лѣтъ Божого нароженья 1610, мѣсяца ноября 3-го дня».

(Акты относящ. къ ист. зап. Россіи, т. IV, № 183). Тамъ-же находится и листъ, данный Сигизмундомъ на имя бояръ московскихъ, объ упомянутомъ пожалованіи Мосальскаго.

([243]) Такъ напр. въ письмѣ Грамотина къ Сапѣгѣ (сент. 1610 г.), встрѣчаемъ приписку: «Князь Василей Михайловичъ Мосальской вашей милости много челомъ бьетъ» (Акты истор. т. II, № 311).

Кромѣ того сохранилось письмо самого Мосальскаго къ тому-же Сапѣгѣ, отъ 1-го янв. 1611 г., обрисовывающее отношенія ихъ между собою. Письмо это слѣдующее: «Ясневельможному Льву Ивановичю Сапѣгѣ, канцлерови Великого Княжьства Литовского, старостѣ Могилевскому и иныхъ, моему милостивому пану и добродѣю, мои униженные службы отдаю и вычю вашей милости, моему милостивому пану, отъ всемогущего въ Троицы единого Бога, счастливаго здоровья и предъ вшиткими народы славы; при томъ тежъ жедаю того, жембы вашу милость моего милостиваго пана и добродѣя и вшиткихъ пріятелей вашихъ, оглѣдалъ въ столицѣ и въ моемъ убогомъ дому, не иначе, еле власне такъ якъ пана и государя отца моего. А что, государь, дѣлается на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ и о томъ о всемъ тобѣ роскажетъ той цнотливый человѣкъ и вѣрнѣ зычливый вашей милости діакъ Михайло Тюхинъ: онъ все самъ видѣлъ и я съ нимъ о всемъ къ тебѣ приказывалъ; а службы, государь, его и радѣнья ко государю королю и къ королевичю много. Да что государь я ималъ, по твоему разсказанью, у купетцкихъ людей бархаты и кам-

сальскаго—князя Андрея Өедоровича ([243]), Сигизмундъ жалуетъ въ должность «крайчаго съ путемъ» ([244]); о пожаловании имъ имѣній будемъ говорить ниже ([245]).

Активность стараній этой партіи въ пользу Сигизмунда, выразилась весьма ясно въ фактѣ отправленія къ польскому королю новыхъ грамотъ, съ которыми поѣхалъ изъ Москвы вышеупомянутый князь Андрей Өедоровичъ Мосальскій. Сущность ихъ во многомъ отступала отъ условій, которыя повезли предъ этимъ Филаретъ и Голицынъ, такъ что патріархъ Гермогенъ отказался даже скрѣпить ихъ своею подписью. На противурѣчіе этихъ грамотъ инструкціямъ Голицына, послѣдній самъ указывалъ, когда въ концѣ декабря Мосальскій явился подъ Смоленскъ и начались новые переговоры: «Намъ въ наказѣ написали и бить челомъ королю велѣли», -- говорилъ

ки и сукна, и я, государь, за тѣ бархаты и камки и сукна, послалъ къ тебѣ съ Михайломъ съ Тюхинымъ три пары соболей хорошихъ черныхъ, а далъ я за нихъ 60 рублевъ, да сорокъ соболей, а далъ я за нихъ 35 рублевъ: и будетъ, государь, пригодятся и ты милость покажи, вели принять, а я за то повиненъ служить вашей милости, покамѣста живъ буду. Да о чемъ, государь учнетъ тобѣ бить челомъ Михайло Тюхинъ, о моемъ дѣлѣ, и ты милость покажи надо мною, а про житье мое онъ тебѣ роскажетъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7119 генваря въ 1 день.» (Акты историч. т. II № 312).

([243]) См. № 99 родосл.

([244]) Записка грамотамъ и повелѣніямъ Сигизмунда III: «Пожаловали есмя князя Ондрея Өедоровича Мосальскаго, велѣли ему быть въ крайчихъ нашихъ государскихъ съ путемъ, а въ путь пожаловали есмя его городомъ Гороховцемъ». (Собр. госуд. грам. и догов. т. II № 218). Текстъ самой грамоты, отъ 5 дек. 1610 г., см. въ Акт. относ. къ ист. зап. Рос., т. 4, № 183).

([245]) Можно замѣтить, что и не одни Мосальскіе не брезговали въ описываемое время подачками изъ подъ Смоленска: такъ даже Мстиславскій не отказался отъ званія конюшаго, а бояринъ Шереметевъ ради своихъ «деревни-

Голицынъ ([246]),—«чтобы королевское величество отъ Смоленска отступилъ и всѣхъ бы своихъ людей изъ московскаго государства вывелъ, а теперь къ намъ бояре пишутъ, что они къ королю съ княземъ Андреемъ Мосальскимъ писали, били челомъ, чтобы король шелъ на вора подъ Калугу. Мы бьемъ челомъ королю по нашему наказу, чтобы шелъ въ свое государство,—князь Мосальскій бьетъ челомъ — чтобы шелъ подъ Калугу. Мы ничего этого незнаемъ, наводимъ на себя гнѣвъ королевскій, отъ васъ слышимъ многія жестокія слова. А князю Мосальскому съ такимъ дѣломъ можно бы и къ намъ пріѣхать и съ нами вмѣстѣ королю бить челомъ» ([247]).

Цѣль поѣздки князя Андрея Мосальскаго шла собственно еще далѣе; сторонники Сигизмунда старались о скорѣйшемъ прибытіи самого короля съ войсками въ столицу и походъ его подъ Калугу долженъ былъ служить маскировкой движенія польскихъ войскъ къ Москвѣ, т. е. Салтыковъ, князь Мосальскій-Рубецъ и прочіе приверженцы польскаго короля, выполняли въ этомъ случаѣ программу заранѣе условленную съ Сапѣгой, конечно съ согласія и жела-

---

шекъ» точно также унижался передъ Сапѣгой. (Соловьевъ: Ист. Рос. т. VIII).

([246]) Соловьевъ: Ист. Рос. т. VIII.

([247]) По нѣкоторымъ извѣстіямъ эти несогласіяп осповъ съ грамотами, привезенными княземъ Андреемъ Мосальскимъ, побудило короля отправить въ Москву требованіе, чтобы принудить Гермогена дать вмѣстѣ съ боярами повелѣніе посламъ согласиться на волю Сигизмунда. Гермогенъ, несмотря ни на что, остался твердъ въ своемъ отказѣ подписать грамоты и только еще нѣсколько бояръ присоединили свои подписи. По Голикову (Дополн. къ дѣян.

нія самого Сигизмунда, о чемъ напр. и Салтыковъ упоминалъ въ своемъ письмѣ къ литовскому канцлеру ([248]).

Дальнѣйшій ходъ событій однако не далъ этимъ планамъ осуществиться. Декабря 11-го тушинскій воръ былъ убитъ на охотѣ, гдѣ-то подъ Калугой, крещёнымъ татариномъ Урусовымъ ([249]) и характеръ московскихъ дѣлъ началъ быстро измѣняться. Въ послѣднихъ числахъ декабря Салтыковъ, князь Василій Михайловичъ Мосальскій и прочіе сторонники Сигизмунда, писали къ королю изъ Москвы, что въ послѣд-

---

Петра Великаго, т. II, 184)—въ числѣ подписей подъ грамотами, стояла и слѣдующая: «бояринъ и дворецкій князь Василій Михайловичъ Мосальской руку приложилъ».

([248]) «Да писалъ государь ты ко мнѣ», —сообщалъ Салтыковъ Сапѣгѣ,— «чтобы государю королю быти на Москвѣ, сына своего государьства созрить и устроить, и бояръ бы и всякихъ московскихъ людей мнѣ на то приводить: и я бояръ и всякихъ московскихъ людей на то приводилъ и къ тебѣ писалъ чтобы государю королю идти къ Москвѣ не мѣшкая, а славу-бъ пустить во всякихъ людѣхъ что идетъ на вора къ Колугѣ. А нынѣ я на то привелъ, что послали бити челомъ къ королю князя Ондрѣя и княжъ Ѳедорова сына Мосальского, чтобъ пожаловалъ король сына своего государство очистилъ, вора въ Колугѣ доступилъ и королю-бъ одноличпо идти къ Москвѣ не мѣшкая, а славу пустить во всѣ люди, что идетъ на вора къ Колугѣ». (Акты истор. т. II, № 306).

([249]) Сохранилось извѣстіе, что вмѣстѣ съ самозванцемъ погибъ въ то-же время и кто-то изъ князей Мосальскихъ: «Гналъ изъ полковъ Борисъ Лихоревъ мимо Устюжну въ Великій-Новгородъ» — писалъ устюжскій воевода Стрѣшневъ на Пермь и Верхотурье,—«а въ распросѣ сказалъ, что Божьею милостью съ четверга на пятницу въ осьмомъ часу ночи, декабря въ 29-мъ числу, прислали изъ таборъ всѣ русскіе люди да панъ Заруцкой, съ повинною, а въ таборѣхъ вора и его угодниковъ Мих. Салтыкова и князя Василья Мосальского и князя Звѣнигородского и иныхъ многихъ убили, и Заруцкой панъ и всѣ русскіе люди идутъ къ Москвѣ, а литва поднялась на побѣгъ». (Акты истор. т. II, № 276).

ней вѣсть о гибели самозванца произвела реакцію, въ смыслѣ открытой враждебности противъ поляковъ; короля они увѣдомляли, что—«вора убили, который назывался царевичемъ Дмитреемъ и въ то время на Москвѣ русскіе люди возрадовалися и стали межъ себя говорить, какъ бы де во всей землѣ всѣмъ людямъ соединятись и стати противъ литовскихъ лю-

---

О которомъ именно князѣ Василіѣ Мосальскомъ идетъ здѣсь рѣчь, остается совершенно темнымъ, тѣмъ болѣе, что извѣстные намъ въ это время лица князь Василій Мосальскій-Рубецъ, князь Василій Мосальскій-Литвиновъ и другіе, носившіе то-же имя, пережили 1610 годъ и снова нѣсколько позже встрѣчаются. Тѣмъ не менѣе приведенное извѣстіе весьма сближается еще и съ другими обстоятельствами; между многочисленными пожалованіями королемъ Сигизмундомъ вотчинъ разнымъ лицамъ, въ началѣ 1611 года, встрѣчаемъ роздачу и такихъ, которыя принадлежали до того князю Василію Мосальскому (?), причемъ о послѣднемъ упоминается какъ о недавно умершемъ. Такъ въ мартѣ 1611 года, въ одномъ изъ упомянутыхъ пожалованій, говорится: «Билъ намъ челомъ (Ив. Салтыковъ) а сказалъ—братьѣ деи его за службы даваны села у вотчины, а ему за службы его у вотчину ни одного села не дано и намъ бы его пожаловати въ Козельскомъ уѣздѣ изъ княжъ Васильевскаго помѣстья Мосальскаго селомъ Дудинымъ съ деревнями у вотчину. А нынѣ князя Василья Мосальскаго не стало и мы великій господаръ.... пожаловали есьмо, велѣли ему то княжь Васильевское помѣстье Мосальскаго у вотчину дать». Точно также по челобитью Сигизмунду Ѳ. Шереметева, говорится, что ему прежде сего было пожаловано въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ помѣстье князя Василья Мосальскаго (?). (Акты относ. къ ист. зап. Рос., т. 4, № 183).

По всей вѣроятности рѣчь здѣсь идетъ объ имѣніяхъ именно того Мосальскаго, который погибъ съ самозванцемъ въ Калугѣ, такъ какъ другаго умершаго въ это время,—не знаемъ. Изъ сказанныхъ-же пожалованій видно, что упомянутое село Дудино было дано Мосальскому королемъ въ мартѣ 1610 года, а именно—онъ получилъ «въ Козельскомъ уѣздѣ сельцы Дудино, Волосово, Плахинъ съ деревнями и въ уѣздѣ Волоцкомъ—волость, а въ ней сельцо Новое, сельцо Старое Никольское съ деревнями, въ Мещовскомъ уѣздѣ сельцо Рожествено, сельцо Мочалово съ деревнями» (тамъ-же). Есть поводъ еще заключить, что упоминаемаго Мосальскаго также звали, какъ кажется, Василіемъ

дей, чтобъ литовскіе люди изъ всее земли московскія вышли всѣ до одного, на чемъ крестъ цѣловали....» ([250]).

Дѣйствительно, смерть самозванца послужила какъ бы сигналомъ, для всеобщаго соединенія даже тѣхъ русскихъ элементовъ, которые до сихъ поръ тянули сторону калужскаго царика, предпочитая лучше стоять подъ знаменемъ послѣдняго, нежели помогать иновѣрцамъ полякамъ; теперь, съ исчезновеніемъ самозванца, объектомъ враждебныхъ дѣйствій явились для всѣхъ нахлынувшіе въ Россію войска Сигизмунда и поляки завладѣвшіе Москвою, явилась общая для всѣхъ цѣль освобожденія отечества отъ порабощенія иноземцами и въ этомъ смыслѣ агитація распространялась повсемѣстно.

1611 годъ засталъ Россію среди сбора ополченій; грамоты Гермогена изъ Москвы призывали всѣхъ вооружиться на помощь родинѣ, города сносились другъ съ другомъ, организуя помощь общему дѣлу, и въ Мартѣ отдѣльныя ополченія уже начали массироваться, стягиваясь къ разнымъ пунктамъ. Въ Калугѣ ратныхъ людей собиралъ князь Трубецкой, въ Рязани Ляпуновъ, во Владимірѣ — извѣстный уже намъ князь Василій Ѳедоровичъ Мосальскій-Литвиновъ и т. д.

Михайловичемъ, ибо выше было сказано, что Салтыковъ выпрашивалъ себѣ имѣнья послѣ смерти Мосальскаго, а между тѣмъ видно (Акты ист. т. II, № 311), что онъ успѣлъ получить ихъ и изъ тѣхъ, которыми князь Василій Мосальскій владѣлъ въ Рязанскомъ уѣздѣ, именно сельцо Киструсъ и Ижевескъ съ деревнями, пожалованныя въ декабрѣ 1610 года князю Василію Михайловичу. (Акты относящ. къ ист. зап. Рос. т. 4, № 183).

([250]) Акты Археогр. Эксп. т. II, № 176.

О послѣднемъ писали напр. нижегородцы къ вологжанамъ, что въ февралѣ—«изъ Мурома окольничей и воеводы князь Василій Ѳедоровичъ Мосальской съ товарищи, а съ ними много разныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе и стрѣльцы и казаки, многіе люди пошли въ Володимеръ» ([251]). Въ мартѣ собравшіяся ополченія потянулись къ Москвѣ и 1-го апрѣля подошли къ стѣнамъ столицы, около которой расположились отдѣльными станами: Ляпуновъ — на берегахъ Яузы, Трубецкой съ Заруцкимъ — противъ Воронцовскаго поля, ярославское и костромское ополченія — у Покровскихъ воротъ, Измайловъ — у Срѣтенскихъ и князь Мосальскій-Литвиновъ — у Тверскихъ ([252]).

Съ обложеніемъ Москвы, подъ стѣнами ея началась длинная эпопея битвъ и стычекъ, за которыми мы слѣдить уже не будемъ, такъ какъ въ извѣстіяхъ о всѣхъ дальнѣйшихъ событіяхъ, имена князей Мосальскихъ болѣе не встрѣчаются. Отмѣтимъ только, что въ одной изъ этихъ битвъ палъ вышеупомянутый князь Василій Ѳедоровичъ Мосальскій, но когда именно и гдѣ — неизвѣстно; въ «Послужномъ спискѣ старинныхъ бояръ» подъ 1612 годомъ читаемъ только: — «Убитъ подъ Москвой окольничій князь Василій Ѳедоровичъ Литвиновъ-Мосальскій ([253]). Въ этомъ-же году окончилъ свою бурную, испещренную темными страницами, жизнь и князь Ва-

---

([251]) Акты Археогр. Эксп. т. II, № 177.

([252]) Съ нимъ вмѣстѣ стали и 200 стрѣльцовъ съ слугами, присланными изъ Троицы-Сергіева монастыря подъ начальствомъ Палицына. (Костомаровъ: «Московс. разворенье»).

([253]) Древняя россійс. вивліоѳика, ч. XX.

15

силій Михайловичъ Мосальскій-Рубецъ ([254]), одинъ изъ главныхъ дѣятелей смутнаго времени, закончившагося наконецъ въ 1613 году избраніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича. Въ числѣ подписей подъ актомъ этого избранія, встрѣчаемъ также имя стольника князя Василія Мосальскаго ([255]).

([254]) Въ «Послужномъ спискѣ» подъ 1612 г. отмѣчено: «умеръ бояринъ князь Василій Михайловичъ Мосальскій — Рубецъ». Подтвержденіе тому-же находимъ въ вкладной книгѣ Троицы-Сергіевой лавры, 1673 года; въ ней (гл. 411) значится: «120 году (1612) по князѣ Михаилѣ Александровичѣ Мосальскомъ дала вкладу княгиня Марья кубокъ серебрянъ золоченъ съ покрышкою ложчатою на фряское дѣло, по пузу ложки долгіе; да шубу кунью покрыта камкою кизылбашскою, шелкъ червчатъ да шелкъ желтъ, одиннадцать пугвицъ серебряныхъ позолоченныхъ; охобень обьяри обгулинные, кружпво золотное съ серебромъ нѣмецкое кованое большое, одѣяло бѣлье покрыто отласъ лазоревъ круги золоты рыбки серебряны грива бархатъ червчатъ въ цѣну за шесть рублевъ, и за тотъ вкладъ князя Михайла да сына его князя Василья написали въ сенодики».

Въ одномъ изъ синодиковъ XVII в., московскаго Чудова монастыря, читаемъ: «Родъ боярина и дворецкаго князя Василья Михайловича Мосальскова: князя Василья, княгиню иноку Марѳу» (рукоп. Имп. публ. библ., отд. IV, № 194, л. 97). О смерти этого-же Мосальскаго упоминается и въ лѣтописяхъ, въ связи съ приведеннымъ уже эпизодомъ при присягѣ Москвы Владиславу въ 1610 году, когда Салтыковъ, Мосальскій и друг. явились къ Гермогену въ Успенскій соборъ (см. стр. 217). Лѣтописецъ далѣе продолжаетъ: «По мале бо времяни князь Василій Мосальской.... и друг., помроша злою скорою смертью, якоже многимъ людемъ отъ того устрашитись отъ такія злыя смерти; у иного языкъ вытянулся до самыхъ грудей, у инова челюсти распадошась яко и нутренняя вся видѣти, а иные живы сгниша.» (Никон. лѣт. т. VIII, 142).

([255]) Вѣроятно князя Василія Ивановича (см № 86 родосл.), носившаго въ это время упомянутое званіе (Спиридовъ: «Матер. для ист. дворянс. родовъ» рукоп. Импер. публ. библ.). Въ самой грамотѣ объ избраніи значится только: «Стряпчей Емельянъ Бутурлинъ и въ стольника въ князь Васильево мѣсто Мосальскова» (росписался). (Собр. госуд. грам. и догов. т. I, № 203).

Передъ колоссальными потрясеніями смутнаго времени, пережитыми Россіей, прочія событія исторической ея жизни въ XVII столѣтіи, естественно кажутся имѣющими уже меньшее значеніе, такъ что періодомъ самозванцевъ исчерпываются вмѣстѣ съ тѣмъ самые крупные факты и изъ исторіи описываемой фамиліи.

Дальнѣйшая связь рода князей Мосальскихъ, съ прочими историческими событіями XVII вѣка, выражается только участіемъ въ различныхъ военныхъ дѣйствіяхъ значенія второстепеннаго, которыхъ однако также нельзя пройти молчаніемъ.

Такъ еще въ самомъ началѣ XVII стол., въ современныхъ розрядахъ встрѣчаемъ, знакомаго уже намъ князя Василія Михайловича Мосальскаго-Рубца, назначеннымъ на службу въ самыя далекія окраины Россіи,—въ Сибирь. По упомянутымъ розрядамъ (256) это было въ 1601 году: воеводой въ Тобольскъ былъ посланъ Ѳ. Шереметевъ и при немъ головы—князь Мосальскій и Григ. Образцовъ (257). Тогдаш-

(256) См. Симбирскій сборникъ.

(257) О князѣ Василіѣ Мосальскомъ-Рубцѣ упоминаетъ и Никон. лѣтопись (т. VIII, 39), но время означаетъ нѣсколько раньшее; между тѣмъ въ «Запискахъ сибирской исторіи» (Древн. рос. вивл. т. III, 117) упоминаются лица совсѣмъ другія, хотя между ними и называется князь Василій Михайловичъ, но Мосальскій-Кольцовъ! Такого лица однако ни въ которыхъ родословныхъ не встрѣчается, почему надо думать, что оно названо въ «Запискахъ» ошибочно.

(258) Щербатовъ (Ист. Рос. т. VII, ч. 1); Фишеръ—Сибирская исторія. Въ Никон. лѣтоп. также:—«Тое же зимы (7107 г.) посла въ Сибирь воеводъ своихъ и повелѣ поставити градъ Монгазею, а ставилъ градъ князь Василей Мосальской-Рубецъ» (т. VIII). Названіе новому городу «Мунгазей» дано (Сибирс. ист.)

нія задачи мѣстной администраціи направлялись къ утвержденію правительственной власти въ разныхъ пунктахъ страны, куда проникала частная предпріимчивость, эксплоатировавшая полудикое населеніе различныхъ заброшенныхъ, невѣдомыхъ даже до тѣхъ поръ, уголковъ края, и дѣйствовавшая исключительно въ свою пользу, прикрываясь однако именемъ правительства. Такъ напр. разные промышленники и казаки засѣли около рѣкъ Туры и Таза, проникли къ морскимъ берегамъ между Обью и Енисеемъ и вездѣ сбирали съ самоѣдовъ, остяковъ и другихъ инородцевъ ясакъ въ свою пользу, подъ видомъ сбора его въ казну. Для прекращенія подобнаго порядка и установленія настоящей правительственной власти, было еще въ 1600 г. рѣшено построить на рѣкѣ Тазѣ «городъ», но экспедиція Шаховскаго, снаряженная съ этою цѣлью, окончилась полной неудачей; осуществить ее выпало на долю князя Василія Мосальскаго-Рубца. Въ 1601 г. Мосальскій съ 200 казаковъ отправился къ берегамъ рѣки Таза и здѣсь, въ 200 верстахъ отъ устья, поставилъ «городъ», названный имъ Мангазеей ([258]), гдѣ и былъ въ 1602 г. воеводой ([259]).

Почти одновременно съ этимъ, на другой далекой окраинѣ Россіи, встрѣчаемъ дѣйствующимъ лицомъ князя Владиміра Васильевича Мосальскаго-Кольцова, но въ обстоятельствахъ совершенно иныхъ,—какъ участника событія лишивша-

---

по имени жившаго здѣсь самоѣдскаго рода Моказее, но по словамъ той-же Сибирс. исторіи,—городъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ пришелъ въ запустеніе и новая Мангазея (Туруханскъ) была заложена на устьѣ рѣки Турухана.

([259]) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ (рукоп. Импер. публ. библ.).

го Россію всѣхъ ея пріобрѣтеній на Кавказѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1605 года русскими было предпринято возведеніе нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ въ Шамхальской области, почему состоялось распоряженіе двинуть отрядъ войскъ на р. Койсу (гдѣ былъ городокъ, заложенный русскими еще при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ) и въ Шамхальскую область. Воеводой на Койсу былъ Долгорукій, а въ шамхальство двинулся Бутурлинъ, Плещеевъ и другіе, въ числѣ которыхъ по современнымъ розрядамъ ([260]) былъ и упомянутый Мосальскій. Шамхалъ, стѣсненный прибытіемъ русскихъ, обратился за помощью къ туркамъ, которые соединившись съ разными горскими племенами, подступили къ пунктамъ занятымъ Бутурлинымъ и осадили послѣдняго въ Таркахъ. Храбрый воевода однако успѣшно отбивалъ всѣ приступы многочисленныхъ враговъ, но и самъ несъ при этомъ большія потери, увеличивавшіяся еще отъ начавшихъ развиваться среди осажденныхъ болѣзней и недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Въ довершеніе всего удачный взрывъ подкопа, подведеннаго непріятелемъ подъ одну изъ башень, недостроенныхъ впрочемъ укрѣпленій Тарковъ, лишилъ осажденныхъ многихъ храбрыхъ защитниковъ. Все это заставило наконецъ Бутурлина рѣшиться принять предложеніе непріятеля—очистить укрѣпленія, за что турки обѣщали ему свободный пропускъ въ предѣлы Россіи. Но воевода дорого

([260]) «Того-жъ 112 году посланъ въ горскіе черкасы Шемхала воевать, въ Тарки городовъ ставить: Въ Большомъ полку окольничій Бутурлинъ да О. Плещеевъ, въ Передовомъ полку князь Бахтеяровъ—Ростовской да И. Полевъ, въ Сторожевомъ полку И. Головинъ да князь Володимеръ Васильевичъ Кольцовъ-Мосальскій». (Симбирскій сборникъ: розряды).

заплатилъ за свою довѣрчивость. Едва русскіе вышли изъ крѣпости и отошли въ степь, какъ были окружены массой непріятеля и послѣ отчаяннаго кровопролитнаго боя, почти весь отрядъ подвергся истребленію. До 7000 человѣкъ остались на мѣстѣ, палъ самъ Бутурлинъ и почти всѣ его воеводы, частью перебитыя, частью захваченныя въ плѣнъ; спасся только князь Владиміръ Мосальскій: съ небольшимъ остаткомъ отряда онъ успѣлъ добраться до Койсу и присоединиться къ Долгорукому, который въ свою очередь опасаясь нападенія, рѣшился сжечь свой городокъ съ имѣвшимися запасами и ушелъ на устье Терека ([261]).

Таковъ былъ конецъ этой экспедиціи, давшей въ результатъ только потерю того, чѣмъ Россія уже владѣла въ Дагестанѣ.

Затѣмъ имена князей Мосальскихъ встрѣчаемъ еще въ лѣтописяхъ другихъ военныхъ событій XVII ст., какъ напр., въ польской кампаніи 1632—34 г., въ пресловутыхъ крымскихъ походахъ Голицына и походѣ Азовскомъ. Во время войны съ Владиславомъ, главный актъ которой розыгрался подъ Смоленскомъ, войны окончившейся сдачей всей русской арміи осаждавшей послѣдній, цѣпь неудачъ преслѣдовала русское оружіе, такъ что въ Москву только изрѣдка приходили вѣсти объ отдѣльныхъ мѣстныхъ успѣхахъ нѣкоторыхъ русскихъ отрядовъ, успѣхахъ, не приносившихъ впрочемъ существенныхъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе два изъ такихъ удачныхъ дѣлъ связаны съ

([261]) Щербатовъ: Ист. рос. т. 7, ч. 1; Никон. лѣт. VIII, и друг.

именемъ князя Андрея Өедоровича Мосальскаго ([262]), бывшаго воеводой въ Путивлѣ съ 1630 года. Въ современныхъ извѣстіяхъ занесены два извѣстія, присланныя имъ въ 1633 году: первое—что «посылали они (Мосальскій и Уваровъ) отъ себя головъ въ литовскую землю воевать и они пришедъ у города Ромена два острожка взяли и посады пожгли и литовскихъ людей побили», второе—объ отраженіи и разбитіи поляковъ, явившихся подъ Путивль вскорѣ послѣ упомянутаго случая. Эти два удачныхъ дѣла вызвали даже присылку воеводамъ наградъ изъ Москвы: «Февраля въ 9 день послалъ Государь въ Путивль къ воеводамъ ко князь Андрею княжъ Өедорову сыну Литвинову-Мосальскому да къ И. Уварову съ своимъ государевымъ жалованьемъ, съ милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать и съ золотыми» ([263]).

Въ обоихъ походахъ Голицына въ Крымъ, 1687 и 1689 г., участниками были и нѣсколько лицъ изъ князей Мосальскихъ, но только двое изъ нихъ занимали болѣе видное положеніе въ арміи Голицына, именно князь Иванъ Михайловичъ и князь Яковъ Ивановичъ ([264]), остальные-же состояли въ должностяхъ болѣе или менѣе заурядныхъ.

Такъ въ первомъ походѣ 1687 года современные документы поименовываютъ ([265]): На службѣ великихъ государей...

([262]) См. № 99 родословной.

([263]) Дворцовые разряды, т. II, 312, 317.

([264]) См. №№ 144 и 166 родосл.

([265]) Московс. арх. мин. юст. (Книги московс. стола № 130, л. 681).

въ Большомъ полку князя Вас. Вас. Голицына въ полковыхъ чинѣхъ: Посылочные воеводы... князь Иванъ княжъ Михайловъ сынъ Кольцовъ-Мосальскій. У стольниковъ ротмистръ князь Андрей княжъ Михайловъ сынъ Кольцовъ-Мосальскій. У стольниковъ поручикъ князь Өедоръ княжъ Михайловъ сынъ Кольцовъ-Мосальскій. У стольниковъ хорунжій князь Борисъ княжъ Михайловъ сынъ Кольцовъ-Мосальскій ([266]). Кромѣ того упоминается еще ([267]) въ числѣ стольниковъ князь Яковъ Ивановичъ Кольцовъ-Мосальскій ([268]), исправлявшій должность «завоеводчика» ([269]). Назначенія эти, т. е. на должности низшія, разныхъ лицъ воспитанныхъ въ старыхъ порядкахъ, вызвали однако весьма своеобразный протестъ, со стороны нѣкоторыхъ противниковъ новой чиновной терминологіи. Дѣло въ томъ, что когда «великіе государи указали быть на своей службѣ въ Крымскомъ походѣ по полкамъ боярамъ и воеводамъ» и велѣно было имъ въ своихъ полкахъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ, дворянъ городовыхъ и дѣтей боярскихъ расписать въ въ сотни и къ тѣмъ сотнямъ выбрать головъ по своему разсмотрѣнію, то родился вопросъ—что въ 1681 году при царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ было порѣшено расписывать войско не въ сотни, а въ роты, и быть у сотенъ не головамъ, а ротми-

---

(266) См. №№ 144, 145, 146 и 147—родосл. Трое послѣднихъ состояли въ 4-ой стольничьей ротѣ (Моск. арх. мин. юст.: Кн. моск. ст. № 132, л. 13).

(267) Московс. арх. мин. юст. (Книги смотреныхъ списковъ, № 59, л. 125).

(268) См. № 166 родосл.

(269) Миллеръ: Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ.

страмъ и прочимъ чинамъ ([270]), слѣдовательно спрашивалось— чего-же предстояло держаться въ настоящемъ случаѣ? Вопросъ разрѣшился однако въ указанномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ новой чиновной градаціи, что и породило партію недовольныхъ состоявшимися назначеніями, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заговорило уязвленное тщеславіе, неудовлетворенное тѣмъ или другимъ назначеніемъ, въ другихъ-же быть можетъ дѣйствовала просто непріязнь ко всякимъ нововведеніямъ. Коноводами этой партіи были стольники князь Долгорукій, князь Щербатый, Дмитріевъ и который-то изъ поименованныхъ выше Мосальскихъ ([271]), устроившіе по поводу этого Голицыну враждебную демонстрацію. Когда послѣ продолжительныхъ сборовъ, Голицынъ сдѣлалъ своей арміи смотръ

([270]) Обстановка этого постановленія весьма любопытна. «Въ прошломъ въ 189 году, въ книгѣ соборнаго уложенія о ратномъ строѣ написано: Въ полатѣ бояромъ ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ князю В. В. Голицыну выборные люди говорили, чтобъ онъ великій государь указалъ—стольникамъ и стряпчимъ и дворянамъ московскимъ и жильцомъ служить полковую службу по прежнему и росписать ихъ всѣхъ въ роты, а не въ сотни; а вмѣсто сотенныхъ головъ для лутчего устроенія и крѣпкого противъ непріятеля стоянія быть у нихъ ротмистромъ и поручикомъ изъ стольниковъ и изъ стряпчихъ и изъ дворянъ и изъ жильцовъ и изо всѣхъ родовъ и чиновъ съ головы безъ перемѣнно и межъ себя безъ мѣстъ и безъ подбору кому въ какомъ чину онъ великій государь быть укажетъ, а быть въ полку по шести ротъ, а въ ротѣ по 60 человѣкъ; и тѣхъ ротмистровъ съ ихъ роты вѣдать старшему ротмистру. И блаженныя памети великій государь.... Θеодоръ Алексѣевичъ слушавъ тѣ статьи указалъ тому всему быть такъ, какъ въ полатѣ бояромъ выборные люди говорили». (Моск. арх. мин. юст.: Книги моск. стола № 131, л. 312).

([271]) Имя неизвѣстно; быть можетъ князь Θедоръ, или Борисъ, какъ занявшіе сравнительно низшее положеніе въ рядахъ арміи.

въ Ахтыркѣ, то глазамъ собравшагося войска представилось куріозное зрѣлище: Мосальскій, Долгорукій и другіе, какъ бы пророчествуя зловѣще неудачу похода, облеклись въ трауръ,— надѣли на себя черное платье, нарядили въ трауръже не только и людей своихъ, но покрыли черными попонами даже лошадей, и въ такомъ видѣ выѣхали на смотръ главнокомандующаго... Демонстрація эта, несмотря на свой шутовской характеръ, произвела однако сильное впечатлѣніе на войска, расположенныя уже искать предзнаменованій въ своемъ невѣжественномъ суевѣріи; ктому-же Голицынъ зналъ, что въ его рядахъ есть множество лицъ, готовыхъ присоединиться къ заговорщикамъ, почему для пресѣченія дальнѣйшаго рѣшился принять энергическія мѣры. Въ Москву о случившемся было послано донесеніе, въ которомъ онъ требовалъ наказанія, способнаго бы привести виновныхъ въ трепетъ, какъ изобличившихъ себя въ государственной измѣнѣ,— въ «пророчествѣ и противности къ государеву лицу»;—«чтобы не потакнуто было», писалъ Голицынъ ([272]),—«такъ бы разорить, чтобъ вѣчно въ старцы, и деревни неимущимъ того часу раздать; учиненъ бы былъ такой образецъ, чтобы всѣ задрожали».

Дѣйствительно, виновники демонстраціи узнавъ о готовящейся карѣ—струсили и явились къ Голицыну съ повинною, умоляя о прощеніи. Голицынъ рѣшилъ помиловать раскаявшихся и не далъ хода полученному уже изъ Москвы суровому указу. «А что присланы статьи о Долгорукомъ, Щер-

([272]) Соловьевъ: Ист. Рос., т. 14.

батомъ и Мосальскомъ и Дмитріевѣ», — писалъ онъ снова въ столицу ([273]), — «они увѣдали то прежъ по письму съ Москвы и пришли ко мнѣ всѣ со слезами, что впредь того не дѣлать. И я на слезы ихъ то имъ уступилъ, надѣясь на милость государскую, — сказывать не велѣлъ».

Тѣмъ вся исторія и кончилась. Въ маѣ мѣсяцѣ стотысячная армія выступила въ походъ и въ іюлѣ пришла къ Конскимъ Водамъ, гдѣ оказалось, что далѣе всѣ степи объяты пожаромъ. Попытка проникнуть въ горѣвшіе луга, показала полную невозможность дальнѣйшаго движенія войскъ; послѣднія могли при подобныхъ условіяхъ сдѣлать лишь нѣсколько верстъ въ сутки, встрѣчая нужду въ кормѣ, водѣ и теряя множество людей въ этомъ знойномъ чаду. Голицынъ видѣлъ неизбѣжность отказаться отъ дальнѣйшаго углубленія въ степь и, заручившись рѣшеніемъ собраннаго по этому поводу совѣта, повернулъ назадъ. Походъ окончился полной неудачей, несмотря на что многіе участники его были однако пожалованы щедрыми наградами, между прочимъ и князь Иванъ Михайловичъ Мосальскій-Кольцовъ, получившій — «придачи помѣстнаго оклада 250 четвертей и денегъ 30 рублевъ» ([274]).

Второй Крымскій походъ, 1689 года, былъ не лучше; — армія того-же Голицына хотя и добралась до Перекопа, но не предпринявъ даже попытки завязать серіозное дѣло, обратилась отъ Перекопа вспять. Въ Москвѣ тѣмъ не менѣе были распущены слухи о небывалыхъ побѣдахъ Голицына, совер-

---

([273]) Устряловъ: Ист. Петра Вел., т. I, прил. VII, 29.

([274]) Собр. госуд. грам. и догов. т. IV, № 188.

шены благодарственные молебны и возвращающемуся «побѣдителю» съ его сподвижниками посланы опять щедрыя награды. Изъ князей Мосальскихъ въ походѣ этомъ учавствовали тѣ-же лица, что и въ 1687 году ([275]), и изъ нихъ князь Иванъ Михайловичъ показанъ «воеводой у знамени», получившимъ вмѣстѣ съ Головинымъ, Бутурлинымъ и другими въ награду—«по кубку золоченому съ кровлями, по кафтану золотному па соболяхъ, денежныя придачи и за помѣстный (окладъ) по 60 рублевъ, на вотчины по 600 ефимковъ» ([276]).

Затѣмъ изъ тѣхъ-же упоминаемыхъ Мосальскихъ встрѣчаемъ участниками втораго Азовскаго похода, 1696 г., князей Якова Ивановича, Бориса и Ивана Михайловичей ([277]). Изъ нихъ послѣдній, въ слѣдующемъ 1697 году, былъ посланъ въ Острогожскъ, для сбора и записки ратныхъ людей, назначавшихся съ Шеинымъ для военныхъ дѣйствій около покореннаго уже Азова; въ числѣ собравшихся упоминаются тѣ-же князья Яковъ и Борисъ и еще князь Ѳедоръ Михайловичъ ([278]), но въ какихъ должностяхъ состояли они—неизвѣстно.

Впрочемъ годъ спустя, т. е. въ 1698 г., князь Иванъ Михайловичъ является уже въ высокомъ военномъ рангѣ генералъ-поручика, товарищемъ Шеина въ извѣстномъ дѣлѣ

([275]) Московс. арх. мин. юст. (Книги Московс. стола № 143, л. 145–147).

([276]) Собр. госуд. грам. и догов. т. IV, № 198. Князь Ѳедоръ Михайловичъ (см. № 146 родосл.) показанъ въ этомъ походѣ ротмистромъ и былъ раненъ.

([277]) Московс. арх. мин. юст. (Кн. моск. ст. № 155, л. 569, 606; № 161, л. 207).

([278]) Тамъ-же (Кн. моск. ст. № 161, л. 74, 81); Дворц. розр. т. IV, 1014.

усмиренія взбунтовавшихся стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Когда въ упомянутомъ году, во время пребыванія Петра Великаго за границей, обнаружилось мятежное настроеніе четырехъ стрѣлецкихъ полковъ, находившихся въ Великихъ Лукахъ, то въ Москвѣ рѣшили прибѣгнуть къ силѣ и объявленъ былъ указъ: «Велѣно быть на его великаго государя службѣ боярину и воеводѣ А. С. Шеину съ Большимъ полкомъ, а съ нимъ бояриномъ быть въ товарищахъ генералу П. И. Гордону, генералу-жъ поручику князю Ивану Михайловичу Кольцову-Мосальскому, думному дьяку Л. Домнину, дьякамъ......., противъ ослушниковъ московскихъ четырехъ стрѣлецкихъ полковъ, которые по его великаго государя указу съ Лукъ Великихъ на службу въ указные мѣста не пошли и учинились ослушны, и полковниковъ и начальныхъ людей отъ себя изъ полковъ выслали, а вмѣсто полковниковъ выбрали у себя воровъ свою братью стрѣльцовъ и забунтовали и шли къ Москвѣ для воровства и раззоренья и возмущенія, самовольствомъ» (279). Въ собранномъ для подавленія мятежа войскѣ, современные документы упоминаютъ между прочимъ еще нѣсколькихъ лицъ изъ Мосальскихъ-Кольцовыхъ, именно князей Ѳедора и Бориса Михайловичей, князя Якова Ивановича и князя Димитрія Андреевича (280). Въ іюнѣ мѣсяцѣ Шеинъ встрѣтилъ мятежниковъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, на переправѣ у рѣки Истры и, пытаясь сначала убѣжденіями образумить стрѣльцовъ, два

(279) Моск. арх. мин. юст. (Кн. Моск. стола № 161, л. 813).

(280) Моск. арх. мин. юст. (Кн. моск. ст. № 161, л. 818). См. №№ 146, 147, 166 и 171 родосл.

раза посылалъ къ нимъ для переговоровъ, первый разъ Гордона, второй—князя Ивана Михайловича Мосальскаго, но ни тотъ, ни другой успѣха не имѣли. Первому стрѣльцы отвѣчали, что или помрутъ или будутъ на Москвѣ, ко второму вышелъ для отвѣта нѣкто Зоринъ и предъявивъ челобитную требовалъ, чтобы ее прочли предъ войсками Шеина ([281]), чего конечно также допущено не было. Осталось прибѣгнуть къ силѣ оружія; дѣйствіемъ артиллеріи Шеина стрѣльцы были разсѣяны, послѣ чего началась немедленно казнь мятежниковъ, не смотря на совѣты Гордона и Мосальскаго, возстававшихъ противъ ея поспѣшности, какъ вредящей успѣху разслѣдованія всего дѣла. Казнивъ до 165 человѣкъ и разославъ множество по тюрьмамъ, Шеинъ окончилъ свою задачу и распустивъ войско возвратился въ Москву.

Обращаясь отъ военныхъ событій XVII столѣтія, въ связи ихъ съ исторіей описываемой фамиліи, къ сферѣ гражданскихъ службъ князей Мосальскихъ, въ современныхъ документахъ встрѣчаемъ множество извѣстій о назначеніяхъ Мосальскихъ на воеводства, о нарядахъ на участіе въ разныя церемоніи и т. п., но такъ какъ всѣ эти извѣстія заключаютъ въ себѣ лишь голый перечень самыхъ назначеній и не представляютъ ничего выдающагося, то онъ будетъ приведенъ ниже особо ([282]), здѣсь же можно сказать лишь, что наиболѣе замѣтными лицами въ упоминаемомъ отношеніи (т. е. по количеству сохранившихся о нихъ данныхъ въ розрядахъ),

([281]) Соловьевъ: Ист. Рос. т. 14. 252—254.

([282]) См часть 2-ую.

выдвигаются князь Андрей Өедоровичъ Мосальскій-Литвиновъ и князь Иванъ Михайловичъ Мосальскій-Кольцовъ ([283]), въ особенности первый, всего чаще упоминаемые современною хроникою тогдашней жизни Руси.

Перейдемъ къ сохранившимся извѣстіямъ о внутреннемъ бытѣ князей Мосальскихъ.

Въ предшествовавшей главѣ уже упомянуто, что въ половинѣ XVI вѣка большинство представителей ихъ въ Россіи, были вотчинниками покрайней мѣрѣ части своего прежняго родоваго удѣла. Въ началѣ XVII столѣтія князья Мосальскіе сдѣлали попытку закрѣпить за собой тотъ-же свой удѣлъ и въ 1610 году отправили, къ находившемуся подъ Смоленскомъ королю Сигизмунду, челобитье, чтобы утвердить за ними — «отчизну ихъ старую замокъ Мосальскъ». Оно было подано отъ имени восмерыхъ членовъ описываемой фамиліи, принадлежавшихъ къ тремъ вѣтвямъ ихъ рода (т. е. къ Мосальскимъ-Кольцовымъ, Литвиновымъ и Клубковымъ) и безъ труда достигло успѣха, такъ какъ въ то время подъ Смоленскомъ щедрой рукой раздавались челобитчикамъ всевозможныя пожалованія, раздавались легко и нерѣдко даже такимъ лицамъ, которыя не имѣли никакого юридическаго основанія для своихъ претензій, почему въ результатѣ случалось, что удовлетворяя разнымъ исканіямъ приходилось потомъ отнимать обратно отданное, оказывавшееся напр. уже пожалованнымъ другому лицу раньше, и т. д. ([284]).

([283]) См. №№ 99 и 144 родосл.

([284]) Такъ напр. Лыкову было пожаловано изъ помѣстьевъ Василія

Какъ бы то не было, но въ декабрѣ 1610 года князья Мосальскіе получили отъ польскаго короля «листъ» слѣдующаго содержанія: «Билъ намъ чоломъ бояринъ нашъ князь Василій Михайловичъ Мосальскій (285) съ братьею и съ племянниками своими, съ княземъ Васильемъ, съ княземъ Андреемъ Өедоровичами (286), съ княземъ Иваномъ Володимеровичемъ (287), съ княземъ Володимеромъ Ивановичемъ (288), съ княземъ Иваномъ Даниловичемъ, съ княземъ Иваномъ Львовичемъ (289) и съ княземъ Семеномъ Васильевичемъ (300) Мосальскими, абы есьмо отчизну ихъ старую замокъ Мосальскъ при нихъ зоставили и листомъ нашимъ утвердили. И мы, господаръ, по ихъ вѣрной къ намъ господару и сыну

Мосальскаго села Киструсъ и Ижевескъ на Рязани (ср. вын. 249), а затѣмъ эти-же имѣнія выпросилъ себѣ Салтыковъ; Лыкову пришлось подавать Сигизмунду новую челобитную, о возстановленіи своихъ правъ. (Акты истор. т. II, № 311). Въ концѣ декабря 1610 г. Сигизмунду жаловался Гундоровъ, что — «Князь Петръ Володимеровъ сынъ Мосальскій насильственно отнялъ у него отчизну его въ Суздальскомъ уѣздѣ, а помѣстье—князь Оболенскій, сказавши что онъ (Гундоровъ) до вора отъѣхалъ былъ», но такъ какъ послѣднее оказалось ложнымъ, то челобитчику и выданъ былъ листъ, въ которомъ король приказываетъ—«тая отчизна и помѣстье ему знову привернуты». (Акты, отн. къ ист. зап. Рос. т. 4, № 183). Точно также князь Василій Михайловичъ Мосальскій-Рубецъ выпросилъ себѣ, между прочимъ, рязанскія имѣнія Корабиныхъ, но новымъ распоряженіемъ онѣ были у него отобраны и возвращены прежнимъ владѣльцамъ (тамъ-же).

(285) Рубецъ, извѣстный дѣятель смутнаго времени (см. № 107 родосл.)

(286) Мосальскіе-Литвиновы (см. №№ 98 и 99 родосл.)

(287) Мосальскій-Кольцовъ (см. № 95 родосл.)

(288) Мосальскій-Клубковъ (см. № 83 родосл.)

(289) Вѣроятно Мосальскіе-Клубковы (см. №№ 108 и 110 родосл.)

(300) Вѣроятно Мосальскій-Клубковъ (см. № 129 родосл.)

нашому королевичу Владиславу Жигимонтовичу службѣ, до которой и впередъ ихъ охотнѣйшими хотячи мѣти, тую отчизну ихъ замокъ Мосальскъ съ селы, съ деревнями, съ крестьяны и со всими до него принадлежностями и пожитками здавна належачими, имъ вышей мененымъ особамъ князем Мосальским потвердили есьмо и симъ листомъ нашимъ потверждаемъ. Маютъ они тую отчизну свою со всими пожитками держати и уживати таковымъ-же правомъ, яко и до сего часу держали и уживали, а намъ и сыну нашому вѣрою и правдою служити и прямити» ([301])).

Изъ этой-же грамоты видно, что во всякомъ случаѣ родъ

([301]) Грамота помѣчена подъ Смоленскомъ, отъ 5-го дек. 1610 г. (Акты относ. къ ист. запад. Рос. т. 4, № 183).

Сохранился еще документъ, отъ того-же 1610 года, но помѣченный 30-мъ марта,—данный Сигизмундомъ князю Василію Михайловичу Мосальскому-Рубцу Въ немъ за послѣднимъ закрѣпляется какъ самый Мосальскъ, такъ и много помѣстьевъ и вотчинъ въ разныхъ уѣздахъ. Вотчины поименованы слѣдующія: —«Замочокъ Мосальскъ и селца Любичово, Хвойно, Стрѣлно, Маковье, Тарасково, Гостичи и Лосево съ деревнями; въ уѣздѣ Вяземскомъ села Петрикино, Печатниково, Семеновское, Варваркино, Вередилово и селцо Дмитровско, селцо Кобылино съ деревнями; въ Московскомъ уѣздѣ селцо Покровское и Ворсино съ деревнями и съ пустошми, и пустоши Гребенкина, Ясенова, Деревлева, селцо Межиново, селцо Мишиево съ деревнями, селцо Кузнецы; въ Резанскомъ уѣздѣ селцо Печерники, селцо Панинское съ деревнями, и деревни Павелкова и Голдина; въ Юрьевскомъ уѣздѣ селцы Пальчуково, Кузминское, Лычово, Ослопово, Черминъ, Виричино съ деревнями; въ Пошехонскомъ уѣздѣ волость Вольская и погостъ Всесвяцкій и Усть-Шаховское погостье; въ Темниковскомъ уѣздѣ отчизна селцо Старое Пурдышово съ деревнями; въ Бѣлевскомъ уѣздѣ отчивна селцо Верхоручье, околица Удальцы съ деревнями; въ Коломенскомъ уѣздѣ селцо Никольское съ деревнями; въ Дмитровскомъ уѣздѣ селцо Дьяково съ деревнями».

(Акты, относ. къ ист. зап Рос., т. 4, № 183).

16

князей Мосальскихъ въ XVII вѣкѣ не потерялъ вполнѣ имущественной связи съ территоріею своего прежняго удѣла, несмотря на тѣ мѣры, которыя проводились верховною властью въ XVI столѣтіи, относительно обращенія въ казну этихъ прежнихъ княжескихъ владѣній. Грамотою Сигизмунда эта связь возстановлялась въ широкомъ объемѣ, но если князья Мосальскіе и успѣли, быть можетъ, выпросить у Сигизмунда, независимо отъ принадлежавшихъ имъ въ то время, новыя —отчужденныя уже до того части родовыхъ вотчинъ, то едва-ли они долго по окончаніи періода смутъ въ Россіи, удержали за собой эти свои новыя пріобрѣтенія, какъ напр. полное владѣиіе городомъ Мосальскомъ и пр. Изъ дошедшихъ до насъ указаній мы знаемъ напр., что трое князей Мосальскихъ-Кольцовыхъ владѣли родовыми вотчинами въ Мосальскомъ уѣздѣ еще и въ 1676 году (302), а до 1653 г. тамъ-же были вотчинными собственниками и двое изъ князей Мосальскихъ-Клубковыхъ, но нѣсколько позже

(302) Такъ въ «Дозорной и переписной книгѣ церковныхъ земель города Мосальска и Мосальскаго уѣзда» 1676 г. читаемъ: «Аѳанасія Великого и Кирилла Александрійскихъ чудотворцевъ церковная земля въ сельцѣ Посканѣ, на рѣчкѣ Свойтицѣ, въ вотчинѣ князя Андрея Михайлова Мосальскаго.... Покрова Пресвятыя Богородицы церковная земля въ сельцѣ Барзуновѣ—вотчинѣ князя Андрея Михайлова Мосальскаго.... Николая чудотворца церковная земля въ селѣ Хотибинѣ—вотчинѣ князя Андрея Михайлова Мосальскаго.... Казанскія Пресвятыя Богородицы церковная земля въ сельцѣ Любиловѣ—вотчинѣ князя Ивана Михайлова Мосальскаго.... Никиты святого мученика церковная земля въ сельцѣ Бакѣевѣ—вотчинѣ князя Ивана Михайлова Кольцова-Мосальскаго». (Опис. докум. и бумагъ архива минис. юстиціи, т. 2, № 97).

Въ «Книгахъ московскаго стола», подъ 1696 г. встрѣчаемъ еще указанія: «За стольникомъ за князь Ѳедоромъ княжъ Михайловымъ сыномъ Кольцо-

послѣдніе, какъ видно изъ тѣхъ-же указаній, утрачиваютъ уже свои владѣнія, перешедшія совершенно въ другую фамилію ([303]). Равнымъ образомъ въ 1683 году встрѣчаемъ разныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ качествѣ владѣльцевъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель города Мосальска ([304]), изъ чего можно видѣть, что князья Мосальскіе далеко не сохранили полнаго обладанія своими прежними родовыми землями, раздававшимися правительствомъ какъ надѣлы помѣстные.

Касательно послѣднихъ можно замѣтить, что помѣстья за

вымъ-Мосальскимъ помѣстья по дачѣ 194 году въ Мосальскомъ да въ Серпѣйскомъ уѣздехъ пустошь Бушнева тридцать четвертей, да за нимъ-же по переписнымъ книгамъ 186 году въ окологородномъ стану въ вотчинѣ въ селѣ Богородскомъ съ деревнями пятдесятъ четыре двора крестьянскихъ.

За стольникомъ за князь Иваномъ княжъ Михайловымъ сыномъ Кольцовымъ-Мосальскимъ въ подгородномъ стану въ вотчинѣ въ селѣ Луневѣ съ деревнями пятдесатъ дворовъ крестьянскихъ.

За стольникомъ за князь Андреемъ княжъ Михайловымъ сыномъ Кольцовымъ-Мосальскимъ въ подгородномъ стану въ вотчинѣ въ сельцѣ Хотибинѣ съ деревнями пятдесятъ шесть дворовъ крестьянскихъ.

За стольникомъ за князь Борисомъ княжъ Михайловымъ сыномъ Кольцовымъ-Мосальскимъ въ окологородномъ стану въ сельцѣ Бокѣевѣ сорокъ семь дворовъ крестьянскихъ».

(Моск. арх. мин. юст.: Кн. моск. стола № 163, л. 494, 516).

([303]) По писцовымъ книгамъ 1653 г., князьямъ Ивану и Семену Клубковымъ-Мосальскимъ принадлежало какъ вотчина село Козьмодемьянское, гдѣ находилась церковная земля; на этой землѣ, по писцовымъ книгамъ 1676 г., показана построенною церковь Козьмы и Даміана, но здѣсь она значится уже въ вотчинѣ князя Куракина. (Опис. докум. и бум. арх. мин. юст., т. 2, № 97).

([304]) Такъ напр. знаемъ «Межевую книгу помѣстныхъ и вотчинныхъ земель города Мосальска, князей В. Юсупова и Ивана Михайлова Кольцова-Мосальскаго въ Подгородной слободкѣ и деревнѣ Гачекъ (окологороднаго стана) и

князьями Мосальскими числились весьма обширныя и во многихъ уѣздахъ. Такъ въ современныхъ извѣстіяхъ, касающихся вопроса о помѣстныхъ имъ дачахъ, въ связи съ различными нарядами и службами, упоминаются земли и крестьяне, за разными Мосальскими, въ 19-ти уѣздахъ (305), причемъ напр. за шестерыми изъ Кольцовыхъ-Мосальскихъ показано въ концѣ XVII столѣтія до 1000 дворовъ (306). Въ этихъ

стольника Тихона Яковлева въ деревнѣ Писковей и пустоши Еременкахъ (Бервенскаго стана), письма и межеванья Яблочкова и подъячего Данилова» 1683 года. (Опис. докум. и бум. арх. мин. юст., т. 1, № 1290).

(305) Московскомъ, Галичскомъ, Рязанскомъ, Вологодскомъ, Владимірскомъ, Коломенскомъ, Пошехонскомъ, Муромскомъ, Серпѣйскомъ, Мосальскомъ, Ярославскомъ, Калужскомъ, Ряжскомъ, Арзамаскомъ, Ростовскомъ, Болховскомъ, Ржево-Володимерскомъ, Можайскомъ и Суздальскомъ.

(306) Приведемъ здѣсь одинъ изъ болѣе полныхъ документовъ въ этомъ родѣ, относящійся до помѣстныхъ владѣній Мосальскихъ-Кольцовыхъ, какъ вѣтви существующей по настоящее время:

«Борисъ Михайловъ: Московскаго уѣзда въ селѣ Богородскомъ 2 двора; Мосальскаго уѣзда въ селѣ Борѣевѣ съ деревнями 49 дворовъ; Вологодскаго уѣзда въ деревнѣ Михайловской съ деревнями 30 дворовъ; Коломенскаго уѣзда въ деревнѣ Тимохинской съ деревнями 12 дворовъ; Владимірскаго уѣзда въ деревнѣ Посерда 5 дворовъ; Пошехонскаго уѣзда село Покровское Канеевское тожъ съ деревнями 49 дворовъ; Ярославскаго уѣзда въ селѣ Сидоровскомъ съ деревнями 17 дворовъ; Галичскаго уѣзда села Полоусново съ деревнями 65 дворовъ.

Димитрій Андреевъ съ братьями Василіемъ и Иваномъ: Мосальскаго уѣзда село Хотноино съ деревнями 57 дворовъ; Галичскаго уѣзда жеребей въ селахъ Троицкомъ и Чтомовѣ съ деревнями 95 дворовъ; Вологодскаго уѣзда въ дер. Паршинѣ съ деревнями 55 дв.; Рязанскаго уѣзда въ сельцѣ Мотовиловѣ и въ селѣ Свистовѣ 29 дв; Московскаго уѣзда жеребей деревни Фроловой 2 дв.; Владимірскаго уѣзда въ дер. Посердѣ съ деревнями 44 дв.; Калужскаго уѣзда въ дер. Степановской 8 дв. За княземъ Димитріемъ однимъ: Московс. уѣзда въ селѣ Темеревѣ 5 дв.; Коломенс. уѣзда въ половинѣ села Микулина 12 дв.; Рязанс. уѣзда жеребей села Тарасова, въ дер. Матвѣевкѣ съ деревнями 29 дв.;

извѣстіяхъ встрѣчаемъ между прочимъ нѣсколько данныхъ и объ обязанностяхъ, съ которыми связывалось то или у-гое помѣстное владѣніе тѣхъ-же Мосальскихъ. Такъ напр. въ 1681 году—«по его великого государя указу велѣно для его государева смотру быть къ Москвѣ генваря къ 1-му числу и пріѣзды записывать въ розрядѣ», въ связи съ чѣмъ, въ современныхъ документахъ читаемъ ([307]):

«Князь Андрей княжъ Михайловъ сынъ Кольцовъ-Мосальской служитъ съ 176 (1668) году и былъ на одной службѣ; крестьянъ за нимъ въ Мосальску 56, на Рязани 27, въ Галичѣ 64, на Вологдѣ 62, въ Володимерѣ 40, на Коломнѣ 12, всего 261 дворъ. На государевѣ службѣ будетъ на лошади, въ саадакѣ ([308]), въ панцырѣ, три лошади про-

---

Суздальс. уѣзда жеребей села Ряполова, въ дер. Яншихѣ Порхачиха и Ватагина тожъ, въ жеребьѣ села Салкова съ деревнями 27 дв.; Ряжск. уѣзда въ селѣ Петровскомъ 8 дв.; Арзамас. уѣзда въ селѣ Большомъ Ветошкинѣ 42 дв., а по отказнымъ книгамъ 33 двора.

Иванъ Михайловъ съ сыномъ Яковомъ: Мосальс. уѣзда въ селѣ Лисневѣ съ деревнями 48 дв.; Вологодс. уѣзда въ дер. Андреевской съ деревнями и Куромновской 87 дв.; Коломенскаго уѣзда въ дер. Тимохиной съ деревнями 10 дв.; Ростовс. уѣзда съ селѣ Никольскомъ 10 дв.; Болховс. уѣзда дер. Власова Сущенина тожъ съ деревнею 24 дв.. Ржевы-Володимеровой уѣзда въ дер. Горкѣ съ деревнею 16 дв; Мажайс уѣзда въ дер. Краминѣ 5 дв; Ярославс. уѣзда въ дер. Кузминской съ деревнями 24 дв.; Суздальскаго уѣзда въ селѣ Хлябовѣ 11 дворовъ.

Ѳедоръ Михайловъ: Мосальс. уѣзда село Богоявленье, сельцо Любалово съ деревнями 54 дв.; Вологодс. уѣзда дер. Ивановская съ деревнями 34 двора Коломенс. уѣзда дер. Скорнева съ деревнями 10 дв.; Пошехонскаго уѣзда село Никольское съ деревнями 67 дворовъ.» (Моск. арх. мин. юст.: Указатель фамилій и лицъ въ сказкахъ Генеральнаго двора).

([307]) Московс. арх. мин. юст. (Кн. моск. стола № 123, л. 92, 116, 152).

([308]) Полное вооруженіе лукомъ, стрѣлами и принадлежностями къ нимъ.

стыхъ, за нимъ людей съ боемъ шесть, въ кошу шесть-же человѣкъ съ пищальми и съ бердыши.

Князь Борисъ княжъ Михайловъ сынъ Кольцовъ-Мосальской, служитъ со 183 (1675) году и былъ на одной службѣ; крестьянъ за нимъ на Вологдѣ, въ Володимерѣ, на Коломнѣ—50, въ Мосальску 56, всего 106 дворовъ. На государевѣ службѣ будетъ на лошади, въ панцырѣ, въ саадакѣ, двѣ лошади простыхъ, за нимъ людей съ боемъ три, въ кошу три-жъ человѣка съ пищальми и съ бердыши.

Князь Ѳедоръ княжъ Михайловъ сынъ Кольцовъ-Мосальской служитъ со 179 (1671) году, въ походѣхъ ѣздитъ шестой годъ; крестьянъ за нимъ на Вологдѣ, на Коломнѣ, въ Пошехонье—103, въ Мосальску и съ задворными 54; всего 157 дворовъ. На государевѣ службѣ будетъ на лошади, въ панцырѣ въ саадакѣ, двѣ лошади простыхъ, за нимъ людей съ боемъ четыре, въ кошу пять-же человѣкъ съ пищальми и бердыши».

О другихъ сторонахъ внутренняго быта князей Мосальскихъ, за описываемое время, свѣдѣній почти не имѣется. Фамилія Мосальскихъ въ XVII столѣтіи достигла наибольшаго предѣла своего расчлененія, относительно количества представителей различныхъ вѣтвей своихъ, но къ концу того-же столѣтія число вѣтвей этихъ въ Россіи уже сокращается и въ XVIII вѣкъ переходятъ только Мосальскіе-Кольцовы, потомства-же остальныхъ болѣе не видно и родословными росписями не упоминается, изъ чего надо заключить, что онѣ въ концѣ XVII столѣтія угасли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ современныхъ актахъ второй половины XVII вѣка, начинаемъ встрѣчать лицъ, хотя и называвшихся Мосальскими, но не имѣвшихъ княжескаго титула и по всей вѣроятности уже совершенно чуждыхъ роду князей Мосальскихъ ([309]).

Довольно много именъ Мосальскихъ-же, встрѣчаемъ на страницахъ современныхъ синодиковъ, какъ удалившихся отъ свѣта и принявшихъ монашество ([310]), особенно въ поколѣ-

([309]) Такъ въ «Книгѣ о роздачѣ копейщикамъ, недорослямъ, рейтарамъ, мурзамъ и татарамъ денежнаго жалованья» 1679 г., упоминается «Прокоѳей Юрьевъ сынъ Мосальской,—крестьянъ нѣтъ»; въ 1692 г. въ числѣ вяземскихъ драгунъ «которые въ полкѣхъ служатъ солдатскую службу», значится—Иванъ Ивановъ сынъ Мосальской. (Моск. арх. мин. юст: Кн. моск. стола № 100, л. 229; № 151, л. 500). Въ 1653 г. въ числѣ верстаныхъ казаковъ записаны «Тимоѳей Лукьяновъ сынъ Мосальской и Юрья Аѳанасьевъ сынъ Мосальской»; въ 1664 г. въ рылянахъ получавшихъ жалованье значится Пронка Мосальской. (Тамъ-же: книги Десятенъ № 153, л. 30; № 171, л. 32). Въ 1673 г. въ числѣ рыльскихъ полковыхъ казаковъ показанъ Ларіонъ Трофимовъ сынъ Мосальской, и т. д. (Тамъ-же: книги Смотренныхъ списковъ, № 40, л. 100).

([310]) Напр. въ синодикѣ XVII ст., московскаго Чудова монастыря, читаемъ: «Родъ князя Ивана Львовича Мосальскаго:—князя Ѳеодора убіеннаго, княгини Татьяны, инока Варлама, княгини Анны, княгини Ульянеи, князя Бориса убіеннаго, княгини Ирины, князя Ѳеодора, князя инока Варлама. Родъ князя Василія Васильевича Мосальскаго (вѣроятно Литвинова): князя Василія, княгиню иноку Парасковію, князя инока Васіяна, князя Прохора, княгиню иноку Ѳотинію, княгиню Меланію, князя Константина, князя Еоупла» (Рукоп. Имп. публ. библ. отд. IV, № 194).

Въ синодикѣ 1666 г., находящемся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ: «Родъ князя Василія Васильевича Мосальскаго (см. выше): князей Михаила, Василія, Васіяна схимонаха, княгини Татіаны, монахи Параскевы, князей младенцовъ Константина, Ѳеодора».

Въ синодикѣ XVII ст. (тамъ-же): «Родъ окольничаго князя Андрея Ѳеодоровича Литвинова-Мосальскаго: князей Ѳеодора, Андрея, Симеона; домніки сх.

ніи женскомъ; причемъ наибольшее число этихъ отшельниковъ отъ міра сего, выпадаетъ на долю именно линій угасшихъ въ ближайшемъ будущемъ ([311]).

Вмѣстѣ съ этимъ нельзя не упомянуть и объ обстоятельствахъ нѣсколько инаго характера, занимающихъ довольно

княгини Анны; Варсонофія сх. оуб., княжны Маріи дѣвицы, Марѳы схим., княгини Еудокіи; младенцовъ князей Стефана, Петра, Георгія». Еще въ томъже вышеупомянутомъ синодикѣ 1666 года, встрѣчаемъ: «Родъ князя Михаила Мосальскаго (?): князя Василія, княгини иноки Еупраксіи, Еоупла младенца, княгини Ирины, князя Василія, князя Іоанна, князя инока Васіяна, инока Даніила, Агафіи.—Родъ князя Василія (?) Мосальскаго: князя Михаила, княгини Татіаны, князя Василія, княгини инокини Еупраксіи, Константина, младенца князя Ѳеодора, младенца князя Іоанна, князя инока Васіана, княгими Меланіи».

([311]) Сохранилось еще письмо какой-то «старицы Таисеи Мосальской» къ князю Вас. Вас. Голицыну, которое быть можетъ принадлежитъ одной изъ Кольцовыхъ-Мосальскихъ, такъ какъ относится повидимому къ времени Крымскихъ походовъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли выше, участвовали нѣсколько лицъ изъ этой вѣтви; Таисія въ письмѣ къ Голицыну упоминаетъ о своемъ сынѣ и пишетъ слѣдующее: «Государю боярину князю Василію Васильевичу, Ивановскаго дѣвичьяго монастыря старица Таисея Мосальская, Бога моля, много челомъ бьетъ, здраствуй государь праведной батюшко на многія нещетныя лѣта, пожалуй государь милостивой отецъ прикажи ко мнѣ убогой отписать про свое многолѣтное здоровье, чтобъ мнѣ слыша убогой про твое многолѣтное здоровье, у предтечи съ радостію милости просить. А и тебѣ государю про то извѣстно, что одолжена твоею премногою милостію и сынишко мой въ живыхъ обретается отъ нападныхъ бѣдъ твоимъ праведнымъ россмотреньемъ. Да побрелъ государь на службу великаго государя къ тебѣ государю въ полкъ Иванъ Башевъ, и я убогая смѣя и не смѣя прошу объ немъ у тебя государя милости, видя твою государь къ сирымъ неизреченную милость, пожалуй государь милостивой батюшка призри на такова убогова для своего многолѣтнаго здоровья; не удивися государь моей простотѣ, что я къ тебѣ свѣту пишу хотя твоего многолѣтнаго здоровья, чтобъ за тебя свѣта безпомочныя у Христа милости просили. Убогая старица Бога моля и много челомъ бью».

(Временникъ общ. ист. и древн., кн. 13, смѣсь 28).

своеобразную страницу въ лѣтописи описываемой фамиліи. Въ современныхъ документахъ встрѣчаемъ довольно оригинальный фактъ, относящійся до одного изъ князей Мосальскихъ, фактъ по внѣшности малозначительный, но въ связи съ ходомъ исторической жизни Россіи въ XVII столѣтіи, получающій болѣе серіозный смыслъ. Это дошедшее до насъ въ розрядахъ извѣстіе, заключается не болѣе какъ въ томъ, что въ 1675 г.—«положилъ великій государь гнѣвъ свой на стряпчаго на князя Андрея да на княжъ Михайлова сына Кольцова-Мосальскаго ([312]) за то, что онъ у себя волосы подрѣзалъ, и велѣлъ ему сказать думному дьяку розрядному, что указалъ его великій государь за ту его вину написать по жилецкому списку изъ стряпчихъ» ([313]).

Дѣло въ томъ, что во второй половинѣ XVII вѣка въ русскомъ обществѣ замѣчаются слѣды реакціи, въ образѣ мыслей и взглядахъ на значеніе той старой образованности, единственнымъ источникомъ которой до того являлось лишь современное духовенство.

Въ русскомъ обществѣ зашевелилось сознаніе своихъ недостатковъ, своей отсталости, необходимости заимствованій лучшаго, необходимости наконецъ учиться иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, когда все руководствовалось еще правилами пресловутаго Стоглаваго собора. Новый соборъ 1666 года, осудивъ многое постановленное Стоглавымъ, далъ еще болѣе твердую почву развивавшимся идеямъ рус-

([312]) См. № 145 родосл.

([313]) Дворцовые розряды, т. III, 1591.

скихъ новаторовъ, которые начали и во внѣшнихъ пріемахъ проводить свои убѣжденія,—начали заводить иноземческое платье, перенимать «нѣмецкіе и иные извычаи», брить бороды, стричь волосы и т. п. Партія консерваторовъ смотрѣла однако иначе; иные продолжали держаться неуклонно старыхъ порядковъ, игнорируя мнѣнія собора 1666 года, другіе умѣренные —держались середины и стояли за тѣ правила Стоглава, которыхъ новый соборъ не коснулся, и такъ какъ на сторонѣ этой партіи оказалось само правительство, то крайніе новаторы и подвергались различнаго рода преслѣдованіямъ. Въ томъ же 1675 г. былъ даже изданъ указъ, въ которомъ объявлялось о наказаніи учиненномъ князю Кольцову-Мосальскому и запрещалось впредь — «чтобы иноземскихъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосовъ у себя на головѣ не подстригали, такожъ и платья, кафтановъ и шапокъ, съ иноземскихъ образцовъ не носили и людемъ своимъ потому-жъ носить не велѣли». За неисполненіе указа объявлялось: «тѣмъ отъ великаго государя быть въ опалѣ и изъ вышнихъ чиновъ написаны будутъ въ нижніе чины (314).

Такимъ образомъ приведенный фактъ получаетъ то значеніе, что представляетъ князя Андрея Михайловича какъ одного изъ передовыхъ лицъ своего времени. Однако можно замѣтить, что повидимому онъ вскорѣ пожертвовалъ своими убѣжденіями, такъ какъ уже въ слѣдующемъ году кня-

---

(314) Полн. собр. зак., т. I, № 607.

зя Андрея встрѣчаемъ опять нетолько стряпчимъ, но даже стольникомъ ([315]).

Нѣчто въ томъ же родѣ свободомыслія, по повидимому болѣе религіознаго, сквозитъ еще въ одномъ документѣ, относящемся впрочемъ къ болѣе раннему періоду, именно къ 1619 году, и касающемся также одного изъ членовъ описываемой фамиліи. Въ упомянутомъ году была сослана изъ Москвы на Бѣлоозеро въ Горицкій монастырь какая-то старица княгиня Елена Мосальская, которую велѣно было—«беречь на крѣпко, чтобы она отнюдь ни которыми обычаи изъ монастыря была неисходна и къ ней въ монастырь потому-жъ никого пускати еси (игуменья) не велѣла». Въ грамотѣ настоятельницѣ монастыря, по случаю заточенія въ послѣдній Мосальской, между прочимъ говорится: «и ты-бы ее отдала подъ начало доброй и крѣпкой духовной старицѣ, которая-бъ ее привела ко спасенію, да и къ церквѣ-бъ ей велѣла ходить ежедневно»; равнымъ образомъ Мосальской запрещалось всякое сообщеніе съ посторонними,—«чтобъ она, зря на прелесть мірскую, не отпала надеждою къ Богу» ([316]). Подобные мотивы даютъ поводъ думать, что вѣроятно упоминаемая княгиня Мосальская была замѣшана въ какую нибудь ересь, вслѣдствіе которой и подверглась строгому заключенію.

Наконецъ къ этимъ немногимъ чертамъ внутренняго быта, можно прибавить еще нѣсколько дошедшихъ до

([315]) Московс. арх. мин. юст.: Боярскіе списки, кн. № 14, л. 43,
([316]) Акты Археогр экс. т. III, № 104.

насъ эпизодовъ изъ современнаго мѣстничества. Въ большинствѣ случаевъ впрочемъ, мѣстничество это, являвшееся лишь продуктомъ мелкаго самолюбія, представляетъ мало чего нибудь значущаго, но изъ иныхъ фактовъ можно напр. подмѣтить, что фамильная связь между разными вѣтвями рода князей Мосальскихъ въ Россіи, все еще поддерживалась и въ XVII столѣтіи, несмотря на многочисленность ихъ представителей, достигшую въ описываемое время maximum'а своего развитія. Такъ напр. въ разборѣ мѣстническихъ споровъ, служебное положеніе Мосальскихъ оцѣнивается «судьями» по всѣмъ линіямъ вообще, не отдѣляя или не считая ихъ между собою чуждыми, т. е. оцѣнивая напр. положеніе котораго нибудь изъ Мосальскихъ-Литвиновыхъ, опираются на положеніе того или другаго изъ Мосальскихъ-Кольцовыхъ и т. д., не дѣлая различія между представителями этихъ линій, хотя весьма уже удалившихся въ сущности другъ отъ друга. Такъ въ 1624 году назначенъ былъ въ Украинномъ розрядѣ воеводой въ Крапивну въ Сторожевой полкъ князь Андрей Ѳедоровичъ Мосальскій-Литвиновъ, а въ Рязанскомъ розрядѣ—воеводой въ Сторожевой-же полкъ Петръ Пушкинъ, причемъ послѣднему въ случаѣ надобности предписывалось присоединиться къ Мосальскому. Пушкинъ этимъ обидѣлся,—ударилъ челомъ государю на Мосальскаго, что ему «меньши князя Андрея быть и въ сходъ ко князю Андрею приходить не вмѣстно». По разборѣ претензіи, думный розрядный дьякъ Лихачевъ объявилъ челобитчику,— «что онъ бьетъ челомъ на князь Андрея Мосальскаго не дѣ-

ломъ, потому что отецъ его Петровъ (Пушкина) въ 106 (1598) году былъ въ Черниговѣ съ бояриномъ съ Ѳ. И. Шереметевымъ въ третьихъ головахъ меньши князь Василья Мосальскаго-Рубца, и онъ бы Петръ былъ на службѣ, а не будетъ—и его выдадутъ князю Андрею Мосальскому головою» (317).

Та-же родовая связь проводится и относительно Мосальскихъ-Кольцовыхъ. Въ 1627 году завязалось мѣстническое дѣло между другимъ Пушкинымъ (Василіемъ) и Плещеевымъ, и велѣно было дать имъ судъ. Плещеевъ нашелъ однако, что ему судиться съ Пушкинымъ въ свою очередь не вмѣстно, основываясь на вышеприведенномъ уже случаѣ мѣстничества П. Пушкина съ А. Ѳ. Мосальскимъ, причемъ какъ мы видѣли — первый былъ обвиненъ. Плещеевъ уперся на этомъ, поясняя, что — «князь Андреевъ (Мосальскаго) де большой по роду дядя князь Володимеръ Кольцовъ-Мосальской, былъ меньши отца его Осипа Плещеева во 112 (1604) г. въ Сѣверскомъ походѣ» (318).

(317) Дворцовые розряды, т. I, 587—588. Въ другомъ спискѣ говорится о томъ-же: «И бояре челобитья его не послушали и Петръ службы писалъ и списковъ не взялъ, для князя Андрея Мосальскаго. И бояре приговорили, для Ивана Никитича Романова, что ему князь Андрей свой по женѣ: будетъ Петръ списковъ не возметъ и Петра Пушкина посадить въ тюрьму безъ сыску». (Тамъ-же).

(318) Дворцовые розряды, т. I, 947, 948.

Это «счетное дѣло» Пушкина съ Плещеевымъ дошло до насъ во многихъ подробностяхъ, почему для характеристики подобныхъ споровъ, а также и въ виду того, что въ дѣлѣ безпрерывно упоминаются князья Мосальскіе, считаемъ не лишнимъ здѣсь сдѣлать изъ него нѣсколько выдержекъ:

Ноября въ 1 день князь Лыковъ да дьякъ Даниловъ объявили государевъ

Такимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ указывается на связь между вѣтвями дома Мосальскихъ, которыя только въ лицѣ прапрадѣда упомянутаго князя Андрея Ѳедоровича имѣли общаго родоначальника съ линіей Мосальскихъ-Кольцовыхъ, а въ случаѣ, приведенномъ еще выше—Мосальскій-Рубецъ и Мосальскій-Литвиновъ являются еще въ значительной степени далѣе другъ отъ друга, такъ какъ со-

---

указъ Василію Никитичу Пушкину, что велѣно ему на Андрея Осиповича Плещеева въ отчествѣ дати судъ. И Плешеевъ сказалъ: да и потому ему съ Пушкинымъ въ судъ идти не мочно, что напередъ сего П. Пушкинъ билъ въ отечествѣ на князя Андрея Литвинова-Мосальскаго и иные Пушкины бивали челомъ въ отечествѣ на такихъ-же, и имъ отказывано и суда имъ не давывано.

Ноября 5-го Плещеева снова звали въ судъ, но тотъ снова отвѣчалъ, что ему къ суду не бывать, затѣмъ что князь Володимеръ Кольцовъ-Мосальскій былъ меньши отца его О. Плещеева двѣмя мѣсты, а князь Андрей Литвиновъ-Мосальскій менѣе князя Володимера, и П. Пушкинъ билъ челомъ на князя Андрея Мосальскаго и ему отказано и суда ему не дано.

Ноября 11-го поставя къ суду А. Плещеева съ В. Пушкинымъ, съ очи на очи, въ отечествѣ судили. На вопросъ Лыкова къ Пушкину — почему ему меньши Плещеева быть не мочно?—Пушкинъ подалъ «случаи», въ одномъ изъ пунктовъ которыхъ упоминаетъ, что въ 1592 г. на Неровскомъ устьѣ были воеводы: въ Большомъ полку П. Шереметевъ и князь Володимеръ Кольцовъ-Мосальскій, а О. Плещеевъ былъ въ числѣ воеводъ Передоваго полка. Однако по справкѣ въ розрядахъ показаніе В. Пушкина не подтвердилось,—князь Володимеръ Кольцовъ-Мосальскій въ томъ розрядѣ не написанъ.

Тогда А. Плещеевъ подалъ Лыкову «случаи» и своей стороны, въ которыхъ приводилъ:

Что въ 1599 г. въ Черниговѣ были письменными головами князь Василій Михайловичъ сынъ Рубецъ-Мосальскій да М. Петровъ да Т. Пушкинъ..., и потому князь Василій Рубецъ больши Т. Пушкина двѣмя мѣсты, а князь Володимеръ Кольцовъ-Мосальской въ роду своемъ больши князя Василія Рубца осмью мѣсты, а Т. Пушкина больши десятью мѣсты; а во 112 (1604) г. въ

ставляютъ потомство даже двухъ разныхъ сыновей главы всего дома Мосальскихъ—князя Юрія Святославича; иначе говоря — родственная связь между Рубцами и Литвиновыми въ сущности такова-же, какъ напр. между ними и линіею

шевкальскомъ походѣ князь Володимеръ Кольцовъ-Мосальскій меньши былъ О. Плещеева (отца А. Плещеева) двѣмя мѣсты.

Что въ 7132 (1624) г на Крапивнѣ въ Сторожевомъ полку былъ воеводой князь Андрей Литвиновъ-Мосальской (см. выше въ текстѣ), а П. Пушкину велѣно къ нему быть въ сходѣ изъ Пронска, и П. Пушкинъ билъ челомъ, что ему меньши князя Андрея быть нельзя, и государь князя Андрея Мосальскаго пожаловалъ, велѣлъ оправить, а П. Пушкина обвиниить безъ суда, а сказано имъ было, что и лучшему Пушкину мочно быть меньши князя Андрея Мосальскаго; а князь Андреевъ дядя Мосальскаго князь Володимеръ Кольцо-Мосальской въ шевкальскомъ походѣ былъ меньши О. Плещеева двѣмя мѣсты, а въ своемъ роду князь Володимеръ Кольцовъ-Мосальской больши князь Андреева (Мосальскаго) отца многими мѣсты, а князь Ондрей (Мосальскій) у отца своего другой (младшій).

На это В. Пушкинъ подалъ «отводную память», въ которой пояснялъ, что братъ его П. Пушкинъ билъ челомъ государю въ отечествѣ на Мосальскаго и впредь станетъ-же бить челомъ о судѣ и счетѣ, а въ роду государь нашемъ мнѣ холопу твоему Васькѣ П. Пушкинъ малъ, а по вашей государской милости мнѣ холопу твоему мочно быть больши самому князя Ондрея Мосальскаго многими мѣсты, потому что въ 96 (1588) г. въ плавной рати къ Астрахани былъ въ Большомъ полку М. Вельяминовъ, а въ Передовомъ князь Өедоръ Александровъ сынъ Мосальской, и потому М. Вельяминовъ больши Өедора Мосальскаго, а старшій братъ М. Вельяминова былъ меньши дяди моего Л. Пушкина. (По справкѣ въ разрядѣ это однако не подтвердилось). Далѣе В. Пушкинъ продолжаетъ ссылаться на розряды XVI вѣка, въ которыхъ упоминаетъ: что въ 1581 г. были въ литовской землѣ головами въ полкахъ Н. Пушкинъ (отецъ В. Пушкина), да князь Володимеръ Кольцовъ-Мосальской, да князь Өедоръ княжъ Александровъ сынъ Мосальской, и за ту службу награждены они отъ государя золотыми, причемъ золотой былъ пожалованъ по росписи Н. Пушкину прежде чѣмъ обоимъ этимъ Мосальскимъ, а въ то время отецъ Андрея Плещеева—Осипъ Плещеевъ самъ былъ по росписи меньши князя Владиміра Кольцова Мосальскаго. Затѣмъ онъ перечисляетъ случаи, гдѣ

Мосальскихъ находившеюся въ Литвѣ, а между тѣмъ какъ видимъ—это не препятствовало общности представительства всего дома Мосальскихъ въ Россіи, въ смыслѣ какъ бы одной цѣлой семьи, не распавшейся на совершенно чуждыя другъ другу поколѣнія.

Другіе дошедшіе до насъ случаи мѣстничества, не пред-

этотъ Осипъ Плещеевъ въ 1591 и 1592 г. былъ меньше Мосальскихъ, упомянутыхъ князей Владиміра и Өедора,—а князь Володимеръ Кольцовъ-Мосальскій и князь Өедоръ меньши отца моего Н. Пушкина. Наконецъ онъ возражалъ на приведенное выше доказательство А. Плещеева, относительно старшинства отца послѣдняго передъ княземъ Владиміромъ Кольцовымъ-Мосальскимъ въ «Шевкальскомъ походѣ», что хотя это и было дѣйствительно такъ, но князь Володимеръ Мосальскій былъ въ тѣ поры посланъ на Койсу въ опалѣ и билъ въ свое время челомъ на О. Плещеева, а послѣдній попалъ въ старшіе не по отечеству и не по розрядамъ, а за доводъ (доносъ) на князя Сицкого и что послѣ того князю Володимеру Мосальскому на О. Плещеева дана даже «правая грамота».

А. Плещеевъ на это сказалъ, что отецъ его на боярина Сицкого не доводилъ и во всемъ роду ихъ доводчиковъ нѣтъ и не бывало, а отецъ его былъ больше князя Владиміра Кольцова-Мосальскаго въ шевкальскомъ походѣ—по своему отечеству, и затѣмъ представилъ съ своей стороны «доносную память», въ которой указывалъ, что ему А. Плещееву мочно быть больши прадѣда Вас. Пушкина на томъ основаніи, что прадѣдъ послѣдняго въ 1568 г. былъ въ поддатнѣхъ при рындѣ государевомъ князѣ Ю. Вяземскомъ, а братъ этого Вяземскаго Иванъ, въ 1594 г. былъ меньшимъ воеводой съ княземъ Владиміромъ Кольцовымъ-Мосальскимъ въ Иванъ-Городѣ, а Мосальскій-Кольцовъ въ свою очередь былъ меньше отца А. Плещеева въ 1604 г. въ «Шевкальскомъ походѣ». Затѣмъ Плещеевъ привелъ еще два случая о мѣстничествѣ упомянутаго Мосальскаго, именно 1) что въ томъ-же 1594 г. въ Иванъ-Городѣ были воеводы князь Ив. Елецкой да князь Володимеръ Кольцовъ-Мосальскій и послѣдній билъ челомъ на перваго, и князя Володимера государь пожаловалъ, велѣлъ быть больши Елецкаго и 2) что въ 1599 году въ Большомъ полку вторымъ воеводой въ Мценскѣ былъ князь И. Рамодановскій, а въ Передовомъ полку вторымъ былъ князь Владиміръ Кольцовъ-Мосальскій и послѣдній билъ

ставляютъ какого либо общаго значенія. Такъ сохранились извѣстія, что въ 1604 г. судился «въ отечествѣ» князь Василій Θедоровичъ Мосальскій съ княземъ Андр. Гундоровымъ ([319]). Въ 1639 г. князь Андрей Θедоровичъ Мосальскій-Литвиновъ билъ челомъ въ отечествѣ на Бор. Салтыкова, что ему съ нимъ быть не вмѣстно и — «на службѣ за болѣзнью не былъ, а имя его съ бояриномъ Салтыковымъ писали» ([320]). Въ 1645 г. тотъ-же князь Андрей Θедоровичъ вступилъ въ препирательство о старшинствѣ съ княземъ С. Прозоровскимъ: первый - былъ воеводой въ Тулѣ, второй — въ Мценскѣ, когда вслѣдствіе набѣга крымцевъ имъ велѣно было двинуться въ Курскъ, причемъ Мосальскій долженъ былъ присоединиться къ Прозоровскому; первый заупрямился — «писалъ къ государю и билъ челомъ въ отечествѣ на Прозоровскаго, что ему быть съ нимъ невмѣстно, и писано ему отъ государя съ опалою, что онъ бьетъ челомъ не дѣломъ, а быть ему съ княземъ Прозоровскимъ мочно и онъ бы шелъ въ сходъ, а будетъ не пойдетъ и ему быть въ великой опалѣ», — обѣщано засадить въ тюрьму ([321]). Въ 1647 г. донесъ государю изъ Путивля стольникъ князь

челомъ на Рамодановскаго въ отечествѣ, вслѣдствіе чего и получилъ невмѣстную грамоту.

И т. д. (Временникъ общ. ист. и древн., кн. XIV). Приведенный образчикъ можетъ служить примѣромъ всей запутанности мѣстническихъ счетовъ и сложности аргументовъ, подлежавшихъ разбирательству назначаемыхъ для того «судей».

([319]) Дворцов. розряды, т. II, 36, 37.

([320]) Дворцов. розряды, т. II, 604—606.

([321]) Дворцов. розряды, т. III, 23, 24.

Ю. Долгорукій, что на государевы украины ожидается нападеніе крымскаго царя, вслѣдствіе чего указано было быть между прочимъ воеводой въ Одоевѣ князю Михаилу Андреевичу Кольцову-Мосальскому и идти въ сходъ къ князю И. Лыкову въ Курскъ. При этомъ пояснялось, что въ случаѣ если татары пойдутъ къ Москвѣ, то ливенскому воеводѣ князю Куракину слѣдовать за ними, притянувъ къ себѣ Лыкова съ Мосальскимъ, Хворостинина (изъ Тулы) и князя Григорія Долгорукаго — изъ Ельца. Мосальскій этими распоряженіями обидѣлся — Долгорукій и Лыковъ назначены непосредственно къ Куракину, а онъ долженъ «идти въ сходъ къ Лыкову», почему и ударилъ челомъ государю — «что князь де Иванъ (Лыковъ) учиненъ въ равенствѣ съ князь Григорьемъ Долгорукимъ, а мнѣ де потому съ нимъ быть невмѣстно, что Долгорукіе наши братья и государь бы пожаловалъ, велѣлъ челобитье его записать» ([322]).

Равнымъ образомъ случалось, что били челомъ и на Мосальскихъ; напр., въ 1640 г. наряжены были воеводами въ Тулу князь А. Трубецкой, князь Андрей Ѳедоровичъ Мосальскій-Литвиновъ и князь И. Шаховской, но послѣдній нашелъ, что ему съ Мосальскимъ быть невмѣстно и подалъ челобитье, успѣха впрочемъ неимѣвшее, такъ какъ ему въ разборѣ претензіи было отказано, потому что — «велѣно всѣмъ быть съ воеводой князь Трубецкимъ» ([323]); точно также

([322]) Тамъ-же, т. III, 61, 62. Однако — «по той челобитной указу не учинено».

([323]) Тамъ-же, т. II, 625.

при этомъ случаѣ, ударили челомъ о невмѣстности своей съ Мосальскимъ — Плещеевъ, Волконскій и Гагаринъ, назначенные «въ сходъ» къ Трубецкому изъ Крапивны, Переяславля-Рязанскаго и Одоева, несмотря на то, что при этомъ нарядѣ было указано «межъ себя всѣмъ воеводамъ быть безъ мѣстъ», и проч.

Но всѣ эти проявленія мелкаго тщеславія, эти уколы мелочнаго самолюбія, не переваривавшіеся духомъ того времени, въ сущности составляли только иллюзію дѣйствительности, прикрывали только упадокъ и ничтожество даже древнихъ именитыхъ родовъ, передъ высшею властью. Родъ князей Мосальскихъ повидимому еще болѣе другихъ — «своей братьи» потерялъ значеніе, такъ какъ представителей его не встрѣчаемъ даже въ рядахъ той главнѣйшей русской аристократіи, которая во второй половинѣ XVII столѣтія пользовалась нѣкоторыми спеціальными прерогативами (³²⁴). Но что въ сущности могли значить послѣднія, если въ то-же время никакая родовитость происхожденія, никакіе титулы не спасали даже отъ тѣлеснаго наказанія! Въ 1614 году напр., — «указалъ государь.... князь Андрея Мосаль-

---

(³²⁴) Такъ напр., по свидѣтельству нашихъ историковъ, въ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было 16 знатнѣйшихъ фамилій, члены которыхъ поступали прямо въ бояре, минуя чинъ окольничаго, а именно: Черкасскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Хилковы и Урусовы. (Соловьевъ: Ист. Рос. т. XII, 339). Мосальскихъ, какъ видимъ, — не упоминается, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ потомковъ бывшихъ удѣльно-княжескихъ фамилій, какъ напр. князей Оболенскихъ и пр.

скаго бить батоги въ розрядѣ, за то что его государева указу не послушалъ,--схоронился»!...... (325).

(325) Въ упомянутомъ году при пріемѣ персидскаго посла, назначены были быть «рындами въ бѣломъ платьѣ» стольники—двое Куракиныхъ, князь А. Ѳ. Мосальскій-Литвиновъ и Чепчюговъ.—«И князь Андрей Мосальскій и И. Чепчюговъ услыша что имъ быть въ бѣломъ платьѣ, съ государева двора сбѣжали и по нихъ посылано многижды, и князь Андрей схоронился, а И. Чепчюговъ сказался болѣнъ и на государевъ дворъ ему ѣхать не мочно. И государь велѣлъ ихъ сыскивать и ожидалъ ихъ многое время....» (Дворцов. розр., т. I, 110, 111).

ГЛАВА IV.

Въ теченіи XVIII столѣтія Польша, какъ извѣстно, служила политическою ареной, на которой состязались дипломаты иностранныхъ державъ, опиравшихся на различныя партіи современнаго польскаго общества. Въ борьбѣ таковыхъ партій вращались и члены описываемой фамиліи, втянувшіеся въ этотъ политическій водоворотъ вмѣстѣ съ прочимъ польско-литовскимъ дворянствомъ, пока онъ не поглотилъ наконецъ и существованія самой Польши, со всѣми ея трескучими псевдо-либеральными вольностями.

Родъ князей Мосальскихъ въ водоворотѣ этихъ событій, не вполнѣ разработанныхъ еще и по настоящее время, представляетъ двухъ выдающихся дѣятелей: князя Михаила-Іосифа, гетмана литовскаго и князя Игнатія епископа виленскаго ([1]), на долю-же остальныхъ членовъ его выпала дѣятельность второстепенная, такъ сказать болѣе закулисная, обнаруживаемая уцѣлевшею до насъ современною нѣкоторыхъ изъ нихъ перепиской. Переписка эта ([2]) хотя и можетъ представлять

([1]) См. №№ 201 и 231 родосл.

([2]) Уцѣлевшія письма Мосальскихъ относятся къ царствованію Августа III и напечатаны въ Сборникѣ документовъ, относящ. къ ист. сѣв.-зап. Руси», т. 3; подлинники находятся въ рукописномъ отдѣленіи Виленской публ. библ.

свой интересъ для изученія той внутренней работы различныхъ партій, результаты которой выражались затѣмъ въ крупныхъ государственныхъ явленіяхъ, какъ сеймахъ, конфедераціяхъ и т. под., но тѣмъ не менѣе останавливаться на ней мы не будемъ, такъ какъ дошедшія до насъ письма Мосальскихъ не даютъ матеріала достаточно полнаго, а представляютъ извѣстія отрывочныя, часто даже не совсѣмъ ясныя; поэтому приходится обратиться къ фактамъ значенія выдающагося, болѣе ясно вырисовывающимся на фонѣ всѣхъ этихъ бурныхъ событій, волновавшихъ Польшу въ теченіи упомянутаго времени.

Какъ извѣстно, въ XVIII ст. въ Польшѣ боролись двѣ партіи: одна — монархическая, стремившаяся къ усиленію монархическаго принципа, даже цѣлою установленія наслѣдственности престола, другая — такъ называемая республиканская, желавшая, прикрываясь королевской властью, захватить бразды правленія собственно въ руки представителей высшаго сословія, аристократіи. Во главѣ первой стояли главнѣйшимъ образомъ литовскіе магнаты и на первомъ планѣ — Чарторыйскіе, во главѣ второй — Радзивиллы и большинство представителей дворянства собственно польскаго. Князья Мосальскіе принадлежали къ первой партіи, указанія на что встрѣчаемъ въ самомъ началѣ XVIII столѣтія. Такъ мы уже имѣли случай упоминать (³) объ участіи нѣкоторыхъ князей Мосальскихъ въ составленіи акта 1700 г., относительно предоставленія королю Августу II правъ наслѣдственности престола; въ томъ-

---

(³) См. гл. III.

же голу имя одного изъ нихъ, подписавшихъ этотъ актъ (князя Ивана маршала гродненскаго), встрѣчаемъ опять на сторонѣ поддерживавшей короля, противъ своевольныхъ магнатовъ. Избранію Августа II, послѣ смерти Яна Собѣсскаго, противилась партія, во главѣ которой стояли трое Сапѣговъ, игравшихъ первостепенную роль при покойномъ королѣ; Сапѣги располагали огромными средствами и были въ то время всесильны, но когда, несмотря на это, Августъ II все таки былъ избранъ, то они своими притѣсненіями и преслѣдованіями сторонниковъ новаго короля, вызвали наконецъ въ Литвѣ противъ себя конфедерацію. Дѣло разрѣшилось кровопролитнымъ столкновеніемъ въ 1700 г. подъ Ольскениками, въ которомъ одинъ изъ Сапѣговъ былъ захваченъ въ плѣнъ и растерзанъ конфедератами, а другіе бѣжали за границу. Въ этомъ сраженіи участвовала и хоругвь гродненскаго уѣзда, посланная противъ Сапѣговъ вышеупомянутымъ маршаломъ Мосальскимъ ([1]).

Указанныя монархическая и республиканская партіи, въ первой половинѣ XVIII столѣтія однако еще только развивались, чтобы вполнѣ развернуться лишь въ періодъ наибольшаго давленія на Польшу иностранной дипломатіи, послѣдовавшаго во вторую половину того же вѣка. Участіе Россіи въ исторіи Польши за описываемое время, было однимъ изъ наиболѣе вѣскихъ, но начиная собственно съ шестидесятыхъ годовъ, такъ какъ ранѣе того оно почти не шло далѣе дипломатическихъ представленій и переговоровъ, мало дости-

([1]) Малиновскій: Zrźódla do dziejow polckich, т. 1. (См. № 176 родос.)

тавшихъ своей цѣли. Главной темой этихъ сношеній былъ все тотъ-же вопросъ о десидентахъ, которыхъ по прежнему продолжали тѣснить въ Польшѣ, несмотря на всѣ обязательства и договоры съ Россіей, относительно правъ и свободы вѣроисповѣданія православнаго элемента польскаго народонаселенія. Въ этомъ вопросѣ ближайшимъ интересомъ для насъ является то положеніе, какое могли занимать представители рода князей Мосальскихъ, относительно свободы религіи своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, но точныхъ данныхъ въ этомъ смыслѣ не имѣется, косвенныя-же говорятъ въ пользу того, что вліяніе, покрайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ выдающихся лицъ описываемой фамиліи, прибавляло свою долю гнета и гоненія на православное населеніе Литвы. Такъ въ 1756 году игуменъ виленскаго Святодуховскаго монастыря Ѳеоѳанъ Леонтовичъ, принадлежавшій къ числу энергическихъ борцовъ за русское дѣло въ западномъ краѣ, приносилъ жалобу кіевскому митрополиту ([5]), что во время похоронъ одного изъ православныхъ обывателей Вильны, студенты іезуитской коллегіи вмѣстѣ съ толпою не только подняли шумъ, крикъ и ругательства надъ православнымъ обрядомъ, но начали даже бросать грязью въ участниковъ процессіи и въ самое духовенство. Когда происшествіе дошло до свѣдѣнія Гросса (русскаго посланника при польскомъ дворѣ), то по его ходатайству король Августъ III сообщилъ литовскому канцлеру и виленскому епископу объ оказаніи удо-

([5]) Щебальскій. Русская политика и рус. партія въ Польшѣ, до Екатерины II.

влетворенія обиженнымъ, но это не повело ни къ чему; королевское повелѣніе мало имѣло вѣса въ эту эпоху полной разнузданности польскаго общества, — Леонтовичу дали совѣтъ искать удовлетворенія въ судѣ, т. е. — «о раззореніи благочестія у самихъ раззорителей просить», пояснялъ Леонтовичъ въ своей жалобѣ, прибавляя далѣе — «но какъ намъ, подлаго состоянія людямъ, съ единаго подаянія милостыни бѣдственное пропитаніе имѣющимъ, да паче всего съ самовольнымъ, неукротимымъ и благочестноненавистнымъ народомъ польскимъ, въ вѣрѣ несогласнымъ, за обиду свою съ г. Мосальскимъ фельдмаршаломъ (?) литовскимъ, съ г. Тышкевичемъ бискупомъ жмудскимъ, съ г. Ивановскимъ старостою минскимъ и прочими большими господами, графами и князьями, въ здѣшнихъ судахъ исправиться!...»

Но кромѣ этого указанія на отношенія Мосальскаго къ бѣдствующему въ Литвѣ православію, рефендарій литовскій (6) представилъ Гроссу объясненіе отъ виленскаго епископа, выставлявшее все дѣло Леонтовича въ превратномъ и искаженномъ видѣ, и слѣдовательно явился вполнѣ на сторонѣ ненавистниковъ той религіи, къ которой принадлежали однако его предки, ратовавшіе нѣкогда въ стѣнахъ того-же Святодуховскаго монастыря, въ качествѣ членовъ православнаго братства, за свободу своего вѣроисповѣданія.

Подобныя отношенія крупнѣйшихъ представителей рода Мосальскихъ къ вопросу о деситентахъ, вопросу краеуголь-

(6) Рефендаріемъ въ это время былъ Игнатій Мосальскій, впослѣдствіи епископъ виленскій.

ному, какимъ покрайней мѣрѣ онъ выставлялся въ дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Польшей, казалось не должны бы были укладываться рядомъ съ тѣмъ политическимъ тяготѣніемъ къ Россіи, которое проявлялось въ партіи, или вѣрнѣе сказать—пока въ элементахъ послѣдней, считавшей въ рядахъ своихъ и членовъ рода Мосальскихъ. Казалось бы партія, опиравшаяся на Россію, не должна была стоять враждебно къ десидентамъ покровительствуемымъ Россіей-же, но партизаны послѣдней въ сущности лишь выдавали себя за таковыхъ, ради своихъ личныхъ разсчетовъ и выгодъ, извлекавшихся ими изъ своихъ отношеній къ русскому правительству (7), не упуская гдѣ можно подъ рукой дѣлать выходки и въ родѣ вышеописанной, съ цѣлью угнетенія ненавистнаго имъ православія. Это являлось тѣмъ болѣе удобнымъ, что до вступленія на русскій престолъ Екатерины II, политика петербургскаго двора дѣйствовала вяло, нерѣшительно и партія ея партизановъ въ Польшѣ не чувствовала на себѣ энергической руки, которая направляла бы ихъ дѣйствія къ опредѣленной, неуклонной цѣли.

Въ указанномъ смыслѣ дѣйствовали напр. и такія выдающіяся въ этой русской партіи личности, какъ два брата Чарторыйскіе, оказавшіеся при выборѣ новаго короля, послѣ смерти Августа II, на сторонѣ Станислава Лещинскаго,

(7) Эта двуличная польская знать, какъ Радзивиллы, Сапѣги, Огинскіе, Потоцкіе, Любомирскіе, Мосальскіе и друг., переписывалась съ русскими сановниками, хлопотала черезъ петербургскій дворъ о полученіи разныхъ мѣстъ, выпрашивала русскіе ордена, пенсіи и т. д. (Щебальскій: Рус. политика въ Польшѣ до Екатерины II).

хотя это было совершенно противуположно видамъ Россіи, старавшейся воспрепятствовать избранію какого-бы то не было кандидата партіи французскаго двора и вознамѣрившейся, вмѣстѣ съ Австріей, возвести на польскій престолъ курфирста саксонскаго.

На довольно любопытныхъ подробностяхъ обстановки этого дѣла, нельзя нѣсколько не остановиться, такъ какъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ конвокаціоннаго и избирательнаго сеймовъ 1733 года, встрѣчаемъ одного изъ членовъ описываемой фамиліи—князя Михаила Мосальскаго ([8]).

Конвокаціонный, или созывательный, сеймъ открылся 27-го апрѣля. Епископъ краковскій отслужилъ обѣдню, послѣ которой сенаторы и послы отправились по своимъ палатамъ; должность сеймоваго маршала исполнялъ, впредь до избранія новаго, Ожаровскій, на мѣсто котораго въ четвертомъ засѣданіи былъ избранъ князь Михаилъ Мосальскій. Затѣмъ послѣ повѣрки посольскихъ полномочій и инструкцій, Мосальскій предложилъ посламъ соединиться съ сенатомъ, что наконецъ и воспослѣдовало въ двѣнадцатомъ засѣданіи, послѣ многихъ споровъ и несогласій съ познанскими депутатами, требовавшими постановленія, что-бы всѣ иностранцы—кандидаты на престолъ были устранены; чтобы сенаторы подобно земскимъ посламъ присягнули въ своей неподкупности и проч. По соединеніи пословъ съ сенатомъ, Мосальскій произнесъ

([8]) См. № 201 родосл. Исторію этихъ сеймовъ см. у Герье, въ его соч. «Борьба за польскій престолъ», гдѣ находимъ и приводимыя подробности.

рѣчь [9], на которую послѣдовала отвѣтная со стороны примаса (Потоцкаго), благодарившаго маршала и поздравившаго палату съ успѣшнымъ ходомъ начала ея занятій.

Сеймъ этотъ, по примѣру и прочихъ конвокаціонныхъ, не замедлилъ обратиться въ генеральную конфедерацію, которая рѣшила избрать королемъ неиначе какъ природнаго поляка католика, не имѣющаго ни войска, ни наслѣдственной державы. Въ послѣднихъ, самыхъ бурныхъ засѣданіяхъ, была предложена присяга на постановленія конфедераціи, встрѣтившая сильную оппозицію со стороны приверженцевъ избранія курфирста саксонскаго, но въ концѣ концовъ присяга все-таки состоялась, хотя нѣкоторыхъ лицъ, какъ напр. епископа куявскаго и Сапѣгу, вынудили къ тому почти силою; присягнулъ сенатъ, министры, затѣмъ маршалъ Мосальскій и за нимъ земскіе послы.

Послѣднее засѣданіе происходило 23 мая. Мосальскій открылъ его рѣчью, въ которой уподоблялъ сеймъ кораблю, стремящемуся войти послѣ долгихъ бурь въ гавань, но опасающемуся, чтобы новыя бури не отбросили его отъ безопаснаго берега. Затѣмъ примасъ пригласилъ присутствующихъ подписать актъ конфедераціи, безъ перечитыванія его еще разъ, но многіе возстали противъ, требуя новаго прочтенія всѣхъ статей и тогда примасъ, желая отвлечь вниманіе сво-

(9) Рѣчь эта дошла до насъ въ Swadae Polonae (Mowa pana Michala Masalskiego.... Marczalka seymu Convocationis 1733 etc.); приводимъ здѣсь въ переводѣ нѣсколько выдержекъ изъ этого произведенія, заключающаго въ себѣ напыщенный панегирикъ скончавшемуся королю:

«Свободный польскій народъ»,—началъ Мосальскій,—«хотя и не стоитъ на

ихъ противниковъ, уговорилъ Мосальскаго произнести опять рѣчь, во время которой хотѣлъ первымъ поставить свою подпись; но хитрость его однако была замѣчена и актъ заставили читать. Оказалось, что немъ было добавлено много того, о чемъ не было и рѣчи! Поднялись жалобы на обманъ, но примасъ все таки подписался, а когда другіе начали дѣлать то-же, но съ множествомъ оговорокъ, то онъ безъ церемоніи при-

одинаковой степени съ другими государствами, относительно послушанія своимъ государямъ, однако сыновнимъ долгомъ выдается среди тѣхъ, кто не царей но царства почитаютъ. Когда послѣ погребенія безсмертныхъ подвиговъ въ глубинѣ благодарныхъ помнящихъ сердецъ, возлюбленное дитя республики (т. е. посольская палата депутатовъ), а теперь собраніе поверженныхъ въ грусть, несетъ монарху дань слезъ, посольская палата недавно дававшая всему міру благозвучный тонъ, сегодня обращается въ поверженную цитру и печаль. Палата третьяго сословія, изъ которой по міру раздавалось эхо вѣрноподданства государю и любви къ отцу, превращается въ трубу общественнаго рыданія, гласящую: тому приношенія, тому слезы, который много давалъ, а умѣренно требовалъ.... Когда онъ (покойный король) вступилъ на царство, споря въ блескѣ лучей своихъ королевскихъ добродѣтелей съ сіяющимъ солнцемъ, сѣверный мракъ немедленно удалился отъ высокихъ скалъ, а луна оттомановъ потухла и отступила отъ полюса Польши. Взирая жалкимъ окомъ на закатъ столь преданнаго намъ свѣтила, угасшаго въ тѣни смерти, какъ намъ оплакивать его дождемъ слезъ, а не цѣлымъ ихъ океаномъ!...» Далѣе Мосальскій обращается къ депутатамъ: — «Мы не какъ какая нибудь чернь, но избранники изъ тысячей, приходимъ на конклавъ героевъ, въ пантеонъ божествъ, въ капитолій боговъ, жизни и счастія, для которыхъ свобода дороже всего, несемъ сердца на всесожженіе для общественнаго блага, жертвуемъ въ храмѣ согласія личными мнѣніями, не примѣшивая къ общественному ѳиміаму ничего отзывающагося частнымъ интересомъ» Затѣмъ Мосальскій разсыпается въ лести предъ примасомъ: — «Ты, отличенный этимъ достоинствомъ, находишься на горизонтѣ польскаго міра, какъ луна среди мелкихъ свѣтилъ; ты, освѣщая всѣхъ примѣромъ достойнымъ подражанія, походишь болѣе всего на луну; ниспосылая соотечественникамъ благодѣянія, разгоняя угро-

казалъ подобныя подписи вычеркнуть и убѣдилъ Мосальскаго не допускать ихъ болѣе, послѣ чего многіе уѣхали съ сейма, не подписавшись вовсе и намѣреваясь протестовать противъ всего сдѣланнаго.

Такимъ образомъ здѣсь Мосальскій является пособникомъ примаса, который интриговалъ въ пользу избранія Станислава Лещинскаго.

жающія молніями облака, ты не сходя съ предначертаннаго пути, но двигаясь одинаково съ другими планетами, обнаруживаешь всѣ свойства солнца, ты живое его подобіе, въ которомъ міръ польскій обожаетъ изображеніе добродѣтели....» Наконецъ потокъ краснорѣчія Мосальскаго обращается къ сенату и прочимъ высокопоставленнымъ лицамъ:—«Вы, составляющіе украшеніе высоко именитаго сената и великихъ министровъ, поистинѣ суть тѣ свѣтила Леды, которыя возбуждаютъ взаимное согласіе и любовь общественнаго блага,—да будутъ дни вашей жизни безоблачны».

Конецъ рѣчи достоинъ всего остальнаго: — «Изъ такихъ достохвальныхъ созвѣздій отечества почерпаемъ хорошее предвѣщаніе, что при столь благопріятной веснѣ сеймовыхъ обсужденій, въ этихъ майскихъ дняхъ появится плодъ мира на украшеніе республики, разцвѣтетъ рогъ изобилія, распустятся неувядающія розы, веселые гіацинты и безсмертные кедры замѣнятъ печальные кипарисы; капли пота, сословій республики превратятся въ драгоцѣнные камни, на украшеніе чела и короны будущаго правителя, отечество-же не только извлечетъ безчисленныя выгоды, но прострherитъ вѣтви цѣлости и безопасности туда, гдѣ только освѣщаются солнцемъ обитаемыя страны!...»

Сколько фальши и лести звучитъ въ этомъ наборѣ словъ, если припомнить всю разъединенность тогдашняго польскаго общества, всѣ безобразія сеймовыхъ засѣданій, на которыхъ хлопанье пробокъ отъ пива заглушало слова ораторовъ, или груши и яблоки летали въ голову того-же оратора, если рѣчь его надоѣдала этому «конклаву героевъ, пантеону божествъ»!... Сколько лжи и лести въ этомъ панегирикѣ умершему королю Августу II, правда отличавшемуся внѣшнимъ блескомъ, силой и наружностью, но въ то же время королю жестокому и вѣроломному, этому второму Соломону, имѣвшему по разсказамъ болѣе трехсотъ незаконныхъ дѣтей!...

25-го Августа долженъ былъ открыться избирательный сеймъ. Одна часть массы избирателей собиралась подъ самой Варшавой, другая,—не раздѣлявшая постановленій прошлаго сейма, именно Новогродское воеводство, съ Радзивилломъ во главѣ, остановилась отъ Варшавы въ нѣсколькихъ миляхъ,—въ Венгровѣ, и отсюда отправила депутацію къ примасу и Мосальскому, съ требованіемъ освобожденія отъ присяги, установленной на минувшемъ конвокаціонномъ сеймѣ. Депутація вернулась безъ успѣха и тогда Новогродское воеводство, къ которому присоединились еще Минское и Подляшское, составили изъ себя конфедерацію.

Между тѣмъ открылся и самый сеймъ. 26-го Августа Мосальскій, въ качествѣ прежняго, еще не замѣщеннаго другимъ, маршала, обходилъ воеводства, составляя списки тѣмъ, которые еще не присягали. Третье засѣданіе, подобно предшествовавшимъ, также прошло даромъ,—спорили напр., гдѣ должно стоять кресло маршала: депутаты, сидѣвшіе далеко отъ Мосальскаго, потребовали, чтобы кресло это перенесли на середину залы. Мосальскій согласился, но другіе депутаты снова перетащили его на старое мѣсто, заявляя, что право сидѣть около предсѣдательскаго кресла принадлежитъ имъ, а не ихъ противникамъ. Наконецъ 28-го числа былъ избранъ новый маршалъ Раджевскій и роль Мосальскаго окончилась.

12-го Сентября послѣдовало избраніе Станислава Лещинскаго, но въ предѣлы Польши вступили уже русскія войска, вслѣдствіе чего противники новаго короля, еще до того

покинувшие сеймъ, собрались въ Граховѣ и провозгласили съ своей стороны королемъ курфирста саксонскаго. Вмѣшательство Россіи взяло верхъ и на престолъ Польши вступилъ Августъ III.

Въ продолжительное и бурное по внутреннимъ безпорядкамъ царствованіе этого государя, о Мосальскихъ не встрѣчаемъ выдающихся чѣмъ нибудь извѣстій. Изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ однако видно, что упоминавшійся выше князь Михаилъ не отставалъ отъ толпы прочей польской знати, осаждавшей русское правительство разными вымогательствами и просьбами, относительно ходатайства о полученіи мѣстъ, денегъ, орденовъ и проч.. Такимъ путемъ сынъ князя Михаила Игнатій, получилъ напр. мѣсто коадъютора при виленскомъ епископѣ, изъ чего вмѣстѣ съ тѣмъ можно заключить, что петербургскій дворъ смотрѣлъ попрежнему на Мосальскаго, какъ на одного изъ корифеевъ русской партіи, несмотря на двумысленныя его дѣйствія во время предшествовавшаго избирательнаго сейма. Въ подобномъ же свѣтѣ проглядываютъ отношенія Мосальскихъ къ русскому двору и въ нѣкоторыхъ частныхъ ихъ письмахъ; напр. Янъ Мосальскій пишетъ въ 1757 году, что князь Волконскій (новый посолъ въ Варшавѣ) проѣздомъ отзывался въ Гроднѣ благосклонно объ ихъ партіи и далъ увѣреніе, что будетъ полезенъ для дѣлъ Мосальскихъ; въ другомъ письмѣ, повидимому Игнатія Мосальскаго, также передается, какъ у послѣдняго обѣдалъ Волконскій и проводилъ съ нимъ большую часть времени, какъ оба они признали родственность Мосальскихъ находя-

щихся въ Литвѣ и Россіи, какъ Волконскій намѣревался съ нимъ кореспондировать, обѣщалъ помощь въ какомъ-то дѣлѣ, какъ они разцѣловались при разставаньи и т. д. ([10]).

Самыя бурныя событія въ Польшѣ, начинаются со смертью Августа III, послѣдовавшей въ 1763 году, когда въ польскія дѣла энергически вмѣшались умъ и рука Екатерины II. Въ событіяхъ этихъ однимъ изъ весьма видныхъ дѣятелей является другое лицо описываемой фамиліи,—князь Игнатій Мосальскій епископъ виленскій.

Предстояло избраніе новаго короля,—борьбѣ партій открылся широкій просторъ. Слѣдуя за знаменемъ своихъ вожаковъ, князья Мосальскіе, или покрайней мѣрѣ два виднѣйшихъ представителя ихъ,—гетманъ Михаилъ и сынъ его епископъ Игнатій, дѣйствовали вмѣстѣ съ Чарторыйскими въ пользу избранія покровительствуемаго Россіей кандидата на престолъ—Станислава Понятовскаго; противниками ихъ были Радзивиллъ, Браницкій и Потоцкій, сторонники саксонскаго дома.

Каковы отношенія существовали между обѣими партіями, враждовавшими еще при жизни Августа III, могутъ дать понятіе слѣдующіе факты:

Литовское дворянство, собравшись въ апрѣлѣ 1763 года для установленія трибунала, составило оффиціальный протестъ, въ которомъ изложено, что общество бѣдствуетъ отъ царствующаго между гражданами разъединенія и раздора, что

([10]) Археогр. сборн. докум. относящ. къ ист. сѣв.-зап. Руси (Письма Мосальскихъ, 1757 г.).

18

на сеймикахъ господствуютъ насилія и уголовныя преступленія, посредствомъ которыхъ производятся самые незаконные выборы депутатовъ въ трибуналъ, производятся выборы въ какихъ-то тайныхъ сборищахъ, или на двухъ сеймикахъ одного и того-же воеводства, но составившихся изъ членовъ противуположныхъ партій, что въ трибуналахъ обнаруживаются притѣсненія и несправедливости, нарушеніе правъ и законовъ, что наконецъ нынѣ князь виленскій воевода (Радзивиллъ) не только держитъ на готовѣ свое войско въ Вильнѣ и предмѣстьяхъ ея, но позволилъ себѣ даже окружить ими домъ судебныхъ засѣданій, чтобы силою оружія распоряжаться дѣйствіями трибунала ([11]). На другой день послѣдовалъ допол-

---

([11]) Сохранилось письмо короля къ Михаилу Мосальскому, гетману великого княжества Литовскаго, въ которомъ королемъ рекомендуется охраненіе порядка. Текстъ этого письма (въ переводѣ) отъ 24 апр. 1763 г. слѣдующій:

«Возвратившись изъ Вильны...., преосвященный епископъ каменецкій разсказалъ намъ къ нашему удовольствію, о спокойномъ, какъ мы желали, установленіи главнаго трибунала великого княжества Литовскаго и о стараніяхъ вашей милости, приложенныхъ вами для спасенія непоколебимаго спокойствія своего общаго отечества. Остается еще, чтобы трибунальная стража, во исполненіе положительнаго закона, была предоставлена въ распоряженіе самихъ маршаловъ трибунала, а нынѣ отдана князю Радзивиллу подкоморію великого княжества Литовскаго, какъ трибунальному маршалу. Въ чемъ, когда ваша милость отнеслись къ волѣ и мнѣнію нашему, не можемъ какъ только на основаніи закона желать и рекомендовать вашей милости, чтобы вышеупомянутая стража, предназначенная для конвоя трибуналовъ, оказывала свои услуги также нынѣшнему.... какъ и прежнимъ трибуналамъ. Удаляясь по неотложнымъ обстоятельствамъ изъ королевства въ подвластныя намъ земли, рекомендуемъ вашей милости, обязывая любовью къ отечеству, обратить первыя свои мысли и старанія на сохраненіе общественнаго спокойствія, которое мы поставляемъ всегда за цѣль нашей заботливости, надѣясь что ваша милость не уронитъ тѣмъ полноты вашей славы и заслугъ въ отечествѣ, если послѣднее останется

нительный протестъ тѣхъ-же лицъ, заявившихъ, что Радзивиллъ попрежнему стоитъ съ пушками подъ стѣнами ихъ собранія и еще болѣе усилилъ караулы, препятствуя доступу въ собраніе лицамъ противной Радзивиллу партіи, что духовенство опасаясь кровопролитія, не могло продолжать богослуженія и начать приводъ къ присягѣ, что такимъ путемъ воевода составилъ трибуналъ только изъ лицъ себѣ преданныхъ и проч. Протесты подписаны множествомъ лицъ и въ томъ числѣ гетманомъ Михаиломъ Мосальскимъ (12).

Это было еще при жизни Августа III, авторитетъ королевской власти котораго оказывался безсильнымъ прекратить насильства враждующихъ. Въ наступившее затѣмъ междуцарствіе, вражда еще болѣе разгорѣлась. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, дѣйствія князей Мосальскихъ въ эту пору вызвали Родзивилла опять на крайнія средства.—Предстояли выборы на избирательный сеймъ, но на предварительныхъ сеймиковъ Мосальскіе будто-бы такъ успѣшно дѣйствовали подкупами, что ни одинъ изъ депутатовъ, поддерживаемыхъ Радзивилломъ, не былъ избранъ (13); тогда взбѣшенный воевода ворвался съ двумя стами человѣкъ въ Вильну и окруживъ дворецъ епископа Игнатія Мосальскаго, пригрозилъ послѣднему смертью, напомнивъ ему участь епископовъ,

---

въ спокойствіи. При этомъ желаемъ хорошаго отъ Господа здоровья». (Рукописное отд. Имп. публ. библ. «Rózne manifesta, memorialy... do historyi polskiej od. r. 1740, do r. 1790 nalezące», стр. 229).

(12) Volumina legum, т. VII, 64, 67.

(13) Michaud: Biographie universelle (ст. Massalski).

поплатившихся жизнью за вмѣшательство въ политику ([14]). По удаленіи Радзивилла, Мосальскій засѣлъ за баррикадами въ каѳедральномъ соборѣ и принялся за организацію конфедераціи. Появился манифестъ ([15]), въ которомъ перечислялись безчинства Радзивилла, упоминались вышеприведенные протесты литовскаго дворянства, всѣ творившіяся насильства и беззаконія, нападеніе на епископа — «съ нарушеніемъ неприкосновенности духовнаго дома», представлена мрачная картина состоянія общественнаго порядка, финансовъ, судовъ и т. д., въ виду чего всѣ, непринявшіе еще участія въ сконфедерованномъ союзѣ, приглашались присоединиться къ нему и назначить депутатовъ на сеймъ ([16]).

Въ Маѣ 1764 года открылся конвокаціонный сеймъ, не замедлившій признать вполнѣ законными всѣ мотивы, послужившіе къ образованію упомянутой конфедераціи, и самую легальность послѣдней; сеймъ уничтожилъ рѣшенія трибуналовъ, составленныхъ, какъ мы видѣли выше, Радзивилломъ, а послѣдняго за всѣ приведенныя имъ насилія и безчинства постановилъ призвать къ суду предъ конфедерацію ([17]).

([14]) При этомъ, какъ передаютъ, Радзивиллъ прибавилъ Мосальскому: «Если будешь вторично покушаться на что нибудь подобное, то имѣй въ виду, что у меня есть въ запасѣ 100000 червонныхъ, для полученія въ Римѣ разрѣшенія»! (Сырокомля: Wędrowki po moich niegdys ocolicach).

([15]) Volumina legum, т. VII, 57—63.

([16]) Манифестъ подписанъ въ числѣ прочихъ и Игнатіемъ Мосальскимъ, но впрочемъ только касательно огражденія интересовъ церкви. Нѣсколько позже состоялся актъ присоединенія разныхъ лицъ къ упоминаемой конфедераціи, подъ которымъ встрѣчаемъ подписи гетмана Михаила Мосальскаго и сына его Іосифа. (Volumina legum, т. VII, 71—72).

([17]) Volumina legum, т. VII, 56—57.

Результатомъ этого постановленія произошло вооруженное столкновеніе съ Радзивилломъ. Послѣдній, возвращаясь съ своей свадьбы съ княжною Любомирской, опустошилъ Тирасполь, разбилъ посланное для поимки его войско и въ заключеніе заявилъ въ брестскомъ гродскомъ судѣ манифестъ о своихъ дѣяніяхъ. Въ отвѣтъ на это конфедерація, въ августѣ мѣсяцѣ, издала въ Гроднѣ декретъ, обвинявшій Радзивилла въ государственной измѣнѣ и объявлявшій его врагомъ отечества. Конфедерація отняла у него санъ воеводы, предписала разоружить его замки въ Несвижѣ, Слуцкѣ и Бѣлой, взять въ администрацію его имѣнія, а самого Радзивилла заточить въ Слуцкѣ, опредѣливъ на его содержаніе только десять тысячъ злотыхъ.

Послѣ тщетныхъ попытокъ къ сопротивленію, Радзивиллъ бѣжалъ въ Турцію ([18]).

Таковы были перипетіи этого характернаго эпизода изъ борьбы партій, раздиравшихъ тогдашнюю Польшу. Были ли еще другіе мотивы, обставлявшіе образованіе упомянутой конфедераціи, независимо отъ личныхъ столкновеній съ своеволіемъ Радзивилла, — вопросъ другой. Существуютъ мнѣнія, что въ разсчеты партіи, въ рядахъ которой дѣйствовали Мосальскіе, входило даже прямое намѣреніе обратить предстоявшій вольный сеймъ въ конфедераціонный, на которомъ

([18]) Сырокомля: Wędrowki po moich niegdys ocolicach. Не безъинтересно, что въ числѣ четверыхъ опекуновъ надъ братомъ и сестрами Радзивилла, были назначены Михаилъ гетманъ и Игнатій епископъ Мосальскіе.

бы не было мѣста пресловутому liberum veto, а въ рѣшеніи вопросовъ играло бы роль одно большинство, такъ какъ послѣднее было на ихъ сторонѣ ([19]). На это дѣйствительно могутъ намекать нѣкоторыя обстоятельства, свидѣтельствующія вмѣстѣ съ тѣмъ, что епископъ Мосальскій, по поводу образованія конфедераціи, имѣлъ непосредственныя сношенія съ Петербургомъ. Такъ сохранилось его подлинное письмо ([20]), отъ 6-го апр. 1764 г., писанное неизвѣстно впрочемъ къ кому, но по польски, въ которомъ Мосальскій между прочимъ проситъ о доставленіи обѣщанной поддержки и прибавляетъ, что если она прибудетъ, то — «дѣло, задуманное прошлымъ лѣтомъ и спасительное для отечества, успѣшно и скоро придетъ къ окончанію». — «Чрезъ недѣлю» продолжаетъ Мосальскій, — «здѣсь начнется та генеральная конфедерація, которая принесетъ много добра республикѣ». Кромѣ того изъ сохранившихся документовъ видно, что Игнатій Мосальскій получалъ изъ Петербурга и денежныя субсидіи ([21]), вѣроятно для той же цѣли составленія конфедераціи, являвшейся орудіемъ для возведенія на престолъ кандидата выставленнаго Россіей, т. е. Станислава Понятовскаго.

([19]) Pamiętniki do panowania Augusta III, рукоп. Китовича, изд. Войковскимъ.

([20]) Rózne manifesta, memorialy.... do historyi polskiej, 1740—1790 г. (Рукоп. Имп. публ. библ., стр. 509).

([21]) Такъ Панинъ, въ письмѣ своемъ изъ Петербурга, отъ 10-го марта 1764 г., къ Броуну (лифляндскому генералъ-губернатору), сообщалъ, что Кейзерлингъ и Репнинъ въ Варшавѣ—«для службы и интересовъ ея величества дали отъ себя епископу виленскому Мосальскому ассигнацію въ десять тысяч червонныхъ, на имя вашего высокопревосходительства» и предлаалъ Броунъ

Какъ бы то не было, но русская партія въ Польшѣ достигла своей цѣли. Гетманъ Мосальскій между прочимъ издалъ универсалъ, требовавшій чтобы всѣ военные явились къ своимъ хоругвямъ, но для партіи Чарторыйскихъ сдѣлалъ исключеніе, и такимъ образомъ разрѣдилъ ряды своихъ противниковъ. Затѣмъ партія Чарторыйскихъ, располагая большинствомъ въ конфедераціи, отняла власть у коронныхъ гетмановъ и назначила генеральнымъ региментаремъ князя Августа Чарторыйскаго, но для гетмана Мосальскаго было сдѣлано исключеніе, мотивированное тѣмъ, что такъ какъ великій гетманъ литовскій твердо стоитъ при республикѣ, находясь лично на сеймѣ, то ему сохраняются въ ненарушимости всѣ его права и преимущества ([22]).

Результатъ хода дѣлъ извѣстенъ:—7-го сентяря на престолъ Польши былъ избранъ Станиславъ Понятовскій, сдѣлавшійся королемъ подъ именемъ Станислава-Августа.

Въ данномъ случаѣ Мосальскіе, какъ видимъ, дѣйствовали совершенно согласно съ интересами Россіи, такъ что епископъ Игнатій имѣлъ напр. даже личныя сношенія съ Екатериной II, во время посѣщенія ею Митавы въ томъ-же 1764 году. Изъ писемъ Императрицы къ Панину ([23]) можно

произвести по ней уплату («XVIII вѣкъ», сборникъ Бартенева, т. 3). Затѣмъ Броунъ донесъ Екатеринѣ, что упомянутыя деньги вручены посланному отъ Мосальскаго канонику.

([22]) Китовичъ: Pamiętniki.... и проч.

([23]) Русскій историч. сборникъ, т. VII, 367—370.

Екатерина посѣтила Ригу 9-го іюля (1764 г.). Отъ 15-го числа того-же мѣ-

заключить, что Екатерина была благосклонна къ Мосальскому, покрайней мѣрѣ поручала увѣдомить послѣдняго, что она— «твердо и непремѣнно въ своихъ сантиментахъ пребываетъ и пребудетъ». Однако скоро эти «сантименты» измѣнились, лишь выступилъ на сцену старый вопросъ о правахъ десидентовъ, въ которомъ епископъ Мосальскій сталъ опять на противуположную сторону. Почти подобное-же положеніе заняли въ этомъ случаѣ и Чарторыйскіе, съ которыми Мосальскіе были заодно до сихъ поръ, причемъ и мотивы новой диверсіи у тѣхъ и другихъ были сходны: Чарторыйскіе видя

сяца она писала отсюда къ Никитѣ Панину: «Бископъ виленской Мосальскій прислалъ сюда Бендре спросить у меня, велю-ли я ему сюда пріѣхать и ждать-ли ему меня въ Митавѣ. Я въ семъ послѣднемъ городѣ ему назначила свиданіе, дабы избѣгнуть множества embarras въ пріемѣ и въ угощеніи; а между тѣмъ я брату вашему приказала завтрешній день въ пріѣздъ мой въ Митавѣ съ нимъ говорить и увѣрить его моимъ имянемъ, что я твердо и непремѣнно въ своихъ сантиментахъ пребываю и пребуду; что я пріѣхала сюда для единыхъ экономическихъ дѣлъ и министра по иностранному департаменту со мною нѣту; однакожъ, есть-ли онъ имѣетъ, что время нетерпящаго мнѣ донести, то-бъ онъ ему о томъ сказывалъ, а впрочемъ адресовался бы къ моимъ министрамъ, и коммиссіи дала брату вашему, дабы онъ отклонилъ отъ меня политическую конверсацію, въ которую я неохотно вступаю».

Въ другомъ письмѣ къ тому-же Панину, Екатерина пишетъ о Мосальскомъ: «Я вчерашній день была въ Митавѣ и видѣла бископа виленскаге. Онъ человѣкъ лѣтъ 26-ти, кажется уменъ и при мнѣ скроменъ былъ, но сказывалъ мнѣ герцогъ (курляндскій), что наканунѣ того дня онъ показывалъ великое хвастовство и герцогъ весьма разумно ему, есть-ли вѣрить его словамъ, отвѣтствовалъ. Онъ, бископъ, за столомъ сидѣлъ съ хозяиномъ противъ меня, а герцогиня по правую сторону возлѣ меня, а гетманъ съ лѣвой», и т. д.

Наконецъ въ третьемъ своемъ письмѣ императрица сообщаетъ Панину, что брату послѣдняго Игнатій Мосальскій подалъ два мемуара, которые она приказала отослать къ министрамъ.

все вліяніе Репнина на короля Станислава-Августа, сознавали свою второстепенную роль, а это было несогласно съ ихъ честолюбивыми стремленіями—быть первыми лицами въ государствѣ, почему они и охладѣли къ русскимъ интересамъ; Мосальскій, не достигнувъ еще такого значенія въ странѣ какъ Чарторыйскіе, не могъ пренебрегать популярностью въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ поддержкѣ фанатическаго католицизма противъ домогательствъ десидентовъ, популярностью ему необходимой для пріобрѣтенія важнаго значенія въ государствѣ ([24]); говоря проще—выгоды Мосальскаго требовали, чтобы онъ сталъ въ оппозицію противъ десидентовъ, сообразно съ чѣмъ онъ и не замедлилъ направить свои дѣйствія.

Настойчивыя домогательства Репнина по вопросу о десидентахъ, встрѣчали сильное сопротивленіе со стороны противниковъ, но Екатерина рѣшилась, хотя бы путемъ чрезвычайныхъ мѣръ, достичь своей цѣли, чтобы на предстоявшемъ сеймѣ 1766 года дѣло десидентовъ было рѣшено въ пользу послѣднихъ; рѣшено было не остановиться даже передъ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ неудачи на сеймѣ, образовать изъ десидентовъ конфедерацію и поддержать ее силою рус-

([24]) Такъ его рисуютъ намъ и современники. Напр. Сальдернъ (смѣнившій въ 1771 г. Волконскаго) въ своихъ донесеніяхъ очерчивалъ Мосальскаго, что это человѣкъ лукавый и ненадежный, вѣтряный какъ французскій аббатъ петиметръ, надутый въ то-же время своими достоинствами и дарованіями и стремящійся къ возвышенію. Онъ,—прибавляетъ Сальдернъ,—имѣетъ нѣкоторый кредитъ къ Литвѣ, но и то у мелкихъ людей. (Соловьевъ: Исторія паденія Польши).

скаго оружія. Противная партія также не бездѣйствовала и въ виду приближавшагося сейма начала раздувать религіозныя страсти. Епископы Солтыкъ, Красицкій и Мосальскій распространяли по епархіямъ свои пастырскія посланія ([25]), въ которыхъ предписывали католическому духовенству совершать молебствія, объ отвращеніи грозящей ихъ религіи опасности, проповѣдывать народу противъ вѣротерпимости и всѣми силами внушать противодѣйствіе проведенію будущаго закона на сеймѣ. Со стороны Репнина была сдѣлана попытка отвлечь упомянутыхъ агитаторовъ отъ ихъ пропаганды, но безуспѣшно ([26]),—епископы даже еще разъ повторили свои

([25]) Костомаровъ: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.

([26]) Въ современныхъ матеріалахъ (Іюль 1766 г.) по поводу этого читаемъ: Прошлаго мѣсяца, къ находящемуся еще въ Литвѣ виленскомуе пископу пріѣхалъ русскій полковникъ Сухотинъ, съ тремя предложеніями отъ Репнина: 1) Дабы его преосвященство епископъ ни самъ лично, ни черезъ друзей, ни посредствомъ какихъ либо писемъ, не дерзалъ агитировать на будущемъ сеймѣ противъ десидентовъ, требующихъ свободы богослуженія; 2) Не домогаться выхода русскихъ войскъ изъ земель республики и 3) Не требовать увеличенія числа, комисаровъ для опредѣленія границы между Россіей и Польшей. На это Игнатіемъ Мосальскимъ былъ данъ слѣдующій отвѣтъ: «Я не устрашенъ новостію дѣла и небывалымъ поступкомъ иностраннаго посла и, чтобы не показалось что я хочу промолчать на столь суровый вопросъ, отвѣчаю: Объ увеличеніи комисаровъ по опредѣленію границъ я никогда не помышлялъ, но когда вы подобнымъ предложеніемъ возбудили во мнѣ мысль о небезопасности ихъ, я буду настаивать, чтобы назначенные комисары рѣшали не окончательно, но докладывали сейму Затѣмъ вся страна видитъ, что въ нынѣшнемъ году мы испытали въ великомъ княжествѣ Литовскомъ почти всеобщій голодъ, такъ какъ же намъ не требовать, чтобы солдатъ не отнималъ у насъ послѣдняго куска хлѣба, едва достаточнаго для утоленія собственнаго голода. Относительно же перваго изъ вашихъ пунктовъ могу сказать, что коль скоро Императрица получитъ надлежащее понятіе о католической религіи, то безъ сом-

посланія и Репнину осталось приложить къ дѣлу крайнія мѣры, такъ какъ 11-го ноября вопросъ о десидентахъ снова провалился на сеймѣ.

Рѣшено было приступить къ организаціи конфедераціи, по проекту предложенному Репнину рефендаріемъ Подосскимъ: — выставить знаменемъ ея неудовольствіе противъ короля.

Конфедераты собрались въ Радомѣ; здѣсь ихъ оцѣпили русскими войсками и объявили обязательную програму дѣйствій—требовать новаго чрезвычайнаго сейма, на которомъ бы десидентамъ были даны требуемыя права. Конфедератамъ пришлось покориться, хотя они собрались ради другихъ цѣлей, и въ сентябрѣ 1767 года открылся новый сеймъ. Репнинъ дѣйствовалъ рѣшительно: съ одной стороны лица пытавшіяся противодѣйствовать на сеймѣ, какъ напр. Солтыкъ и епископъ Залусскій, были имъ арестованы, съ другой— въ награду за помощь рефендарія Подоскаго, послѣднему дали важнѣйшую награду—назначили примасомъ, какъ бы

нѣнія убѣдится, что въ дѣлѣ защиты религіи и недопущенія распространенія еретическихъ заблужденій, всякій епископъ истинной Христовой церкви долженъ быть столь твердымъ и ревностнымъ, что не долженъ останавливаться ни передъ страхомъ, ни предъ обольщеніемъ надежды. Принявъ въ этомъ случаѣ неизмѣнное рѣшеніе, я при помощи Божіей выполню долгъ моего сана».

Равнымъ образомъ, въ томъ же смыслѣ не противодѣйствовать дѣлу десидентовъ, получилъ отъ Репнина предложеніе и епископъ краковскій (Солтыкъ), отвѣтившій «съ подобающею епископу ревностью», что ни въ какомъ случаѣ не согласится на это.

(Рукописн. отд. Имп. публ. библ.: Zbior pism publicznych .... и проч., 1753—1769 г., л. 42, 43).

въ назиданіе прочимъ. Въ концѣ концовъ цѣль Екатерины была достигнута: десиденты добились уравненія своихъ правъ съ католиками ([27]).

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ, роль Мосальскаго опять нѣсколько измѣнилась, по крайней мѣрѣ его уже встрѣчаемъ не открытымъ противникомъ Россіи, а преслѣдующимъ свои личныя выгоды въ сближеніи съ представителями послѣдней.

Положеніе дѣлъ въ Польшѣ, послѣ упомянутаго выше сейма, далеко не могло назваться удовлетворительнымъ. Въ Барѣ образовалась новая конфедерація изъ противниковъ сейма, конфедерація хотя и терпѣвшая пораженіе за пораженіемъ отъ русскихъ войскъ, но тѣмъ не менѣе проявлявшая свое существованіе, находя себѣ убѣжище за границей. Между тѣмъ въ Варшавѣ явился новый представитель Россіи—Волконскій, замѣнившій Репнина, и ему епископомъ Игнатіемъ былъ предложенъ планъ составить реконфедерацію. Мосальскій въ описываемое время велъ большой процессъ съ своими родственниками ([28]), процессъ клонившійся не въ его пользу и ради котораго епископъ позволялъ себѣ даже такія-же насилія, какъ тѣ, противъ которыхъ онъ когда-то самъ-же торжественно протестовалъ ([29]). Надежда

([27]) Костомаровъ: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.

([28]) Несловскими, т. е. съ сестрой своей Екатериной и ея мужемъ (см. ниже).

([29]) Какъ напр. въ 1763 году противъ дѣйствій Радзивилла; теперь, въ дошедшемъ до насъ письмѣ короля къ Мосальскому, Станиславъ-Августъ съ горечью упрекаетъ епископа въ совершеніи подобныхъ же дѣяній. Вотъ текстъ

повернуть ходъ дѣлъ въ свою пользу, опираясь на вліяніе представителя русскаго двора, была какъ видно одною изъ побудительнѣйшихъ причинъ перемѣны въ поведеніи Мосаль-

(въ переводѣ) этого письма, писаннаго въ сентябрѣ 1770 года: «Послѣднія извѣстія полученныя изъ Вильны, удивляя и опечаливая меня, побуждаютъ отнестись къ вамъ, милостивый государь. Удивляютъ меня неожиданныя и доселѣ вовсе неслыханныя новости и нападенія на санъ трибунальнаго маршала, произведенныя именно тѣмъ, кто до сихъ поръ столь сильно и дѣйствительно, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, порицалъ самовластіе другихъ, порицалъ угрозы и насилія частныхъ лицъ, пользовавшихся своими средствами и численностію своихъ приверженцевъ, для поруганія судебныхъ мѣстъ. Опечаливаетъ и поражаетъ меня то обстоятельство, что виновникомъ подобныхъ дѣйствій является именно тотъ, кого я думалъ выставлять всегда за образецъ хорошаго и спокойнаго гражданина. Если бы кто нибудь предсказалъ мнѣ, что настанетъ время, когда маршалъ трибунала, добросовѣстный, ревностный и благоразумный, будетъ принужденъ взывать къ королю о помощи, противъ вашихъ, милостивый государь, нападеній, то подобнаго предсказателя я назвалъ бы лжецомъ. Если бы тотъ же пророкъ прибавилъ еще, что вы дадите волю своимъ порывамъ единственно ради ссоры, изъ за денежныхъ разсчетовъ, съ родною сестрою и съ двадцатилѣтнимъ другомъ, видѣть котораго своимъ зятемъ вы считали такъ желательнымъ, с чемъ десять лѣтъ тому назадъ сами заявляли, такого пророка я отогналъ бы отъ себя какъ безсовѣстнаго клеветника.

Но если уже таковы послѣдствія измѣнчивости человѣческой, если въ плачевномъ положеніи нашемъ, въ одной части страны существуетъ еще нѣкоторое подобіе правленія, то неужели нужно и его погубить окончательно и неужели въ эту гибель и неурядицу Литва будетъ ввергнута рукою епископа!

Когда уже дѣло доходитъ до того, что глава правосудія взываетъ къ королю о поддержкѣ и спасеніи, скажите вы сами, милостивый государь, можетъ ли король отказать въ требуемой помощи, подобаетъ ли королю болѣе цѣнить особу священника Мосальскаго, чѣмъ охранять достоинство правительства? Неужели наконецъ должно быть такъ, что вы, милостивый государь, вмѣсто облегченія и помощи, причините мнѣ, невинно огорченному столькими нападками, еще горести! Пишу это любящій васъ, но печальный и сознающій свой долгъ».

Отвѣтъ Мосальскаго королю заключалъ въ себѣ общія оправданія, но одна-

скаго, принимавшаго весьма легко то ту, то другую сторону, смотря по обстоятельствамъ. Такъ когда при Сальдернѣ, смѣнявшемъ въ 1771 году Волконскаго, обсуживались мѣры для возстановленія порядка въ Польшѣ и были созваны королемъ съ этой цѣлью епископы, сенаторы и шляхта, то между прочимъ выяснились и мотивы новаго образа дѣйствій Мосальскаго. Епископъ виленскій, въ числѣ прочихъ «друзей» Россіи, заявилъ, что необходимо вступить въ сношенія съ конфедератами и затѣмъ созвать сеймъ для обсужденія тѣхъ соглашеній, которыя можетъ представить русское правительство. Донося въ Петербургъ обо всемъ этомъ, Сальдернъ передавалъ между прочимъ ([30]), что онъ два часа старался «исправить голову Мосальскаго», но все напрасно:— въ отвѣтъ на вопросы Сальдерна о дѣлахъ государственныхъ, епископъ напиралъ на одно—чтобы ему была оказана помощь въ его тяжбахъ. Раздраженный Сальдернъ долженъ былъ, наконецъ, рѣзко высказаться, что считаетъ для себя безчестнымъ вмѣшиваться въ частныя дѣла и оказывать давленіе на правосудіе и что императрица будетъ презирать

ко не отрицаніе самыхъ фактовъ; онъ пишетъ, что маршалы въ трибуналѣ позволяютъ себѣ дѣлать неслыханныя беззаконія и насильства, что въ своихъ поступкахъ онъ якобы руководствовался не столько личными интересами, сколько дѣломъ всѣхъ жителей великого княжества Литовскаго, что слѣдовало бы примѣромъ строгаго наказанія изгнать укоренившуюся практику доносовъ у властей и прибавляетъ, между прочимъ, что «во время царствованія Вашего Величества никто изъ подданныхъ не испыталъ столькихъ притѣсненій, какъ я и домъ мой!» (Рукоп. отд. импер. публ. библ.: Zbior pism publicznych . . . . и проч., 1770—1773 г , л. 126, 128).

([30]) Соловьевъ: Исторія паденія Польши.

всѣхъ тѣхъ, у кого на первомъ планѣ свои частные интересы въ то время, когда дѣло идетъ о прекращеніи бѣдствій общественныхъ. Наконецъ, на замѣчаніе Мосальскаго—что въ Литвѣ насчитывается до 52,000 тайно сконфедерованной шляхты, Сальдернъ отвѣчалъ: «Жаль что не вы командуете этой шляхтой, потому что 6000 русскихъ солдатъ находящихся въ Литвѣ, разбили-бы васъ въ пухъ!»

Эти подробности весьма характерны, для обрисовки отношеній епископа виленскаго къ интересамъ Россіи и подкладки его дѣйствій, клонившихся въ сущности къ собственному, личному возвышенію, къ образованію сильной партіи въ свою пользу и къ сохраненію всѣми правдами и неправдами своихъ матеріальныхъ интересовъ. Дѣла Польши все болѣе и болѣе запутывались, несмотря на развитіе плана реконфедераціи, предложеннаго какъ уже сказано выше— епископомъ виленскимъ. Конфедераты нашли поддержку въ французскомъ правительствѣ и предводительствуемые Дюмурье достигли было нѣкотораго успѣха, но дѣйствія Суворова покончили все къ веснѣ 1772 года. Наступилъ первый раздѣлъ Польши, выразившійся уступкою нѣсколькихъ пограничныхъ воеводствъ Россіи, Австріи и Пруссіи, для чего былъ созванъ сеймъ, обращенный въ конфедерованный (чтобы дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ). Новый представитель Россіи послѣ Сальдерна,—Штакельбергъ, дѣйствовалъ на столько энергично, что весной 1773 года не затруднился даже ввести русскія войска въ самую Варшаву, чѣмъ и далъ сеймовымъ дѣламъ желаемое направленіе. Сеймъ издалъ постано-

вленіе, въ которомъ излагалось, что запутанныя и угрожающія крайнею опасностью отношенія республики къ сосѣднимъ державамъ, требуютъ прежде всего разсмотрѣнія претензій упомянутыхъ державъ, относительно занятыхъ ими провинцій, почему рѣшено немедленно войти въ соглашеніе съ петербургскимъ, вѣнскимъ и берлинскимъ дворами и для этого назначается особая делегація, съ полномочными правами для веденія переговоровъ. Въ составѣ членовъ этой делегаціи, назначенныхъ изъ сената, находился и епископъ Мосальскій ([31]), которымъ въ числѣ прочихъ подписаны были въ сентябрѣ 1773 года три трактата: съ Россіей, Австріей и Пруссіей, относительно такъ называемаго перваго раздѣла Польши ([32]).

Остальными вопросами по государственному устройству, сеймъ этотъ занимался еще до весны 1775 года, выработывая постановленія согласныя съ условіями гарантіи со стороны Россіи, относительно вновь установившихся основъ государственнаго порядка въ Польшѣ. Такъ между прочимъ былъ созданъ при королѣ постоянный Совѣтъ,—учрежденіе ненавистное множеству поляковъ, въ которомъ состоялъ членомъ епископъ Мосальскій ([33]) и которое позже подверглось такимъ нападкамъ, во время вновь начавшихся замѣшательствъ.

Въ событіяхъ этихъ, связанныхъ съ сеймомъ 1789 года, епископъ Игнатій является опять въ роли довольно двулич-

---

([31]) Volumina legum, т. VШ, 5, 6.
([32]) Тамъ же, т. VШ, 12—39.
([33]) Тамъ же, т. VШ, 86.

ной. Такъ, напр. когда на сеймовыхъ засѣданіяхъ обсуждался вопросъ объ уничтоженіи вышеупомянутаго Совѣта, то король, примасъ и Мосальскій отстаивали его существованіе, какъ созданное конституціей 1775 года, которой покровительствовала Россія; когда-же въ маѣ 1791 года, въ Польшѣ превозгласили конституцію новую, то дѣйствія Мосальскаго опять получаютъ какъ бы иную окраску. Дѣло въ томъ, что вновь установленные порядки имѣли противъ себя многочисленныхъ враговъ и такимъ образомъ составились двѣ партіи: одна часть поляковъ ликовала, другая-же настолько стояла за сохраненіе старой конституціи, что отправила даже депутацію въ Петербургъ, съ просьбою о поддержкѣ; въ ряду этихъ ликованій и пиршествъ первой партіи, принялъ свою долю участія и Мосальскій: когда въ назначенные дни по городамъ совершались торжественныя богослуженія, говорились проповѣди въ превозношеніе новыхъ порядковъ и лицъ создавшихъ таковыя и когда въ связи со всѣмъ этимъ затѣялись празднества, по поводу наступившаго дня рожденія короля (17 янв.), то и епископъ Игнатій не преминулъ задать въ Вильнѣ, послѣ торжественнаго богослуженія, роскошный обѣдъ на сто человѣкъ ([34]).

([34]) Тѣмъ не менѣе новый русскій посолъ въ Польшѣ, Булгаковъ, аттестуя въ Петербургѣ разныхъ лицъ польскаго общества, относительно положенія занятаго ими въ возникшихъ обстоятельствахъ, выставлялъ Мосальскаго какъ человѣка, на котораго положиться можно. (Костомаровъ: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой).

Не безъинтересно упомянуть здѣсь еще разсказъ Китовича, приводимый имъ въ своихъ мемуарахъ (Pamiętniki do panowania Augusta III), относи-

19

Однако когда партія противниковъ новой конституціи составила въ маѣ 1792 года конфедерацію, поддержанную вступившими въ Польшу русскими войсками и извѣстную подъ названіемъ Тарговицкой, то къ рядамъ послѣдней примкнулъ и епископъ виленскій.

Конфедерація эта быстро разросталась и развивала свою организацію, путемъ образованія по воеводствамъ второстепенныхъ конфедерацій, благодаря успѣхамъ русскихъ войскъ, достигшихъ въ концѣ мая уже до Вильны. Здѣсь дѣло под-

---

тельно политической дѣятельности виленскаго епископа. Китовичъ передаетъ, что когда литовская конфедерація уже прекратила свое существованіе, а коронная едва обнаруживала признаки жизни, то Огинскій (великій гетманъ литовскій) вздумалъ опять поднять первую. Въ началѣ ему посчастливилось разбить русскій отрядъ подъ Несвижемъ, но вскорѣ застигнутый ночью врасплохъ въ Столовичахъ, гетманъ почти безъ боя потерялъ все свое войско и бѣжалъ въ Парижъ. Въ связи съ этимъ упоминается и объ Игнатіѣ Мосальскомъ, что Огинскій, еще до упомянутаго пораженія, передалъ находившемуся съ нимъ священнику Вязевичу шкатулку съ драгоцѣнностями и документами, чтобы Вязевичъ скрылъ ее въ безопасномъ мѣстѣ. Послѣдній попавъ въ Столовичахъ въ плѣнъ къ русскимъ, выдалъ на допросѣ свою тайну и тогда изъ содержанія документовъ обнаружилось, что въ дѣлѣ Огинскаго замѣшанъ и епископъ виленскій. Послали схватить Мосальскаго, но послѣдній узнавъ о пораженіи гетмана и предвидя что будетъ скомпрометированъ, успѣлъ во время скрыться и убѣжалъ отъ русской погони за границу. Въ его дворцѣ русскіе нашли и конфисковали заготовленнаго обмундированія и оружія на 3000 человѣкъ.

Въ какой степени достовѣренъ разсказъ, ручаться трудно, но фактъ выѣзда Мосальскаго за границу извѣстенъ и изъ другихъ источниковъ: имѣется его посланіе къ епархіи, отъ 25 окт. 1789 г., въ которомъ онъ прощается съ своей паствой и говоритъ что удаляется изъ епархіи «для услугъ отечеству» и для поддержанія разстроеннаго здоровья. (См. Żywoty biskupow wilenskich Пржыалговскаго, т. II, гл. 28). (Ср. также ниже, процессъ съ Неселовской).

готовлялось Мосальскимъ, несмотря на противодѣйствіе приверженцевъ конституціи 1791 года, со стороны которыхъ епископъ виленскій, по словамъ изданнаго конфедераціей манифеста,—«испыталъ въ самой своей резиденціи угрозы и оскорбленія, а разъѣзжая по своей епархіи—въ мѣстечкѣ Кальваріи подвергся задержанію и неприличному обращенію отъ муниципальной сволочи» ([35]). Съ прибытіемъ русскихъ войскъ, конфедераты забрали въ свои руки всѣ дѣла, а епископы Мосальскій и Косаковскій распоряжались въ своихъ епархіяхъ настолько свободно, что даже не давали значенія представленіямъ по этому поводу папскаго нунція. Наконецъ и самъ король, получивъ внушеніе изъ Петербурга, перешелъ на сторону конфедератовъ, которыхъ еще такъ недавно объявилъ бунтовщиками!

Кратковременное существованіе конституціи 1791 года покончилось и все опять вернулось къ прежнему; присутственныя мѣста и войска, бывшія въ Варшавѣ, дали также присягу конфедераціи; съ Россіей послѣдовало перемиріе и рѣшено было созвать извѣстный Гродненскій сеймъ 1793 года.

Какъ въ приготовленіяхъ къ нему, т. е. въ выборѣ депутатовъ на предварительныхъ сеймикахъ и проч., такъ и въ работахъ самаго сейма, епископъ Мосальскій является однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей; онъ состоялъ президентомъ делегаціи, назначенной сеймомъ для веденія переговоровъ съ Россіей и Пруссіей, относительно новой уступки провинцій, т. е.—второго раздѣла Польши. Такимъ обра-

([35]) Костомаровъ: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.

*

зомъ имя Мосальскаго связывается неразрывно со всей исторіей этого сейма, въ которой находимъ много любопытныхъ подробностей, относящихся до личности самого епископа ([36]).

2-го Іюля происходило первое засѣданіе депутатовъ, въ тронной залѣ. По правую сторону королевскаго трона, было поставлено кресло для русскаго посланника (Сиверса), по лѣвую—для президента депутаціи, епископа Мосальскаго. Въ 11½ часовъ послѣдній открылъ засѣданіе рѣчью на польскомъ языкѣ, повторенною потомъ для русскаго посла по французски. Смыслъ самой рѣчи заключался въ томъ, что Польша всю надежду возлагаетъ на великодушіе русской Императрицы. Затѣмъ послѣдовалъ обмѣнъ полномочій и чтеніе Сиверсомъ проекта договора между Россіей и Польшей. На слѣдующій день было собраніе у епископа Мосальскаго,—составляли отчетъ о совѣщаніяхъ и отвѣтъ Сиверсу. 4-го числа происходила вторая конференція делегаціи съ Сиверсомъ и докладъ Мосальскаго палатѣ о результатахъ совѣщаній. 5-го—опять собраніе у Мосальскаго, на которомъ сообща съ Сиверсомъ порѣшили, чтобы послѣдній обратился къ сейму съ другой, болѣе энергической нотой, относительно выдачи новыхъ полномочій делегаціи, для заключенія трактата съ Россіей, и угрозой—въ случаѣ отказа подвергнуть военной экзекуціи земли и дома сопротивляющихся членовъ сейма. 6-го Іюля, послѣ крайне бурнаго сеймоваго засѣданія, делегація была уполномочена подписать предложенный Сиверсомъ трак-

([36]) См. Иловайскаго: Гродненскій сеймъ 1793 года.

татъ и 11-го числа это исполнила; Польша уступила Россіи требуемыя провинціи.

Начались переговоры о томъ-же съ Пруссіей. Первая конференція съ Бухгольцомъ (прусскимъ посломъ) происходила 25-го Іюля: президетъ делегаціи Мосальскій выразилъ представителю Пруссіи надежду, на его участіе и дружеское расположеніе къ польской націи и затѣмъ предложилъ прочтеніе полномочій, безъ обмѣна послѣднихъ, такъ какъ къ этому встрѣтились нѣкоторыя препятствія изъ за текста полномочія Бухгольца и вопросъ объ обмѣнѣ имѣлъ поступить на обсужденіе всего сейма. На второй конференціи Мосальскій заявилъ Бухгольцу, что сеймъ удовлетворился его объясненіями и разрѣшилъ обмѣнъ полномочій; затѣмъ епископомъ былъ поставленъ вопросъ: считаетъ-ли прусское правительство себя связаннымъ трактатами 1773 и 1790 годовъ, такъ какъ обременительное для населенія республики пребываніе прусскихъ войскъ на ея территоріи, несогласно съ установленными дружественными отношеніями и сеймъ можетъ ожидать, что король прусскій выведетъ своихъ солдатъ изъ Польши? Бухгольцъ далъ отвѣтъ уклончивый; — оба они, т. е. Бухгольцъ и Мосальскій, изощрялись въ дипломатическихъ изворотахъ: когда напр. былъ прочитанъ проектъ договора требуемаго отъ Польши, то епископъ принялся розыгрывать роль удивленнаго, что послѣ всѣхъ увѣреній въ дружескихъ чувствахъ, договоръ первымъ дѣломъ требуетъ отъ Польши уступки провинцій!... Делегаты просили дать имъ время подумать и дѣло начало затягиваться, въ виду чего Бухгольцъ

обратился къ посредничеству Сиверса, который затѣмъ сталъ принимать участіе въ послѣдующихъ конференціяхъ. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ бурныхъ сеймовыхъ засѣданій, порѣшено было дѣло и съ Пруссіей. На послѣдней конференціи Мосальскій произнесъ крайне патетическую рѣчь, о положеніи Польши и о безграничномъ довѣріи польской націи къ великодушію русской Императрицы, и затѣмъ, по подписаніи договора, задалъ у себя роскошный пиръ.

За свою дѣятельность во время происходившихъ переговоровъ, епископъ виленскій получилъ изъ Петербурга милостивый рескриптъ и подарокъ (крестъ и сапфирный перстень съ бриліантами). Въ Ноябрѣ Гродненскій сеймъ покончилъ свои занятія.

Еще ранѣе этого рѣшился вопросъ и о существованіи самой Тарговицкой конфедераціи: въ сентябрѣ, по проекту Сиверса и его сторонниковъ, была отправлена къ королю депутація, отъ лица которой Мосальскій передалъ Станиславу-Августу желаніе о распущеніи той конфедераціи, такъ какъ она имѣла замѣниться конфедераціей Гродненской, составленной изъ всѣхъ членовъ Гродненскаго сейма. Король немедленно подписалъ о томъ актъ, а за нимъ подписались и всѣ прочіе (37).

Итакъ при второмъ раздѣлѣ Польши, по которому Россія пріобрѣла области Минскую и Подольскую, половину Волыни, часть Литвы и десять уѣздовъ къ Кіеву, Мосальскій является послушнымъ орудіемъ русской политики, хотя и здѣсь въ

(37) Иловайскій: Гродненскій сеймъ 1793 года.

въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ лавировалъ вездѣ, гдѣ только представлялась къ тому возможность. Съ одной стороны напр., при обоихъ докладахъ сейму о результатахъ переговоровъ предсѣдательствуемой имъ делегаціи съ Россіей и Пруссіей, онъ оба раза уклонялся отъ личнаго участія въ докладѣ и былъ замѣняемъ на сеймѣ епископомъ Скаржевскимъ, съ другой-же стороны Мосальскій точно также уклонялся и отъ щекотливыхъ порученій, которыя хотѣли возложить на него «патріоты», какъ напр. 22-го августа, во время одного изъ самыхъ бурныхъ засѣданій сейма по поводу договора съ Пруссіей, когда по приказанію Сиверса въ Гродно были введены даже русскія войска, зданіе сеймовыхъ засѣданій оцѣплено караулами и въ самой залѣ долженъ былъ присутствовать генералъ Ротенфельдъ: собраніе протестовало и рѣшило отправить къ Сиверсу депутацію, въ которую былъ назначенъ епископъ виленскій, но Мосальскій отказался, сославшись, что подобныя делагаціи поручались всегда особамъ свѣтскимъ ([38]).

Подобными пріемами хитрый и двуличный епископъ успѣвалъ отклонять отъ себя много непріятностей и нападокъ, которымъ подвергались его, болѣе прямые въ своихъ дѣйствіяхъ, сотоварищи въ этой политической трагикомедіи, хотя однако и Мосальскому нерѣдко приходилось въ упоръ выслушивать горькія истины ([39]).

([38]) Костомаровъ: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.

([39]) Такъ напр. ему, во время разрѣшенія вопроса о второмъ раздѣлѣ Польши, многіе представляли, что они присягою обязались охранять цѣлость своей родины, на что Мосальскій отвѣчалъ, что могутъ существовать обстоя-

Во всякомъ случаѣ, для такого человѣка какимъ былъ епископъ виленскій, далеко не бѣгавшій всякаго рода благъ земныхъ, личные интересы безъ сомнѣнія стояли выше всего, и конечно заботы о спасеніи своихъ имѣній при распаденіи Польши, служили главнымъ мотивомъ его политической роли въ совершавшихся событіяхъ.

Но эти-же событія не замедлили довести его и до катастрофы. Въ 1794 г. въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе, подготовленное партіей недовольныхъ и обнаружившееся въ началѣ марта, въ Краковѣ. Въ Варшавѣ оно началось 6-го апрѣля: революціонеры напали на домъ, занимаемый Игельстромомъ (преемникъ Сиверса), но были отбиты, а ночью Игельстромъ съ 300 солдатъ успѣлъ пробиться за городъ, послѣ чего его домъ былъ разграбленъ и захвачена вся канцелярія, въ которой, несмотря на уничтоженіе наиболѣе секретныхъ документовъ, все таки оказались бумаги, сильно скомпрометировавшія многихъ высокопоставленныхъ въ Польшѣ лицъ ([40]). Затѣмъ диктаторомъ былъ превозглашенъ Косцюшко, который черезъ своего намѣстника Мокрановскаго приказалъ удержать короля въ Варшавѣ и арестовать всѣхъ его приближенныхъ. Отъ епископа виленскаго потребовали,

тельства, при которыхъ возможно измѣнить святости присяги. (Michaud: Biographie universelle, ст. Massalski).

([40]) Китовичъ: Pamiętniki do panowania Stanisława Poniatowskiego и проч., т. II.

По нѣкоторымъ указаніямъ бумаги Игельстрома раскрыли лицъ, состоявшихъ на пенсіяхъ петербургскаго двора, въ числѣ которыхъ значились: Мосальскій, Косаковскій, Анквичъ, Забѣлло и др. (Тамъ же т. II и III. Michaud: Biogr. universelle).

чтобы онъ выдалъ драгоцѣнный крестъ, полученный отъ русской Императрицы, а Мокрановскій обратился къ королю съ требованіемъ приказанія объ арестѣ Мосальскаго, когда-же въ этомъ было отказано, то революціонеры распорядились сами и епископъ съ нѣсколькими другими лицами былъ схваченъ. Его вмѣстѣ съ Скаржевскимъ и Мошинскимъ заключили въ Брюлевскомъ дворцѣ ([41]).

Неудачная попытка узниковъ бѣжать, ускорила развязку: раздраженная толпа потребовала отъ суда совершенія немедленной казни. Ночью 9-го мая были поставлены народомъ три висѣлицы предъ ратушей въ Старомъ городѣ и четвертая въ Краковскомъ предмѣстьи предъ костеломъ бернардиновъ, на которыхъ повѣсили утромъ Анквича, Ожаровскаго, Забѣлло и Косаковскаго. Нѣсколько времени спустя, передъ тѣмъ-же костеломъ воздвигли висѣлицу и для Мосальскаго, но современники передаютъ ([42]), что казнь его отложили, въ виду обѣщанія епископа открыть важныя подробности, относительно лицъ замѣшанныхъ въ минувшихъ событіяхъ, и выдачи имъ нѣкоторыхъ, какъ-то Скаржевскаго, Четвертинскаго и Мошинскаго.

Между тѣмъ произошли нѣсколько неблагопріятныхъ для революціонеровъ событій;—пруссаки взяли безъ боя Краковъ, сданный имъ Венявскимъ, Заіончекъ также потерпѣлъ пораженіе при Хельмѣ,—все это взволновало Варшаву. Въ

([41]) Соловьевъ: Исторія паденія Польши. По другимъ свѣдѣніямъ двое послѣднихъ были арестованы позже, вслѣдствіе выдачи ихъ Мосальскимъ (см. далѣе).

([42]) Китовичъ: Pamiętniki.... и проч.

ночь съ 15-го на 16-е Іюня, возбужденная и разжигаемая рѣчами уличныхъ ораторовъ толпа, подъ предводительствомъ какого-то Казимира Конопки, снова соорудила нѣсколько висѣлицъ въ разныхъ мѣстахъ города и утромъ потребовала постановленія и выполненія приговора надъ арестованными лицами. Часть толпы, не ожидая результатовъ переговоровъ по этому предмету и подстрекаемая своими вожаками къ собственноручной расправѣ, бросилась въ тюрьмы и вытащивъ оттуда заключенныхъ, повлекла ихъ сама на казнь. Противъ Брюлевскаго дворца стояла одна изъ висѣлицъ, на ней 16-го Іюня былъ повѣшенъ епископъ Мосальскій, повѣшенъ по разсказамъ современниковъ—на веревочной возжѣ, отнятой у проѣзжавшаго крестьянина.... ([43]).

Такъ окончилъ свою политическую карьеру самый блестящій представитель рода князей Мосальскихъ въ XVIII столѣтіи. Тѣло его въ настоящее время покоится въ виленскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Послѣдующія затѣмъ событія уже не представляютъ для насъ непосредственнаго интереса. Штурмомъ Праги и взятіемъ Варшавы закончилось политическое существованіе самой Польши.

Изъ остальныхъ представителей описываемой фамиліи въ

([43]) Разсказываютъ, что епископъ Скаржевскій, влеченный на казнь вмѣстѣ съ Мосальскимъ, успѣлъ спастись, сунувъ нѣсколько денегъ одному изъ вожаковъ черни; послѣдній ощупавъ въ рукѣ монеты, закричалъ: бросимъ его (Скаржевскаго), онъ хорошій баринъ, а тащите вотъ этого (Мосальскаго), который дастъ по сто розогъ тѣмъ, кто служитъ у него. (Китовичъ: Pamię-

ночь
рѣча
како
висѣ
пост
лица
по э
собс
щивт
Прот
ней
вѣше
жѣ,
Та
щій
лѣтіи
ском
По
насъ
тіемъ
мой
Из

(43)
стѣ съ
вожакс
(Скаря
которы

Ignatius Jacobus Princeps de Massalski
Episcopus Vilnensis Præfectorum Publicæ
Institutioni Præses, Eques Aquilæ Albæ

XVIII столѣтіи, не встрѣчаемъ болѣе политическихъ дѣятелей; нѣсколько лицъ изъ рода Мосальскихъ занимали довольно высокое положеніе въ общественномъ строѣ тогдашней Польши, но на сценѣ совершавшихся событій онѣ оставались въ тѣни и играли роль второстепенную. Лицами этими были братья того-же вышеупоминавшагося епископа Игнатія,—послѣдніе представители этой угасавшей линіи князей Мосальскихъ. Изъ нихъ князья Іосифъ и Янъ ([44]) упоминаются: первый въ 1754 году—надворнымъ подскарбіемъ, а второй въ 1756 г.—подчашимъ великого княжества Литовскаго, и оба въ 1762 г. значатся генералъ-лейтенантами польскихъ войскъ ([45]); подписи обоихъ встрѣчаемъ на актѣ инвеституры Курляндскаго и Семигальскаго княжествъ королевичу Карлу, 1759 г. ([46]). Кромѣ того князь Іосифъ состоялъ начальникомъ панцырнаго королевскаго войска и оба еще упоминаются какъ сеймовый и трибунальный маршалы, въ 1752 и 1756 годахъ ([47]). Третій братъ епископа Игнатія,—князь Казимиръ, былъ въ 1754 г. подчашимъ

tniki и проч.; см. также Chodźko: Histoire de légions polonaises, т. I, 72—74). По другимъ свѣдѣніямъ Мосальскій былъ повѣшенъ противъ костела бернардиновъ (Michaud: Biogr. univ.).

([44]) См. №№ 229 и 232 родосл.

([45]) Впрочемъ замѣтимъ, что въ Польшѣ и Литвѣ до 1784 г. существовала продажа чиновъ, какъ военныхъ такъ и гражданскихъ; она была воспрещена сеймомъ въ упомянутомъ году, но условно, съ извѣстными исключеніями.

([46]) Догель: Codex diplomaticus, т. V, 512—522.

([47]) Icones familiae Radivilianae, 118. Тышкевичъ: Rękopism x. Baginskiego, 114—119.

великого княжества Литовскаго и также упоминается какъ маршалъ Гродненскаго сейма 1752 года (48).

Что касается старшей линіи князей Мосальскихъ,— потомковъ князя Богуша, то какъ видно они вовсе не выступали на арену современныхъ имъ событій и ограничивали свою дѣятельность сферою лишь мѣстною.

Въ своемъ внутреннемъ бытѣ за описываемое время, родъ князей Мосальскихъ является въ положеніи далеко не одинаковомъ, что ясно выражается и въ различіи матеріальнаго благосостоянія тѣхъ или другихъ его представителей. Старшая линія, разростаясь все болѣе и болѣе, клонится вмѣстѣ съ тѣмъ къ упадку, младшая-же—наоборотъ, во второй половинѣ XVIII вѣка достигаетъ высшей точки своего благосостоянія и располагаетъ огромными средствами, но въ то-же время приближается къ концу своего существованія. Что касается до третьей, т. е. до Масальскихъ-Друйскихъ, то она уже вымерла въ первой половинѣ того-же XVIII столѣтія.

Представители старшей линіи довольно долго еще сохраняли за собою обладаніе родовыми имѣніями, покрайней мѣрѣ извѣстно, что имъ попрежнему принадлежали Олтупово, Пржедзельскъ и Начъ. О первомъ изъ нихъ, Олтуповѣ, мы уже знаемъ, что оно въ XVII столѣтіи осталось за потомками князей Богдана и Януша (49); по раздѣлу правнуковъ князя

---

(48) См. № 230 родосл.

(49) См. гл. III.

Януша ([50]) часть Олтупова, принадлежавшая последнему, перешла въ 1729 г. къ одному изъ нихъ—князю Рафаилу ([51]); другая половина Олтупова, доставшаяся вышеупомянутому князю Богдану, перешла частью уже до 1729 г. отъ правнуковъ Богдана, князей Мартина, Михаила и Ѳеодора ([52]), къ князю Францу (сыну Ивана-Казимира), а отъ Франца въ 1729 г. къ брату его князю Венедикту ([53]); затѣмъ въ 1737 г. послѣднiй купилъ и остальную часть отъ прочихъ правнуковъ Богдана и такимъ образомъ все древнее родовое имѣнiе Мосальскихъ Олтупово сосредоточилось въ рукахъ двоихъ изъ потомковъ князя Януша ([54]). Имѣнiе Прждзельскъ, въ силу того-же раздѣльнаго акта 1729 г., досталось князю Францу, а Начъ—другимъ пятерымъ его братьямъ, дѣтямъ Ивана-Казимира, т. е. раздѣлъ совершился согласно распоряженiю послѣдняго, сдѣланному въ 1698 году ([55]). Къ концу XVIII столѣтiя большая часть имѣнiя Начъ уже вышла изъ рода Мосальскихъ, перейдя, главнѣйшимъ образомъ по причинѣ долговъ, въ чужiя руки ([56]).

([50]) Т. е. дѣтей Ивана-Казимира, именно: Франца, Мартина, Iосифа, Михаила, Антонiя, Венедикта и Рафаила (см. №№ 159, 160, 161, 162, 163, 164 и 158 родосл.).

([51]) Архивъ департ. Герольдiи (Дѣло о Мосальскихъ); см. прил. 51.

([52]) См. №№ 153, 155 и 154 родосл.

([53]) См. №№ 159 и 164 родосл.

([54]) См. прил. 56.

([55]) См. гл. III.

([56]) Такъ изъ рѣшенiя Новогрудскаго земскаго суда 1786 г. (Архивъ депгерольдiи: дѣло о князьяхъ Мосальскихъ) видно, что изъ дѣтей князя Ивана-Казимира къ упомянутому времени уже продали свои части князья Мартинъ и Iосифъ; часть доставшаяся Антонiю перешла къ дѣтямъ его Криштофу и Ста-

Точно также изъ дома Мосальскихъ было отчуждено и имѣніе Менженинъ, пріобрѣтенное въ XVII столѣтіи княземъ Иваномъ-Казимиромъ и доставшееся сыну его Владиславу-Аѳанасію, который продалъ Менженинъ въ 1751 г. своему брату Антонію ([57]), а дѣти послѣдняго Криштофъ и Станиславъ въ свою очередь перепродали это имѣніе въ 1779 князю Корибуту-Воронецкому.

Относительно родовой собственности Мосальскихъ-Друйскихъ, мы имѣли уже случай упоминать, что часть древняго имѣнія ихъ Друи, перешла уже ранѣе въ домъ Сапѣговъ ([58]). Въ XVIII вѣкѣ встрѣчаемъ только одного представителя этой вѣтви Мосальскихъ, именно князя Казимира-Яна ([59]), которому принадлежала другая часть, называвшаяся Друйки. Князь Казимиръ потомства не оставилъ и по сдѣланному имъ въ 1736 году духовному завѣщанію, имѣніе Друйки перешло въ фамилію Жаба ([60]). Съ княземъ Казимиромъ прекратилась, какъ видно, вся вѣтвь Мосальскихъ-Друйскихъ.

Вторая линія описываемой фамиліи, въ XVIII столѣтіи располагала обширными матеріальными средствами, чему конечно

ниславу, причемъ доля Криштофа пошла на удовлетвореніе кредиторовъ, а долю Станислава дѣти послѣдняго продали въ 1805 году нѣкоему Фохту за 9000 злотыхъ. Наконецъ, видно еще, что въ 1764 г. часть Михаила-Доната пріобрѣлъ Рафаилъ за 16500 злотыхъ.

([57]) Архивъ деп. герольдіи: Дѣло о князьяхъ Мосальскихъ. См. прил. 52.

([58]) См. № 93 родосл. Въ актахъ XVIII ст. встрѣчаемъ и названіе «Друя Сапѣжина» (см. прил. 53).

([59]) См. № 94 родосл.

([60]) См. прил. 53.

не мало способствовали и брачные союзы ея представителей, съ самыми громкими именами литовской знати,—Огинскими, Сапѣгами и Радзивиллами. Уже въ 1744 году гетманъ Михаилъ Мосальскій былъ настолько богатъ, что владѣя родовыми имѣніями Олекшицы и Вейсеи, купилъ у Чарторыйскаго въ Новогродскомъ воеводствѣ графство Мышъ, за 104000 злотыхъ ([61]), а въ 1760 году отъ Сапѣговъ въ томъ-же воеводствѣ еще графство Ляховицкое, за 450000 злотыхъ ([62]). Ему же принадлежало имѣніе Нѣменчинъ или Червонный Дворъ (около Вильны), приносившее до 14000 злотыхъ въ годъ, дворецъ въ Вильнѣ и домъ въ Гродно ([63]), несчитая еще нѣсколькихъ староствъ, находившихся въ его-же пользованіи. Изъ дѣтей гетмана, огромныя средства сосредоточились въ рукахъ третьяго его сына – епископа Игнатія, пережившаго всѣхъ прочихъ и унаслѣдовавшаго такимъ образомъ всю собственность своихъ ближайшихъ родственниковъ ([64]);

([61]) Акты метр. лит. (Книга Записей № 173, л. 497).

([62]) Тамъ же (кн. зап. № 180, л. 526).

([63]) Дворецъ въ Вильнѣ находился на лѣвой сторонѣ Великой улицы (идя отъ воротъ къ ратушѣ); онъ сгорѣлъ во время виленскаго пожара 1748 г., истребившаго 469 домовъ. Каменный домъ въ Гродно находился на Рыночной площади у фарнаго костела и купленъ Мосальскимъ отъ Сосновскихъ въ 1762 г. за 10000 зл. Кромѣ того гетманомъ Мосальскимъ были пріобрѣтены покупкою въ разное время: помѣстье Доброе въ Польшѣ, фольваркъ Мизовка, половина имѣнія Лейпунъ, помѣстье Новый Дворъ въ Гродненск. уѣздѣ, помѣстье Репелка въ Волковыск. уѣздѣ, фольваркъ Поберзники въ Гродненскомъ, помѣстье Полонка въ Слонимскомъ и друг., частью снова опять проданныя.

([64]) Между прочимъ послѣ племянника своего князя Ксаверія, родовыя имѣнія Вейсеи и Олекшицы.

мы не будемъ приводить здѣсь длиннаго списка всѣхъ имѣній епископа, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя изъ нихъ имъ были снова перепродаваемы ([65]), но изъ позднѣйшихъ докумен-

---

([65]) Такъ напр. изъ числа поіезуитскихъ имѣній онъ пріобрѣлъ съ аукціона цѣлое виленское предмѣстье Снипишки, съ поіезуитскимъ монастыремъ св. Якова, но король Станиславъ-Августъ выкупилъ все это у Мосальскаго и подарилъ піарамъ.

Епископу Игнатію принадлежало еще подъ Вильной имѣніе Верки, отличавшееся замѣчательною красотой мѣстоположенія, но не составлявшее однако частной собственности его, такъ какъ Верки были достояніемъ собственно епископскаго сана, столовымъ имѣніемъ, и издавна служило лѣтней резиденціей виленскимъ архипастырямъ. Мосальскій нашелъ старое помѣщеніе въ Веркахъ недостаточнымъ для себя и своей свиты, почему и принялся за постройку новаго. Возведено было огромное трехэтажное строеніе съ флигелями, въ видѣ полукруга, и пышнымъ фронтономъ, на которомъ изображенъ былъ Цинцинатъ пашущій землю; кромѣ того выстроили обширную часовню съ колокольней. Въ часовнѣ было много дорогой утвари и нѣсколько цѣнныхъ картинъ, между которыми двѣ были особенно замѣчательны: колѣнопреклоненный съ воздѣтыми къ небу руками св. Францискъ и Спаситель передъ Пилатомъ; за каждую изъ нихъ Мосальскій заплатилъ по нѣсколько тысячъ червонцевъ. Кромѣ того епископъ собралъ въ Веркахъ портреты своихъ предшественниковъ, папъ, польскихъ королей, бюсты современныхъ писателей и статуи своихъ предковъ. Далѣе, чтобы открыть изъ Верковъ видъ на Антоколь и Нѣменчинъ, онъ велѣлъ разчистить окружавшую дворецъ рощу, а гору на которой стоялъ дворецъ окружилъ каменнымъ валомъ, для предохраненія ея отъ подмыва рѣкою Виліей. Наконецъ помощью насосовъ поднялъ на гору воду, для наполненія выкопаннаго пруда. Все это стоило Мосальскому болѣе милліона злотыхъ.

По окончаніи передѣлокъ Мосальскій сталъ хлопотать, чтобы пріобрѣсти Верки въ свою личную собственность, путемъ обмѣна съ Виленской Капитулой на одно изъ своихъ имѣній, предложивъ сначала Равеничe, а затѣмъ и Нѣменчинъ, хотя послѣдній стоилъ гораздо дороже чѣмъ Верки; однако въ этомъ отношеніи старанія Мосальскаго до самой его смерти были безуспѣшны. (Пржыалговскій: Zywoty biskupow wilenskich, т. III; Киркоръ: Przechadzki po Wilnie; Реестръ вещей князя епископа, 1795 г., составленный Сарторисомъ).

товъ видно, что послѣ смерти князя Игнатія, цѣнность его имущества простиралась до 16 милліоновъ злотыхъ, несчитая еще наличныхъ денежныхъ суммъ, доходившихъ до полутора милліоновъ злотыхъ-же ([66]). Всѣ эти богатства перешли въ родъ Потоцкихъ, замужемъ за однимъ изъ которыхъ была послѣдняя представительница этой линіи—княжна Елена-Аполлонія Мосальская ([67]), родная племянница епископа Игнатія.

Въ связи съ внутреннимъ бытомъ и имущественнымъ положеніемъ описываемой фамиліи, необходимо остановиться еще на дошедшихъ до насъ обрывкахъ громкаго въ свое время процесса, между епископомъ Мосальскимъ и родною его сестрою Екатериною, бывшею замужемъ за Неселовскимъ, воеводой новогродскимъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ процессѣ сохранилось много данныхъ въ упомянутомъ отношеніи.

Сущность процесса, какою она является въ дошедшихъ до насъ современныхъ брошюрахъ ([68]), слѣдующая:

1) Неселовская требуя себѣ приданое изъ недвижимыхъ имѣній, подводила нѣкоторыя изъ нихъ подъ категорію материнскихъ,

---

([66]) Архивъ виленскаго генералъ-губернаторства (Дѣло 1801 г. по иску кредиторовъ умершаго епископа виленскаго).

([67]) См. № 277 родосл.

([68]) Replika przeciwko I.W.W. Niesiolowskim..... и проч., изданная въ 1776 или 1777 г.; Informacya o questiach, które wojewodowie Nowogrodzcy w sprawie z domem xiążąt Massalskich mieli.... и проч., 1777 года.

Первая изъ упомянутыхъ брошюръ есть отвѣтъ адвоката епископа, на представленные адвокатомъ Неселовскихъ пункты; въ ней на сотнѣ страницъ изложена вся спорная часть процесса, съ цѣлымъ юридическимъ арсеналомъ объясненій, толкованій, ссылокъ на статьи статута и конституцій, въ интересахъ конечно епископа Игнатія. Вторая издана по поводу написанной Неселовскимъ брошюры—Спорные пункты (Questie), осуждающей рѣшеніе Главнаго трибу-

20

другія же признавала за отцовскія; Мосальскій доказывалъ, что первыя суть отцовскія и братнія, а вторыя—братнія (69).

2) Неселовская требовала свое приданое изъ отцовской движимости въ размѣрѣ одной четвертой ея части, но Мосальскій на это не соглашался, ссылаясь на статутъ, который отстранялъ дочерей отъ наслѣдованія движимаго имущества послѣ отца.

3) Неселовская отказывалась принять на себя соотвѣтственную часть долговъ покойнаго отца, Мосальскій-же основываясь на статьѣ статута—что долги по смерти должника взыскиваются съ недвижимаго имущества и только при недостаткѣ послѣдняго—съ движимаго, требовалъ возложенія уплаты долговъ и на сестру.

4) Неселовская домогалась капитализаціи своего приданаго (по недвижимому имуществу) изъ 5% и обезпеченія его отцовскимъ недвижимымъ имуществомъ, Мосальскій-же утверждалъ, что капитализація должна быть произведена изъ 7% и обезпеченіемъ служить лишь четвертая часть отцовскихъ имѣній (70).

нала въ 1777 г. по дѣлу Неселовскихъ съ Мосальскимъ, состоявшееся въ пользу первыхъ. Въ этой брошюрѣ кратко изложены тяжебные пункты, а также и интересныя перепетіи самой тяжбы.

(69) По литовскому статуту дочери послѣ отца получали приданое съ четвертой части имѣнія; материнское-же (какъ движимое, такъ и недвижимое) дѣлилось между всѣми дѣтьми поровну.

Относительно наслѣдства послѣ брата, умершаго безъ потомства, въ статутѣ нѣтъ прямой подходящей статьи, но Мосальскій выводилъ косвенно изъ другихъ, что брату наслѣдуетъ братъ, а сестрѣ—сестра.

(70) По литовскому статуту—дочери имѣли право, въ случаѣ смерти отца безъ духовнаго завѣщанія, получить только цѣнность четвертой части отцовскаго недвижимаго имѣнія, но не дѣлались вотчинными собственниками послѣдняго; допускалось только временное пользованіе имѣніемъ, какъ бы въ видѣ залога, если цѣнность имѣнія не выплачивалась братьями въ теченіи годичнаго срока,

5) Неселовская требовала выдѣленія себѣ изъ имущества матери третьей части, Мосальскій-же признавалъ ея право только на пятую часть, такъ какъ послѣ смерти матери ([71]) осталось дѣтей пятеро ([72]) и раздѣлъ долженъ былъ произойти между всѣми ими.

6) Наконецъ споръ касался еще 100.000 злотыхъ, завѣщанныхъ въ 1749 г. Терезою Соллогубъ (урожд. Огинской) гетману Мосальскому.—Неселовская утверждала, что упоминаемая сумма завѣщана не одному гетману, но и женѣ его, слѣдовательно должна быть также отнесена къ каттегоріи материнскаго имущества, епископъ-же отрицалъ это и признавалъ наслѣдство непосредственно отцовскимъ.

Таковы были главные пункты процесса, надѣлавшаго въ свое время много шума. Въ тѣхъ-же вышепоименованныхъ брошюрахъ, находимъ не безъинтересныя подробности, относительно дѣйствій обѣихъ тягавшихся сторонъ, но въ которыхъ поступки епископа Мосальскаго конечно изображены въ пользу послѣдняго, такъ какъ и сами авторы принадлежали къ его лагерю. Такъ напр. защитникъ

причемъ за послѣдними сохранялось неотъемлемое право выкупа и они все таки оставались дѣйствительными собственниками всего отцовскаго недвижимаго имущества. На этомъ основаніи и Мосальскій считалъ правильнымъ капитализацію изъ 7%, т. е. процентовъ обыкновенно дававшихся за ссуды подъ залогъ имѣній.

([71]) Францискп Огинской, жены гетмана Михаила Мосальскаго; умерла между 1750—1752 г.

([72]) Четыре сына и дочь; изъ нихъ двое, Іосифъ и Янъ, въ это время были уже умершими. Послѣ неженатаго Яна остался домъ въ Вильнѣ на Лукишкахъ и денегъ въ долгахъ слишкомъ на 30.000 злотыхъ, но при этомъ долги самого Яна превышали 123.000 злотыхъ.

его пишетъ: «не было способовъ самыхъ кроткихъ ([73]), которыхъ бы не испробовалъ князь епископъ виленскій, желая обезоружить упорство сестры въ стремленіи вредить его имени; съ другой стороны—не было дѣйствій самыхъ непріятныхъ, которыхъ бы не предприняла жена новогродскаго воеводы, чтобы только досадить брату. Не выждавъ окончанія годичнаго срока, установленнаго закономъ для выдачи ей приданаго, она предъявила искъ въ трибуналѣ (въ 1770 г.), вооружила всѣхъ недоброжелателей епископа, чтобы въ лицѣ послѣдняго, какъ опекуна и брата, погубить весь домъ Мосальскихъ ([74]), и вотъ въ Минскѣ состоялся при-

([73]) Относительно этихъ »кроткихъ способовъ», тамъ-же читаемъ: «Братъ (Игнатій) воспитанный наипримѣрно добродѣтельными родителями въ любви къ сестрѣ, предложилъ послѣдней, ради той же любви, въ приданое 700000 злотыхъ, но сестра слѣдуя постороннимъ побужденіямъ алчности, отвергаетъ эти кроткія предложенія брата и начавъ тяжбу дѣлается источникомъ всѣхъ несчастій, горечи и скорби брата, семь лѣтъ понынѣ неизсякающихъ, приносящихъ явное раззореніе дому (Мосальскихъ), позоръ имени и соблазнъ для постороннихъ Между тѣмъ сестра (Неселовская) съ фальшивыми слезами вопіетъ вездѣ о стараніяхъ брата погубить ее, потому что недаетъ ей 2.000.000 приданаго. Братъ желая возстановить спокойствіе своего дома, вторично предлагаетъ ей 700.000, ссылается на слова отца своего, не разъ публично заявлявшаго, что не можетъ дать дочери въ приданое болѣе 300.000, но утомленный ея упорствомъ вступаетъ, наконецъ, въ долгій процессъ, превосходящій всякое описаніе по своимъ издержкамъ и затрудненіямъ. Наконецъ, послѣ законнаго и добропорядочнаго приговора Главнаго литовскаго трибунала (1777 г.), князь епископъ ищетъ полнаго примиренія съ сестрою, лишь бы покончить тяжбу, и предлагаетъ сверхъ оказавшейся истинной суммы (?) приданаго еще 200.000, но сестра отвергаетъ и это и подаетъ жалобу на приговоръ, противный ея домогательствамъ, а для опороченія несчастнаго своего брата распространяетъ клевету, что онъ искалъ погубить ее...» и т. д.

([74]) Неселовская при помощи благопріятствовавшаго ей новогродскаго зем-

говоръ позорный для всего народа и представляющій соблазнъ потомству ([75]), приговоръ—для достиженія котораго прибѣгли къ обвиненію наиболѣе честныхъ депутатовъ въ подкупѣ, чтобы устранить ихъ изъ засѣданій. Еще болѣе насилія обнаружилось на второмъ трибуналѣ въ Вильнѣ;—тамъ сторонникамъ князя епископа угрожали смертью и чернили самого князя, выставляя его противникомъ престола и врагомъ гарантирующаго государства (Россіи?). Злословіе, коварство и клевета достигли своей цѣли; имѣнія виленскаго епископства и дома Мосальскихъ взяты Москвою подъ секвестръ, отданъ приказъ объ арестованіи самого епископа, ради чего онъ долженъ былъ укрыться за границу, ограбили дворцы и всѣ имѣнія» и проч. Далѣе—Неселовскіе на основаніи приговора 1770 года захватили лучшія имѣнія Мосальскаго ([76]) и наложили на нихъ по заочнымъ пригово-

ства, еще до своего замужества устранила Мосальскаго отъ опеки надъ собой, противъ чего епископъ въ свою очередь протестовалъ.

([75]) Въ той-же Replice etc. объясняется, что 13 депутатовъ трибунала Минской каденціи, сдѣлали заявленіе о насильственномъ характерѣ приговора, противъ котораго было большинство. Упоминаемый приговоръ былъ якобы составленъ Зенковичемъ (маршаломъ трибунала въ Минскѣ), который затѣмъ окружилъ трибуналъ солдатами и подъ защитой оружія объявилъ приговоръ во время засѣданія, заставивъ угрозами отдѣльно подписываться каждаго депутата. Вслѣдствіе этого Мосальскій требуя, кромѣ уничтоженія приговора 1770 г. и всѣхъ его послѣдствій, наказанія Зенковича, просилъ о лишеніи послѣдняго всѣхъ гражданскихъ правъ и взысканія съ него 800.000 злотыхъ судебныхъ издержекъ. Равнымъ образомъ Мосальскій требовалъ и наказанія трибунальнаго регента, какъ участника въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ Зенковича и за неоднократное осмѣяніе его, епископа, и оклеветаніе посредствомъ печатныхъ брошюръ.

([76]) Въ 1771 г. Мосальскій требовалъ отнятія этихъ, захваченныхъ Несе-

рамъ запрещеніе; всѣ средства были употреблены, говоритъ авторъ упоминаемыхъ брошюръ,—для скорѣйшаго и вѣрнѣйшаго раззоренія всего дома (Мосальскихъ), подстрекнули алчность и злобу учинить безсильные шаги къ отнятію отъ епископа опеки надъ малолѣтними Мосальскими ([77]), но епископъ желая видѣть тѣмъ не менѣе свою сестру осчастливленною (!), передалъ всю судьбу своего процесса на судъ министра явно себѣ недоброжелательнаго (вѣроятно русскаго министра-резидента), ожидая отъ него окончательнаго рѣшенія, но по случаю раздѣла страны этому компромиссу воспротивился вѣнскій дворъ, къ которому отошли огромныя имѣнія упомянутыхъ малолѣтнихъ Мосальскихъ, и предупредившій такимъ образомъ возможный ущербъ интересамъ послѣднихъ. Наконецъ все дѣло поступило въ Главный литовскій трибуналъ и въ 1777 году состоялся приговоръ въ пользу епископа; Неселовскіе подняли вопль, что ихъ погубили, подали жалобу въ Постоянный совѣтъ и выпустили печатную брошюру, доказывавшую пристрастіе трибунала, причинившаго имъ, якобы противно законамъ и совѣсти, ущерба на 2050000 злотыхъ!

Все это писалось, какъ уже замѣчено выше, — изъ лагеря Мосальскаго, причемъ епископъ выставляется страдальцемъ, бѣдствующимъ отъ «жаднаго бѣшенства» своей сестры; но насколько епископъ виленскій отличался своею кротостью и покорностью судьбамъ процесса, можетъ указывать хотя бы то, проникнутое горечью и упреками, письмо

ловскими имѣній: графства Мышскаго, Полонги, Чабишекъ, Подоля, Нѣменчина и другихъ.

([77]) Ксаверіемъ и Еленой, дѣтями Іосифа Мосальскаго (брата епископа).

къ нему отъ короля Станислава-Августа, о которомъ уже упоминалось выше (см. вын. 29) и которое было вызвано насильствами самого епископа. Не безъинтересно и то, что обладая огромными матеріальными средствами, князь Игнатій оставилъ послѣ себя не менѣе огромные долги. Такъ въ современныхъ документахъ встрѣчаемъ указанія объ общей цифрѣ, которая въ 1789 г. превышала сумму 1.500.000 злотыхъ ([78]), но и эта цифра какъ видно еще далека отъ настоящей, потому что изъ опредѣленія трокскаго земскаго суда 1801 г., вся сумма долговъ Мосальскаго выводится болѣе 7.500.000 злотыхъ ([79]). Епископъ еще при жизни своей испросилъ декретъ литовскаго трибунала, чтобы земскій судъ Меречскаго повѣта произвелъ разбирательство и ликвидацію его долговъ, но послѣдовавшая смерть Мосальскаго прекратила это дѣло, которое затѣмъ однако снова возобновилось въ трокскомъ судѣ, вслѣдствіе заявленія племянницы епископа Елены Потоцкой, пожелавшей очистить денежныя обязательства покойнаго дяди ([80]). Справедливость требуетъ однако

([78]) Акты Метр. литовс. (Кн. публ. дѣлъ № 31, л. 1477). Здѣсь показано, что самимъ епископомъ занято 907.063 зл., на которые причитается процентовъ 124.376 зл.; слѣдуетъ разнымъ довѣреннымъ и прислугѣ 11.032 зл., наконецъ имѣній заложено на 481.586 зл.

([79]) Архивъ виленс. ген.-губернаторства (Дѣло по иску кредиторовъ епископа Мосальскаго, 1801 г.).

([80]) Мебель епископа и всѣ вещи, не относящіяся къ духовному сану, какъ въ епископскомъ домѣ въ Вильно, такъ и въ Веркахъ, велѣно было по распоряженію русскихъ властей отдать Потоцкому; имѣніями Мосальскаго, послѣ его смерти, управлялъ повѣренный его Горновскій и позже на нихъ былъ наложенъ секвестръ. (Архивъ виленс. ген.-губерн., дѣло 1795 г. № 117).

Къ Потоцкому-же, по всей вѣроятности, перешли и фамильныя бумаги

замѣтить, что солидную часть долговъ своихъ, князь Игнатій унаслѣдовалъ еще послѣ отца своего гетмана Мосальскаго.

Относительно другихъ сторонъ внутренняго быта, современныя мемуары передаютъ нѣсколько любопытныхъ подробностей только о послѣднихъ представителяхъ угасшей линіи епископа Игнатія. Личность самого епископа является типомъ того высшаго духовенства въ Польшѣ, которое въ XVIII вѣкѣ менѣе всего занималось дѣлами церкви, весьма рѣдко отправляло богослуженіе, но за то часто именовалось военными чинами и проводило веселую жизнь въ роскоши и свѣтскихъ удовольствіяхъ. По описанію своихъ біографовъ ([81]), епископъ виленскій былъ человѣкомъ насквозь пропитаннымъ своею княжескою гордостью, человѣкомъ роскоши и щедрости, доходившей до расточительности; всегда честолюбивый, щеголеватый, съ молодости пристрастившійся ко всему французскому, Мосальскій въ тоже время любилъ блеснуть краснорѣчіемъ и въ области современной ему философіи, тѣмъ болѣе, что обладалъ увлекательнымъ даромъ слова. Характеръ его былъ дѣятельный и предпріимчивый, но въ то-же время непостоянный и слабый, наружность весьма симпатичная ([82]). Въ большомъ умѣ и начитанности не отказываютъ епископу и современники, но

Мосальскихъ, равно какъ и архивъ, въ которомъ по нѣкоторымъ указаніямъ находились драгоцѣнные для исторіи описываемой фамиліи документы.

([81]) Пржыалговскій: Żywoty biskupow wilenskich, т. III, и друг.

([82]) Его описываютъ человѣкомъ небольшаго роста, сухощавымъ, но сложенія статнаго; онъ былъ блондинъ, носилъ волосы въ пуклахъ опускавшихся

признаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что для этого человѣка выше всего стояли свѣтскія удовольствія, блескъ и удовлетвореніе всѣмъ своимъ прихотямъ и барскимъ фантазіямъ. Такимъ образомъ, если къ подобнымъ чертамъ его характера прибавить еще страсть къ игрѣ, стоившую епископу огромныхъ проигранныхъ суммъ (83), то станетъ понятнымъ, почему этому князю церкви не хватало всѣхъ его широкихъ средствъ, несмотря на которыя ему приходилось прибѣгать даже къ ресурсамъ весьма двусмысленнымъ, какъ напр. къ помощи суммъ ввѣренной его предсѣдательству эдукаціонной коммиссіи!...

Въ свое время епископъ Игнатій былъ самымъ блестящимъ и крупнымъ представителемъ своей фамиліи; его окру жала толпа льстецовъ, питавшаяся подачками отъ щедрой

на уши, имѣлъ голубые глаза, высокій лобъ, круглое лицо, нѣсколько курносый носъ и довольно широкій, но очень красивый ротъ.

(83) Современные мемуары передаютъ анекдотъ, весьма характерный какъ для тогдашняго польскаго общества, такъ и для личныхъ наклонностей епископа виленскаго: однажды онъ былъ обыгранъ въ карты генералъ-инспекторомъ Міончинскимъ и разсерженный далъ слово никогда больше не играть съ нимъ, тѣмъ болѣе, что генералъ-инспекторъ былъ извѣстный въ свое время шулеръ, но шулеръ вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальный, потому что предварялъ своихъ игроковъ, что ихъ надуетъ. Когда Мосальскій спустя два года отправился въ Римъ, то Міончинскій обогнавъ его остановился въ Венеціи и переодѣвшись армяниномъ открылъ въ одной кофейнѣ большую игру въ фараонъ, разсчитывая, что князь епископъ по прибытіи сюда не замедлитъ явиться попытать счастья. Дѣйствительно, ему удалось привлечь Мосальскаго къ игрѣ, которая кончилась тѣмъ, что епископъ проигралъ болѣе 100.000 злотыхъ! По окончаніи игры, мнимый армянинъ сдернулъ съ себя парикъ и бороду и главамъ разсерженнаго епископа предсталъ Міончинскій, съ словами: Вотъ ваше сіятельство вы и не сдержали своего слова!... (Pamiętniki Bartlomieja Michalowskiego, 1786—1815 г., изд. гр. Ржевускимъ, т. II, 17).

руки князя и воспѣвавшая въ напыщенныхъ, надутыхъ лестью панегирикахъ добродѣтели, славу своего патрона и его родственниковъ ([84]).

([84]) Этихъпроизведеній до насъ вообще дошло множество, такъ какъ каждая знатная фамилія въ Польшѣ воспѣта своими панегиристами. Содержанія въ нихъ очень мало, но за то десятки страницъ наполнены лестью и пустословіемъ. О нѣкоторыхъ изъ панегириковъ, относящихся къ Мосальскимъ, мы уже имѣли случай упоминать выше. Затѣмъ намъ извѣстны еще: 1.—Illustrissimo, excellentissimo ae reverendissimo Ignatio Massalski, episcopo vilnensi, akademia et universitas vilnensis..... plandens, 1762 г., заключающій въ себѣ похвальныя рѣчи епископу виленскому, при назначеніи его на каѳедру. Въ первой рѣчи виленская паства призывается къ ликованію, что Господь послалъ ей такого пастыря какъ Мосальскій, уже прославившагося какъ знаменитый и храбрый воевода (!). Послѣдняя рѣчь носитъ заглавіе: Радость князя Михаила Мосальскаго, гетмана вел. кн. Литовскаго. 2.—Typus gloriae illustrissimi domini Michaelis Josephi Massalski....., 1727 г. Здѣсь перечисляются нѣкоторые изъ предковъ Михаила Мосальскаго и родственныя по бракамъ фамиліи: Огинскіе, Красинскіе, Войны, Рудомины, Волловичи, Сапѣги, Пацы, Четвертинскіе, Мнишки, Любомирскіе, Поцеи, Денгофы, Войеры, Нарушевичи, Копцы (Korpciorum), Тышкевичи, Пребендовскіе, Униховскіе, Халецкіе, Кришпины, Завиши, Глебовичи, Полубинскіе, Потоцкіе, Бржостовскіе, Быховцы, Юндзилы, Микуты, Грузевскіе, Стрыенскіе, Вѣлозоры, Выбрановскіе, Казановы и проч. Въ концѣ брошюры три стихотворенія въ честь жены гетмана Михаила—Франциски Мосальской. 3.—Illustrissimo Ignatio Massalski..... gratulatio a societate Jesu, provinciae Masoviae. Въ концѣ приложено стихотвореніе, въ которомъ Римъ поздравляетъ Вильну съ новымъ епископомъ, а Вильна шлетъ привѣтъ Риму. 4.—Ad felicissimum, illustrissimi d. Ignatii Massalski ingressum in suam diaecesanam urbem gratulatio..... 1762 г. 5.—Aukcya woyska..... pod komende hetmanow Jana Branickiego, Michala Radziwilla, W. Rzewuskiego и Michala Massalskiego... 1756 г. Здѣсь между прочимъ авторъ распространяется о почитаніи, оказываемомъ Москвою роду князей Мосальскихъ и благодѣяніяхъ оказаныхъ послѣдними Польшѣ, упоминаетъ разныхъ предковъ гетмана Михаила, въ числѣ которыхъ говоритъ объ

Тотъ-же внѣшній блескъ и фамильное тщеславіе епископа виленскаго, были конечно главнѣйшими побудительными при-

---

Андреѣ—брестскомъ воеводѣ, какъ о знаменитомъ и мудромъ сенаторѣ, котораго нызывали Zelus boni publici и рѣчи котораго слѣдовало бы вырѣзать на золотой доскѣ; затѣмъ разсыпается въ похвалахъ самому гетману и говоритъ между прочимъ, что отечество обязано ему избраніемъ въ короли Августа III. 6.—Gloria celsissimorum principum Massalsciorum..... Ignatio Jacobo Massalski episcopo Vilnensi..... excepta, 1774 г. Здѣсь авторъ, ссылаясь на Окольскаго, говоритъ, что родъ князей Мосальскихъ прославился въ Россіи еще до принятія русскими христіанства и что вслѣдствіе крещенія Мосальскихъ имъ пожалованъ въ гербъ крестъ. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе предковъ епископа,—«прославившихся не только въ княжествѣ Смоленскомъ, но и во всей Россіи, во всемъ мірѣ!» Далѣе перечень фамилій, съ которыми родъ Мосальскихъ находится въ родствѣ: упоминаются между прочимъ Лещинскіе, Баторіи, Ягеллоны, Собѣскіе, которыхъ—говоритъ авторъ обращаясь къ епископу,—«ты всѣхъ превосходишь славою!» Затѣмъ слѣдуютъ восхваленія отцу епископа—«оставившему такое славное потомство: Ивана—образецъ справедливости и защитника невинныхъ, Екатерину—украшеніе женщинъ и образецъ добродѣтели» и др. Въ концѣ панегирика латинское стихотвореніе, восхваляющее родъ князей Мосальскихъ. 7.—Nomen fortunae publicae..... Illustr. domino Michaeli Josepho Massalski..... 1745 г. 8.—Sprawiedliwość fortuna panstw..... pokazana, pod dyrekcya laski marszalkowskiey Michala Josefa Massalskiego....., 1741 г. 9.—Do jasnie wielmożney Icy Mci pani Chrystyny z Sapiehow Massalskiey..... 1759 г. 10.—Panegyrica gratulatio nomini et honori illustr. domini Michaelis Josephi de ducibus ducis Massalski... 1745 г. 11.—Honor domowy..... jasnie wielmożney Franciszki z Oginskich Massalskiey....., poetyckim stylem polskiemu swiatu ukazany, 1745 г. 12.—Plenilumium avit..... domina Dominica Masalska capitanei de Grodnensi....., 1720 г. 13.—Tractat dożywotney..... panny Dominiki Massalskiey..... 1720 г., и друг.

См. также списокъ разныхъ книгъ, изданныхъ епископомъ Мосальскимъ и, ему посвященныхъ, у Крашевскаго: Wilno od poczǫtkow jego do roku 1750, т. IV.

чинами нѣкоторыхъ его псевдо-патріотическихъ затѣй, какъ напр. сформированія на свой счетъ пѣхотнаго полка, за что опредѣленіемъ сейма 1773—1775 г. роду князей Мосальскихъ было присвоено шефство этого полка ([85]) и выдана привиллегія, въ силу которой шефомъ назначался князь Ксаверій Мосальскій ([86]), племянникъ епископа виленскаго, причемъ преемниками его по званію шефа могли быть только его-же наслѣдники въ мужской линіи, до прекращенія послѣдней. По опредѣленію того-же сейма, полкъ Мосальскихъ долженъ былъ состоять изъ 1210 человѣкъ, но это было только на бумагѣ, въ сущности же затѣя епископа представлялась даже современникамъ въ весьма комическомъ видѣ, такъ что очевидно служила неболѣе, какъ декораціей тщеславія князя епископа. Дѣло въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ все польское войско представляло нѣчто болѣе забавное, чѣмъ серіозное: сеймомъ 1717 года, количество его было опредѣлено въ 18000, на дѣлѣ же оно не доходило и до 8000 человѣкъ ([87]); ученій и экзерцицій оно не знало, высшія должности были не болѣе, какъ синекурами — старшіе офицеры проживали въ своихъ имѣніяхъ, младшіе оставались за нихъ, но и имъ нечего было дѣлать; всѣ гнались только за мундиромъ и повышеніями и въ результатѣ выходило, что какой нибудь полкъ имѣлъ столько-же офицеровъ, сколько и нижнихъ чиновъ ([88])! Одинъ изъ современниковъ

([85]) Volumina legum т. VIII, 407.

([86]) См. № 276 родосл.

([87]) Костомаровъ: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.

([88]) Такъ при Августѣ III, въ одномъ конномъ полку значилось всего 180

описываетъ напр. слѣдующимъ образомъ тогдашнее польское воинство: «Въ республикѣ военное дѣло обстоитъ такъ, какъ бы вовсе войска и не было. Въ народной кавалеріи службы никакой, а въ хоругвяхъ нѣмецкихъ можно научиться только пьянствовать и распутничать. Впрочемъ, что-же это и за войско, въ которомъ офицеровъ немногимъ меньше чѣмъ рядовыхъ: въ полку князя Мосальскаго, который я видѣлъ, солдатъ 80 человѣкъ, а офицеровъ слишкомъ 50 и занимаются только тѣмъ, что носятъ мундиръ и воюютъ съ торговками» ([89]).

Таковъ былъ на дѣлѣ этотъ легіонъ Мосальскихъ, въ образѣ котораго епископъ виленскій, по словамъ вышеупомянутой сеймовой привиллегіи,—«принесъ свое состояніе на жертву отечеству»!...

Еще интересныя подробности касательно домашняго быта описываемой фамиліи, встрѣчаемъ о замужествѣ и жизни послѣдней представительницы той-же упоминаемой линіи—княжны Елены Іосифовны, родной племянницы епископа ([90]).

По разсказамъ современниковъ ([91]), княжна Мосальская была дѣвушка воспитанная съ дѣтства въ Парижѣ. Она не была красавицей, но своей миловидностью нравилась всѣмъ безъ исключенія; ея блѣдное лицо, съ мелкими какъ бы из-

---

человѣкъ солдатъ; онъ раздѣлялся на 6 хоругвей и въ каждой хоругви находилось по 30 офицеровъ! (Тамъ-же).

([89]) Pamiętniki Bartolomeja Michalowskiego, 1786—1812 г., изд. Ржевускимъ, т. I, 125—133.

([90]) См. № 277 родосл.

([91]) Pamiętniki Bart. Michalowskiego, 1786—1815 г., изд. Ржевускимъ, т. I, 38.

ваянными чертами, прекрасные глаза, зубы и волосы, все это имѣло въ ней столько чарующей прелести, что даже въ обществѣ красивѣйшихъ женщинъ княжна Елена невольно приковывала къ себѣ взоры. Свою долю привлекательности придавало ей и то обстоятельство, что она ни слова не знала по польски; наконецъ она обладала добрымъ и нѣжнымъ сердцемъ, тщательнымъ воспитаніемъ, любезностью и слишкомъ десятью милліонами приданаго.

Князь де-Линь, мужъ ея, былъ человѣкъ вѣжливый, остроумный, либералъ—проповѣдывающій на словахъ идеи равенства и въ то-же время готовый взяться за шпагу при малѣйшемъ затрогиваніи своего блестящаго имени. Это былъ настоящій типъ современнаго версальскаго придворнаго, болѣе француз нежели нѣмецъ, хотя и состоялъ подданнымъ Римскаго императора, будучи въ званіи полковника его войскъ. Бракъ его съ княжной Мосальской, былъ не столько результатомъ его собственныхъ искательствъ, сколько слѣдствіемъ соглашеніе между отцомъ его и опекуномъ княжны Елены—епископомъ виленскимъ; тѣмъ не менѣе супруги истинно привязались другъ къ другу. Однако какъ истый послѣдователь нравовъ аристократіи XVIII вѣка, князь де-Линь счелъ бы себя скомпрометированнымъ на всю жизнь, если бы далъ поводъ думать другимъ о своихъ чувствахъ къ женѣ, далъ-бы поводъ думать, что цѣнитъ ея привязанность и вѣрность, почему наперекоръ самому себѣ, разсыпалъ въ присутствіи жены своей злыя насмѣшки надъ всѣми, кто въ силу «мѣщанскихъ» обычаевъ придавалъ какое нибудь значеніе чисто-

КНЯЖНА ЕЛЕНА-АПОЛЛОНІЯ МОСАЛЬСКАЯ.

(къ №277 родословной.)

Фототипія Н Классенъ. С Петербургъ Кадетская лин № 7 2

тѣ супружескихъ отношеній. Мало того, привезя жену въ Варшаву, гдѣ у нихъ вскорѣ родилась дочь, де-Линь уѣхалъ на нѣсколько лѣтъ въ Вѣну и Бельгію, предоставивъ самой себѣ молодую 20-ти лѣтнюю женщину, окруженную всею разнузданностью современнаго ей общества.

Въ Варшавѣ въ то время проживалъ В. Потоцкій, обладатель одного изъ самыхъ огромныхъ состояній въ Польшѣ, состоянія—которое онъ тѣмъ не менѣе успѣлъ обременить долгами, ради своей необузданной страсти къ картамъ и женщинамъ. Потоцкій состоялъ въ званіи великаго короннаго подкоморія, купленномъ имъ у брата короля, но тѣмъ не менѣе не несъ никакихъ обязанностей, никогда не учавствовалъ въ сеймахъ и если былъ извѣстенъ въ странѣ, то только благодаря своимъ кутежамъ и мотовству. Потоцкій былъ жаденъ къ богатству и въ то-же время расточителенъ; онъ развелся съ своей первой женой (родной племянницей короля), чтобы жениться на молодой дѣвушкѣ Мыцельской и хотя послѣдняя оказалась мученицей его ревности, но тѣмъ не менѣе противилась болѣе десяти лѣтъ новому разводу, задуманному ея мужемъ. Потоцкій не только не былъ красивъ, но даже напротивъ—имѣлъ въ себѣ что-то отталкивающее, особенно въ своемъ взглядѣ; онъ однимъ изъ первыхъ началъ носить очки и въ ушахъ огромныя серьги, возбуждая тѣмъ удивленіе мелкой шляхты; что же касается его ума, то ему нельзя было отказать въ томъ свѣтскомъ esprit de salon, которое производитъ впечатлѣніе на женщинъ, такъ что въ общемъ Потоцкій снискалъ даже славу покорителя женскихъ сердецъ!

Таковъ былъ человѣкъ, жадный взоръ котораго остановился на молодой, оставленной мужемъ княгинѣ де-Линь.

Сблизившись нѣсколько съ нею, Потоцкій немедленно составилъ планъ сдѣлаться ея мужемъ. Княгиня ему нравилась, обладала состояніемъ, впереди ее ожидало наслѣдство; что-же касается препятствій, то предъ ними Потоцкій не останавливался; его нисколько не смущало, что княгиня имѣла мужа и дочь, что онъ самъ былъ мужемъ и отцомъ,—въ Польшѣ тогда никто, кромѣ провинціальной шляхты, не вѣрилъ въ неразрывность супружескихъ узъ. Скоро Потоцкій съумѣлъ снискать расположеніе княгини и между ними началась связь: молодая женщина бросила все и позволила увезти себя въ одно изъ помѣстій Потоцкаго, гдѣ тотъ среди лѣсовъ выстроилъ замокъ и окружилъ его надежными стѣнами. Ни одинъ мужчина не могъ проникнуть въ это убѣжище, въ которомъ вся прислуга состояла изъ женщинъ; сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ производилось только черезъ особый, примыкавшій къ стѣнѣ домъ, выходъ изъ котораго къ замку запирался ключемъ, находившимся постоянно у самого Потоцкаго. Въ домѣ этомъ послѣдній помѣстилъ свою многочисленную дворню и принималъ гостей, а затѣмъ снова исчезалъ въ своемъ таинственномъ замкѣ. Здѣсь княгиня де-Линь скоро овдовѣла, такъ какъ мужъ ея погибъ въ одной изъ первыхъ битвъ, которыми открылись революціонныя войны конца XVIII столѣтія, и затѣмъ молодая вдова провела взаперти у Потоцкаго 14 лѣтъ, не видавъ ни одного мужчины кромѣ своего соблазнителя, пока тотъ не успѣлъ добиться

развода съ своей женой (Мыцельской), для того чтобы жениться на де-Линь и прибрать къ своимъ рукамъ ея состояніе. Послѣ свадьбы онъ дѣйствительно вынудилъ у новой жены своей полную донацію всей ея собственности и въ утѣшеніе обобранной такимъ образомъ дочери князя де-Линь, женилъ на послѣдней своего единственнаго сына, которому имѣли перейти остатки огромнаго состоянія Потоцкаго.

Княжна Елена умерла въ Парижѣ, въ октябрѣ 1815 г., отъ какой-то быстро развившейся болѣзни, сведшей ее въ теченіи 12 часовъ въ могилу; прахъ ея былъ преданъ землѣ сначала на кладбищѣ Père-Lachaise, около гробницы маршала Нея, но въ 1840 г. перенесенъ оттуда въ общую усыпальницу. Многія подробности ея жизни появились въ новѣйшее время даже въ печати (см. L. Perey: «Histoire d'une grande dame au XVIII siècle: La princesse Hélène de Ligne», Paris, 1887; его-же: «Histoire... и проч.:—La comtesse Hélène Potocka», Paris, 1888.), причемъ въ изданіе вошли какъ ея переписка съ Потоцкимъ, такъ и личныя изъ ранней молодости мемуары. Не вдаваясь здѣсь въ какія либо дальнѣйшія подробности, замѣтимъ только, что письма Елены къ нему дышатъ большой нѣжностью, но это не воспрепятствовало впрочемъ Потоцкому вернуться, послѣ ея смерти, снова къ своей первой женѣ и вступить въ переговоры о вторичномъ бракѣ съ Мыцельской!

Относительно внутренняго быта старшей линіи князей Мосальскихъ, необходимо отмѣтить то важное обстоятельство, что одна вѣтвь ея во второй половинѣ XVIII ст. выселилась изъ

21

Польши и водворилась въ Россіи. Когда именно и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ произошло это переселеніе, документальныхъ указаній не имѣется, но въ нѣкоторыхъ матеріалахъ позднѣйшаго времени встрѣчаемъ извѣстіе, что одинъ изъ представителей упоминаемой линіи князь Владиславъ-Аѳанасій ([92]), во время военныхъ дѣйствій въ Польшѣ былъ взятъ въ плѣнъ русскими войсками и затѣмъ остался въ русскихъ губерніяхъ ([93]), гдѣ потомство его существуетъ по настоящее время, исповѣдуя православную религію.

Наконецъ здѣсь же необходимо коснуться еще вопроса о родовомъ титулѣ князей Мосальскихъ.

Въ предшествовавшей главѣ мы уже видѣли, что вслѣдствіе исторической жизни Литвы, древне-русское дворянство послѣдней постепенно утрачивало самобытность своего происхожденія и сливалось съ рядами польской шляхты, усвоивая себѣ ея взгляды и понятія. Въ Польшѣ уже въ XVI столѣтіи, идеи шляхетскаго равенства развернулись на столько, что выше шляхтича считался развѣ одинъ только король, но однако идеи эти раздѣлялись не всѣми; являлись сторонники допущенія иностранныхъ титуловъ, раздѣленія шляхты на высшую и низшую и

---

(92) Одинъ изъ сыновей князя Ивана-Казимира (см. № 157 родосл.).

(93) Акты земскаго суда Слуцкаго повѣта, 1806 года (Явка князя Теофиля Мосальскаго, 1805 г., о родствѣ своемъ съ находящимися въ Россіи потомками князя Владислава-Аѳанасія). См. прил. 54.

Въ 1760 г. встрѣчаемъ сына Владислава-Аѳанасія князя Данила уже въ русской службѣ (см. № 181 родосл.), слѣдов. выселеніе ихъ изъ Польши не позже этого времени.

тому под.. Сеймъ 1638 года уничтожилъ въ Польшѣ иностранные титулы, но сохранилъ княжескій за тѣми литовскими домами, которые имѣли таковой до присоединенія Литвы къ Польшѣ ([94]), слѣдовательно и за князьями Мосальскими. Тѣмъ не менѣе, когда подъ вліяніемъ упомянутыхъ идей пресловутаго шляхетскаго равенства, титулованіе фамилій начало вытѣсняться, то подобное направленіе отразилось и на родѣ Мосальскихъ, такъ что въ XVIII столѣтіи большинство представителей послѣдняго встрѣчаемъ уже безъ княжескаго титула, даже въ актахъ юридическаго значенія, и только въ старшей линіи Мосальскихъ онъ продолжалъ по прежнему удерживаться. Во второй половинѣ XVIII вѣка, Игнатій Мосальскій епископъ виленскій, счелъ нужнымъ однако обезпечить за своей линіей княжеское достоинство и съ этой цѣлью на сеймѣ 1774 года подалъ обширный меморіалъ ([95]), заключавшій въ себѣ длинный перечень документовъ, доказывавшихъ княжеское происхожденіе епископа. Поводомъ къ представленію меморіала онъ выставилъ то обстоятельство, что единственный наслѣдникъ Игнатія—князь Ксаверій Мосальскій ([96]) находится еще въ дѣтскомъ возрастѣ, а между тѣмъ большая часть имѣній Ксаверія лежитъ въ недавно отдѣленныхъ отъ территоріи польской республики провинціяхъ, почему епископъ (какъ опекунъ) считаетъ своею обязанностью обезпечить доказатель-

([94]) Вяндтке: Исторія государства польскаго.

([95]) См. прил. 55.

([96]) См. № 276 родосл.

ства родоваго происхожденія сироты ввѣреннаго его попеченію и проситъ сеймъ утвердить грамотою княжескій за нимъ титулъ.

Не безъинтересны и тѣ коментаріи, которыми епископъ сопровождаетъ свой меморіалъ и въ которыхъ старается высказать какъ свое мнимое равнодушіе къ внѣшнимъ суетнымъ отличіямъ, такъ и желаніе поддѣлаться вмѣстѣ съ тѣмъ подъ тонъ шляхетскаго равенства: — «Подражая своимъ предкамъ», говоритъ онъ въ началѣ своего меморіала, — «епископъ виленскій болѣе чѣмъ кто либо сознаетъ тщету княжескаго титула и знаетъ что во всякомъ, а тѣмъ болѣе свободномъ, народѣ, слѣдуетъ ознаменовывать себя достоинствами и заслугами, а не прельщающею толпу внѣшностью. Поэтому онъ искренно предпочитаетъ званіе польскаго шляхтича всѣмъ прочимъ». Далѣе Игнатій продолжаетъ, что — «не проситъ домъ Мосальскихъ о возведеніи его въ княжеское достоинство, такъ какъ послѣднее у нихъ никогда не оспаривалось, признавалось за ними всѣми польскими королями и никто въ Польшѣ не сомнѣвается въ княжескомъ происхожденіи Мосальскихъ, но что онъ, епископъ, желаетъ только, чтобы республика занеся въ свои постановленія всѣ тѣ документы, которые ей будутъ представлены, соблаговолила засвидѣтельствовать этимъ несомнѣнную истину относительно рода Мосальскихъ, въ чемъ нельзя и отказать, не нарушивъ въ противномъ случаѣ справедливости. Если Республика, согласно древнимъ своимъ обычаямъ и ради принциповъ республиканскаго правленія, не пожелаетъ допустить на своей террито-

торіи другихъ титуловъ кромѣ шляхетскаго, то онъ епископъ самъ будетъ превозносить это достохвальное постановленіе и наравнѣ со всѣми не замедлитъ ему подчиниться, но если-же удержится недавно установившійся обычай относительно употребленія тѣхъ титуловъ, какіе кто имѣетъ, то онъ надѣется, что пресвѣтлая делегація не пожелаетъ воспретить его племяннику пользоваться правами, полученными по рожденію».

Результатомъ упоминаемаго меморіала состоялось въ 1775 году сеймовое постановленіе, которымъ линія епископа признана происходящею отъ древнихъ русскихъ владѣтельныхъ князей и опредѣлено выдать въ томъ надлежащую грамоту ([97]). Линія эта, какъ мы уже говорили, въ скоромъ вре-

---

([97]) Volumina legum, т. VIII, 407. Постановленія, экстраординарнаго варшавскаго сейма, начавшагося въ 1773 г. и окончившагося въ 1775 г.: «Выдача князьямъ Мосальскимъ грамоты на документы ихъ и выведенную линію потомковъ Михаила великаго гетмана литовскаго». Текстъ упоминаемаго постановленія (въ переводѣ) слѣдующій: «Такъ какъ Мосальскимъ всегда былъ даваемъ титулъ князей, съ которымъ Тимоѳей перешелъ изъ Руси въ Литву, вслѣдствіе своего супружества съ литовской княжной, и такъ какъ король польскій Александръ признаетъ въ своей грамотѣ домъ князей Мосальскихъ происходящимъ отъ древнихъ владѣтельныхъ русскихъ князей, и такъ какъ Сигизмундъ I для возвращенія ихъ вотчинъ отъ имени князя Богуслава Мосальскаго велъ смоленскую войну и наконецъ что происхожденіе Мосальскихъ доказывается свидѣтельствомъ всѣхъ польскихъ историковъ и подлинными документами, то поэтому съ общаго согласія всѣхъ сословій республики, признавая за упомянутымъ домомъ Мосальскихъ, потомками Михаила гетмана великаго литовскаго, происхожденіе отъ древнихъ владѣтельныхъ князей русскихъ, приказываемъ, не нарушая ни въ чемъ равенства нашего свободнаго народа, выдать изъ канцеляріи грамоту, въ засвидѣтельствованіе подлинности доводовъ ихъ линіи и документовъ, съ приложеніемъ печати обоихъ народовъ

мени угасла, представители-же старшей впослѣдствіи снова возбудили вопросъ о возвращеніи имъ утраченнаго, по окончательномъ распаденіи Польши, родоваго титула, но это произошло, какъ увидимъ ниже, значительно позже,—въ XIX столѣтіи.

Бытъ князей Мосальскихъ въ Россіи, въ теченіи XVIII вѣка, не представляетъ фактовъ, которые бы имѣли особо выдающееся, или историческое значеніе. Наиболѣе замѣтною личностью, въ началѣ описываемаго времени, былъ тотъ-же князь Иванъ Михайловичъ ([98]), о которомъ мы имѣли случай упоминать въ предшествовавшей главѣ и который уже въ послѣднихъ годахъ XVII ст. носилъ высокій рангъ генералъ-поручика. Въ 1702 г. этого Мосальскаго встрѣчаемъ на югѣ Россіи, исполнителемъ одного изъ предначертаній Петра Великаго, относительно закрѣпленія русскихъ окраинъ, именно строителемъ крѣпости заложенной на Днѣпрѣ, противъ мѣста расположенія Запорожской Сѣчи и названной Каменнымъ Затономъ([99]). Подробностей о дѣятельности князя Ивана Михайловича мы не знаемъ, но нѣсколько позже имя

коронной и литовской». Самая грамота за подписью короля Станислава-Августа, помѣченная 14 сентябремъ 1780 г., занесена въ актовыя книги Метрики литовской № 220а.

([98]) См. № 144 родословной.

([99]) Щекатовъ: Словарь географическій Россійс. государства. Крѣпость разрушена въ 1711 г., послѣ Прутскаго трактата. Постройка ея возбудила сильную вражду въ запорожцахъ, окончившуюся послѣ измѣны Мазепы разореніемъ самой Сѣчи, произведеннымъ въ 1709 г. Меншиковымъ. По извѣстію Плейера (Устряловъ: Ист. Петра Великаго, т. IV, ч. 2, прил. VI), Мосальскій въ 1702 г. былъ воеводой въ Каменномъ Затонѣ и присылалъ отсюда Петру экстренныя донесенія, но въ 1703 г. тамъ воеводой встрѣчаемъ уже другаго,

его не разъ упоминается въ перепискѣ Петра I съ Апраксинымъ и Стрѣшневымъ ([100]).

Около этого-же времени встрѣчаемъ еще одного изъ Мосальскихъ, котораго впрочемъ современные документы выдвигаютъ со стороны весьма нелестной. — Онъ является въ числѣ лицъ, подпавшихъ вмѣстѣ съ Меншиковымъ, Апраксинымъ, Долгорукимъ и другими, подъ судъ въ 1716 г., за казнокрадство ([101]). Кригсрехтъ постановилъ приговоръ, осудившій менѣе важныхъ виновниковъ частью къ ссылкѣ, частью къ тѣлесному наказанію, болѣе-же важныхъ — къ ли-

---

именно Шеншина (Московс. арх. мин. юст.: Книги розрядн. стола № 15, дѣло 1704 г. № 193).

([100]) Такъ въ апрѣлѣ 1705 г. Апраксинъ, между прочимъ, писалъ Петру изъ Воронежа: . . . . «Къ князю Ивану Мосальскому письма оставленныя пошлю, однакожъ еще милости прошу, изволь покрѣпче подтвердить Тихону Никитичу (Стрѣшневу), чтобы къ нему (Мосальскому) отписалъ; человѣкъ слабый, зѣло боюсь чтобы не опоздалъ». Въ своемъ отвѣтѣ Апраксину, отъ 3 мая, Петръ пишетъ, что «о Мосальскомъ приказано будетъ».

Въ другомъ письмѣ царя, 1707 г., къ Стрѣшневу, заключается извѣщеніе о полученіи извѣстія относительно шатости запорожцевъ, причемъ Петръ дѣлая распоряженіе о посылкѣ туда расторопнаго человѣка для разсмотрѣнія жалобъ, заканчиваетъ письмо такъ: «Мнѣ зѣло дивно, что по сіе время не имѣю вѣдомости отъ Мосальскаго, гдѣ онъ и что сдѣлано. Городамъ, буде у васъ есть отъ него вѣдомость, извольте увѣдомить насъ немедленно, а буде и оной нѣтъ у васъ, то походитъ онъ на б. . . . . а сына». (Устряловъ: Исторія Петра Великаго, т. IV, прил. 286. Голиковъ: Дополненія къ дѣян. Петра Великаго, т. VI, 343; т. VII, 368).

Къ актамъ 1702 г. упоминающимъ о Мосальскомъ, въ связи съ постройкой Каменнаго Затона, относятся напр.: Проѣзжая память плотникамъ, отправленнымъ въ Ахтырку въ полкъ генерала Ивана Михайловича Кольцова-Мосальскаго, для каменнаго городоваго строенія города Затона (Кунгурскіе акты 1700—1735 г., хранящ. въ Археогр. комиссіи, 1702 г. № 28).

([101]) Въ указѣ Петра Великаго, о мотивахъ преданія ихъ суду, говорится:

шенію чиновъ и знаковъ достоинства, но въ концѣ концовъ наказаніе для лицъ второй категоріи было смягчено и замѣнено взысканіемъ съ нихъ казенныхъ убытковъ и большимъ денежнымъ шрафомъ.

О которомъ именно изъ Мосальскихъ идетъ здѣсь рѣчь, утвердительно сказать трудно, но очень можетъ что о князѣ Димитріѣ Андреевичѣ ([102]), бывшемъ въ 1701—1703 г. воеводой въ Курскѣ, а затѣмъ по нѣсколько позднѣйшимъ свѣдѣніямъ показанномъ въ ссылкѣ въ Азовѣ ([103]). Дѣло его, въ связи съ Апраксинымъ, разбиралось повидимому уже послѣ его смерти и по всей вѣроятности именно къ этому же князю Димитрію Мосальскому относится сообщеніе Фокерода ([104]), передающаго, что Петръ Великій преслѣдуя злоупотребленія по финансовой части,

---

«По дѣлу князя Меншикова въ дерзновеніи взятья денегъ изъ своей канцеляріи, а не счетомъ изъ Московской губерніи, гдѣ было надлежало.

По дѣлу Мосальскаго, въ прикрытіи его казеннаго грабежу, отъ адмирала графа Апраксина.

За взятье денегъ прибыльныхъ прежде возвращенія каравана китайскаго генералъ-пленипоценціара комисара князя Долгорукаго.

По всѣмъ тѣмъ которыя къ онымъ касаться будутъ дѣламъ, надъ вышеписанными персоны держать кригсрехтъ нижеписаннымъ персонамъ по воинскому артикулу и по публикованному указу, который состоялся въ прошломъ 1714 г. Дек. 18 дня». (Голиковъ: Доп. къ дѣян. Петра Великаго, т. XI. Соловьевъ: Исторія Россіи, т. XVI, 272).

([102]) См. № 171 родосл.

([103]) Московск. архивъ министерства юстиціи (Книги жилецкихъ списковъ, № 74, л. 151; № 77, л. 131, 272; № 82, л. 86).

([104]) Секретаря королевско-прусскаго посольства, бывшаго въ Россіи въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ передъ кончиною Петра Великаго. (Русскій архивъ 1873 г., № 8).

охотно выслушивалъ доносы и поручалъ гвардейскимъ офицерамъ строжайшее ихъ разслѣдованіе, такъ что въ послѣдніе годы жизни Государя почти не было ни одного губернатора, котораго бы не уличили въ лихоимствѣ. Двухъ изъ нихъ—правителя Сибири князя Гагарина и бахмутскаго коменданта князя Мосальскаго, приказалъ онъ публично выставить къ висѣлицѣ, перваго живаго, а втораго послѣ его смерти. Извѣстіе Фокерода находитъ себѣ подтвержденіе и въ одномъ указѣ 1718 г., въ которомъ говорится, что—«Великій Государь.... указалъ князь Димитрія княжъ Андреева сына Кольцова-Мосальскаго, за похищеніе и за начеты бахмутской сборной денежной казны, помѣстья его и вотчины съ крестьянами и со всѣми заводы отписать на себя великаго государя и сказать тѣхъ помѣстій и вотчинъ старостамъ и крестьянамъ, чтобы они жены его Мосальскаго и дѣтей не слушали».

Наконецъ еще нѣсколько выдающимся изъ прочихъ лицомъ, является князь **Андрей Александровичъ Кольцовъ-Мосальскій**, который въ царствованіе Павла I былъ гофмейстеромъ, тайнымъ совѣтникомъ и дѣйствительнымъ камергеромъ ([105]).

Что касается до свѣдѣній объ имущественномъ положеніи описываемой фамиліи, то членовъ ея встрѣчаемъ владѣльцами обширныхъ помѣстій въ различныхъ уѣздахъ, въ томъ числѣ и въ Мосальскомъ. Такъ за представителемъ одной изъ вѣтвей Кольцовыхъ-Мосальскихъ, вышеупомянутымъ кня-

([105]) См. № 275 родосл.

земъ Андреемъ Александровичемъ, состояло, въ концѣ XVIII вѣка, родоваго имѣнія 2200 душъ крестьянъ, кромѣ благопріобрѣтенныхъ имъ еще впослѣдствіи, а за представителемъ другой—княземъ Сергіемъ Ивановичемъ ([106]) насчитывалось, въ половинѣ того-же столѣтія, болѣе 3300 душъ ([107]), слѣдовательно линія князей Кольцовыхъ-Мосальскихъ обладала въ то время довольно широкими матеріальными средствами.

([106]) См. № 226 родосл.

([107]) Въ дѣлахъ Вотчинной Коллегіи (Моск. арх. минис. юстиціи), по поводу процесса, возбужденнаго въ 1738 г. бабкою упомянутаго князя Андрея Александровича—княгиней Натальей Михайловной, бывшей во второмъ замужствѣ за капитаномъ Димитріемъ Бестужевымъ, читаемъ слѣдующія подробности объ имѣніяхъ князя Петра Ивановича (прадѣда Андрея):

«За князь Петромъ княжъ Ивановымъ сыномъ Кольцовымъ-Мосальскимъ помѣстья и вотчинъ, по дачѣ 719 году Іюля 31 числа, что ему досталось по раздѣльнымъ росписямъ отъ матери его вдовы княгини Анны и брата его князь Якова Кольцова-Мосальскаго 707 году и по допросамъ ихъ 714 году изъ помѣстій изъ вотчинъ отца его князя Ивана княжъ Михайлова сына, також и дяди его роднаго князь Бориса княжъ Михайлова сына Кольцовыхъ-Мосальскихъ, въ Вологодскомъ уѣздѣ въ Оксентьевскомъ стану село Оксентьево въ Которской волости въ деревнѣ Труфановской съ жеребьями деревень,

Въ новѣйшее время, т. е. въ текущемъ XIX столѣтіи, родъ князей Мосальскихъ имѣетъ многочисленныхъ представителей, значительная часть которыхъ находится по прежнему въ западномъ краѣ и Бѣлоруссіи. Представители эти, по крайней мѣрѣ судя по имѣющимся даннымъ, принадлежатъ нынѣ къ нѣкоторымъ вѣтвямъ старшей и средней линій, а именно: а) Мосальскіе и б) Мосальскіе-Кольцовы, кромѣ того существуетъ вѣтвь Мосальскихъ-Кошура, генеалогически до начала не выслѣживаемая (см. гл. I, стр. 23), прочія же въ разное время уже угасли.

Нынѣ существующіе члены фамиліи Мосальскихъ пред-

да въ Ухтюжской волости деревня Кочаловская, Михайловская тожъ, съ пустошьми, а въ нихъ пашни 330 четвертей въ полѣ а въ дву потому жъ. За нимъ же князь Петромъ княжъ Ивановымъ сыномъ Кольцовымъ-Мосальскимъ помѣстья и вотчинъ, по вышеписанной же 719 году Іюля 31 числа дачѣ, въ Мосальскомъ уѣздѣ въ Окологородномъ стану въ селѣ Луневѣ въ деревнѣ Давыдовой, въ деревнѣ Любимовой, въ деревнѣ Подолешьѣ съ пустошьми, а въ нихъ пашни 484 четверти безъ полуосмины въ полѣ а въ дву потому жъ. За нимъ же князь Петромъ княжъ Ивановымъ сыномъ Кольцовымъ-Мосальскимъ помѣстья, по вышеписанной дачѣ 719 году Іюля 31 числа, что ему дано отца его князь Ивана княжъ Михайлова сына Кольцова-Мосальскаго въ Московскомъ уѣздѣ въ Ширинскомъ и въ Отъѣзжемъ стану въ селѣ Богородскомъ 41 четверть съ осьминою въ полѣ а въ дву потому жъ. За нимъ же князь Петромъ княжъ Ивановымъ сыномъ Кольцовымъ-Мосальскимъ, по вышеписанной дачѣ 719 году Іюля 31 числа, что ему дано отца его князь Иванова вотчина княжъ Михайлова сына Кольцова-Мосальскаго въ Коломенскомъ уѣздѣ въ Мещерской волости въ селѣ Воронцовѣ съ жеребьями деревъ и пустошей, а въ нихъ пашни 122 четверти съ полуосьминою въ полѣ а въ дву потому жъ.

Всего за нимъ князь Петромъ княжъ Ивановымъ сыномъ Кольцовымъ-Мосальскимъ по вышеписаннымъ дачамъ 978 четвертей».

ставляютъ рѣзкое различіе между собою, какъ по религіи, такъ и въ отношеніяхъ политическомъ и общественномъ. Одна часть ихъ исповѣдуетъ религію православную, другая, въ западномъ краѣ,—католики ([109]), причемъ послѣдніе представляютъ элементъ вполнѣ однородный съ остальнымъ здѣсь, ополяченнымъ, когда-то бывшимъ русскимъ, дворянствомъ, окончательно уже забывшимъ исторію своихъ предковъ. Изъ этой послѣдней группы Мосальскихъ, нынѣ нетолько не имѣется никого, кто бы занималъ болѣе, или менѣе выдающееся общественное положеніе, но нѣкоторыхъ встрѣчаемъ даже обратившимися уже въ однодворцевъ; двоихъ еще знаемъ, какъ носившихъ духовное званіе ([110]). Центръ всего родоваго представительства, въ послѣднее время перемѣстился въ среду потомковъ князя Владислава-Аѳанасія Мосальскаго ([111]), т. е. въ среду той вѣтви старшей линіи, которая въ лицѣ его, какъ уже сказано, водворилась въ Россіи во второй половинѣ минувшаго столѣтія и къ которой принадлежалъ еще недавно, такъ сказать—глава всего рода Мосальскихъ, нынѣ уже скончавшійся бывшій членъ Воен-

---

([109]) О Мосальскихъ уніатахъ имѣется только указаніе, что въ бывшемъ до 1795 года минскомъ уніатскомъ монастырѣ Св. Духа, въ числѣ сестеръ изъ болѣе извѣстныхъ фамилій, напр. Гедройцъ, Контакузенъ, Тишкевичъ и др., находилась и сестра Ѳеѳила Мосальская. (Архим Николай: Описаніе минской епархіи, стр. 98).

([110]) Одинъ состоялъ въ 1870 г. ксендзомъ въ Вилькомирскомъ уѣздѣ, другой былъ (ок. 1838 г.) монахомъ Францисканскаго монастыря въ Пинскѣ, но тогдаже принялъ православіе.

([111]) См. № 157 родосл.

наго Совѣта генералъ-адъютантъ князь Николай Ѳедоровичъ (112). Что же касается всѣхъ остальныхъ, то изъ числа ихъ своей долей извѣстности въ текущемъ столѣтіи пользовались только тѣ, которые выдвинулись на поприщѣ литературной дѣятельности, а именно: Константинъ Петровичъ Мосальскій (113), авторъ многихъ историческихъ романовъ и повѣстей, пользовавшихся извѣстностью въ свое время (114). Ѳома Онуфріевичъ (115)—авторъ извѣстнаго сочиненія «Рап

---

(112) См. № 240 родосл.

(113) Неизв. вѣтви. Отецъ его (Петръ Григорьевичъ) также оставилъ слѣдъ въ русской литературѣ (См. «Дружескія письма графа М. Сперанскаго, къ П. Г. Мосальскому», за періодъ 1798—1819 г.; изд. въ 1862 г.).

(114) Константинъ Петровичъ началъ свою литературную дѣятельность съ 1821 года и оставилъ послѣ себя много даровитыхъ трудовъ. Кромѣ лирическихъ произведеній и мелкихъ стиховъ, напечатанныхъ имъ въ современныхъ журналахъ, извѣстны еще: «Терпи казакъ—атаманъ будешь», риѳмованная повѣсть издан. въ 1829 г. и выдержавшая четыре изданія; «Стрѣльцы»—историч. романъ, появившійся въ 1832 г. и выдержавшій три изданія (два изъ нихъ въ теченіи одного года); «Черный ящикъ»—историч. повѣсть изъ временъ Петра Великаго. изд. въ 1833 г; «Регентство Бирона», 1834 г.; «Лейтенантъ и Поручикъ», 1853 г.; «Классикъ и Романтикъ», комедія, 1830 г.; «Невѣста Петра II», 1812 г. и друг. Изъ историческихъ трудовъ Мосальскаго можно указать на—«Первое русское посольство въ Испанію и Францію въ 1677 и 1688 гг.» и—«Жизнь князя Александра Меншикова». Изъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ извѣстны: 1831 г.—«Что значитъ хорошій тонъ», романъ г-жи Гаррисонъ, и 1838 г.—«Донъ Кихотъ», Сервантеса. Кромѣ того Мосальскимъ написано еще много мелкихъ произведеній, какъ то: Осада Углича, Россійскій Икаръ, Донъ-Кихотъ XIX ст., Граница 1816 г., Привязанность къ бородѣ, Первая любовь послѣдняго изъ рода. Романъ на ледяныхъ горахъ, Истинное происшествіе 1703 г. и проч.

(115) См. № 279 родосл.

podstolic albo czem jest ésmy i czem być możemy» ([116]) и наконецъ—Іосифъ Онуфріевичъ ([117]), перу котораго принадлежатъ два небольшихъ тома стихотвореній, изданныхъ въ 1828 г. подъ названіемъ «Poezyi» ([118]).

Однимъ изъ существенныхъ обстоятельствъ въ общественномъ бытѣ описываемой фамиліи, было возвращеніе въ последнее время старшей линіи утраченнаго княжескаго титула, ходатайство о чемъ началось вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго относительно представленія доказательствъ на дворянское происхожденіе, дворянами присоединеннаго къ Россіи польскаго края. Въ силу этого повелѣнія, одна изъ вѣтвей старшей линіи Мосальскихъ ([119]),

---

([116]) Оно было издано и на рус. языкѣ: «Панъ подстоличъ, или что мы теперь и чѣмъ быть можемъ».

Ѳомою Онуфріевичемъ-же изданы еще: въ 1824 г.—«Tablice porównawcze wszystkich wiadomych monet, wag i miar, wyrochowanych na monety, miary i wagi nowe francuzskie, nowe polskie i rossyskie» (Сравнительныя таблицы всѣхъ извѣстныхъ вѣсовъ и мѣръ, переложенныхъ на монеты, мѣры и вѣсы новыя французскія, новыя польскія и русскія); въ 1853 г.—«O skarbach słowianskich, a szczególnig o grammatyce jezyka polskiego» (О славянскихъ сокровищахъ и преимущественно о граматикѣ польскаго языка) и въ 1856 г. переводъ Nicolas'a—«Выводъ христіанской истины съ точки философіи, догмата и исторіи». Независимо отъ этого, много мелкихъ статей Ѳомы Онуфріевича по хозяйству и промышленности, помѣщено въ Петербургскомъ Еженедѣльникѣ.

([117]) См. № 280 родосл.

([118]) Можно еще прибавить, что одинъ изъ Мосальскихъ (кто именно—не видно) принималъ въ 1848 г. участіе въ трудахъ Временной коммиссіи по собранію древнихъ грамотъ и актовъ, хранившихся въ городскихъ архивахъ и православныхъ монастыряхъ Минской губерніи.

([119]) Правнуки князя Ивана-Казимира, именно Теофиль Криштофовичъ (см. № 211 родосл.) съ братьями.

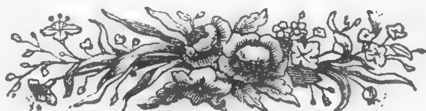
уже въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія собрала требуемыя доказательства и внесла ихъ въ виленское дворянское депутатское собраніе, послѣ чего къ ней начали примыкать и другія вѣтви ([120]). Опредѣленіемъ присутствія минскаго губернскаго предводителя дворянства, 1804 года ([121]), признано княжеское происхожденіе еще одной вѣтви, затѣмъ послѣдовало постановленіе гродненскаго депут. собранія 1819 г., но такъ какъ и далѣе продолжали поступать новыя заявленія, о присоединеніи къ родословной Мосальскихъ лицъ какъ пропущенныхъ, такъ и вновь родившихся, то все дѣло тянулось до 1862 года, когда наконецъ послѣдовалъ указъ Правительствующаго сената ([122]), объ утвержденіи упоминаемой линіи Мосальскихъ въ княжескомъ достоинствѣ, со внесеніемъ въ V-ю часть дворянской родословной книги.

([120]) Такъ въ январѣ 18?6 г., поручикъ польскихъ войскъ Теофиль Мосальскій подалъ въ Слуцкій земскій судъ заявленіе, что представленная имъ ранѣе родословная роспись далеко не полна, ибо оказалось, что цѣлая вѣтвь ихъ линіи уже раньше водворилась въ Россіи, именно потомки князя Владислава-Аѳанасія, взятаго въ плѣнъ русскими войсками, во время военныхъ дѣйствій (см. № 157 родосл.) и что потомки эти, какъ принадлежащіе къ одному съ нимъ Теофилемъ родословію, должны поэтому пользоваться и одинаковыми съ нимъ правами на представленные уже документы (см. прил. 54). Позже, на основаніи опредѣленія гродненс. депут. собранія 1819 г., Ѳедоръ Даниловичъ Мосальскій (одинъ изъ упомянутыхъ потомковъ, см. № 205 родосл.) началъ въ 1821 г. дѣло, о причисленіи дѣтей его къ признанной уже въ дворянствѣ линіи.

([121]) См. прил. 56. Опредѣленіе это важно въ томъ отношеніи, что изъ него выслѣживается родословіе одной изъ вѣтвей старшей же линіи, но документы которой in extenso намъ неизвѣстны.

([122]) См. прил. 57.

Самымъ крупнымъ представителемъ всего рода Мосальскихъ, въ послѣдніе годы былъ, какъ уже сказано, нынѣ покойный генералъ-адъютантъ князь Николай Өедоровичъ, прямой потомокъ старшаго сына родоначальника всей фамиліи Мосальскихъ. Его біографическимъ очеркомъ намъ остается закончить эту часть нашего труда.



Покойный князь Николай Өедоровичъ не любилъ говорить о себѣ; не любилъ и писать, хотя много поработалъ и многое видѣлъ въ теченіи своей почти 70-ти лѣтней жизни. Качества эти, удѣлъ далеко не многихъ, хотя и набрасываютъ одинъ изъ характерныхъ и симпатичныхъ штриховъ его нравственнаго облика, но для біографа являются обстоятельствомъ весьма невыгоднымъ, такъ какъ изъ за нихъ онъ лишается весьма существенныхъ пособій, представляемыхъ напр. письмами или личными воспоминаніями покойнаго, хотябы въ пересказѣ его родныхъ или домашнихъ.

Послѣ князя Николая Өедоровича не осталось никакой переписки, никакихъ слышанныхъ отъ него-же разсказовъ среди ближайшихъ къ нему лицъ, хотя жизнь князя протекла среди дѣятельности и обстановки довольно разнообразныхъ; единственнымъ источникомъ для его біографіи остаются только матеріалы оффиціальные.

Подобной, тѣмъ не менѣе симпатичной чертѣ своего характера, князь оставался вѣренъ всю свою жизнь; напр. въ

22

молодости онъ имѣлъ довольно продолжительную командировку въ Персію, однимъ изъ результатовъ которой было появленіе въ нашей литературѣ его воспоминаній о своей поѣздкѣ, изданныхъ въ 1844 году. Въ воспоминаніяхъ этихъ, написанныхъ очень живо, изобличающихъ талантъ и наблюдательность автора, покойный князь не только совершенно обходитъ свою оффиціальную дѣятельность, но даже и имя свое какъ автора, скрылъ лишь подъ двумя скромными иниціалами. Таковымъ-же его встрѣчаемъ и подъ старость, напр. когда въ личномъ присутствіи Николая Өедоровича, бывшаго въ то время уже начальникомъ артиллеріи въ Петербургскомъ округѣ, на одной изъ батарей въ Кронштадтѣ произошелъ при стрѣльбѣ разрывъ огромной 11-ти дюйм. пушки,—эпизодъ о которомъ въ свое время было не мало толковъ между артиллеристами. При этомъ случаѣ, о которомъ подробнѣе будетъ сказано ниже, князь выказалъ свое обычное мужество и поведеніе его послужило темой для многочисленныхъ разсказовъ, но изъ устъ самого князя и на бумагѣ, относительно его личной роли въ томъ-же эпизодѣ, не появилось ничего. Сохранившееся донесеніе Николая Өедоровича высшему начальству, отличается образцовымъ лаконизмомъ: онъ въ нѣсколькихъ словахъ констатируетъ только фактъ, лично же о себѣ ни полслова!

Таковъ, въ указываемомъ отношеніи, онъ былъ и на зарѣ и на закатѣ дней своихъ; таковъ онъ былъ вездѣ, даже въ семьѣ своей, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ знавшіе его близко.

Уже изъ одной этой черты можно предъугадывать, какимъ человѣкомъ долженъ былъ быть Николай Ѳедоровичъ въ жизни, предъугадывать что это былъ человѣкъ дѣла, а не фразы.

Подъ строгой, суровой его наружностью, скрывалось очень доброе сердце, такъ что въ соотвѣтствіи съ ней находились развѣ твердость и независимость его характера, которыми отличались всѣ его поступки. Князь что называется никому не позволялъ наступить себѣ на ногу и до самаго гроба не гнулся передъ высшими себя. Нѣкоторые рѣзкіе отвѣты его послѣдняго времени, вызванные не нравившимися ему дѣйствіями, до сихъ поръ циркулируютъ какъ анекдоты. Съ другой стороны, князь всегда былъ готовъ безкорыстно помогать ближнему, насколько позволяла то возможность, и еще въ ранней молодости, когда самъ не имѣлъ ничего лишняго, не отказывалъ въ матеріальной помощи нуждающимся товарищамъ, какъ то видно изъ немногихъ уцѣлевшихъ бумагъ покойнаго. Онъ всегда былъ исполненъ желаніемъ помочь неимущимъ и заботливостью о бѣдныхъ, такъ что еще въ молодыхъ чинахъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ общества посѣщенія бѣдныхъ, а позже членомъ во многихъ другихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, напр. въ Общинѣ св. Георгія, Обществѣ спасанія на водахъ и др. Еще болѣе имъ сдѣлано въ дѣлѣ благотворительности и призрѣнія сиротъ спеціально въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ; здѣсь онъ явился главнымъ инціаторомъ устройства Михайловскаго пріюта, для дѣтей убитыхъ и раненныхъ нижнихъ чиновъ

*

гвардейской артиллеріи, который нынѣ, благодаря собранному капиталу, расширилъ настолько свою дѣятельность, что принимаетъ дѣтей неимущихъ офицеровъ для приготовленія ихъ въ учебныя заведенія. Пріюту этому князь, въ память о себѣ, оставилъ даже денежную стипендію.

Самымъ рельефнымъ образомъ проявилось его безкорыстіе и неподдѣльное участіе къ житейской долѣ меньшей братіи, въ 1860 году, когда покинувъ службу онъ уединился въ свое имѣніе Новгородской губерніи и здѣсь лично пожелалъ заняться устройствомъ земельныхъ надѣловъ своихъ бывшихъ крестьянъ. Входя во все непосредственно самъ, не исключая и составленія грамотъ, князь настолько ставилъ интересы крестьянъ выше своихъ собственныхъ, что одѣливъ въ прямой ущербъ себѣ крестьянъ всякими угодьями, почти въ двойномъ размѣрѣ, не взялъ даже съ нихъ обязательнаго выкупа!

Такихъ примѣровъ исторія нашей крестьянской реформы знаетъ немного.

Подобныя черты изображаютъ духовный образъ покойнаго князя въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ, независимо отъ прочихъ прекрасныхъ качествъ его же на стезѣ служебной, какъ начальника. Объ этомъ мы скажемъ нѣсколько словъ далѣе, здѣсь же коснемся еще одной стороны его характера—какъ человѣка военнаго.

Оставаясь вѣрнымъ себѣ, князь никогда не рисовался никакими эпизодами изъ боевыхъ моментовъ своей жизни, хотя не разъ прямо глядѣлъ въ глаза смерти. Судьба не судила ему со-

вершить какого нибудь блестящаго военнаго подвига, но тѣмъ не менѣе никто, изъ хорошо знавшихъ характеръ князя, не усомнится, что онъ былъ способенъ на самое доблестное самоотверженіе. Личное мужество князя не можетъ подлежать никакой тѣни сомнѣнія, онъ далъ тому не мало доказательствъ, и всѣ знавшіе его въ военное время засвидѣтельствуютъ, въ какой степени были присущи покойному князю высокія качества храбрости и самообладанія.

Характернымъ примѣромъ, какъ относился онъ къ личной опасности, можетъ давать одинъ эпизодъ даже изъ мирнаго времени, именно упомянутый уже случай въ Кронштадтѣ, въ 1871 году. Состоя начальникомъ артиллеріи Петербургскаго военнаго округа, князь Николай Ѳедоровичъ назначилъ въ концѣ сентября смотръ практической стрѣльбы Кронштадской крѣпостной артиллеріи и прибылъ на фортъ Константинъ, гдѣ на Колпинской батареѣ должны были дѣйствовать недавно введенныя тогда въ нашу артиллерію огромныя стальныя орудія 11-дюйм. калибра, полными боевыми зарядами; пояснимъ для неартиллеристовъ, что каждый таковой зарядъ равнялся не больше, не меньше, какъ $2^1/_2$ пуд. пороха! Находясь лично при орудіи, князь началъ стрѣльбу: грянулъ первый выстрѣлъ и... гигантъ разлетѣлся въ куски!.. Произошелъ несчастный случай, сопровождающійся обыкновенно роковыми послѣдствіями для окружающихъ:—разрывъ орудія, котораго передняя половина разлетѣлась на части, но по удивительному счастью при катастрофѣ этой никто не погибъ, а были только оцарапаны офицеръ и четыре человѣка нижнихъ чиновъ!

Чего можно было ожидать далѣе, при продолженіи стрѣльбы изъ слѣдующаго такого же новаго 11-ти дюйм. орудія? — вопросъ возникалъ очевидно нешуточный и даже весьма острый..., но князь разрѣшилъ его не задумываясь. Приказавъ удалиться всѣмъ лишнимъ, онъ съ необходимой артиллерійской прислугой лично остался у слѣдующаго орудія, обрекши себя такимъ образомъ на одинаковую участь съ нею, въ случаѣ новаго несчастія, и произвелъ слѣдующій выстрѣлъ; произвелъ, по нѣкоторымъ ходившимъ въ то время версіямъ, даже непосредственно самъ лично!.. На сей разъ однако дѣло обошлось благополучно и затѣмъ все пошло обычнымъ порядкомъ.

Быть можетъ на это скажутъ, что было бы благоразумнѣе совсѣмъ прекратить стрѣльбу послѣ разрыва первой пушки, чтобы возбудить вопросъ о новомъ испытаніи прочности ихъ, съ принятіемъ всѣхъ требуемыхъ мѣръ предосторожности, на случай несчастія, но это нисколько не умаляетъ значенія описаннаго эпизода, для характеристики мужественнаго поведенія князя Николая Ѳедоровича.

Донося о случившемся высшему начальству, онъ лаконически пишетъ: «Сегодня въ моемъ присутствіи въ Кронштадтѣ, при стрѣльбѣ зарядомъ въ 100 фунтовъ изъ 11-дюйм. пушки форта Константинъ, при первомъ же выстрѣлѣ орудіе разорвало, причемъ дульная часть разорвалась на нѣсколько большихъ и малыхъ кусковъ. Несчастій не произошло, но четыре человѣка нижнихъ чиновъ и офицеръ легко оцарапаны, о чемъ доношу».

И только. О своемъ личномъ поведенiи и дѣйствiяхъ ни слова!

Но вотъ другой примѣръ, изъ практики военнаго времени, примѣръ со словъ очевидца, еще болѣе въ своемъ родѣ характерный.

Въ половинѣ августа 1877 года, князь Николай Ѳедоровичъ, состоявшiй тогда начальникомъ артиллерiи нашей армiи за Дунаемъ, отправился осмотрѣть батареи на Шипкѣ и прибылъ на гору св. Николая, къ такъ называвшейся Стальной батареѣ, которою командовалъ тогда подпоручикъ Киснемскiй. Здѣсь положенiе дѣлъ было таково, что каждый показавшiйся изъ за бруствера солдатъ, немедленно привлекалъ на себя турецкiя пули, вслѣдствiе чего генераломъ Радецкимъ былъ даже отданъ приказъ, чтобы при посѣщенiи горы св. Николая начальствующими лицами, командиры, во избѣжанiе потерь въ людяхъ, не заставляли бы нижнихъ чиновъ вставать для встрѣчи начальниковъ и тѣмъ не подвергали бы ихъ напрасно огню непрiятельскихъ стрѣлковъ. Не зная ничего объ этомъ распоряженiи, князь Николай Ѳедоровичъ прибывъ на батарею былъ встрѣченъ Киснемскимъ и, по разсказу послѣдняго, принявъ отъ него рапортъ, сдѣлалъ ему замѣчанiе—почему люди не встали, а затѣмъ осмотрѣлъ батарею, оставаясь все время подъ огнемъ непрiятельскихъ стрѣлковъ. По окончанiи осмотра, князь обратился къ сопровождавшему его начальнику позицiи и просилъ провести на слѣдующую батарею; ему были указаны два пути: одинъ кратчайшiй, сильно обстрѣливаемый, другой нѣсколько круж-

нѣе, но болѣе безопасный. На предложеніе избрать послѣдній, князь лаконически отвѣтилъ: «Я окольными путями ходить не привыкъ» и отправился открыто подъ выстрѣлами турокъ по кратчайшему!

Не забудемъ, что въ упоминаемое время князю было уже 65 лѣтъ отъ роду, т. е. годы могущіе даже извинить извѣстный упадокъ энергіи, если бы таковой выказался, но мы видимъ здѣсь совершенно обратное; да и немного найдется охотниковъ бравировать жизнью въ этомъ возрастѣ, если бы смотрѣть на доблестное поведеніе князя съ этой послѣдней точки зрѣнія. Здѣсь очевидно не то, какъ и въ другихъ подобныхъ же случаяхъ; здѣсь сказались еще разъ врожденныя ему мужество и энергія, которыхъ не могли сломить даже преклонные годы, и всѣ видѣвшіе князя на Шипкѣ отдаютъ ему полную справедливость, какъ человѣку безупречно храброму.

Пишущему эти строки также доводилось видѣть князя Николая Ѳедоровича на боевыхъ позиціяхъ подъ Плевною. Я помню какъ 29-го августа, наканунѣ новаго неудачнаго штурма, онъ объѣзжалъ наши батареи на Артиллерійской горѣ. Въ этотъ день у насъ шла особенно жаркая канонада и вся гора, занятая двумя осадными батареями и батареями 16-й и 31-й бригадъ, просто курилась отъ безпрерывныхъ выстрѣловъ, причемъ снаряды ежеминутно бороздили воздухъ. Около полудня на осадныя батареи неожиданно прибылъ верхóмъ князь Мосальскій; батареи были окутаны дымомъ, прислуга сильно истомилась, дѣйствуя съ утра изъ тяжелыхъ осадныхъ орудій,

какъ вдругъ раздался голосъ: «Здорово молодцы» и всѣ встрепенулись. Какъ теперь помню лицо князя въ эти минуты: на немъ была написана какая-ко радость, какое-то удовольствіе; обстановка этого чисто артиллерійскаго боя видимо была ему по душѣ.—«А вы тутъ и купаетесь и моетесь въ пороховомъ дыму», шутливо обратился онъ къ закоптѣлымъ отъ пороховой сажи артиллеристамъ...

Не любилъ князь прятаться отъ опасности. Помнится также, какъ онъ счелъ своимъ долгомъ посѣтить взятый 30-го августа штурмомъ турецкій редутъ (Гривицкій), представлявшій тогда ужасную картину разрушенія. Это была экскурсія крайне рискованная, потому что всего въ 200 саж. отъ него лежалъ другой редутъ, занятый турками, и между обоими шла оживленная перестрѣлка, дѣлавшая даже доступы къ Гривицкому крайне опасными. Но подобное обстоятельство не удержало князя отъ поѣздки, хотя собственно говоря никто не могъ-бы упрекнуть его, еслибы онъ и не сдѣлалъ этого.

Таковы немногіе, извѣстные собственно намъ, факты, уже достаточно обрисовывающіе личность Николая Өедоровича въ указываемомъ отношеніи; завидная для военнаго награда — Георгій 3-й степени, полученный княземь послѣ паденія Плевны, украсилъ вполнѣ достойную этой чести грудь, въ которой билось несомнѣнно высоко-мужественное сердце.

Для характеристики Николая Өедоровича какъ человѣка, остается еще прибавить, что несмотря на свою холодную, суровую наружность, онъ былъ прекрасный семьянинъ, въ

свое время много занимался дѣтьми и всегда оставался вѣрующимъ, убѣжденнымъ христіаниномъ.

Посвятимъ теперь нѣсколько строкъ самой его жизни.

Князь Николай Θедоровичъ родился 12-го марта въ Гродно, въ достопамятномъ для Россіи 1812 году. О дѣтскомъ возрастѣ и ранней молодости его ничего не извѣстно, но какъ видно онъ получилъ тщательное и основательное домашнее воспитаніе, потому что уже 13-ти лѣтъ (5-го янв. 1826 года) былъ принятъ въ Михайловское артиллерійское училище, по тогдашнимъ порядкамъ—въ званіи фейерверкера IV класса; но это поступленіе, обусловившее всю его будущую службу именно въ артиллеріи, произошло по независящимъ обстоятельствамъ, такъ какъ мальчика хотѣли собственно помѣстить въ училище Инженерное и только за неимѣніемъ въ послѣднемъ вакансіи, онъ попалъ въ Артиллерійское. Онъ былъ такъ малъ ростомъ, что обратилъ на себя особое вниманіе Великаго князя Михаила Павловича, который шутя надѣлъ на него свою шляпу и сказалъ:—Ничего, будешь молодецъ.

Переименованный въ томъ же году, какъ потомственный дворянинъ, изъ фейерверкеровъ въ юнкера, молодой юнкеръ во все время нахожденія въ училищѣ отличался безукоризненнымъ поведеніемъ, прекрасной нравственностью и примѣрнымъ характеромъ. Въ сохранившейся въ дѣлахъ училища письменной его характеристикѣ, онъ аттестованъ какъ въ высшей степени расторопный, смѣтливый и исполнительный, что дѣйствительно выказалось и во всей его послѣдующей

службѣ. Затѣмъ будучи удостоенъ въ 1828 году, за успѣхи въ наукахъ и отличное поведеніе, званіемъ портупей-юнкера, Николай Ѳедоровичъ 27 декабря 1829 года былъ произведенъ въ офицеры и въ чинѣ прапорщика зачисленъ по полевой артиллеріи, имѣя всего 17 лѣтъ отъ роду. Этимъ однако не закончилось образованіе юноши; въ послѣдующіе два года мы его видимъ продолжающимъ высшій курсъ наукъ въ офицерскихъ классахъ училища (соотвѣтствовавшихъ нынѣшней Артиллерійской академіи), въ теченіи чего за отличіе въ успѣхахъ онъ получаетъ чинъ подпоручика и затѣмъ, по блестящемъ окончаніи курса, — имя князя занесено на почетную мраморную доску,—онъ 8-го февраля 1832 года былъ переведенъ прапорщикомъ въ первую батарею л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, съ двухлѣтнимъ старшинствомъ въ чинѣ, и отчисленъ 17-го февраля отъ училища.

Отсюда начинается фактическая служебная дѣятельность князя Николая Ѳедоровича, вполнѣ завершившаго свое высшее артиллерійское образованіе, хотя тогда ему не хватало еще цѣлыхъ двухъ лѣтъ до совершеннолѣтія!

На первыхъ шагахъ своей службы, князь повидимому не остановился еще на окончательномъ выборѣ именно строевой карьеры, думая, быть можетъ, посвятить себя дѣятельности технической, такъ какъ черезъ годъ мы его встрѣчаемъ въ прикомандированіи къ техническимъ заведеніямъ, именно въ С.-Петербургскомъ арсеналѣ и Охтенскомъ пороховомъ заводѣ; но это продолжалось недолго и въ маѣ 1834 г. онъ возвратился во фронтъ, гдѣ около 2½ лѣтъ несъ строевую

службу, будучи въ теченіи этого времени произведенъ въ подпоручики и поручики и удостоенъ за отлично-усердную и ревностную службу особой денежной награды.

Въ 1837 году застаемъ князя несущимъ боевую службу на Кавказѣ.

Военныя дѣйствія на Кавказѣ, въ тѣ времена, не отличались какимъ нибудь общимъ планомъ, или извѣстной системой, а представляли цѣпь отдѣльныхъ экспедицій, предпринимавшихся ежегодно съ той, или другой цѣлью; тѣмъ не менѣе это была хорошая боевая школа, воспитавшая и давшая много славныхъ именъ, школа, въ которую стремились многіе изъ наиболѣе энергичной молодежи столицы. Вѣроятно князь Николай Ѳедоровичъ попалъ туда также по собственному желанію и въ 1837 году былъ назначенъ въ составъ войскъ праваго фланга кавказской арміи, съ прикомандированіемъ къ 7-й легкой батареѣ 20-й артиллерійской бригады. Здѣсь имя его встрѣчаемъ въ черноморской экспедиціи, совершавшейся въ теченіи всего лѣта 1837 года, съ цѣлью продолженія береговой укрѣпленной линіи отъ крѣпости Геленджика, до устья рѣки Вулана, и сопровождавшейся стычками съ непріятелемъ, а именно: при конвоированіи транспортовъ съ разными запасами изъ Ольгинскаго въ Абинское укрѣпленіе и обратно, подъ командой генерала Штейбе (21 апр.—8 мая); затѣмъ немедленно—при слѣдованіи всего отряда изъ Ольгинскаго укрѣпленія къ крѣпости Геленджику и далѣе къ устью рѣки Пшадъ, для возведенія тамъ укрѣпленія, подъ командой генералъ-лейтенанта Вельяминова (9—24 мая); іюня 9-го въ

дѣлѣ при сожженіи на рѣкѣ Шажухо турецкаго судна, подъ командой капитана перваго ранга Серебрякова. Далѣе — во время построенія Новотроицкаго укрѣпленія и производившихся при этомъ окрестныхъ фуражировкахъ (25 мая — 10 іюля); при дальнѣйшемъ движеніи отряда изъ Новотроицкаго къ рѣкѣ Вуланъ (11 — 13 іюля); при построеніи Михайловскаго укрѣпленія и фуражировкахъ (14 іюля — 1 сент.) и затѣмъ при возвращеніи отряда къ Геленджику и далѣе на Кубань (2 — 29 сентября).

Такимъ образомъ князь провелъ въ экспедиціи цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, находясь безпрерывно въ обстановкѣ походной жизни, и обогащенный боевымъ опытомъ вернулся въ 1838 г. снова въ свою гвардейскую бригаду; за боевыя отличія на Кавказѣ, онъ былъ награжденъ знакомъ ордена св. Анны 3-й степени съ бантомъ.

Не прошло однако и года послѣ этого, какъ Николай Ѳедоровичъ получилъ совершенно выдающееся и весьма интересное порученіе: продолжительную командировку въ Персію.

Въ началѣ марта 1839 года воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, о посылкѣ въ распоряженіе персидскаго правительства четырехъ опытныхъ и знающихъ арсенальныхъ мастеровыхъ (лафетнаго, колеснаго, сверлильнаго и кузнечнаго), подъ надзоромъ артиллерійскаго офицера; вопросъ очевидно шелъ объ обученіи персіянъ лафетному дѣлу и исправленіи персидской артиллеріи, и вотъ выборъ Генералъ-фельдцейхмейстера падаетъ прямо на поручика Мосальскаго — «офицера

имѣющаго достаточныя свѣдѣнія въ технической части», какъ сообщалъ о немъ Великій князь Военному министру. При этомъ, согласно Высочайшей волѣ, на князя Николая Ѳедоровича было возложено еще—«заняться во время пребыванія въ Персіи собраніемъ подробныхъ свѣдѣній, касательно пушечнаго въ сей странѣ производства и артиллерійской принадлежности».

Молодому офицеру, въ уваженіе усердной его службы, дальности поѣздки и недостаточности состоянія, было назначено пособіе въ 200 червонцевъ, съ выдачей двойныхъ прогонныхъ денегъ, и въ апрѣлѣ 1839 года князь отправился въ командировку.

Порученіе было не изъ легкихъ: съ одной стороны значительныя затрудненія должны были вытекать изъ незнакомства съ языкомъ страны, съ другой— изъ недостатка техническихъ средствъ для его исполненія. Насколько князь нуждался въ послѣднемъ отношеніи въ самомъ необходимомъ, по крайней мѣрѣ для техническаго персонала прибывшаго съ нимъ лично, видно изъ того, что по пріѣздѣ въ Персію онъ немедленно долженъ былъ послать донесеніе о высылкѣ ему изъ Россіи такихъ простыхъ инструментовъ, какъ молотовъ, пилъ, долотовъ, рубанковъ, винтовальныхъ досокъ и т. под., необходимыхъ для исполненія порученныхъ ему персидскимъ правителствомъ работъ, что по Высочайшему повелѣнію и было немедленно отправлено. Тѣмъ не менѣе князь настолько успѣшно справился съ своей задачей, что въ октябрѣ 1840 года былъ произведенъ за отличіе въ

штабсъ-капитаны, а отъ персидскаго правительства награжденъ орденомъ Льва и Солнца 2-ой степени.

Независимо отъ оффиціальной стороны своей миссіи, Николай Өедоровичъ вслѣдствіе того-же порученія сдѣлалъ вкладъ и въ литературу: свои замѣтки и наблюденія, вынесенныя изъ поѣздки, онъ изложилъ въ изданныхъ имъ «Письмахъ русскаго изъ Персіи», появившихся въ двухъ небольшихъ томахъ въ 1844 году. Въ этомъ трудѣ, написанномъ весьма талантливо и обнаруживающемъ начитанность автора, онъ касается всѣхъ сторонъ тогдашняго быта Персіи, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, касается ея исторіи, этнологіи и этнографіи, а въ описаніи природы обнаруживаетъ неподдѣльныя поэтическія наклонности, такъ что вообще книга его даже и теперь читается съ большимъ интересомъ. Въ трудѣ Николая Өедоровича вмѣстѣ съ тѣмъ сквозитъ симпатичная черта его характера,—его обычная скромность во всемъ, что касается непосредственно его лично. Кромѣ того въ бумагахъ Николая Өедоровича сохранились еще неизданныя свѣдѣнія, собранныя имъ о персидскомъ способѣ приготовленія булата.

Въ декабрѣ 1840 года князь уже вернулся изъ Персіи и зачисленъ на лицо въ своей бригадѣ.

Съ 1843 года начинается служебная дѣятельность его какъ командира отдѣльной части. Будучи произведенъ въ этомъ году въ капитаны, князь назначенъ командующимъ Легкой № 2 батареей 2-ой гвардейской Артиллерійской бригады и черезъ годъ произведенъ въ полковники, а затѣмъ

въ 1849 г. назначенъ командующимъ той-же бригадой, съ которою совершилъ походъ, въ составѣ войскъ двинутыхъ къ западной границѣ во время усмиренія мятежа въ Венгріи, и въ 1852 г. 30 марта за отличіе по службѣ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Такимъ образомъ съ небольшимъ въ 22 года службы въ офицерскихъ чинахъ въ артиллеріи, Николай Θедоровичъ достигъ уже высшихъ военныхъ чиновъ, имѣя всего лишь 40 лѣтъ отъ роду.

Какъ командиръ отдѣльной части, князь снискалъ репутацію строгаго и требовательнаго начальника, но таковымъ же онъ былъ и по отношенію къ самому себѣ, такъ какъ отличался безусловной добросовѣстностью въ исполненіи своихъ собственныхъ обязанностей; въ то-же время всегдашняя справедливость его по отношенію къ подчиненнымъ, соединенная съ живымъ участіемъ и готовностью оказать имъ поддержку или помощь, какъ нравственную, такъ и матеріальную, во всякихъ случаяхъ, сдѣлали то, что несмотря на свою неуклонную требовательность, князь Николай Θедоровичъ пользовался среди окружающихъ всеобщей и заслуженной любовью и уваженіемъ.

Въ бытность командиромъ бригады, Николай Θедоровичъ сдѣлалъ важный, хотя и обычный для всѣхъ въ жизни, шагъ,—сдѣлался семьяниномъ, вступивъ въ 1853 году въ бракъ съ Софіей Владиміровной урожденной Мезенцовой (*).

(*) Дочь генералъ-маіора Мезенцова; по прямой женской линіи правнучка знаменитаго Суворова.

Вскорѣ послѣ того закончилась и служба его въ гвардіи, такъ какъ въ концѣ 1855 года онъ сначала былъ назначенъ начальникомъ 5-ой Артиллерійской дивизіи, но вслѣдъ за симъ (въ январѣ 1856 г.) получилъ другое назначеніе: ему было поручено завѣдываніе всею артиллеріею въ Финляндіи, куда онъ въ февралѣ и отправился. Въ Финляндіи князь пробылъ до іюля мѣсяца, но и въ это короткое время, за отличное состояніе ввѣренныхъ ему частей и исправное содержаніе береговыхъ батарей, успѣлъ удостоиться особаго Монаршаго благоволенія и ордена св. Владиміра 3-й степени. Черезъ три мѣсяца онъ былъ снова назначенъ на должность начальника 4-ой Артиллерійской дивизіи и отправился съ семьей въ Воронежъ, гдѣ командуя дивизіей оставался до іюня 1860 года, когда былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и вслѣдствіе разстроеннаго здоровья уволенъ по прошенію въ оставку.

Этимъ оканчивается первый періодъ служебной дѣятельности князя Николая Ѳедоровича, періодъ его строевой службы, такъ какъ позже мы его встрѣчаемъ уже дѣятелемъ главнымъ образомъ въ сферѣ административной.

Время своей пятилѣтней отставки, князь провелъ въ своемъ имѣніи селѣ Избоищи, Устюжскаго уѣзда, Новгородской губерніи, гдѣ всецѣло отдался сельскому хозяйству и высокому вопросу устройства крестьянскихъ надѣловъ, причемъ, какъ уже сказано выше, выказалъ рѣдкое безкорыстіе и участіе къ интересамъ крестьянъ, въ ущербъ даже себѣ лично. Съ окончаніемъ этой задачи князь однако вернулся

23

къ мысли о продолженіи своей служебной дѣятельности и въ октябрѣ 1865 года вновь надѣлъ эполеты, съ назначеніемъ на важный постъ начальника артиллеріи Варшавскаго военнаго округа. Въ Варшавѣ онъ пробылъ не долго, всего два года, а затѣмъ въ ноябрѣ 1867 г. переселился снова въ Петербургъ, будучи перемѣщенъ на ту-же должность въ Петербургскій округъ.

Здѣсь для князя открылось широкое поле дѣятельности, на которомъ онъ съ честью проработалъ въ теченіи почти 12 лѣтъ. Здѣсь-же ему пришлось стать и во главѣ той гвардейской артиллеріи, въ рядахъ которой онъ провелъ болѣе 23 лѣтъ своей предшествовавшей службы и мундиръ которой былъ сохраненъ ему на всю жизнь, зачисленіемъ князя въ списки 1-ой батареи л.-гв. 2-ой Артиллерійской бригады. Въ то время вся артиллерійская строевая часть округа, находилась еще въ вѣдѣніи начальника артиллеріи послѣдняго, почему князь являлся прямымъ командиромъ всей гвардейской артиллеріи, въ которой прослужилъ съ чина прапорщика, и естественно что до самой гробовой доски Николай Ѳедоровичъ сохранилъ самую горячую любовь къ своему роду оружія вообще и къ гвардейской артиллеріи въ частности. До какой степени послѣдняя стояла высоко въ глазахъ князя и какъ, можно сказать ревниво, онъ относился къ ея личному составу, даетъ понятіе одна изъ положенныхъ имъ за это время письменныхъ резолюцій, весьма своеобразная, но и крайне характерная:— «Черной кости въ гвардейской артиллеріи не бывать»..., пишетъ оффиціально князь на пред-

ставленіи по поводу одного вопроса и этими немногими словами было высказано все!...

Время командованія артиллеріей Петербургскаго округа, было временемъ многихъ очень важныхъ преобразованій, какъ напр. формированія 3, 4, 5 и 6 батарей, формированія скорострѣльныхъ батарей, измѣненія всей матеріальной части артиллеріи, перевооруженія арміи, разработки вопроса о всеобщей воинской повинности, и проч. Въ одной части этихъ преобразованій, слѣды напряженной дѣятельности князя выразились какъ въ достигнутыхъ результатахъ, такъ и въ цѣломъ рядѣ сохранившихся его приказовъ и инструкцій, выказывающихъ всю опытность и глубину знанія дѣла князя какъ начальника; въ другой — онъ же является призваннымъ къ соучастію въ работахъ такихъ первостепенной важности учрежденій, какъ комитета по устройству и образованію войскъ, коммиссіи по перевооруженію арміи, коммиссіи по выработкѣ положенія о всеобщей воинской повинности и коммиссіи о резервныхъ и запасныхъ войскахъ и государственномъ ополченіи, изъ чего вмѣстѣ съ тѣмъ можно видѣть, насколько участіе и дѣятельность князя цѣнились высшими сферами военнаго государственнаго управленія. Уже въ 1870 г. князь былъ отличенъ высокимъ званіемъ генералъ-адъютанта, а въ 1873-мъ награжденъ однимъ изъ самыхъ высшихъ орденовъ Россійской имперіи — орденомъ св. Александра Невскаго, но считаемъ не менѣе важнымъ указать и на ту память, которую онъ оставилъ по себѣ за тотъ же періодъ, среди лицъ непосредственно при немъ состоявшихъ, его непосред-

ственныхъ подчиненныхъ, раздѣлявшихъ съ нимъ труды по управленію артиллеріей Петербургскаго округа. По ихъ заявленіямъ—«князь былъ начальникъ строгій и требовательный, но въ высшей степени справедливый и честный, всегда готовый, помочь и защитить своихъ подчиненныхъ (*), а въ проведеніи своихъ взглядовъ чрезвычайно настойчивый и энергичный; не было ни одной бумаги, даже самой мелкой, которая бы ускользнула отъ его вниманія, и хотя адъютантамъ его было трудно, но за то отъ него они могли всему научиться!»

Подобные отзывы имѣютъ большую цѣну, потому что передаются лицами очень близко стоявшими къ князю, передаются теперь—когда уже прошло болѣе десяти лѣтъ послѣ его кончины.

1876-й годъ поставилъ князя Николая Ѳедоровича въ новыя условія дѣятельности. Съ началомъ объявленной мобилизаціи, Августѣйшему главнокомандующему русской арміей, назначавшейся для военныхъ дѣйствій за Дунаемъ, предстояло избрать лицо, вполнѣ способное и достойное занять многотрудный и отвѣтственный постъ начальника артиллеріи въ ввѣренной ему арміи, и выборъ палъ на князя Николая Ѳедоровича, несмотря на уже преклонные лѣта послѣдняго. 12-го ноября князь вступилъ въ отправленіе своихъ новыхъ, многосложныхъ обязанностей и съ честью несъ бремя ихъ

(*) Извѣстенъ напр. случай, когда одному изъ адъютантовъ его грозило взысканіе со стороны высшаго начальства, за какое-то упущеніе. Николай Ѳедоровичъ категорически донесъ, что въ послѣднемъ онъ самъ виноватъ на столько же!..

въ теченіи цѣлыхъ полутора лѣтъ, совершая походъ въ Турцію и дойдя съ ввѣренной ему артиллеріей до самаго Константинополя.

Съ первыхъ же дней своего назначенія, Николай Ѳедоровичъ выказалъ самую энергическую дѣятельность; начиная отъ мелочей и до самаго важнаго, ничто не миновало его рукъ и всѣ малѣйшія упущенія исправлялись съ неуклонной требовательностью. Въ походѣ, какъ и въ мирное время, онъ оставался тѣмъ же горячимъ поборниковъ чести и репутаціи своего рода оружія, которое всегда было такъ близко его сердцу; интересы артиллеріи всегда имѣли въ немъ энергическаго ходатая передъ главнокомандующимъ, но за то онъ же былъ и безпощаднымъ гонителемъ всякаго нерадѣнія по службѣ, всякихъ хищныхъ инстинктовъ алчности и наживы. Онъ не стѣснился напр. послать, по адресу одного изъ командировъ, нѣсколько ѣдкихъ сарказмовъ, за допущенную въ походномъ движеніи излишнюю нагрузку на лафеты и зарядные ящики предметовъ, не положенныхъ по правиламъ: «Я не понимаю, какъ не совѣстно самимъ командирамъ», — пишетъ въ приказѣ князь, — «идти во главѣ какихъ-то цыганскихъ навьюченныхъ повозокъ, въ которыхъ невозможно и подозрѣвать артиллерію. Артиллерія должна всегда сохранять свой воинственный, всѣми уважаемый видъ!» Нѣкоторые приказы его, вызванные болѣе неблаговидными поступками, дышатъ неумолимой суровостью. Въ одномъ изъ нихъ онъ напр. говоритъ: — «Съ крайнимъ сожалѣніемъ объявляю по ввѣренной мнѣ артиллеріи, о недостойныхъ русскаго офицера по-

ступкахъ NN. и предлагаю ихъ начальнику принять всѣ мѣры, чтобы NN. ни минуты лишней не оставался въ средѣ артиллеріи». Въ другомъ читаемъ слова еще болѣе горячія: «Обращаюсь къ вамъ», — пишетъ князь командирамъ частей, — «какъ къ людямъ, для которыхъ честь должна быть выше всего, какъ къ артиллеристамъ, для которыхъ безупречная чистота нашего артиллерійскаго мундира священна, какъ честь,—гоните изъ среды вашей тѣхъ, которые посягаютъ на эту чистоту; они недостойны быть нашими товарищами и начальниками той прекрасной интеллигенціи, которую я вижу въ рядахъ нашихъ и которую привыкъ любить и уважать; въ ней я нахожу тотъ нравственный элементъ, который охраняетъ артиллерійскій мундиръ отъ позорныхъ нареканій»!

Но относясь такъ ревниво къ огражденію чести родной ему артиллеріи, князь вмѣстѣ съ тѣмъ при всякомъ случаѣ отдаетъ должное мужеству и беззавѣтному исполненію долга своихъ подчиненныхъ. Получивъ послѣ переправы черезъ Дунай брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, Георгія 3-й степени послѣ паденія Плевны и въ 1878 году произведенный въ генералы отъ артиллеріи, онъ обращается съ теплыми словами къ послѣдней, въ которыхъ съ всегдашней своею скромностью приписываетъ лично полученныя имъ высокія отличія — доблестному поведенію ея боевыхъ представителей: «Мнѣ нельзя не благодарить искренно моихъ подчиненныхъ, а въ то-же время и товарищей по оружію, не только за ихъ подвиги, но и за мои собственныя награды, которыя я получилъ благодаря ихъ умѣнью, мужеству и са-

моотверженію. Благодарю душевно всѣхъ и каждаго изъ чиновъ ввѣренной мнѣ артиллеріи».

Характерно и то обстоятельство, что при всей массѣ лежавшаго на князѣ дѣла, онъ находилъ возможность еще вникать такъ сказать въ психическую сторону быта своихъ подчиненныхъ. Зная какъ нравственно тяжело отзывалась на многихъ выпавшая имъ доля нести службу въ тылу войскъ, напр. офицерамъ въ паркахъ, онъ отдаетъ приказъ о замѣщеніи таковыхъ другими, чтобы дать тѣмъ возможность также принять участіе въ бояхъ съ непріятелемъ!

Таковъ былъ князь Николай Ѳедоровичъ въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ своего благороднаго ума и сердца, считавшій,—по его собственнымъ словамъ, лучшей наградой за все—общественное мнѣніе. Въ концѣ кампаніи, уже побывавъ въ Константинополѣ, разстроенное здоровье князя вынудило его просить объ отчисленіи отъ должности начальника артиллеріи дѣйствующей арміи, для излеченія болѣзни, и Высочайшимъ приказомъ 3-го мая 1878 г. ему былъ разрѣшенъ отъѣздъ въ Россію, съ назначеніемъ на прежнюю должность начальника артиллеріи Петербургскаго округа.

Покидая армію, князь прочувствованнымъ приказомъ прощается съ бывшими своими подчиненными: «Я разстаюсь»,—говоритъ онъ,—«конечно съ сожалѣніемъ стараго солдата, покидающаго своихъ боевыхъ товарищей артиллеристовъ. Всякій изъ насъ вспомнитъ со временемъ боевые труды свои и тѣхъ, съ кѣмъ дѣлилъ ихъ; конечно эти воспоминанія мо-

гутъ быть и не безъ горечи, но общій характеръ ихъ доблесть и слава, которыми увѣнчались труды и терпѣніе, таковы-же будутъ и мои воспоминанія,—за нихъ то я и благодарю всю артиллерію дѣйствующей арміи, съ ея начальниками и подчиненными, съ ея доблестными офицерами и солдатами».

Походъ 1877—1878 года былъ уже одною изъ послѣднихъ страницъ полувѣковой службы Николая Ѳедоровича, въ дорогой ему артиллеріи. Возвратившись въ Петербургъ, онъ не пробылъ и года въ своей должности, потому что 29 янв. 1879 г. воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, о назначеніи его членомъ Военнаго Совѣта. Заслуги, знанія и опытность князя вполнѣ оправдывали это назначеніе, но артиллерія теряла одного изъ достойнѣйшихъ своихъ представителей. По поводу удаленія его, графомъ Баранцовымъ,—тогдашнимъ Товарищемъ Генералъ-Фельдцейхмейстера, въ особомъ приказѣ по артиллеріи отъ 5-го апрѣля, было высказано слѣдующее:—«Твердое и неуклонное исполненіе долга службы, свойственное генералъ-адъютанту князю Мосальскому, и энергія въ управленіи ввѣренными ему частями артиллеріи, постоянно приводили части эти къ блестящему во всѣхъ отношеніяхъ состоянію, что и способствовало лестной для артиллеріи репутаціи въ мнѣніи высшаго военнаго начальства.

Плодотворные труды по управленію артиллеріею Петербургскаго военнаго округа и дѣятельность князя Мосальскаго по начальствованію артиллеріею дѣйствующей на Ду-

нaѣ арміи, милостиво оцѣнены бывшимъ Августѣйшимъ ея главнокомандующимъ, въ приказѣ по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, 27 марта сего года.

Доблестный герой минувшей войны генералъ-адъютантъ Радецкій, въ отношеніи своемъ отъ 10 августа 1878 года къ начальнику артиллеріи арміи, свидѣтельствуетъ также о славныхъ боевыхъ подвигахъ и примѣрномъ состояніи тѣхъ частей артиллеріи дѣйствующей арміи, которая находилась въ составѣ предводительствуемыхъ имъ отрядовъ.

Наконецъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, принявъ въ командованіе свое дѣйствующую на Дунаѣ армію, телеграммою изъ С.-Стефано сообщилъ мнѣ о состояніи артиллеріи, бывшей въ командованіи генералъ-адъютанта князя Мосальскаго, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: — «Артиллерія на парадѣ 5-го августа представилась въ блестящемъ видѣ; 280 орудій были въ строю, люди имѣли наружность бодрую и молодецкую, обмундированіе весьма удовлетворительное, лошади въ тѣлѣ, матеріальная часть въ превосходномъ состояніи; всю пѣшую артиллерію я пропускалъ рысью съ посаженною прислугой, нѣкоторыя конныя батареи въ карьеръ. Всѣ присутствовавшіе иностранцы были поражены, англійскій генералъ Диксонъ при подробномъ осмотрѣ матеріальной части былъ въ восторгѣ, и т. д.».

Съ своей стороны мнѣ остается указать лишь на ту постоянную заботливость, съ которою относился начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи къ своимъ многотруднымъ обя-

занностямъ по снабженію войскъ огнестрѣльными припасами для боя съ непріятелемъ и на достигнутые княземъ Мосальскимъ, въ этомъ отношеніи, вполнѣ успѣшные результаты.

Вышеприведенные лестные отзывы двухъ главнокомандующихъ и славнаго генералъ-адъютанта Радецкаго, высоко ставять имя того начальника, твердая воля, энергія и знанія котораго подготовляли, руководили и умѣли сохранить въ примѣрномъ порядкѣ ввѣренныя ему части, въ продолженіи труднаго военнаго похода, при непрестанныхъ бояхъ съ непріятелемъ.

Нынѣ съ сожалѣніемъ разставаясь съ генералъ-адъютантомъ княземъ Мосальскимъ, какъ съ начальникомъ высшихъ тактическихъ и административныхъ частей артиллеріи, всѣ мы артиллеристы, въ лицѣ его пріобрѣтаемъ въ составѣ высшаго военно - административнаго и законодательнаго учрежденія Имперіи новаго члена, горячо сочувствующаго преуспѣянію нашего славнаго оружія».

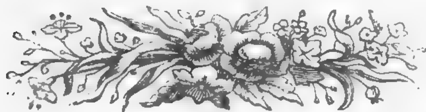
Но для князя Николая Ѳедоровича приближался уже конецъ всякаго земнаго служенія, такъ какъ дни его были сочтены. Онъ не пробылъ и года въ своемъ новомъ назначеніи; утромъ 8-го ноября 1880 года князь собрался идти на молебенъ и совершенно уже одѣтый внезапно былъ пораженъ апоплексіей; его нашли бездыханнымъ на полу, съ фуражкой въ рукѣ и при шпагѣ... Всякая медицинская по-

мощь оказалась безсильной и на другой день, не приходя въ сознаніе, онъ въ 3 часа пополудни скончался.

Тѣло князя Николая Θеодоровича предано землѣ въ Сергіевой Пустыни. Миръ праху его!

ЧАСТЬ II.

(ПОКОЛѢННАЯ РОСПИСЬ И ХРОНИКА РОДА КНЯЗЕЙ МОСАЛЬСКИХЪ).



ПОКОЛѢННАЯ РОСПИСЬ
И
ХРОНИКА
РОДА КНЯЗЕЙ МОСАЛЬСКИХЪ.

1. **Князь Юрій Святославовичъ Мосальскій.**

Получилъ въ удѣлъ изъ княжества Карачевскаго владѣніе, лежавшее между рѣками Десною, Угрою, Жиздрою и Окою, съ городомъ Мосальскомъ, по которому и принялъ прозваніе князя Мосальскаго, сдѣлавшись такимъ образомъ родоначальникомъ этой фамиліи, въ концѣ XIV столѣтія.

У него сыновья:

2. **Князь Владиміръ Юрьевичъ.**

Въ актахъ великого княжества Литовскаго, царствованія короля Казимира (1440—1492 г.), подъ 13-мъ индиктомъ ноября 7-то, о немъ записано въ числѣ разныхъ пожалованій: «Князю Володку Мосальскому волостка Недоходовъ» ([1]) и вторично (безъ означенія даты)— «Князю Мосальскому Володку Ощитескъ, село дяди его князя Михайлова делница» ([2]).

([1]) Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 3, л. 26).
([2]) Тамъ-же (Кн. Записей № 3, л. 38).

3. **Князь Василій Юрьевичъ.**

4. **Князь Семенъ Юрьевичъ.**

У князя Владиміра Юрьевича (№ 2):

5. **Тимоѳей Владиміровичъ.**

При королѣ Казимирѣ (1440—1492 г.) околничій смоленскій и посолъ отъ того-же Казимира къ Іоанну III, въ 1487, 1488 и 1489 г. (3). Въ грамотѣ короля Александра 1505 г. (4), данной на имя жены Тимоѳея Владиміровича, урожденной Духны (Анны) Сапѣги (дочери Симеона Супигайловича, воеводы подляскаго; умерла въ 1579 г.) и заключающей въ себѣ подтвержденіе на пожалованное ей, какъ вдовѣ умершаго уже князя Тимоѳея Мосальскаго, имѣніе Друю, засвидѣтельствованы королемъ «непрерывныя и многотрудныя услуги» послѣдняго, а также великіе расходы и издержки, понесенныя Мосальскимъ въ тогдашнихъ войнахъ, въ которыхъ онъ лишился наслѣдственныхъ своихъ вотчинъ въ Смоленской землѣ. Въ актахъ великого княжества Литовскаго записано о пожалованіи ему-же

(3) Статейный списокъ посольства его хранится въ Московс. архивѣ министр. иностранныхъ дѣлъ; въ извлеченіи напечатанъ въ Чтеніяхъ общ. ист. и древн. 1860 г., т. IV.

(4) См. приложеніе 1.

(5) См. приложеніе 2.

королемъ Казимиромъ «имѣнія Радщины и люди Новоселки» въ Смоленскомъ повѣтѣ и подтвердительная грамота короля Александра о томъ же (5). Умеръ около 1500 года.

6. Богданъ Владиміровичъ.

Владѣлъ имѣніемъ Друей (надъ Двиною), во второй половинѣ XV столѣтія (6).

---

(6) Оргельбрандъ—«Encyklopedia powszechna», т. XVIII.

Въ меморіалѣ 1774 г. епископа Игнатія Мосальскаго, представленномъ имъ въ сеймовую делегацію, упоминается между прочимъ, что будетъ туда-же доставлена имъ «Раздѣльная грамота короля Александра на имѣніе Друкс»; въ этой грамотѣ, по словамъ епископа, упоминаются якобы два сына князя Богдана: Тимоѳей—женатый на Сангушкѣ и Петръ—на Лукомской. При этомъ поясняется, что упомянутая грамота находится въ Сапѣжинскомъ архивѣ литовскаго гетмана, куда таковая перешла вслѣдствіе замужества единственной дочери сказаннаго князя Тимоѳея, вышедшей за Сапѣгу.

Безъ сомнѣнія это заявленіе дало поводъ повторить въ свою очередь тоже самое и неизвѣстному автору брошюры 1789 года—«Historya z autorow y dyplomatow domu xiążąt Massalskich», но тѣмъ не менѣе приведенное извѣстіе крайне подозрительно, такъ какъ перепутываніе именъ и лицъ въ подобнаго рода источникахъ, вовсе не рѣдкость. Упомянутый авторъ говоритъ напр., что князья Тимоѳей и Петръ получили подтвержденіе своихъ правъ на разныя имѣнья въ Смоленскомъ и Черниговскомъ уѣздахъ, и дѣлаетъ ссылку на акты Литовск. метрики; но въ послѣднихъ рѣчь идетъ о князѣ Петрѣ Михайловичѣ, слѣдовательно не сынѣ Богдана (акты Метр. лит.: Кн. Записей № 7, л. 63), князь-же Тимоѳей только упоминается, безъ означенія отчества (тамъ-же: Кн. Записей № 5, л. 27), и по всей вѣроятности подъ нимъ подразумѣвается Тимоѳей Владиміровичъ, а не—Богдановичъ. На княжнѣ Сангушко былъ дѣйствительно женатъ одинъ изъ Мосальскихъ, но не Тимоѳей, а князь Петръ Тимоѳѣевичъ, сынъ Тимоѳея Владиміровича (акты Метр. лит.: Кн. Записей № 41, л. 210).

Что касается указанія сообщаемаго меморіаломъ епископа Игнатія, то оно совершенно не согласно съ текстомъ той же грамоты короля Александра

У князя Василія Юрьевича (№ 3):

7. **Михаилъ Васильевичъ.**

Въ актахъ вел. княж. Литовскаго, царств. короля Казимира (1440—1492 г.), записанъ, съ пятью сыновьями, въ числѣ князей и бояръ смоленскихъ, подъ рубрикою—«Мащынскіе бояре» ([7]).

8. **Ѳедоръ Васильевичъ.**

Въ актахъ вел. княж. Литовскаго, царств. короля Казимира (1440—1492 г.), записанъ, съ 4-мя сыновьями, въ числѣ князей и бояръ смоленскихъ, подъ рубрикою —«Мащынскіе бояре» ([8]).

У князя Семена Юрьевича (№ 4):

9. **Андрей Семеновичъ.**

Въ актахъ велик. княж. Литовскаго, царств. короля Казимира (1440—1492 г.), записанъ въ числѣ князей и бояръ смоленскихъ, подъ рубрикою — «Мащынскіе бояре» ([9]). Подъ индиктомъ 8-мъ, марта 8-го, въ тѣхъ

существующей по настоящее время къ книгахъ Литовской метрики; здѣсь помѣщены два акта, засвидѣтельствованные при королѣ Сигизмундѣ въ 1523 году (см. приложенія 1 и 3): одинъ на владѣніе Друей княгинѣ Аннѣ Мосальской, другой—по раздѣлу той-же Друи между дѣтьми ея; въ обоихъ нигдѣ не упоминается ни князя Богдана, ни сыновей его.

([7]) Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 4, л. 163).

([8]) Тамъ же.

([9]) Тамъ же.

же актахъ, въ числѣ пожалованій отъ короля Казимира, записано: «Князю Андрею (Мосальскому) жеребя» ([10]). Въ 1496 г. упоминается уже какъ умершій бездѣтнымъ ([11]).

10. Иванъ Семеновичъ.

Въ актахъ велик. княж. Литовскаго, царст. короля Казимира (1440—1492 г.), записанъ, съ 3-мя сыновьями, въ числѣ князей и бояръ смоленскихъ, подъ рубрикою—«Мащынскіе бояре» ([12]). Подъ индиктомъ 8-мъ, марта 8-го, въ тѣхъ-же актахъ, въ числѣ пожалованій отъ короля Казимира, записано: «Князю Ивану Семеновичу Мосальскому поставъ сукна новогоньскаго съ мыта смоленскаго» ([13]).

У князя Тимоѳея Владимiровича (№ 5):

11. Александръ Тимоѳѣевичъ.

По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ—«сынъ Тимоѳея Владимiровича Александръ, вступилъ послѣ отца во владѣніе княжествомъ Мосальскимъ, но когда въ 1500 году Іоаннъ III завладѣлъ послѣднимъ, то князь Александръ, съ сыномъ своимъ Богушемъ, долженъ былъ

([10]) Тамъ же (Кн. Записей № 4, л. 81).
([11]) Тамъ же (Кн. Записей № 6, л. 74).
([12]) Тамъ же (Кн. Записей № 4, л. 163).
([13]) Тамъ же (Кн. Записей № 4, л. 81).

искать убѣжища въ самой Литвѣ, гдѣ вскорѣ и умеръ» ([14]).

12. **Петръ Тимоѳѣевичъ.**

Въ 1505 г. получаетъ, обще съ матерью и братьями Юріемъ и Иваномъ (№№ 13 и 14), отъ короля Александра подтвердительную грамоту на владѣніе имѣніемъ Друей ([15]), которое въ 1523 г. раздѣляется по общему соглашенію между упомянутыми братьями ([16]); отъ того-же короля получаетъ привиллегію на безпошлинное плаваніе судовъ своихъ съ товарами по рѣкамъ Диснѣ и Сарѣ ([17]). Въ актахъ вел. княж. Литовскаго, царств. Сигизмунда I, подъ индиктомъ 1-мъ, ноября 30-го, записано пожалованіе ему, обще съ матерью и тѣми-же братьями, пяти земель въ Смоленскомъ повѣтѣ, подъ названіями: Бронниково, Ршаново, Коптево, Мочулово и Онцыпятово, около принадлежавшаго князю Петру Тимоѳѣевичу имѣнія Злобина ([18]). Въ 1524 г. пріобретаетъ покупкою имѣніе Ищолно ([19]); въ 1526 г. получаетъ въ пожизненное владѣніе Любошанскую волость,

---

([14]) Оргельбрандъ—«Encyklopedia powszechna», т. XVIII, 129—131.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнность существованія личности князя Александра Мосальскаго, доказывается позднѣйшими документами, въ которыхъ сынъ его называется «Богушемъ Александровичемъ».

([15]) См. прил. 1.

([16]) См. прил. 3.

([17]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 34, л. 109).

([18]) См. прил. 4.

([19]) См. прил. 5.

на правахъ «державцы» ([20]); около того же времени называется въ современныхъ актахъ намѣстникомъ стоклишскимъ и державцею сомилишскимъ ([21]). Былъ женатъ два раза: первый—на дочери «князя Матѳея Микитича» ([22]), за которою въ приданое получилъ часть имѣнія «Струги»; второй—на княжнѣ Еленѣ Сангушко ([23]). Въ 1566 году уже умеръ.

13. Юрій Тимоѳѣевичъ.

Въ 1505 г. получаетъ, обще съ матерью и братьями Петромъ и Иваномъ (№№ 12 и 14), отъ короля Александра подтвердительную грамоту, на владѣніе имѣніемъ Друей въ Полоцкомъ повѣтѣ ([24]), которое въ 1523 г. раздѣляется по общему соглашенію между упомянутыми братьями ([25]); отъ того-же короля получаетъ

([20]) См. прил. 6.

([21]) См. прил. 7 и 8.

([22]) См. прил. 9; фамилія въ актѣ не упоминается, но по всей вѣроятности это была княжна Ряполовская-Головчинская. Изъ духовнаго завѣщанія князя Матѳея Микитича, 1539 г. индикта 12-го, видно, что у него было нѣсколько дочерей; въ завѣщаніи онъ упоминаетъ о князѣ Петрѣ Мосальскомъ, какъ о должникѣ своемъ (Марцыновскій—Собр. древн. грам. и актовъ города Вильны, Ковно и пр.). Связь дома Мосальскихъ и Ряполовскихъ-Головчинскихъ видна напр. въ соединеніи гербовъ обѣихъ фамилій, встрѣчаемомъ на нѣкоторыхъ памятникахъ, какъ напр. на одномъ изъ древнихъ орудій, хранящемся въ С.-Петербургскомъ артиллерійскомъ музеѣ (см. Историч. каталогъ Артил. музея, Н. Бранденбурга, ч. III, № 2).

([23]) См. вын. 6.

([24]) См. прил. 1.

([25]) См. прил. 3.

привиллегію на безпошлинное плаваніе судовъ своихъ съ товарами по рѣкамъ Диснѣ и Сарѣ ([26]).

Въ актахъ велик. княж. Литовскаго, царств. Сигизмунда I, подъ индиктомъ 1-мъ, ноября 30-го, записано пожалованіе ему, обще съ матерью и тѣми-же братьями, пяти земель въ Смоленскомъ повѣтѣ (см. № 12). Въ 1524 г. пріобретаетъ покупкою землю Собутевщину въ Полоцкомъ воеводствѣ ([27]) и еще землю въ повѣтѣ Браславскомъ ([28]). Въ 1546 г. покупаетъ еще имѣніе въ Полоцкомъ-же воеводствѣ ([29]). Былъ женатъ два раза: первый—на Ганнѣ Соколинской (принявшей впослѣдствіи монашество, см. ч. 1, гл. II, вын. 14), которой въ 1557 г. записалъ третью часть всѣхъ своихъ имѣній, въ томъ числѣ и Друи ([30]); второй—на Чаплѣ ([31]).

14. **Иванъ Тимоѳѣевичъ.**

Въ 1505 г. получаетъ, обще съ матерью и братьями Петромъ и Юріемъ (№№ 12 и 13), подтвердительную грамоту отъ короля Александра, на владѣніе имѣніемъ Друей въ Полоцкомъ повѣтѣ ([32]), которое въ 1523 г. раздѣляется по общему соглашенію между упомянутыми братьями ([33]); отъ того-же короля получаетъ привилле-

---

(26) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 34, л. 109).
(27) Тамъ же (Кн. Записей № 12, л. 164).
(28) Тамъ же (Кн. Записей № 12, л. 164).
(29) См. прил. 10.
(30) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 37, л. 57).
(31) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 36, л. 680).
(32) См. прил. 1.
(33) См. прил. 3.

гію на безпошлинное плаваніе судовъ своихъ съ товарами по рѣкамъ Диснѣ и Сарѣ ([34]). Въ актахъ вел. княж. Литовскаго, царств. Сигизмунда I, подъ индиктомъ 1-мъ, ноября 30-го, записано пожалованіе ему, обще съ матерью и тѣми-же братьями, пяти земель въ Смоленскомъ повѣтѣ (см. № 12). Къ 1564 г. уже повидимому умеръ.

У князя Михаила Васильевича (№ 7):

15. Василій Михайловичъ.

Въ 1500 г. получилъ отъ короля Александра имѣнье въ Пацынской волости Смоленскаго повѣта, состоявшее изъ земель: Желтоносовичъ, Колыхалово, Жуково и Настаганцевъ ([35]); отъ того же короля получилъ еще восемь службъ людей въ «Дубровенскомъ пути» Смоленскаго повѣта, съ бобровымъ берегомъ ([36]), въ вознагражденіе за отчину — «отошедшую въ сторону великого князя московскаго»; въ подтвердительной грамотѣ, данной по поводу этого-же королемъ Сигизмундомъ, свидѣтельствуется — «вѣрная, пильная и николи невмѣшанная служба» князя Василія Михайловича. Около 1509 г. онъ-жъ получилъ въ вышеупомянутой мѣстности еще двѣ службы людей, за утрату родовыхъ вот-

([34]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 34, л. 109).
([35]) См. прил. 11.
([36]) См. прил. 12.

чинъ, и двѣ пустопорожнихъ земли съ бобровымъ берегомъ ([37]). Наконецъ подъ индиктомъ 9-мъ царств. Сигизмунда I, записано пожалованіе ему тридцати служебъ людей въ Василишскомъ повѣтѣ, съ пятью пустопорожними землями ([38]).

16. **Семенъ Михайловичъ.**

Получаетъ отъ короля Александра шесть служебъ людей въ Дубровенскомъ пути Смоленскаго повѣта, съ берегомъ бобровымъ, въ вознагражденіе за отчину—«отошедшую въ сторону великого князя московскаго» ([39]); въ подтвердительной грамотѣ короля Сигизмунда I о томъ-же, свидѣтельствуется вѣрная служба князя Семена Михайловича, въ тѣхъ-же выраженіяхъ какъ и о братѣ его—князѣ Василіѣ.

17. **Петръ Михайловичъ.**

При королѣ Казимирѣ владѣлъ имѣньями Шерепое, Заруде и Наболовесе въ Черниговскомъ повѣтѣ, доставшимися ему послѣ тетки, у которой онъ воспитывался вмѣсто сына; въ 1496 г. получилъ отъ короля Александра подтвердительную грамоту о томъ-же. Умеръ холостымъ, въ 1496 году ([40]).

18. **Ѳедоръ Михайловичъ.**

Въ актахъ велик. княж. Литовскаго записано пожало-

---

(37) См. прил. 13.
(38) См. прил. 14.
(39) См. прил. 15.
(40) Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 6, л. 61 и 63).

ваніе ему, индикта 13-го царств. Сигизмунда I, села Алексейчичъ (позднѣе—Олекшицы), въ Жирославской волости Гродненскаго повѣта, въ вознагражденіе за утрату отчинъ, отошедшихъ къ великому князю московскому, и 9-ти лѣтнюю неволю въ Москвѣ ([41]). Въ грамотѣ, данной поэтому случаю, свидѣтельствуется вѣрная служба престолу какъ самого князя Ѳедора, такъ и его предковъ. Въ 1555 г. упоминается уже какъ умершій и повидимому въ малолѣтствѣ дѣтей своихъ.

19. **Борисъ Михайловичъ.**

Получаетъ отъ короля Александра усадьбу Дуровичи въ Смоленскомъ повѣтѣ, въ вознагражденіе за потерю отчинъ, отошедшихъ къ великому князю московскому, что видно изъ подтвердительной грамоты на то-же имѣ-

---

([41]) См. прил. 16; также акты Метр. лит. (Кн. Записей № 9, л. 92; № 25, л. 58). Князь Ѳедоръ попалъ въ плѣнъ, по всей вѣроятности, въ 1500 г., сражаясь въ рядахъ литовцевъ въ битвѣ при Ведрошѣ, гдѣ, какъ извѣстно, русскими войсками было захвачено много плѣнныхъ, отпущенныхъ изъ Москвы лишь черезъ девять лѣтъ. 13-й индиктъ (т. е. дата грамоты) падаетъ также на 1509 года.

Повидимому именно объ этихъ «Олекшицахъ», сдѣлавшихся надолго однимъ изъ древнѣйшихъ родовыхъ имѣній князей Мосальскихъ, въ актахъ Метрики литовской за первые годы XVI в. сохранилось слѣдующее указаніе: «Великии князь Витовтъ приехалъ на тое местцо где тепере дворъ государьскии жерославка а тутъ втотъ часъ на томъ местцы седели люди государьскии городеньского повѣта на имя олексичи и великому князю витовту тое местцо подобалося на дворъ и онъ тыхъ людеи своихъ олекъсичъ стого села ихъ звелъ и посадилъ ихъ на пущи на ихъ-же отчине за веретеею где и теперъ они седять а на ихъ селищахъ справилъ собе дворъ». (Акты Метр. лит.: Кн. Записей № 6 л. 530).

ніе, данной ему Сигизмундомъ I въ 1516 г. ([42]). Въ той-же грамотѣ свидѣтельствуется королемъ—«пильная и николи невмѣшканая служба» князя Бориса.

У князя Өедора Васильевича (№ 8).

20. **Василій Өедоровичъ.**

21. **Иванъ Өедоровичъ.**

Оба упоминаются въ грамотѣ короля Александра 1493 года, на имя смоленскаго намѣстника Глѣбовича, изъ которой видно, что имъ обоимъ еще ранѣе того было пожаловано село Площово ([43]).

У князя Ивана Семеновича (№ 10):

22. **Өедоръ Ивановичъ.**

Въ актахъ великого княжества Литовскаго о немъ упоминается подъ 1496 г., по поводу процесса возбужденнаго противъ него братьями Димитріемъ и Семеномъ (№№ 23 и 24). Изъ «справы» короля Александра по этому случаю, видно, что князь Өедоръ былъ принятъ вмѣсто сына дядею княземъ Андреемъ Семеновичемъ

([42]) См. прил. 17.
([43]) Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 3, л. 85).

(№ 9), который и назначилъ его наслѣдникомъ своего имѣнія (см. № 23).

23. **Димитрій Ивановичъ.**

Упоминается въ 1496 г., по поводу процесса, возбужденнаго имъ, совмѣстно съ братомъ Семеномъ (№ 24), противъ князя Ѳедора Ивановича (№ 22), относительно нераздѣльности правъ послѣдняго, послѣ умершаго дяди—князя Андрея Семеновича (№ 9). Изъ любопытнаго рѣшенія этого спора королемъ Александромъ (44) видно, что братья жаловались на то, что князь Ѳедоръ, согласно воли завѣщателя, не хотѣлъ дать имъ части въ наслѣдствѣ; король постановилъ раздѣлить послѣднее между всѣми поровну, но только послѣ смерти оставшейся вдовы князя Андрея, мотивируя подобное рѣшеніе тѣмъ, что согласно существовавшему праву, князь Андрей могъ произвольно распорядиться только третьею частью своего имѣнія, всего же завѣщать одному не могъ.

Въ началѣ XVI вѣка князь Димитрій Семеновичъ перешелъ въ московское подданство и въ 1513 г. уже упоминается пятымъ воеводой въ Большомъ полку, во время похода подъ Смоленскъ (45).

24. **Семенъ Ивановичъ.**

См. выше, подъ № 23. Въ началѣ XVI вѣка также

(44) См. прил. 18.

(45) Спиридовъ: Матеріалы для ист. дворянск. родовъ, кн. 4 (рукоп. Импер. публ. библ.). Карамзинъ: Ист. Гос. рос., т. VII, пр. 94.

перешелъ уже въ Россію и въ 1513 г. упоминается воеводой въ Большомъ полку во время смоленскаго похода ([46]).

У князя Александра Тимоѳѣевича (№ 11):

25. **Богушъ Александровичъ.**

Въ актахъ велик. княж. Литовскаго (1506—1513 г.), въ числѣ дворянъ обязанныхъ службою, записано: «Князь Богушъ Мосальскій на пяти конѣхъ, а имѣнье выслугу маетъ въ Порозовѣ» ([47]). Въ 1509 г. записано пожалованіе ему 20 копъ грошей, а въ 1510-мъ—12 копъ ([48]). Подъ индиктомъ 8-мъ занесено подтвержденіе ему отъ короля Сигизмунда I, на имѣніе въ Троцкомъ повѣтѣ (Подмеречъ), пожалованное индикта 4-го ([49]). Въ 1528 г. значится въ числѣ бояръ мерецкихъ и ставитъ для земской обороны 5 коней; въ томъ-же году показанъ еще въ числѣ бояръ волковысскихъ и ставитъ три коня ([50]). Въ 1533 г. приноситъ жалобу, на отнятіе у него земли Войкилишки воеводой подляскимъ (И. Сапѣгой), а въ 1534 г.—на боярина Оксакова, за разбой и грабежъ въ имѣніи князя Богу-

([46]) Тамъ же.
([47]) Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 8, л. 119).
([48]) Тамъ же (Кн. Записей № 8, л. 431, 460).
([49]) См. прил. 24.
([50]) Акты Метр. лит. (Кн. публ. дѣлъ № 1, л. 96).

ша Олтуповѣ, волковыскаго повѣта ([51]). Въ 1548 г. названъ «намѣстникомъ виленскимъ» ([52]), въ 1566 г. упоминается уже какъ умершій.

У князя Петра Тимоѳѣевича (№ 12).

26. **Иванъ Петровичъ.**

Совладѣлецъ имѣнія Друи. Въ 1551 г. участвуетъ въ числѣ прочаго дворянства, полоцкаго и витебскаго воеводствъ, въ составленіи «Устава о людяхъ похожихъ», или договора объ условіяхъ водворенія на своихъ земляхъ вольныхъ перехожихъ людей ([53]). Въ актахъ вел. княж. Литовскаго подъ 1555 г. записанъ вызовъ его въ судъ, за захватъ чужаго имущества ([54]). Въ 1556 и 1561 г. получаетъ съ прочими Мосальскими-Друйскими подтвержденіе грамоты, данной королемъ Александромъ о безпошлинномъ плаваніи судовъ своихъ по рѣкѣ Двинѣ и Диснѣ ([55]).

27. **Андрей Петровичъ.**

Совладѣлецъ имѣніи Друи. Въ актахъ вел. княж. Литовскаго подъ 1550 г. записанъ вызовъ его въ судъ

(51) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 8, л. 33); см. прил. 25.

(52) Главн. архивъ царства польскаго (Акты Метр. лит. № 212, л. 288).

(53) Памятники изд. ком. для разбора древ актовъ при кіевс., волынск. и подольск. ген.-губ., т. I.

(54) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 34, л. 96).

(55) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 34, л. 109); см. прил. 26.

2

по дѣлу съ Бѣлозоромъ, которому онъ передалъ своего слугу, оказавшагося воромъ и разбойникомъ ([56]). Въ 1551 г. участвуетъ съ прочимъ дворянствомъ, полоцкаго и витебскаго воеводствъ, въ составленіи «Устава о людяхъ похожихъ» (см. выше). Въ 1556 г. получаетъ подтвердительную грамоту на безпошлинное плаваніе судовъ своихъ по рѣкѣ Двинѣ и Диснѣ (см. выше). Въ тѣхъ-же актахъ подъ 1559 г. занесена его жалоба, на обокравшаго его челядинца и дѣло жены князя Андрея по поводу гербоваго перстня ([57]); подъ 1561 г.—жалоба его за наѣздъ земянъ троцкаго повѣта на его имѣніе ([58]); подъ 1566 г.—жалоба его-же за грабежъ и раны, понесенныя при нападеніи на него нѣкоего Ляховицкаго ([59]); подъ 1567 г.—жалоба на Лабунскихъ за гвалтъ и бои, произведенные въ его имѣніи ([60]). Въ 1561 и 1569 г. получаетъ привиллегіи на право учрежденія ярмарокъ въ своихъ имѣніяхъ Тучинѣ (надъ р. Горыней) и Смердыни Луцкаго уѣзда ([61]). Въ 1569 г. означенъ въ числѣ лицъ присягнувшихъ на соединеніе Волыни съ Польшей ([62]). Былъ женатъ на княжнѣ Ганнѣ Богдановнѣ Путята (вдовѣ

([56]) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 22, л. 98).

([57]) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 35, л. 83; Кн. Запис. № 40, л. 802, 803).

([58]) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 35, л. 139).

([59]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 50, л. 178).

([60]) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 54, л. 83).

([61]) Тамъ же (Кн. Записей № 41, л. 173; Кн. корон. записей, лит. А, л. 1).

([62]) Вѣстн. юз. и з. Россіи 1862 г., Авг., 61; Арх. юз. Рос. ч. 2, т. I, № 1).

Семашко), которой записалъ свою часть въ имѣніи Друѣ, а отъ жены получилъ мѣстечко Тучинъ надъ р. Горыней ([63]). Служилъ въ военной службѣ и въ 1565 г. королевскимъ повелѣніемъ назначенъ ротмистромъ конной роты ([64]).

У князя Юрія Тимоѳѣевича (№ 13).

28. **Иванъ Юрьевичъ**.

Въ 1558 г. упоминается уже какъ умершій и притомъ насильственною смертью ([65]).

29. **Василиса Юрьевна**.

Изъ сохранившихся писемъ ея, конца XVI стол., видно, что была два раза замужемъ: за княземъ Друцкимъ-Горскимъ и за Волосецкимъ ([66]).

30. **Марина Юрьевна**.

Замужемъ: первый разъ за Нарушевичемъ, а второй — за Нарбутомъ, коморникомъ королевскимъ; послѣдній въ обезпеченіе приданаго далъ ей въ 1558 г. запись, на

([63]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 36, л. 757, 760; Кн. Записей № 51, л. 157).

([64]) Тамъ же (Кн. публ. дѣлъ № 7, л. 134; Кн. Записей № 47, л. 11).

([65]) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 36, л. 677).

([66]) Археогр. сбор докум. относ. къ ист. СЗ. Руси, т. 4, № 38 и № 39; Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 41, л. 210; Кн. публ. дѣлъ № 26, л. 794).

имѣніе свое Неменчинъ, которое впослѣдствіи встрѣчается уже въ родѣ князей Мосальскихъ ([67]).

У князя Ивана Тимоѳѣевича (№ 14):

31. **Матвѣй Ивановичъ.**

Совладѣлецъ имѣнія Друи. Въ 1563 г. при взятіи Полоцка русскими войсками, попадаетъ въ плѣнъ, о чемъ засвидѣтельствовано въ актахъ вел. княж. Литовскаго, съ занесеніемъ присланнаго имъ изъ Москвы письма ([68]).

32. **Григорій Ивановичъ.**

Совладѣлецъ имѣніе Друи. Въ 1593 г. показанъ писаремъ земскимъ Браславскаго повѣта, въ который въ томъ же году назначенъ земскимъ судьею. На сеймѣ 1597 г. приноситъ жалобу на оклеветаніе его стольникомъ того-же повѣта Ярмоличемъ ([69]).

33. **Василій Ивановичъ.**

Совладѣлецъ имѣнія Друи. Въ актахъ вел. княж. Литовскаго свидѣтельствуются его военныя заслуги, во время войнъ Стефана Баторія съ Россіей. Въ 1590 г.

([67]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 38, л. 284).

([68]) См. гл. II, также прил. 20.

([69]) Акты Метр. лит. (Кн. публ. дѣлъ № 26, л. 794; Кн. Записей № 77, л. 439; Кн. судн. дѣлъ № 73, л. 273).

получаетъ «привилей» на стольниковство Браславскаго повѣта; въ 1594 г. назначается туда-же земскимъ подсудкомъ. На сеймѣ 1597 г. приноситъ жалобу на оклеветаніе его вышеупомянутымъ-же Ярмоличемъ. Въ 1617 г. упоминается какъ подкоморій браславскій (70).

34. **Анастасія Ивановна.**

Замужемъ за Тихной (71).

У князя Василія Михайловича (№ 15.)

35. **Василій Васильевичъ.**

Прозванный—«*Кольцо*», почему и потомки его стали именоваться Мосальскіе-Кольцовы. Въ 1534 г. упоминается въ актахъ вел. княж. Литовскаго какъ бѣжавшій въ Москву (72). 1568 г. показанъ вторымъ воеводой въ Тулѣ, а въ 1570 г. приставомъ при крымскихъ гонцахъ (73). Въ розрядахъ 1572 г. упоминается «на земскомъ дворѣ казначей князь Василій Мосальскій» (74); въ томъ-же году являлъ государю турецкаго купчину и оставался въ числѣ осадныхъ воеводъ въ

(70) Тамъ же (Кн. публ. дѣлъ № 26, л. 791; Кн. Записей № 17, л. 86, 522; № 93, л. 56). См. прил. 47.

(71) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 35, л. 345).

(72) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 8, л. 207).

(73) Спиридовъ: Матер. для ист. дворянс. родовъ, кн. 4 (рукоп. Имп. публ. библ.).

(74) Карамзинъ: Ист. гос. рос. т. IX, пр. 387.

Москвѣ, назначенныхъ по случаю отъѣзда Іоанна въ Новгородъ ([74]). Въ 1573 году показанъ казначеемъ-же ([75]) и былъ при роздачѣ денежнаго жалованья вышедшимъ изъ крымскаго плѣна дѣтямъ боярскимъ; въ томъ-же году посланъ съ войсками на помощъ Ругодиву (Нарвѣ) ([73]). Въ 1575 г. былъ вторымъ воеводой въ Ругодивѣ ([76]). Въ 1577 г. умеръ ([75]).

36. **Андрей Васильевичъ.**

Прозваніемъ «*Старый*». Въ 1544 г. показанъ первымъ головою въ правой рукѣ войскъ, въ казанскомъ походѣ рѣкою Окою. Въ 1551 г. написанъ въ третью статью московскаго списка ([77]).

37. **Романъ Васильевичъ.**

Въ 1544 г. показанъ первымъ головою Сторожеваго полка, въ казанскомъ походѣ рѣкою Окою. Въ 1551 г. написанъ въ третью статью московскаго списка ([77]).

38. **Петръ Васильевичъ.**

Въ 1549 г. показанъ вторымъ головою въ лѣвой рукѣ войскъ, въ шведскомъ походѣ. Въ 1551 г. написанъ въ третью статью московскаго списка и посланъ головою подъ Березнь ([77]).

([75]) «Послужной списокъ старин. бояръ» (Древн. рос. вивліоѳ. 1791 года, ч. 20).

([76]) Древн. рос. вивл., ч. 13, стр. 450 (Розряды).

([77]) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ, кн. 4 (рукоп. Имп. публ. библ.).

У князя Семена Михайловича (№ 16):

39. **Василій Семеновичъ.**

Прозваніемъ «*Литвинъ*», почему и дѣти его стали именоваться Мосальскими-Литвиновыми. Въ 1551 г. написанъ въ третью статью московскихъ дѣтей боярскихъ и былъ головою въ полоцкомъ походѣ. Въ 1554 г. состоялъ въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ казанскаго царя Симеона ([77]). Въ 1565 г. и 1556 г. былъ намѣстникомъ въ Ряжскѣ ([78]).

40. **Иванъ Семеновичъ.**

Прозваніемъ «*Литвинъ*», почему и дѣти его стали называться Мосальскими-Литвиновыми. Въ 1549 г. показанъ третьимъ головою въ лѣвой рукѣ войскъ, въ шведскомъ походѣ. Въ 1551 г. состоялъ завоеводчикомъ въ полоцкомъ походѣ. Въ 1577 г. посланъ строить на Окѣ укрѣпленія противъ крымцевъ ([77]).

41. **Михаилъ Семеновичъ.**

Въ 1551 г. написанъ въ третью статью московскаго списка. Въ 1558 г. былъ воеводой въ Карачевѣ. Въ 1568 г. описывалъ г. Рузу съ уѣздомъ ([77]).

У князя Ѳедора Михайловича (№ 18):

([78]) Древн. рос. вивл. ч. 13, 364, 377 (розряды); Симбирс. сборникъ (розряды).

Москвѣ, назначенныхъ по случаю отъѣзда Іоанна въ Новгородъ ([74]). Въ 1573 году показанъ казначеемъ-же ([75]) и былъ при роздачѣ денежнаго жалованья вышедшимъ изъ крымскаго плѣна дѣтямъ боярскимъ; въ томъ-же году посланъ съ войсками на помощъ Ругодиву (Нарвѣ) ([73]). Въ 1575 г. былъ вторымъ воеводой въ Ругодивѣ ([76]). Въ 1577 г. умеръ ([75]).

36. **Андрей Васильевичъ.**

Прозваніемъ «*Старый*». Въ 1544 г. показанъ первымъ головою въ правой рукѣ войскъ, въ казанскомъ походѣ рѣкою Окою. Въ 1551 г. написанъ въ третью статью московскаго списка ([77]).

37. **Романъ Васильевичъ.**

Въ 1544 г. показанъ первымъ головою Сторожеваго полка, въ казанскомъ походѣ рѣкою Окою. Въ 1551 г. написанъ въ третью статью московскаго списка ([77]).

38. **Петръ Васильевичъ.**

Въ 1549 г. показанъ вторымъ головою въ лѣвой рукѣ войскъ, въ шведскомъ походѣ. Въ 1551 г. написанъ въ третью статью московскаго списка и посланъ головою подъ Березнь ([77]).

([75]) «Послужной списокъ старин. бояръ» (Древн. рос. вивліоѳ. 1791 года, ч. 20).

([76]) Древн. рос. вивл., ч. 13, стр. 450 (Розряды).

([77]) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ, кн. 4 (рукоп. Имп. публ. библ.).

У князя Семена Михайловича (№ 16):

39. Василій Семеновичъ.

Прозваніемъ «*Литвинъ*», почему и дѣти его стали именоваться Мосальскими-Литвиновыми. Въ 1551 г. написанъ въ третью статью московскихъ дѣтей боярскихъ и былъ головою въ полоцкомъ походѣ. Въ 1554 г. состоялъ въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ казанскаго царя Симеона ([77]). Въ 1565 г. и 1556 г. былъ намѣстникомъ въ Ряжскѣ ([78]).

40. Иванъ Семеновичъ.

Прозваніемъ «*Литвинъ*», почему и дѣти его стали называться Мосальскими-Литвиновыми. Въ 1549 г. показанъ третьимъ головою въ лѣвой рукѣ войскъ, въ шведскомъ походѣ. Въ 1551 г. состоялъ завоеводчикомъ въ полоцкомъ походѣ. Въ 1577 г. посланъ строить на Окѣ укрѣпленія противъ крымцевъ ([77]).

41. Михаилъ Семеновичъ.

Въ 1551 г. написанъ въ третью статью московскаго списка. Въ 1558 г. былъ воеводой въ Карачевѣ. Въ 1568 г. описывалъ г. Рузу съ уѣздомъ ([77]).

У князя Ѳедора Михайловича (№ 18):

([78]) Древн. рос. вивл. ч. 13, 364, 377 (розряды); Симбирс. сборникъ (розряды).

42. Иванъ Θедоровичъ.

Въ актахъ велик. княж. Литовскаго подъ 1551 г., записанъ вызовъ его въ судъ, по поводу насильственнаго забранія чужаго сѣна, въ количествѣ 400 возовъ ([79]). Подъ 1554 г.—привиллегія ему на право содержанія корчмы въ его имѣніи Олекшицахъ ([80]) и вызовъ въ судъ по жалобѣ священниковъ Ильинской церкви тогоже имѣнія, о различныхъ дѣлаемыхъ имъ притѣсненіяхъ ([81]); подъ 1555 г. тяжба князя Ивана съ братомъ своимъ Михаиломъ, по поводу права владѣнія тою-же церковью, мировая сдѣлка по тому же предмету ([82]) и жалоба на брата Михаила за насильственные поступки послѣдняго ([82]). Подъ 1563 г. записана жалоба егоже на княгиню Острожскую, за наѣздъ и грабежъ произведенный въ его имѣніи Опошковскомъ ([83]). Въ 1568 г. названъ судьею земскимъ Гродненскаго повѣта ([84]); въ 1569 г. былъ депутатомъ на Люблинскомъ сеймѣ, гдѣ въ числѣ прочихъ пословъ скрѣпилъ своей печатью актъ литовской уніи. Въ 1584 г. упоминается какъ умершій, по поводу вопроса о пополненіи дѣтьми его казенныхъ недоимокъ, оставшихся по завѣдыванію имъ имѣніемъ Вертилишки въ гродненскомъ староствѣ ([85]). Былъ же-

([79]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 24, л. 29).

([80]) См. прил. 27.

([81]) Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 37, л. 77).

([82]) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 33, л. 171, 175 и 315).

([83]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 41, л. 407).

([84]) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 51, л. 118).

([85]) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 61, л. 386; Кн. Записей № 68, л. 386).

натъ два раза, но на комъ именно—неизвѣстно; имѣется лишь указаніе, что вторую жену его звали Еленой ([86]). По словамъ Папроцкаго ([87])—князь Иванъ былъ славный ротмистръ и мужъ, который писался—изъ Масаля, въ своемъ воеводствѣ (?).

43. **Михаилъ Ѳедоровичъ.**

Въ 1554 г. вызывается къ суду по жалобѣ священниковъ Ильинской церкви въ Олекшицахъ, по поводу притѣсненія послѣднихъ ([81]) и ведетъ тяжбу съ братомъ Иваномъ о той-же церкви (см. выше).

У князя Димитрія Ивановича (№ 23):

44. **Иванъ Димитріевичъ.**

Прозваніемъ «*Зубатый*». Въ 1563 г. показанъ воеводой на Иловѣ и Соловѣ. Въ 1573 г. состоялъ въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ дочери князя Владиміра Андреевича (двоюроднаго брата Ивана Грознаго), съ королемъ Арцымагнусомъ ([77]).

45. **Осипъ Димитріевичъ.**

Въ 1551 г. написанъ въ третьей статьѣ боярскихъ дѣтей, которымъ велѣно было отвести по 100 четей земли, для поселенія въ Московс. уѣздѣ ([88]). Въ 1558 г.

([86]) Меморіалъ епископа Игнатія Мосальскаго, 1774 г.

([87]) «Herby ryzerstwa polskiego», стр. 420.

([88]) Временникъ общ. ист. и древн., кн. XX, 45.

показанъ годовымъ воеводой въ Шацкѣ ([89]). Въ 1563 г. написанъ въ числѣ поручителей за вѣрность службы князя Воротынскаго ([90]).

46. Александръ Димитріевичъ.

Въ 1551 г. написанъ въ третьей статьѣ боярскихъ дѣтей, которымъ велѣно было отвести по 100 четей земли, для поселенія въ Московс. уѣздѣ ([88]). Въ 1558 г. показанъ годовымъ воеводой на Болховѣ ([89]).

47. Иванъ Димитріевичъ.

Прозваніемъ «*Клубокъ*», почему и потомки его стали именоваться Мосальскими-Клубковыми. Въ 1551 г. написанъ въ третьей статьѣ боярскихъ дѣтей, которымъ велѣно было отвести по 100 четей, для поселенія въ Московскомъ уѣздѣ ([88]).

У князя Семена Ивановича (№ 24):

48. Өедоръ Семеновичъ.

Прозваніемъ «*Черный*». Въ 1564—1566 г. воевода на Пловѣ и Соловѣ. Въ 1570—1573 г. воевода въ Корелѣ ([91]).

49. Василій Семеновичъ.

([89]) Древн. рос. вивл. ч. 13 (Розряды).
([90]) Собр. госуд. грам. и догов. т. I, № 179.
([91]) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ, кн. 4 (рукоп. публ. библ.).

Прозваніемъ «*Усъ*». Въ 1551 г. написанъ въ третьей статьѣ боярскихъ дѣтей, которымъ велѣно было отвести по 100 четей земли, для поселенія въ Московскомъ уѣздѣ ([88]). Въ 1562 г. написанъ въ числѣ поручителей за вѣрность службы князя Бѣльскаго ([92]). Въ 1573 г. состоялъ въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ дочери князя Владиміра Андреевича (двоюродн. брата Ивана Грознаго) съ королемъ Арцымагнусомъ ([91]); въ томъ-же году показанъ воеводой въ Ругодивѣ, а въ 1574 г. воеводой въ Острогѣ ([93]).

50. Өедоръ Семеновичъ.

Прозваніемъ «*Жеберденской*». Въ 1565 г. и 1566 г. показанъ воеводой въ Рыльскѣ ([89], [93]).

51. Михаилъ Семеновичъ.

Прозваніемъ «*Шулепъ*».

52. Иванъ Семеновичъ.

Прозваніемъ «*Горбатый*».

У князя Богуша Александровича (№ 25):

53. Петръ Богушевичъ.

Прозваніемъ «*Верига*». Совладѣлецъ имѣнія Олтупово въ Волковыскомъ повѣтѣ. Въ 1534—1535 г. попа-

---

([92]) Собр. госуд. грам. и догов., т. I, № 176.

([93]) Симбирс сборникъ (Розряды).

даетъ въ плѣнъ въ Россію, изъ котораго выпущенъ въ обмѣнъ на князя Сицкаго, захваченнаго литовцами при взятіи Стародуба, и въ память плѣна своего получившій прозваніе «Вериги» ([94]). Въ 1559 г. упоминается какъ лидскій судебный староста ([95]). Въ 1561 г. умеръ бездѣтнымъ. Былъ женатъ на Анастасіи Ивановнѣ (фамилія неизвѣстна), съ которою сообща пріобрелъ покупкою отъ Сапѣги усадьбу Войкилишки ([96]). Въ 1562 г., послѣ смерти его, между оставшейся вдовой и братьями Вериги—Петромъ и Михаиломъ завязалась тяжба, по поводу наслѣдства оспаривавшагося послѣдними ([97]); въ томъ-же году записана въ судѣ жалоба Сапѣги, за вооруженный наѣздъ, сдѣланный на него упомянутой княгиней Мосальской, и вторичный вызовъ ея въ судъ въ 1563 г. ([98]).

54. **Михаилъ Богушевичъ.**

Владѣлецъ Олтупова. Въ 1562 г. записано донесеніе его подскарбію и писарю Волловичу, объ изслѣдованіи факта убійства въ Вильнѣ королевскаго драбанта Телецкаго и жалоба князя Михаила на своего брата Петра, въ насильственномъ грабежѣ его сѣножати ([99]). Въ 1566 г. получаетъ вмѣстѣ съ братомъ Петромъ под-

---

([94]) Оргельбрандъ: «Encyklopedia powszechna», XVIII, 129—131.

([95]) Нарбутъ: Dzieje narodu litewskiego, т. V, приб. 1.

([96]) Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 39, л. 235).

([97]) См. прил. 21.

([98]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 35, л. 218; № 41, л. 408).

([99]) Тамъ-же (Кн. судн. дѣлъ № 45, л. 14; № 47, л. 27).

твержденіе на владѣніе имѣніемъ (Подмеречъ) въ Меречской волости, пожалованнымъ еще отцу ихъ князю Богушу ([100]). Былъ женатъ на Томилѣ Михайловнѣ Волловичъ. Въ 1572 г. составляетъ духовное завѣщаніе, по которому имѣнія свои Олтупово и Подмеречъ раздѣляетъ между тремя своими сыновьями, равно и тѣ, которыя находясь въ Сокольской землѣ—подпали подъ власть непріятеля, если онѣ возвращены будутъ. Завѣщаетъ дѣтямъ не отчуждать изъ своего рода оставляемаго имъ наслѣдства ([101]). Умеръ въ 1572 году.

55. Петръ Богушевичъ.

Въ 1547 г. является въ судъ адвокатомъ сестры своей Ганны, въ процессѣ послѣдней съ дѣтьми ея мужа Третяка отъ перваго брака, по поводу имѣнія Жижморы ([102]). Въ 1562 г. ведетъ, вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ, тяжбу противъ вдовы князя Петра Вериги ([97]); въ 1562-же году вызывается въ судъ братомъ Михаиломъ, за грабежъ сѣножати послѣдняго ([99]). Въ 1566 г. получаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ-же братомъ, подтвержденіе на владѣніе имѣніемъ (Подмеречъ) въ Меречской волости, пожалованнымъ отцу ихъ князю Богушу (см. выше). Въ 1567 г. судится за насильственное отнятіе нѣ-

([100]) См. прил. 28.
([101]) См. прил. 29.
([102]) См. прил. 30.

скольких людей у одного земянина, за что приговаривается къ уплатѣ 50 копъ грошей ([103]).

56. **Тимоѳей Богушевичъ.**

Въ 1570 г. находился въ плѣну въ Россіи и казненъ по приказанію Іоанна Грознаго (см. гл. II, стр. 70).

57. **Ганна Богушевна.**

Замужемъ за Третякомъ; въ 1547 г. уже вдова и ведетъ процессъ, по поводу наслѣдства послѣ умершаго мужа, съ дѣтьми его отъ перваго брака, по процессу теряетъ имѣніе Жижморы ([102]).

У князя Андрея Петровича (№ 27):

58. **Юрій Андреевичъ.**

Въ 1580 г. значится сборщикомъ податей въ Вилькомирскомъ повѣтѣ ([104]). Въ 1584 г. владѣетъ по «заставному праву» частью Утянской волости ([105]) и селомъ Стеркишки въ Вилькомирскомъ повѣтѣ, взятымъ въ приданое за женой ([106]), урожденной Ганной Олехновной Кривцовой.

59. **Маріанна Андреевна** ([107]).

([103]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 51, л. 50; № 52, л. 258).

([104]) Volumina legum, т. II, 203.

([105]) Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 70, л. 130).

([106]) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 73, л. 245).

([107]) Нѣсецкій: Herbarz polski, т. VI, 349—353.

60. Марія Андреевна.

1582 г. замужемъ за Юріемъ Бокеемъ ([108]).

У князя Василія Ивановича (№ 33):

61. Николай-Георгій Васильевичъ.

Въ 1660 г. находился въ плѣну въ Москвѣ, откуда присылаетъ свое духовное завѣщаніе. Католикъ. Совладѣлецъ Друи. Женатъ на Ѳеодорѣ Піотровской (см. прил. 40).

62. Александръ Васильевичъ.

Въ 1660 г. упоминается въ духовномъ завѣщаніи своего брата (см. прил. 40).

У князя Василія Васильевича (№ 35).

63. Владиміръ Васильевичъ.

Въ 1577 г. посланъ въ Дорогобужъ, собирать на службу въ Лифляндію дѣтей боярскихъ и въ томъ-же году показанъ воеводой въ Ржевѣ ([109]). Въ 1581 г.

([108]) Акты Метр. лит. (Кн. корон. зап. лит. F, л. 121).

([109]) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ, кн. 4 (рукоп. публ. библ.).

былъ воеводой въ литовскомъ походѣ ([110]); въ 1582 г. назначенъ сходнымъ воеводой изъ Орла въ Большой полкъ и затѣмъ показанъ воеводой въ Пронскѣ ([111]). Въ 1583 г.—воевода въ Большомъ полку ([109]). Въ 1584 г.—воевода на Орлѣ ([112]) и велѣно быть въ сходѣ съ княземъ Трубецкимъ въ Большомъ полку ([111]). Въ 1585 г. посланъ описывать Козельскій уѣздъ; въ томъ-же году воевода въ Орлѣ и оттуда велѣно быть въ сходѣ съ Трубецкимъ въ Большомъ полку, но въ Іюлѣ отпущенъ со службы за болѣзнью ([109]). Въ 1586 г. воевода на Ливнахъ, гдѣ велѣно строить городъ ([113]), а въ 1586 г.—въ Болховѣ ([109]). Въ 1588 г. велѣно ему изъ Болхова быть сходнымъ воеводой въ Большомъ полку ([112]). Въ 1590 и 1591 гг. воевода въ Тобольскѣ, разбиваетъ татарскаго хана Кучума (см. гл. II, стр. 110), за что ему прислана награда: золотой, шуба въ 35 рублевъ и ковшъ въ двѣ гривенки ([109]). Въ 1592 г. воевода въ Большомъ полку противъ шведовъ, на р. Нарвѣ ([112]). Въ 1594 г. воевода въ Иванъ-Городѣ ([114]), кромѣ того посланъ строить и укрѣплять г. Кромы, для защиты отъ татарскихъ набѣговъ, а въ

([110]) Розряды 1580—1583 г. (рукоп. Имп. публ. библ., № 181).

([111]) Древн. рос. вивл., ч. XIV (Розряды).

([112]) Симбирс. сборникъ (Розряды).

([113]) Древн. грам., касающ. Воронежс. губ., кн. II, 156. Моск. арх. минист. юст. (Кн. Моск. стола № 1, л. 295).

([114]) Временникъ общ. ист. и древн., кн. XIV (Счетное дѣло Пушк. съ Плещеевымъ).

1595 г. строить городъ на Тетюшахъ ([109]). Въ 1596 г. воевода на Усть-Яикѣ ([112]); въ 1597 г. ему указано раззорить и сжечь острогъ, построенный на Усть-Яикѣ и возвратиться въ Москву ([109]). Въ 1598 г. воевода въ Передовомъ полку на р. Окѣ и въ Новосили ([109]), откуда въ 1599 г. велѣно ему идти въ степь и строить городъ на устьѣ р. Валуйки ([115]). Въ томъ-же году упоминается воеводой въ Черниговѣ ([114]). Въ 1600 г. воевода въ Осколѣ ([116]). Въ 1605 г. участвуетъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ ([117]). Въ 1606 г. бояринъ ([118]), членъ совѣта при самозванцѣ ([119]), участвуетъ въ церемоніалѣ свадьбы послѣдняго ([120]). Въ 1607 г. начальствуетъ войсками противъ Болотникова ([121]). Былъ женатъ на Мареѣ Ивановнѣ (фамилія неизвѣстна) ([122]); имѣлъ въ Москвѣ домъ на Покровкѣ ([123]). Умеръ въ 1610 г. ([124]).

([115]) Щербатовъ: Ист. рос. т. VII, ч. 1.

([116]) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ (рукоп. Имп. пуб. библ.).

([117]) Симбирск. сборн., 153. Карамзинъ т. XI, пр. 98. (См. гл. III).

([118]) «Послужной списокъ старин. бояръ» (Древн. рос. вивл., ч. XX).

([119]) Собр. госуд. грам. и догов., т. II, № 93. (См. гл. III).

([120]) Комаровъ: Опис. 13-ти старин. свадебъ. Древн. рос. вивл. ч. XIII, 116.

([121]) Бутурлинъ. Ист. смутн. врем. въ Россіи.

([122]) Комаровъ: Опис. 13-ти стар. свадебъ. Древн. рос. вивл. ч. XIII, 116.

([123]) Челобитная Молчанова, ок. 1610 г.: «..... Пожалуйте за мою вѣрную службу на Москвѣ на Покровкѣ дворомъ Мыльниковыхъ, что былъ прежъ сего за княземъ Володимеромъ Мосальскимъ». (Акты ист. т. II, № 311).

([124]) «Послужной списокъ стар. бояръ». (Древн. рос. вивл. ч. XX).

3

У князя Василія Семеновича (№ 39):

64. Иванъ Васильевичъ.

Въ 1551 г. написанъ въ третьей статьѣ боярскихъ дѣтей, которымъ велѣно было отвести по 100 четей земли, для поселенія въ Московскомъ уѣздѣ ([125]). Въ 1562 г. написанъ въ числѣ поручителей за вѣрность службы князя Бѣльскаго ([126]). Въ 1563 г. показанъ воеводой на Пловѣ и Соловѣ, а въ 1573 г.—въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ дочери князя Владиміра Андреевича (двоюроднаго брата Іоанна Грознаго), съ королемъ Арцымагнусомъ ([127]).

65. Василій Васильевичъ.

Въ 1551 г. написанъ въ третьей статьѣ боярскихъ дѣтей, которымъ велѣно было отвести по 100 четей земли, для поселенія въ Московскомъ уѣздѣ ([125]). Въ 1573 г. показанъ въ числѣ лицъ, участвовавшихъ въ церемоніи свадьбы дочери князя Владиміра Андреевича (двоюроднаго брата Іоанна Грознаго), съ королемъ Арцымагнусомъ ([128]).

66. Михаилъ Васильевичъ.

Въ 1551 г. написанъ въ третьей статьѣ боярскихъ дѣ-

(125) Временникъ общ. ист. и древн., кн. XX, 45.

(126) Собр. госуд. грам. и догов., т. I № 176.

(127) Древн. рос. вивл., ч. XIII (розряды). Тамъ же: Опис. рус. свадебъ, стр. 97.

(128) Древн. рос. вивл., ч. XIII, стр. 97.

тей, которымъ велѣно было отвести по 100 четей земли, для поселенія въ Московскомъ уѣздѣ ([125]). Женатъ на Маріи Ивановнѣ (фамилія неизвѣстна).

У князя Ивана Семеновича (№ 40):

67. **Θедоръ Ивановичъ.**

Въ 1581 г. былъ третьимъ воеводой въ Смоленскѣ, подъ которымъ разбилъ отрядъ подошедшихъ литовцевъ (см. гл. II, стр. 112), за что награжденъ полъ-золотымъ угорскимъ ([129]). Въ 1582, 1583 и 1584 г. показанъ осаднымъ воеводой въ Смоленскѣ ([130]). Въ 1592 г. былъ сходнымъ воеводой изъ Ряжска въ Сторожевомъ полку ([129]).

У князя Ивана Θедоровича (№ 42):

68. **Θедоръ Ивановичъ.**

Совладѣлецъ имѣнія Олекшицы ([131]). 1571 годъ—женатъ на княжнѣ Θеодатѣ Богдановнѣ Лукомской ([132]), которой записываетъ свое имѣніе Ходаковъ и 10000 копъ грошей на Олекшицахъ ([133]). Въ 1574 г. маршалъ гродненскій, дѣлаетъ запись основанному имъ Нарев-

(129) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ, кн. 4 (рук. публ. библ.).
(130) Древн. рос. вивл., ч. XIV (Розряды).
(131) Акты изд. ком. для разбора древ. актовъ въ Вильнѣ, т. I, стр. 9.
(132) Historya z autorow y dyplomatow domu xiąząt Massalskich (брош. 1789 г.).
(133) Меморіалъ епископа Игнатія Мосальскаго, 1774 г.

скому Вознесенскому православному монастырю (см. гл. II, стр. 53) и поручаетъ его подъ наблюденіе Свято-духова монастыря въ Вильнѣ ([134]). Въ 1580 и 1581 гг. показанъ сборщикомъ податей и пошлинъ въ Гродненскомъ уѣздѣ ([135]). Въ 1584 г. назначается комисаромъ со стороны князя Острожскаго, по дѣлу о размежеваніи Бѣловежской пущи ([136]). Въ 1586 г. посолъ изъ Литвы на сеймъ, по случаю избранія въ короли Сигизмунда (см. гл. II). Въ 1588 г. продаетъ брату Льву пріобрѣтенное покупкою имѣніе свое Волочковское въ Волковыскомъ повѣтѣ ([137]). Въ 1594 г. получаетъ 20 влокъ земли въ лѣсничествѣ Немоноитскомъ, а въ 1595 г. за внесенныя имъ въ государственную ссуду 800 копъ — получаетъ на правѣ «заставнаго» владѣнія часть имѣнія Берестовицы ([138]). Въ 1604 г. записано въ актахъ о передачѣ ему части имѣнія Берестовицы (Гродненскаго повѣта) и половины православной церкви ([139]). Въ 1611 и 1613 гг. упоминается въ актахъ, по поводу недоразумѣній съ границами королевской пущи ([141]). Въ 1617 г. умеръ ([142]).

(134) Археогр. сбор. докум. относ. къ ист. св. Руси, т. 6, № 35.
(135) Volumina legum, т. II, 203, 217.
(136) Акты изд. ком. для разбора древ. актовъ въ Вильнѣ, т. II, 174.
(137) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 68, л. 7).
(138) Тамъ же (Кн. Записей № 77, л. 521; № 70, л. 142).
(139) Акты изд. ком. для разб. древн. акт. въ Вильнѣ, т. I, 258.
(140) Volumina legum, т. III, стр. 26, 99.
(141) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 82, л. 9).
(142) См. прил. 45.

69. Левъ Ивановичъ.

Совладѣлецъ Олекшицъ ([131]). 1580 г. — женатъ на Богданѣ Котовичъ, владѣетъ имѣніемъ Свислочь на рѣкѣ того-же имени ([143]). Въ 1584 г. упоминается какъ членъ виленскаго православнаго братства (см. гл. II). Въ 1588 г. покупаетъ у брата Ѳедора имѣніе Волочковское, въ Волковыскомъ повѣтѣ ([137]). Въ 1589 г. и 1590 г. показанъ сборщикомъ податей въ Гродненскомъ уѣздѣ ([144]). Въ 1592 г. былъ вызываемъ въ судъ по жалобѣ земянина Ошменца на причиненный послѣднему вредъ, но къ суду не явился, за что приговоренъ къ изгнанію; по просьбѣ его назначается новое разбирательство дѣла ([145]). Въ 1605 г. повидимому уже умеръ; жена его за сопротивленіе взысканію долга, осуждается на изгнаніе, но испрашиваетъ прощеніе ([146]).

70. Ганна Ивановна,

1569 г. вдова, была замужемъ за Андреемъ Дыбовскимъ, отъ котораго наслѣдовала 19 влокъ земли въ селѣ Калбосинѣ (Гродненск. повѣта); въ томъ же году освобождается пожизненно отъ всякихъ повинностей съ этой

---

(143) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 76, л. 367; № 60, л. 139).

(144) Volumina legum, т. II, 303, 325. Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 63, л. 325).

(145) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 68, л. 175; № 69, л. 152).

(146) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 76, л. 367, 378 и 402).

земли ([147]). Въ 1570 г. вторично замужемъ за Каспаромъ Клодзинскимъ старостой волкиницкимъ ([148]).

У князя Михаила Өедоровича (№ 43):

71. **Михаилъ Михайловичъ.**

1609 г.— свидѣтельствуетъ духовное завѣщаніе Скумина-Тишкевича; въ 1613 г. упоминается какъ совладѣлецъ села Пониклицы; въ 1620 г. упоминается въ духовномъ завѣщаніи сестры своей Ганны ([149]).

72. **Өедоръ Михайловичъ.**

1609 г.— женатъ на Ганнѣ Коледзянкѣ ([150]). Въ 1613 г. упоминается какъ совладѣтель села Пониклицы; въ 1620 г. упоминается въ духовномъ завѣщаніи сестры своей Ганны ([151]).

73. **Александръ Михайловичъ.**

Въ 1563 г. быть можетъ находился въ плѣну въ Россіи (см. гл. II). Въ 1589 г. упоминается какъ свидѣтель продажнаго акта между своими двоюродными братьями князьями Өедоромъ и Львомъ (№№ 68 и 69), объ имѣніи Волочковскомъ.

---

(147) Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 48, л. 347, 348).

(148) Папроцкій: «Herby rycerstwa polskiego», стр. 420.

(149) Собр. древн. грам. и акт. Минс. губ., № 44, 76. Акты издан. ком. для разбора древн. акт. въ Вильнѣ, т. I, стр. 258.

(150) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 76, л. 464).

(151) Собр. древн. грам. и актовъ Минс. губ., № 76.

74. Юрій Михайловичъ.

1620 г. упоминается въ духовномъ завѣщаніи сестры своей Ганны (№ 75).

75. Ганна Михайловна.

Замужемъ за Димитріемъ Скуминъ-Тишкевичемъ. Въ 1620 г. оставляетъ духовное завѣщаніе; православная, похоронена въ имѣніи Хатово-Королещицы Минскаго уѣзда ([152]).

У князя Осипа Димитріевича (№ 45):

76. Ѳедоръ Осиповичъ.

Въ 1566 г. принималъ участіе въ земскомъ совѣтѣ, собранномъ Іоанномъ Грознымъ по поводу вопроса о продолженіи войны съ Польшею и отказѣ посламъ послѣдней въ перемиріи ([153]). Въ 1571 г. написанъ въ числѣ поручителей за вѣрность службы князя Мстиславскаго ([154]). Въ 1578 и 1579 гг. показанъ головою въ смоленскомъ и лифляндскомъ походахъ ([155]). Въ 1580 и 1581 г. показанъ въ числѣ воеводъ въ Новгородѣ и Юрьевѣ-Ливонскомъ, а въ 1583 г. воеводой въ Галичѣ

(152) Собраніе древн. грам. Минс. губ. № 44, 76. Тишкевичъ: «Groby rodziny Tyszkiewiszów»,», 12. 13.

(153) Собр. госуд. грам. и догов. т. I. № 192; Щербатовъ: Ист. рос. т. V, ч. 4, стр. 67.

(154) Собр. госуд. грам. и догов. т. I, № 198.

(155) Спиридовъ: Матер. для ист. дворянс. родовъ, кн. 4 (рукоп. публ. библ.).

и затѣмъ въ Сторожевомъ полку въ казанскомъ походѣ ([156]). Въ 1584 г.—воевода въ Калугѣ въ Передовомъ полку; въ 1585 г. по крымскимъ вѣстямъ—воевода въ Бѣлевѣ въ Передовомъ полку, затѣмъ—воевода въ Шацкѣ и по крымскимъ вѣстямъ назначенъ въ сходъ въ Большой полкъ къ князю Хворостинину ([157]). Въ 1586 г.—воевода въ Шацкѣ, въ 1588 г.—вторымъ воеводой Передоваго полка въ астраханскомъ походѣ, въ 1593 г. сходнымъ воеводой въ Сторожевомъ полку и въ 1598 г.—воевода на Воронежѣ ([155]).

У князя Александра Димитріевича (№ 46):

77. **Даніилъ Александровичъ.**

78. **Семенъ Александровичъ.**

Въ 1563 г. написанъ въ числѣ поручителей за вѣрность службы князя Воротынскаго ([158]).

79. **Ѳедоръ Александровичъ.**

Прозваніемъ «*Гладышъ*». Въ 1566 г. принималъ участіе въ земскомъ совѣтѣ, собранномъ Іоанномъ Грознымъ по поводу вопроса о продолженіи войны съ Польшею и отказѣ посламъ послѣдней въ перемиріи ([153]). Въ 1571 г. написанъ въ числѣ поручителей за вѣрность

---

(156) Древн. рос. вивл., ч. XIV (Розряды); Симбирс. сборн. (Розряды).

(157) Древн. рос. вивл., ч. XIV (Розряды).

(158) Собр. госуд. грам. и догов., т. I, № 179.

службы князя Мстиславскаго ([159]). Въ 1577 г. былъ въ Кашинѣ, для высылки на службу въ Лифляндію дѣтей боярскихъ ([160]), а затѣмъ былъ головою Передоваго полка въ походѣ подъ Колывань (Ревель) ([161]). Въ 1580 г. воевода Передоваго полка ([162]). Въ 1581 г.—голова въ правой рукѣ войскъ въ литовскомъ походѣ, въ 1583 г.—воевода въ Смоленскѣ ([160]). Въ 1584 г. воевода на Орлѣ ([161]) и въ Передовомъ полку въ крымскомъ походѣ ([160]). Въ 1585 г. воевода на Орлѣ ([160]); въ 1588 г. воевода въ Мценскѣ и велѣно быть въ сходъ въ Большой полкъ ([163]). Въ 1590 и 1591 г.—воевода въ Почепѣ ([160]). Въ 1592 г.—воевода въ Ряжскѣ и велѣно быть въ сходъ къ Сторожевой полкъ ([163]). Въ 1593 г. воевода въ Сторожевомъ полку, въ 1594 г. воевода въ Ельцѣ и въ 1597-мъ —на Воронежѣ ([160]).

80. **Михаилъ Александровичъ.**

Прозваніемъ «*Рубецъ*». Въ 1566 г. принималъ участіе въ земскомъ совѣтѣ, собранномъ Іоанномъ Грознымъ по поводу вопроса о продолженіи войны съ Польшею и отказа посламъ послѣдней въ перемиріи ([153]). Въ 1571 г. написанъ въ числѣ поручителей за вѣрность

(159) Собр. госуд. грам. и догов., т. I, № 198.

(160) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ, кн. 4 (рукоп. Имп. публ. библ.); также рукописная родословная книга въ Московскомъ архивѣ минис. юстиціи.

(161) Древн. рос. вивл., ч. XIV (Розряды).

(162) Симбирс. сборн. (Розряды). Временникъ общ. ист. и древн., кн. XIV, 156.

(163) Симбирс. сборн. (Розряды).

службы князя Мстиславскаго ([154]). Въ 1612 г. по случаю вклада, сдѣланнаго въ Троицы-Сергіевъ монастырь, упоминается уже какъ умершій.

У князя Ивана Димитріевича (№ 47):

81. **Даніилъ Ивановичъ.**

Въ 1571 г. написанъ въ числѣ поручителей за вѣрность службы князя Мстиславскаго ([154]). Въ 1575 г.—воевода въ правой рукѣ войскъ въ крымскомъ походѣ ([163]). Въ 1576 г.—голова въ правой рукѣ войскъ ([161]); въ 1577 г. — голова у пушекъ въ походѣ подъ Колывань ([160]).

82. **Левъ Ивановичъ.**

Въ 1566 г. принималъ участіе въ земскомъ совѣтѣ, собранномъ Іоанномъ Грознымъ по поводу вопроса о продолженіи войны съ Польшею и отказа посламъ послѣдней въ перемиріи ([153]).

83. **Владиміръ Ивановичъ.**

Прозваніемъ «*Шаня*». Въ 1571 г. написанъ въ числѣ поручителей за вѣрность службы князя Мстиславскаго ([154]). Въ 1577 г. посланъ въ Деревскую пятину высылать на службу въ Лифляндію дѣтей боярскихъ и въ 1581 г. воеводой въ Ржевѣ ([160]). Въ 1589 г. воевода въ Передовомъ полку, въ 1590 г. воевода у Большаго знамени въ шведскомъ походѣ, а затѣмъ—воевода въ Ца-

рицынѣ ([160]). Въ 1591 г. воевода въ Черни, а потомъ въ Сторожевомъ полку ([163]); въ томъ-же году ему въ награду пожалованъ золотой ([160]). Въ 1592 г. воевода на Воронежѣ, а въ 1593 и 1594 гг.—въ Шацкѣ, гдѣ разбилъ подступавшихъ къ городу татаръ (см. гл. II, стр. 111) ([160]). Въ 1598 г. принималъ участіе въ соборѣ по избранію на царство Бориса Годунова ([164]). Въ 1600 г.—воевода въ Монастырскомъ городкѣ ([160]). Въ 1606 г. показанъ въ окольничихъ ([165]). Въ 1610 г. вмѣстѣ съ другими Мосальскими получаетъ отъ короля Сигизмунда грамоту, на владѣніе городомъ Мосальскомъ съ волостями (см. гл. III, стр. 239). Въ 1616 г. воевода въ Суздалѣ ([166]).

У князя Ивана Семеновича (№ 52):

84. Владиміръ Ивановичъ.

Въ 1566 г. принималъ участіе въ земскомъ совѣтѣ, собранномъ Іоанномъ Грознымъ по поводу вопроса о продолженіи войны съ Польшею и отказа послѣдней въ перемиріи ([153]). Въ 1571 г. написанъ въ числѣ поручителей за вѣрность службы по князѣ Мстиславскомъ ([159]). Въ 1592 г. былъ первымъ воеводой въ Воронежѣ ([160]).

---

(164) Акты археогр. эксп., т. II, № 7.
(165) «Послужной списокъ стар бояръ» (Древн. рос. вивл., ч. XX).
(166) Временникъ общ. ист. и древн. 1849 г. кн. II (Розряды, 65).

Въ 1604 г. приставъ при англійскомъ послѣ ([167]). Въ 1610 г. получаетъ вмѣстѣ съ другими Мосальскими отъ короля Сигизмунда грамоту, на владѣніе городомъ Мосальскомъ съ волостями (см. гл. III, стр. 239). Въ 1614 г. воевода въ Каширѣ ([167]). Скончался бездѣтнымъ, но когда неизвѣстно, сказано только, что его—«убили татаровя» ([168]).

85. Димитрій Ивановичъ.

Въ 1566 г. принималъ участіе въ земскомъ совѣтѣ, собранномъ Іоанномъ Грознымъ по поводу вопроса о продолженіи войны съ Польшею и отказа посламъ послѣдней въ перемиріи ([153]). Скончался бездѣтнымъ; показанъ убитымъ крымцами ([167]).

86. Василій Ивановичъ.

Въ 1597 и 1598 гг. былъ первымъ воеводой въ Ельцѣ ([167]). Въ 1613 г. стольникъ, участвуетъ въ избраніи царя Михаила Ѳедоровича ([169]).

У князя Михаила Богушевича (№ 54).

87. Богданъ Михайловичъ.

Совладѣлецъ имѣнія Олтупово въ Волковыскомъ повѣтѣ и Подмеречъ—въ Трокскомъ. Въ 1577 г., съ родными

(167) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ, кн. 4 (рукоп. Имп. публ. библ.).

(168) Рукописная родос. книга въ Московс. арх. мин. юстиціи.

(169) Собр. госуд. гр. и догов., т. I, № 203.

братьями Фридрихомъ и Янушемъ, и двоюроднымъ — Өедоромъ, составляютъ формальный договоръ относительно тѣхъ-же имѣній, что еслибы кто нибудь изъ нихъ не имѣлъ потомства, то не долженъ отчуждать своей доли, чтобы родъ ихъ не могъ обѣднѣть, дочерямъ-же приданое должны выплачивать наслѣдники мужескаго колѣна. Уговоръ этотъ распространялся и на тѣ имѣнія, которыя ихъ фамиліею утрачены въ Смоленской землѣ, но которыя могутъ вернуться впослѣдствіи при ихъ потомкахъ (см. прил. 31). Въ актахъ вел. княж. Литовскаго подъ 1598 г., записана тяжба князя Богдана съ плебаномъ слонимскаго костела, о земляхъ принадлежащихъ послѣднему, но присвоенныхъ себѣ княземъ Богданомъ, причемъ тяжба рѣшена въ пользу костела ([170]). Въ 1602 г. назначается подсудкомъ волковыскаго суда ([171]). Въ 1605 г. совершаетъ раздѣлъ своихъ имѣній съ братьями ([172]). Въ 1625 г. назначается судьею волковыскаго суда ([173]).

88. **Фридрихъ Михайловичъ.**

Совладѣлецъ имѣній Олтупово и Подмеречъ. Въ 1577 г. заключаетъ договоръ съ братьями, о неотчужденіи этихъ имѣній (см. выше). Въ актахъ великого княжества Литовскаго подъ 1589 г., записано заявленіе

---

(170) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 73, л. 369).

(171) См. прил. 32.

(172) См. прил. 34.

(173) См. прил. 33.

его о пожарѣ, происшедшемъ въ Олтуповѣ 22-го января того-же года, причемъ сгорѣли слѣдующіе документы: 1) Привиллегія короля Стефана на село Кокошки и Шепетовичи въ Слонимскомъ повѣтѣ ([174]), 2) привиллегія на Олтуповское имѣніе и 3) продажная запись отца его и дяди Петра на имѣнія Фастовцы и Бовбли въ Браславскомъ повѣтѣ, проданныя нѣкоему Ходорощовскому, но еще послѣднимъ не оплаченныя ([175]). Въ 1599 г. назначенъ судьею трокскаго суда ([176]). Въ 1605 г. совершаетъ съ братьями раздѣлъ имѣній ([172]). Былъ женатъ два раза: первый—на вдовѣ Гродецкаго Ганнѣ Радиминской, второй—на Екатеринѣ Петровнѣ Нарбутъ ([177]).

89. Янушъ Михайловичъ.

Совладѣлецъ имѣній Олтупова и Подмеречъ. Въ 1572 г. названъ судьею Волковыскаго суда ([178]). Въ 1577 году заключаетъ договоръ съ братьями о неотчужденіи упомянутыхъ имѣній (см. выше). Въ 1605 года совершаетъ съ братьями раздѣлъ имѣній ([172]). Въ 1643 г. оставляетъ духовное завѣщаніе (см. прил. 41).

90. Раина Михайловна.

1589 г. Замужемъ за Хибицкимъ ([179]).

(174) См. прил. 36.

(175) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 65, л. 724).

(176) См. прил. 35.

(177) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 65, л. 724; Кн. Записей № 86, л. 150.

(178) См. прил. 29.

(179) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ. № 95, л 724).

У князя Петра Богушевича (№ 55):

91. **Янушъ Петровичъ.**

Въ актахъ вел. княж. Литовскаго подъ 1581 г., записанъ вызовъ его въ судъ, по жалобѣ нѣкоего Гивейны, что въ бытность послѣдняго въ походѣ подъ Великими Луками въ 1580 г., князь Янушъ наѣхавши на усадьбу его въ Минскомъ повѣтѣ,—«жену его вѣнчальную со всею маетностью взявшы, до имѣнія своего Олтуповскаго выпровадилъ» ([180]).

92. **Ѳедоръ Петровичъ.**

Въ 1577 г. вступаетъ въ договоръ съ двоюродными братьями своими Богданомъ, Фридрихомъ и Янушемъ Михайловичами (см. № 87), о неотчужденіи изъ ихъ рода имѣній Олтупова и Подмеречъ.

У князя Юрія Андреевича (№ 58):

93. **Богдана-Анна Юрьевна.**

Замужемъ за Николаемъ Сапѣгой старостой острынскимъ, владѣтелемъ имѣнія Черлоны, гдѣ и схоронена вмѣстѣ съ своимъ мужемъ ([181]). Была послѣднею представительницею одной изъ вѣтвей Мосальскихъ-Друйскихъ и, по всей вѣроятности, съ княжной Богданой перешла въ родъ Сапѣговъ и часть имѣнія Друи.

---

(180) Тамъ же (Кн. Записей № 68, л. 66; Кн. судн. дѣлъ № 60, л. 212).

(181) Когновицкій: Zycie Sapiehow т. I, 251; также—«Żywot Lwa Sapiehy»—Les Sapieha étude genéalogique (рук. Имп. публ. библ.).

У князя Николая Васильевича (№ 61):

94. Казимиръ-Янъ.

Его духовное завѣщаніе (см. прил. 53).

У князя Владиміра Васильевича (№ 63):

95. Иванъ Владиміровичъ.

Въ 1598 г. упоминается въ актѣ избранія на царство Бориса Годунова ([182]). Въ томъ-же году показанъ воеводой въ Тарѣ (въ Сибири), гдѣ наноситъ пораженіе хану Кучуму (см. гл. II, стр. 111), за что въ награду получаетъ золотой ([183]). Въ 1606 г. участвуетъ въ качествѣ рынды въ церемоніалѣ свадьбы Лжедимитрія ([184]). Въ 1610 г. вмѣстѣ съ другими Мосальскими, получаетъ отъ короля Сигизмунда грамоту на владѣніе г. Мосальскомъ съ волостями (см. гл. III, стр. 239). Въ 1611 г. показанъ въ стольникахъ въ Сибири ([185]).

96. Андрей Владиміровичъ.

Въ 1606 г. участвуетъ въ качествѣ рынды въ церемоніалѣ свадьбы Лжедимитрія ([184]).

97. Григорій Владиміровичъ.

Въ 1611 г. показанъ въ стольникахъ ([185]).

---

(182) Акты археогр. экспед., т. II, № 7.

(183) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ, кн. 4 (рукоп. публ. библ.).

(184) Комаровъ: Опис. 13-ти свадебъ; также Древн. рос. вивл., ч. XIII, 116.

(185) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ, кн. 4 (рукоп. публ. библ.).

У князя Өедора Ивановича (№ 67):

98. Василій Өедоровичъ.

Въ 1606 г. участвуетъ въ церемоніалѣ свадьбы Лжедимитрія—«ходилъ звать пословъ за столъ» ([184]). Въ 1607—1609 г. предводительствуетъ русскими правительственными войсками, дѣйствовавшими противъ поляковъ и шаекъ самозванцевъ (см. гл. Ш). Въ 1610г. пожалованъ въ окольничіе ([186]); въ томъ-же году получаетъ съ братомъ Андреемъ помѣстье въ Муромскомъ уѣздѣ, отъ короля Сигизмунда ([187]), и грамоту на владѣніе обще съ другими князьями Мосальскими городомъ Мосальскомъ съ волостями (см. гл. Ш, стр. 239). Въ 1610—1611 г. предводительствуетъ войсками и ополченіями, дѣйствовавшими противъ поляковъ, для освобожденія Москвы (см. гл. Ш). Въ 1612 году убитъ при освобожденіи послѣдней ([188]).

99. Андрей Өедоровичъ.

Прозваніемъ «*Кукорека*». Въ 1606 г. участвуетъ въ церемоніалѣ свадьбы Лжедмитрія ([184]). Въ 1609 года состоитъ въ числѣ сообщниковъ «тушинскаго вора» (см. гл. III). Въ 1610 года ѣздилъ съ грамотами, изъ Москвы подъ Смоленскъ, къ королю Сигизмунду, назначенъ королемъ въ должность «крайчаго съ пу-

---

(186) Древн. рос. вивл., ч. XX (Послужной списокъ стар. бояръ).

(187)—«Въ Стародубѣ Вотцкомъ, князя Ивановское помѣстье Шуйскаго село Вачу съ деревнями и приселки, а въ немъ всего 1900 четвертей» (Акты относ. къ ист. зап. Рос., т. 4, № 183).

4

темъ» ([188]), получаетъ отъ него-же помѣстье въ Муромскомъ уѣздѣ, вмѣстѣ съ братомъ Василіемъ ([187]) и грамоту вмѣстѣ съ прочими князями Мосальскими на владѣніе городомъ Мосальскомъ съ волостями (см. гл. III). Въ 1611 г. показанъ въ Московскихъ дворянахъ ([185]). Въ 1624 г. стольникъ и воевода Сторожеваго полка на Крапивнѣ и въ томъ-же году отпущенъ къ Москвѣ ([190]). Въ 1625 г. участвуетъ въ церемоніалѣ первой свадьбы царя Михаила Ѳедоровича, — показанъ въ числѣ поѣзжанъ ([191]); въ томъ-же году апр. 18-го былъ на службѣ за царскимъ столомъ — «смотрѣлъ въ кривой столъ» ([192]); мая 17-го былъ на службѣ при церемоніальномъ отпускѣ персидскихъ пословъ — «сидѣлъ въ золотѣ» ([193]). Подъ 1626, 1627 г. упоминаются принадлежащія ему пустопорожнія земли въ Москвѣ ([194]). Въ 1627 г. марта 18-го и апр. 25-го былъ на службѣ у царскаго стола ([195]). Въ 1628 г. марта 6-го, 25-го, апр. 13-го,

(188) Собр. госуд. грам. и догов., т. II, № 218. Акты относ. къ ист. зап. Рос., т. 4, № 183.

(190) Дворцовые розряды, т. I, 1008; — здѣсь помѣщенъ наказъ ему. Также Моск. арх. мин. юст. (Кн. Моск. стола № 13, л. 13, 16, 23, 25, 74; № 14, л. 1; № 16, л. 2).

(191) Древн. рос. вивл., ч. XIII, 139. Дворц. розр. т. I, 635. Комаровъ: Опис. 13-ти свадебъ.

(192) Дворц. розр., т. I. 677.

(193) Дворц. розр., т. I, 685. Московс. арх. мин. юст. (Кн. Моск. стола № 15, л. 32).

(194) Опис. докум. и бумагъ Моск. арх. мин. юст., т. I, № 1312.

(195) Дворц. розр., т. I, 905, 914. — «У стола были дворяне, которые нынѣ на праздникъ на Свѣтлое Воскресенье Государю челомъ ударили въ комнатѣ» (Моск. арх. мин. юст.: Кн. Моск. стола, № 11, л. 142—144).

20 го, мая 1-го, 9-го, 31-го, іюня 1-го, 7-го, іюля 12-го — упоминается въ разныхъ мѣстахъ: въ Москвѣ, на Угрѣшѣ, въ селѣ Воздвиженскомъ, въ монастырѣ Троицы-Сергія, въ селѣ Тонинскомъ, на службахъ за царскимъ-же столомъ (196); въ томъ-же году сент. 14-го былъ на службѣ при аудіенціи персидскимъ посламъ, а дек. 25-го—при царскомъ столѣ (197). Въ 1629 г. на тѣхъ-же службахъ у царскаго стола былъ марта 1-го, 12-го, 22-го, 25-го, апр. 5-го, мая 5-го; марта 29-го былъ на той-же службѣ при столѣ у патріарха Ѳиларета Никитича; мая 8-го—во время молебнаго похода къ Николѣ на Угрѣшу и мая 9-го въ монастырѣ Угрѣшскомъ; іюля 12-го за царскими имянинами, іюля 28-го въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и авг. 6-го въ столовой избѣ (198); іюня 27-го сопровождалъ Государя «въ троицкомъ вешнемъ походѣ какъ ходилъ молиться по обѣщанію» и былъ на службѣ у стола на послѣднемъ стану передъ Троицей (199). Въ 1630 г. съ мая мѣсяца воеводой въ Путивлѣ (200), а февр. 21-го упоминается участникомъ церемоніальной аудіенціи шведскому послу (201). Въ 1631 г. показанъ опять воеводой въ

(196) Дворц. розр. т. I, 982, 999, 1003, 1005, 1009, 1013, 1019, 1020, 1022.
(197) Дворц. розр. т. II, 18, 23.
(198) Дворц. розр. т. II. 39, 41, 53, 55, 58, 59, 65, 67, 68, 78, 81, 83.
(199) Моск. арх. мин. юст. (Кн. Моск. стола № 11, л. 256).
(200) Временникъ общ. ист. и древн., кн. IV, 33.
(201) Дворц. розр. т. II, 841.

*

Путивлѣ ([202]), гдѣ разбиралъ дѣтей боярскихъ ([203]). Въ 1633 г. отражаетъ польскій отрядъ изъ подъ Путивля, во время войны 1632—1634 г. и получаетъ награду (см. гл. III, стр. 231). Въ 1634 г. сент. 23-го участвовалъ въ аудіенціи турецкому послу—производилъ церемонію «первой меньшей встрѣчи» ([204]). Въ 1635 г. іюля 25-го пожалованъ въ окольничіе, — «а сказывалъ окольничество думный розрядный дьякъ И. Гавреневъ» ([205]); въ тотъ-же день упоминается у стола Государева — «ѣли у государя святѣйшій Іоасафъ патріархъ московскій и всея Руси» ([206]), а дек. 21-го—за столомъ при обѣдѣ у патріарха ([207]). Въ 1636 г. былъ «судьею» въ Пушкарскомъ приказѣ ([208]); въ томъ-же году марта 17-го, апр. 10 го, сент. 24-го, нояб. 21-го и 27-го упоминается у царскаго стола, а дек. 21-го у стола святѣйшаго патріарха ([209]). Въ 1637 г. находился въ Пушкарскомъ приказѣ ([210]); янв. 30-го участвовалъ въ пріемѣ литовскаго гонца ([211]); марта 25-го и 28-го

(202) Тамъ же т. II, 235.

(203) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ (рукоп. Имп. публ. библ.).

(204) Дворц. розр. т. II, 409.

(205) Тамъ же т. II, 472.

(206) Тамъ же.

(207) Дворц. розр. т. II, 488.

(208) См. двѣ «памяти» ему, изд. въ Акт. археогр. эксп., т. III, №№ 260 и 261.

(209) Дворц. розр. т. II, 502, 506, 523, 526, 527.

(210) Акты арх. эксп. т. III, № 270.

(211) Дворц. розр. т. II, 869.

былъ у государева стола, а авг. 15-го и дек. 21-го — у стола святѣйшаго патріарха ([212]). Въ 1638 г. былъ въ Пушкарскомъ приказѣ ([213]); іюня 6-го ѣздилъ «въ троицкій походъ съ государемъ для становъ» ([214]); янв. 6-го, марта 27-го, апр. 23-го, іюля 12-го и 28 го былъ у государева стола, а марта 18-го и дек. 21-го у стола святѣйшаго патріарха ([215]). Въ 1639 г. былъ въ Пушкарскомъ приказѣ ([216]); участвовалъ въ церемоніи погребенія усопшаго царевича Ивана Михайловича ([217]). Въ томъ же году назначенъ воеводой на Тулу, но не былъ «за болѣзнью» ([218]); нояб. 21-го упоминается за царскимъ столомъ ([219]). Въ 1640 г. былъ воеводой на

---

(212) Тамъ же т. II, 534, 542, 543, 544. 559.

(213) Тамъ же т. II, 571.

(214) Тамъ же т. II, 579.

(215) Тамъ же т. II, 560, 564, 565, 570, 582, 538, 594.

(216) Дворц. розр. т. II. 595. Акты арх. эксп. т. III, № 291. См. «память» ему о мощеніи улицъ (Акты юрид. № 347).

(217) 147 г. генв. съ 9-го числа волею божіею государя цесаревича князя Ивана Михайловича не стало, а тѣло его государево погребено въ соборной церкви архистр. Михаила генваря въ 10 день. Генваря въ 15 день у гроба дневали и ночевали: бояринъ И. Шереметевъ, окольничій князь А. Ѳ. Мосальскій-Литвиновъ и др. Генв. въ 18 день—бояринъ М. Годуновъ и князь А. Ѳ. Мосальскій-Литвиновъ. Февр. въ 4 день—онъ-же Мосальскій и др. (Дворц. розр. т, II, 935, 936, 942).

(218) Моск. арх. мин. юст. (Кн. Мос. стола № 14, л. 27). Дворц. розр. т. II, 604, 606.

(219) «У стола были бояре: И. Морозовъ, Б. Салтыковъ, окольничій князь Андрей Ѳедоровичъ Мосальскій-Литвиновъ, казначей И. Волынскій. А сидѣлъ казначей въ лавкѣ подъ бояры, а окольничей въ скамьѣ; а послѣ стола къ чашѣ ходилъ казначей послѣ окольничаго». (Дворц. розр. т. II, 620).

Тулѣ, а въ декабрѣ—во время молебнаго государя похода во Владиміръ и Вязники, оставался съ нѣкоторыми боярами для завѣдыванія дѣлами въ Москвѣ ([220]); февр. 12-го и окт. 1-го, того-же года, упоминается у государева стола ([221]). Въ 1641 г. въ сентябрѣ во время путешествія государя къ Троицѣ-Сергію, оставленъ былъ опять завѣдывать дѣлами на Москвѣ ([222]); въ томъ-же году былъ въ Пушкарскомъ приказѣ ([223]), а окт. 26-го упоминается за царскимъ столомъ ([224]). Въ 1642 г. въ іюлѣ оставался съ другими боярами завѣдывать Москвой, во время пути государя въ село Коломенское ([225]); марта 27-го участвовалъ въ торжественной церемоніи «шествія на осляти» новопоставленнаго патріарха Іосифа ([226]); марта

---

(220) Дворц. разр. т. II, 625, 616.

(221) Тамъ же т. II, 623, 645.

(222) Тамъ же т. II, 671.

(223) Акты арх. эксп. т. III, № 304. Акты отн. до юрид. быта—Калачева, т. II, № 233.

(224) Дворц. розр. т. II, 672.

(225) Тамъ же т. II, 686.

(226) Обрядъ совершавшійся при постановленіи новаго патріарха. «Лѣта 7150 марта въ 27 день посвященъ бысть патріархъ Іосифъ (въ Успенс. соборѣ), а по отпѣтіи литургіи государь отходитъ изъ церкви въ свои царскія палаты, а патріархъ на патріаршій дворъ въ крестовую палату и дожидаются царскаго стола. И по времени приходитъ по нихъ государской зватой окольничій князь Андрей Өедоровичъ Мосальскій, зовуще ихъ къ государскому столу. А бояре были у государя у стола: И. Шереметевъ. . . князь Андрей Өедоровичъ Мосальскій и др. А на завтрѣ патріархъ слушалъ обѣдни, а послѣ обѣдни сядѣ на осля и поѣхалъ съ патріарша двора, а велъ подъ патріархомъ осля за конецъ повода бояринъ Шереметевъ, а посреди повода велъ окольничій князь

17-го и 27-го упоминается за царскимъ столомъ у Государя, а апр. 3-го и авг. 15-го за столомъ у патріарха ([227]). Въ 1643 г. былъ въ Пушкарскомъ приказѣ ([228]); въ сентябрѣ ѣздилъ на Валуйку—«для розмѣны съ крымскими послы» ([229]); въ іюнѣ и іюлѣ участвовалъ въ пріемѣ и отпускѣ датскаго гонца — «объявлялъ гонца» Марселиса, а въ августѣ—въ пріемѣ гонцовъ голштинскаго и персидскаго ([230]); апр. 2-го, іюля 12-го упоминается у государева стола, а дек. 21-го—у стола патріаршаго ([231]). Въ 1644 г. участвовалъ въ пріемѣ и отпускѣ датскаго посла — «объявлялъ посла государю»; апр. 4-го и дек. 21-го упоминается у патріаршаго стола ([232]). Въ 1645 г. былъ походнымъ воеводой по Тулѣ и билъ челомъ въ отечествѣ на Прозоровскаго ([233]); въ томъ-же году былъ въ Пушкарскомъ приказѣ ([234]) и принималъ участіе въ переговорахъ бояръ съ турецкимъ посломъ ([235]); названъ

Андрей Өедоровичъ Литвиновъ-Мосальскій, а у губы осля съ правую сторону велъ его патріаршъ бояринъ В. Яновъ, а съ другую сторону за узду велъ осля стремянной конюхъ». (Чинъ патріарша кругъ города на осляти шествія»— Древн. рос. вивл., 1773 г., ч. I, 281. Дворц. розр. т. II, 676).

(227) Дворц. розр. т. II, 674, 676, 677, 686.

(228) Акты археогр. эксп. т. III, № 321. Акты ист. т. III, № 224.

(229) Дворц. розр т. II, 711.

(230) Тамъ же т. II, 703, 704, 705.

(231) Тамъ же т. II, 698, 704, 716.

(232) Тамъ же т. II, 719, 720, 733, 746.

(233) Тамъ же т. III, 23, 24.

(234) Акты археогр. эксп., т. III, № 324.

(235) Повседневныя дворц. записки, 1769 г. т. I, 263.

намѣстникъ Ржевскій ([236]). Въ 1646—1649 г. былъ воеводой въ Астрахани ([237]). Въ 1652 г. двукратно оставался въ Москвѣ, для завѣдыванія дѣлами съ Куракинымъ, во время путешествій государя въ село Покровское ([238]). Въ 1654 г. ѣздилъ передъ государемъ въ Вязьму; генв. 6 го и мая 7-го упоминается у государева стола и въ томъ-же году участвовалъ въ литовскомъ походѣ, въ которомъ былъ воеводой въ Большомъ полку ([239]). Въ 1655 г. сопровождалъ государя въ Смоленскъ ([240]). Въ 1657 г. нояб. 27-го былъ у государева стола—«а послѣ стола жаловалъ государь боярина князь С. Прозоровскаго да окольничаго князь Андрея Ѳедоровича Литвинова-Мосальскаго шубами и кубками и къ старымъ ихъ окладамъ придачами, за ихъ службы, что они были въ прошломъ во 162 году на его государевѣ службѣ въ литовскомъ походѣ въ Большомъ полку въ товарищѣхъ съ бояриномъ и воеводой съ князь Як. Черкасскимъ» ([241]). Въ 1658 г. оставался въ Москвѣ завѣдывать дѣлами, во время путешествія Государя къ Троицѣ-Сергію ([242]). Въ 1664 г. умеръ ([243]).

---

(236) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ (рукоп. Имп. публ. библ.).
(237) Дворц. розр. т. III, 46, 49, 103. Акты ист. т. 4, № 18.
(238) Дворц. розр. т. III, 332, 333.
(239) Тамъ же т. III, 391, 409, 412, 419.
(240) Тамъ же т. III, 462, 473.
(241) Тамъ же т. III, дополн. 112.
(242) Тамъ же т. III, дополн. 149
(243) Древн. рос. бивл., ч XX (Послужной списокъ стар. ин. бояръ).

У князя Өедора Ивановича (№ 68).

100. Александръ Өедоровичъ.

Въ 1584 г. находился въ составѣ посольства, ѣздившаго въ Москву съ Львомъ Сапѣгой (244). Въ 1606 г. былъ въ составѣ посольства отъ Сигизмунда къ Лжедимитрію (см. гл. Ш, стр. 141). Въ 1613 г. состоялъ депутатомъ въ главномъ литовскомъ трибуналѣ. Былъ женатъ на Еввѣ Курцевичовнѣ Булыжанкѣ, которой записалъ на своемъ наслѣдственномъ отъ отца имѣніи Олекшицахъ—15000 злотыхъ. Умеръ въ 1614 г. (245).

(244) «Żywot Lwa Sapiehy» (изъ соч. «Zycia Sapiehow» изд. Туровскимъ).

(245) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 83, л. 360).

До нашего времени дошла погребальная проповѣдь, говоренная на его похоронахъ, въ виленскомъ костелѣ, проповѣдникомъ Андреемъ Гронскимъ, въ 1614 г.—«Kazanie na pogrzebie slawnej pamieci pana kniazia Alexandra Masalskiego, marszalkowicza grodzinskiego», напечат. въ Гроднѣ въ 1614 году. Проповѣдь эта, представляющая наборъ фразъ, имѣетъ въ историческомъ отношеніи мало значенія. Въ третьей части, ея Гронскій распространяется о родѣ князей Мосальскихъ вообще и о князѣ Александрѣ въ частности; онъ говоритъ напр., что фамилія Мосальскихъ занимаетъ среди другихъ знаменитыхъ литовскихъ родовъ если не равное имъ, то во всякомъ случаѣ и не послѣднее мѣсто. Далѣе утверждаетъ, что древній родъ Мосальскихъ происходитъ отъ прежнихъ русскихъ князей Сѣверской земли, владѣвшихъ всегда самостоятельными удѣлами и носившихъ титулы своихъ княжествъ, но что врагъ завладѣлъ упомянутою землею. И въ этомъ случаѣ, когда врагъ захватилъ ихъ удѣльное княжество—«предки Мосальскихъ оставили своимъ потомкамъ безсмертную славу, такъ какъ ни ласкательствами, ни обѣщаніями, ни возвращеніемъ захваченнаго княжества, не дали врагу уговорить себя, дабы покинувъ своего прирожденнаго господина (!?) остались при немъ, но предпочли лучше покинуть свое удѣльное княжество и всѣ достатки княжескаго дома, чемъ въ чемъ нибудь нарушить разъ обѣщанную предъ Богомъ вѣрность го-

101. Андрей Өедоровичъ.

Въ 1618 г. за военныя и гражданскія службы назначается маршаломъ гродненскимъ ([246]). Въ 1621 г.

сподину» (!). Объ Александрѣ Мосальскомъ Гронскій разсказываетъ слѣдующее: «Съ молодыхъ лѣтъ упражняясь въ свободныхъ наукахъ, онъ обогащалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свое сердце божественными добродѣтелями. Потомъ не оставаясь дома, но находясь при знаменитыхъ фамиліяхъ, пріобрѣталъ знаніе и опытъ въ текущихъ дѣлахъ и обычаи человѣка знатнаго и благороднаго рода. Затѣмъ поѣхалъ въ посольствѣ при Львѣ Сапѣгѣ, канцлерѣ вел. княж. Литовскаго, въ Москву, въ качествѣ дворянина его королевскаго величества и въ этомъ случаѣ, ради услуги отечеству, не жалѣлъ здоровья, труда и расходовъ. Возвратясь оттуда женился, взявъ жену изъ дома равно достойнаго и древняго, предки котораго также происходили отъ прежнихъ древнихъ князей. Живя въ супружествѣ согласно волѣ Божіей и достоинству своего дома и фамиліи, онъ не думалъ однако настолько погрузиться въ свои житейскія домашнія дѣла, чтобы по примѣру другихъ отказавшись отъ услугъ отечеству и республикѣ и отъ снисканія себѣ безсмертной славы, заняться лишь своими временными выгодами, но напротивъ постоянно и зорко слѣдилъ, чтобы всегда и на всякомъ поприщѣ, гдѣ бы только не представлялся случай оказать услугу республикѣ, не жалѣть ни издержекъ, ни трудовъ своихъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ прошломъ 1613 г. весь здѣшній гродненскій уѣздъ, находя въ князѣ Александрѣ великія дарованія, проницательность, умъ и почти государственную (prawie panska) способность къ исправленію важныхъ дѣлъ, по общему и единодушному желанію избралъ его депутатомъ и судьею въ главный трибуналъ вел. княж. Литовскаго. Но если это покажется недостаточнымъ, то я приведу еще фактъ, гораздо болѣе знаменательный: не только одинъ упомянутый уѣздъ нашелъ въ князѣ Александрѣ такую способность и проницательность къ исправленію дѣлъ, но когда въ главный трибуналъ съѣхались депутаты изъ уѣздовъ вел. княж. Литовскаго, то и они усмотрѣвъ въ князѣ дарованія и способности, добровольно поручили ему маршальскій жезлъ (т. е. выбрали маршаломъ, предсѣдателемъ) и управленіе всего трибунала вел. княж. Литовскаго». Кромѣ этого изъ рѣчи видно, что Александръ Мосальскій оставилъ послѣ себя преклоннаго отца, нѣсколько братьевъ и сестеръ, жену и малолѣтняго ребенка.

(246) См. прил. 48.

вмѣстѣ съ братомъ Григоріемъ (№ 102), тягается съ вдовой умершаго брата Александра (№ 100) ([247]). Въ 1627 г. назначенъ кастеляномъ брестскимъ ([248]). Въ 1628 г. подписываетъ въ числѣ прочихъ инструкцію посламъ на сеймъ ([249]). Въ 1632 г. присутствуетъ на присягѣ вновь избраннаго короля Владислава ([250]). Въ 1633 г. получаетъ привиллегію на имѣнія въ Стародубовскомъ повѣтѣ ([251]). Въ 1635 г. упоминается какъ совладѣлецъ Олекшицъ и владѣтель имѣній Вейсеи и Черніе ([252]). Въ 1645 г. назначенъ воеводой брестскимъ ([253]). Въ 1648 г. участвуетъ въ избраніи ко-

(247) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 83, л. 360).

(248) Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 102, л. 32). Нѣсецкій: Herbarz polski, т. I, 279.

(249) Акты издан. коммисіей для разбора древн. ак. въ Вильнѣ, т. I, ст. 175.

(250) Volumina legum, т. III, 367.

(251) См. гл. III, стр. 156.

(252) Меморіалъ епископа Мосальскаго, 1774 г.

(253) Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 114, л. 742); по Нѣсецкому (Herbarz polski, т. I, 211) былъ воеводой съ 1645—1648.

Быть можетъ онъ-же былъ, или покрайней мѣрѣ назначался, въ 1643 г. и воеводой Минскимъ, такъ какъ сохранилось слѣдующее (въ переводѣ) письмо князя Андрея къ королю писанное изъ Вейсей въ упомянутомъ году:

Всепресвѣтлѣйшій король и милостивый мой господинъ!

Получивъ извѣстіе отъ станиславовскаго старосты, что ваше королевское величество пожаловали мнѣ, вѣрному подданному и наинизшему слугѣ вашему воеводство Минское, спѣшу покорнѣйше поблагодарить ваше королевское величество, за оказанную мнѣ милость. Я съ дѣтьми моими буду усердно просить Господа Бога, чтобы онъ даровалъ вашему королевскому величеству здоровье и долголѣтнее царствованіе, а также и ея милости королевѣ и благочестивому потомству вашего величества. Представляю затѣмъ свои вѣрноподданническія услуги вашему королевскому величеству. Въ Вейсеяхъ 15-го марта

ролемъ Янъ-Казимира ([254]); въ томъ же году упоминается въ актахъ по поводу бѣгства его челядинца, увезшаго съ собой 30000 злотыхъ ([255]). Въ 1659 г. упоминается уже какъ умершій. Былъ женатъ два раза: первая жена неизвѣстна, вторую звали Христина Тишкевичъ ([256]).

102. Григорій Ѳедоровичъ.

Въ 1605 г. получаетъ въ пожизненное владѣніе, передачею отъ отца, 26 влокъ земли въ лѣсничествѣ Немоноитскомъ ([257]). Въ 1621 г. названъ державцей Скирштумонскимъ ([258]); въ томъ же году вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ, тягается съ вдовой умершаго брата Александра ([259]). Въ 1627 г. совладѣлецъ имѣнія Олекшицы, названъ подкоморіемъ гродненскимъ ([260]). Въ 1628 г. подписываетъ въ числѣ прочихъ инструкцію посламъ на сеймъ ([261]). Въ 1632 г. посолъ на главную варшавскую конвокацію ([262]). Въ 1634 г. посолъ

1643 года. Вашего королевскаго величества наинизшій слуга и вѣрный подданный Андрей Мосальскій». (Рукописи Виленской публ. библіотеки).

Однако объ этомъ назначеніи нигдѣ болѣе указаній не встрѣчается, равно какъ и у Нѣсецкаго (Herbarz polski).

(254) Volumina legum, т. IV, 113.

(255) Акты отос. къ ю. и зап. Россіи, т. III, № 171.

(256) Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 133, актъ № 45).

(257) Тамъ же (Кн. Записей № 85, л. 318).

(258) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 83, л. 360).

(259) Тамъ же.

(260) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 93, л. 35).

(261) Акты издан. комис. для разб. древн. ак. въ Вильнѣ, т. I, стр. 175.

(262) Volumina legum, т. III, 345—352.

отъ брестскаго воеводства на конвокацію въ Вильнѣ ([263]). Въ 1646 г. повидимому уже умеръ. Былъ женатъ на Христинѣ Вноровской, за которою показаны во владѣніи имѣнія: Бростовицы, Массаляны и Новый Дворъ въ Олекшицахъ (Гродн. повѣта) ([264]). Въ 1653 г. жена его также упоминается какъ умершая ([265]).

103. Софія Өедоровна.

1617 г. замужемъ за Скиндеромъ ([266]). Въ 1620 г. судится съ Михаловскимъ, за разбой учиненый послѣднимъ ([267]).

104. Марина Өедоровна.

1617 г. замужемъ за Юндзиломъ ([268]).

У князя Даніила Александровича (№ 77):

105. Иванъ Даниловичъ.

Въ 1598 г. принималъ участіе въ соборѣ по избранію Бориса Годунова ([269]). Въ 1615 и 1618 г. воевода въ Серпуховѣ ([270]). Въ 1619 и 1620 г. воевода тамъ-

(263) Акты изд. комис. для разбора древн. акт. въ Вильнѣ, т II, стр. 167, 169.

(264) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 118, л. 15; № 117, л. 151).

(265) Тамъ же (Кн. судн. дѣлъ № 130, л. 270).

(266) См. прил. 45.

(267) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 83, актъ № 286).

(268) См. прил. 45.

(269) Акты археогр. эксп., т. II, № 7.

(270) Временникъ общ. ист. и древн. 1849 г. кн. I (Розряды). Моск. арх. мин. юст. (Кн. Моск. стола № 7, л. 251).

же и въ 1621 г. отозванъ къ Москвѣ ([271]). Въ 1626 г. марта 5-го, іюля 28-го, сент. 24-го и 29-го упоминается у государева стола, въ числѣ дворянъ ([272]). Въ 1627 г. сент. 24-го, во время пути къ Троицѣ-Сергію, также ([273]).

У князя Өедора Александровича (№ 79):

106. Василій Өедоровичъ.

1606 г. участвуетъ въ церемоніалѣ свадьбы самозванца (см. гл. III, стр. 187).

У князя Михаила Александровича (№ 80):

107. Василій Михайловичъ.

Прозваніемъ «*Рубецъ*». Въ 1598 и 1599 г. показанъ въ Черниговѣ письменнымъ головою ([274]). Въ 1601 г. основываетъ въ Сибири «городъ» Мангазею (см. гл. III, стр. 227). Въ 1604 г. сдаетъ самозванцу Путивль и спасаетъ Лжедимитрія въ битвѣ при Добрыничахъ; въ 1605 г. участвуетъ въ убійствѣ Годуновыхъ и ссылкѣ патріарха Іова, привозитъ къ самозванцу царицу ино-

(271) Дворц. розр. т. I, 421, 458. Розр. кн. изд. по оф. списку т. I, 719. Моск. арх. мин. юст. (Кн. Моск. ст. № 7, л. 251).

(272) Дворц. розр. т. I, 790, 829, 858, 860.

(273) Моск. ахр. мин. юст. (Кн. Моск. стола, № 11, 117).

(274) Временникъ общ. ист. и древн., кн. XIV (Счетное дѣло Пушкина съ Плещеевымъ, 46). Дворц. розр. т. I, 585. Симбирск. сборн. (Розряды).

киню Марѳу. Въ 1606 г. отправленъ самозванцемъ въ Польшу, встрѣчать Марину Мнишекъ; участвуетъ въ свадьбѣ самозванца; бояринъ, дворецкій и членъ совѣта при Лжедимитріѣ; послѣ гибели послѣдняго сосланъ на воеводство въ Корелу. Въ 1608 г. переходитъ на сторону тушинскаго вора. Въ 1610 г. ѣдетъ въ составѣ посольства подъ Смоленскъ — звать Владислава на царство и затѣмъ участвуетъ въ призывѣ Сигизмунда въ Москву; членъ думы въ Москвѣ, по занятіи ея Гонсѣвскимъ. Въ томъ же году получаетъ отъ Сигизмунда земли. Въ 1612 г. умеръ; его синодикъ ([275]).

У князя Даніила Ивановича (№ 81):

108. **Иванъ Даниловичъ**.

Прозваніемъ «*Хромой*». Въ 1598 г. принимаетъ участіе въ соборѣ по избранію на царство Бориса Годунова ([269]). Въ 1606 г. участвуетъ въ свадьбѣ самозванца, въ 1607 г. предводительствуетъ мятежниками, но разбитъ и взятъ въ плѣнъ (см. гл. III). Въ 1614 и 1615 гг. воевода въ Серпуховѣ ([276]). Въ 1627 г. показанъ въ дворянахъ Московскихъ ([277]) и въ томъ-же году умеръ ([278]).

(275) См. гл. III, стр. 226.

(276) Дворц. розр. т. I, 145. Чтенія въ общ. ист. и древн., 1846 г. (О сторожевой службѣ на Украинѣ, приложенія).

(277) Моск. арх. мин. юст. (Боярскія книги 1627 г., № 1).

(278) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ, Кн. IV (Рукоп. Публ. библ.).

У князя Льва Ивановича (№ 82):

109. Василій Львовичъ.

110. Иванъ Львовичъ.

Въ 1598 г. принималъ участіе въ соборѣ по избранію на царство Бориса Годунова ([269]). Въ 1607 г. находится на сторонѣ поляковъ, но приноситъ повинную (см. гл. III, стр. 198). Въ 1615—1618 г. воевода въ Серпуховѣ ([279]). Въ 1619 и 1620 г. воевода въ Коширѣ и отозванъ къ Москвѣ ([280]). Въ 1623—1625 г. воевода на Курмышѣ и отозванъ къ Москвѣ ([281]). Въ 1627 г. іюля 12-го, авг. 6-го и 1628 г. іюля 12-го —упоминается въ дворянахъ у государева стола ([282]). Въ 1631 и 1633 гг. показанъ воеводой въ Галичѣ ([283]). Его синодикъ (см. гл. III, стр. 247).

У князя Владиміра Ивановичи (83).

111. Петръ Владиміровичъ.

Въ 1610 г. упоминается по случаю захвата имъ сель-

(279) Дворц. розр. т. I, 190, 213, 266, 267, 346. Временникъ общ. ист. и древн. 1849 г. Кн. 3 (Разряды). Моск. арх. мин. юст. (Кн. моск. стола № 5, л. 136, 141, 425; № 6, л. 146, 294).

(280) Дворц. розр. т. I, 419, 457. Моск. арх. мин. юст. (Кн. моск. ст. № 7, л. 237; № 8, л. 165; № 9, л. 95).

(281) Дворц. розр. т. I, 1035, 1147. Розр. кн. по оффиц. сп., т. I, 927. Моск. арх. мин. юст. (Кн. моск. стола № 15, л. 298).

(282) Дворц. розр. т. I, 928, 934, 1024. Въ боярскихъ книгахъ (арх. мин. юст.) ему показанъ окладъ: «Въ Володимерской чети 50 рублевъ».

(283) Розр. кн. по оффиц. спис. т. II, 351, 740. Временникъ общ. ист. и древн. 1849 г. Кн. IV, 35.

ца Зименки у Гундорова ([284]). Въ 1616—1618 г. стольникъ и воевода въ Кошпрѣ ([285]). Въ 1618—1619 г. воевода на Романовѣ ([286]). Въ 1623—1625 г. воевода въ Кузьмодемьянскѣ ([287]). Въ 1625 г. воевода въ Перми ([288]). Въ 1626 г. сент. 21-го и апр. 24-го упоминается въ числѣ дворянъ, ѣздившихъ «вмѣсто окольничихъ» передъ государемъ, во время путешествія къ Троицѣ-Сергію; апр. 9-го, 25-го и іюля 28-го — упоминается за государевымъ столомъ ([289]). Въ 1627 г. воевода въ Чердыни ([290]); въ томъ-же году упоминается марта 14-го, іюля 12-го, авг. 6-го, у государева стола и ѣздилъ передъ государемъ вмѣсто окольничаго ([291]). Въ 1627—1629 г. воевода въ Перми и отпущенъ къ Москвѣ ([292]). Въ 1630 г. ѣздилъ передъ

---

(284) Акты относ. къ ист. зап. Рос. т. 4, № 183.

(285) Дворц. розр. т. I, 213, 240, 269, 291. Чтенія въ общ. ист. и древн. 1846 г. (О сторож. службѣ на Украинѣ, приложенія). Временникъ общ. ист. и древн. 1849 г. (Розряды). Моск. арх. мин. юст. (Кн. моск. стола № 5, л. 136, 412).

(286) Дворц. розр. т. I, 417. Моск. арх. мин. юст. (Кн. моск. ст. № 7, л. 204).

(287) Дворц. розр. т. I, 566, 1031, 1145. Моск. арх. мин. юст. (Кн моск. ст. № 16, л. 294).

(288) Дворц. розр. т. I, 743.

(289) Дворц. розр. т. I, 749, 751, 802, 829, 909.

(290) См. грамоту ему объ устройствѣ церковной утвари въ Ныробскомъ погостѣ (Акты ист. т. III, № 149).

(291) Дворц. розр. т. I, 904, 928, 924, 934.

(292) Розр. кн. по оффиц спис, т. I, 1362; т. II, 93, 200).

5

государемъ «для становъ» вмѣсто окольничаго, во время путешествія къ Троицѣ-Сергію ([293]). Въ 1634 г. умеръ ([294]).

112. Василій Владиміровичъ.

1611 г. показанъ въ стольникахъ ([294]).

У князя Василія Ивановича (№ 86):

113. Димитрій Васильевичъ.

1606—1607 г. воевода въ Рославлѣ; сторонникъ самозванца. Въ 1608 г. воевода въ Костромѣ и погибаетъ во время народнаго возстанія ([295]).

У князя Богдана Михайловича (№ 87):

114. Юрій Богдановичъ.

115. Андрей Богдановичъ.

116. Ѳедоръ Богдановичъ.

1624 г. Всѣ трое совладѣльцы Олтупова. Упоминаются въ 1638 г. по поводу тяжбы съ Тризною ([296]).

([293]) Дворц. розр. т. II, 168.
([294]) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ, кн. 4. (рукоп. публ. библ.)
([295]) См. гл. III, стр. 209.
([296]) См. прил. 56.

У князя Януша Михайловича (№ 89).

117. **Стефанъ Янушевичъ.**

1617 г. По всей вѣроятности именно къ нему относится извѣстіе въ русскихъ источникахъ, что во время военныхъ дѣйствій противъ поляковъ въ упомянутомъ году, отрядъ князя Вас. Барятинскаго одержавъ побѣду подъ Булавицкимъ острогомъ, взялъ въ плѣнъ—«полковника князя Степана Мосальскаго, ротмистра Кричевскаго и другихъ» (297). Въ 1643 г. упоминается въ духовномъ завѣщаніи своего отца, какъ сонаслѣдникъ Олтупова (298).

118 **Мартинъ-Казимиръ Янушевичъ.**

Въ 1643 г. упоминается въ духовномъ завѣщаніи своего отца, какъ сонаслѣдникъ Олтупова (298). Въ 1663 г. названъ судьей волковыскимъ и дѣлаетъ дарственную запись женѣ своей на часть Олтупова (299). Въ 1686 г. названъ уже умершимъ. Былъ женатъ на Сусаннѣ Жардецкой.

119. **Анна Янушевна.**

1643 г. Упоминается въ духовномъ завѣщаніи своего отца; замужемъ за Волловичъ (298).

---

(297) См. гл. III, стр. 144.
(298) См. прил. 41.
(299) См. прил. 42.

У князя Андрея Владимiровича (№ 96):

120. Михаилъ Андреевичъ.

Въ 1625 г. стольникъ; 17-го мая упоминается за царскимъ столомъ, при отпускѣ персидскихъ пословъ ([300]). Въ 1639 г. участвовалъ въ церемонiалѣ погребенiя царевича Ивана Михайловича:--«Генв. 16-го дневали и ночевали въ церкви: бояринъ Лыковъ.... князь Михайло княжъ Андреевъ сынъ Кольцовъ-Мосальскiй»; февраля 7-го—также (съ окольничимъ Салтыковымъ) ([301]). Въ томъ же году участвовалъ въ церемонiалѣ погренiя царевича Василiя Михайловича: «Апрѣля въ 1-й день у гроба дневали и ночевали—бояринъ Хилковъ.... князь Михайло княжъ Андреевъ сынъ Кольцовъ-Мосальскiй»; мая 4-го также (съ окольничимъ Долматовымъ-Карповымъ ([302]). Въ 1641 г. сент. 14-го упоминается на службѣ за царскимъ столомъ въ селѣ Воздвиженскомъ:—«Въ столы смотрѣли стольники:.... въ кривой столъ князь Михайло княжъ Андреевъ сынъ Кольцовъ-Мосальскiй» ([303]). Въ 1643 г. вѣдалъ засѣки ([304]). Въ 1647 г. былъ походнымъ воеводой въ Одоевѣ и

([300]) Московс. арх. мин. юст. (Книги московс. стола № 15, л. 56). Дворц. розряды т. I, 691.

([301]) Дворц. розряды т. II, приложенiя, 935, 944.

([302]) Тамъ-же, т. II, приложенiя, 967, 976.

([303]) Тамъ-же, т. II, 671.

([304]) Спиридовъ: Матерiалы для исторiи дворянскихъ родовъ кн. 4. (рукоп. Имп. публ. библ.)

мѣстничался съ Долгорукимъ ([305]). Въ 1648 г. упоминается на службѣ за параднымъ государевымъ столомъ, въ день бракосочетанія царя Алексѣя Михайловича ([306]). Въ 1658 г. упоминается на службѣ за царскимъ столомъ, по случаю пріема грузинскаго царя Теймураза— «передъ государя пить носилъ» ([307]). Въ 1660 г. упоминается на службѣ за царскимъ столомъ, по случаю отпуска грузинскаго царевича Николая ([308]). Въ 1661 г. былъ воеводой въ Симбирскѣ ([309]).

У князя Александра Өедоровича (№ 100):

121. **Гальшка Александровна.**

1617 г. упоминается въ духовномъ завѣщаніи своего дѣда ([310]) и въ 1621 г. — по поводу процесса своей матери ([311]).

У князя Андрея Өедоровича (№ 101).

122. **Станиславъ Андреевичъ.**

Въ 1636 года упоминается какъ владѣлецъ имѣній

(305) Дворцов. розряды т. II, 61, 62. Московс. арх. мин. юстиціи (Книги московс. стола № 14, л. 45).

(306) Древняя россійс. вивліоѳика, ч. XIII, 174.

(307) Древн. россійс. вивліоѳика 1789 г., ч. VIII, 135.

(308) Дворцов. розряды т. III, 521.

(309) Памятная книжка Симбирс. губерніи 1868 г. (прилож.).

(310) Князя Өедора Ивановича (см. прил. 45).

(311) Акты Метр. литовской (Книги судн. дѣлъ № 83, л. 360).

Вейсей и Черніе ([312]); въ 1649 году продаетъ свое имѣніе Вейсейки — Сапежинскіе въ Гродненскомъ повѣтѣ ([313]). Въ 1650 г. подвергается баниціи, за сопротивленіе законамъ по взысканію долга въ 35000 зл., на имѣніи его Гальштъ въ Гродненскомъ повѣтѣ ([314]). Въ 1658 г. получаетъ амнистію отъ короля Яна-Казиміра, за свое поведеніе и измѣну во время войны съ Россіей въ 1654 году (См. гл. III, стр. 148) ([315]). Въ 1659 г. названъ полковникомъ и назначается подкоморіемъ гродненскимъ ([316]). Въ 1661 г. былъ сеймовымъ депутатомъ въ казенномъ трибуналѣ по взысканію недоимокъ ([317]). Въ 1662 г. назначенъ сеймовымъ комисаромъ, для разграниченія имѣній королевскихъ съ имѣніями шляхты ([318]); въ томъ-же году получаетъ льготу относительно своего каменнаго дома на гродненскомъ рынкѣ: домъ его освобождается отъ городскихъ повинностей и передается изъ вѣдѣнія городской юрисдикціи въ земскую ([319]). Въ 1669 г. на него подаютъ

([312]) Небольшое письмо его къ виленскому воеводѣ, отъ 28-го февр. 1636 г., сохранилось въ рукописяхъ Виленской публ. библіотеки.

([313]) Акты Метр. литовской (Книга записей № 133, актъ № 52).

([314]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 124; актъ № 218; кн. судн. дѣлъ № 122, л. 696, № 124, л. 182).

([315]) Акты издан. Комиссіей для разбора древн. актовъ въ Вильнѣ, т. I, 198. Акты Метр. литовс. (Кн. зап. № 131, л. 688).

([316]) Акты Метр. литовс. (Книги записей № 131, л. 465).

([317]) Volumina legum т. IV, 370—372.

([318]) Тамъ-же, т. IV, 424.

([319]) Тамъ-же, т. IV, 426

искъ гродненскіе бернардины, за кровопролитіе, произведенное въ ихъ монастырѣ ([320]). Умеръ въ 1671 г.; былъ женатъ на Марцибеллѣ Александровнѣ Нарушевичъ ([321]).

123. **Казиміръ—Остафій Андреевичъ.**

Сынъ отъ второй жены князя Андрея,—Христины Тишкевичъ. Въ 1648 году участвуетъ въ избраніи короля Яна—Казимира, по брестскому воеводству ([322]). Былъ въ походѣ подъ Берестечкомъ, во главѣ сформированнаго на свой счетъ отряда драгунъ; участвовалъ въ войнѣ съ Россіей 1654 г. и въ ней погибъ ([323]). Женатъ на Екатеринѣ Вибрановской, бывшей вторично замужемъ за Потоцкимъ ([324]).

124. **Анна Андреевна.**

Въ 1676 г. монахиня брестскаго монастыря Св. Бригитты ([325]).

У князя Григорія Өедоровича (№ 102):

125. **Казиміръ Григорьевичъ.**

Въ 1646 г. подвергается баниціи, вмѣстѣ съ матерью

([320]) Акты издан. комис. для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ, т. I, 344.
([321]) Акты Метр. литовс. (Кн. записей № 133, актъ № 52).
([322]) Volumina legum т. IV, 113.
([323]) Акты Метр. литовс. (Кн. зап. № 130, л. 221).
([324]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 133, актъ № 45; кн. судн. дѣлъ № 133. л. 4).
([325]) Нѣсецкій: Herbarz polski т. VI, 349—353.

и братомъ Владиславомъ ([326]); въ 1647 г. также; ему принадлежитъ имѣнія Брестовицы и Ѳедковцы ([327]). Въ 1650 г. получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ же братомъ льготы своимъ имѣніямъ, за военныя службы ([328]). Въ 1652 г. опять подвергается съ братомъ баниціи ([329]). Въ 1653 г. умеръ.

126. Владиславъ Григорьевичъ.

См. выше, № 125. Въ 1665 г. названъ подкоморіемъ гродненскимъ ([330]). Въ 1677 г. упоминается въ духовномъ завѣщаніи князя Михаила Станиславовича (№ 148), какъ дядя послѣдняго ([331]).

127. Александръ-Сигизмундъ Григорьевичъ.

1653 г. Владѣлецъ (вмѣстѣ съ братомъ Владиславомъ) имѣнія Новый Дворъ въ Гродненскомъ повѣтѣ; вызывается въ судъ въ качествѣ одного изъ наслѣдниковъ брата Казимира ([332])

У князя Василія Ѳедоровича (№ 106):

128. Семенъ Васильевичъ (Мосальскій-Александровъ).

Въ Боярскихъ спискахъ 1622, 1626, 1628 и 1629 гг.

---

(326) Акты Метр. литовс. (Книги судн. дѣлъ № 118, л. 15; № 119, л. 49).
(327) Тамъ-же (Кн. судн. дѣлъ № 122, л. 684).
(328) Тамъ-же (Кн. записей № 123, л. 627).
(329) Тамъ-же (Кн. судн. дѣлъ № 130, л. 177).
(330) Тамъ-же (Кн. записей № 135, актъ № 83).
(331) См прил. 38.
(332) См. прил. 49.

показанъ въ стольникахъ, —«помѣстный окладъ ему 500 четей, денегъ 20 рублевъ» ([333]). Въ 1625 г. Мая 17-го упоминается на службѣ за царскимъ столомъ ([334]).

У князя Василія Львовича (№ 109):

129. Семенъ Васильевичъ.

Въ Боярскихъ спискахъ 1622, 1626, 1628 и 1636 гг. показанъ стольникомъ—«помѣстный окладъ ему 500 четей, денегъ 25 рублевъ». Въ спискѣ 1640 г. —«помѣстный окладъ 500 четей, денегъ 20 рублевъ, да за елецкую службу 1636, 1637 и 1638 году придано 100 чети, денегъ 30 рублевъ». Въ спискѣ 1658 г. показанъ въ Московскихъ дворянахъ ([335]). Въ 1610 г. вмѣстѣ съ прочими Мосальскими получаетъ отъ короля Сигизмунда грамоту на владѣніе городомъ Мосальскомъ съ волостями (см. гл. III, стр. 239). Въ 1625 г. мая 17-го упоминается на службѣ за царскимъ столомъ ([336]). Въ 1633 г. посланъ для сбора войскъ въ Кострому ([337]). Въ 1636 и 1638 гг. былъ воеводой въ

---

(333) Московс. арх. минис. юст. (Боярскія книги: № 1, л. 26; № 2, л. 21; № 3, л. 14; № 4, л. 47).

(334) Московс. арх. мин. юст. (Книги Московскаго стола № 15, л. 64).

(335) Московс. арх минис. юст. (Боярс. книги: № 1, л. 27; № 2, л. 21; № 3, л. 13; № 4, л. 45; № 5, л. 258).

(336) Дворцовые розряды т. I, 694. Моск. арх. мин. юст. (Книги Московс. стола № 15, л. 64).

(337) Акты археогр. эксп. т. III, № 236. Розряды изд. по оффиц. сп. т. II 569.

Ельцѣ ([338]). Въ 1640 и 1643 гг.—воеводой въ Томскѣ и при немъ былъ походъ противъ киргизовъ ([339]). Въ 1645 г. воеводой тамъ-же ([340]). Въ 1646 г. производилъ перепись дворовъ и людей г. Шуи ([341]). Въ 1651 г. апрѣля 3-го сопровождалъ Государя въ село Хорошево, а мая 14-го—на богомолье въ Троицко-Сергіевъ монастырь; показанъ въ дворянахъ ([342]). Въ 1653 г. посланъ въ Тулу, осматривать дворянъ, дѣтей боярскихъ и новиковъ ([343]). Въ 1654 г. былъ «головой у огней» въ литовскомъ походѣ ([344]); въ 1655 г.—также ([345]).

У князя Ивана Львовича (№ 110):

130. Ѳедоръ Ивановичъ.

Въ 1627 г. стольникъ и окладъ ему 1629 г. пока-

([338]) Дворц. розряды т. II, 518, 585.

([339]) Записки къ сибирс. исторіи (Древн. рос. вивліоѳ., т. III, 159, 163). Дворцов. розряды т. II, 624, 639, 662, 688, 707. Акты историч. т. III, № 220.

([340]) Записки къ сибирс. ист. (Древн. рос. вивл., т. III, 168).

([341]) Труды его хранятся въ Моск. арх. мин. юстиціи: а) «Списокъ съ переписной книги дворовъ и людей (г. Шуи), переписи князя Семена Клубкова-Мосальскаго и подъячаго Н. Семенова» и б) «Списокъ съ переписной книги помѣстныхъ и вотчинныхъ селъ и деревень, дворовъ и людей въ волостяхъ Телешовской и Борисоглѣбской (г. Шуи), переписи стольника князя Семена Васильевича Клубкова-Мосальскаго и подъячего Н. Семенова», 1646 г. (Опис. докум. и бумагъ архива мин. юстиціи, т. I, № 2894 и № 2895).

([342]) Дворцов. розряды т. III, 230, 258. По другимъ извѣстіямъ онъ пожалованъ въ «московскіе дворяне» въ 1668 г. (Древн. рос. вивліоѳ. т. XX, 143).

([343]) Дворцовые розряды, т. III, 381.

([344]) Тамъ-же, т. III, 415.

([345]) Тамъ-же, т. III, 466, 476.

занъ—«вновь помѣстный 450 четей, денегъ изъ чети 18 рублевъ» ([346]). Въ 1635 г. упоминается на службѣ за царскимъ столомъ, при отпускѣ литовскихъ пословъ—«передъ Государя ѣсть ставилъ» ([347]). Въ 1639 г. участвовалъ въ церемоніи погребенія царевича Ивана Михайловича,—«Генв. въ 24 день у гроба дневали и ночевали: бояринъ князь П. Репнинъ... стольникъ князь Өедоръ княжъ Ивановъ сынъ Мосальской»; февраля 15-го—также (съ бояриномъ Шереметевымъ) ([348]). Въ томъ же году участвовалъ въ церемоніи погребенія царевича Василія Михайловича,—«Апр. въ 13 день у гроба дневали и ночевали: Окольничей С. Проѣстевъ... стольникъ князь Өедоръ княжъ Ивановъ сынъ Мосальской» ([349]).

У Өедора Богдановича (№ 116):

131. Стефанъ Өедоровичъ.

132. Станиславъ Өедоровичъ.

133. Теофиль Өедоровичъ.

134. Фелиціанъ Өедоровичъ.

135. Карлъ Өедоровичъ.

1700 г. Всѣ пятеро упоминаются въ записи, данной

([346]) Московс. арх. мин. юст. (Боярс. книги: № 1, л. 105; № 2, л. 88; № 3, л 43; № 4, л. 91). См. также издан. «Указатель къ боярс. кн.».

([347]) Дворц. розр. т. II, 438.

([348]) Дворц. розр. т. II, приложенія, 936, 947.

([349]) Дворц. розр. т. II, приложенія, 971.

Карломъ Өедоровичемъ первой женѣ своей, урожденной Еверковичъ (350).

У князя Мартина Янушевича (№ 118):

136. Иванъ Казимиръ Мартиновичъ.

Въ 1674 г. упоминается въ числѣ подписавшихся подъ пунктами «pacta conventa», при избраніи королемъ Яна III; названъ подстоліемъ венденскимъ (351). Въ 1680 г. показанъ стольникомъ волковыскимъ и войтомъ вержболовскимъ (352); въ томъ же году упоминается какъ сборщикъ податей въ троцкомъ воеводствѣ (353). Въ 1682 г. передаетъ свое войтовство вержболовское (Ковенс. уѣзда) сыну Владиславу; названъ судьей волковысскимъ (354). Въ 1686 г. пріобрѣтаетъ покупкою имѣніе Менженинъ въ Мельницкой землѣ (355). Подъ 1695 г. записана выдача ему охраннаго листа, противъ наѣздовъ на имѣніе его Начъ (356). Въ 1698 г. дѣлаетъ раздѣльную запись своихъ имѣній между сыновьями; былъ женатъ три раза: 1) На Іоаннѣ Рейта-

---

(350) См. прил. 56.

(351) Volumina legum, т. V, 139—146.

(352) Акты Метр. литовс. (Книги судн. дѣлъ № 156, л. 745).

(353) Акты издан. комис. для разбора древн. актовъ въ Вильнѣ, т. V, 224.

(354) См. прил. 50.

(355) См. прил. 43.

(356) Акты Метр. литовс. (Кн. записей № 145, л. 159).

новнѣ, 2) На Софіи Бенклевской и 3) На Екатеринѣ Керсновской, за которой получилъ въ приданое имѣніе Начъ ([357]).

137. **Доминикъ Мартиновичъ.**

138. **Францъ Мартиновичъ.**

139. **Константинъ Мартиновичъ.**

140. **Александръ Мартиновичъ.**

141. **Діонисій Мартиновичъ.**

142. **Христина Мартиновна.**

143. **Сусанна Мартиновна.**

Всѣ семеро упоминаются въ дарственной записи ихъ отца, 1663 г. ([358]).

У князя Михаила Андреевича (№ 120).

144. **Иванъ Михайловичъ.**

Въ боярскихъ спискахъ подъ 1658 г. показанъ въ стряпчихъ, а въ 1668—1692 г.—въ стольникахъ; по списку 1675 г. показано—«окладъ ему съ придачами помѣстныхъ 700 четей, денегъ 44 рубли» ([359]). Въ 1664 г. февраля 7-го, при встрѣчѣ англійскаго посла, названъ «головою у стряпчихъ» и февраля 19-го былъ на службѣ у царскаго стола—«передъ бояръ ѣсть ста-

([357]) См. прил. 41.
([358]) См. прил. 42.
([359]) Московс. арх. минис. юст. (Боярскія книги: № 5, л. 198; № 6, л. 147;

вилъ» ([360]); въ томъ же году на смотру царя Алексѣя Михайловича показанъ «головою у пятой сотни стряпчихъ» ([361]). Въ 1667 г. окт. 17-го показанъ головою у стряпчихъ, при встрѣчѣ польскихъ пословъ ([362]). Въ 1668 г.—въ стольникахъ ([363]). Въ 1669 г. участвовалъ въ церемоніи погребенія царевича Симеона Алексѣевича: іюня 29-го, іюля 13-го и 27-го въ церкви дневали и ночевали — бояринъ Воротынскій,.... стольники.... князь Иванъ княжъ Михайловъ сынъ Кольцовъ-Мосальской ([364]). Въ 1670 г. участвовалъ въ церемоніи погребенія царевича Алексѣя Алексѣевича,— дневалъ въ Архангельскомъ соборѣ янв. 23-го, февр. 6-го и 20-го ([365]). Въ 1672 г. участвовалъ въ церемоніи встрѣчи польскихъ пословъ ([366]). Въ 1673 г. дек. 3-го упоминается на службѣ за царскимъ столомъ въ Савинскомъ монастырѣ ([367]). Въ 1674 г. участвовалъ при встрѣчѣ шведскихъ пословъ,—былъ головою у стряпчихъ ([368]); въ томъ же году участвовалъ при

№ 7, л. 128; № 10, л. 104; № 11, л. 124).

([360]) Дворц. розряды т. III, 554, 570.

([361]) Моск. арх. мин. юст. (Книги Московс. стола № 69, л. 96).

([362]) Дворц. розр. т. III, 672.

([363]) Моск. арх. мин. юст. (Книги Московс. стола № 60, л. 2).

([364]) Дворцов. розр. т. III, 854, 860, 865.

([365]) Древн. рос. вивліоѳ. т. XIV, 73, 82, 91.

([366]) Московс. арх. мин. юст. (Книги Моск. стола: № 69, л. 9, 58, 59, 68 и 105).

([367]) Дворц. розр. т. III, 914.

([368]) Дворц. розр. т. III, 915. Моск. арх. мин. юст. (Кн. Московс. стола № 69, л. 118, 131).

встрѣчѣ персидскихъ пословъ ([369]). Въ 1675 г. назначенъ воеводой на Донъ въ товарищи къ Хованскому и въ мартѣ былъ на отпускѣ у руки государевой—«а ставилъ его къ рукѣ думный дьякъ посольскаго приказу Богдановъ»; въ маѣ мѣсяцѣ того же года имъ велѣно идти подъ Азовъ ([370]). Въ 1678 г. назначенъ въ Новгородъ, въ Вотскую пятину, для разбора городовыхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ ([371]). Въ 1679 г. сопровождалъ государя къ Троицѣ-Сергію ([372]). Въ 1680 и 1681 г. былъ воеводой въ Томскѣ ([373]). Въ 1683 г. участвовалъ при встрѣчѣ шведскихъ пословъ,—показанъ головою у стряпчяхъ ([374]). Въ 1685 г. окт. 22-го, послѣ шествія царя Іоанна Алексѣевича съ крестами и иконами изъ Успенскаго собора къ Лобному мѣсту, назначенъ былъ провожать иконы въ Ивановскій дѣвичій монастырь ([375]). Въ 1686 г. названъ въ современной перепискѣ «сыщикомъ» и присылалъ донесенія объ изслѣдованіи и наказаніи преступниковъ на Ливнахъ ([376]). Въ 1687 г. былъ посылочнымъ воево-

---

([369]) Дворц. розр. т. III, 1158.

([370]) Дворц. розр. т. III, 1247, 1271, 1373. Савельевъ: Трехсотлѣтіе войска Донскаго, стр. 44.

([371]) Полное собр. законовъ т. I, № 745.

([372]) Дворц. розр. т. IV, 106.

([373]) Древн. рос. вивл. т. III, 108. Моск. арх. мин. юст. (Кн. Моск. стола № 108, л. 190).

([374]) Древн. рос. вивл. т. VIII, 174.

([375]) Дворц. ровряды т. IV, 310.

([376]) Московс. арх. мин. юст. (Кн. Моск. стола № 130, л. 66).

дой въ крымскомъ походѣ и получилъ награду (см. гл. III). Въ 1689 г. былъ «воеводой у знамени» во второмъ крымскомъ походѣ и вторично получилъ награду. Въ 1690 г. при отъѣздѣ Петра Алексѣевича въ Троицы-Сергіевъ монастырь, по поводу стрѣлецкаго бунта, показанъ въ числѣ прочихъ лицъ прибывшихъ къ государю въ названный монастырь ([377]). Въ 1694 г. участвовалъ въ церемоніи погребенія царицы Наталіи Кирилловны: показанъ въ числѣ дневавшихъ и ночевавшихъ у гроба на второй день ([378]). Въ 1696 г. показанъ въ числѣ дворянъ подъ Азовымъ ([379]). Въ 1697 г. посланъ въ Острогожскъ для записки пріѣздовъ ратныхъ людей въ Большой полкъ Шеина ([380]). Въ 1698 г. названъ генералъ-поручикомъ и участвовалъ въ усмиреніи Шеиномъ стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ (см. гл. III, стр. 237). Въ 1702 г. строилъ крѣпос ть Каменный Затонъ (см. гл. IV). Въ 1703 г. былъ воеводой въ Бѣлгородѣ и въ 1714 г. показанъ умершимъ; жену его звали Анной Петровной ([381]).

([377]) Тамъ-же (Книги Смотреныхъ списковъ № 70, л. 43, 142).

([378]) Дворц. розр. т. IV, 858.

([379]) Моск. арх. мин. юст. (Кн. Моск. стола № 155, л. 606).

([380]) Тамъ-же (Кн. Моск. стола № 161, л. 74).

([381]) Московс. арх. мин. юст. (Книги Розряднаго стола 1703 г № 14, дѣло № 38; Книги Жилецкихъ списковъ 1703 г. № 65, л. 232. Дѣло Вотчинной коллегіи 1738 г., по прошенію Натальи Бестужевой, объ имѣніяхъ).

145. Андрей Михайловичъ.

Въ 1650 г. вѣдалъ Рязанскія засѣки ([382]). Въ 1671 г. участвовалъ въ пріемѣ польскихъ пословъ,—показанъ за столомъ въ числѣ стряпчихъ ([383]); въ томъ-же году показанъ на службѣ въ сотнѣ стряпчихъ, съ нимъ — «двѣ лошади простыхъ, людей съ боемъ пять человѣкъ» ([384]). Въ 1672 г. названъ стольникомъ ([385]). Въ 1675 г. написанъ за вину въ жилецкій списокъ (см. гл. III, стр. 249). Въ 1677 г. показанъ въ стольникахъ и сопровождалъ Государя по монастырямъ ([386]); въ томъ же году участвовалъ въ встрѣчѣ голландскаго посла и былъ головою у первой жилецкой сотни ([387]). Въ 1681 г. показанъ въ стольникахъ — «служитъ со 176 году и былъ на одной службѣ, крестьянъ за нимъ пашенныхъ 268 дворовъ, людей съ боемъ шесть человѣкъ, съ 45 дворовъ 4 человѣка» ([388]). Въ Боярскихъ спискахъ подъ 1686 г. показано — «окладъ ему вновь помѣстный 650 четей, денегъ 45 рублевъ; ему-жъ придачи для объявленія блаженныя памяти великаго государя 183 году сентября 1 числа, какъ онъ великій государь былъ царевичемъ 100 чети, денегъ 12 рублевъ,

---

([382]) Спиридовъ: Матеріалы для ист. дворянскихъ родовъ, кн. 4. (рукоп. Импер. публ. библ.).

([383]) Дворц. розряды, т. III, дополненія, 415.

([384]) Моск. арх. мин. юст. (Книги Смотреныхъ списковъ № 38, л. 83).

([385]) Тамъ-же (Кн. Моск. стола № 69, л. 91).

([386]) Дворц. розр. т. IV, 17, 18, 22.

([387]) Моск. арх. мин. юст. (Кн. Моск. стола № 69, л. 273, 279, 283).

([388]) Тамъ-же (Кн. Моск. стола № 122, л. 69).

6

за кіевскую службу 187 и 188, а за троицкій походъ 191 году—100 чети, денегъ 10 рублевъ, для вѣчнаго миру съ польскимъ королемъ 194 году 150 чети, денегъ 20 рублевъ, да за перехожія за 50 чети 2 рубли съ полтиною, за службу крымскаго походу 196 году и что онъ былъ ротмистромъ, денегъ и за перехожія за 200 чети 30 рублевъ; за службу другаго крымскаго походу 197 году денегъ рядовыхъ и за перехожія за 180 чети 29 рублевъ. Ему же за рану того жъ походу денегъ рядовыхъ и за перехожія за 50 чети 5 рублевъ съ полтиною» ([389]). Въ 1684 г. показанъ воеводой въ Томскѣ ([390]). Въ 1687 и 1689 г. былъ ротмистромъ въ крымскихъ походахъ (см. гл. III, стр. 232). Въ 1698 г. показанъ воеводой въ Сѣвскѣ ([391]).

146. Өедоръ Михайловичъ.

Родился въ 1652 г. Въ 1676 г. показанъ въ стряпчихъ; въ 1677-мъ сопровождалъ государя по монастырямъ ([392]) и въ томъ же году показанъ въ стольникахъ ([393]). Въ 1681 г. значится въ стольникахъ — «служитъ со 179 году, въ походѣхъ ѣздитъ шестой годъ, крестьянъ за нимъ 157 дворовъ, людей съ боемъ

([389]) Тамъ-же (Кн. Боярс. списковъ № 10, л. 136).

([390]) Древн. россійс. вивліоѳ., т. III (Запис. къ сибирс. Ист.).

([391]) Спиридовъ: Матер. для ист. дворянс. родовъ, кн. 4 (рукоп. Имп. публ. библ.).

([392]) Дворц. розр. т. IV, 17, 18, 23. Моск. арх. мин. юст. (Кн. московс. стола № 79, л. 13, 100).

([393]) Моск. арх. мин. юст. (Кн. моск. ст. № 79, л. 327, 337).

4 человѣка; съ 39 дворовъ 4 человѣка» ([394]). Въ 1684 г. сопровождалъ государя на богомолье ([495]). Въ 1685-мъ участвовалъ въ пріемѣ и отпускѣ шведскаго посла и былъ рындой ([396]); въ томъ же году участвовалъ въ пріемѣ и отпускѣ польскаго посла и былъ рындой же ([397]). Въ 1687 и 1689 г. былъ поручикомъ и ротмистромъ въ крымскихъ походахъ Голицына (см. гл. III, стр. 232 и 236). Въ 1690-мъ — при отъѣздѣ царя Петра Алексѣевича въ Троицы-Сергіевъ монастырь, по поводу бунта стрѣльцовъ, показанъ въ числѣ лицъ прибывшихъ къ государю въ упомянутый монастырь ([398]). Въ 1697 г. находился на службѣ подъ Азовымъ (см. гл. III, стр. 236). Въ 1698 г. былъ въ составѣ войскъ Шеина при усмиреніи стрѣльцовъ (см. гл. III). Въ Боярскихъ книгахъ подъ 1701 г. показано: «окладъ ему вновь помѣстный 650 чети, денегъ 45 рублевъ; ему жъ придачи за службу троицкаго походу 191 году 50 чети, денегъ 5 рублевъ, для вѣчнаго мира съ польскимъ королемъ 194 году 200 чети, денегъ 20 рублевъ; за службу крымскаго походу 195 году 100 чети, денегъ и за перехожія за 50 чети 17 рублевъ съ полтиною; за службу другаго крымскаго походу 197 году денегъ и за перехожія за 250 чети

(394) Тамъ же. (Кн. моск. стола № 122, л. 110).
(395) Дворц. розр. т. IV, 246.
(396) Дворц. розр. т. IV, 329, 332.
(397) Дворц. розр. т. IV, 357, 365.
(398) Московс. арх. мин. юст. (Книги смотреныхъ списковъ № 70, л. 143).

42 рубля съ полтиною, для того что онъ на той службѣ былъ ротмистромъ, за рану той же службы денегъ и за перехожія за 70 чети 7 рублевъ съ полтиною; за службу троицкаго походу 197 году денегъ и за перехожія за 210 чети 35 рублевъ съ полтиною, итого 168 рублевъ» ([399]). Въ 1701 г. упоминается въ числѣ лицъ, которыя—«изъ золотые полаты были въ городѣ для переписки нововыборныхъ драгунъ и для приводу ихъ къ Москвѣ, а нынѣ имъ быть въ городѣхъ же для сбору полуполтинныхъ и двугривенныхъ денегъ и для надсматриванія драгунскихъ лошадей и въ иныхъ посылкѣхъ» ([400]). Въ 1703—1722 г. показанъ воеводой въ Нѣжинѣ и записано его челобитье объ освобожденіи отъ службы за старостью и дряхлостью ([401]). Въ 1735 г. упоминается въ числѣ лицъ, которымъ были отведены мѣста подъ постройки (въ С.-Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ), но показанъ уже умершимъ ([402]).

147. Борисъ Михайловичъ.

Въ 1677 г. показанъ въ стольникахъ ([404]). Въ 1681 г. значится въ стольникахъ же, —«служитъ со 183 году, былъ на одной службѣ, крестьянъ за нимъ 106 дворовъ, людей съ боемъ 3 человѣка, съ 35 дворовъ 4 чело-

---

([399]) Моск. арх. мин. юст. (Книги Боярс. списковъ № 11, л. 147).

([400]) Тамъ же. (Книги Боярс. списковъ 1701 г. № 45, л. 368).

([401]) Древн. россійск. вивліоѳ., т. 9. Моск. арх. мин. юст. (Книги Герольдмейстерс. конторы 1722 г. № 11, л. 174).

([402]) Моск. арх. мин. юст. (Кн. Герольдм. конт. 1734—35 г. № 163, л. 398—401).

([404]) Тамъ же. (Кн. моск. стола № 79, л. 336).

вѣка» ([405]). Въ 1683 г. сопровождалъ государя въ Троицы-Сергіевъ монастырь ([406]). Въ 1685 г. былъ рындой при пріемѣ и отпускѣ шведскаго посла ([407]); въ томъ же году опять рындой при пріемѣ и отпускѣ польскаго посла ([408]). Въ 1687 и 1689 г. былъ въ крымскихъ походахъ хорунжимъ въ войскахъ Голицына (см. гл. III). Въ томъ же 1689 г. показанъ воеводой въ Переяславлѣ ([409]). Въ 1690 г. при отъѣздѣ Петра Алексѣевича въ Троицы-Сергіевъ монастырь, по поводу стрѣлецкаго бунта, показанъ въ числѣ лицъ прибывшихъ къ государю въ сказанный монастырь ([410]). Въ 1692 г. при встрѣчѣ персидскаго посла показанъ ротмистромъ ([411]). Въ 1696 и 1697 г. упоминается участникомъ военныхъ дѣйствій подъ Азовымъ (см. гл. III). Въ 1698 г. находился въ составѣ войскъ Шеина, при усмиреніи стрѣльцовъ (см. гл. III). Въ 1699 г. названъ полковымъ воеводой ([412]). Въ 1701 г. показанъ въ числѣ лицъ, которыя — «изъ золотые полаты были въ городѣ для переписки нововыборныхъ драгунъ и для приводу ихъ къ Москвѣ, а нынѣ имъ

([405]) Тамъ же. (Кн. моск. стола № 122, л. 85).

([406]) Дворц. розр. т. IV, 246.

([407]) Дворц. розр. т. IV, 329, 332.

([408]) Дворц. розр. т. IV, 357, 365.

([409]) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ, кн. 4 (рукоп. Имп. публ библ.).

([410]) Моск. арх. мин. юст. (Книги смотреныхъ списковъ № 70, л. 139).

([411]) Тамъ же. (Кн. моск. стола № 152, л. 26, 47).

([412]) Записки Желябужскаго (изд. Языковымъ), стр. 145.

быть въ городѣхъ же для сбору полуполтинныхъ и двугривенныхъ денегъ и для надсматриванья драгунскихъ лошадей и въ иныхъ посылкѣхъ» ([413]). Въ 1703 г. назначается на службу въ Шлиссельбургъ, но проситъ отсрочки по причинѣ своей болѣзни ([414]).

У князя Станислава Андреевича (№ 122):

148. **Михаилъ Станиславовичъ.**

Въ 1671 г. упоминается какъ хорунжій гродненскій, т. е. завѣдывавшій уѣзднымъ ополченіемъ ([415]). Въ 1673 г. упоминается по дѣлу о возстановленіи православнаго богослуженія въ Бальской церкви ([416]). Въ 1677 г. умеръ, оставивъ духовное завѣщаніе ([417]); былъ женатъ на Маріаннѣ Огинской. Ему вмѣстѣ съ сестрой Гальшкой (№ 149) принадлежали доставшіяся послѣ матери имѣнія Товіанъ и Лапъ, но въ 1671 г. онъ уступилъ свою часть зятю Пацу, за 120000 злотыхъ ([418]).

149. **Гальшка** (Елисавета) **Станиславовна.**

Въ 1685 г. владѣетъ староствомъ ботоцкимъ ([419]), на

([413]) Моск. арх. мин. юст. (Кн. Боярс. списковъ 1701 г. № 45, л. 368).

([414]) Тамъ же. (Книги Жилецкихъ списковъ 1703 г. № 65, л. 168, 332).

([415]) Акты издан. Комисіей для разбора древн. актовъ въ Вильнѣ, т. I, 201, 344.

([416]) Акты издан. Комис. для разб. древн. актовъ въ Вильнѣ, т. I, 131.

([417]) См. прил. 38.

([418]) Акты главнаго трибунала 1671 г., №№ 313, 322.

([419]) Акты Метр. литовс. (Кн судн. дѣлъ № 165, л. 178).

основаніи заставнаго права, послѣ смерти перваго своего мужа Бонифація Паца, за котораго вышла въ 1669 г. ([420]); вторично замужемъ была за Стефаномъ Станкевичемъ, но впослѣдствіи развелась съ нимъ ([421]). Ей принадлежала половина имѣнія Товіанъ и Ланъ, доставшаяся по наслѣдству послѣ матери ([422]).

150. Софія Станиславовна.

Замужемъ за Поцеемъ.

151. Анна Станиславовна.

Замужемъ за Боранскимъ.

У Стефана Ѳедоровича (№ 131):

152. Доминикъ Стефановичъ.

Женатъ на дочери Карла Ѳедоровича (№ 135), но имя ея неизвѣстно.

153. Мартинъ Стефановичъ.

154. Ѳедоръ Стефановичъ.

155. Михаилъ Стефановичъ.

156. Казимиръ Стефановичъ.

Всѣ пятеро совладѣльцы Олтупова и упоминаются въ актахъ 1697—1730 гг. ([423]).

([420]) Акты главнаго трибунала 1668 г., № 134; 1671 г., № 285. Также — Dyaryusz Chrapowickiego, 1845 г.

([421]) Акты главнаго трибунала 1688 г. №№ 43, 44; 1691 г. стр. 909 и 919.

([422]) Акты главнаго трибунала 1671 г. №№ 313, 322.

([423]) См. прил. 56.

У князя Ивана-Казимира Мартиновича (№ 136):

157. **Афанасій-Владиславъ Ивановичъ.**

Въ 1682 г. получаетъ передачей отъ отца войтовство вержболовское ([424]). По завѣщанію отца 1698 г. наслѣдуетъ имѣніе Менженинъ ([425]). Въ 1716 г. переуступаетъ войтовство вержболовское своему брату Плациду-Францу ([426]). Въ 1751 г. продаетъ Менженинъ брату своему Антонію ([427]). Въ 1760 г. совершаетъ запись въ 4000 злотыхъ своимъ сыновьямъ Якову и Даніилу ([428]). Неизвѣстно когда взятъ въ плѣнъ русскими войсками и водворяется въ Россіи ([429]), гдѣ возвратился къ православной вѣрѣ, исповѣдывавшейся его предками въ древности, и по принятіи православія сталъ называться Аѳанасіемъ. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ показанъ капитаномъ морской службы ([430]).

158. **Рафаилъ Ивановичъ.**

По завѣщанію отца 1698 г. ему предназначается имѣніе Олтупово ([431]), которое по раздѣлу 1729 г. онъ и

([424]) См. прил. 50.

([425]) См. прил. 44.

([426]) По рукописнымъ актамъ города Вержболова.

([427]) См. прил. 52.

([428]) См. прил. 58.

([429]) См. гл. IV, стр. 322.

([430]) Архивъ департ. Герольдіи (дѣло о князьяхъ Мосальскихъ: опредѣленіе гродненск. депут. собранія 1819 г.).

([431]) См. прил. 44.

получаетъ отъ братьевъ ([432]). Въ 1736 г. ему передается Поцеемъ староство волковыское ([433]). Въ 1750 г. продаетъ свои имѣнія Брылевъ и Борисовичи въ брестскомъ воеводствѣ; въ 1764 г. названъ судьей земскимъ волковыскимъ, старостой плоцкимъ и чашникомъ оршанскимъ ([434]). Былъ женатъ на Христинѣ Осолинской ([435]).

159. Пляцидъ-Францъ Ивановичъ.

По завѣщанію отца 1698 г. ему предназначается имѣніе Пржедзельскъ ([436]), которое онъ и получаетъ по раздѣлу съ братьями 1729 г.; названъ старостой войшвильскимъ ([437]). Въ 1722 г. получаетъ войтовство вержболовское ([438]).

160. Мартинъ Ивановичъ.

По завѣщанію отца 1698 г. ему совмѣстно съ братьями (№№ 161, 162, 163 и 164) предназначается имѣніе Начъ ([439]), которое имъ и достается по раздѣлу 1729 г.; названъ чашникомъ мециславскимъ ([440]).

161. Богуславъ-Іосифъ Ивановичъ.

По завѣщанію отца 1698 г. ему совмѣстно съ братьями

([432]) См. прил. 51.

([433]) Акты Метр. лит. (Кн. Записей № 169, л. 632).

([434]) Акты издан. Коммиссіей для разбора древн. актовъ въ Вильнѣ, т. IV стр. 468.

([435]) Тамъ-же т. VI, 483.

([436]) См. прил. 44.

([437]) См. прил. 51.

([438]) Акты Метр. лит. (Кн. судн. дѣлъ № 182, л. 600).

([439]) См. прил. 44.

([440]) См. прил. 51.

(№№ 160, 162, 163 и 164) предназначается имѣніе Начъ (см. выше, № 160). Въ 1717 г. получаетъ привилей на державу (Ieriova) въ Оршанскомъ повѣтѣ и въ 1718 г.—на землю Янишки въ Браславскомъ; названъ товарищемъ въ хоругви гусарской ([441]). Въ 1720 г. назначается войтомъ вержболовскимъ ([442]) и въ 1724 г. — подстоліемъ браславскимъ ([443]). Въ 1726 г. получаетъ державу Войшвилы и Карклупяны въ Ковенскомъ повѣтѣ ([444]); въ томъ же году судится съ братомъ (№ 159) по поводу войтовства вержболовскаго ([445]). Въ 1730 г. назначается стольникомъ браславскимъ ([446]). Въ 1740 г. получаетъ привилей на державу Межкучье въ троцкомъ воеводствѣ, въ 1744 г. тамъ-же имѣніе Бурнишки, въ 1746 г. тамъ-же державу Аукстокальне, въ 1748 г. державу Китурвлоки въ Ковенскомъ повѣтѣ и имѣніе Аксамитовщину—въ Гродненскомъ и въ 1752 г.--державу Віелонишки въ троцкомъ воеводствѣ ([447]). Былъ женатъ на Аннѣ Стреченъ.

([441]) Акты Метр. лит. (Кн. Зап. № 155, л. 911; № 158, л. 141; № 163, л. 31).

([442]) Акты Метр. лит. (Кн. Зап. № 157, л. 147; № 170, л. 209).

([443]) Тамъ-же (Кн. Зап. № 163, л. 486).

([444]) Тамъ-же (Кн. Зап. № 165, л. 286; № 170, л. 460; № 176, л. 701; № 177, л. 1361).

([445]) Тамъ-же (Кн. судн. дѣлъ № 185, л. 223; № 187, л 148).

([446]) Тамъ-же (Кн. Зап. № 166, л. 267).

([447]) Тамъ-же (Кн. Зап. № 170, л. 470; № 172, л. 807; № 174, л. 196; № 176, л. 246; № 177, л. 1260; № 179, л. 13).

162. Михаилъ Донатъ Ивановичъ.

По завѣщанію отца 1698 г. ему совмѣстно съ братьями (№№ 160, 161, 163 и 164) предназначается имѣніе Начъ (см. выше № 160). Въ 1749 г. названъ подстаростой волковыскимъ ([448]). Въ 1764 г. продаетъ свою часть имѣнія Начъ брату Рафаилу ([449]). Въ 1765 г. составляетъ духовное завѣщаніе ([450]) и въ 1774 г. названъ уже умершимъ. Былъ женатъ на Екатеринѣ Галимской.

163. Антоній Ивановичъ.

По завѣщанію отца 1698 г. ему совмѣстно съ братьями (№№ 160, 161, 162 и 164) предназначается имѣніе Начъ (см. выше № 160). Въ 1751 г. пріобрѣтаетъ у брата Владислава имѣніе Менжининъ ([451]). Въ 1761 г. дѣлаетъ запись своихъ имѣній Нача и Менженина дѣтямъ своимъ Криштофу и Станиславу ([452]). Въ 1779 г. упоминается какъ умершій.

164. Венедиктъ Ивановичъ.

По завѣщанію отца 1698 г., ему совмѣстно съ братьями (№№ 160, 161, 162 и 163) предназначается имѣніе Начъ (см. выше 160).

([448]) Арх. департ. Герольдіи (дѣло о Мосальскихъ: опредѣленіе гродненскаго депут. собр. 1819 г.).

([449]) Тамъ-же (дѣло о Мосальскихъ: купчая 1764 г.).

([450]) См. прил. 59.

([451]) См. прил. 52.

([452]) Арх. департ. Герольдіи (дѣло Мосальскихъ: запись 1761 г.).

165. Софія Ивановна.

Замужемъ за Троцкимъ (483).

У князя Ивана Михайловича (№ 144).

166. Яковъ Ивановичъ.

Родился въ 1666 г. Въ 1687 г. показанъ стольникомъ (454); въ томъ-же году былъ «завоеводчикомъ» въ крымскомъ походѣ (см. гл. III, стр. 232). Въ 1696 и 1697 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ Азовымъ, а въ 1698 г. въ войскахъ Шеина при усмиреніи стрѣльцовъ (см. гл. III, стр. 236, 237). Въ 1703—1707 г. показанъ въ товарищахъ съ отцемъ воеводой въ Бѣлгородѣ (455). 1710 годъ ознаменовался катастрофой въ домашнемъ быту князя Якова Ивановича: 1-го августа, во время званаго обѣда на которомъ присутствовало много приглашенныхъ, въ домѣ Мосальскаго обрушился потолокъ, причемъ погибъ князь Вас. Голицынъ съ женой (456). Въ 1720 г. названъ совѣтникомъ юстицъ-коллегіи (457). По свѣдѣніямъ 1722 г.— «стольникъ князь Яковъ княжъ Ивановъ сынъ Коль-

---

(453) Тамъ-же (дѣло о Мосальскихъ: протоколъ новогрудск. суда 1786 г.).

(454) Московск. арх. мин. юст. (Книги Боярск. списковъ № 10, л. 428).

(455) Древн. россійск. вивліоѳ., т. 9. Спиридовъ: Матер. для исторіи дворянскихъ родовъ, кн. 4. (Рукоп. Имп. публ. библ.).

(456) Древн. рос. вивліоѳ., 1774 г. ч. IV, 217. Серчевскій: Записки о родѣ Голицыныхъ.

(457) Московск. арх. мин. юст. (Дѣла Вотчин. Коллегіи).

цовъ-Мосальской показанъ на службѣ съ 1685 г., отъ роду 56 лѣтъ, крестьянъ за нимъ 230 дворовъ, совѣтникъ юстицъ-коллегіи и опредѣленъ въ Сѣвскую провинцію воеводой; дворъ его противъ Стараго каменнаго мосту»; въ 1727 г. увольняется отъ службы за старостью и упадкомъ умственныхъ способностей ([458]).

167. Василій Ивановичъ.

Въ 1690 г. показанъ въ стольникахъ; былъ съ Государемъ въ Троицы-Сергіевомъ монастырѣ ([459]).

168. Петръ Ивановичъ.

Въ 1701—1704 г. показанъ въ жильцахъ ([460]); въ въ 1705—1706 г. также и находился въ Бѣлгородѣ съ отцомъ, а въ 1706 г. же показанъ въ Бѣлгородѣ солдатомъ ([461]). Его имѣнія (см. гл. IV, стр. 330). Былъ женатъ на княгинѣ Маріи Андреевнѣ Щербатовой ([462]). Умеръ въ 1721 году.

169. Евдокія Ивановна.

У князя Андрея Михайловича (№ 145):

170. Алексѣй Андреевичъ.

([458]) Московск. арх. мин. юст. (Книги Герольдмейстерской конторы 1722 г. № 32, л. 11; 1726 г. № 81, л. 361).

([459]) Спиридовъ: Матер. для ист. двор. родовъ, (рукоп. Имп. публ. библ.).

([460]) Моск. арх. мин. юст. (Книги жилецкихъ списковъ 1701 года № 60, л. 193; 1704 г. № 69, л. 92).

([461]) Тамъ-же (Кн. жилецкихъ списковъ 1705 г. № 1, л. 122; 1706 г. № 76, л. 222, 569).

([462]) Тамъ-же (Дѣло Вотчинной Коллегіи 1738 г. Натальи Бестужевой).

171. Дмитрій Андреевичъ.

Въ 1696 г. написанъ въ жильцы и велѣно ему быть въ товарищахъ съ отцомъ его въ Сѣвскѣ ([463]). Въ 1698 г. былъ въ составѣ войскъ Шеина при усмиреніи стрѣлецкаго бунта (см. гл. III). Въ 1701—1703 г. показанъ воеводой въ Курскѣ и названъ капитаномъ ([464]). Въ 1706—1710 г. значится въ ссылкѣ въ Азовѣ (см. гл. IV); жену его звали Анной Димитріевной.

172. Василій Андреевичъ.

Въ 1701 г. показанъ капитаномъ; служилъ въ гренадерскомъ Хлопова полку ([465]).

173. Иванъ Андреевичъ.

По свѣдѣніямъ 1727 г. отъ роду ему 54 года, въ службу написанъ изъ недорослей въ 1703 г. въ л. гв. Семеновскій полкъ солдатомъ; въ 1707 г. произведенъ въ Лефортовскій пѣхотный полкъ въ подпоручики, въ 1708 г. въ поручики, въ 1710 г. въ капитаны; былъ въ баталіяхъ: Головчинской, Полтавской, на турецкой акціи, при атакѣ Риги и во многихъ походахъ съ упомянутыми полками. Крестьянъ за нимъ въ Влади-

([463]) Тамъ-же (Кн. жилецк. списк.: № 50, л. 331; № 51, л. 260; № 52, л. 102).

([464]) Древн. росс. вивліоѳ. т. 9. Курск. губ. вѣд. 1854 г. № 27. Моск. арх. мин. юст. (Кн. розр. стола 1702 г. № 3, дѣло № 98; 1703 г. № 8, дѣло № 247; № 10, дѣло № 108, 174, 217, 226. Кн. боярск. списковъ 1701 г. № 45 л. 574; Кн. жилецк. списковъ 1702 г. № 62, л. 205).

([465]) Моск. арх. мин. юст. (Кн. боярск. списковъ 1701 г. № 45, л. 591; книги Герольдмейст. конторы 1722—24 г. № 44, л. 296).

мірскомъ и Вологодскомъ уѣздахъ 210 душъ. Въ томъ же 1727 г. названъ капитаномъ Бутырскаго пѣхотнаго полка и увольняется отъ службы за болѣзнью, съ чиномъ маіора ([466]). Въ 1733 г. испрашиваетъ въ сенатѣ разрѣшеніе на продажу имѣнія; женатъ на Натальѣ Петровнѣ Воейковой ([467]). Имѣлъ свой домъ въ Петербургѣ на Петербургскомъ островѣ въ 10-й линіи; умеръ въ 1737 году.

У князя Θедора Михайловича (№ 146).

174. Юрій Федоровичъ.

Въ 1708 г. показанъ товарищемъ съ отцомъ своимъ воеводой въ Нѣжинѣ ([468]).

175. Михаилъ Θедоровичъ.

Въ 1713 г. названъ прапорщикомъ и женится на Евдокіи Θедоровнѣ княгинѣ Пріимковой-Ростовской, по случаю чего подаетъ челобитную о закрѣпленіи за нимъ получаемыхъ въ приданое имѣній въ Углицкомъ и Вологодскомъ уѣздахъ ([469]). Умеръ до 1722 года.

([466]) Тамъ-же (Кн. Герольдмейст. конторы. 1725—1740 года № 75, л. 76; 1725—1761 г. № 76, л. 33, 1727 г. л. 249).

([467]) Полн. Собр. Зак. т. IX, № 6458, ст. 189.

([468]) Древн. рос. вивл., т. IX.

([469]) Моск. арх. мин. юст. (Книга записная указамъ 1710—14 г. № 17, л. 117. Книги Герольдмейст. конторы 1721—22 г. № 7, л. 240).

У князя Михаила Станиславовича (№ 148):

176. Иванъ (Янъ) Михайловичъ.

Въ 1697 г. былъ посломъ отъ Гродненскаго уѣзда и участвовалъ въ избраніи короля Августа II ([470]). Въ томъ-же году состоялъ сеймовымъ комисаромъ по расквартированію войскъ ([471]). Въ 1699 г. назначенъ маршалкомъ Гродненскаго повѣта и въ 1700—войтомъ гродненскимъ ([472]). Въ томъ-же 1700 г. упоминается въ числѣ лицъ подписавшихся подъ актомъ о наслѣдственности престола въ потомствѣ короля Августа II (см. гл. III, стр. 134). Въ 1703 г. упоминается какъ умершій ([473]). Былъ женатъ на Волловичъ ([474]).

177. Іоанна Михайловна.

Въ 1677 г. упоминается въ духовномъ завѣщаніи своего отца ([475]); въ 1700 г. замужемъ за Ст. Корабскимъ ([476]).

У Доминика Стефановича (№ 152):

178. Михаилъ Доминиковичъ.

179. Іосифъ Доминиковичъ.

Оба упоминаются въ актахъ 1737—1740 гг. ([477]).

([470]) Volumina legum, т. V, 429.
([471]) Тамъ же т. V, 419.
([472]) Акты Метр. лит. (Кн. Зап. № 149, л. 763; № 150, л. 97).
([473]) Тамъ же (Кн. зап. № 138, л. 1635; № 148, л. 1635).
([474]) См. прил. 55, стр. CVIII.
([475]) См. прил. 38.
([476]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 148, л. 518).
([477]) См. прил. 56.

У князя Аѳанасія Ивановича (№ 157):

180. Яковъ Аѳанасьевичъ.

По свѣдѣніямъ 1796 г. показанъ въ числѣ дворянъ Кобринскаго уѣзда, но проживающимъ въ Россіи; отъ роду 59 лѣтъ ([478]). Въ 1805 г. названъ подпоручикомъ русской службы ([479]). Въ 1795 г. дѣлаетъ запись въ 2000 злотыхъ своему племяннику князю Ѳедору Даниловичу ([480]).

181. Даніилъ Аѳанасьевичъ.

Родился въ 1744 г. ([481]). Въ службу вступилъ въ 1760 г. кадетомъ въ Морской кадетскій корпусъ и въ 1761—62 гг. участвовалъ въ двухъ морскихъ кампаніяхъ и сраженіяхъ при Кольбергѣ. Въ 1763 г. переведенъ въ Адмиралтействъ-Коллегію корабельнымъ ученикомъ и въ 1773 г. произведенъ въ званіе корабельнаго подмастерья, съ чиномъ прапорщика. Въ теченіи 1773—85 гг. исполнялъ возлагавшіяся на него техническія порученія и, между прочимъ, былъ командированъ въ Англію для усовершенствованія въ кораблестроеніи, на пути куда потерпѣлъ у береговъ Голландіи корабле-

---

([478]) Арх. департ. Герольдіи (Дѣло о Мосальскихъ: Вѣдомость дворянамъ Кобринс. уѣзда, 1796 г.).

([479]) См. прил. 54.

([480]) Арх. деп. Гер. (Дѣло о Мосальскихъ: Запись 1795 г. князя Якова, См. прил. 60).

([481]) Формулярный о службѣ его списокъ. По документамъ архива департамента Герольдіи (Дѣло о Мосальскихъ: Вѣдомость дворянъ Кобринскаго уѣзда, 1796 г.) онъ родился въ 1739 году.

7

крушеніе. Въ 1785 г. произведенъ въ званіе корабельнаго мастера, съ чиномъ премьеръ-маіора, въ 1790 г. въ подполковники и въ 1796 г.—въ полковники.

Служба князя Даніила Аѳанасьевича протекла въ широкой кораблестроительной дѣятельности: имъ были построены одинъ 100 пушечный корабль, два 74 пушечныхъ, одинъ бомбардирскій, 10 фрегатовъ, 31 разныхъ прочихъ военныхъ судовъ и 124 мелкихъ гребныхъ. Кромѣ того, внѣ адмиралтейскаго вѣдомства, по особымъ порученіямъ начальства, построено имъ разныхъ военныхъ-же съ орудіями судовъ 155 и мелкихъ гребныхъ—165. Независимо отъ этого, на него-же были возлагаемы и другія весьма серіозныя порученія, какъ напр. въ 1794 г., когда по Высочайшему повелѣнію онъ былъ командированъ въ Могилевскую губернію, для изслѣдованія дѣла по строенію разныхъ судовъ для Черноморскаго флота, или въ 1795 г.—когда онъ былъ посланъ для освидѣтельствованія прочности и исправности флота, находившагося въ Ревельскомъ портѣ, и проч..

Въ концѣ 1799 г. Даніилъ Аѳанасьевичъ былъ по болѣзни уволенъ отъ службы въ Адмиралтействѣ, съ награжденіемъ чиномъ V класса, но въ 1800 г. снова опредѣленъ членомъ въ Коммерцъ-Коллегію, съ званіемъ мастера по строенію купеческихъ судовъ, а въ 1803 г. награжденъ чиномъ Дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1819 г. перешелъ на службу въ Министерство Финансовъ и по прошествіи девяти лѣтъ, въ виду пре-

[illegible]ученіе. Въ 1785 г. [illegible] въ званіе корабельнаго мастера, съ чиномъ [illegible]маіора, въ 1790 г. въ подполковники и въ [illegible] полковники.

Служба князя Даніила [illegible] широкой корабельстроителя [illegible] строены одинъ 100 [illegible] ныхъ, одинъ бомбардир[illegible], 31 разныхъ прочихъ [illegible] 3.4 мелкихъ гребныхъ. Кромѣ того, [illegible] адмиралтейскаго вѣдомства, по особымъ [illegible]ченіямъ [illegible], построено имъ разныхъ военныхъ [illegible] мелкихъ гребныхъ—165. [illegible] были возлагаемы и [illegible], въ 179[illegible].

[illegible lines]

шагося [illegible]

Въ концѣ 1799 г. [illegible] по болѣзни [illegible] отъ службы въ Адмиралтействѣ, съ [illegible] V класса, но въ 1800 г. снова [illegible] въ Коммерцъ-Коллегію, съ званіемъ [illegible]енію купеческихъ судовъ, а въ 180[illegible] [illegible] Дѣйствительнаго [illegible] [illegible] службѣ [illegible]

[illegible]

КНЯЗЬ ДАНІИЛЪ АѲАНАСЬЕВИЧЪ МОСАЛЬСКІЙ.

(къ №181 родословной.)

[illegible] С. Петербургъ [illegible]

клоннаго возраста и разстроеннаго здоровья, окончательно уволенъ по прошенію отъ службы.

Въ теченіи этого періода послѣдней, на князя Даніила Аѳанасьевича возлагались также весьма важныя порученія: такъ въ 1802 г. онъ по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ въ Нарву и Перновъ, для изслѣдованія дѣла о ввозѣ незаклейменныхъ товаровъ; въ 1805 г. имъ былъ совершенъ переносъ городской верфи съ Выборгской стороны въ кронверкъ Петропавловской крѣпости, а въ 1808 г. устроено въ послѣдней судостроительное училище, и проч..

Князь Даніилъ Аѳанасьевичъ состоялъ кавалеромъ орденовъ св. Владиміра 4-й и 3-й степени и св. Анны 2-й степени съ алмазными знаками, сверхъ чего удостоивался неоднократно и особыхъ Высочайшихъ наградъ, какъ напр. пожалованія бриллiантовымъ перстнемъ въ 1809 г., пожалованія значительной пенсіи, независимо отъ производившагося ему жалованья, и выдачи значительнаго денежнаго пособія.

Кромѣ того Высочайшей грамотой 4 марта 1792 г., ему-же пожаловано потомственное дворянство ([482]) и данъ особый гербъ ([483]).

—

([482]) Между потомками Даніила Аѳанасьевича сохраняется преданіе, идущее непосредственно отъ него же, что онъ просилъ о возвращеніи ему правъ на княжеское достоинство, такъ какъ всѣ документы его погибли въ пожарѣ, но что императрица Екатерина отвѣчала: «Я знаю Мосальскаго и увѣрена, что ему также пріятно будетъ называться екатерининскимъ дворяниномъ, какъ и литовскимъ княземъ. Дать ему гербъ и дипломъ на дворянство».

([483]) Остовъ корабля, надъ которымъ три орлиныхъ лапы. (См. Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ, т. I, 131).

Былъ женатъ на Маріи Пожарской, дочери премьеръ-маіора Филиппа Іоакимовича Пожарскаго.

У князя Антонія Ивановича (№ 163):

182. **Криштофъ Антоновичъ.**

Въ 1779 г. вмѣстѣ съ братомъ Станиславомъ продаетъ имѣніе Менженинъ Воронецкому; въ 1786 г. названъ судьей волковыскимъ. Женатъ былъ на Констанціи Погоржельской ([484]).

183. **Станиславъ Антоновичъ.**

Упоминается въ 1786 г. Женатъ былъ на Людвигѣ Керсновской ([485]).

У князя Михаила Доната (№ 162):

184. **Юрій Михайловичъ.**

Упоминается въ 1764 г. Въ 1781 г. маіоръ литовскихъ войскъ въ полку Мосальскихъ и производится въ подполковники ([486]).

185. **Иванъ Михайловичъ.**

Въ 1749 г. производится въ хорунжіе Каменецкаго

([484]) Арх. деп. Герольдіи (Дѣло о Мосальскихъ: 1) Продажная запись 1779 г. 2) Протоколъ Новогрудс. суда 1789 г.).

([485]) Тамъ же (Дѣло о Мосальскихъ: Протоколъ Новогрудс. суда 1786).

([486]) Тамъ же (Дѣло о Мосальскихъ: 1) Купчая 1764 г. 2) Опредѣленіе Гродненс. депут. собр. 1819 г.). Акты Метр. лит. (Кн. публ. дѣлъ № 30, л. 166).

драгунскаго полка литовскихъ войскъ; въ 1755 г.—въ поручики, въ 1762—въ капитаны, въ 1778—уволенъ въ отставку съ чиномъ маіора. Въ 1780 г. продаетъ Бобровницкому свое имѣніе Анусинъ въ Мельницкой землѣ, купленное имъ въ 1774 г. отъ Млечко. Женатъ былъ на Аннѣ Пахневской (487).

186. Феликсъ Михайловичъ.

Въ 1772 г. подхорунжій Каменецкаго драгунскаго полка; въ 1783—хорунжій 3-го пѣхотнаго полка (бывшій Каменецкій драгунскій) литовскихъ войскъ, производится въ поручики. Въ 1789—въ штабсъ-капитаны; въ отставкѣ показанъ маіоромъ (488).

У князя Богуслава Ивановича (№ 161):

187. Ѳома Богуславовичъ.

У князя Якова Ивановича (№ 166):

188. Евдокія Яковлевна.

Въ 1741 г. упоминается замужемъ за княземъ Ив. Пет. Дашковымъ (489).

---

(487) Арх. деп. Герольдіи (Дѣло о Мосальскихъ: 1) Опредѣленіе Гродненс. деп. собр. 1819 г. 2) Вѣдомость о дворянахъ Кобринс. уѣзда 1796 г. 3) Купчая и продажная записи 1774 и 1780 г.).

(488) Арх. деп. Герольдіи (Дѣло о Мосальскихъ: Опредѣленіе Гродненс. депут. собр. 1819 г.). Акты Метр. лит. (Кн. публ. дѣлъ № 30, л. 538; № 33, л. 517).

(489) Моск. арх. мин. юстиціи (Дѣло Вотчин. коллегіи 1738 г. Натальи Бестужевой).

У князя Петра Ивановича (№ 168):

189. Иванъ Петровичъ.

Въ 1722 г. показанъ капраломъ Астраханского пѣхотнаго полка; въ 1724—подпрапорщикъ; въ 1731 г. умеръ въ чинѣ прапорщика. Жену его звали Натальей Михайловной (во второмъ замужествѣ была за капитаномъ Бестужевымъ) (490).

190. Александръ Петровичъ.

Родился въ 1718 г. По свѣдѣніямъ 1722 г. за нимъ вмѣстѣ съ братомъ показано 150 дворовъ крестьянъ (491).

У князя Дмитрія Андреевича (№ 171):

191. Марія Дмитріевна.

Замужемъ за Дубровскимъ.

У князя Василія Андреевича (№ 172):

192. Сергій Васильевичъ.

Родился около 1721 года.

193. Наталья Васильевна.

Замужемъ за Чичеринымъ.

---

(490) Тамъ же (Дѣло Вотчинной коллегіи 1738 г. Натальи Бестужевой. Книги Герольдмейст. конторы 1736 г. № 178, л. 88).

(491) Тамъ же (Кн. Герольдмейст. конт. 1721—26 г. № 16, л. 497. Дѣло Вотчин. коллегіи 1738 г. Натальи Бестужевой).

У князя Ивана Андреевича (№ 173):

194. **Николай Ивановичъ.**

Родился въ 1722 г. ([492]).

195. **Алексѣй Ивановичъ.**

Родился въ 1725 г. По свѣдѣніямъ 1736 г. за нимъ показано 200 душъ крестьянъ. По свѣдѣніямъ 1787 г. значится капитаномъ арміи въ отставкѣ, вдовъ; имѣнія за нимъ: Московс. губерніи, Богородскаго округа, въ сельцѣ Пушкинѣ 46 душъ крестьянъ. Въ 1791 г. подаетъ прошеніе о выдачѣ жалованной грамоты на дворянство ([493]). Женатъ былъ на Анастасіи Романовнѣ Горчаковой.

196. **Анна Ивановна.**

197. **Марія Ивановна.**

198. **Надежда Ивановна.**

199. **Марія 2 Ивановна.**

Всѣ четыре упоминаются въ 1733 г. ([494]).

У князя Михаила Өедоровича (№ 175):

200. **Иванъ Михайловичъ.**

Родился въ 1718 г. Въ 1737 г. опредѣленъ солдатомъ

([492]) Полн. собр. зак. т. IX, № 6458. Моск. арх. мин. юстиц. (Книги Герольдм. конторы 1725—1740 г. № 75, л. 76).

([493]) Арх. деп. Герольдіи (Дѣло о Кольцовыхъ-Мосальскихъ: Дворянс. списки и донесеніе депутатс. собр. въ Герольдію). Моск. арх. мин. юст. (Кн. Герольдм. конторы 1736 г. № 180, л. 82).

([494]) Полн. собр. зак. т. IX, № 6458.

въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Въ 1738 г. произведенъ въ капралы и затѣмъ въ подпрапорщики. Въ 1739 г.— въ каптенармусы, въ 1740—въ сержанты, въ 1748 переведенъ въ Астраханскій пѣх. полкъ капитаномъ; въ 1754 г. уволенъ съ чиномъ секундъ-маіора въ отставку (495) за болѣзнью (496) и показано за нимъ 3170 душъ крестьянъ. По свѣдѣніямъ 1787 г. показанъ вдо-

(495) Моск. арх. мин. юст. (Кн. Герольдм. конт. 1736—37 г. № 190, л. 67; 1754 г. № 416, л. 625).

(496) Не безъинтересны подробности, сохранившіяся относительно того физическаго состоянія, до котораго нужно было дойти, чтобъ получить отставку отъ обязательной безъ срока, въ упоминаемое время, службы. Въ промеморіи 1749 г. изъ Военной коллегіи въ Герольдмейстерскую контору извѣщали, что капитанъ князь Иванъ Кольцовъ-Мосальскій, для излеченія засвидѣтельствованной докторомъ его болѣзни, отпущенъ былъ на два года въ домъ свой и затѣмъ въ 1751 г., по новому засвидѣтельствованію Блюментроста, дана еще отсрочка по ноябрь 1752 года. Передъ окончаніемъ послѣдней, Мосальскій подалъ третье челобитье, объ увольненіи своемъ отъ службы за болѣзнью, но ему велѣно было прибыть для леченія въ Москву и явиться въ коллегію. Въ 1753 г. князь Иванъ прибывъ въ послѣднюю, объявилъ, что отъ имѣющихся-де у него болѣзней по нынѣ онъ не освободился и представилъ свидѣтельство Блюментроста, въ которомъ объяснялось: что болѣзнь его состоитъ въ крайней слабости легкихъ, отъ которой сперва кашель сухой родился и потомъ кровь, иногда чистая, иногда съ мокротой смѣшанная, изъ легкаго горломъ шла и нынѣ является, притомъ же ломъ въ груди безпрестанно и одышка отъ малаго движенія дѣлается и хотя онъ (князь Иванъ) отъ него доктора и отъ другихъ искусныхъ докторовъ пользовался съ прилежаніемъ, однако и до нынѣ желаемаго облегченія получить не можетъ, но временемъ по малой легкости въ прежнюю опасность приходитъ, такъ что весьма совершенно чехотной болѣзни ему опасаться надобно, ибо и нынѣ немалые признаки зачина ея являются и въ такое положеніе пришла, что се за прямую чехотную нынѣ легко признать можно, ибо кашель временемъ сухой временемъ съ мокротой никогда не перестаетъ и притомъ колотье, всегда ломъ и тягость въ груди и въ боку лѣвомъ чувствуетъ, такъ что на тотъ бокъ ему и ложиться временемъ не даетъ и

вымъ и бездѣтнымъ; за нимъ имѣнія: Московс. губерніи, Рузскаго округа, въ селѣ Одигитріевскомъ, Горбово то-жъ, съ деревнями, душъ 168; Звѣнигородскаго округа, въ сельцѣ Столбовѣ — 18. Калужскаго намѣстничества, Мосальскаго округа, въ селахъ Богоявленскомъ и Бокѣевѣ съ деревнями — 2152; кромѣ того имѣетъ родовыя имѣнія и въ другихъ намѣстничествахъ. Съ 1781 г. состоитъ предводителемъ дворянства въ Рузскомъ округѣ ([497]). Въ 1791 г. подаетъ прошеніе о выдачѣ жалованной грамоты на дворянство ([498]). Женатъ былъ на княжнѣ Евдокіи Лобановой-Ростовской.

У князя Ивана (Яна) Михайловича (№ 176):

201. **Михаилъ-Іосифъ Ивановичъ.**

Въ 1721 г. получаетъ державу Руваниче; въ 1724-мъ —

когда ляжетъ, то отъ кашлю и отъ одышки вдругъ въ безпамятство почти придетъ, а отъ оныхъ болѣзней нельзя ему не быть въ крайней слабости и тѣло его худѣетъ и по ночамъ черезъ безпрестанные поты въ крайнее безсильство приходитъ. Въ концѣ Блюментростъ заявляетъ, что князю Ивану ни у какихъ дѣлъ, какова бы оныя званія не были, быть невозможно. Вслѣдствіе этого Военная коллегія рѣшила опять уволить Мосальскаго на два года, обязавъ во всякомъ случаѣ снова явиться по прошествіи срока, а изъ полка выключить. Наконецъ когда миновали и эти два года, по положеніе Мосальскаго не улучшилось, коллегія рѣшила отставить его окончательно отъ службы. (Моск. арх мин. юст.: Книги Герольдм. конторы 1754 г. № 416. л. 625 и слѣд.).

([497]) Арх. департ. Герольдіи (Дѣло о Кольцовыхъ-Мосальскихъ: Дворянс. списки).

([498]) Тамъ же.

староство емонское въ Оршанскомъ повѣтѣ, староство берзницкое въ Гродненскомъ и староство родошковское въ минскомъ воеводствѣ. Въ 1726 г. назначается писаремъ вел. княж. Литовскаго ([499]) и въ число депутатовъ для переговоровъ съ русскимъ правительствомъ; въ томъ-же году состоялъ комисаромъ сейма для ревизіи имѣній и разныхъ сборовъ ([500]). Въ 1727 г. получаетъ староство гродненское и гродненское-же войтовство ([501]). Въ 1733 г. былъ маршаломъ палаты депутатовъ на конвокаціонномъ сеймѣ въ Варшавѣ. Въ 1737 г. назначается воеводой мстиславскимъ; въ 1738 г. получаетъ староство чечерское въ Режицкомъ повѣтѣ и радунское—въ Лидскомъ ([502]). Въ 1741 г. состоялъ маршаломъ литовскаго трибунала ([503]). Въ 1742 г.

([499]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 170, л. 448; № 161, л. 266, 267/196; № 170, л. 447; № 173, л. 284; № 161, л. 268; № 162, л. 121).

([500]) Volumina legum, т. VI, 213, 214, 250, 251.

([501]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 165, л. 304, 306; Кн. судн. дѣлъ № 187, л. 252, 254).

([502]) Нѣсецкій: Herbarz polski, т. I, 375. Dzieje krolewstwa polskiego — Альбертранди, стр. 282. Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 171, л. 47; № 170, л. 109, 291).

([503]) Нѣсецкій: Herbarz polski, т. I, 386. Rękopism x. Baginskiego изд. Тышкевичемъ, 117. Рѣчь Мосальскаго, произнесенная имъ при закрытіи виленской сессіи трибунала, напеч. въ Svadae Polonae; она представляетъ лишь наборъ надутыхъ фразъ и льстивыхъ обращеній къ членамъ трибунала. Въ томъ же 1741 г. издана еще проповѣдь, произнесенная передъ открытіемъ трибунала во время молебствія въ виленскомъ каѳедральномъ соборѣ. Она озаглавлена: «Sprawiedliwość, fortuna Panstw y Krolestw na solenney wotywie w Basylice katedralney . . . . pokazana» и посвящена священникомъ Авреліемъ князю Михаилу Мосальскому. Въ началѣ проповѣди предпослано обращеніе къ самому князю, въ

назначенъ кастеляномъ троцкимъ, въ 1744-мъ — кастеляномъ виленскимъ и гетманомъ польнымъ вел. княж. Литовскаго ([504]). Въ 1751 г. получаетъ староство пропойское въ Режицкомъ повѣтѣ, въ 1752-мъ—староство тельшевское въ Жмуди и въ 1757 г. войтовство волковыское ([505]). Въ 1762 г. послѣ смерти Радзивилла назначается великимъ гетманомъ литовскимъ ([506]). Умеръ въ 1767 г. ([507]). Былъ женатъ на Франциско Огинской.

202. Доминика Ивановна.

Замужемъ за Юзефовичемъ, каштеляномъ минскимъ ([508]).

У Іосифа Доминиковича (№ 179).

203. Ѳома Іосифовичъ.

Въ 1766 г. названъ полковникомъ литовскихъ войскъ

которомъ авторъ говоритъ, что Мосальскіе сначала въ Россіи носили наслѣдственный титулъ князей и начальствовали надъ всѣми національными военными силами, а потомъ, прославленные военными и мирными доблестями, занимали со славой высокіе посты въ Литвѣ Далѣе перечисляются наиболѣе замѣчательныя лица изъ дома Мосальскихъ.

([504]) Акты Метр. лит. (Кн зап. № 173, л. 40; № 172, л. 936; № 173, л. 214).

([505]) Тамъ же (Кн. зап. № 176, л. 916; № 181, л. 7; № 179, л. 823).

([506]) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 183, л. 728). Нѣсецкій: Herbarz Polski, т. I, 370. Акты изд. Комисіей для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ:—«Инструкція посламъ брестскаго воеводства, относительно ходатайства о назначеніи Мосальскому виленскаго воеводства и булавы», т. IV, стр. 529.

([507]) Нѣсецкій: Herbarz Polski, т. I, 368. По другимъ извѣстіямъ князь Михаилъ скончался въ началѣ 1768 г.

([508]) Проповѣдь священника Аврелія: «Sprawiedliwość, fortuna Panstw y Krolestw . . . и проч , изд. 1741 г.

и въ 1775 г. показанъ въ отставкѣ ([509]). Около 1792 г. имъ, вмѣстѣ съ другими лицами, основанъ придѣлъ въ Свеженскомъ приходскомъ костелѣ. Былъ женатъ на Франciскѣ Охотницкой ([510]).

У князя Данiила Аѳанасьевича (№ 181).

204. **Евстафiй Даниловичъ.**

По свѣдѣнiямъ 1796 г. показанъ въ числѣ дворянъ Кобринскаго уѣзда, но проживающимъ въ Россiи. Родился въ 1776 г. ([511]).

205. **Ѳедоръ Даниловичъ.**

Родился въ 1780 г. Въ 1793 г. поступилъ кадетомъ въ морской шляхетный корпусъ и въ 1795 г. произведенъ въ гардемарины; въ томъ же году для кампанiи былъ на кронштадтскомъ рейдѣ, на кораблѣ Принцъ Густавъ. Въ 1796 г. назначенъ капраломъ отъ гардемаринъ и былъ въ кампанiи въ Балтiйскомъ морѣ на кораблѣ св. Пантелеймонъ. Въ 1797 г. произведенъ въ мичманы и былъ въ кампанiи въ Балтiйскомъ морѣ на кораблѣ «Не тронь меня», въ присутствiи императора Павла, находившагося на фрегатѣ Эммануилъ. Въ

([509]) См. прил. 56. Также—арх. деп. Герольдiи. (Дѣло о Мосальскихъ: Протоколъ Новогрудс. суда 1786 г.),

([510]) Бросль-Платеръ: Zbior pamiętnikow do dziejow polskich, т. IV, 228. Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 185, л. 152).

([511]) Арх. деп. Герольдiи (Дѣло о Мосальскихъ: Вѣдомость о дворянахъ Кобринскаго уѣзда, 1796 г.).

и въ
имъ,
Свел
Фра

У

204. Ев
По
Ко
ди
205. Ѳ
Р
в
д
б
]

(5
токо.
(
Акт
(
Ко

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ ДАНІИЛОВИЧЪ МОСАЛЬСКІЙ.

(къ № 205 родословной.)

1798 г. былъ командированъ въ Архангельскъ, съ причисленіемъ къ строившемуся транспорту Кильдюймъ, а для кампаніи назначенъ на корабль Азія, въ бытность на которомъ получилъ два раза въ награду третное жалованье; подъ начальствомъ вице-адмирала Тета отплылъ съ эскадрою черезъ Сѣверный океанъ и Нѣмецкое море къ англійскимъ берегамъ, гдѣ эскадра соединившись съ вице-адмираломъ Макаровымъ и англійскимъ флотомъ, крейсировала около голландскихъ береговъ и не допускала голландскій флотъ выйти въ море. Въ 1799 г. переведенъ на фрегатъ Нарву и подъ командой контръ-адмирала Борисова возвратился съ эскадрой въ Россію, съ причисленіемъ къ кронштадтской гребной командѣ, гдѣ состоялъ для надзора за рабочими въ адмиралтействѣ. Въ 1801 г. посланъ былъ на ёлахъ для защиты кронштадтскаго рейда, а оттуда въ Петергофъ и С.-Петербургъ, гдѣ въ присутствіи императора Александра Павловича производились въ устьѣ Невы, въ совокупности съ батареями, маневры, за которые былъ удостоенъ Монаршимъ благоволеніемъ; въ іюнѣ того же года отчисленъ обратно въ адмиралтейскую команду и по прошенію уволенъ въ гражданскую службу. Затѣмъ князь Ѳедоръ Даніиловичъ служилъ по министерствамъ Юстиціи, Финансовъ и Путей сообщенія и состоялъ кавалеромъ орденовъ св. Владиміра 4-й степени и Іоанна Іерусалимскаго ([512]); умеръ въ 1829 г. въ отставкѣ,

([512]) Арх. деп. Герольдіи (Дѣло о Мосальскихъ: Послужной списокъ 1826 г.).

въ чинѣ статскаго совѣтника. Былъ женатъ на дочери тайнаго совѣтника Еленѣ Ивановнѣ Богаевской.

206. **Филиппъ Даниловичъ.**

Родился въ 1787 г. По свѣдѣніямъ 1796 г. показанъ въ числѣ дворянъ Кобринскаго уѣзда ([513]). Женатъ былъ на Екатеринѣ Александровнѣ Протасовой.

207. **Екатерина Даниловна.**

Замужемъ за подполковникомъ Осиповымъ.

У князя Криштофа Антоновича (№ 182):

208. **Антоній Криштофовичъ.**

Родился въ 1751 г. Въ 1805 показанъ маіоромъ польскихъ войскъ ([514]).

209. **Михаилъ Бонифацій-Норбертъ Криштофовичъ.**

Родился въ 1759 г. и по свѣдѣніямъ 1796 г. показанъ въ числѣ дворянъ Кобринскаго уѣзда ([515]). Въ 1805 г. показанъ хорунжимъ польскихъ войскъ; въ отставкѣ съ 1827 г.; былъ женатъ два раза: на Еленѣ Куликовской и Аннѣ Краевской ([516]). Въ 1836 г. упоминается какъ умершій.

([513]) Тамъ-же (Дѣло о Мосальскихъ: Вѣдомость дворянамъ Кобринс. уѣзда 1796 г.); здѣсь онъ указанъ родившимся въ 1782 г.

([514]) См. прил. 54.

([515]) Арх. деп. Герольдіи (Дѣло о Мосальскихъ: Вѣдомость дворянамъ Кобринс. уѣзда 1796 г. Опредѣленіе Гродненс. депут. собранія, 1819 г.).

([516]) См. прил. 54. Архивъ департ. Герольдіи (Дѣло о Мосальскихъ: Опредѣленіе Гродненс. депут. собр. 1827 г.).

210. Игнатій Криштофовичъ.

Родился въ 1763 г. Въ 1805 г. названъ хорунжимъ польскихъ войскъ; въ 1830 г. упоминается какъ поручикъ тѣхъ-же войскъ ([517]).

211. Теофиль-Яковъ Криштофовичъ.

Родился въ 1768 г. Въ 1805 г. показанъ поручикомъ польскихъ войскъ и подаетъ въ земскій слуцкій судъ заявленіе о своемъ родствѣ съ нѣкоторыми вѣтвями фамиліи Мосальскихъ ([518]). Женатъ былъ на Франццскѣ Забѣлло.

212. Доминикъ-Валеріанъ Криштофовичъ.

Родился въ 1770 г.; въ 1805 упоминается какъ хорунжій польскихъ войскъ ([519]). Женатъ былъ на Марціаннѣ Козловской.

213. Богуславъ Криштофовичъ.

214. Гонората Криштофовна.

Оба упоминаются въ 1786 г. ([520]).

У князя Станислава Антоновича (№ 183):

215. Іоахимъ Станиславовичъ.

Въ 1786 г. показанъ предсѣдателемъ новогрудскаго

([517]) См. прил. 54.

([518]) Тамъ же.

([519]) Тамъ же.

([520]) Арх. деп. Герольдіи (Дѣло о Мосальскихъ: Протоколъ Новогрудс. суда 1786 г.).

земскаго суда; въ 1805 г. упоминается какъ умершій. Былъ женатъ на Екатеринѣ Жабовичъ ([521]).

216. **Робертъ Станиславовичъ.**

Упоминается въ 1779 году ([522]).

217. **Бригитта Станиславовна.**

218. **Варвара Станиславовна.**

219. **Марціанна Станиславовна.**

Всѣ три упоминаются въ 1786 г. ([523]).

У князя Ивана Михайловича (№ 185):

220. **Адамъ-Иванъ Ивановичъ.**

Родился въ 1766 г. По свѣдѣніямъ 1796 г. показанъ въ числѣ дворянъ Кобринскаго уѣзда. Въ 1802, 1805 и 1809 годахъ былъ выбираемъ депутатомъ въ гродненское губернское собраніе. Въ 1811 г. избранъ судьей земскаго суда, а въ 1814 г.—предсѣдателемъ того-же суда и первымъ межевымъ судьею. Въ 1815 г. избранъ въ предсѣдатели межеваго апеляціоннаго суда и состоялъ регентомъ кобринскаго земскаго. Въ 1821 награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Владѣлъ въ Кобринскомъ уѣздѣ деревнями Чернѣевичи и Хмѣлищи. Былъ женатъ на Варварѣ Непокойчицкой ([524]).

([521]) Тамъ же. (Дѣло о Мосальскихъ: Метрика 1786 г., купчая 1805 г. и опредѣленіе Гродненс. депут. собранія 1819 г.),

([522]) Арх. деп. Герольдіи (Дѣло о Мосальскихъ: Запись 1779 г.).

([523]) Тамъ же (Дѣло о Мосальскихъ: Протоколъ Новогрудс. суда 1786 г.).

([524]) Тамъ же (Дѣло о Мосальскихъ: Послужн. списокъ князя Адама).

У князя Ивана Петровича (№ 189):

221. Александръ Ивановичъ.

Родился въ 1725 г. По свѣдѣніямъ 1736 г. — «въ школу нигдѣ не записанъ, грамотѣ россійской, ариѳметикѣ, геометріи и триногонометріи обученъ; крестьянъ за нимъ въ Мосальскомъ, Дмитровскомъ и Вологодскомъ уѣздахъ съ 500 душъ; въ 1737 г. отосланъ въ кадетскій корпусъ». Въ 1742 г. показанъ каптенармусомъ л.-гв. коннаго полка; въ 1762—1764 г.—корнетомъ (по другимъ свѣдѣніямъ—капитаномъ) того-же полка и отставленъ отъ службы. Въ 1787 г. показанъ л.-гв. капитаномъ въ отставкѣ, за нимъ крестьянъ въ Калужскомъ намѣстничествѣ въ Мосальскомъ округѣ въ селѣ Луневѣ съ деревнями, 1148 душъ. Женатъ былъ на Евдокіи Ивановнѣ Дубровской ([525]). Умеръ въ 1812 г.

222. Татьяна Ивановна.

223. Марія Ивановна.

Обѣ упоминаются въ 1738 ([526]).

([525]) Моск. арх. мин. юст. (Кн. Герольдм. конторы: 1736 г. № 178, л. 88; № 183, л. 414, 415, 452, 454; 1762—64 г. № 512, л. 306. Дѣло Вотчин. коллегіи 1738 г. Натальи Бестужевой). Арх. деп. Герольдія (Дѣло о Кольцовыхъ-Мосальскихъ: Дворянс. списки 1787 г.).

([526]) Моск. арх. мин. юст. (Дѣло Вотчин. коллегіи 1738 г. Натальи Бестужевой).

8

У князя Алексѣя Ивановича (№ 195):

224. Наталья Алексѣевна.

Родилась въ 1753 г.; замужемъ была за княземъ Александромъ Волконскимъ ([527]).

225. Пелагія Алексѣевна.

Родилась въ 1758 г.; замужемъ была за Николаемъ Плохово ([528]).

У князя Ивана Михайловича (№ 200).

226. Сергій Ивановичъ.

Родился въ 1748 г.. Въ 1758 г. опредѣленъ въ Артиллерійскую школу. Въ 1764 г. показанъ сержантомъ артиллеріи и по знанію имъ иностранныхъ языковъ назначенъ въ штатъ генералъ-аншефа Панина, на должность переводчика, въ рангѣ прапорщика. Умеръ какъ видно до 1787 г., такъ какъ въ это время отецъ его показанъ уже бездѣтнымъ ([529]).

227. Варвара Ивановна.

228. Екатерина Ивановна.

([527]) Арх. деп. Герольдіи (Дѣло о Кольповыхъ-Мосальскихъ: Дворянс. сп. 1787 г.).

([528]) Тамъ же.

([529]) Моск. арх. мин. юст. (Кн. Герольдм. конторы: 1758 г. № 473, л. 378—384). Арх. деп. Герольдіи (Дѣло о Кольцовыхъ-Мосальскихъ: Дворянс. списки). Архивъ старыхъ дѣлъ при Спб. Артил. музеѣ (Дѣла штаба генералъ-фельдцейхмейстера 1764 г., св. 617, л. 14).

У князя Михаила Ивановича (№ 201):

229. Іосифъ-Адріанъ Михайловичъ.

Въ 1749 г. назначается начальникомъ Пятигорской хоругви; названъ старостой гродненскимъ (530). Въ 1753 г. показанъ генералъ-маіоромъ кавалеріи; въ 1754 г. назначается на должность надворнаго подскарбія великаго княжества Литовскаго (531). Въ 1763 г. показанъ генералъ-лейтенантомъ литовскихъ войскъ; въ 1765 г. показанъ умершимъ (532). Былъ женатъ на Антонинѣ Радзивиллъ (533).

230. Казиміръ-Адріанъ Михайловичъ.

Въ 1744 г. назначенъ вторымъ полковникомъ драгунскаго полка литовскихъ войскъ и названъ старостой волковыскимъ (534). Въ 1745 г. по случаю своей женитьбы на Христинѣ Сапѣга, получаетъ отъ отца своего графство Мышское (см. гл. IV). Въ 1750 г. назначенъ на должность обознаго вел. княж. Литовскаго и въ 1751 г.—полковникомъ коннаго полка (535). Въ 1752 г. получаетъ должность подчашаго вел. княж. Литовскаго и былъ на сеймѣ въ Гродно маршаломъ палаты депутатовъ (536). Въ 1756 г. упоминается какъ

(530) Акты Метр. лит. (Кн. зап. № 176, л. 220, 402, 694).

(531) Тамъ же (Кн. зап. № 181, л. 55; № 179, л. 269).

(532) Тамъ же (Кн. зап. № 183, л. 894; № 184, л. 378).

(533) Icones familiae Ducalis Radivilianae, 1875 г., л. 118.

(534) Акты Метр. лит. (Кн. Зап. № 172, л. 1417).

(535) Тамъ-же (Кн. Зап. № 176, л. 763, 828).

(536) Тамъ-же (Кн. Зап. № 181, л. 5). Нѣсецкій: Herbarz Polski, т. I, 376.

неправоспособный, вслѣдствіи овладѣвшей имъ душевной болѣзни.

231. **Игнатій-Яковъ Михайловичъ.**

Родился въ 1729 г. и въ 1744 г. былъ избранъ въ каноники виленской капитулы, а затѣмъ отправленъ отцомъ своимъ въ Римъ, гдѣ по истеченіи $3\frac{1}{2}$ лѣтъ получилъ степень доктора богословія и философіи и возвратившись обратно былъ назначенъ въ 1748 г. духовнымъ писаремъ вел. княж. Литовскаго ([537]). Затѣмъ князь Игнатій получилъ Рожанское аббатство, варшавскую канонію и сдѣланъ былъ прелатомъ настоятелемъ виленской каѳедры. Въ 1754 г. онъ былъ назначенъ рефендаріемъ велик. княж. Литовскаго и наконецъ въ 1763 г. избранъ въ санъ епископа виленскаго ([538]). Въ 1763 г. епископъ Мосальскій состоялъ членомъ комисіи по составленію новаго судебнаго уложенія ([539]); въ 1764 г. имъ въ числѣ другихъ подписаны пункты pacta conventa, при избраніи Станислава-Августа ([540]);

---

(537) Акты Метр. лит. (Кн. Зап. № 176, л. 72).

(538) Тамъ-же (Кн. Зап. № 179, л. 519; № 183, л. 621). Предназначеніе Мосальскаго въ епископы было сдѣлано королемъ Августомъ III и затѣмъ проведено виленскою капитулой, мотивировавшей избраніе князя Игнатія слѣдующимъ образомъ: 1) Что онъ принадлежитъ къ знатному роду и поэтому будетъ полезенъ церкви, 2) что состоя уже 18 лѣтъ на службѣ въ епархіи, онъ ознакомился съ ней и ктому же владѣетъ умомъ и наукой, 3) что скроменъ нравомъ и всѣмъ доступенъ и 4) что обладаетъ ученой степенью доктора богословіи и философіи.

(539) Volumina legum, т, VII, 89

(540) Volumina legum, т. VII, 8, 9, 97—103.

въ томъ же году онъ состоялъ въ числѣ сенаторовъ уполномоченныхъ для веденія переговоровъ съ Петербургскимъ дворомъ и показанъ членомъ совѣта при примасѣ ([541]). Въ 1766 г. былъ назначенъ въ число резидентовъ при королѣ; въ 1775 г. подписываетъ особые договоры Польши съ Россіей, Австріей и Пруссіей, относительно дополнительныхъ статей заключенныхъ уже до того трактатовъ; въ томъ-же году назначенъ членомъ комиссіи надъ богоугодными заведеніями, предсѣдателемъ комиссіи эдукаціонной (завѣдывавшей народнымъ образованіемъ послѣ іезуитовъ), членомъ комиссіи по распоряженію надъ поіезуитскими имѣніями и разныхъ другихъ —по разбору частныхъ имущественныхъ споровъ ([542]). Въ 1776 г. имя епископа Игнатія находится въ числѣ подписей подъ актомъ генеральной конфедераціи, а также въ числѣ членовъ Постояннаго Совѣта и въ 1781 г.—въ числѣ сеймовыхъ судей ([543]). Умеръ въ 1794 г. ([544]).

232. Иванъ (Янъ) Михайловичъ.

Въ 1748 названъ секундъ-полковникомъ артиллеріи ([545])

---

(541) Volumina legum, т. VII, 15—17; т. VIII, 53.

(542) Volumina legum, т. VII, 219, 220; т. VIII, 39—65, 109—111, 152—157, 213, 240, 315, 318, 358, 587.

(543) Volumina legum, т. VIII, 526 - 529, 535, 583.

(544) См. гл. IV. Многія подробности о духовной и свѣтской дѣятельности епископа Игнатія см. въ его біографіи, помѣщенной у Пржыалговскаго, въ его «Żywoty biskupów wilenskich,» 1860 г., т. III, XXVIII; также у Оргельбранда—«Encyklopedia powszechna», т. 18, стр. 154—156 и въ друг.

(545) Акты Метр. лит. (Кн. Зап. № 176, л. 258; Кн. суди. дѣлъ 199, л. $\frac{535}{1}$).

и получаетъ имѣніе Лугеле въ Гродненскомъ повѣтѣ ([546]). Въ 1756 г. назначается на должность подчашаго вел. княж. Литовскаго; въ 1762 г. состоялъ маршаломъ главнаго трибунала ([547]); въ томъ-же году упоминается какъ генералъ - лейтенантъ литовскихъ войскъ; умеръ въ 1763 году ([548]).

233. **Екатерина-Христина Михайловна.**

Замужемъ за Іосифомъ Неселовскимъ воеводой новогродскимъ, которому въ 1780 г. дѣлаетъ запись на все свое приданое и 1000000 злотыхъ ([549]).

234. **Тереза Михайловна.**

235. **Маріанна Михайловна.**

Обѣ упоминаются въ одномъ изъ современныхъ панегириковъ ([550]).

У Ѳомы Іосифовича (№ 203).

236. **Онуфрій Ѳомичъ.**

Въ 1790 г. показанъ хорунжимъ въ народовой бригадѣ Пятигорской; въ 1793 г. названъ поручикомъ и увольняется въ отставку съ чиномъ маіора ([551]).

(546) Тамъ-же (Кн. Зап. № 177, л. 1251).

(547) Тамъ-же (Кн. Зап. № 179, л. 668). Rękopism X. Baginskiego, изд. Тышкевичемъ, стр. 118.

(548) Акты Метр. лит. (Кн. Зап. № 183, л. 894, 958).

(549) Тамъ-же (Кн. п. бл. дѣлъ № 29, л. 563); также см. гл. IV.

(550) «Nomen fortunae publicae.. » и проч., посвященномъ гетману Михаилу Мосальскому и напечатанному въ Вильнѣ въ 1748 году.

(551) Акты Метр. лит. (Кн. публ. дѣлъ № 33, л. 942, 1112).

23

234

235

236

(5

(5

кевич

(5

(5

(5

Моса

(5

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ МОСАЛЬСКІЙ.

къ № 239 родословной

237. Ксаверій Θомичъ.

238. Ромуальдъ Θомичъ.

Всѣ трое упоминнются въ актахъ 1788—1802 г. (552).

У князя Θедора Даниловича (№ 205):

239. Θедоръ Θедоровичъ.

Родился въ 1810 г. Въ 1828 г. поступилъ портупей-прапорщикомъ въ институтъ корпуса путей сообщенія и въ 1829 г. произведенъ въ прапорщики, съ оставленіемъ при институтѣ для окончанія курса наукъ; въ 1830 г. — въ подпоручики и въ 1831 г.—въ поручики, съ назначеніемъ на службу въ III округъ путей сообщенія, гдѣ производилъ изысканія по устройству шоссе отъ Подольска до Бобруйска. Въ 1835 г. произведенъ въ капитаны, въ 1843 г.—въ маіоры и опредѣленъ начальникомъ 4-го отдѣленія IV округа путей сообщенія. Въ 1847 г. произведенъ въ подполковники и назначенъ (1851 г.) членомъ общаго присутствія правленія того-же округа, а въ 1856 г. въ полковники и въ 1861 г. опредѣленъ начальникомъ V округа путей сообщенія. Въ 1862 г. произведенъ въ генералъ-маіоры; въ 1870 г. назначенъ директоромъ департамента сухопутныхъ сообщеній, въ 1873 г.—членомъ совѣта министерства путей сообщенія и въ 1874 г.—членомъ комитета по устройству Маріинскаго водянаго пути. Кавалеръ многихъ орденовъ,

(552) См. прил. 56.

въ томъ числѣ св. Станислава и св. Анны 1 степени, св. Владиміра 2 и 3 степени и др. Умеръ въ 1886 г. Женатъ былъ первымъ бракомъ на Аннѣ Гильдебрандтъ, вторымъ—на дочери тайнаго совѣтника Глафирѣ Димитріевнѣ Серебряковой.

240. **Николай Өедоровичъ.**

Родился въ 1812 г. генералъ-адъютантъ, генералъ отъ артиллеріи, членъ Военнаго Совѣта. Кавалеръ многихъ россійскихъ и иностранныхъ орденовъ, въ томъ числѣ св. Георгія 3 степ. и св. Александра Невскаго съ бриллiантовыми украшеніями. Женатъ былъ на Софіи Владиміровнѣ Мезенцовой. Скончался въ 1880 г. (см. біографію его въ ч. I).

241. **Иванъ Өедоровичъ.**

Родился въ 1827 г. По окончаніи курса наукъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, произведенъ въ мичманы въ 1846 г., но въ 1847 г. по прошенію уволенъ за болѣзнію отъ службы. Въ томъ-же году поступилъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ въ Департаментъ полиціи исполнительной, съ чиномъ губернскаго секретаря. Въ 1860 г. по прошенію уволенъ снова въ отставку, но въ 1865 г. опредѣленъ въ Почтовый департаментъ и въ 1866 г. перемѣщенъ на службу въ III отдѣленіе Собственной Е. И. В. канцеляріи. Въ 1676 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ 1879 г. окончательно оставилъ службу. Кавалеръ раз-

[illegible] томъ числѣ св. Станислава и св. Анны 1 степени, св. Владиміра 2 и 3 степени и [illegible] Умеръ въ 1886 г. Женатъ былъ первымъ бракомъ на Аннѣ Гильдебрандтъ, вторымъ—на дочери [illegible] Глафирѣ Дмитріевнѣ [illegible]

24[illegible]. Николай Θедоровичъ.

Родился въ [illegible] генералъ отъ артиллеріи, членъ [illegible] Совѣта. Кавалеръ многихъ россійскихъ и [illegible] орденовъ, въ томъ числѣ св. Георгія [illegible] Александра Невскаго съ бриллiантовыми украшеніями [illegible] Софіи Влади[illegible]

24 [illegible]

[illegible]

лѣзнію отъ службы. [illegible] Министерство внутреннихъ дѣлъ въ [illegible] съ чиномъ губернскаго секретаря. Въ 18[illegible] г. [illegible] уволенъ снова въ отставку, [illegible] г. опредѣленъ въ Почтовый департаментъ [illegible] на службу въ III отдѣленіе [illegible] Е. И. В. канцеляріи. [illegible]

КНЯЗЬ ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ МОСАЛЬСКІЙ.

(къ № 241 родословной.)

Фототипія В. Классенъ. С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7. 2

ныхъ орденовъ, въ томъ числѣ св. Владиміра 3 степ. и св. Станислава 1 степени. Женатъ былъ первымъ бракомъ на графинѣ Шанборанъ († въ 1860 г.), а вторымъ—на дочери тайнаго совѣтника Ольгѣ Ивановнѣ Грибовской († 1886 г.).

242. Димитрій Өедоровичъ.

Воспитывался въ Михайловскомъ артил. училищѣ и служилъ въ конной артиллеріи. Скончался въ 1837 году.

243. Варвара Өедоровна; скончалась въ 1842 году.

244. Елена Өедоровна; скончалась въ 1888 году.

У князя Михаила Криштофовича (№ 209):

245. Антоній Михайловичъ.

Родился въ 1788 г. Служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ кампаніи 1806—1807 г., гдѣ подъ Гелзбергомъ раненъ палашемъ въ обѣ руки; въ 1812 г. былъ въ разныхъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ подъ Бородиномъ и подъ Краснымъ; въ 1813 г.—въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, за которое награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени и наконецъ сдѣлалъ кампанію 1814—1815 г. Въ 1820 г. показанъ штабсъ-капитаномъ Минскаго гарнизоннаго баталіона.

246. Иванъ-Юрій Михайловичъ.

Родился въ 1798 г. Воспитывался въ московскомъ уѣздномъ для дворянъ училищѣ. Былъ женатъ два раза:

1) На Александрѣ и 2) На Вероникѣ, урожденныхъ Мосальскихъ-же.

247. **Генрихъ Михайловичъ.**

Родился въ 1806 г., умеръ въ 1852 г. Былъ женатъ на Іоаннѣ Сушинской.

248. **Михаилъ Михайловичъ.**

Родился въ 1813 г.

249. **Мечиславъ Михайловичъ.**

Родился въ 1818 г.

250. **Францъ-Салезій Михайловичъ.**

251. **Игнатій Михайловичъ.**

252. **Адамъ Михайловичъ.**

У Теофиля Криштофовича (№ 211):

253. **Антонъ-Викентій Теофильевичъ.**

Родился въ 1798 г. Въ 1819 г. опредѣленъ юнкеромъ въ польскій уланскій полкъ; въ 1821 г. произведенъ въ корнеты, съ переводомъ въ Волынскій уланскій полкъ. Въ 1831 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ при усмиреніи польскаго возстанія и находился въ сраженіи подъ Прагой. При мѣстечкѣ Ломцѣ раненъ пулей въ ногу. Въ 1835 г. показанъ штабъ-ротмистромъ Одесскаго уланскаго полка и въ 1837 г. уволенъ въ отставку. Былъ женатъ на Юліи Барановской.

254. **Юрій Бернаръ Теофильевичъ.**

Родился въ 1802 г.

255. **Иванъ-Фаддей-Дидакъ Теофильевичъ.**

Родился въ 1804 г.

256. **Александръ-Людгардъ Теофильевичъ.**

Родился въ 1808 г. Въ 1837 г. показанъ поручикомъ въ отставкѣ.

257. **Онуфрій-Адольфъ Теофильевичъ.**

258. **Болеславъ Теофильевичъ.**

Родился въ 1822 г., женатъ на Вильгельминѣ Рудоминой.

259. **Эмилія Теофильевна.**

260. **Стефанія Теофильевна.**

У князя Доминика-Валеріана Криштофовича (№ 212):

261. **Ксаверій-Люціанъ Доминиковичъ.**

Родился въ 1811 г., женатъ на Констанціи Вольской.

262. **Іосифъ Александръ Доминиковичъ.**

Родился въ 1815 г. Воспитывался въ свислочской гимназіи, на службу вступилъ въ 1830 г. въ Гродненское губернское правленіе; съ 1840—1850 г. въ отставкѣ и затѣмъ снова на службѣ; въ 1863 г. состоялъ приставомъ въ Виленскомъ уѣздѣ. Умеръ въ 1867 г. Былъ

женатъ два раза: 1) на Юліи Нѣмчиновичъ, 2) на Казимирѣ Струтинской.

263. **Антонъ-Станиславъ Доминиковичъ.**

Родился въ 1821 г., женатъ на Еленѣ Реймеръ.

264. **Адольфъ-Игнатій Доминиковичъ.**

Родился въ 1822 г.

265. **Ромуальдъ-Максимиліанъ Доминиковичъ.**

Родился въ 1826 г., женатъ на Вильгельминѣ Махцѣвичъ.

266. **Александра Доминиковна.**

Родилась въ 1819 г., умерла въ 1858 г.; была замужемъ за Иваномъ Мосальскимъ (№ 245).

267. **Вероника Доминиковна.**

Замужемъ за Иваномъ Мосальскимъ (№ 245).

268. **Вицентія Доминиковна.**

Родилась въ 1824 г. (глухонѣмая).

У князя Іоахима Станиславовича (№ 215).

269. **Іосифъ Іоахимовичъ.**

Въ 1805 г. продаетъ вмѣстѣ съ братомъ (№ 270), принадлежащую имъ часть имѣнія Начъ ([553]). Въ 1819 г. упоминается какъ умершій.

270. **Семенъ-Викентій-Карлъ-Яковъ Іоахимовичъ.**

Родился въ 1786 г. Воспитывался въ Жировицкомъ

уѣздномъ для дворянъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1804 г. Въ 1805 г. продаетъ вмѣстѣ съ братомъ (№ 269) принадлежащую имъ часть имѣнія Начъ ([554]). Въ 1811 г. избранъ въ депутаты отъ Слуцкаго уѣзда въ минское депутатское собраніе; въ 1814 г. минскій межевой судья, въ 1826 г. пинскій уѣздный хорунжій и предсѣдатель комиссіи по отводу земель, въ 1844 г. судья пинскаго уѣзднаго суда, въ каковой должности и оставался до своей смерти въ 1855 г. Владѣлъ въ Пинскомъ уѣздѣ имѣніемъ Березнякъ; женатъ былъ на Геновефѣ Былевской.

У князя Адама Ивановича (№ 220):

271. Ипполитъ-Игнатій-Бальбинъ Адамовичъ.

Родился въ 1796 г. Въ 1823 г. избранъ депутатомъ въ гродненское депутатское собраніе, въ 1829 году кобринскимъ межевымъ судьей, въ 1830 году судьей гродненскаго межеваго апеляціоннаго суда, въ 1834 и 1840 г. также. Въ 1847 г. за выслугу лѣтъ представленъ къ ордену св. Владиміра 4-й ст. Владѣлъ въ Кобринскомъ уѣздѣ имѣніемъ Патрики. Въ 1856 году впалъ въ душевный недугъ и въ 1867 г. умеръ. Былъ женатъ на Юліи Пахневской.

---

(553) Арх. деп. Герольдіи (Дѣло о Мосальскихъ: Продажная запись 1805 г.)
(554) Тамъ-же.

272. Изабелла Адамовна.

273 Теофилія Адамовна.

274 Пляцида Адамовна.

У князя Александра Ивановича (№ 221):

275. **Андрей Александровичъ.**

Въ 1797 г. показанъ дѣйствительнымъ камергеромъ (555). Въ 1804 г. гофмейстеромъ и пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ 1831 г. названъ оберъ-гофмейстеромъ и получаетъ знакъ отличія безпорочной службы за 45 лѣтъ. Въ 1838 г. показанъ въ отставкѣ; имѣнія за нимъ: родоваго—въ Мосальскомъ уѣздѣ въ селахъ Богоявленскомъ и Люновомъ 2200 душъ, Московс. губ. Подольскаго уѣзда въ дер. Столбовой—16; благопріобрѣтеннаго—540 душъ въ Ростовс. и Звенигородс. уѣздахъ. Женатъ былъ на Ольгѣ Лачиновой. Умеръ въ 1843 г.

У князя Іосифа Михайловича (№ 229):

276. **Ксаверій Іосифовичъ.**

Въ 1779 г. упоминается какъ владѣлецъ имѣній Олекшицы и Вейсеи; названъ шефомъ полка Мосальскихъ (556).

---

(555) Вѣроятно именно о немъ и упоминается подъ 1793 г., какъ о камеръ-юнкерѣ при Екатеринѣ II. (Дѣян. Екатерины II.—Колотова; Ист. Екатерины II—Лефорта).

(556) Акты Метр. лит. (Кн. публ. дѣлъ № 29, л. 457).

Въ 1780 г. совершаетъ раздѣлъ своихъ имѣній съ сестрою—Еленой де-Линь; показанъ кавалеромъ ордена св. Станислава ([557]). По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ былъ генераломъ польскихъ войскъ и женатъ на дочери гетмана Мих. Радзивилла ([558]). Умеръ бездѣтнымъ въ 1788 году.

277. **Елена-Аполлонія Іосифовна.**

Въ 1780 г. совершаетъ раздѣлъ своихъ имѣній съ братомъ своимъ Ксаверіемъ (см. выше). Была замужемъ два раза: 1) За княземъ Карломъ де-Линь ([559]), 2) За графомъ Викентіемъ Потоцкимъ подкоморіемъ коронньмъ (см. гл. IV).

278. **Маріанна Іосифовна.**

Родилась въ 1755 г. ([560]).

У Онуфрія Ѳомича (№ 236):

279. **Ѳома Онуфріевичъ.**

Воспитывался сначала въ полоцкой іезуитской академіи, а затѣмъ въ виленскомъ университетѣ. Владѣлъ въ Слуцкомъ уѣздѣ имѣніемъ Голыши. Извѣстенъ въ литературѣ какъ авторъ многихъ талантливыхъ произведеній (см. гл. IV).

(557) Тамъ-же (Кн. публ. дѣлъ № 29, л. 753, 305).

(558) Нѣсецкій: Herbarz Polski, т. VI, 349–353.

(559) Бракосочетаніе совершено 29 авг. 1779 г. въ Парижѣ, въ церкви аббатства Notre-Dame aux-Bois.

(560) Icones familiae Ducalis Radivilianae, 118.

280. Іосифъ Онуфріевичъ.

Воспитывался въ виленскомъ университетѣ и оставилъ въ современной литературѣ (двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія) нѣсколько своихъ произведеній (см. гл. IV).

У князя Өедора Өедоровича (№ 239):

281. Сергій Өедоровичъ.

Родился въ 1855 году. Женатъ былъ на дочери генералъ-маіора баронессѣ Маріи Владиміровнѣ Меллеръ-Закомельской. Умеръ 16 дек. 1891 г.

У князя Николая Өедоровича (№ 240):

282. Владиміръ Николаевичъ.

Родился въ 1860 г. Поручикъ гвард. конной артиллеріи.

283. Вѣра Николаевна.

Фрейлина Ея Императорскаго Величества. Замужемъ за надворнымъ совѣтникомъ Аполлономъ Васильевичемъ Приселковымъ, камеръ-юнкеромъ Двора Его Императорскаго Величества.

284. Елисавета Николаевна; скончалась ребенкомъ.

У князя Ивана Өедоровича (№ 241):

285. Өедоръ Ивановичъ.

Родился въ 1875 г.

286. **Петръ Ивановичъ.**

Родился въ 1876 г.

287. **Ольга Ивановна.**

Замужемъ за капитаномъ артиллеріи Викторомъ Константиновичемъ Нечаевымъ.

288. **Елена Ивановна.**

У князя Ивана-Юрія Михайловича (№ 246):

289. **Брониславъ-Сильверіушъ Ивановичъ.**

Родился въ 1837 г. Женатъ на Ольгѣ Захватовичъ.

290. **Владиславъ-Ансгаръ-Блажей Ивановичъ.**

Родился въ 1859 г.

291. **Іозефа Ивановна.**

Родилась въ 1836 г.

292. **Эмилія Ивановна.**

Родилась въ 1840 г.

У князя Іенриха Михайловича (№ 247):

293. **Іосифъ Генриховичъ.**

Родился въ 1841 г.

294. **Станиславъ Генриховичъ.**

У Антона Теофильевича (№ 253):

295. Константинъ Антоновичъ.
296. Антонина Антоновна.
297. Софія Антоновна.
298. Анна Антоновна.

У князя Ксаверія Доминиковича (№ 261):

299. Юрій Конрадъ Ксаверьевичъ.
Родился въ 1835 г.
300. Карлъ-Францъ Ксаверьевичъ.
Родился въ 1839 г.
301. Ксаверій Ксаверьевичъ.
Родился въ 1840 г.
302 Эдуардъ Захарій Ксаверьевичъ.
Родился въ 1847 г.
303. Романъ Константинъ Ксаверьевичъ.
Родился въ 1849 г.
304. Антоній Ксаверьевичъ.
Родился въ 1852 г.
305. Франциска Ксаверьевна.
306. Меланія Ксаверьевна.
307. Флорентина Ксаверьевна.

308. **Людвига Ксаверьевна.**

309. **Елисавета Ксаверьевна.**

310. **Марія Ксаверьевна.**

У князя Іосифа Доминиковича (№ 262):

311. **Іосифъ-Андрей-Константинъ Іосифовичъ.**

Родился въ 1840 г.; умеръ въ 1862 г.

312. **Александръ-Рудольфъ Іосифовичъ.**

Родился въ 1845 г.

313. **Юлія-Аврелія Іосифовна.**

Родилась въ 1841 г.; умерла въ 1865 г. Была замужемъ за Сухоцкимъ.

314. **Флорентина Іосифовна.**

Родилась въ 1843.

У князя Антонія Доминиковича (№ 263):

315. **Вандалинъ Антоновичъ.**
316. **Витольдъ Антоновичъ.**
317. **Вацлавъ Антоновичъ.**
318. **Казимиръ Антоновичъ.**
319. **Антонина Антоновна.**
320. **Елена Антоновна.**
321. **Камилія Антоновна.**
322. **Ядвига Антоновна.**

У князя Семена Іоахимовича (№ 270):

323. **Цезарій-Августинъ-Маврикій Семеновичъ.**
Родился въ 1824 г.

324. **Юлія Семеновна.**
Родилась въ 1831 г.

У князя Ипполита Адамовича (№ 271).

325. **Николай-Казимиръ Ипполитовичъ.**
Родился въ 1838 г.

У князя Андрея Александровича (№ 275).

326. **Александръ Андреевичъ.**
Родился въ 1797 г. Въ 1818 опредѣленъ на службу юнкеромъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ; въ 1819 произведенъ въ корнеты, въ 1821 уволенъ въ отставку поручикомъ и опредѣленъ на службу въ экспедицію кремлевскаго строенія. Въ 1833 г. состоялъ на службѣ въ конторѣ департамента удѣловъ. Женатъ былъ на Любови Языковой. Умеръ въ 1834 г.

У князя Сергія Ѳедоровича (№ 281):

327. **Ѳедоръ Сергіевичъ.**
Родился въ 1880 г.

У князя Александра Андреевича (№ 326):

328. **Николай Александровичъ.**

Родился въ 1823 г. Въ 1840 произведенъ въ прапорщики въ Владимірскій пѣхотный полкъ. Былъ женатъ: первымъ бракомъ на Соколовой, вторымъ—на Е. А. Наинской; третья жена А. И. Окунева.

329. **Александръ Александровичъ.**

Родился въ 1826 г. Служилъ въ Александрійскомъ гусарс. полку. Женатъ на княжнѣ Еленѣ Гика.

330. **Ольга Александровна.**

Замужемъ за Коваленскимъ.

331. **Евдокія Александровна.**

Замужемъ за Огаревымъ; вторымъ бракомъ за Базилевскимъ.

332. **Марія Александровна.**

Замужемъ за Долговымъ.

У князя Николая Александровича (№ 328):

333. **Николай Николаевичъ.**

Родился въ 1859 г. Воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ. Штабъ-ротмистръ кирасирскаго Ея Величества полка.

334. Юрій Николаевичъ.

Родился въ 1863 г. Воспитывался въ Морскомъ корпусѣ и до 1891 г. состоялъ въ морской службѣ, а затѣмъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ.

ЧАСТЬ III. ПРИЛОЖЕНІЯ.

(АКТЫ И ДОКУМЕНТЫ КЪ ИСТОРІИ РОДА КНЯЗЕЙ МОСАЛЬСКИХЪ).

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

Грамота короля Александра 1505 г., княгинѣ Аннѣ Мосальской съ дѣтьми, на владѣніе имѣніемъ Друя.

«In nomine Domini amen, ad perpetuam rei memoriam ne oblivio successu temporis negotiis et actionibus difficultatem pareret: Constitutione prudentis consilii regum, et principum illa fiunt descripta, proinde nos Alexander Dei gratia rex poloniae, magnus dux lithuaniae, russiae, prussiae, samogitiae dominus et haeres planum, manifestumque facimus his littaeris nostris omnibusque presentibus et futuris ac quibusvis, singulis quorum interest vel in posterum interesse poterit. Quod supplicavit nobis ducissa Timothaei Wolodzimierowicz Massalska generosa Anna alias Duchna Sapieżanka cum filiis suis Petro, Georgio et Iwan Tymothaei ducibus Massalski ut bona nostra in terra Polocensi sita (idest hominest nostros Drujani status) quae prius eidem ducissae ad recuperationem patriae ejus ejusquae filiorum in terra smolenscensi consistensis dederamus: libero arbitrio nostro eidem Duchnae, filiisque praefatis ipsius, et eorum successoribus, omnibus futuris, recentibus littaeris nostris in perpetuum modo confirmaremus. Nos igitur perspecta habentes, assidua laboriosa, et bene de republica merita obsequia, fidelitatemque mortui mariti ejus ducis Timothaei Massalski nec minus rationem etiam habentes relictorum bonorum haereditariorum in Smolensco ejusdem magnosque sumptus ac expensa in bellis ab illo eodem libere, alacriterque propter nos, et reipublicae ferventem amorem suscepta considerantes cura, studio, et intercessione pro illa Duchna omnium consiliariorum nostrorum, singulari gratia nostra illam consolantes volentesque praedictos liberos ejus ad nostra successorumque nostrorum servitia (sic) eô promptiores reddere illi ducissae Timothaei Massalski Duchna Sapieżance filiisque eius Petro, Georgio ac Iwano Timothaei Massalski, et posteris eorum omnibus, futuris haec bona nostra in districtu

polocensi consistentia, nimirum homines nostri drujani (sic) nominibus. . . . . (*слѣдуютъ имена людей*). . . . . . et cum omnibus recensitis et non recensitis quibusvis et singulis drujanis illorumque omnium enumeratis et non enumeratis, citatis et non citatis filiis, nepotibus, pro nepotibus, ac posteris quibuscunque eorum dedimus, assignavimus, denavimus, adscrypsimus, appropriavimus iam perpetua et in aevum, sic et hisce litteris nostris eisdem ducissae Duchnae Sapieżance filiis ejus praenominatis, posteris et successoribus eorundem, omnibus futuris eadem bona praefato, damus, assignamus, donamus, adscribimus perpetuo etiam in aevum cum eorum servitiis et omnibus fructibus, censibus, redditibus, proventis, mellis, salis argenti marcum castorum oratorum, diversarumque ferrarum ac animalium venationum; dationibus cum omnibus et singulis omnis commodi et quorumcunque aliorum redditum tributis secundum morem et consvetudinem terrae lithuanicae, quibuscunque saltem nominibus, cognominibus et invocationibus nominarentur, continerentur, et invenirentur illa cum omni et tota ab huius drujanae provinciae hominibus omnium fructum acceptatione et exactione cum omnibus ad qualemvis utilitatem inventionibus; ad extremum cum omnibus et singulis superadictorum hominum, districtuum, haereditatum et willarum: terris utilitatibus, usufructibus laboribus, agris cultis et incultis, campis, platis (sic) pascuis, eremis, silvis, arboribus, saltibus, nemoribus, mericis, pinetis, rubetis, coriletis, gaii, montibus, metallis, mellificiis ferarum et quarumcunque ad usum, et fructum ac utilitatem hominis creaturarum, convenientium, venationibus aucupationibus, rivis, aquis, aquarum decursibus, et earum omnium ripis, fluviis, fluminibus, stagnis, lacubus, paludibus, piscinis, piscaturis, molendinis, et eorum emolumentis generaliter, et efficienter exprimens cum omnibus et singulis praedictorum bonorum, districtuum, haereditatum, ac villarum obvenationibus (sic) pertinentiis, proprietatibus, et utilitatibus quibuscunque nominibus illa nuncuparentur et quae cunque ad praefatam drujam, illius districtus, haereditates et villas ab antiquo antea spectabant et quae nunc sunt, et quae in futurum: ex quacunque inventione ac excogitatione ex inde illius Duchnae filiorum, posterorumque ejusdem ducissae ad majora emolumenta eorum fieri, inveniri, ac excogitari poterunt: meliori provisione mediante cum

omni et integro jure, potestate, et robore: quod ad illa superius nominata bona drujana, nullum iam ius ex nunc et in posterum nos, et successores nostri ulla ratione habere poterunt. ad perpetua tempora et in aevum cum omni essentia, et proprietate eis sic damus prout praedictae Drujae, districtus, haereditates et villa in metis, gadibus et terminis suis longe late et circumferencialiter ab haminibus nostris et ab aliis sunt limitatae, distinctae et usque ad fluvium Peresviaecicam dictum (in cujus decursu lapis non tenuis qui kobyla vocatur altera de parte fluminis Dzwina ex adverso in ipsa ripa iacet) productae sic damus nihil penitus ex inde excludendo, aut pro nobis unquam vel successoribus nostris, aliquo jure ex iis reservando liberum erit eidem ducissae Timothaei Wolodzimierowicz Massalska Duchnae Sapieżance ipsius praenominatis filiis ac successoribus omnibus futuris eorum haec bona Drujana, veluti suam propriam, haereditariam. et legitimam proprietatem habendo: tenere, possidere. uti. frui pacifice et quiete ad perpetua tempora. et iam in aevum. In ususque suos et suorum successorum eadem bona libere commutare donare, vendere, alieno adscribere. prout sibi et suis posteris postea et ad aeternum successuris ac futuris melius et utilius videbitur. expedire. Eximimus insuper et perpetuo liberamus omnes. et singulos homines, cives. subditos. tributarios. servitores. et quosvis Iacolas districtuum. haereditatum: et villarum praedictae Drujae a laboribus Iaru sarensis (sic) ab omnibus modernis et in posterum futuris costrorum et curiarum nostrarum. laboribus servitiis, angariis. et oppressionibus quibuscunque nisi renovationem castri polocensis. servitiaque nostra bellica secundum morem et consvetudinem aliorum nobilium. ab iis non excipiendo reservamus. Ad haec eandem ducissam Duchnam. filios. omnesque futuros successores ejus quos cunque post illam in vita Drujana bona postea et ad aeternum successuros ab omni Theloneo in fluvio Dzwina versus et infra constituto modo. et in aevum liberos faciendo pro singulari nostra gratia permittimus. concedimusquae ei ejusquae alijs successoribus omnibus futuris toto fluvio Dzwina versus et infra cum frugibus, frumentis leguminibus omnis generis. cum omnibus et singulis mercaturis. transire ab omni datione et Theloneo liberum portum ac transitum sine ullo detrimento. nocumento. vel retentione. aut arestatione

illorum ab officiali tam nostri, quam palatini polocensis moderni, ac futuri: sed homines illius Duchnae filiorum et successorum ipsius omnium cives Drujani qui modo sunt, et qui postea illic Drujae victuri erunt, euntes Rigam inferius fluvio Dzwina in Theloneo tantum Drujae more solito debebunt dare cereati ab omni lapide cerae sex grossos, theloneatori vero sestertii idest a sex lapidibus cerae unum grossum lithuanicum. Riga autem revertendose versus Dzwinam euntes ab omni sacco salis (quem Bierkowisk vocant): Iidem cives et homines eorum Drujani Theolonii nostri,. quatuor grossos theloneatori vero duos obulos dare debebunt, ad hoc incolae, et consuales haereditatum praedictarum ad exactionem terrestrem generalem krolewszczyzna dictam nobis et nostris succeroribus cum aliis senatorum et nobilium nostrorum hominibus sint astricti: praeter haec duo tributo praenominata, amplius nullum a sibi jam theloneum in nos pertinens, nec ullum aliud tributum dominis palatinis polocensibus spectans, illi et subditi eorum Drujani solvere debebunt nec unquam in futurum debituri erunt. Et hac libertate illa ipsa ducissa Masalska Duchna praefati liberi ejus, ac omnes successores et posteri eorum futuri fruentur; et gaudebunt ad perpetua tempora, et in aevum non obstantibus in eô illis quibusvis praesentibus nostris vel successorum nostrorum futuris constitutionibus et impedimentis quam libertatem eorum Nos et successores nostri reges poloniae, magnique duces lithuaniae illis praenominatis et futuris eorum successoribus praedictae Druiae dominis talem integram et inviolatam, in toto prorsus, et nulla ratione transgredientes constantissime perpetuo et ad aeternum eam servare, de nobis ipsis et de successoribus nostris hisdem littaeris nostris sancti regio nostro verbo pollicemur et spondemus, ed propter majus testimonium, robur firmius. indelebilemque memoriam horum omnium supranominatorum; hisce littaeris nostris manum nostram subscripsimus, sigillumque ducale illis appendere jussimus. Actum et datum Vilnae ipso die Dominicô laetare anno Incavnationis salvatoris nostri millesimo quingentesimo quinto indictione decima». (*Слѣдуютъ подписи*).

(Акты Метрики литовской: Книги публичныхъ дѣлъ № 26, л. 794).

ПРИЛОЖЕНІЕ 2.

Подтвержденіе окольничему смоленскому князю Тимофею Владиміровичу (Мосальскому), на имѣніе въ Смоленскомъ повѣтѣ; 1493 года.

Александръ.

«Билъ намъ чоломъ окольничии смоленскии князь Тимоѳеи володимеровичъ, положилъ передъ нами листъ небощика отца короля его милости, што далъ ему имѣнье врадощине и люди новоселки у Смоленскомъ повете, што передъ тымъ былъ далъ писару своему небощику Миките а по смерти Микитиной далъ ему со всимъ тымъ какъ Микита держалъ, ино какъ Микита умеръ и сестренци его Митъко и збратьею его приехавши кнамъ съ старыми листы отца нашого што былъ далъ имъ тое именье по животе дядка ихъ Микитине упросили внасъ за отчима князя Тимоѳеевыми и тыми разы князь Тимоѳеи стоялъ сними очевисто передъ нами и положилъ передъ нами листъ отца нашого. ижъ отецъ нашъ тотъ листъ свои самъ зламалъ. которымъ былъ далъ тое именье сестренцомъ Микитинымъ по его животе, а тое именье взялъ его милость на свою волю. И мы о томъ досмотревши присудили есмо тое князю Тимоѳею подле данины и листу отца нашого со всимъ стымъ какъ Микита деръжалъ, и просилъ насъ князь Тимоѳеи абыхмо ему тое именье радщину и люди новоселки потвердили нашимъ листомъ данину отца нашого, и мы то подтверждаемъ ему и его детемъ и потомъ будучимъ его щадкомъ вечно. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити ксему нашому листу. Псанъ влет. 7001 месяца Авгус. 24 день, индикъ 12».

(Акты Метр. литовс.: Книги записей № III, л. 81).

ПРИЛОЖЕНІЕ 3.

Грамота по раздѣлу имѣнія Друи, между дѣтьми князя Тимоѳея Владиміровича Мосальскаго; 1523 года.

«Sigismundus Dei gratia rex Poloniae. magnus dux Lithuaniae. Russiae, Prussiae. Samogitiae et caeterorum Dominus et haeres significamus his

littaeris praesentibus nostris, quibus expedit universis et singulis praesentibus et futuris horum notitiam habituris. Comparentes coram magestate nostrâ personaliter aulicani nostri dux Petrus et dux Iwan Timofeiewicz Massalski exhibuerunt nobis litteras suas divisorias et ut vulgo dicuntur dzielcze super bona Drujana fratri suo germano duci Georgio Timofeiewicz Massalski qui cum illis etiam tum temporis coram nobis personâ suâ astabat singulariter ad aeternum pertinentes sigillis illorum et caeterorum nobilium immediatorum eorum hac in re, à nobis illis antea constitutorum obsignatas ruthenicis characteribus scriptas sed jussû nostro regio in latinam linguam versae sunt et recognoverunt eas; dux verô Georgius Timofeiewicz Massalski supplicavit nobis ut hae fratrum ejus litterae dzielcze, illi per nos fierent confirmatae et roboratae quarum tenor is est qui sequitur. Nos dux Petrus et dux Iwan Timofeiewicz Massalski palam facimus his litteris nostris quorum haec videre, legere et audire interest, aut in posterum interesse poterit omnibus et singulis praesentibus et futuris habuimus divisionem inter nos fratres in antiquis, et novis, hominibus Drujanis et quibusdam incultis Druianae regionis nostrae terris et ex hac divisione adjudicatum et atributum et (sic) fratri nostro duci Georgio Timofeiewicz Massalski per sortem alias Zerebici in antiquis hominibus destrictus Ponisoviae et Lubkowszczyzna cujus terrae, et in altera parte fluvii Druiae iacent, in Ponisoviae (sic) subtidi sic nominati: Proszko...... (*слѣдуютъ имена*)....... et huius provinciae incultae terrae: circuitio vero huius districtus Ponisoviae talis est et non alia ex adventu rigensi post civitatem nostram incipiendo à septemtrione a Dzwina flumine inter pascua illius civitatis Druia a decursu anquinei torrentis alias Krutoho ruczaia ire linea recta sursum per vias de civitate Druiana in varias partes exeuntes usque ad araenam, sub qua est Bivium. In quo ex lewa manû relicto inter Lubkowsczyznam, et syram starynam iuxta caenum currente itinere ykaźniam ire dextrâ Braclawiensi viâ, inter meridiem et occasum aestivalem quae ducit per pineta, usque ad Ruczaium nuncupatum Jaia; quo accesso sit omnibus manifestum quia hoc pinetum sylvae mchy et Blota quae a sinistra parte Braclaweiensis illius consistunt, syra staryna nominatur et haec debet esse usû sûo communis omnibus nobis. et subditis nostris Drujanis usque ad aggriculturas nominis

ejusdem, quibus postea inter se paciemur, praeter exsecationem sylvarum quae juxta illum Ruczaium Jaia, et penes viam singulariter eidem fratri nostro pertinent proprie. Quae vero a dextra manu viae eiusdem consistit, ea terra cum pinetis, sylvis, fluviis, eremo, venationibus, lacubus, et omnibus fructibus inse continentibus, omnis tota est, et in posterum debebit esse ex illo primo latere suo usque ad eundem Ruczaium Jaia unius solius ducis Georgii fratris nostri filiorum et posterorum eius ad perpetuum successorum.

Quae ab eô locô inter regia pineta de lewa euntis manu consistentia relicta jam illa via cubito ad originem illius Ruczaj Jaiae, et indesignis in arboribus factis ad occasum solis jacens lati alias longi montis vulgo autem Tolstoie. albo Dolhoie hory cornû ad viam Desciocinovo fluviolo trans illum Tolstum montem ad obabie, et Pliuso euntem, quô itinere ad divortium vulgo Rozlania prius veniens relinquere ad Pliusso majorem viam de parte lewa et pergere iam inter terram nobis omnibus communem Zalyrywskam (sic) nominatam. Quae ab eo ultimo Biuvio (sic) a lewo euntis latere jacet minore via. a dextra manû quae ducit juxta lacum Dolhoie dictum in ipsum decursum Jablonki fluviolae (sic) et hic jam ex una sui parte terra nostra zakrywska desit esse. terra vero Ponisoviana ducis Georgii fratris nostri quae a cruti torrentis in Dzwinam decursu orta est et nullo iam alterius contento permixta de integro it, perpetuoque illis signis eunti à dextra manu erat illa juxta Dolhoie lacum viâ in decursum Jablonki fluviolo (sic). de quo subito in eundum Dolhoie lacum intrat. a longo autem illo laccô. ad Krywoie lacum. a krywo laccu ad exitum ipsum de eodem lacu Krywy fluvioli. et hoc fluviolo in Dzwinam flumen prosequitur. Dzwina Ripa versus ipsius aquam ad illum introitum kruty torrentis, quo loco calx orta est. in hac igitur ambita et circuita terra omnes komines, sylvae, pineta. venationes. montes. lacus. fluvii. fluvioli. campi. prata, exsecationes et omnia ac universa illic jacentia quibuscunque nominibus et cognominibus nominarentur et apellarentur, ea sunt unius et solius ducis Georgii Tymofeiwicz Massalski, filiorum et posterorum ejus ad perpetuum successorum. Nos vero dux Petrus et dux Iwan Tymofeiewicz Massalski filii ac posteri nostri ad ea nullum jus et negotium habituri erimus

ad aeternum. In Lubkowszczyzna vero Iwan cum Zacharia...... (*слѣдуютъ имена*)...... et huius Lubkowszczyzny status incultae terrae; ambitus autem Lubkowszczyznae talis; incipiendo a septemtrione a fine pascuis civilibus a fluvio Druia ipsa ripa ejusdem fluvii verses eundo totum venire ad pontem Obolonski dictum, ab illo ponte vertendo se ad septemtrionem itinere Ykażniensi ad haerens se syra-staryna venire sub pascua Drujana ad araenam supra in curcuitione ponisovii praefatam, ex ea araena per itinera ad civitatem Drujam currentia recte in fluvium Drujam ad eum locum, unde exordium huius circuli sumptum est, et in eo ambitu simili omnia continentia unius et solius ducis Georgii fratris nostri sunt. filiorum, posterorumque eius ad perpetuum successorum in quae nos duo cum posteris nostris nulla ratione sub vadiis intra positis intricabimur. Praeterea exsecatio sylvarum in syra-staryna, et in Czuryllowiczy martinus haspa Lorecko, et Mikulka Wasilewiczy, post Dzwinam terras, hominesque nondum divisimus starynamque si...... debemus dividere. praefati homines fratris nostri ponisovianae (sic) qui habuerunt suos agros in woysa, et Zalezie et in quibus erant virgultae alias recens Zarosl, et qui non sunt culti à tribus annis aute hanc divisionem nostram. Illi eos campos non debent amplius collere nec sylvas exsecare woysianonem (sic) aut quicunque iuxta Zalożnam nivam et in Lubkowszczyzna duas nivas colebat. talis ab hoc tempore iam amplius nullum ascensum in Ponisowiae (sic) et Lubkowszczyznam ducis Georgii districtus habeat ex Zalesie etiam qui in margine ducis Georgii ponisoviani circuli juxta miciszki wyhon sirociskum inceperat, eodem Pasto et woysianus se gerere erga Ponisoviae (sic) et Lubkowszczyznam debet mellificium vero jam ab hoc tempore omnis homo nostrates (sic), sub quo signô debebit facere et struere, sed hoc tantum insupra dictas (sic) syra-staryna, ut in sylvis, et pinetis nobis omnibus communibus, ex quibus arbores, et omnes aedificiorum necessitates, ad nostram propriam necessitatem cuilibet nostrum accipere et vendere liberum erit, sed nulli donare cautum sit.—Civibus item et caeteris hominibus nostris Drujanis, tantum ex inde Syra-Staryna pro aedificatione domum suarum et eorum sustentationem (sic), non vero ad venditionem arbores accipere licitum sit sinendo pineta specialia. Ex novibus autem hominibus

Drujanis accesserunt eidem fratri nostro subditi nominibus...... (*слѣдуютъ имена*)...... et quicunque in divisione est nominatus hunc non debemus unus ab altero suscipere praeter cives est ad huc terra nostra supra paulisper facta nomine Zacrywska (idest quod a Krywa fluwiola a limitibus Ponczowlanae (sic) duci Georgio fratri nostro pertinent. Terrae orsum usque Pierswica jam fluwiolo sic dictum ingressum ad lapidem Kobylam nuncupatum finitur) quae non est inter nos divisa et libenter eö modô inter nos partiemur, qua propter iam et Craebrae litterae a sacra regia magestate et domino palatino polocensi ad nos deferuntur, sed quia circa illam terram controversia quaedam inter nos et subditum magistri livoniae hannuswickenogen oritur (sic) de quo sacram regiam magestatem quam primum in emersione huius quaestionis, tam in regno poloniae, quam in ducatu lithuaniae protestationibus nostris sollicitabamus, et sacra regia magestas id nobis ad tempus commodius (quousque seagravioribus rei publicae negotiis eximeret) quotannis differebat quae hactenus cum non sint soluta hac in causa id non aliud tempus reponimus ex aquis inferioribus Dolhoie et Krywoie hi duo lacus inter districtum ducis Georgii Ponisoviae et inter Zakrywskam terram, inter nos adhuc non partitam jacentes soli duci Georgio fratri nostro filio posterisque ejus ad aeternum pertinebunt sub ea tamen conditione quod in regiis Braclawiensibus lacubus videlicet in B.... wiato. nieswiż, niedrewo, Podziacho, Dzierbo, Dzierbeeże, Ielno et Ielenko. dux Georgius in quibus habuit nobiscum parem ascensum, id est quinque służb suis Drujanis et tertia parte służby jam ab hoc tempore tantum ex duabus et tertia parte służby eidem in postetali lacu usum suum nobis cessit.—Nos vero ambo fratres filii ac posteri ex nunc nullum iam negotium, in illos ducis Georgii praefatos duos lacus praeter singularem ipsius facultatem habituri erimus ad perpetuum. Si autem civitatis Drujanae modernus locus cives capere non potuerit, tum unicuique nostrum et successoribus nostris cuilibet in pascuis communibus civilibus omni cupienti. subse possesionem concedere liberum erit quandocunque placuerit et quoniam ducis Georgii fratris nostri terrae Druiam civitatem nobis omnibus communem undiquaque circumierunt, sic ut sine illis civium nostrorum equis, pecoribus, pecudisque (sic) impossibile sit obeundum, cum pas-

cuis civilibus grex illorum nulla ratione contentari poterit. unanimiter igitur inter nos constituimus ut tales nostri, successorumqe nostrorum cives Drujani quicunque equos, pecora, pecudesque (sic) suas habuerint, ab omni equô, bove, tauro vel vaccâ quator grossos, ab omni vitulo ariete, et bircô, agnâ vel caprà duos grossos quot libet festo verni sancti Georgii duci Georgio et sic filiis, posterisque eius omnibus futuris ex debito ad perpetuum solverint. Et eâ conditione dux Georgius frates noster civium nostrorum equis pecoribus, pecudisque sterilibus, campis Dubrowisque suis intercessione nostra contentari permisit. Ne autem à grege civili ducis Georgii terris damnum aliquod inferatur, tota civitas nostra Drujana alteris ducis Georgii fratris nostri pascua civilia alias wyhon miestski ferti saepe minire quam, et quolibet annô corrigere tenebitur. Quicunque vero ex civibus nostris secus fecerit, is suo domino centum vulgo Rubl grossorum solvere coget, et tamen extra pasqua gregem suum mittere non poterit, quousque in debito suo duci Georgio satisfecent. Ad extremum ego dux Iwan Tymofeiewicz Massalski fateor quod ad arcem Druianam nullum negotium ad eaternum habebo non pro ea partione quae illic in castro terrae indeveniret accepi iam iuxtam talionem in alio locô a fratribus. Et haec est lapitalis et efficiens, perpetuaque Drujana divisio nostra, cuius qui cunque nostrum uxorum, filiorum, aut successorum nostrorum, vel minime in quocunque violare vellet, hic pro tali culpa sacrae regiae magestati quingentas sexagenas, fratri vero nostro duci Georgio, vel successoribus ipsius laesis alteras quingentas sexagenas grossorum solvere et tamen in omni et quolibet tempore articulo aut puncto eam conservare tenetur et tenebitur ad perpetua tempora. Et propter meliorem firmitatem hujus perpaetua Drujanae divisionis nostrae, has litteras nostras sub sigillis nostris, fratri nostro duci Georgio Tymofeiewicz Massalski dedimus.—Intererant huic negotio magnificus dominus Paulus Iwanowicz Sapieha mareschalcus...... (*слѣдуютъ подписи*).

Scriptum Druiae anno nativitatis Iesu Christi salvatoris vulgo Spassa nostri millesimo quingentesimo vigesimo tertio indictione undecima mensis Maii vigesima quarta die.

Nos igitur Sigismundus rex poloniae et magnus dux lithuaniae animad-

vertentes dignam petitionem praenominati ducis Georgii Tymofeiewicz Massalski ex unamini consensu omnium consiliariorum nostrorum protunc circa nos existentium has litteras Drujanae perpetua divisionis, a fratribus ejus coram nobis personaliter, et oretenus recognitas ac professos ex gratia nostra regia confirmare, roborare, ratificare, et approbare intendimus veluti in omnibus, et singulis paragraphis, articulis punctis ac conclusionibus his littaeris continentibus, confirmamus, roboramus, ratificamus et approbamus eas. Quae omnia et singula judicamus et decernimus totum, integrum et nulla tenus a nobis vel successoribus nostris, quam a quopiam alio vel minus lesurum robur perpetuum habitura perpetuis temporibus ad aeternum. In cujus rei testimonium praesentibus littaeris nostris manum nostram regiam subscripsimus, sigillumque majus haereditarii nostri ducatus illis appendere jussimus. Quod vero attinet de controversia illorum trium ducum Timofeiewicz Massalski cum subdito magistri livoniae Hanuso Winckienogo, de illa terra quae a Krywa fluviolo a finibus supra nominatae districtus Poniszowii ducis Georgii Tymofeiewicz Massalski terrae usque ad Piereswiecika fluvolium (in cujus decursu ex adverso altera de parte id est in Ruska strona fluvij Dzwina paululum inferius lapis magnus quem Kobylam vocant jacet) protenditur et secundum piae memoriae regis Alexandri fratris nostri sacrosanctum privilegium coram magestate nostra ab illis etiamnum ostensum ad haec et oretenus domini palatini polocensis, et domini capitanei braclaviensis (qui jussu Alexandri regis ducissam Duchnam Sapieżankam matrem illorum trium ducum in Drujani status terras ad illum Piereswicica fluviolum ex antiquo protensas intromisserant concordantem, probabilemque coram nobis recognitionem hisdem ducibus videlicet Petro, Georgio ac Iwano Tymofeiewicz Massalski ad Druiam perpetuo pertinuisse certum est de quo et ante hac frequenter illi nobis supplicabant et modo instanter commemorare non cessant: circa hoc nos littaeras nostras ad magistrum liwoniae scripsimus, et successu temporis commissarios nostros ad eam rem absolvendam in illam terram de latere nostro mittere deberi pollicemur. Interim vero in eo illis ad tempus paenitentiam habere duximus. Actum datum cracoviae feria sexta post nativitatis festum Deiparae virginis Mariae anno restitutionis salutis humanae millesimo quingentesimo

vigesimo quarto indictione duodecima regni vero nostri anno decimo octavo. Praesentibus ibidem reverendissimis in Christo patribus et magnificis dominis consiliarijs nec non generosis officialibus nostris Ioanne ex ducibus lithuanae episcope vilnensi......» и т. д. (*слѣдуютъ подписи*).

(**Акты Метр. лит.: Книги публичн. дѣлъ № 26, л. 813**).

ПРИЛОЖЕНІЕ 4.

«Листъ писаныи до воеводы смоленского за княземъ Петромъ Масалскимъ, маткою и братею его, або ихъ впять земль у повете смоленскомъ увезалъ».

«Жыкгимонтъ.

Воеводе смоленьскому пану Юрю Глебовичу. Билъ намъ чоломъ князь Петръ Тимоѳеевичъ Масалскии зматъкою и збратьею своею скняземъ Юремъ и скняземъ Иваномъ и просили внасъ пяти земль пустыхъ всмоленскомъ повете на имя бропъникова, а рѣшанова, а копътева, а мочулова, а опъцыпятова, близко именица своего злобина, а поведали передъ нами штожъ деи тыи земли пусты лежать а службъ деи намъ снихъ не служать. Ино естьли будетъ такъ какъ онъ намъ поведалъ, и мы имъ тыи земли дали и твоя бы милость ему вто увязанье далъ. Псанъ впетркове ноябр. 30 день, инъдык. 1».

(**Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 7, л. 567**).

ПРИЛОЖЕНІЕ 5.

«Потверженье князю Петру Тимоѳеевичу Масалскому на именье Ищолно, которое онъ купилъ у пана Миколая Юревича Зеновъевича за семъсотъ копъ грошей на вечъность»: 1524 г.

«Жыкгимонтъ.

Чынимъ знаменито и далей. Билъ намъ чоломъ дворянинъ нашъ князь Петръ Тимоѳеевичъ Мосалскій и поведилъ передъ нами штожъ купилъ у

пана Миколая Юревича Зеновъевича и въ жоны его Ганъны и въ сына его Юря именье его на имя Щолъно за семъсотъ копъ грошей на вечъность и листъ его купъчый на то передъ нами вказывалъ и билъ намъ чоломъ ижъ быхмо тое именье дозволили купить и на то дали ему нашъ листъ и тую куплю его потверъдили быхмо ему нашымъ листомъ на вечъность; ино мы выслухавъшы того листу его купъчого зласки нашое государъское на челомбитье его то вчынили. тое именье нцолно дозволилц есьмо ему купити и па то дали есьмо ему сей нашъ листъ и потъвержаемъ то симъ нашымъ листомъ князю Петру и жоне его и детемъ ихъ и на томъ будучымъ ихъ сщадкомъ вечъно и непорушъно злюдми того именя и сплаты всими которыи колве именемъ могуть названы або менены быти и ззземлями пашъными и бортъными и лесы и гаи и боры и дубровами и зреками и озеры и речъками и съ ставы и ставищы и збобровыми гоны и зловы зверыпъными и пташыми и зсепожатми и совъсимъ какъ ся тое именье всобе и вобыходехъ своихъ, маеть то онъ держати водле купли своее и волепъ онъ тамъ розшырыти и прыбавити и людми осадити и ставы змлыны справити и ку своему лепъшому и вжыточъному оберпути, какъ самъ належей розумеючы, а на твердость того и печать нашу казали есьмо прывесити къ сему нашому листу. Писанъ у кракове под лет бож нарож 1524 месяца поябрь 18 инъдыкъ 13».

(**Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 12, л. 201**).

ПРИЛОЖЕНІЕ 6.

«Привилей князю Петру Тимофеевичу Масалскому, на держанье волости любошанское». 1526 г.

«Жикгимонтъ.

Билъ намъ чоломъ князь Петръ Тимофеевичъ Мосальскій о томъ, абыхмо дали ему отъ насъ вдержанье волость нашу любошанскую по животе пана Юря Немировича державцы любошанскаго. ино мы памятуючи послуги его къ намъ ижъ онъ самъ николи не былъ омешканъ службы на-

шое и зласки нашое на его чоломъбитье то вчинили тую волость нашу любошанскую дали есмо ему отъ насъ вдержанье по животе пана Юря Немировича и не маемъ мы иншому никому тое волость нашое черезъ него отдавати и агкольвекъ быхъ вневедомости того листу нашого дали тую волость нашу иншому кому держати однакожъ тотъ не маеть тое волости держати, нижли за тымъ листомъ нашимъ, маеть ее держати князь Петръ по животе пана Юреве а штося дотычеть дани пашое грошовое и медовое и бобровое и куничное и тивунщины, то все маеть приходити кнашимъ рукамъ государъскимъ по старине и на то есмо князю Петру дали сеи пашъ листъ знашою печатью. Псанъ вкракове под лет. 1526 месяца Мар. 30 день индик. 15.

втомъ листе рука королевъская».

(Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 12, л. 348).

ПРИЛОЖЕНІЕ 7.

«Привилеи князю Петру Масалскому на держане двора стоклишского заставою (*) втисечи и шестидесятъ копахъ грошеи».

«Жикгимонтъ божъю милостью.

Явно чынимъ симъ нашимъ листомъ, што есмо перво сего взяли ку потребе нашои земъскои внаместъника стокълишъского князя Петра Ти-

(*) Въ дополненіе и разъясненіе права владѣнія «заставою», можетъ служить другой документъ, слѣдующаго содержанія:

«Привилеи пану якубу куньцевичу на дворъ стоклишки заставою всуме пенязеи».

«Жыкгимонтъ королъ и великии князь.

Чынимъ знаменито симъ нашимъ листомъ хто на него посмотрить або чтучи его услышить кому будетъ потребъ того ведати, што перво сего ку потребе нашои и земскои заставили были есмо дворъ нашъ стоклишки дворенину нашому князю Петру Тимоѳеевичу Масалскому втисечу копахъ и вшестидесятъ копахъ грошеи, ино тыми разы билъ намъ чоломъ конюшии нашъ дворныи и троцкии державца василишскии волкиницкии и лепунскии панъ

моѳеевича Масалского тисячу копъ грошеи. а втыхъ пенязехъ заставили есьмо ему тотъ дворъ нашъ стокълишъскии на штожъ есьмо и листъ нашъ заставныи ему дали, а тыми разы какъ будучы намъ въ берестьи

Якубъ Кунъцевичъ, абыхмо ему тотъ дворъ нашъ стоклишки дали выкупити втои суме пенезеи, вкоторои его князь Петръ отъ насъ мелъ. Ино мы зласки нашое тотъ дворъ нашъ стоклишки втое суме пенязеи втисечу копахъ и вшестидесятъ копъ грошеи дасмъ ему отъ насъ взаставе зместомъ и со всими людми того двора нашого путъными и данными и тяглыми и сконюхи и сконокормъцы и съ псарцы и ловцы и злеити и доимеды и кузнецы и зъихъ всими службами и зданми грошовыми и медовыми и бобровыми и куничъными и скорчомными пенязьми и здяклы оржаными и овъсяными и съсеномъ подяколнымъ и сколодиною и спентиники и змезлевою и созери и съставы и зылыны и всими иными платы и пожитки, которие зместа и зволости стоклишское передъ тымъ на насъ хоживали. А што передъ тымъ стацеи стого двора нашого стоклишского на насъ даивано по пятидесятъ бочокъ жита а по пятидесятъ бочокъ овса и по пятидесятъ возъ сена, тая стацея маеть намъ давана быти потомъ какъ и князь Петръ даивалъ. А бояръ и осочниковъ стоклишскихъ масть онъ судити и рядити потому какъ и первые наместъники суживали и ряживали, а панъ воевода троцкии втую волость децкихъ своихъ всылати и доходовъ своихъ никоторихъ правити не маеть и врадники нашы троцкие тивунъ городничии ключникъ подключии немаютъ втую волость сами въежъдчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ правити тежъ немаютъ. Масть панъ Якубъ тотъ дворъ нашъ стоклишъки втои суме пенязеи держати со всимъ потому какъ тотъ дворъ нашъ передъ тымъ на насъ деръжанъ былъ, до тыхъ часовъ поки мы ему тую суму пенязеи отложимъ а не маемъ того двора нашого стоклишского подъ нимъ никому взаставу давати нежели естъли нашыми властъными съ скарбу нашого пенезми тую суму тисечу копъ и шестдесятъ копъ грошеи ему отложимъ, тогъды тотъ дворъ нашъ стоклишъки даемъ ему отъ насъ вдержане до его живота а платы и доходы и службы всими маютъ за ся на насъ даваны быти потому какъ и передъ тымъ бывало, а естли бы ся надъ нимъ божя воля стала смерть его зашла мы жоны и дети его немаемъ стого двора нашого рушати или жъ тые пенязи тисечу копъ и шестьдесятъ копъ грошеи имъ отъложимъ а не отдавъши имъ тыхъ пенязей немаемъ того двора зъихъ рукъ выимовати и на то есмо ему дали сесь нашъ листъ знашою печатью, писанъ вгоруни подъ леты божъего нароженья 1521, месяца Мая 11 день инъдикъ 8».

(Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 10, л. 41).

на соиме взяли есьмо внегожъ ку нынешнеи потребе нашои и земъскои на тотъ же дворъ нашъ стоклишъскии шестьдесятъ копъ грошеи монеты великого князства литовского по десяти пенязеи вгрошъ. маеть князь Петъръ тотъ дворъ нашъ стокълишъскии втои суме втисячы и вшестидесятъ копахъ грошеи совсимъ потому какъ впервомъ листе нашомъ заставъномъ ему выписано держати до тыхъ часовъ поки мы тую суму пенязеи ему отъложымъ и на то есмо ему дали сесь нашъ листъ знашою печатью псанъ вберестьи декаб 28 день инъдик 7.

Сподписью руки королевъское».

(Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 11, л. 25).

ПРИЛОЖЕНІЕ 8.

«Spawa meży kniaziami Massalskimi o imene w Czurylowiczoch y o inszyie krywdy ich».

«Смотрели есмо того дела, жаловалъ намъ князь Иванъ Тимофеевичъ Масальскій на брата своего державцу сомаллишъского князя Петра Тимомофеевича жъ Масальского о томъ штожъ вкоторыхъ пенязехъ и шкодахъ будучи воеводою полоцъкимъ панъ троцъкій староста жомоитъскій панъ Петръ Станиславовичъ далъ увязанье мещанину моему друскому Мишку Орудевичу влюди твои вчуриловичахъ впять человѣковъ для того ижъ еси ему змещаниномъ своимъ хомою зъзвягою справедливости вчинити нехотелъ на объсыланье пана троцъкого якъ его милость былъ еще воеводою полоцъкимъ. ино тотъ мещанинъ твои вдванадъцать рублехъ грошей и вчотырехъ золотыхъ черъленыхъ того мещанина моего впаруце выдавши и на рокъся водлугъ запису своего неставилъ и того мещанина моего ку немалой шкоде для то привелъ якожъ тотъ записъ его передъ нами указывалъ, а такъ панъ троцъкій втыхъ пенязехъ и шкодахъ мещанину моему увязанье втые люди его далъ скоторыхъ онъ и врадникъ его немеютъ мещанина моего рушати подъ зарукою на государа его милость двесте копъ грошей а на воеводу сто копъ грошей до тыхъ часовъ поки бы ся втомъ мещанину моему заплата стала о которое жъ за руки

князь Петръ нетъ баючы наславши врадника своего васка кгвалътомъ моцъю тыя люди за се къ именью своему приверънути казалъ и человека того мещанина моего который тые люди отъ него заведалъ збилъ и князь Петръ ктому мовилъ ижъ я того листу увяжъчого пана троцъкого невидалъ а ни ся тыхъ людей твоему мещанину поступовалъ и я ткъ то свои люди взялъ и имъ за се собе по старому служити казалъ бо я неповиненъ именья своего тратити за подданого своего а истецъ тотъ и теперь есть по которомъ тотъ мещанинъ твой ручилъ за которого жъ я не стою, и мы то убачивши кгдыжъ тотъ истецъ есть по комъ ручилъ мещанинъ князя Ивановъ а князь Петръ за того мещанина своего по которомъ ручано нестоить тую речь на томъ есмо заставили и маеть князь Петръ того мещанина своего хому звягу которого ручилъ тотъ мещанинъ князя Ивановъ оруди выдать и тотъ хома масть заплатити тому оругдью дванадъцать рублевъ грошей и четыре золотые черъленые вчомъ его ручилъ и тые вси шкоды поплатить што онъ собе для него втуи поруце шкодуеть водле запису своего на што онъ слушный доводъ вчинить або присягнеть нижли што ся дотычеть того кгвалъту и заруки государъское и нашое ижъ князь Иванъ жаловалъ што черезъ увязанье пана троцъкого воеводы бывшого и за руки государъское моцне кгвалътомъ тые люди змоцы мещанина его выняль и человека мещанина его збито который тые люди отъ него заведалъ о томъ кгвальту и бои и о зарукахъ государъскихъ мають съ собою мовить передъ государемъ его милостью кгды при его милость будеть панъ троцъкій бывъшій воевода полоцъкій.

При томъ жаловалъ намъ князь Иванъ на брата своего князя Петра о томъ штожъ онъ и слуги его мещанину моему орудью отповедають и на горъло ему стоятъ для чого жъ онъ не естъ безъпечонъ живота своего, ино мы заручили князю Петру подъ закладомъ государскимъ на государа его милость двесте копъ грошей а на насъ воеводу сто копъ грошей ажъ бы онъ самъ и слуги его тому мещанину князя Ивапову неотповедала и на горъло не стояли и похвалокъ ни которыхъ нечинили и ему покой дали ажъ бы отъ нихъ былъ безъпечонъ здоровья своего.

А ктому жаловалъ намъ князь Иванъ штожъ которые крывды мають

слуги и люди мои отъ слугъ и людей князя Петровыхъ и онъ нехочеть на слугъ и людей своихъ права нивчомъ давати, ино о томъ положили собе рокъ отъ сее недели придучое тыи день то естъ передъ семою суботою за две недели, на который рокъ мають они тамъ на други судей своихъ высадить и слугъ и людей своихъ куправу поставить, которые жъ одинъ другому на списку подасть и тамъ на обе стороне промежку слугами и людьми своими справедливость вчинити право черезъ право даючи пижли князь Иванъ рекъ перъвое право дати которому подданому князя Петровому на своего которого подданого а потомъ маеть во всемъ право дати черезъ право межи ихъ поддаными быти и на томъ праве не мають они сами своими особами быть одно мають судьи тыхъ подданыхъ ихъ сами судити которыхъ они собе на то съ сторонъ своихъ обравши высадять.

А потомъ жаловалъ намъ князь Иванъ штожъ будучы мне на колацей у брата моего князя Петра его милость украденъ ми ланъцужокъ золотый вкоторомъ было трыдцать золотыхъ, ино о тотъ ланъцужокъ маю до вниманье на служебника князя Петрова Марътина и онъ мне на него права дать нехочеть, и князь Петръ мовилъ тутъ того слуги нетъ всомилишъкахъ на тотъ часъ естъ, а ведъ же якъ тотъ слуга тутъ будеть тобе на него права не бороню а такъ князь Петръ того слугу своего рекъ къ святому Петру до друг.... прислати абы ся втомъ князю Ивану знимъ справедливость стала писанъ у полоцъку Мая 8 день». (Даты нѣтъ, но по всей вѣроятности долженъ быть индиктъ 6).

(Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 16, л. 153).

ПРИЛОЖЕНІЕ 9.

«Листъ въ справѣ князя Петра Масалского съ княземъ Матфеемъ Микитиничомъ о именье Стругу до воеводы виленского канцлера пана Олбрыхта Кгастолта писаный». 1524 года.

«Жыкгимонтъ божю милостью.

Воеводѣ виленскому канцлеру старосте Белскому и Мозырскому пану Олбрахту Кгаштолту билъ намъ чоломъ князь Петръ Масальскій и пове-

дилъ передъ нами штожъ онъ понялъ дочку князя Матфея Микитича нно онъ по ней далъ ему имене на имя Стругу которое ему дала невестка наша королевая и великая княгиня Олена и тая деи жона его будучи у добромъ здоровю записала ему мужу своему вси свои рухомые речи и третюю часть имени того своего на вечность, а две части того именя дала на волю нашу государскую какъ же мы тые рухомые речи и третюю часть того именя князю Петру водле запису жоны его и привилемъ нашимъ потвердили, какъ же онъ тотъ записъ жоны своее и привилей нашъ передъ нами вказывалъ и поведилъ передъ нами ижъ тыхъ часовъ тое жоны его въ животе не стало нно деи тесть его князь Матфеи хочеть рухомые речи и того именя жоны его на немъ искати и листы наши и право на его до твоее милости побралъ и еще деи его правомъ непереперши втое се имене славши моцно самъ увезалъ, а князь Петръ билъ намъ чоломъ абыхмо его при томъ имению и статку заставили водле запису жоны ево нно акольвекъ листы наши князю Матфею до твоее милости о тые статки и о имене казали есмо были подавати а ведь же то есмо были вчинили не ведаючи абы онъ таковые листы отъ жоны своее и потверженье нашо мелъ, а такъ угленувшу впривилеи и въ записъ жоны его невидѣлося намъ его стого именя его рушати и его есмо при томъ имени заставили водле запису жоны его и привиля нашого до прыеханя нашого квеликому князству литовскому а на болеи для того тые две части именя которые тая жона дала на волю нашу государскую стягають на насъ супадкомъ государа и хочемъ того дѣла сами смотрети . . . . а про то бы твоя милость послалъ служебника своего и казалъ князя Петра втое имене Стругу увезати и розсказалъ бы твоя милость тому служебнику своему абы въ томъ именьи вси люди и у дворе статки и животину пописалъ и тые списки . . . . . . а князю Матфею бы твоя милость приказалъ ижбы онъ втое имене ничымъ не вступовалъ и ему во всемъ далъ впокои до прыѣханя нашого, а какъ дастъ Богъ тамъ въ Литвѣ будемъ . . . . . разсудокъ вчинимъ.

Писанъ 1524 г. 8 Ноября индикта 13».

(Акты Метр. лит.: Кн. судн. дѣлъ, № 4, л. 81).

ПРИЛОЖЕНІЕ 10.

«Листъ и потверженье князю Юрю Тимофеевичу Масальскому на земълю лежачую на влине, которую купилъ у Ивана пана отрыхимовича болотовича на вечъность». 1546 г.

«Жыкгимонтъ августъ Божю милостью король и великии князь.

Билъ намъ чоломъ князь Юрьи Тимофеевичъ Масальскии и поведилъ передъ нами штожъ онъ за дозволеньемъ и листомъ воеводы полоцъкого старосты дорогицкого небожъчика пана Петра Станиславовича Кишки купилъ у Ивана пана отрохимовича болотовича землю его отъчизную на влине спашнею и сеножатми лесы и люды и борти воды и реки и пруды и прудищи бобровыми гоны и ловы рыбъными и звериньными и совъсимъ стымъ яко ся тая земля сама всобе у границахъ и вобыходехъ своихъ маеть за десять рублевъ грошей на вечныи часы, на штожъ онъ и листъ его продажныи и тежъ листъ дозволеныи пана воеводы полоцкого передъ нами вказывалъ, и билъ намъ чоломъ абыхмо на то нашъ листъ ему дали и то ему листомъ нашимъ потвердили, ино мы тыхъ листовъ его огледавши зласки нашое на чоломъ битье его то вчинили на то дали ему сесъ нашъ листъ и тую землю куплю его водле дозволенья и листу пана воеводы полоцкого и тежъ листу его купчого потверъжаемъ симъ нашимъ листомъ ему самому и его жоне и ихъ детемъ и на потомъ будучимъ его щадъкомъ вечно и на веки не порушно маеть онъ тую землю на себе деръжати и ее вживати водле купли своее и листу купчого и листу дозволеного пана воеводы полоцкого, а на твердость того и печать нашу казали есмо приложити ксему нашому листу; псанъ у вильни под. лет. бож. нарож. 1546 месяца октября 19 день индиктъ 5».

(Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 29, л. 50).

ПРИЛОЖЕНІЕ 11.

Листъ отъ короля Александра князю Василію Мосальскому, на владѣніе имѣніемъ въ Смоленскомъ повѣтѣ. 1500 г.

«Самъ Александръ божю милостю великии князь Литовскии рускии жомоитъскии и иныхъ.

Билъ намъ челомъ князь Василеи Михаиловичъ Мосальскии и просилъ внасъ именеица у смоленскомъ повете впоцынскои волости на имя жолтоносовичъ а колыхалова а жукова а за днепромъ настаганъцовъ, которое жъ именейцо перво сего Иванъ Протасъевъ держалъ и поведилъ передъ нами штожъ тотъ Иванъ Протасъевъ вмеръ а наследка никого ктому именейцу не оставилъ, нижли деи только на томъ именеицы тыми разы мешкаеть жена его ино естли будеть такъ какъ онъ намъ поведилъ и мы ему тое именейцо дали такимъ обычаемъ маеть онъ жону Ивана Протасъева на томъ именеицы мужа ее ховати впочестности до ее смерти и не маеть ее нивчомъ рушыти и не обидети а по ее животе тое именеицо дали есмо князю василью и его жоне и ихъ детемъ и на потомъ будучымъ ихъ счадкомъ вечно со всими землями пашными и збортными и зсеножатьми и со озеры и зреками и зперевесы и зставы со всимъ потому што зъдавна ктому именейцу слушало подлугъ того какъ продокъ еи Иванъ Протасьевъ деръжалъ. воленъ онъ тое именье продать и отдать и заменити и ксвоему пожыточъному оберънути какъналепеи розумеючы. а на твердость того и печать нашу казали есмо прывесити ксему нашому листу псанъ у вилни въ лѣто 7008 месяца Апрѣль 24 день индик. 3».

(Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 5, л. 99).

ПРИЛОЖЕНІЕ 12.

«Потверженье князю василю михаиловичу Масальскому на шесть службъ всмоленскомъ повете вдубровенскомъ пути на вечность».

«Жыкгимонтъ.

Чынимъ знаменито симъ нашымъ листомъ хто на него посмотрыть або чтучы его услышить нинешънимъ и потомъ будучымъ кому будеть

потребъ того ведати билъ намъ чоломъ князь василеи михаиловичъ масальскии о томъ штожъ братъ нашъ славъное памяти александръ король далъ ему у смоленьскомъ повете вдубровенъскомъ пути людеи шесть служобъ ивонины а нефедовы а поторочыныхъ а волкалаковыхъ а устье а щыиныхъ, а въ другомъ мѣсте далъ его милость ему тамъ же у смоленскомъ повете въ дубровеньскомъ пути двѣ служъбе василевичы а булычево а ктому и берегъ бобровыи, и подъ тыми людми покуль тыхъ людеи земля зашла, напротивъку отчызъны его которая отошла всторону великого князя Московскаго, и мы перво сего водле данины и листу брата нашого алекъсандра короля прытомъ есмо его заставили и листъ нашъ на то есмо ему дали и тотъ онъ листъ нашъ передъ нами покладалъ и билъ намъ чоломъ абыхмо то ему потверъдили нашымъ листомъ на вечность ино мы бачачы его кнамъ вѣрънуую а пильную и николи невмѣшъканую службу и хотячы его на потомъ охотънеишого и посъпешънеишого куслужбе нашои мѣти зласки нашое тыхъ людеи путъныхъ и даныхъ и тягълыхъ и зъихъ службами и зданью грошовою и медовою и бобровою и куничъною и зъ землями пашъными борътными и съсеножатьми, зборы и зъ дубровами и злесы и зъ ловы зверыными и пташими и зреками и зъ речъками и зозеры и ставы и съ ставищы и зъ млыны и зъ ихъ вымелками и зъ бобровыми гоны покуль земъля тыхъ людеи зашъла и совъсимъ стымъ какъ тыи люди и ихъ земъли съ стародавна у своихъ границахъ ся мели а нынѣ мають, потверъжаемъ то симъ нашымъ листомъ вѣчно ему и его жене и ихъ детемъ воленъ то онъ розъширити и прыбавити и людми осадити и къ своему лепъшому а въжыточъному оберънути какъ самъ налепеи розумѣючы, а на тверъдость того и печать нашу казали есмо прывесити ксему нашому листу псанъ у любовичахъ Ок. 15 день, индик. 12».

(Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 8, л. 244).

ПРИЛОЖЕНІЕ 13.

«Потверженье князю Василю Михаиловичу Масалскому на две службе людеи и две земли пустыхъ всмоленскомъ повете вдубровенскомъ пути на вечность»; 1509 года.

«Самъ Жыкгимонтъ божю милостью.

Билъ намъ чоломъ дворянинъ нашъ князь василеи михаиловичъ мосальскии о томъ што перъво сего дали есмо ему всмоленскомъ повѣте въ дубровенъскомъ пути двѣ службе людеи у звѣровичахъ што передъ тымъ Иванъ Кимъбаровъ дерьжалъ. на имя скороходовыхъ а радогощичи противъ его отчыны которая жъ отъчына его вся отошла всторону великого князя московъского и на то листъ нашъ перъвшую нашу данину передъ нами вказывалъ а ктому придали есмо ему тамъжо всмоленъскомъ повѣте вдубровенскомъ пути двѣ земли пустовъскихъ на имя дерибину а баеву зберегомъ бобровымъ и билъ намъ чоломъ абыхмо то потверъдили ему на вѣчность. ино мы зласки нашое и тежъ для его вѣрьное службы то вчинили на то дали ему сесь нашъ листъ и потверъжаемъ то симъ нашымъ листомъ вѣчно ему и его жоне и ихъ детемъ и на потомъ будучымъ ихъ счадкомъ. масть онъ и его справедливые наследъки тые вышеписаныи двѣ службы людеи у звировичохъ скороходовыхъ а радогощичыи тые двѣ земли пустыхъ дерибину а баеву и зберегомъ бобровымъ дерьжати вѣчно совъсими людьми. зъ землями пашными и бортными и сеножатьми и зборы и лесы и гаи и созерь и зъреками и зречъками и ставы и ставищи и зъ млыны и ихъ вымелъки и зъ бобровыми гоны и зданьми грошовыми и медовыми и бобровыми и куничъными и службами тыхъ людеи и совъсимъ стымъ што книмъ здавна прыслухало и какъ ся тыи люди и ихъ земли и тыи две земли пустыи се състародавна въ своихъ границахъ маютъ и воленъ онъ то розъшырити и людьми осадити и къ своему вжыточъному и лепъшому оберънути какъ сами наленѣи розумѣючы. а на тверъдость того и печать нашу казали есмо прывесити ксему нашому листу псанъ во львовѣ лѣта Божего 1509 месяца Ок. 12 день индик. 15». (sic).

(Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 8, л. 308).

ПРИЛОЖЕНІЕ 14.

«Князю Василю Масалскому на трыдцать службъ людеи и две земли пустовскихъ у василишъскомъ повете».

«Жыкгимонть.

Конюшому нашому дворному и троцкому наместънику василишскому волкиницкому и лепуньскому и стоклишскому пану Якубу Кунцевичу и инымъ наместникомъ василишъскимъ хто и на потомъ будеть отъ насъ василишки держать. Билъ намъ чоломъ дворенинъ нашъ князь Василеи Михаиловичъ Масальскии о томъ што есмо перво сего дали ему тридцать службъ людеи у Василишъскомъ повете а ктому пять земль пустовскихъ на дворную пашню, вкоторие жъ деи люди зросказанья нашогъ его увезалъ воевода троцкии маршалокъ нашъ дворныи небожъчикъ панъ григореи станиславовичъ остиковича, и онъ поведилъ намъ штожъ деи на тые люди листъ увяжъчии воеводы троцкого небожчика пана Григоревъ. и листъ наша данина внего згинули, нижли вказывалъ передъ нами листъ нашъ которыи мы ему дали на тые люди после того какъ внего первыи листъ данина наша и тежъ листъ увяжчыи пана воеводы троцкого згинули ино втомъ листе нашомъ имены тые люди ему нестоять, и билъ намъ чоломъ князь василеи абыхмо тые люди казали ему имены пописати и на то дали ему нашъ листъ, а тыхъ деи пять земль пустыхъ ему сполъна недано, нижли деи только дано ему две земли тирилишка а ремзишка, а то деи тые люди вкоторие его панъ Григореи увезалъ.... (*слѣдуютъ имена людей*).... и збратьею тыхъ людеи которие втыхъ тридцати службахъ и тыхъ деи онъ вдеръжаньи и вопокои есть почонши отъ тыхъ часовъ какъ небожчикъ панъ воевода троцкии увезалъ ажъ до сихъ часовъ, ино естьли будеть небощикъ панъ Григореи воевода троцкии втые люди увезалъ у тридцать службъ и онъ повъвезаню его тыхъ людеи и двухъ земль вдеръжаньи и вовпокои былъ ажъ до сего часу, и мы на то дали ему сесь нашъ листъ нехаи онъ тые люди и земли верху писаные 30 службъ людеи деръжитъ со всимъ стымъ какъ ся тые люди и земли здавна сами всобе и вграницахъ и вобыходехъ своихъ мають подлугъ данины нашое первое и увезанья не-

божчика пана Григоря воеводы троцкого писанъ вкракове июль 16 день индик. 9».

(Акты Метр. литовс.: Кн. зап. № 10, л. 58).

ПРИЛОЖЕНІЕ 15.

«Привилеи князю Семену Михаиловичу Масалскому на шесть служобъ у смоленьскомъ повете на вечность».

«Жыкгимонтъ.

Чынимъ знаменито симъ нашымъ листомъ хто на него посмотрыть або чтучы его услышыть нинешънимъ и потомъ будучымъ кому будеть потребъ того ведати. билъ намъ чоломъ князь Семенъ Михаиловичъ Масалскии о томъ штожъ братъ нашъ славъное намяти александръ король далъ ему у смоленскомъ повете вдубровеньскомъ пути одну службу вадово а великолесье а въ другомъ мѣсте далъ его милость ему тамъ же у смоленскомъ повете тры служъбы зенковы а логунову а королкову а четверътую служъбу у максимовъскомъ повѣтѣ гвоздова а пятую служъбу на сожи Сухорову конюшкову а ктому и берегъ бобровыи подъ тыми людьми покуль тыхъ людеи земъля зешла на противку отчыны его которая отошла всторону великого князя московъского. а и мы перъво сего водъле данины и листу брата нашого александра короля прытомъ есмо его заставили и листъ нашъ на то есмо ему дали и тотъ онъ листъ нашъ передъ нами покладалъ и билъ намъ чоломъ абыхъмо то ему потверъдили нашымъ листомъ на вечность. ино мы бачачы его кнамъ вѣръную а пильную и николи не вмѣшъканую служъбу и хотячы его на потомъ охотънеиного и посъпешънейшого ку службе нашои мѣти зласки нашое тыхъ людеи путъныхъ и данныхъ и тягълыхъ и зъихъ службами и зданью грошовою и медовою и бобровою и куничъною и зъ землями пашъными бортными и съсеножатьми, зборы и зъ дубровами и злесы и зъ ловы зверьными и пташими и зреками и зъ речъками и зозеры и ставы и съ ставищы и зъ млыны и зъ ихъ вымелкама и зъ бобровыми гоны покуль земъля тыхъ людеи зашъла и совъсимъ стымъ какъ

тыи люди и ихъ земъли съ стародавна у своихъ границахъ ся мели а нынѣ мають, потверъжаемъ то симъ нашымъ листомъ вѣчно ему и его жене и ихъ детемъ воленъ то онъ розъширити и прыбавити и людми осадити и къ своему лепъшому а въжыточъному оберънути какъ самъ нанепеи розумѣючы, а на тверъдость того и печать нашу казали есмо прывесити ксему нашому листу; псанъ у любовичахъ Ок. 15 день индик. 12».

(Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 8, л. 246).

ПРИЛОЖЕНІЕ 16.

«Листъ отъ короля его милости Жикгимонъта до старосты городенского Станислава Петровича князю Федору Масалскому о поданье ему села Алексеевичъ и иныхъ певныхъ людей и земель даныи»; 1509 г.

«Самъ Жикгимонтъ Божю милостю король полскии великии князь литовскии рускии, княжа пруское, жомоитъскии и иныхъ.

Старосте городеньскому пану Станиславу Петровичу. Билъ намъ чоломъ князь Федоръ Масалскии о томъ штожъ онъ немалые лета змаршалъкомъ нашимъ дворнымъ паномъ Григоремъ Станиславовичемъ Остиковича и зынъшими паны врукахъ неприятельскихъ былъ, и што кольвекъ мелъ отчизны своее то все отошло всторону великого князя московъского и не мается на чомъ поживати и намъ счого послужити, и билъ намъ чоломъ абыхъмо ему дали село вгороденскомъ повете жорославъское волости на имя алексеичичи а ктому иниихъ людеи придали. Ино мы впаметавъши верную служъбу предковъ его и его тежъ зласки нашое дали есмо ему тое село алексеичичи злюдми а ктому инъшихъ людеи придали всихъ людеи сумою, што втомъ селе пятдесятъ человековъ служъбами а чотыри земли пустовъскихъ на дворную пашню и для того послали есмо тамъ дворянина нашого занька еловича и казали есмо ему его втое село и влюди тые и вземли пустовъские увязати, и твоя бы милость стымъ нашимъ дворяниномъ послалъ которого служебъника своего и казалъ обобрати людеи . . . . всихъ сумою пятдесятъ человековъ служъбами и

стыми людми што втомъ селе а ктому чотыри земли пустовъскихъ ему подати. Псанъ у во лвове Ок. 3 день инъдикта 13».

(Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 15, л. 57).

ПРИЛОЖЕНІЕ 17.

«Привилеи князю Борису Михаиловичу Масалскому на дворецъ дуровичи у смоленскомъ повете на вечность»; 1516 г.

«Жигимонтъ Божъю милостю.

Чынимъ знаменито симъ нашымъ листомъ хто на него посмотрыть або чтучы его услышить нинешънимъ и потомъ будучымъ кому будеть потребъ того ведати. билъ намъ чоломъ князь Борысъ Михаиловичъ Масальскии о томъ штожъ братъ нашъ славное памяти александръ король далъ ему дворецъ у смоленскомъ повѣте дуровичы што дѣръжалъ князь Ѳедоръ путогинскии которыи жо дворецъ досталься былъ ему по жонѣ его, напротивку отчыны его которая отошла всторону великого князя московъского. и мы перво сего водле данины и листу брата нашого александра короля прытомъ есмо его зоставили и листъ нашъ на то есмо ему дали и тотъ онъ листъ нашъ передъ нами покладалъ и билъ намъ чоломъ абыхмо то ему потверъдили нашымъ листомъ на вечность, ино мы бачачы его кнамъ вѣрънуую а пильную и николи невмѣшъканую службу и хотячы его на потомъ охотънеишого и посъпешънеишого ку службе нашои мѣти зласки нашое тотъ дворецъ дуровичы злюдми и зъ ихъ службами и зъ данью грошовою и медовою и бобровою и куничъною и зъ землями пашъными борътными и съсеножатьми, зборы и зъ дубровами и злесы и зъ ловы зверыными и пташими и зреками и зъ речъками и зозеры и ставы и съ ставищы и зъ млыны и зъ ихъ вымелками и збобровыми гоны и совеимъ стымъ какъ тотъ дворецъ съ стародавъна у своихъ границахъ ся мѣлъ а нынѣ маетъ потверъжаемъ то симъ нашымъ листомъ вѣчно ему и его жене и ихъ детемъ воленъ то онъ розъширити и прыбавити и людми осадити и къ своему лепъшому а въжыточъному оберънути какъ самъ налепеи розумѣючи, а на тверъ-

дость того и печать нашу казали есмо прывесити ксему нашому листу псанъ влюбовичахъ подлѣты божего нароженья 1516 году месяца Ок. 15, индик. 12» (sic).

(Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 8, л. 252).

ПРИЛОЖЕНІЕ 18.

«Справа князя Өедора Масалского зъ братею его княземъ дмитромъ а княземъ семеномъ о именья дядка ихъ»; 1496 г.

«Самъ александръ Божю милостью.

Смотрели есмо того дела жаловалъ намъ князь Өедоръ Ивановичъ Масалскии на братю свою родную на князя дмитрея а на князя семена штожъ дядко его небожчикъ князь андреи семеновичъ взялъ былъ его собе за сына местъ на вделъ свою и записалъ ему именя свои а мелъ онъ мешкати на его именьяхъ скнягинею его дядиною своею до живота ее и онъ по ее животе хотелъ самъ держати тые именья дядка своего а имъ брати своен втыхъ именяхъ делницы нехотелъ дати и мы того досмотревъши нашли есмо такъ нелзе было дядку его князю Анъдрею ему одному тыхъ именеи своихъ отписывати иншое брати его оттого отдаляючи нижли такъ право въказуеть можетъ третюю часть именеи своихъ отписати кому бы хотелъ своее доброе воли и казали есмо князю Өедору на тыхъ именьяхъ дядка своего мешкати здядиною его съ кнегинею андреевою до живота ее а по ее животе тогды онъ маетъ тыми всими именьи дядка его збратьею своею поделитися и поровнати и тежъ отчинъными именьи такежъ маетъ сними ся поделити тежъ тая кнегини Анъдреевая дядиная ихъ збратомъ ихъ княземъ Өедоромъ маетъ на тыхъ именьяхъ мешкаючи ихъ нешкодити а ни продавати а ни записывати никому отъ нихъ отъ ближнихъ. писанъ вмеречи априлъ 11 день индиктъ 14».

(Акты Метр. лит: Кн. зап. № 6, л. 74).

ПРИЛОЖЕНІЕ 19.

«Oblata listu nayiasnieyszego krola polskiego Stefana w roku 1581 do urodżonych kniaziow Massalskich, ruskim językiem y charakterem pisanego».

«Stanislaw August.

Oznaymuiemy sym listem naszym wszem wobec y każdemu z osobna komu o tym wiedziec należy, iż przed aktami metryk kancellaryi naszey stanąwszy osobiscie xiądz Podycki plenipotent przewielebnego Ignaciego Xca Massalskiego biskupa wilenskiego list nayiasnieyszego przodka naszego Stefana krola polskiego do urodżonych kniaziow Massalskich ruskim językiem y characterem w roku 1581 pisany in originali per oblatam ad acta podal prosząc aby do xięg byl przyięty y wpisany, ktory polskiemi literami pisząc od slowa do slowa iest takowy:

Стефанъ (*) Божою милостью король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, жомоитскій, мазовецкій, лифляндскій, князь Седмиградскій и иныхъ. Ко всимъ княземъ Мосальскимъ.

Не есть тайно ихъ милости паномъ радамъ нашимъ и всимъ станомъ укрывжене немалое панствъ нашихъ великого князства литовского и земли лифлянтской отъ продковъ великого князя московского и отъ него самого, якожъ и за панованія нашого безъ данія причины нашой убезпечивши насъ покоемъ, а пославши противко насъ съ войною, панства наши нашелъ и подданыхъ земли нашое лифлянтское окрутне мордовалъ, зачимъ за радою пановъ радъ нашихъ и всихъ становъ позволеньемъ съ сойму валного война уфалена противко ему, яко жъ за лаской Божою счастливе черезъ тыи два годы отправовали есьмо ес того взо вѣдомость певная есть, выписывать непотреба, але ижъ до того всего узнали есмо отъ пановъ радъ и отъ всихъ становъ не только вѣрную зычливость але и немалую помоцъ, прикладаючися податками и особливе коштомъ своимъ властнымъ великіе почты людей ведучи до таковой потребы нашей, што яко намъ вдячно такъ то завжды помстовати ласкою нашею всимъ таковимъ будемъ, а гдыжъ послове того непріяте-

(*) Подлинникъ писанъ по русски, но польскими буквами.

ля, которые подъ Луки Великія до насъ пришли, усе здѣ на соймѣ у насъ были ничого слушного ку застановеню покою вѣчного неподавали, стое причины ни счимъ отъ насъ отправлени и попиране войны съ тымъ непріятелемъ есть уфалено, зачимъ мы Господаръ для доброго рѣчи посполитой и здоровья нашого не литуючи, вземши пана Бога на помощь неомешкане съ Варшавы рушиться маемъ, а мали часъ по дорозѣ змешкавши сами персоною маестату нашого королевского въ войско умыслили есмо тягнути, а гдыжъ есте въ прошлыхъ лѣтѣхъ тую милость и зычливость свою противко намъ и отчизны своей показовали, въ томъ и на тотъ часъ ничого невонтпимъ таковою зычливостью своею подпирать и посилкомъ до войска прибыть неомешкасте уважаючи то же мы Господаръ здоровье нашо выносимъ для всихъ вѣрныхъ подданыхъ нашихъ и для расширенія панства онаго отчизнъ вашихъ якобы за помощью Божою ку успокоенью и слушному застановеню речи зачатые привели и про то жодаемъ ажбы есте чинечи то для насъ пана своего и жеданія нашого на день остаточны Іюня мѣсяца у замку нашого на Лукахъ Великихъ становилися и тамъ же съ иными войски нашими къ намъ Господару стегали, а мы то ласкове памятовати и . . . . вамъ хочемъ. Писанъ у Варшавѣ лѣта отъ нароженія сына Божего 1581 мѣсяца Марта 14 дня».

«Stefanus Rex.».

(Акты Метрики литовской: Книги публичныхъ дѣлъ № 29, л. 45).

ПРИЛОЖЕНІЕ 20.

Отрывокъ письма князя Матѳея Ивановича Мосальскаго, писаннаго изъ плѣна въ Россіи, къ князю Андрею Петровичу, 1564 г.

«. . . . За то тежъ вашеи милости пильне проше рачъ ваша милость оповедать передъ королемъ его милостью и дать записать, которые листы со мною побрали яко прывилья и многии которые вашеи милости выписую меновите: на первеи привилеи всихъ трехъ отъцовъ нашыхъ на именье вповете Браславъскомъ на тотъ же листъ увяцыи пана Ивана

Сопеги старосты на тотъ часъ бывъшого, листъ короля авъгуста сподписью руки которого у вашеи милости копия зостала безъмытъныи подданымъ нашымъ друпскимъ взятыи, листы которые мне прыслухали ревизорские, которые были посыланы до Браславъля для отъмены земъли и озеръ которые были даны отъцу моему и держалъ спокоине на дворецъ Браславскии купъныи листы и потъверженье, и листы ревизорские граничные взяты листы делъчые государъскіе, што се отъцы нашы делили всимъ именьемъ друпскимъ и местомъ. Квиты на отъданье серебщызныи отъ часовъ давныхъ бирчыхъ. взятъ листъ веновныи сестри моеи пани Тихновои, пани настаси. взятъ листъ, штомъ я былъ заплатилъ долгу по отъцу небощыку вильневцу на колькопадцать копъ своихъ властъныхъ. взятъ листъ которыи ми дала пани онъдреева пиньковича олена, што взела речы свои скрынею вси вцелости по смерти отъца моего, што было взахованью отъ часу немалого, взятъ реестръ подъ печатьми прыятельскими, штомъ былъ прыехавшы стороною вдомъ по смерти отъца своего списалъ, вси речы, сребро, кони и вси домовые речы и шаты отъ мала ажъ до велика реестръ речеи веновныхъ, што сестрамъ было отложоного, а другии што было матъчыныхъ речеи сестре маленьскои и инъшие многие листы потребъные и мамърамы прыятелские и мои сподписомъ рукъ, ваша милость для часу слушного рачъ то объваровати и записать яко нетреба вашеи милости вчыть».

(Акты Метр. лит.: Кн. судн. делъ № 35, л. 345).

ПРИЛОЖЕНІЕ 21.

«Декретъ княземъ Петру и Михаилу (Богушевичамъ) Масальскимъ, съ княгинею Петровою Верижиною Масальскою Настасею Ивановною о именья и маетность рухомую». 1562 г.

«Лета Бож. нарож. 1562 мѣсяца Марца 11 дня.

Государъ король его милость и великии князь Жикгимонтъ Августъ рачылъ казать до книгъ его милости государъскихъ канцлерейскихъ за-

писати. Постановившися очивисто у суду его королевское милости на року за позвы прыпаломъ дворяне его кролевъское милости князь Петръ а князь Михаило Богушевичи Масалские жаловали спозву черезъ умоцованого своего кгабриеля костелковъского на кнегиню Петровую вериживую Масалскую Настасью Ивановну, о томъ штожъ деи мужъ ее а братъ ихъ князь Петръ Масалскии стого света безъ потомства зъшолъ, а она деи именья его злюдми зъзбожемъ вгумъне и тежъ зъ засеянымъ збожъемъ и кутому скарбы маетность его то естъ золото сребъро клеиноты перла шаты цын. медъ и иные веи речы рухомые такъ тежъ зброи кони быдло рогатое и нерогатое стадо свирепъе и челядью невольною крукамъ своимъ вземъшы на себе деи держить и того уживаетъ. а имъ яко властное близъкости ихъ поступити нехочеть. и павелъ Брозовскии умоцованыи кнегини Масалское чинечы на то отъказъ поведилъ же кнегини Масалъская яко именья мужа своего небощыка князя Петра вериги Масалского такъ и речы рухомые по смерти его при неи зосталые за слушънымъ правомъ водле оправы и записанья мужа своего на себе держитъ и того уживаеть до естъ две части двухъ имении его на имя мереческого и опътуповского у суме пенезей а третюю часть тыхъ жо имении и речы рухомые на вечность и доводячы зъстороны ее того записанья покладалъ веуду его кролевъское милости два листы записы мужа ее небощыка князя Петра Масалского подъ печатью и сподписаньемъ руки его властное и подъ печатми некоторыхъ людеи добрыхъ, одинъ листъ на две части тыхъ двухъ имении его верху мененыхъ и на речы рухомые подъ датою лета Божего нарожения 1561 мѣсяца апреля 4 дня вкоторомъ листе пишеть же онъ нагорожаючы еи жоне своеи за унесенье ее вдомъ его пятсотъ копъ грошеи далъ и записалъ еи по животе своемъ две части именеи своихъ вышеписаныхъ до отъложенья еи сполна отъ братьи его тое сумы пенезеи пятисотъ копъ грошеи а речы рухомые даруючы еи на вечность место совитости за внесеные ее, а другии листъ на третью часть тыхъ жо двухъ имении выше мененыхъ податою лета божего нароженья 1561 мѣсяца Апреля 5 дня. въ которомъ листе пишеть же онъ. знаючы цнотливое и повольное захованье ее малжонки своее ку собе далъ даровалъ и на вечность еи записалъ вы-

немъшы за третюю часть люди именья своего меречского названо села руского лежачого за немномъ пять служобъ которые люди меновите втомъ листе ве онъ имены описалъ и ктому дворъ втомъ жо селе рускомъ на реце Строви со всимъ якося всобе маеть яко то ширей и достаточнеи на тыхъ листехъ записехъ его на то ей даныхъ естъ описано, и мовилъ Павелъ брозовскии же она водлугъ тыхъ листовъ записовъ мужа своего тыхъ именеи ужываеть а ведь же деи они яко братья его естли похочутъ тую суму пенезеи пятсотъ копъ грошеи ей отъложыти тогды она готова будеть двухъ частей тыхъ именеи верху писаныхъ имъ поступити а третюю часть и речы рухомые што ей на вечность отъ мужа ее записано то подле листу запису его при неи зостати маеть.

Кгабрыель Костельковъскии на то поведилъ припоминаючы обычаи права посполитого яко встатуте пишеть ижъ хто кому якую кольвекъ речь запишеть тогды маеть то передъ врядомъ господаръскимъ объявити и до книгъ записати а ижъ деи я тутъ управа врядового оповеданья никоторого втои речы не вижу тогды деи тые листы записы мужа ее на тое даные заслушъне у права ити ей не могуть.

Павелъ Брозовскии на то поведилъ боронячы того же небожчыкъ князь Петръ Масалскии мужъ ее втои речы слушъне водле права поступовалъ и тые листы записы свои на враде передъ паномъ воеводою троцкимъ гетманомъ навышъшымъ великого князьства литовъского старостою мозырскимъ державцою лидекимъ белинъскимъ и сомилишъскимъ паномъ миколаемъ юревичемъ радивиломъ оповедалъ и созналъ до книгъ врядовыхъ его милость записати то далъ якожъ деи кнегини масалская того оповеданья и сознанье его выписъ скнигъ его милости пана воеводы троцкого всебе мела нижли деи вдорозе едучы на право до вильни и будучы у воитовои корчме на гостинъцы городенскомъ тотъ листъ выписъ на третюю часть того именья ей отъ мужа ее записаную стратила а две же деи ижъ то естъ у ведомости его милости пана воеводы троцкого и у книгахъ его милости то записано, просилъ за то Павелъ Брозовскии именемъ кнегини Масальское абые ку положеню выпису втои речы скнигъ пана воеводы троцкого слушъныи рокъ зложонъ былъ, а

што ся дотычеть двухъ частеи вышеи помененыхъ именеи князь Петръ самъ поведи очывисто у суду государъского именемъ своимъ и именемъ брата своего князя Михаила Масальского же на тотъ часъ коло записанья еи тыхъ двухъ частеи именеи всуме пенезеи и речеи рухомыхъ подле листу запису мужа ее а брата своего знею не мовить и одножъ деи третее части не мелъ онъ моцы еи записовать кгдыжъ еще поровнане ровного зними братьею своею во всихъ именяхъ не прынялъ кнегини петровая масалская за тымъ мовеньемъ его о поровнанье тыхъ именеи на то сама позволили абы поровънанье межи ними втыхъ именьяхъ было гдежъ у суду государъского сказано похучуть ли они мають собе зобу сторонъ вземшы прыятелеи або зуряду на то взятыхъ вижовъ вси именья свои поровнати, а што ся дотычетъ ижъ кнегини масальская черезъ умоцованого своего Павла Брозовского поведила всебе быти на третюю часть того именья записанья мужа своего яко то онъ еи записавшы на вряде передъ паномъ воеводою троцъкимъ оповедалъ выписъ скнигъ его милости а ижъ тотъ выписъ едучы до права у дорозе сгубила а отъзывалася втомъ до книгъ пана воеводы Троцкого для того у суду его кролевъское милости за прозбою ее зложоно еи куположенью передъ его кролевскою милостью оного выпису скнигъ его милости пана воеводы троцкого рокъ певныи то естъ посвяте теперебъ близъко прыидучомъ велико дни вроку нинешнемъ шестдесятъ второмъ за тры недели и такъ сказано кгды кнегини Петровая Масалская тотъ выписъ скнигъ пана воеводы троцкого на третюю часть отъ мужа ее записаную сознане его до книгъ его милости вделаного передъ судомъ государъскимъ положить тогды подле запису мужа своего маеть быти втомъ заховано пры тои третеи части именья.

А потомъ кгабриель костельковскии припоминалъ яко на позвехъ описано о челядне вольную и о десеть панцыровъ и прылбицъ сребромъ и о стадо свирепъе дворъное которое деи по отъцы ихъ при князю масалскомъ брату ихъ а мужу ее зостало, на то кнегини масалская сама поведила же стада жадъного мужъ ее всебе немелъ только свирепъ колько которые деи я за пенези свои купила и тые деи тепере вмене естъ то естъ о панциры и о прылбицу сребромъ кнегини масалская незналася

поведаючы же по отцы ихъ князю Богушу Масалскомъ ни одного панцыра пры мужу ее не зостало толки деи тепере маю всебе чотыри панциры которые пебощикъ мужъ мои посполъ со мною за нашы спольные пенези для потребы своее купилъ ино деи тыхъ поступовати имъ неповинна кгдыжъ то не ихъ отъца папцыри зостали але мужа моего властного такъ же и челядневольную кпегини Масалская незпала ся и поведила же большъ челяди невольное всебе немаеть только одно мужика горбача и того деи ему дозволяю взяти; а князь Петръ Масалскии и збратомъ своимъ ижъ поведилъ быти внее больши челяди невольное а нижли она признаваеть для того сказапо ему всуду государьского же опи за листомъ и дворяниномъ государьскимъ маютъ собе тую челядь невольную поискивати и будь въ кнегини масалское вкоторомъ кольвекъ именью або где индеи нашедшы ихъ яко властныхъ своихъ невольныхъ подле обычаю права и статуту земъского взяти маютъ. а о панцеры и о прылбицы и тежъ о стадо. Поведилъ князь Петръ Масалскии именемъ своимъ и брата своего князя Михаила и гдыжъ деи она неповедаеть больши панцыровъ всебе и прылбицы со сребромъ и тежъ стада нашого властного. што тыхъ зброн и стада по отъцы нашомъ на насъ прыходить, нехаи деи на томъ она присягнеть. а кнегини Масалская тежъ имъ прысягу допускала жебы они на томъ присягу вделали ино ижея на тотъ часъ правное кончене межи ними втои речы водле обычаю права еще нестало стое прычыны всуду его кролевское милости мовенье имъ обеюмъ сторонамъ о то на передпии часъ пры моцы заховано а потомъ кгды рокъ отъ суда его кролевъское милости ку положенью еи выпису на третюю часть имения скпигъ пана воеводы его милости троцкого подъ печатью его милости всуду его кролевъскои милости покладала подъ датою лета божего нароженья тисеча пятсотъ шестьдесятъ первого мѣсяца Мая одинпадцатаго дпя внеделю, вкоторомъ пишетъ же князь Петръ Масалскии мужъ ее а будучы здопущенья божего хоробою зпятъ але еще за доброе памети и супол(н)ого розуму своего черезъ некоторыхъ прыятелеи своихъ тую волю и записанье свое людеи своихъ меречскихъ и ку тому дворы на реце строви вынемши место третее части именеи своихъ яко тоеи жоне своеи записалъ передъ паномъ воеводою троцкимъ оповедилъ

и добровольно сознал за которымъ оповеданьемъ его втои речы его милость панъ воевода троцкии ку ведомости своеи то прыпустившы до книгъ его милости то записати росказалъ яко то шыреи и достаточнеи на ономъ листе выписе скнигъ его милости есть описано и просила кнегини масальская всуду его кролевъское милости абы водле оповеданья и сознанья мужа ее передъ паномъ воеводою троцкимъ втомъ вделаного пры листехъ записехъ мужа своего яко то онъ еи записалъ захована была а такъ кгдыжъ князь Петръ Масалскии мужъ ее втомъ се подле права посполитого и статуту земъского заховалъ и тое постановенье и записанье свое на вряде передъ паномъ воеводою троцкимъ оповедалъ и созналъ которого жъ оповеданья и сознаня втои речы его выписъ скнигъ его милости всуду его кролевъскои милости она покладала стое прычины его кролевъская милость кнегину Петровую Масалскую Настасью Ивановну подле обычаю права посполитого и статуту земъского и водле листу запису мужа ее небощыка князя П тра Масальскаго и прытомъ выпису его милости пана воеводы троцкого пры третеи части яко еи мужъ се люди мересчкие и дворъ на реце строви вынемшы место третее части имепеи своихъ далъ даровалъ и на вечность записалъ зоставити и то еи сказати и прысудити его кролевъская милость казати рачылъ подтымъ обычаемъ же она во всемъ томъ маеть ся заховати подле листу запису мужа своего на то еи даного а потому кгды вжо было втои справе всуду государа короля его милости по выроку и сказанью и кнегини Петровои Масалскои ино князь Петръ Масалскии именемъ своимъ и именемъ брата своего князя Михаила всуду его кролевъское милости прыпоминанье вделалъ поведаючы же деи братъ нашъ а мужъ ее князь Петръ Масалскии немелъ моцы своеи жоне своеи и никому иншому втыхъ именьяхъ верху помененыхъ третее части на вечность кромъ воли и ведомости его кролевъское милости немаючы на то листу особливого и дозволенья государъского записывати кгдыжъ деи тые именья зласки его кролевское милости отъцу нашому и намъ самимъ не вечнымъ правомъ даны одно до очыщенья отъчызны нашое которая подъ непрыятелемъ государъскимъ княземъ московъскимъ естъ и просили они всуду его кролевскои милости абы тое прыпоминанье ихъ до книгъ государъскихъ бы-

ло записано што для ведомости и вкниги государъскіе описано есть, а такъ государъ король его милость рачылъ казати то до книгъ его кролевъское милости канцлереискихъ записати на што и вы(писъ) скнигъ кнегини петровои Масалскои естъ данъ. Писанъ у вильни.

Янъ Ганко писаръ».

(Акты Метр. лит.: Кн. записей № 39, л. 370).

ПРИЛОЖЕНІЕ 22.

«Листъ всимъ княземъ Масалскимъ Друйскимъ до поборцы полоцкого. на зменшене побору мещаномъ ихъ друнскимъ даныи».

«1562 г. Сент. 9.

Присылали вси князи Масальскіе Друйскіе присылали до государа его милости бьючи чоломъ, жебы его милость того побору (земского въ Полоцку установленому) на мѣщанахъ ихъ друискихъ брать казати не рачылъ и съ того ихъ вызволити рачылъ, ино ижъ тотъ поборъ на потребу речы посполитое постановенъ. про то ачъ не годилося его королевской милости того побору отпускати. нижли для знищенья и шкоды ихъ которую отъ непріятеля его королевское милости приняли, чинечи имъ яко людемъ украиннымъ ласку свою государскую за челобитьемъ князей Масальскихъ. рачылъ росказати отъ попелу и отъ иныхъ товаровъ ихъ того побору отъ первшое уставы зменьшити хотечи то зскарбу своего государского на потребу речы посполитое доложити и росказати рачылъ его милость братвиныхъ поборъ потому яко нижеи описано, то естъ отъ каждого лаштъту попелу которын они до Риги спущати будутъ по одному таляру, и што они тыхъ часовъ спущаючы попелъ и иные товары до Риги, подавали деи тобе квиты свои описавшыся отъ тыхъ товаровъ поборъ водле первшое уставы нашое платити, естли бы государъ его милость того побору зменъшити казати не рачылъ твоя бы милость (*) и отъ тыхъ попеловъ и товаровъ которые они вжо спусти-

(*) Гарабурда,—сборщикъ податей въ Полоцкѣ.

ли водлугъ теперешънего постановенья, отъ каждого лашъту по одному таляру а отъ инъшыхъ товаровъ скаждое копы по три грошы оземъшы тые квиты ихъ вернулъ имъ, але отъ соли и отъ воску бралъ бы твоя милость впихъ поборъ водлугъ первшое уставы государское, а отъ лою конопель селедцовъ меду пресъного и отъ инъшыхъ всякихъ товаровъ которые они заграницу на продажу повезуть, такъ же изъ заграничья до панъства его королевское милости попровадять, обраховавшы тые товары на копы такежъ скождое копы по три грошы побору платити мають, а естьли тые товары впанъстве его королевъское милости скупивъшы а не везучы за границу впанъствежъ его милости государъскомъ продадуть, таковые побору немають отъ того давати, и еще што купчини по местамъ его милости государъскимъ и селамъ князскимъ паньскимъ и земянскимъ скупуючы всякие живьности, и ктому волы яловицы вепровые туши и полти и въсякое дробъное быдло на вбои мещаномъ и резникомъ тамъ у Друи продають, таковые ото въсякое живъности которая ся родить втутошънемъ панъстве его королевское милости великомъ князстве литовскомъ, побору никоторого давати не мають, али жъ штобы стаковыхъ живъностей за границу проводили, отъ того побору скождое копы по тры грошы платити повиньни будуть, а отъ железа шынъ меди неробленое седелъ сагаидаковъ ручъницъ аркабузовъ кордовъ мечовъ сабель рогатинъ уздъ и нарадовъ коньскихъ пороховъ салетъры серки и въсякихъ иныхъ речей ку обороне и стрельбе належачыхъ, ничого отъ того побору немають давати, але отъ стали меди и железа робленого на домовые и на иные потребы не ку обороне и не ку воине належачие, и тежъ отъ олову повиньни платити поборъ отъ каждое копы по три жъ грошы, еще ремесники всякого ремесла што кольвекъ речи зроботы своее будутъ мети и ихъ зместа до места возечы продавати у здешънемъ панъстве его милости государъскомъ за границу нигде не провадечы, отъ того они побору давати не повиньни, кромъ роботъ чужоземъскихъ отъ чого поборъ небранъ, отъ того повиньни будуть побору давати скопы по трыжъ грошы, такъ же которые купъчыки скупуючы всякую живъность подъ воиско его милости государъское возить будуть, тые побору отъ тыхъ живъностей платити

не маютъ, а которые тежъ купъцы места друпского до Полоцка до витебъска до Оршы до Могилева и до инъшыхъ мѣстъ государъскихъ князскихъ панъскихъ по въсему великому князству, а не за границу стовары своими ездять, ино естъли поедуть счужоземскими товары отъ которыхъ поборъ описано брати, отъ того одинъ разъ поборъ отъ копы по тры грошы заплативъшы неповиньни вжо будуть другии разъ нигде побору давати, для того квиты спечатью поборовою даваи имъ, надто которые мещане вместе тамошънемъ вдомехъ своихъ жорны маютъ, ино ижъ для небесъпечъности отъ неприятеля государъского многие люди до замъку и места друпского знесли и безъ жорновъ обытися не могуть, для того его королевская милость отъ жорновъ и што на .....нохъ, такъ на свою потребу яко и на продажу мещане и перепечанки молоть будуть, отъ того ничого вжо побору давати не маютъ. а которыи бы люди ижъ кольве со въсего панства государъского великого князства литовъского зъзбожемъ и зыными живносями тамъ до друи приеждчали, таковые отъ побору волни и платити его неповиньни окромъ того штобы зъ заграничья привезено, отъ тыхъ речеи поборъ яко вышеи описано скопы по три грошы давати маютъ: твоя бы милость о томъ ведаючы у браню побору водлугъ сес науки и листу моего заховалъся, ведже тое постановенье мастъ держано быти поки валька перестанеть. Писанъ у вильни лет. бож. нарож. 1562 мѣсяца Сент. 9 день».

(**Акты Метр. лит.: Кн. судн. дѣлъ № 45, л. 39**).

ПРИЛОЖЕНІЕ 23.

«Реестръ шкодъ князя Масальского» 1566 г.

«Напродъ за збитье и зраненье его самого и двухъ служебниковъ его а третего хлопца верху имены описаныхъ на везка водле становъ ихъ яко шляхтичомъ 80 копъ грошей.

То естъ шкоды меновите нижеи описаные:

Валахъ карыи которого сколото на онъ часъ которыи коштовалъ его 20 копъ грошеи литовскихъ.

Звоза почътового торба турецкая за которую дано три золотыхъ чермныхъ чынить две копе и грошеи чотыры и пенезеи осмъ.

Вторбе были листы потребные и квиты на которыхъ было двесте и семъдесятъ копъ грошеи литовскихъ.

Сто таляровъ чынить сорокъ и чотыри копы грошеи, готовыхъ грошеи 50 копъ литовскихъ.

Вторбе кошуль коленьскихъ шолъкомъ шытыхъ чотыри кошуль флямъскихъ зшолъкомъ избелыо чотыри ахустокъ шесть зъшолкомъ.

Портъки трои зъшолъкомъ которые кошули хустъки и портъки коштовали 20 копъ грошеи литовскихъ

Стогожъ котъчого воза взято скриньку вкоторои было 300 таляреи, чынить 100 копъ тридъцать и две копе грошеи литовскихъ.

Ланъцухъ золотыи въ которомъ было 150 золотыхъ черленыхъ, чынить 100 копъ и чотыри копы грошеи литовскихъ.

Перстень золотыи зъшафиромъ за которыи дано 30 золотыхъ черленыхъ, чынить 20 копъ и 48 грошеи литовскихъ.

Другии перстень стуркусомъ за которыи дано 18 золотыхъ черленыхъ, чынить 12 копъ и 28 грошеи и пенезеи 8.

Третии перстень зрубиномъ за которыи дано 10 золотыхъ черленыхъ, чынить копъ шесть и грошеи 56 литовскихъ.

Четвертыи перстень зкгамаиномъ за которыи дано 7 золотыхъ черленыхъ, чынить 4 копы и 51 грошъ и пенезеи 2.

Брамъка перловая перелъ великихъ урыяньскихъ сто и шестьдесятъ которая коштована сто копъ и 30 копъ грошеи литовскихъ.

Поесъ сребряныи обручъ позлотистыи вкоторомъ было полъпяты гривъны сребра и три скоицы, чынить копъ 18 и грошеи 30.

Другии поесъ сребряныи на чорномъ оксамите вкоторомъ было сребра три гривны, чынить копъ 12 литовскихъ.

Тузинъ ложокъ сребряныхъ позлотистыхъ у которыхъ было сребра полъпяты гривны и шесть скоицовъ, чынить копъ 19 литовскихъ.

Кубъковъ сребряныхъ чотыри у которыхъ было сребра полътретинадцать гривны безъ трохъ скоицовъ, чынить копъ 50 литовскихъ.

Ковшовъ сребряныхъ два вкоторыхъ было сребра полъсемы гривны безъ трохъ золотниковъ, чынить копъ 26 литовскихъ.

Чарка сребряная вкоторои было сребра две гривны и три скоицы, чынить копъ 8 литовскихъ.

Радъ сребряныи на чорномъ оксамите вкоторомъ было сребра полдеветы гривны и полъосма золотьника, чынить копъ 34 литовскихъ.

Кутасъ богровыи сребромъ окованыи за которыи дано 16 копъ грошеи литовскихъ.

Стогожъ воза котъчого сукна чорного фалюнъдышу 12 локотъ которое сукно куповалъ по чотыри таляри, чынить копъ 21 и грошеи 7 и пенезеи 8.

Оксамиту рытого чорного локотъ 20 которыи бралъ по 6 таляровъ, чынить копъ 52 и грошеи 48.

Шуба кунья чорного сукна фалюнъдышу скнафлями позлотистыми, которая коштовала зъ сукномъ сфутъромъ збобромъ скнафлями и спетълицами 20 копъ грошеи литовскихъ. Шабка оксамитъная собольми подшытая за которую далъ полпяты копы грошеи литовскихъ.

Запоница золотая скаменьемъ на которои было дыяменъты два рубины два а посродку шафиръ которая запоница коштуеть 50 копъ грошеи литовскихъ.

Шабля зо сребромъ на чорномъ оксамите на которои было сребра полъчварты гривны и полътретянадцать скоица, чынить копъ 15 и 35 грошеи литовскихъ окромъ позолоты. За железо 3 копы грошеи литовскихъ.

Аркабузы два за которыхъ далъ 10 таляровъ, чынить копъ 4 и 24 грошы литовскихъ.

При тыхъ аркабузехъ тесакъ за которыи далъ пять таляровъ, чынить две копе и 12 грошеи.

Мечъ великии за которыи далъ полътрети копы грошеи литовскихъ.

Ермакъ синии люньскии зшнурами которыи коштовалъ три копы и 15 грошеи литовскихъ.

Шлыкъ лисии за которыи далъ 2 копы грошеи литовскихъ.

Коберецъ турецкии за которыи далъ 3 копы грошеи литовскихъ.

Сума яко за бои и зраненье его самого и слугъ его такъ за шкоды

его верху меновите описаные водле осумованья, чынить тисячу копъ и сто копъ и 65 копъ и 29 грошеи литовскихъ и пенезеп 8».

(Акты Метр. лит.: Кн. судн. дѣлъ № 50, л. 178).

ПРИЛОЖЕНІЕ 24.

«Потверженье князю Богушу Масалскому отъ короля его милости Жикгимонъта на сорокъ три человѣки и осмъ земль пустовъскихъ вповете троцкомъ у волости мерецкой. Инд. 8».

«Самъ Жикгимонтъ Божю милостю король полскии и далеи. Билъ намъ чоломъ дворянинъ нашъ князь Богушъ Мосалскии о томъ што перве сего росказали есмо воеводе троцъкому маршалку нашому дворному небощику пану Григорю Станиславовичу Остиковича вповете троцъкомъ казати обыскати сорокъ и трохъ человѣковъ а осмъ земль пустовъскихъ и ему вто увязанье дати, и панъ воевода его милость казалъ державъцы Мерецъкому пану Юрю Глебовичу втотъ часъ какъ отъ насъ Меречъ държалъ обыскати сорокъ человѣковъ и три человѣки а осмъ земль пустовъскихъ въ мерецкои волости и ему вто увязанье дати и панъ Юри обыскавъши 40 человѣковъ и 3 человѣки конюховъ илкговъскихъ на имя Павла Ивашковича ...... (*слѣдуютъ имена людей*), а осмъ земль пустовъскихъ на имя римъкгидовъщину а родевъщину а нарвотишки а татаришки а москулишки а нелюбишки а юхнишки а омъбрусишки и втые люди верху писаные и вземли панъ Юри его увязалъ и листъ свои увяжъчии на то ему далъ и тотъ онъ листъ его передъ нами вказывалъ и билъ намъ чоломъ абыхъмо на то дали ему нашъ листъ и потвердили быхъмо то ему нашимъ листомъ на вечъность, ино мы зласки нашое на его чоломъ битье то вчинили, на то есму дали сесь нашъ листъ и потвержаемъ то ему симъ нашимъ листомъ нехай онъ тые вси верху писаные люди земли держыть со всимъ стымъ какъ ся тые люди и земли здавна сами всобе и вграницахъ ся своихъ маютъ водле першое

данины нашое и тежъ листу увяжъчого пана Юря Глебовича (*). Псанъ у Торуни Ген. 12 день, индиктъ 8.

Копоть писарь».

(Акты Метр. лит.: Кн. записей № 25, л. 179).

ПРИЛОЖЕНІЕ 25.

«Вызволенье боярина Мстибоговского Михайла Окъсакова отъ позванья князя Богуша Масалского о насланье на дворецъ Ольтуповъскій и шкоды за нестанемь его жъ самого князя Масалского на рокъ позваный». 1534 г.

«Подъ лет Божего нарож. 1534 мѣсяца Мар. 4 день инд. 7, съ росказанья государини королевое ее милости записано. Постановившися объличъне передъ государинею королевою ее милости бояринъ Мстибоговъскій Михайло Окъсаковъ поведилъ передъ ее милостью штожъ позвалъ его передъ ее милостью позвы ее милости князь Богушъ Мосальскій дворянинъ государъскій о томъ якобы онъ наславъши слугъ своихъ моцъно кгвалътомъ на дворецъ его Олтуповъскій тивуна и челядь его побили и статъки его тыи которыи втотъ часъ вдворцы его были побрали и влюдей его которыи жъ люди седять около дворца его Олтуповского быдло и статъки иуъ побрали, а наехавъши на домъ боярина его на имя Пашъка его самого и сына его збили и статъки ихъ домовыи и пенези княжіи которыи втотъ часъ вниxъ были побрали и рокъ ему втои речи передъ ее милостью государинею тутъ у вильни стати ку расправе далъ при позываньи по божъему нароженью прошлого сего свята у чотырехъ неделяхъ якожъ тотъ Окъсаковъ и листъ его позовъный которымъ его князь Мосальскій позвалъ передъ государинею королевою ее милостью положилъ и втомъ ся оповедилъ ижъ онъ на оный ся рокъ позваный по божъему нароженьи прошлого сего свята у чотырехъ неде-

(*) Тамъ же на л. 180 помѣщенъ—«листъ князю Богушу Масалскому на тое жъ увяжчыи отъ державъцы Мерецкого», Юрія Глебовича. Въ документѣ этомъ, представляющемъ повтореніе вышеприведеннаго, князь Богушъ Мосальскій названъ Богушъ Александровичъ.

ляхъ ся становилъ на дворе ее милости и враду ее милости ся пану охмистру ее милости оповедилъ и вжо то после того року позваного пятая неделя есть якъ онъ тутъ для тое речи позваное при дворе ее милости мешъкаеть, а того хто его позвалъ нетъ, а онъ за тымъ ку накладу и утрате безвинъной приходить, и государини королевая ее милости тому порозумевъши ижъ онъ черезъ обычай статуту правъ писаныхъ земъскихъ такъ долъго после року позваного мешъкаеть. а князь Богушъ Мосальскій позвавъши его и самъ ся на рокъ позваныи передъ ее милостью не постановилъ, они того и стого Михайла Оксакова утягивалъ, рачила ее милость того и стого Окъсакова стое речи вкоторой былъ отъ князя Мосальского позванъ вызволити и втомъ его отъ князя Мосальского вольнымъ вчинити и то ее милость веии книги записати росказала. Псанъ у вилни лета мѣсяца и дня и индикта яко выше».

(Акты Метр. лит.: Кн. записей № 18, л. 106).

ПРИЛОЖЕНІЕ 26.

«Потверженье княгини Петровое Тимофеи Масалское княгини Алены Анъдреевны Санъгушковны сыновъ и дочокъ ее и князя Ивана Тимофеевича Масалского и сыновъ тежъ его, вызволенья ихъ отъ даванья мыта со всякихъ товаровъ ихъ рекою двиною у верхъ и внизъ провадечихъ».

1561 г.

«Жикгимонтъ Августъ божю милостью король Польскии.

Ознаимуемъ симъ листомъ нашимъ хто на него посмотрить або чтучи его услышить нинешъним и на потомъ будучимъ кому будеть потреба того ведати. Била намъ чоломъ кнегиня Петровая Тимофея Масальская кнегини Олена Андреевна Санъгушъковна зъ сынъми своими княземъ Иваномъ а княземъ Анъдреемъ Петровичи Масальскими, а княгиня Юревая Тимофеевича Масальского кнегиня Ганъна Соколеньского здочъками своими Василисою а Мариною, а князь Иванъ Тимофеевичъ Масальскии зъсынъми своими княземъ Матьфеемъ княземъ Григоремъ а княземъ Васильемъ, и покладали передъ нами привилеи дяди нашого славъное па-

мети Александра короля его милости на паркгамене по латыне писаныи вкоторомъ описуеть ижъ его королевъская милость бачачи на заслуги продковъ ихъ рачилъ ихъ вызволити отъ даванья мыта со въсякихъ товаровъ ихъ и отъ езовъ ничого на езу сареискомъ и дозволилъ имъ всякие товары рекою двиною у верхъ и внизъ добровольне безъ мытьне до риги изъ риги провадити кромъ жадного гамованя отъ мытъниковъ нашихъ за которимъ они привильемъ Александра короля его милости завъжды товари свои жита и воски у низъ такъ тежъ у верхъ соль и иньшие всякие купли доброволье и безмытьне проваживали одно деи люди ихъ мещане которие на друи мешъкають идучи до риги внизъ рекою двиною на мыте на друи повинъни давати отъ каменя воску восковъничого по шести грошеи а на мытъника шостовничого отъ шести каменеи воску грошъ литовъскии, а у верхъ идучи зриги отъ каждого меха соли мыта по чотыри гроши а мытнику два пенези, а окромъ того ниякого мыта на короля его милость такъ тежъ и пану воеводе полоцъкому мыта сареиского которое теперь берутъ на дисне реце платити и подданые ихъ друиские неповинъны и отъ того естъ вызволены то пакъ деи мытъникъ полоцъкии щасъныи жыдъ перве сего загамовалъ имъ былъ соли и инъшихъ товаровъ за колько десятъ копъ грошеи примушлючи ихъ абы они отъ воску до риги спущаючи и отъ соли которая зриги у верхъ двины проважона будетъ мыто восковъничое и соленичое давали и завъжды то до комори мытъное платили о чомъ они очевисте у права стымъ мытъникомъ мовили, а такъ мы угленувши у тотъ привилеи дяди нашого александра короля его милости которимъ они стого мыта вызволены и намовивъши есьмо втомъ спаны радами нашими ихъ милостью и теперь водле того привилья короля его милости александра дяди нашого звыроку нашого государъского ихъ зоставили и на то имъ сесь нашъ листъ даемъ и потвержаемъ то имъ симъ листомъ нашимъ мають они завъжды товари свои жито и воски у низъ такъ тежъ и у верхъ соль и инъшие всякие купли рекою двиною добровольне провадити неплатячи мыта и езовъ ничого на езу сареискомъ которое теперь на дисьне реце берутъ только люди ихъ мещане которие на друи мешъкають идучи до риги внизъ рекою двиною на мыте на друи водле обычаю звыклого повинъни

будутъ давати восковъничого отъ кажъдого каменя воску по шести грошеи а на мытъника шостовъннчого то естъ отъ шести каменеи воску грошъ литовскии а у верхъ идучи зриги отъ кажъдого меха соли мыта по чотыри гроши а мытънику по два пенези а окромъ того никоторого мыта на насъ государа такъ тежъ и пану воеводе полоцкому они и подданые ихъ платити не будуть повинни и тое вольности они сами дети и потомъки ихъ уживати маютъ на вечъные часы водле привилья дяди нашого Алексанъдра короля его милости, а на твердость того и печать нашу казали есьмо привесити ксему нашему листу. Писанъ у вильни лет. бож. нарож. 1561 мѣсяца июн. 30 дня.

Подписъ руки государъское.

Остафеи (Волловичъ) маръшалокъ писаръ».

(Акты Метр. лит.: Кн. записей № 41, л. 210).

ПРИЛОЖЕНІЕ 27.

«Привилеи князю Ивану Федоровичу Масалскому позволене ему на кгрунте именя его Олексицкого за рекою Свислочю корчму волную мети и мостъ збудовавши на реце Свислочи мостовое брати». 1554 г.

«Жикгимонъ Августъ божю милостью король польскии великии князь литовскии русскии прусскии жомоискии мазовецкии и иныхъ.

Билъ намъ чоломъ дворенинъ нашъ князь Иванъ Федоровичъ Масальскии абыхмо ласку нашу тосударъскую учинили и дозъволили ему на кгрунъте его властномъ именья олекъсицъкого на поли зеневскомъ за рекою свислочю при дорозе криньской корчму вольную ку пожитъку его збудовати и въ неи шинкъ медъ пиво и горелъку держати, а то деи естъ безъ шкоды местомъ и корчмамъ нашимъ обапольнымъ, а ктому особливе онъ насъ просилъ абыхмо для переезъду его самого и людеи его и иныхъ суседовъ его на тои же дорозе криньской и при тои корчме его на реце свислочы мостъ новыи властнымъ накладомъ его уробивъши отъ подданыхъ нашихъ и людеи князьскихъ паньскихъ и боярскихъ переежъдчихъ гостеи хтобы на тотъ мостъ его езъдити хотелъ мостовое то

естъ отъ каждого воза по пенезю брати ему допустили, бо ден онъ самъ и люди его и купьцы и гости переежчдые едучы тою дорогою криньскою безъ оного моста вперебиванье реки свислочи великую трудность и шъкоду принимують, ино кгдыжъ никоторое намъ государу шкоды и переказы пожитъкомъ нашимъ втомъ нетъ, мы зласки наное на чоломъ битье его то вчинили, на ономъ поли его зеневскомъ корчму вольную на кгрунте именья его олексицкого при дорозе криньской ку пожитъку его збудовати и вней шинкъ медъ пиво и горелъку и мостъ новыи на реце свислочи уробити ему есмо дозволили и симъ листомъ нашимъ дозволяемъ, на которомъ мосту отъ таковыхъ всихъ людей которые бы скуплями своими езьдили отъ каждого воза по пенезю большому масть мостового на себе брати а скорчъмы оное неповиненъ будетъ капъщины платити до скарбу нашого, нижли отъ подводъ князьскихъ паньскихъ што кольвекъ на которые потребы пановъ своихъ до ихъ именей або где индe черезъ тотъ мостъ попровадять такъ тежъ и отъ тыхъ хто бы на мостъ неедучы у бродъ ехалъ ничого онъ брати немаеть, и во всемъ такъ повиненъ будеть заховатисе и спильностью того стеречы якобы никоторая шкода торгомъ местомъ и пожитъкомъ нашимъ тежъ обътяжливость и шкода подданымъ нашимъ стое корчмы его и вмостовомъ неделлося и на то дали есьмо ему сесь нашъ листъ знашою печатью. Писанъ у Любълине лета Бож. нарож. 1554 мѣсяца февраля 23 день.

Подписъ руки государъское.

Остафеи (Воловичъ) маршалокъ и писарь державца мелницкии и могилевскии».

(Акты Метр. лит.: Кн. записей № 35; л. 156).

ПРИЛОЖЕНІЕ 28.

«Листъ и потверженье князю Петру а князю Михаилу Богушевичомъ Масальскимъ на сорокъ и чотыри человеки конюховъ и на осмъ земль пустовъскихъ у волости Мерецкой, подлугъ данины его милости Жыкгимонта даное на вечъность». 1566 г.

Жыкгимонтъ Августъ.

Ознаимуемъ симъ нашимъ листомъ нинешьнимъ и на потомъ будучимъ

кому будеть потреба того ведати, били намъ чоломъ дворяне наши князь Петръ а князь Михаило Богушевичи Масальские и поведили передъ нами ижъ отецъ нашъ славное намети Жыкгимонътъ король его милость рачилъ дати отъцу ихъ князю Богушу Масальскому у волости мереческои сорокъ и чотыри человека конюховъ и тяглыхъ людеи илъкговъскихъ то есть на имя ..... (*слѣдують имена людей*), а ктому осмъ земль пустовъскихъ названыхъ рымъкгидовъщина, родевъщина, варъвоипишки, татаришъки. москулишъки, нелюбнишъки, юхънишки а озбросишки, чого они по смерти отъца своего и до сего часу во покоиномъ деръжаню будучи, били намъ чоломъ абыхмо ихъ при тои данине отъца нашого короля его милости заставили, и на то имъ нашъ листъ дали и то имъ листомъ на вечность утвердили ино мы зласки нашое господаръское на чоломъ битье ихъ то вчинили при тои данине отъца нашого короля его милости ихъ зоставили, и симъ листомъ нашимъ заставуемъ, мають они сами ихъ жоны дети и потомки ихъ тые сорокъ и чотыри человеки конюховъ и тяглые здетми збратьею и зъ суседьми ихъ и тежъ осмъ земль пустовъскихъ помененыхъ зо въсимъ стымъ счимъ отъцу князю Богушу Масальскому подано и счимъ деръжалъ отецъ ихъ а по немъ и они сами деръжати и вживати на вечные часы будучи вольни тамъ всякие пожитъки собе розмножати и причиняти и тымъ яко властъностью своею подлугъ воли своее шафовати а намъ стого службу земскую военъную служити и заступовати повинъни будутъ нотому яко и иные земяне шляхта службу военъную служать и на то есмо дали сесъ нашъ листъ до которого на твердость того и печать нашу привесити казали. Писанъ у вильни лета бож. нарож. 1566 мѣсяца февраля 16 дня.

Подъписъ руки господаръское.

Остафеи воловичъ».

(Акты Метр. лит.: Кн. записей № 44, л. 106).

ПРИЛОЖЕНІЕ 29.

Духовное завѣщаніе князя Михаила Богушевича Мосальскаго, 1572 г. Выпись изъ книгъ Слонимскаго земскаго суда.

(Оффиціальный переводъ съ латинскаго и польскаго).

«Въ свято-михайловское засѣданіе Слонимскаго земскаго суда, явись лично князь Богданъ Мосальскій подсудокъ Волковисскаго земскаго суда, представилъ духовное завѣщаніе своего отца покойнаго князя Михаила Богушевича Мосальскаго и просилъ внести оное въ книги Слонимскаго суда, что мы учинить приказали. Слова сего завѣщанія слѣдующія:

Во имя Отца и Сына и Святого духа аминь.

Я князь Михаилъ Богушевичъ Масальскій бывъ одержимъ болѣзнью, но въ твердой памяти, предположилъ до моей кончины по сему моему духовному завѣщанію распорядиться моимъ имѣніемъ слѣдующее: Когда Всевышній отзоветъ меня въ вѣчную свою хвалу, то въ то время я грѣшную мою душу повергаю правосудію его, какъ моего создателя и умоляю посредствомъ предстательства Божіей Матери и всѣхъ святыхъ объ искупленіи: бренное же мое тѣло изъ земли происходящее предаю землѣ же и таковое похоронить обязую моего сына Волковисскаго земскаго суда подсудка князя Богдана Михайловича Масальскаго, коему при томъ я поставляю въ обязанность учинить пожертвованіе на св. литургію и милостыню нищимъ на искупленіе моей души, изъ хранящихся въ моемъ ларчикѣ наличныхъ денегъ. Что же касается доставшихся наслѣдствомъ по разнымъ уѣздамъ и воеводствамъ лежащихъ моихъ вотчинныхъ имѣній, называемыхъ Олтуповское—въ Волковисскомъ уѣздѣ, части сего же имѣнія въ Слонимскомъ уѣздѣ, и въ Трокскомъ воеводствѣ—Подмеречъ, изъ коихъ сіе послѣднее пожаловано моему отцу его сіятельству князю Богушу Масальскому королемъ Сигизмундомъ, то всѣ таковыя имѣнія предоставляю къ раздѣлу между моихъ сыновей князей—Волковисскаго земскаго суда подсудка Богдана, Трокскаго земскаго суда судьи Фридриха и Волковисскаго градского суда судьи Януша, Михайловичей Масальскихъ, со всѣми притомъ къ онымъ принадлежностями, дворцами, дворами, строеніями, пахатными и прочими землями, огородами, выгонами, болотами, лѣсами, дубровами, рѣками, рѣчка-

ми, съ крестьянами, женами, дѣтьми и всѣми ихъ повинностями. Сверхъ сихъ имѣній отписую имъ къ таковому жъ между ихъ ровному раздѣлу всю рухлядь и наличныя, какія останутся по мнѣ, деньги, а также мои вотчинныя недвижимыя сокольской земли имѣнія, изъ подъ моего владѣнія по случаю происшедшей войны отчужденныя, впредь до отысканія оныхъ въ свое владѣніе, какъ принадлежащихъ намъ по нашихъ предшественникахъ, притомъ полагаю условіемъ для сихъ же своихъ сыновей и потомковъ ихъ, таковыхъ имѣній въ чужое постороннее владѣніе не отдавать и никому не отписывать. Простите любезныя мои—супруга, сыновья, коихъ благословляю, друзья и сосѣди.

Въ удостовѣреніе чего въ лицѣ упрошенныхъ лично и словесно свидѣтелей приложившихъ и свои печати, собственноручно подписую Въ Олтуновскомъ, 1572 г. Августа 4 дня».

Каковое духовное завѣщаніе записано по книгамъ Слонимскаго земскаго суда (*) изъ коихъ и сія выпись въ 12 день Сентября 1781 г. по требованію выдана.

(Архивъ департ. Герольдіи въ Правит. Сенатѣ: дѣло о князьяхъ Масальскихъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ 30.

«Вырокъ пани Васильевое Жабиное зъ Потаповою Третяковою Ганною Богушовною Масалскою о именье Жижморы и речы рухомые по малжонку ее на дѣти его здочкою ее спложоные спалые и о другое именье очичистое ихъ». 1547 г.

Лета бож. нар. 1547 мѣсяца Марта 18 дня, инд. 5.

Жаловала за позвы пану его милости подключая троцкая пани Васильевая Жабиная бабка дѣтей небожчика Потапа Григорьевича Третяка, на жону его Богушовну Масальскую Ганну о томъ, ижъ кгды мужъ

(*) Актовыя книги Слонимскаго земскаго суда за 1572, 1643, 1663 и 1764 г. погибли въ пожарѣ, бывшемъ въ г. Слонимѣ въ 18-8 г.

мой Василій Жаба всполокъ со мною дали есмо дочку нашу за небожчика Потапа въ малженство, въ тотъ часъ по ней въ посагу дали есмо дворецъ нашъ у повете троцкомъ именемъ Жижмори со всимъ счимъ есьмо тотъ дворецъ сами держали, а ктому дали грошми готовыми злотомъ сребромъ перлами шатами клейноты челедью невольною, коньми, стадомъ свирепымъ, которого жъ всего посагу што есмо по дочцѣ своей мужу ее дали реестръ передъ паномъ его милостью покладала, за которое жъ внесенье отписалъ былъ вена мужъ ее зять нашъ той дочцѣ нашой жонѣ своей на именью своемъ вповете виленскомъ у вутине на дусета полтретя ста копъ грошей и листъ былъ веновный ей далъ и мешкалъ здочкою нашою тотъ мужъ ее полосма года и прибылъ сына а две дочки, а потомъ кгды дочка наша умерла и онъ по смерти жоны своее прiѣхавши до именья нашого Старинокъ вросилъ мене тещи своее, абы я яко бабъка будучи тымъ детемъ взяла ихъ до себе на выхованье до летъ ихъ и я за прозьбою его то вчинила тыхъ детей до себе есьми побрала, нижли маетность вся дочки нашое и листы привилья яко тые которые на именье жижморское ему отъ насъ даное прислухали, такъ тежъ и тотъ листъ веновный дочки нашое который былъ далъ, къ рукамъ своимъ взялъ по смерти тое дочки нашое жоны своее и по смерти дочки нашое ее вмалженство собе взялъ, и мешкаючи сньою кромъ воли ее отъ подданыхъ своихъ рукъ стого света сшолъ, а она по смерти мужа своего тотъ дворецъ жижморскои . . . . . . такъ тежъ листы привилья и листъ веновный который зять нашъ мужъ ее ксобѣ взахованье взялъ, такъ тежъ и рухомую речь и все внесенье дочки нашое, немаючи до того ничого побрала и тое имѣнье дусеты отчизну детей ее тежъ взяла къ рукамъ своимъ и теперь его на себе держить и съ тыхъ имений платы и всякiя пожитки собе береть а мнѣ яко близкой ведлугъ кревности детей мужа ее тыхъ имений и всее маетности дочки нашое держати и поступити нехочеть а току не малой кривде и шкоде есть, тымъ детемъ дочки нашое; отъ нее отъ потаповое анны братъ ее князь Петръ Богушевичъ Масальскiй маючи моцъ черезъ листъ даную мовилъ ижъ тотъ дворецъ жижморскiй за живота своего небожчикъ Потапъ у своей моцы мелъ и вдержаню былъ, и сестру мою жону свою по смерти своей на томъ дворцы оставилъ, а

што ся тычеть внесеньч дочки вашое речеи рухомыхъ штожъ добре значачи на реистре ...... ино зять твои а сестри моее мужъ Потапъ якъ за него сестра моя вмалженство пришла неповедилъ сестре моей жадныхъ речей первое жоны своее дочки вашое, але штожъ кольвекъ мелъ маетности всебе вречахъ рухомыхъ своего властного тое все жоне своеи сестрѣ моеи за доброго здоровья своего отписалъ и держить то сестра моя заслушнымъ записомъ мужа своего, и вказалъ князь Петръ на то запись мужа ее Потаповъ.

Васильевая жабиная чинила доводъ и ставила шапъку, вкого тые скрини стыми речми стояли, которые она побрала тыи скрини зречми рухомыми.

Князь Петръ мовилъ, сестра моя знасть ся, ижъ скрини зречмы брала але свои принесеныи которни мужъ свое властные си отписалъ, а не дочки твоее, а што ся тычеть именья дусетъ ачъ колве былъ того именья дусетского небожчикъ Потапъ сестре моеи жоне своеи третюю часть у суме пенязей у полутора сту копахъ грошеи отписалъ, але онъ и самъ немелъ моцы того именья ничого упустити, бо ему не на вѣчность государь его милость былъ далъ, одно до воли, якожъ и теперь по смерти его тое именье хотѣлъ былъ государь на себе взяти, нижли за особливое ласки своее государское далъ си тое именьецо до воли своее государское держати и пожиненье мети, а ведже сестра моя предься того запису мужа своего и третее части своее втомъ именью отъ мужа своего описаное не отступуеть, естли дети его у государя его милости собе на вечность тое именье дусеты одержать.

Панъ его милость выслухавши речеи ихъ зобу сторонъ на томъ зоставити рачилъ: што ся тычеть речеи рухомыхъ, маеть Потаповая Анна межи речей своихъ и мужнихъ которие си отписалъ обыскати, и што будеть властныхъ речей ведля реестру принесеныхъ дочки Васильевы Жабича о которыхъ бы ведала, иже внесенье онос жоны его первое маеть вернути и чого будеть подле реестру недоставати на томъ маеть Ганна присягнути яко не брала по смерти мужа своего тыхъ речей дочки жабиное принесеныхъ, чого бы сведома, ижъ онос первое жоны принесенье, а што ся тычеть о дворецъ жижморскій того дворца казалъ его

милость васильевой жабича поступити со всимъ стымъ што теперь втомъ дворцы будеть и листы твердости естли котории внес будуть на тотъ дворецъ прислухаючие велѣлъ его милость отдати и што челяди невольное або бы для того дворца будеть выпровадилъ, то маетъ вернути, а што тежъ будеть ее властныхъ речей и челеди невольное або привезеныхъ стого именья дусстое Ганна вольна будеть взяти, а што ся тычеть о именья дусеты мають они о томъ обѣ двѣ стороны бити чоломъ государю его милости о скарбы отцовскіе, естли будуть хотети дети Потановы знею мовити або ни то на ихъ воли есть, а рокъ тому зложоинъ на котории маеть Анна того дворца жнжморского поступити и речи вернути, естли што всебе знайдеть дочки ихъ, або присягу вчинити на томъ яко есть вышеи описано но велице дни теперешнего свѣта пришлого, которое ма быти выиндикте пятомъ удвунеделяхъ въ понеделокъ. Писанъ у вилни.

(Акты Метр. лит.: Кн. суди. дѣлъ № 19, л. 116)

ПРИЛОЖЕНІЕ 31.

Уговоръ между князьями Янушемъ, Богданомъ и Фридрихомъ Михайловичами Мосальскими, о неотчужденіи своихъ родовыхъ имѣній. 1577 г. (Переводъ съ польскаго).

1797 года Ноября 3 дня.

Въ присутствіе Кобринскаго гродскаго суда явясь лично, князь Адамъ Массальскій, подалъ къ явкѣ выпись документа, содержаніе котораго слѣдующее:

Въ присутствіи гродскаго суда порядкомъ статутовымъ на первый день Іюля 1577 года, въ судѣ гродскомъ Волковысскомъ, на судебномъ обыкновенномъ мѣстѣ въ волковысскомъ замкѣ, явясь лично въ судъ его милость Янушъ князь Массальскій судья гродскій Волковысскій (*), Богданъ — подсудокъ земскій, Фридрихъ — судья земскій Трокскій, родные братья Михайловичи, и его милость Ѳедоръ Петровичъ князь Массаль-

(*) Въ этомъ засѣданіи суда, судья князь Янушъ былъ замѣненъ другимъ лицемъ.

скій—двоюродный братъ, предъявили къ занесснію въ книги гродскіе волковысскіе документъ, котораго слова слѣдующія: Я Янушъ судья гродскій Волковысскій, Богданъ—подсудокъ земскій Волковысскій, Фридрихъ—судья земскій Трокскій, родные братья Михайловичи, и Ѳедоръ Петровичъ—двоюродный братъ, князья Массальскіе, земяне короля его милости Волковысскаго уѣзда, сознаемъ этимъ нашимъ добровольнымъ документомъ или письмомъ, кому бы о томъ нынѣ или послѣ знать надлежитъ, что мы родные братья съ братомъ двоюроднымъ подѣлившись и принявши имѣнія послѣ умершаго дяди нашего князя Петра Вериги Богушевича Масальскаго доставшіяся—Олтуповское въ Волковысскомъ уѣздѣ и Подмеречь—въ Лидскомъ, между собою уговорились, что если кому изъ насъ, братьевъ, недастъ Богъ потомства, не долженъ тотъ и никто изъ насъ отписывать упомянутыхъ имѣній въ чужой родъ или продавать, дабы родъ нашъ не могъ обѣднѣть; въ силу этого же не отписывать имѣній какъ вклады въ церкви или костелы, но за свои души по мѣрѣ возможности дѣлать желаемые вклады деньгами. Если у кого либо изъ насъ и потомковъ наши были дочери, то приданое назначать и выплачивать по мѣрѣ возможности, не обременяя нашихъ частей въ имѣніяхъ, и если бы кто изъ насъ далъ за своею дочерью часть имѣнія какъ обезпеченіе, по закладному праву, то чтобы за нами въ мужскомъ колѣнѣ оставалось право выкупа для возвращенія въ родъ нашъ, и чтобы дѣти наши не обѣднѣли послѣ насъ. Тоже самое должно распространиться и на тѣ имѣнія, которыя будучи прародителями нашими оставлены по волѣ Божіей въ Смоленщизнѣ, могутъ впослѣдствіи вернуться. Уговоръ нашъ да сохранитъ свою силу пока будетъ существовать мечъ, оставаясь обязательнымъ для всѣхъ потомковъ нашихъ въ мужескомъ колѣнѣ, т. е. сыновьямъ, внукамъ, правнукамъ и прочимъ въ нисходящемъ потомствѣ, коимъ подъ благословеніемъ нашимъ оставляемъ завѣтъ помнить и хранить въ сердцахъ своихъ этотъ мечъ, чтобы родъ нашъ князей Масальскихъ не впалъ въ бѣдность. Писано въ городѣ Волковысскѣ, лѣта отъ рождевія Сына Божія 1567 г. Іюня 8 дня.

(Изъ книгъ гродскихъ Кобринскаго уѣзда).

ПРИЛОЖЕНІЕ 32.

«Привилеи князю Богдану Масалскому на подсудковство волковыское». 1602 г.

Жикгимонтъ третии божю милостью король полскии.

Ознаимуемъ симъ листомъ нашымъ, ижъ што за зоистьемъ зъ сего света суди земского волковыского небощыка Яна Шемета, рады, врадники земъские и кгродские рыцерство, шляхта, обыватели повету волковыского, на соимикъ обиранья суди земъского до волковыска зъехавъшысе на врядъ судеискии урожоного Яна Угълика подсудка тамошнего, а на меисце его на врадъ подсудковъскии чотырохъ особъ електовъ обывателей тогожъ повету волковыского спосродку себе обравъши до потверженья нашого отослали, ино мы маючы залецоную на тотъ врадъ годность и вправе посполитомъ умеетъности, одного счотырохъ електовъ урожоного князя Богдана Масалского тотъ врядъ земъскии подсудковъство повету волковыского ему есмо дали, и симъ листомъ нашымъ даемъ, и на него прекладаемъ, маеть урожоныи князь Богданъ Масалскии по учыненью на первшыхъ рокохъ пришлыхъ ротою встатуте описаною на врадъ подсудъковъскии прысяги тотъ врадъ на особе своеи попосечы на немъ ес пристоние радити и справовати, вякое учъстивости, местъца, владзы и пожытъку тому врядови здавъна належачого зажывати до жывота своего, альбо до инъшого вывызшенья его отъ насъ, и на то дали есмо ему сесь нашъ листъ сподписомъ руки нашое и знашою печатю. Писанъ у варшаве лета Божого нароженя 1602, мѣсяца Мая 7 дня.

Подписъ руки государъское.

Матеи воина писарь».

(Акты Мегр. литовс.: Кн. записей № 85, л. 182).

ПРИЛОЖЕНІЕ 33.

«Привилей князю Богдану Масальскому на судейство волковыское». 1625 г.

«Жыкгимонтъ третии Божю милостью король.

Ознаимуемъ симъ листомъ нашимъ кому о томъ ведать належитъ, ижъ

што обывателе повету волковиского зъзехавшись на местце звыклое до волковиска на елекцию отъ велможного Миколая Сапеги воеводы Новгородского на день четвертыи мѣсяца декабра вроку теперешнемъ 1625 зложеную вси зъгодне спосродку себе на врадъ судеиство земское. которы по зоистю зъ сего света бывшого суди земского волковиского урожоного прокопа долского ваковалъ. подсудка тамошнего урожоного Богдана Масальскаго водле науки вправе посполитомъ описаное обрали, и намъ о томъ ознаимивши просили насъ черезъ листь свои абы есмо на врадъ судеиство земское волковыское преложили и привилеемъ нашымъ то ему потвердили, а такъ мы маючы залеценую черезъ некоторыхъ пановъ радъ и врадниковъ нашыхъ дворныхъ при боку нашомъ на тотъ часъ будучыхъ годность и способность до отправованія справъ тому враду належачыхъ урожоного Богдана Масальского подсудка волковиского ласкове на то позволившы, оного на тотъ врадъ судеиство земское волковыское преложыли есмо, и симъ листомъ привилеемъ нашымъ прекладаемъ, маеть онъ тотъ врадъ по выконанью присеги на особе своеи поносечы местце свое межъ врадниками земскими на зъездехъ головныхъ и соимикахъ заседать и вшелякое владзы и прерокгативъ тому враду здавна належачыхъ заживать ажъ до жывота своего албо до преложеня его отъ насъ на иныши вызши врадъ и достоенство, и на то дали есмо ему сесь нашъ листь сподписомъ руки нашои и спечатю великого князства литовского. Писанъ вчелерникахъ лет. бож. нарож. 1625 мѣсяца декабра 29 дня.

Sigismundus Rex.».

(Акты Метр. лит.: Кн. записей № 100, л. 425).

ПРИЛОЖЕНІЕ 34.

Раздѣльный актъ между князьями Фридрихомъ, Янушемъ и Богданомъ Михайловичами Мосальскими. 1605.

(переводъ)

Выпись изъ книгъ Слонимскаго земскаго суда. 1605 г. 25 Ноября.

Въ Слонимскій земскій судъ явясь лично, просили записать по крѣпостнымъ книгамъ документъ, слова котораго слѣдующія:

Я Трокскаго земскаго суда князь Фридрихъ Михайловичъ Масальскій объявляю и сознаю симъ моимъ документомъ, всѣмъ вообще и каждому отдѣльно, кому о томъ знать надлежитъ, нынѣ и въ будущее время, что я обще съ моими братьями Богданомъ и Янушемъ князьями Масальскими, получивъ по покойномъ отцѣ Михаилѣ и дядѣ Петрѣ Веригѣ князьяхъ Масальскихъ, имѣнія, называемыя Олтуповицизна въ Волковыскомъ и Слонимскомъ уѣздахъ и Подмеречь въ Трокскомъ воеводствѣ, въ Мерецкой волости, пожалованное дѣду, отцу и дядѣ королемъ польскимъ Сигизмундомъ, учинили таковымъ имѣніямъ равный раздѣлъ, по заключенному между нами братьями обоюдному договору, по коему за равную часть доводящуюся князю Богдану въ имѣніи Подмеречь, дана ему такая же часть изъ доли слѣдуемой мнѣ въ имѣніи Олтуповскомъ, 4 ноября сего года. Нынѣ же войдя съ братомъ княземъ Янушемъ Масальскимъ, Волковыскаго гродскаго суда судьею, въ договоръ, по которому за доводящуюся князю Янушу часть въ имѣніи Подмеречь, дана ему отъ меня таковая же часть оставшаяся еще отъ замѣна съ княземъ Богданомъ, въ имѣніи Олтуповскомъ состоящая, а отъ него-же отдана мнѣ часть его въ имѣніи Подмеречь лежащая, и такъ учиненъ нами братьями замѣнъ, обязательный для нашихъ женъ, дѣтей и потомковъ, по коему упомянутыя части отдали братъ брату обще съ дворовыми строеніями, огородами, садами, пахотными и пустопорожними, засѣянными и незасѣянными землями, пущами, дубровами, возвращенными намъ по тяжебному иску отъ гг. Подорожскихъ, съ принадлежащими Олтуповицизнѣ сѣнокосами и поселенными крестьянами тѣмъ частямъ принадлежащими, съ землями ихъ, усадьбами и всякими повинностями, въ чемъ и выданъ нами въ лицѣ упрошенныхъ отъ насъ свидѣтелей, за подписомъ нашимъ и приложеніемъ печатей, сей документъ. 1605 г. Ноября 23 дня.

(Архивъ департамента Герольдіи въ Правительств. сенатѣ: дѣло о князьяхъ Мосальскихъ).

ПРИЛОЖЕНIЕ 35.

«Привилей князю Фридриху Мосальскому на судейство Троцкое», 1599 года.

«Жикгимонтъ третии божю милостью королъ полскии.

Ознаимуемъ симъ нашимъ листомъ ижъ што за зданьемъ суди земского троцкого урожоного Богдана Сапеги, врядники земские дворные рыцерство шляхта обыватели воеводства троцкого за зложенемъ собе отъ ясненвелможного Миколая Крыштофа Радивила княжати на Ольце и Несвижу воеводы троцкого, елекцыи на соимикъ до трокъ зьехавшисе и чотырохъ електовъ на судеиство спосродку себе згодне обравшы и назначывшы, для потверженя и поданя на тотъ врядъ одного стыхъ чотырохъ електовъ до насъ государа послали, то какъ мы государь згажаючыся справомъ посполитымъ маючы отъ ясненвелможного Миколая Крыштофа радивила княжати на Ольце и несвижу воеводы троцкого, залецоную на тотъ врядъ годность и уместность одного счотырохъ електовъ урожоного князя Фридрыха Михаиловича Масалскаго зласки нашое государьское прычыну ясненвелможного воеводы троцкого намъ донесеную поважаючы, тотъ врядъ судеиство земское троцкое на него преложывшы, симъ листомъ нашимъ даемъ и утвержаемъ, масть урожоныи князь Фрыдрыхъ Масалскии за выкопанемъ на першыхъ по дате сего листу нашого рокахъ земскихъ порадкомъ вправе посполитомъ описаномъ прысеги врадъ судеиство земское троцкое на особе своеи попосечы, всякое учтивости местца владзы достоенства и пожытку тому вряду здавна належачое зажывати до жывота своего, албо до инного отъ насъ государа вывызшеня, и на то дали семо урожоному князю Фрыдрыху Масалскому суди земскому троцкому сесь нашъ листъ сподписомъ руки нашое и знашою печатю, писанъ у неполомницахъ лета Божого нароженя 1599 мѣсяца Октебря 23 дня.

Sigismundus Rex.

Ярошъ воловичъ писарь».

(Акты Метр. литовск.: Кн. записей № 86, л. 100).

ПРИЛОЖЕНИЕ 36.

«Привилеи князю Фридриху Масалскому суди земскому троцкому и малжонце его Катерине Нарбутовне на два села слонимскихъ». 1600 г.

«Жикгимонтъ третии божю милостью король полскии великии князь литовскии.

Ознаимуемъ симъ нашымъ листомъ всимъ вобецъ и кожъдому зособна кому то ведать належитъ, ижъ што продокъ нашъ славное памети королъ его милость Стефанъ дати былъ рачилъ урожоному князю Фридриху Масалскому теперешнему суди земъскому троцкому две селе вастаростве Слонимъскомъ лежачые званые кокошки и шепетовичы волокъ оселыхъ деветънадцать и ктому волоки пустые до тыхъ же двохъ селъ належачые, што потомъ и мы государъ зласки нашое помененому князю Масалскому и жоне его листомъ нашимъ до животовъ ихъ потвердили были въ которомъ то привилею нашомъ ижъ жона его власнымъ именемъ и назъвискомъ не естъ поменена, про тожъ помененыи судя земъскии троцкии урожоныи Фридрихъ Масальскии обавляючисе абы то вонтъпливости якое за собою неносило и за часомъ праву доживотьномъ жоны его нешкодило положивъшы передъ нами листъ данину нашу собе и жоне своеи належачую, билъ намъ государу чоломъ абыхмо ихъ притомъ праве зоставивъшы имя и назвиско жоны его урожоное Катерины Петровъны Нарбутовны всемъ листе нашомъ поменить сказавъшы оного самого и помененую жону его о держанью тыхъ селъ яко ихъ дотуль суть зоставили, мы государъ чоломъбите прпречоного суди земъского троцъкого слушъное быть бачечы подълугъ первшое данины нашое которая намъ оказована была тые добра две селе кокошъки и шепетовичы и зъволоками пустыми вдержанью Фридриха Масальскаго и жоны его Катерыны Нарбутовны зоставуемъ и симъ листомъ нашымъ до животовъ ихъ утвержаемъ, маетъ онъ и жона его звышпомененая Катерина Нарбутовна верху менованые две селе Кокошки и Шепетовичы такъже и волоки пустые до нихъ належачые зовъсимъ на въсе яко ихъ суть вдержанью держати пожытъки примънажати и ихъ ужывати жадъное повинъности и личъбы до скарбу нашого и нигъде инъде не чинечи до животовъ сво-

ихъ, и на то дали есмо урожоному князю Фридриху Масалскому судьи земъскому Троцкому и малжонъце его Катерине Петровне Нарбутовне сесь нашъ листъ сподписомъ руки нашое и знашою печатью. Писанъ у варшаве на соиме вальномъ лета Божого нароженя 1600 мѣсяца Марта 13 дня.

Sigismundus Rex.

Ярошъ Воловичъ писарь».

(Акты Метр. литовск.: Кн. записей № 86, л. 150).

ПРИЛОЖЕНІЕ 37.

Духовное завѣщаніе Ганны Михайловны Мосальской, 1620 г.

«Во имя отца и сына и духа светого троицы неразделное станее ку-воли вечнои аминъ. Ижъ я Ганна Михайловъна Масалская Дмитровая Скуминовая маръшалковая его королевской милости будучи от пана Бога хоробою объложною навежона, однакже зласки его светое на розуме и смысле зъдоровая леч нато наметаючы ижъ каждыи человѣкъ будучи здоровым сподеваетсе хоробы а хорыи смерти про то неведаючи о часе о години смерти своее я теды хорою на теле зъложена естемъ ихотечы по смерти своее омаетност мою так лежачую яко и рухомую тым тестаментом остаточное воли моее объяснит бо чого колвек чак грешныи писмом необъяснит леч взапаметане людское прыходит стого и великие ростырки и трудности межи людми уростают; про то я Ганна Масалская Скуминовая волю мою тымъ тестаментом моим остаточным если ми пан Бог до фалы свое светое поволати будеть рачылъ тело мое грешное земъли отдаю а душу мою вруки и опатръности его створытеля неба и земли поручаю, которое мает быт вимею моем Гатове Корелищевичах у воеводстве менском лежачом нагоре загумномъ поховано которому телу моему грешъному мает его млст князь Михалъ Масалскии братъ мои рожоныи каплицу взeмли змуроват и наверху деревеную збудовать, ктому телу моему грешному зъ ихъ млстю паны братею княземъ Юремъ и Ѳедоромъ Масальскими и иными паны прыятели погреб водлуг релии

церкви восточное старожытное у светыхъ апостолъ Петра и Павла отправит. А о маетност мою так лежачую яко и рухомую симъ тестаментомъ остаточное воли мое розражаю и росправую абы по зеистью моемъ стого света межы братею, близкими кровными и повинными моими жадного вархолу и ростырку небыло, ижъ што я маючы имене мое Гатово Корелищевичы у воеводстве менском лежачое собе правомъ дожывотнымъ и суму пенезеи осмь сот копъ грошеи отнебощыка его млст князя Феодора Горьского зътаковымъ докладомъ записаную где бых я стого света смертю зошла тогды его млст князь Федоръ Горскии маст братии близким кровным и повинным моим або тому кому быхъ я тестаментом описала осмъ сотъ копъ грошеи отдат и тепер аж тое имене додержаня своего взят Ино я Ганна Масалская Скуминовая змолодости лет моих аж до старости моее теперешнее дознавшы противко себе великое услуговане и склонность братерскую по его млст князю Михаилу Масалскому брате моемъ рожономъ стыхъ прычынъ вышъменованых отдалившы от других брати моих рожоных и стрыечных такъ музского яко и женского рожаю тую суму пенезеи вышменованую осмъ сотъ копъ грошеи натом имению Гатове Королищевичах и речы мои рухомые втом дворе будучые золото серебро грошы готовые если бы се по смерти моеи нашли цын мед и въсякии спрат домовыи штобы одноколвек речми рухомыми названо именовано было то въсе отмала до велика его млст князю Михаилу Масалскому ему самому детемъ и потомком его вечными часы отписую и дарую, которое тое имене мое Гатово Королищевичы по смерти моеи его млст кз Михалъ Масалскии до держаня своего възявшы и тое имене держати мастъ ажъ до отданья тое сумы пенезеи его млст самому або потомъкомъ его млст от ее млст кнегини Федоровое Горское Або отсына ее млст, Ашто се дотычетъ долъговъ што мне их млст особы въсем тестаменте моем помененые на листы записы свои винъны стороны тыхъ долгов, так росправую то ест меновите Самъ же мне его млст князь Михалъ Масалскии братъ мои на листъ добровольныи запис свои одинадцать сот чырвоных золотых виненъ. скоторыхъ на прод его млст пан брат мои каплицу для похованя тела моего грешного збудовати, и на тую каплицу копъ осмъ десятъ стое только сумы пенезеи за-

писую на церков заложеня Илiи пророка выменю олекъсичахъ у повете Городенскомъ лежачее, где их млст панове родичы мои въ церкви лежатъ тогды възглядомъ того абыся там въ церкви фала Божя завъше отъправовала и их млст панове родичы мои так и я сама възапаметане людское непрышла стое сумы двесте копъ грошеи отписую и его млст пана брата моего пилно прошу Абы того па душу мою некладучи на тую церковь отдалъ кутому на церковъ светых апостол Петра и Павла церкви восточное у менску збудованое которые мене водлуг обренду тое церкви тело мое грешное яко научстивеи быт можеть поховають стоеж сумы пенезеи копъ шестдесят отписую и дарую жебы задушу мою втои церкви фалу божъю отправовали, которую тую суму пенезеи панъ брат мои до церкви светыхъ апостол Петра и Павла некладучы того теж надушы моеи скоро по погребе моемъ отдати и заплатити маетъ, а инъшые грошы што колвекъ еще надто у его млст князя Михаила стыхъ чырвоныхъ золотыхъ тогды и тые пры его млст вечне зоставати мають а братя близъкие кровные повинные мое жадное трудности ему задавати не маютъ. и мочы не будутъ вечными часы толкожъ его милости прошу абы его млст погледаючы натожесе тамъ сума пенезеи пры его млст оставаетъ ласкавыи възгляд на челед мою и боярове мои Королищевские мел жебы по смерти моеи замене такъ и за его пана Бога просили; а што ми его млст пан Василеи Болгарын изсыномъ своим на лист добровольныи запис свои копъ осмъдесятъ зостал винен тогды тую копъ 80 еге млст князю Өедору Масалскому брату моему рожоному описую и тотъ листъ объликгъ на его млст вливаю што ми тежъ ее млст кнегиня Өедоровая Горская и сын ее млст кнз Грыгореи Горскии на лист свои 68 копъ грошеи зостали винни тогды тот долг и лист на его млст князя Юря Масалского брата моего вливаю и их млст маютъ тую суму пенязеи отдат и листъ обликгъ свои освободит. А што ми теж пан Иванъ Коръсак змалжонкою своею 175 копъ грошеи зосталъ виненъ тогды стое сумы пенезеи 100 копъ грошеи сыну моему крщоному пану Миколаю Корсаку описую, и их млст мают тую 100 копъ грошеи сыну моему отдатъ А 70 копъ грошеи их млст мают до рук его млст князя Михаила Масальского отдатъ А его млст тую 70 копъ грошеи межы бояръ

моих королищевских на ровные части поделити такъ якобы никоторому крывъда недеелася што ми теж его млст кияз Остафеи Полубенскии и змалъжонкою своею на листъ свои 30 копъ грошеи зосталъ винныи тегды вжо тот долг им описую и их дарую и еще жъ ми небощыкъ панъ Адамъ Сологубъ и змалъжонкою своею на два листы 42 копы грошеи зосталъ винныи тогды тот долгъ и тые листы на князя Остафея Полубинского и малжонку его влпваю и того долгу доходити мают А дошедшы на пожытокъ свои обернути кутому теж што ми на тры листы панъ Василеи Ходычинскии и змалжонкою своею пани Раиною Корсаковъною то ест на один лист копъ чотырнадцать на другии лист коп десеть а на третии лист копъ семь тогды я стого долгу им копъ 17 отпущаю и им дарую и листы имъ два ворочоны быти мають; а 14 копъ слузе моему Каспору Кгуминскому за послуги его по смерти моеи отдати мають иж што панове сисимонтове винны на листы обликги свои зостали некоторую суму пенезеи винни тогды тотъ долгъ вес им отпущаю и дарую, абы по смерти моеи за душу мою пана Бога просили; пани адамовичовой раине Павъловъскои которая мне змолодости лет своих послуги вырежала копъ 20 стыхъ 70 копъ грошеи што панъ Корсакъ маеть отдат отписую и тую 20 копъ мает еи брат мои князь Михалъ Мосалскии отдат. А иншую челяд мою такъ бояръ яко и дворную душную конми быдломъ рогатым и не рогатым водлуг реестру моего маетъ его млст князь Михаило Мосалскии поделит им поплатит так абы на душы моеи ничого неоставало жыта стырту межы подданых моих на ровные части брат мои роздати мает полотна што колвек у поставах маю тогды тое полотно брат мои княз Михал Мосалскии на шпитал въ Минску роздати маетъ. А на погребъ тела моего што колвек грошеи готовых при собе маю и по смерти моеи зостанетъ маст то въсе брат мои князь Михалъ Мосалскии на погребъ мои обернут. Ктому въсему еслибы хто будучы упорным и тот тестамент остатнее воли моее хотел его вчомъ нарушыти и ему досит неучынити тогды я стаковым на страшъном суде се росправлю, и кончечы тот тестамент остатнее воли моее печатю припечатавшы и власною рукою своею подписавшы немогучы враду так земского яко и кгродского менского звести. однакже упросившы землнъ

грских воеводства менского пана Ивана Тихновича Савича Корсака пана Мартина Тупалского а пана Яна Покоршынского и возного воеводства менского Флерыана Порецкого которые заочевистою прозбою моею пры прыпечатех и руки свое до сего тестаменту моего подписат рачыли. Писанъ вгатове Кореляцевичах року тисеча шест сот двадцатого мца Марца седмого дня.

(*Слѣдують подписи*).

(Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ Минской губерніи, № 76).

ПРИЛОЖЕНІЕ 38.

Духовное завѣщаніе Михаила Мосальскаго, 1677 г.

(Переводъ съ польскаго).

Во имя Отца и Сына и Святого духа аминь. Я Михаилъ Мосальскій, хорунжій городенскій, памятуя, что всякій рождающійся непремѣнно долженъ умереть и будучи предупрежденъ объ этомъ, по милости Всевышняго, тяжкою болѣзнью, оставаясь однако въ здравомъ разсудкѣ и полной памяти, дѣлаю слѣдующее завѣщаніе, для отвращенія могущихъ произойти послѣ моей смерти споровъ и несогласій, которыя только бы обременили мою грѣшную душу. Прежде всего съ покорною благодарностью за всѣ благодѣянія отдаю душу мою въ руки пресвятаго въ Троицѣ славимаго Бога, тѣло же мое какъ созданное изъ земли предаю землѣ же и на прощаніи упрашиваю мою любезнѣйшую супругу, чтобы она погребла его христіанскимъ обрядомъ въ Сейненскомъ костелѣ въ часовнѣ нашей фундаціи, при бытности священнослужителей съ обѣихъ сторонъ. Супругѣ моей Маріаннѣ Огинской воеводянкѣ мстиславской, хорунжиной городенской, за ея супружескую любовь, за всѣ услуги и за всѣ труды подъятые ею во время моей послѣдней болѣзни, я отблагодарилъ уже взаимнымъ расположеніемъ и чувствомъ, въ награду же уступаю ей свое заставное право въ сто тысячъ злотыхъ на имѣніи Вейшеяхъ. находящемся въ Гродненскомъ повѣтѣ, со всѣми фольварками

и хозяйственными принадлежностями, такъ и на имѣніи Лосовичи находящемся въ нашемъ пожизненномъ владѣніи и даю ей право на вѣчное и неприкосновенное пользованіе этими имѣніями. Другимъ имѣніемъ моимъ, называемымъ Олокозіе (Olokozye?—Олекшицы?) находящимся въ Гродненскомъ повѣтѣ, со всѣми хозяйственными принадлежностями, моя любезная супруга должна владѣть спокойно въ теченіи двадцати лѣтъ, т. е. до совершеннолѣтія сына моего Яна Мосальскаго. Точно также и родовое имѣніе мое Колковъ, лежащее въ повѣтѣ Брестскомъ, съ фольваркомъ Шишунцемъ и со всѣми селами къ нему принадлежащими, по окончаніи срока аренды Матѳея Войны маршалка пинского и жоны его, вышеупомянутая любезная супруга моя должна держать въ спокойномъ и неприкосновенномъ владѣніи въ теченіи 20 лѣтъ, т. е. до совершеннолѣтія сына моего Яна Мосальскаго; но фольваркъ Піотровичи, послѣ того какъ будутъ уплочены всѣ на немъ находящіеся долги, долженъ быть отданъ въ пожизненное пользованіе слугѣ моему Станиславу Старосельскому, на которомъ фольваркѣ я, на основаніи записи моего покойнаго родителя, жертвую ему и записываю 400 злотыхъ. Имѣніе Чабишки, купленное мною въ вѣчное владѣніе и находящееся въ Виленскомъ воеводствѣ, записываю и отдаю также въ распоряженіе моей любезной жены. Имѣніе Наревка, находящееся въ Гродненскомъ повѣтѣ, и другая Наревка—купленная мною у Эйсмонтовой Мосальской, должны находиться въ спокойномъ владѣніи моей жены, до достиженіи совершеннолѣтія сына моего Яна Мосальскаго, т. е. 20 лѣтъ. Эту вторую Наревку жена моя должна выкупить у Бетрижицкаго, взыскавши долги съ моихъ должниковъ, именно—съ Францишка Сапѣги, конюшаго великого княжества Литовскаго, 6000 злотыхъ, съ Тышкевича подкоморія брестскаго, съ Якуша Зеновича и другихъ, равнымъ образомъ и то что слѣдуетъ мнѣ за людей поставленныхъ покойнымъ отцомъ моимъ въ эскадронъ. Всѣ эти упомянутые и неупомянутые долги должна моя любезная жена взыскать, и если дастъ Богъ она ихъ получитъ, то на взысканную сумму должна выкупить имѣніе Наревку, а также серебро и жемчугъ, находящіеся въ заставѣ у стольника троцкаго Укольскаго, серебро находящееся въ заставѣ въ 1000 злотыхъ у Стефановой Мосаль-

ской и еще серебро, уже совсѣмъ уплаченное,—у Матѳея Войны маршалка пинскаго. Все это серебро на вѣки даю, дарую и записываю любезной женѣ моей, отстраняя отъ права на него даже самыхъ близкихъ моихъ родственниковъ. Каменицу мою, находящуюся въ городѣ его королевской милости Гроднѣ, на рынкѣ, со всѣми постройками къ ней принадлежащими и съ землею, отдаю въ пользованіе и распоряженіе женѣ моей, до совершеннолѣтія сына нашего. Отдаю ей, на тѣхъ же условіяхъ, и другой дворъ деревянный, то ту сторону Нѣмана, съ амбаромъ, сажалкой и пивоваренным заводомъ, а также другой амбаръ съ землею по ту сторону Нѣмана. Другія имущества мои въ Гроднѣ отданы за извѣстную сумму Лазаровской и сумму эту дарю и записываю любезной моей супругѣ. Остальное мое движимое имущество, деньги, у кого бы и гдѣ бы онѣ не были, золото, серебро, олово, мѣдь, стада, жеребятъ, лошадей, кареты, сѣдла, одежды мои, различные обои, ковры, коляски, повозки, рогатый и нерогатый скотъ, ружья и разные припасы, все домашнее хозяйство и вообще все, что только можетъ быть названо движимымъ имуществомъ, долги мнѣ, росписки, векселя и различныя дѣла, все даю и дарю любезной женѣ моей, которая имѣетъ право распоряжаться всѣмъ этимъ какъ захочетъ, даже отдавать и дарить. Дочери моей, любезной Іоаннѣ Мосальской, если Богъ сохранитъ ее въ добромъ здоровьѣ, будетъ ли она въ свѣтскомъ или духовномъ званіи, записываю на вышепоименованномъ имѣніи моемъ Колковѣ 20000 злотыхъ, т. е. 10000 въ выправѣ (*въ одеждѣ и вещахъ отдаваемыхъ дочерямъ при выдачѣ ихъ замужъ*) и 10000 наличными деньгами. Имѣю твердую надежду, что любезная жена моя, по врожденной ей материнской любви, не захочетъ обижать дѣтей нашихъ. Если же, чего Боже сохрани, кто либо изъ дѣтей нашихъ умретъ не достигнувъ совершеннолѣтія, то наслѣдство должно перейти къ оставшемуся въ живыхъ, а если, чего Боже избави, умретъ и послѣдній, тогда все имущество ихъ имѣетъ перейти къ любезной моей супругѣ, и ей же принадлежатъ 100000. За душу покойной матери моей жертвую въ вилькомирскій костелъ 1000 злотыхъ и прошу жену мою, чтобы она отдала ихъ, а за душу мою, для вѣчной славы Божіей, жертвую и записываю съ моихъ имѣній по 300 зло-

тыхъ въ четыре монастыря, именно: отцамъ доминиканамъ сейненскимъ, доминиканамъ гродненскимъ, бернардинамъ гродненскимъ и францишканамъ гродненскимъ. Родственникамъ моимъ, именно: Владиславу Мосальскому дядѣ моему, жена моя должна отдать 300 злотыхъ: Томашу Мосальскому моему двоюродному брату, должна быть выдѣлена изъ имѣнія Колковъ деревня Матейка и отдана ему навсегда и четыре осѣдлыхъ подданыхъ изъ которой нибудь деревни. Матеѣю Плишкофу маіору его королевской милости и его женѣ утверждаю право на пожизненное владѣніе, данное ему покойнымъ, блаженной памяти родителемъ, и придаю имъ еще деревню Боярышки и двухъ крестьянъ въ селѣ Матейкахъ, чѣмъ онъ долженъ владѣть спокойно. Слугамъ моимъ, за ихъ вѣрную службу, именно Александру Маргевичу — записываю 1000 злотыхъ и прошу любезную жену мою отдать ихъ; другимъ слугамъ моимъ жертвую по 100 злотыхъ, и столько же Яну Горжковскому, въ вѣденіи котораго находятся всѣ дѣла. Прошу мою любезную жену и обязываю ее совѣстью, чтобы она не дѣлая обремененія для души моей, во всемъ въ точности исполнила мою послѣднюю волю. Защитниками и опекунами моей жены и оставшихся дѣтей, усердно прошу быть воеводъ трокскаго, полоцкаго и мстиславскаго,—послѣдняго какъ отца моего и благодѣтеля. Оканчивая это завѣщаніе, которое ни въ чемъ не должно быть нарушено, подписавши его собственноручно и приложивши печать, я упросилъ нижепоименованныхъ лицъ сдѣлать тоже самое. Писанъ въ Олекшицахъ 30 Іюня 1677 г.

(*Слѣдуютъ подписи*).

(Виленскій центральный архивъ: акты Главнаго литовскаго трибунала за 1677 г., кн. № 17, л. 231).

ПРИЛОЖЕНІЕ 39.

Духовное завѣщаніе Яна Мосальскаго, 1662 г.

(Переводъ съ польскаго).

Во имя Отца и Сына и Святого духа, единаго Бога въ Троицѣ славимаго, да будетъ Его святая воля во вѣки вѣковъ аминь.

Я Янъ Мосальскій, земянинъ его королевской милости повѣта Гродненскаго, объявляю всѣмъ кому вѣдать надлежитъ эту мою послѣднюю волю. Такъ какъ всему родившемуся суждено окончить свою жизнь смертью, и такъ какъ время кончины скрыто отъ человѣческаго вѣдѣнія и никому неизвѣстно, то я Янъ Мосальскій имѣя въ виду это, а также и то, что всѣ дѣла которыя не записаны скоро забываются людьми, и желая чтобы послѣ моей смерти между дочерьми моими и зятьями не произошло никакихъ споровъ и судебныхъ процессовъ о моемъ имуществѣ движимомъ и недвижимомъ, рѣшился сдѣлать завѣщаніе и выразить въ немъ мою послѣднюю волю, будучи подверженъ продолжительной болѣзни, по волѣ Всемогущаго Бога, но оставаясь однако въ полномъ разумѣ и памяти. Прежде всего, когда Господь Богъ захочетъ отозвать грѣшную мою душу въ царство славы, то я отдаю ее въ святыя руки Того, отъ котораго ее и получилъ, имѣя полную надежду что душа моя, несмотря на тяжкіе грѣхи мои, будетъ принята въ царство славы, благодаря драгоцѣнной крови Господа нашего Іисуса Христа за насъ пролитой, а также заступничеству Пресвятой Дѣвы Маріи Матери его, ангеловъ господнихъ и всѣхъ святыхъ. Грѣшное тѣло мое, какъ созданное изъ земли, должно быть землѣ и предано, и имѣетъ быть погребено въ костелѣ Эйсмонтовскомъ въ Ивановцахъ, въ Гродненскомъ повѣтѣ, при чудотворномъ образѣ Пресвятой Дѣвы, въ часовнѣ и склепѣ, которыя тамъ должны быть выстроены. Деревянная часовня, находящаяся въ имѣніи моемъ Масалю, и стоящая около моего двора, должна быть на мой счетъ перевезена въ Эйсмонтовской костелъ и въ немъ поставлена. Въ часовнѣ этой, тотчасъ послѣ моей смерти, предъ погребеніемъ, долженъ быть устроенъ и снабженъ всѣмъ нужнымъ, на средства изъ моего имѣнія Масаля, склепъ, въ которомъ должны быть погребаемы тѣла наши и нашихъ потомковъ. Для наблюденія за постройкой часовни и устройствомъ склепа, для распоряженія о погребеніи нашихъ грѣшныхъ тѣлъ и для выполненія всего что заключается въ этомъ моемъ завѣщаніи, я послѣднею волею моею назначаю душеприкащикомъ любезнаго моего зятя Стефана Бржухапскаго, гродскаго судью воеводства Новогродскаго. На костелъ Эйсмонтовскій, въ которомъ будутъ почивать

наши тѣла, я въ здравомъ разсудкѣ и въ полной памяти, послѣ тщательнаго обсужденія, записываю и жертвую 3000 злотыхъ польскихъ. Сумма эта должна составиться изъ трехъ частей, т. е. отъ каждой дочери моей и зятя по 1000 злотыхъ. Съ каждой изъ этихъ тысячъ зятья мои и потомки ихъ должны ежегодно отдавать на Эйсмонтовскій костелъ по 1000 злотыхъ, т. е. въ годъ 300 злотыхъ, и сумма эта ежегодно въ день св. Мартина римскаго, по новому календарю, должна быть отдаваема нынѣшнему настоятелю Эйсмонтовскаго костела ксендзу Георгію Карасю и будущимъ послѣ него настоятелямъ. Эту сумму въ 3000 польскихъ злотыхъ, я на вѣки записываю на вышеупомянутомъ имѣніи моемъ Массалянахъ и каждый владѣющій этимъ имѣніемъ обязанъ ежегодно въ вышепоименованный срокъ въ костелъ Эйсмонтовскій выкупа отъ трехъ тысячъ по 300 злотыхъ польскихъ, подъ залогомъ 1000 злотыхъ и подъ угрозою уплаты всѣхъ судебныхъ издержекъ, такъ какъ я этимъ моимъ завѣщаніемъ позволяю всякого, неисполняющаго моего распоряженія, вызывать въ судъ. наблюденіе за чѣмъ возлагаю на душеприкащика Стефана Бржуханскаго и настоятеля Эйсмонтовскаго костела, а по смерти Бржуханскаго —на то лицо, которое заступитъ его мѣсто, совмѣстно съ Эйсмонтовскимъ настоятелемъ. Если же они будутъ нерадѣть о полученіи съ имѣнія моего записанной суммы, то пусть отвѣтятъ за то на Страшномъ судѣ Божіемъ. Кромѣ того, завѣщаніемъ этимъ я обязываю всякаго владѣющаго моимъ имѣніемъ Массаляны, на свой счетъ ремонтировать часовню и склепъ, чтобы они всегда были въ цѣлости, а также отдавать въ Эйсмонтовскій костелъ и въ часовню сосуды и всѣ относящіяся къ богослуженію принадлежности. Все это я жертвую своимъ духовнымъ завѣщаніемъ и обязываю зятя моего Бржуханскаго, какъ душеприкащика, все исполнить по совѣсти. За это мое пожертвованіе нынѣшній настоятель Эйсмонтовскаго костела Георгій Карась и послѣдующіе его преемники, обязаны каждую недѣлю въ этой часовнѣ отправлять двѣ службы за душу мою, жены моей Еввы Быховцовной Мосальской и за души моего потомства, —одну въ Среду заупокойную съ пѣніемъ, и другую—въ Пятницу, также заупокойную, но читанную. Если же нынѣшній настоятель, или его преемники, не будутъ выполнять этого, то наслѣдники мои

должны возбудить противъ нихъ искъ и пусть тѣ отвѣтятъ кромѣ этого еще на Страшномъ судѣ Божіемъ. Тотчасъ послѣ моей смерти, зять мой Бржуханскій долженъ взять съ имѣнія моего Массалянъ 100 копъ литовскихъ и безъ всякаго замедленія разослать по разнымъ костеламъ и монастырямъ, на отправленіе трехсотъ службъ Божіихъ. Имѣніемъ моимъ Массаляны, находящимся въ Гродненскомъ повѣтѣ, какъ отцовскимъ, такъ и пріобрѣтеннымъ мною покупкою послѣ покойнаго брата моего князя Самуила Мосальскаго у дочерей его а моихъ племянницъ—у Анны Буконтовой и Еввы Трисцяковой, со всѣмъ хозяйствомъ принадлежащимъ къ этимъ двумъ имѣніямъ, также третьею частью этого же имѣнія Массалянъ купленною у его милости Станислава Тышкевича и жены его Регины Мосальской, подъ названіемъ Тышкевщизна, каменицею въ Вильнѣ находящеюся на Имбарахъ, землею въ Гроднѣ и Трокахъ и имѣніемъ въ Трокскомъ повѣтѣ называемомъ Вилюнишки, принадлежащимъ по материнскому праву моимъ дочерямъ, я распоряжаюсь слѣдующимъ образомъ: Все мое недвижимое имущество будетъ принадлежать тремъ моимъ дочерямъ и моимъ зятьямъ Николаю Лимонту подчашему трокскому, Стефану Бржуханскому гродскому судьѣ новогродскому и Дадзибогу Гротковскому виленскому скарбнику, съ ихъ потомствомъ, и должно быть между ними раздѣлено поровну. Равнымъ образомъ все движимое имущество, какъ то: золото, серебро, дорогія одежды, драгоцѣнности, оружіе, олово, мѣдь, лошади выѣздныя и стадо, скотъ рогатый и нерогатый, всякій хлѣбъ сложенный въ гумнахъ, ссыпанный въ амбарахъ и засѣянный въ полѣ, всѣ постройки надворныя и на гумнѣ, склады и чуланы, и вообще все что только можетъ быть названо движимымъ имуществомъ, все это должно быть раздѣлено поровну и безобидно для всѣхъ, между тремя моими зятьями. Я остаюсь долженъ зятьямъ моимъ; прежде всего Николаю Лимонту, которому я недодалъ приданаго за моею дочерью. Но мнѣ долженъ Станиславъ Мосальскій, воеводичъ брестскій, подкоморій гродненскій, и я долгъ этотъ записываю зятю моему Лимонту и его потомству и даю ему право взыскивать эту сумму, подкоморія же гродненскаго обязываю совѣстью отдать ее моему зятю Лимонту и его потомству безъ всякихъ отсрочекъ, такъ какъ онъ сильно пострадалъ отъ москвитянъ.

Бржуханскій долженъ смотрѣть, чтобы сумма эта не пропала. Долгъ его милости Іосифа Карпя подкоморія брестскаго, съ переводомъ его полученнымъ въ Новогродкѣ, записываю зятю моему Бржуханскому, такъ какъ я продалъ тогда его собственную лошадь и поэтому сумма эта принадлежитъ ему. Долгъ его милости Кароля Курта, съ женою послѣдняго и съ сыномъ, въ 1000 злотыхъ и другія суммы, которыя бы оказались въ роспискахъ и векселяхъ, все это должно быть раздѣлено на три части, между моими зятьями и дочерьми. Что касается младшей дочери моей Маріанны Мосальской Дадзябоговой Гротковской, которой не отдано еще сполна принадлежащее ей приданое и которой я еще долженъ по роспискамъ, то послѣднею волею моею я усердно прошу и обязываю совѣстью судью новогродского, моего зятя и душеприкащика, и зятя моего Лимонта, не прежде приступать къ раздѣлу моего имущества, какъ по выдѣлѣ моего долга и приданаго Гротковскому и его женѣ и ихъ полнаго удовлетворенія во всемъ. Я желаю чтобы на душѣ моей не оставалось никакого долга, а кто не исполнитъ моей воли, тотъ отвѣтитъ на Страшномъ судѣ Божіемъ. Долгъ Константина Дотгирда въ 300 злотыхъ записываю и дарю внуку моему и крестному сыну Стефану Посковскому. Если бы по смерти моей оказались какіе либо долги, то зятья мои всѣ трое должны ихъ поровну заплатить, чтобы на моей душѣ не оставалось ничего. Дѣвушкамъ кмицянкамъ какъ моимъ родственницамъ, именно Аннѣ, которая съ самаго дѣтства вѣрно служила покойницѣ женѣ моей и мнѣ до настоящаго времени, записываю 200 злотыхъ, а сестрѣ ея Альшкѣ 50 злотыхъ, и усердно прошу Бржуханскаго, зятя моего и душеприкащика, чтобы деньги эти были отданы имъ какъ можно скорѣе. Прислугѣ моей, не только мужской, но и женской, должно быть уплочено какъ можно скорѣе, по ихъ заслугамъ, и притомъ не только тѣмъ, которые были при мнѣ постоянно, но и такимъ которыя служили у меня прежде и заявили бы о своихъ заслугахъ. Особенно тѣмъ, которыя ухаживаютъ за мною въ настоящей моей болѣзни и до самой моей смерти моей не знали покоя, должно быть заплочено щедро и душеприкащикъ мой судья новогродскій долженъ тщательно смотрѣть, чтобы каждый былъ удовлетворенъ и чтобы всѣ молились Богу за душу мою и жены моей. Ивана Ковальчича, тивуна моего двора, который съ малыхъ

лѣтъ вѣрно служилъ мнѣ, жену его и дѣтей, освобождаю отъ моей дворовой службы и оставляю его на арендѣ, для чего и данъ ему отъ меня особый листъ. Усердно прошу душеприкащика моего судью новогродского, чтобы съ нимъ, съ женою его и съ дѣтьми, было поступлено согласно этому листу и моему завѣщанію, и чтобы позволено было ему самому, женѣ его и дѣтямъ, жить у того изъ моихъ зятьевъ, у кого онъ захочетъ, но не у чужаго кого нибудь. Такъ какъ по причинѣ отдаленности земскаго и гродскаго суда, я не могъ пригласить лицъ урядовыхъ, для засвидѣтельствованія этого завѣщанія подписомъ рукъ и приложеніемъ печатей, то подписавшись самъ и приложивши печать, упросилъ подписаться и приложить свои печати почтеннѣйшихъ лицъ изъ моихъ сосѣдей, имена которыхъ и печати значатся ниже, согласно моей устной и личной просьбѣ. Въ Массаляхъ 1662 года мѣсяца Апрѣля 6-го дня.

(*Слѣдуютъ подписи*).

(Виленскій центральный архивъ: акты Главнаго литовскаго трибунала за 1662 г., кн. № 1, л. 397, актъ № 151).

ПРИЛОЖЕНІЕ 40.

Духовное завѣщаніе Николая Мосальскаго, 1660 г.

(Переводъ съ польскаго).

Во имя Отца и Сына и Духа святого аминь. Пускай все то, что будетъ упомянуто въ этомъ моемъ духовномъ завѣщаніи, послужитъ къ вѣчной славѣ Бога, въ Троицѣ Единаго. Такъ какъ въ юдоли этого несчастнаго и жалкаго міра нѣтъ ничего столь непрочнаго, какъ жизнь, и нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго смерти, которая приходитъ нежданно и подрѣзавши жизнь, какъ острая коса траву, ставитъ человѣка на судъ справедливѣйшаго судьи Бога, то я Николай Мосальскій, земянинъ его королевской милости, повѣта Браславскаго, не желая чтобы на душѣ моей лежалъ какой либо долгъ, когда я предстану на судъ справедливѣйшаго Судьи, дѣлаю слѣдующее распоряженіе моимъ имуществомъ. Имѣніе мое, находящееся въ Браславскомъ повѣтѣ и называемое Друя, съ

мѣщанами живущими на части мнѣ принадлежащей и со всѣмъ тѣмъ что принадлежитъ къ этому имѣнію, настоящимъ завѣщаніемъ моимъ записываю и жертвую навѣки любезной женѣ моей Ѳеодорѣ Піотровской Николаевой Мосальской, устраняя по смерти моей братьевъ моихъ, сестеръ и другихъ родственниковъ, имѣющихъ права на это наслѣдство, кромѣ потомка моего, прижитаго съ моею супругой, кто бы онъ не былъ, сынъ или дочь. А еслибы этотъ будущій потомокъ мой умеръ, то жена моя должна владѣть упомянутымъ имѣніемъ до самой своей смерти, а затѣмъ имѣніе это по праву наслѣдства переходитъ во владѣніе ближайшаго моего родственника, который долженъ отдать 10000 злотыхъ тому, кому запишетъ ихъ моя жена. Домашней прислугѣ моей, какъ то Агатѣ Ядкевичовой, моей свояченицѣ, записываю 300 злотыхъ, кромѣ того что она заслужила; Яцевичовой 30 злотыхъ, Олекшицкому—50, другимъ пусть уплотитъ моя любезная супруга по своему усмотрѣнію. На костелъ въ Сапѣжинѣ отцамъ бернардинамъ 100 злотыхъ, чтобы молились Господу Богу за мою грѣшную душу. Если окажутся какіе либо долги за моею подписью, то прошу жену мою, какъ наслѣдницу моего имѣнія, уплатить ихъ всѣ съ моихъ имѣній находящихся въ Браславскомъ повѣтѣ. Оканчивая это мое завѣщаніе и находясь въ плѣну, въ государствѣ царя, покорнѣйше и усерднѣйше прошу ихъ милость судей, или лучше урядниковъ гродскихъ, либо земскихъ, повѣту Браславскаго, чтобы они принявши это завѣщаніе за дѣйствительное и имѣющее силу, занесли его въ свои судовыя книги. Душеприкащиками назначаю и усердно прошу быть во первыхъ—Войцеха Піотровскаго, во вторыхъ—Александра Мосальскаго брата моего, затѣмъ Владислава Путяту подсудка браславскаго и Александра Вонставскаго моего любезнаго шурина, которымъ поручивши, послѣ Бога единаго славимаго въ Троицѣ, жену мою, а съ нею и потомка,—наслѣдника оставшихся послѣ меня имѣній, усердно и покорно прошу распоряжаться всѣмъ этимъ такъ, какъ велитъ Господь, добродѣтель и совѣсть. Усерднѣйше прошу не забывать помолиться Господу о моей грѣшной душѣ, когда узнаете навѣрное, что я оставилъ эту жалкую юдоль плача и несчастія. Я умру въ такой странѣ, въ которой трудно сподобиться святой исповѣди, трудно найти священника нашей

католической религіи, а если бы таковой и нашелся, то его все равно не допустятъ. За молитвы ваши Господь, въ Троицѣ святой славимый, воздастъ каждому изъ васъ сторицею. Предавшись Его святой волѣ и поручивши себя Ему, вручаю и грѣшную душу мою Его пресвятому величію и не отчаяваясь въ Его неизрѣченномъ милосердіи, надѣюсь, что Онъ не помня числа моихъ грѣховъ, будетъ ко мнѣ грѣшному милостивъ. Писано въ тюрьмѣ, въ столицѣ Крымъ—городѣ. аминь. 20-го Ноября 1660 года. Николай-Георгій Мосальскій, стольниковичъ браславскій.

(*Слѣдуютъ подписи*)

(Виленскій центральный архивъ: акты Главнаго литовскаго трибунала за 1663 г., кн. 2, стр. 288, акт. № 114).

ПРИЛОЖЕНІЕ 41.

Духовное завѣщаніе князя Януша Мосальскаго. 1643 г.

(Переводъ съ польскаго).

Во имя Отца и Сына и святаго Духа аминь. Всякій здоровый человѣкъ предвидитъ болѣзнь, больной же—роковую. Поэтому я, Волковысскаго гродскаго суда судья князь Янушъ Михайловичъ Мосальскій, будучи одержимъ болѣзнью, составляю въ твердой памяти это мое послѣднее распоряженіе: во первыхъ душу мою, искупленную дражайшей кровью Спасителя Іисуса Христа, по кончинѣ моей повергаю правосудію моего Создателя, умоляя о принятіи ея въ небесное царство, по предстательству пресвятѣйшей Богоматери Маріи Дѣвы и всѣхъ святыхъ ангеловъ, бренное же тѣло мое завѣщаю похоронить по римско-католическому обряду. На похороны и богослуженіе назначаю 30 тынфовъ, священникамъ 15 тынфовъ, за мѣсто—10 и нищимъ 6, къ уплатѣ коихъ обязываю сыновей моихъ князей Стефана и Мартина-Казимира Янушевичей Мосальскихъ. Доставшуюся мнѣ по раздѣлу съ братьями моими: Волковысскаго земскаго суда подсудкомъ Богданомъ и Трокскаго земскаго суда судьею Фридрихомъ Михайловичами князьями Мосальскими, половину вотчинныхъ родовыхъ материнскихъ наслѣдственныхъ имѣній Олтуновщизна называе-

мыхъ, съ фольварками и принадлежностями, дворовыми строеніями, огородами, садами, выгонами, сѣнокосами, лѣсами, дубровами, бортами, рѣками, рѣчками, деревнями, обо-го пола крестьянами, съ повинностями ихъ, все вполнѣ ничего не исключая, со всѣми вышеупомянутыми и неупомянутыми угодьями, отписываю исключительно любезнымъ моимъ сыновьямъ Стефану и Мартину-Казимиру Янушевичамъ князьямъ Мосальскимъ, навсегда въ вотчинное владѣніе, къ равному между ними раздѣлу, и такъ какъ дочь моя Анна Волловичева удовлетворена уже полученіемъ приданаго, то никакихъ затѣмъ правъ заявлять къ упомянутому наслѣдственному имѣнію не можетъ. Простите мои дѣти, благословляю и обязую помнить объ искупленіи моей души пожертвованіемъ на св. литургію и милостыню нищимъ. Простите всѣ мои родственники, родичи и друзья, простите домашніе и служители. Сіе духовное мое завѣщаніе какъ самъ лично, такъ и лично мною упрошенными свидѣтелями, собственноручно подписую. Олтуповщизна, 1643 г., Октября 13 дня. (*Слѣдуютъ подписи*).

(Изъ книгъ бывшаго Слонимскаго земскаго суда; архивъ департ. Герольдіи Правит. сената, дѣло о дворянствѣ князей Мосальскихъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ 42.

Дарственная запись Мартина-Казимира князя Мосальскаго, супругѣ его урожденной Жардецкой, 1663 г.

(Переводъ съ польскаго).

Я нижеподписавшійся, Волковыскаго земскаго суда судья Мартинъ-Казимиръ Янушевичъ князь Мосальскій, объявляю каждому кому о томъ знать надлежитъ, нынѣ и впредь будущимъ, сею моею дарственною записью, данною любезнѣйшей супругѣ моей Сузаннѣ, урожденной Жардецкой, княгинѣ Мосальской, что я князь Мосальскій, задолжавши ей 6000 польскихъ злотыхъ, отдалъ ей въ закладное владѣніе мое вотчинное имѣніе Олтуповщизна называемое, впредь до уплаты таковой суммы, и притомъ отписалъ ей половину движимаго моего имѣнія. Любезнѣйшая же супруга моя съ своей стороны упомянутые 6000 злотыхъ, съ поло-

виною предназначеннаго движимаго имѣнія и собственной своей рухляди по кончинѣ своей отписала мнѣ навсегда; однако я, князь Мосальскій, въ признательность за ея ко мнѣ расположеніе и уваженіе, вотчинное мое родовое материнское наслѣдственное имѣніе Олтуповщизну, съ фольваркомъ и принадлежностями, дворыми строеніями, землями, огородами, садами, сѣнокосами, лѣсами, дубровами, рѣками, рѣчками, крестьянами обоего пола и всѣми ихъ повинностями и оброками, предназначаю той же моей супругѣ Сузаннѣ урожденной Жардецкой княгинѣ Мосальской, и отдаю въ дожизненное владѣніе, а по кончинѣ моей сіе же имѣніе Олтуповщизна, со всѣми къ нему принадлежностями, имѣетъ и должно принадлежать шести моимъ сыновьямъ: состоящимъ еще въ малолѣтствѣ — Ивану-Казимиру, Константину, Францу и несовершеннолѣтнимъ—Доминику, Діонисію и Александру князьямъ Мосальскимъ, коимъ притомъ предназначаю и отписываю, къ равному между ними раздѣлу, всякую рухлядь и денежные капиталы, устраняя отъ всякаго участія всѣхъ моихъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ, подъ страхомъ уплаты штрафа соотвѣтственнаго стоимости дѣла. Сыновей же моихъ обязую къ уплатѣ полагаемаго закономъ приданаго моимъ дочерямъ Христинѣ и Сузаннѣ княжнамъ Мосальскимъ, при выходѣ ихъ въ замужество. Олтуповщизна, 1663 г. Января 15 дня. (*Слѣдуютъ подписи*).

(Изъ книгъ Слонимскаго земскаго суда (*); архивъ департамента Герольдіи Правит. сената: дѣло о дворянствѣ князей Мосальскихъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ 43.

Актъ о продажѣ имѣнія Менжепинъ князю Ивану-Казимиру Мосальскому, 1686 г.

(Переводъ съ польскаго).

Въ Мельницкій градскій судъ явясь лично предъ актами вице-регентъ Іосифъ Менжинскій, здравый умомъ и тѣломъ, явно, публично и добро-

(*) Актовыя книги суда за 1572, 1643, 1663 и 1764 г. сгорѣли во время пожара, бывшаго въ Слонимѣ въ 1848 г.

вольно созналь, что онъ князю Ивану-Казимиру Мосальскому, покойнаго князя Мартина-Казимира Мосальскаго сыну и законнымъ его наслѣдникамъ, свои вотчинныя недвижимыя родовыя материнскія имѣнія, отъ отца его по праву наслѣдства доставшіяся, Менжепинъ называемыя, всѣ вообще съ мызами, дворовыми и крестьянскими строеніями, огородами, пашенными и пустопорожними землями, лѣсами, дубровами, озерами, пастбищами, выгонами рѣками, рѣчками, обоего пола крестьянами, на лицо въ сихъ имѣніяхъ находящимися и въ бѣгахъ состоящими, съ женами и дѣтьми ихъ, рогатымъ и прочимъ скотомъ, барщинными повинностями, всѣми доходами и выгодами, далъ, подарилъ, продалъ и предназначилъ навсегда въ вотчинное владѣніе, обязуясь защищать отъ всякихъ посягательствъ и отвѣтствовать въ судѣ, подъ опасеніемъ уплаты земскаго штрафа, на основаніи моей настоящей записи. (*Слѣдуетъ явка*). 1686 г.

(**Изъ книгъ Мельницкаго гродскаго суда; архивъ департамента Герольдіи Правит. сената: дѣло о дворянствѣ князей Мосальскихъ**).

ПРИЛОЖЕНІЕ 44.

Раздѣльная запись князя Ивана-Казимира Мосальскаго, дѣтямъ его: 1698 г.

(переводъ съ польскаго).

Я князь Иванъ-Казимиръ Мосальскій, князя Мартина-Казимира сынъ, объявляю всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому о томъ знать надлежитъ, что собственныя мои имѣнія Менженинъ, лежащія въ Мельницкой землѣ и пріобрѣтенныя въ вотчину въ 1686 г. отъ Іосифа Менжинскаго, отписываю и предназначаю любезнѣйшему сыну моему князю Владиславу-Аѳанасію Мосальскому, со всѣми къ тому имѣнію принадлежащими угодьями, доходами и крестьянами, навсегда въ вотчинное владѣніе. Имѣнія же мои Олтуповщизну, Начъ и Пржедзельскъ, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ лежащія, оставляю въ своемъ дальнѣйшемъ распоряженіи и на случай смерти моей предназначаю ихъ, равно и денежные капиталы, слѣдующимъ образомъ: наслѣдственное имѣніе мое Олтуповщизну—сыну моему Рафаилу, родившемуся отъ Іоанны Рейтановны:

имѣніе Пржедзельскъ—сыну моему Францу, родившемуся отъ Софіи Бенклеевской; имѣніе Начъ, полученное въ приданое за женой моей,—дочерью новогрудскаго судьи Екатериною Керсновской Мосальской, родившимся отъ нея моимъ сыновьямъ князьямъ Мартину, Іосифу, Михаилу, Антонію и Венедикту Мосальскимъ, къ равному между ними раздѣлу; капиталы же мои, состоящіе у многихъ лицъ на платежѣ процентовъ, предназначаю моимъ дочерямъ. Настоящую мою запись желая облечь дѣйствительной силой, прошу мельницкаго чашника Игнатія Выржиковскаго заявить по актовымъ книгамъ и къ удостовѣренію утверждаю моей собственноручной подписью. 1698 г. Января 3-го дня, князь Иванъ Казимиръ Мосальскій. (*Слѣдуютъ подписи*).

(Изъ книгъ древняго Дрогичинскаго архива; архивъ департамента Герольдіи, дѣло о дворянствѣ князей Мосальскихъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ 45.

Духовное завѣщаніе князя Θеодора Мосальскаго, 1617 г.

«Во имя пана Бога всемогущаго, во Троицы единого. Нехай се воля его светая дѣетъ, я Θеодоръ Ивановичъ князь Масальскій, маршалокъ его королевской милости, ачъ будучи на сей часъ, зъ ласки Божое, зуполное памети моей и здоровый на розумѣ и на тѣлѣ моемъ, а вѣдаючи и то добре уваживши, яко остатняя година и доканапье живота на семъ свѣтѣ людского каждому человѣку есть закрыто, а поневажъ тежъ на свѣтѣ вшелякіе речи суть одмѣнныи и зепсованью сподланн, зачимъ конецъ свой замѣроный прыймують, также воля и умыслъ и вси справы людскіе, если бы письмомъ объявленыи не были, ино таковые справы съ часомъ сплываютъ и въ запаментанье людское приходютъ а на потомные часы грунтовне захованы быти не могутъ для смерти, которая каждому человѣку конецъ живота приноситъ, зачимъ и маетности позосталые, посполите розрухи, вархолы и ростырки межи повинными, кровными множатсе. Чому забѣгаючя я и хотечи порадокъ учинити, обы по животѣ моемъ около маетности моихъ, по мнѣ зосталыхъ, такъ лежачихъ яко и

рухомыхъ. межи дѣтьми моими не которые зойстя и ростырки не дѣяли.— одно абы всякая рѣчь, власности моее належачая, значне объявлена, и водлугъ сіе воли моей, росправлена была. Тогды вжо сей тестаментъ мой теперь, заразъ, по доброй воли, зъ добрымъ умысломъ и уваженьемъ моимъ справуючи, такъ въ немъ остатнюю волю мою ку вѣдомости всимъ посполите, кому бы потреба того вѣдати оказала, доношу, ознаймую и утвержаю: на первѣй, кгды панъ Богъ, часомъ воли своее мене съ сего свѣта до хвалы свое светое поволать будетъ рачилъ, душу мою пану Богу всемогучому, во Троицы Единому, въ опатрность Его светую поручаю; а тѣло мое грѣшное, абы по смерти моей поховано было въ церкви моей Олексичахъ, въ Старомъ Дворѣ, заложенья светого Спаса, въ склепѣ, гдѣ и тѣло першое малжонки моее лежить. Который погребъ сынове мои князь Григорей и князь Андрей Ѳедоровичи Масальскіе, отправити мають такъ, яко паучтивѣй быть можеть. На который погребъ мой медовъ и солодовъ и пива и быдла до кухни, коренья и общихъ трунковъ есть, зъ ласки Божое, въ потребу наготовано. И кгды мнѣ панъ Богъ зъ часомъ до хвалы свое светое поволать будеть рачилъ, абы тѣло мое, не держачи его долго, поховано было, яко наборзѣй быть може, за недѣль килька. А ижъ тотъ домъ Божій, церковь Олексицкая, еще черезъ мене писмомъ не уфундована, тогды при семъ тестаментѣ моемъ листъ мой, фундушъ справленый, зоставую. На которомъ все наданье мое и все охендожство и потребы церковные, также и кгрунтъ, черезъ небожчика пана отца моего и черезъ мене наданые, все достаточне въ томъ листѣ фундушу моемъ, поменено есть. А имѣнья мои черезъ мене набытые: имѣнье мое Олексичи, Старый Дворъ, у брата моего рожонаго купные, также Весеи и Беростивица и пуща Наревка, набытые купли мое, тые водлугъ першого разроженья моего листовного и на врадѣ вызнаного, сыномъ моимъ милымъ князю Грегорью и князю Андрею Масальскимъ вѣчне даю и имъ записую. И вже мають они, сынове мои, водле першого листу моего, сами съ потомками на себе вѣчне держати и ихъ уживати; вольни будутъ тыми маетностями, яко власностью своею шафовати. А ижемъ внучцѣ моей, моей милой цурцѣ небожчика князя Александра сына моего кнежнѣ Галшцѣ Масальской, которая, яко доходить мене вѣдо-

мость, ижъ съ причины матки своее на ноги теперь есть уломна, и не упатруючи я зъ лѣпшимъ пожиткомъ ее имѣти части, на нее приходячое, въ имѣнью моемъ отчизномъ, названомъ Новомъ Дворѣ, Олексичахъ, лежачомъ у повѣтѣ Городенскомъ, которое сынове мои князь Григорей и князь Андрей Мосальскіе, отложивши немалую суму, своими власными пенезми матцѣ ее, княжнѣ Евѣ Курчевичовнѣ Булыжанцѣ, черезъ небожчика князя Александра сына моего, внесеную, въ держанью своемъ мають, назначиломъ ей въ томъ першомъ листѣ моемъ, вмѣсто маєтности моихъ, лежачихъ и рухомыхъ, готовую суму пенезей 10000 злотыхъ полскихъ. Естли за дороженьемъ лѣтъ ее а дастъ ли панъ Богъ будеть здорова на ноги и въ станъ малженскій черезъ тыхъ сыновъ моихъ выдана будеть, ино тымъ тестаментомъ моимъ такъ объясняю: если тая внука моя будеть вдячна тое ласки и милости мое и на томъ перестане, то сынове мои, князь Григорей и князь Андрей, водлугъ того першого листу моего, ей внучцѣ моей тую суму дати будуть повинни; а если погордить тою ласкою и милостью моею, будеть хотѣти части отчизны моее, Новагэ Двора Олексичъ, приходить ино вжо сынове мои, князь Григорей и князь Андрей Масальскіе, тое сумы, они выправы ей, внучцѣ моей, не будутъ повинни дать, и она не большъ, только до отчизны въ Новомъ Дворѣ Олексичахъ, будеть ли што отъ сумы матцѣ ей отъ отца ее записаное, которую сынове мои, князь Григорій и князь Андрей, матцѣ ее отложили, збывать, приходити можетъ. Кгдыжъ вжо я всѣ иншіе маетности мои, за ласкою Божою, черезъ мене набытые, имъ сыномъ двомъ князю Григорію и князю Андрею Масальскимъ записалъ есми въ ровный дѣлъ имъ и потомкамъ ихъ записую. А маетность моя рухомая: сребро мое, т. е. роструханы два золотые зъ накрывками, котелки два сребряные немалые, кгарнецъ серебряный до питья, на кшталтъ турецкаго кгарца, коневка серебряная, большъ кварты, мѣстцами злотистая, кубковъ серебряныхъ пять, зверху злотистыхъ, лыжокъ сребряныхъ тузиновъ три, безъ одное, кгарнушокъ серебряный зъ накрывкою одинъ, чарокъ серебряныхъ двѣ, ковшикъ серебряный одинъ, солничка серебряная, лихтаровъ серебряныхъ два, виделецъ серебряныхъ двое до конфектовъ, печать серебряная, шабля оправная сребромъ одна, злотистая; ку тому, сребро мое, которое у мене

позычилъ его милость панъ Миколай Кишка, дворенинъ его королевской милости, па листъ, описъ свой, то есть: мѣдница зъ наливкою сребряная, мѣстцами злотистая, лихтаровъ сребряныхъ два, чора великая сребряная, коновь сребраная у полтора кгарца, мѣстцами злотистая; ино такъ тое сребро, которое теперь при мнѣ есть, яко и тое у пана Кишки, за описомъ его, кгды спавши сыномъ моимъ, кровнымъ моимъ—кнежнѣ Зофіи Якубовой-Скиндеровой и кнежнѣ Маринѣ Юндзиловой, имъ всимъ чотыромъ даю, дарую и межи себе по животѣ моемъ роздѣлити маютъ. Штомъ тежъ, первѣй сего, записаломъ тымъ дочкамъ моимъ—кнежнѣ Зофіи и кнежнѣ Маринѣ по 600 копъ грошей литовскихъ на имѣнью моемъ Старомъ Дворѣ Олексичахъ, тогды если бы за живота моего, тое сыны не заплатили, по животѣ моемъ, тое сынове мои, водлугъ тыхъ листовъ моихъ, имъ дочкомъ моимъ па то даныхъ, заплатити и досыть учинити повинни будуть.

Надъ то еще показуючи, въ тымъ дочкамъ моимъ, кнежнѣ Зофіи, пани Скиндеровое, кнежнѣ Маринѣ, пани Юндиловой и дальшую милость мою родительскую на имѣнью моемъ, черезъ мене въ сихъ частѣхъ набытомъ, вѣчностью куппомъ, назваиомъ Черновъ, лежачомъ въ повѣтѣ Берестейскомъ, записую имъ дочкамъ моимъ кнежнѣ Зофіи и кнежнѣ Маринѣ другую суму пенезей, также по 600 копахъ грошей литовскихъ; которую суму пенезей по животѣ моемъ тымъ дочкамъ моимъ милымъ сынове мои князь Григорій и князь Андрей Масальскіе съ того имѣнья моего Черневъ, ни якое трудности не задаючи, отдать и заплатить повинни будуть. А самое тое имѣнье мое Черневъ, куплю мою, и вси принадлежности его тымъ сыномъ моимъ князю Григорію и князю Андрею Масальскимъ, также и дворъ мой въ мѣстѣ Городнѣ, пляцы и мѣщане мои даю, дарую и вѣчне имъ и потомкомъ ихъ въ вольный шафунокъ ихъ симъ тымъ тестаментомъ моимъ записую и всякіе мастности мои рухомыя, гроши готовыя и на долгахъ мнѣ винные, шаты, цынъ, мѣдь, коберцы, обитья, рыиштунки военные и все охендоство, кромъ того, што кому зъ слугъ моихъ и челеди моей отъ мене на реестрѣ моемъ назначоно будеть, а все кто кольвекъ по мнѣ зостанеть и мастностью рухомою менована быть можетъ, кони, стада, быдла тѣмъ сыномъ моимъ,

така яко и въ першомъ листѣ моемъ описано есть, и симъ тестаментомъ моимъ даю. дарую и вѣчне записую. Къ тому. збожя всякіе въ тыхъ маетностяхъ моихъ Олексичахъ, Старомъ Дворѣ. Берестовицы и Черняхъ, въ гумнахъ, въ стыртахъ зложоное, такъ же омолоченое, тымъ сыномъ моимъ двомъ по животѣ моемъ въ ровные части записую. А товары мои лѣсные: цамры, клепки и смола, которые ижъ для малое воды въ року прошломъ 1616 до Кгданска не дошли и въ дорозѣ на рѣчцѣ Нарви еще зостали, не которые то коштъ великій поднялъ и вжемъ взялъ на тые товары въ купца кгданского задатку 200 золотыхъ червонныхъ, также и тые товары въ пущи моей Наравцѣ, которые и теперь до берегу для спусканья вывоживають, если передтомъ, нимъ тые товары мои до Кгданска спроважоны будуть, на мене панъ Богъ смерть допустить рачилъ, ино сынове мои съ полнымъ коштомъ своимъ, до Кгданска спровадивши, межи себе раздѣлить мають. А слуга мой Петръ Булевскій, который тые товары до Кгданска провадить съ тыхъ грошей, на то до него данныхъ, и зъ лекгуминъ вшелякихъ шафарства своего личбу тымъ сыномъ моимъ учинити, и съ першихъ рештъ, при немъ зосталыхъ, тымъ сыномъ моимъ усправедливити и выплатити будеть повиненъ. Также и слуга мой врадникъ черневскій. Өедоръ Бурецъ. ижъ при немъ зостало за соль, въ Балновѣ проданую, копъ 165, сыномъ моимъ по животѣ моемъ выплатить будеть повиненъ. А што се дотычеть слуги моего Павла Плясковицкого, который мнѣ зъ молодыхъ лѣтъ своихъ отъ 30 годъ служить, которому зъ ласки моее даломъ до живота его и жонѣ фольварокъ отъ имѣнья моего Берестовицы, ззанковицзне названый, Ярославскій, на которомъ и суму грошей ему записаломъ и право съ признаньемъ урядовымъ даломъ; ему тотъ фольварокъ и тое право и до живота ихъ и симъ тестаментемъ моимъ змоцняю и во всемъ при моцы заховую. Надъ то и особно, маючи взглядъ на службы тогожъ Павла Плясковицкого и нагорожаючи ему службы его зъ ласки моее записую сумму пенезей сто золотыхъ польскихъ, которую по животѣ моемъ сынове мои князь Григорій и князь Андрей Масальскіе заплатить повинни будуть. А ижъ и слугъ и челядь мою, тымъ всимъ водлугъ реестру моего, при семъ тестаментѣ моемъ зоставленомъ, по погребѣ тѣла моего: сынове мои росправити и

поплатити повинни будуть. А челядь мою дворную, которые уставичне у дворѣ моемъ мнѣ служать, тыхъ всихъ симъ тестаментомъ моимъ вызволяю и вольныхъ чиню, гдыжъ вси тые за платы мнѣ служать, и сынове мои въ неволю ихъ примушать не мають, и вольно имъ кому хотя служить.

Который сесь тестаментъ мой добровольный, зъ добрымъ уваженьемъ моимъ справленый, зоставую при дочцѣ моей княжнѣ Зофіи, пани Скиндеровой, печатью моею запечатовавши и рукою моею власною подписавши. До которого сего тестаменту моего, будучи того добрѣ вѣдоми и за устною прозьбою моею, печати свое приложить и руки подписать рачили ихъ милость панове пріятели мои: его милость панъ Андрей Пекарскій, панъ Иванъ Брозовскій и панъ Янъ Жукъ Здитовецкій. Писанъ у Черняхъ. Лѣта отъ нарожденія Сына Божого 1617, мѣсяца Генваря 7 дня».

(Акты изданные Комиссіею для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ, т. 2, стр. 41).

ПРИЛОЖЕНІЕ 46.

Духовное завѣщаніе Изабеллы Мосальской, 1690 г.

(Переводъ съ польскаго).

Во имя Отца и Сына и Святого Духа; да будетъ Его святая воля, аминь. Я Изабелла Нарушевичовна каштелянша жмудская Александрова Масальская, подкомориная гродненская, объявляю, что своимъ духовнымъ завѣщаніемъ дѣлаю слѣдующія распоряженія. Прежде всего относительно души моей: благодарю величіе Пресвятой Троицы Бога Отца и Сына и Святого Духа за то, что Онъ сотворилъ меня по образу своему и по подобію, искупилъ меня своею честною кровью и освятилъ меня святою вѣрою католическою, въ которой я воспитана, соблюдая всѣ правила римскаго вѣроисповѣданія и вѣрую согласно съ святою апостольскою церковью. Припадаю и благодарю Его за всѣ благодѣянія, оказываемыя мнѣ во все продолженіе моей жизни, начиная съ самого рожденія. Если

же я, въ теченіи своей жизни, по грѣховности природы своей поступала вопреки Его святой воли и огорчила Творца моего какими нибудь грѣхами, то падая ницъ, съ сокрушеніемъ сердца обливаясь горькими слезами, умоляю Творца моего не карать меня за великіе и тяжкіе грѣхи мои, но простивши все умилостивиться надъ грѣшной душой моей и пріобщить ее къ святой Своей славѣ. Прибѣгаю къ пресвятой Матери Божіей, владычицѣ неба и земли, заступницѣ людей, вратамъ неба, и молю Ее, чтобы Она упросила Сына своего, а моего искупителя Іисуса Христа, не судить меня свое твореніе страшнымъ судомъ, но отпустить мнѣ всѣ мои прегрѣшенія. Прошу заступничества святой Анны, матери Богородицы, моихъ покровителей св. Доминика, св. Франциска и св. Антонія, а также св. ангеловъ, архангеловъ и всѣхъ небѣсныхъ силъ, чтобы мнѣ отпущены были мои прегрѣшенія и душа моя была принята въ царство славы. Грѣшное тѣло мое, созданное изъ земли, отдаю той же землѣ; любезнѣйшія дочери мои Альшка Масальская Бѣлецкая и Изабелла Масальская Нарбутова, а особенно любезнѣйшій зять мой и благодѣтель Нарбутъ, должны погребсти меня безъ всякихъ свѣтскихъ церемоній, только по католическому обряду, въ костелѣ о.о. доминиканов сейненскихъ, съ достаточнымъ количествомъ заупокойныхъ службъ и милостыни для нищихъ. На костелъ Сейненскій, въ которомъ будетъ погребено мое тѣло, жертвую сумму въ 300 злотыхъ, должную мнѣ Казимиромъ Бѣлецкимъ, моимъ неблагодарнымъ зятемъ, и присужденную мнѣ Главнымъ трибуналомъ въ прошломъ 1679 г. Я почти за этого зятя моего неблагодарнаго схожу теперь въ могилу, такъ какъ въ теченіи настоящаго года онъ не разъ глубоко огорчалъ и оскорблялъ меня. Такъ, живя благопристойно въ супружествѣ съ дочерью моею Альшкою Масальскою, около 25 лѣтъ, которой мы съ мужемъ. по особенной любви къ ней, дали въ приданое имѣніе его королевской милости Владиславово, съ двумя селами Кривоболи и Смольничаны, и приживши съ нею не мало дѣтей, онъ—зять мой, на старости лѣтъ сталъ вести дурную жизнь, неизвѣстно по какой причинѣ. Дочь мою выгналъ изъ имѣній, которыя мы съ покойнымъ мужемъ моимъ Александромъ Масальскимъ подкоморіемъ Гродненскимъ. подарили какъ дочери нашей, такъ и этому неблагодарно-

му зятю. Объ этомъ составленъ трибунальный декретъ. Меня, свою мать, находящуюся въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ безбожный зять мой самолично выгналъ изъ дома, когда я напомнила ему о должной мнѣ суммѣ въ 600 злотыхъ, взятой имъ взаймы для собственной своей надобности, и когда я миролюбиво стала уговаривать его помириться съ дочерью моею. Безъ всякаго повода со стороны дочери моей, онъ старается устранить ее отъ владѣнія Владиславовымъ, подвергая ее тѣмъ большему стыду и позору предъ людьми, что до сихъ поръ жилъ съ нею мирно. Сочувствуя несчастному положенію дочери моей, которая въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не получала отъ него никакого содержанія, но питалась милостынею по сосѣдямъ, и которую я немалое время кормила и одѣвала, я сама и черезъ друзей своихъ просила его примириться, но онъ ни за что не соглашается жить съ дочерью моею, такъ что она и до сихъ поръ, т. е. до самой моей смерти, остается у меня, а безбожный зять мой тревожитъ и огорчаетъ меня оскорбительными письмами. Покидая теперь этотъ свѣтъ, благодаря поведенію моего зятя, я оставляю ему такое благословеніе: призываю его на Страшный судъ Божій, пускай поглотитъ его земля, пусть поразитъ его громъ небесный, такъ какъ онъ причина моей смерти.

Движимое имущество мое, олово, мѣдь, скотъ, всѣ домашніе припасы и капиталъ мой въ векселяхъ, даю и дарю любезнѣйшимъ дочерямъ моимъ, которыя собравшись послѣ моего погребенія, должны безъ всякихъ споровъ и несогласій, подъ моимъ материнскимъ благословеніемъ раздѣлить все это поровну между собою. Пару сѣрыхъ лошадей и пѣгую кобылу съ повозкою и со всею упряжью, дарю дочери моей Гальшкѣ Бѣлецкой, другая же дочь моя Нарбутова лишается всякаго права на этихъ лошадей, но за то она судебнымъ порядкомъ можетъ требовать съ безбожнаго зятя моего Бѣлецкаго должную мнѣ сумму въ 300 злотыхъ. Другой вексель, Маріанны Огинской, воеводины мстиславской, а теперь — Халецкой, старостины можайской, на 300 злотыхъ, даю и записываю дочери моей Бѣлецкой. Распорядившись такимъ образомъ, я назначаю опекунами дочери моей, которая брошена моимъ безбожнымъ зятемъ и ея мужемъ, ясновельможнаго его милость Сапѣгу, воеводу виленскаго, гет-

мана великаго княжества Литовскаго, моего благодѣтеля, его милость Фронцкевича—подскарбія надворнаго великаго княжества Литовскаго, Нарушевича—старосту Упинольскаго и зятя моего Нарбута, и прошу ихъ, чтобы они пеклись о моей несчастной дочери. Сама я, прощаясь съ жизнью, благословляю любезнѣйшихъ моихъ дочерей, пусть Всевышній благословитъ ихъ и даруетъ имъ счастье. Прощаюсь и съ любезнѣйшимъ зятемъ моимъ и благодѣтелемъ Яномъ Нарбутомъ войсковичемъ лидскимъ, благодарю его за всѣ благодѣянія, которыя встрѣтила отъ него въ моей жизни, и за его сыновнее почтеніе, благословляю и дѣтей его, а также всѣхъ родственниковъ моихъ, здѣсь неприсутствующихъ, сосѣдей и сосѣдокъ моихъ и дворовую мою прислугу. Прошу также простить меня, если я кого чѣмъ нибудь обидѣла. Подписавшись собственноручно, просила подписаться и друзей моихъ, земянъ осѣдлыхъ, за отсутствіемъ лицъ урядовыхъ. Писано въ Кенеляхъ, 10-го Августа 1690 года. (*Слѣдуютъ подписи*).

(Виленскій центральный архивъ: акты Главнаго литовскаго трибунала за 1690 г., кн. № 32, ст. 877).

ПРИЛОЖЕНІЕ 47.

«Привилей князю Василю (Ивановичу) Мосальскому на подкоморство Браславское», 1617 г.

«Ознаимуемъ тымъ листомъ нашымъ кому бы то ведати належало, ижъ по зостю з сего света урожоного вилгелма Стецкевича подкоморого браславского, обыватели повету браславского зехавшысе на часъ и местце черезъ елекцыю отъ велможного воеводы .... (*пробѣлъ*) ..... назначаное до браславя и обравшы веи згодне водлугъ права чотыры особы електами на врядъ подкоморства браславского злистомъ своимъ до насъ государа прыслали просечы насъ абы есмо зпихъ одного которого на тотъ врадъ преложыли, мы государъ зверхности нашое государъское иззалеценемъ черезъ некоторыхъ пановъ радъ и врадниковъ нашыхъ дворныхъ пры насъ на сесь часъ будучыхъ о годности на тотъ врадъ подкомор-

ский одного стыхъ чотырохъ електовъ урожоного князя василя Масалского подсудъка браславскаго и прыстоиномъ а учстивомъ враде подсудковскимъ захованю его намъ государу и речы посполитое добре заслужоного вывышаючы его зменшого враду подсудковства на болшыи врадъ подкоморство повету браславского оного прекладаемъ и тотъ врадъ подкоморство браславское симъ листомъ прывилеемъ нашымъ ему даемъ, мастъ урожоныи князь Василеи Мосалскии по выконаню на тотъ врадъ подкоморскии прысеги ротою встатуте описаною всякие справы тому враду належачые отправоватъ владзы перокгатывъ и пожытковъ вшелякихъ зажывати ажъ до жывота своего албо вывышенья его однасъ на иншыи болшыи врадъ и стоенство, и нато дали есмо ему сесь нашъ листъ сподписомъ руки нашое и знашою печатю. Писанъ у варшаве лета божего нароженя тисеча шестсотъ семнадцатого мѣсяца Генваря семого дня».

(Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 93, л. 56).

ПРИЛОЖЕНИЕ 48.

«Листъ на маршалковство городеньское пану Андрею (Өедоровичу) Масальскому», 1618 г.

«Жыкгимонтъ третии божю милостю король польскии великии князь Литовскии.

Ознаимуемъ тымъ листомъ нашымъ кому бы то ведать належало. ижъ маючы мы черезъ велможного пана Станислава Сапегу маршалъка нашого надворного великого князства Литовского залецоные послуги урожоного Андрея Мосалского которые онъ такъ вземли инъфлятскои и московскои зодвагою здоровья и достатьковъ своихъ намъ государу и рѣчы посполитои зъсебе осветчалъ яко и въ розныхъ справахъ нашыхъ и рѣчы посполитое на себе прекладаныхъ жысливе служылъ што хотечы ему ласкою нашою государскою на городить и до далшыхъ послугъ нашыхъ и рѣчы посполитое охотнеишомъ учынити зласки нашое государское врадъ маршалъковство повету городеньского по смерти отца его урожоного Федора Масалского

маршалька городенского доволного шафунку нашого припалыи дали есьмо ему и симъ листомъ нашымъ даемъ до жывота его, маеть урожоныи анъдреи масалскои тотъ врадъ маршалъковство повету городенского на особе своеи поносечы местце свое на всякихъ зъездехъ и сопмикахъ поветовыхъ заседать и вшелякое владзи прерокгативъ и пожытковъ тому врадови здавна належачыхъ зажывати ажъ до жывота своего або вывыжшенья его на болшыи врадъ и достоснъство и на то дали есмо сесь нашъ листъ сподписомъ руки нашое и знашою печатью; писанъ у варшаве лета божего нароженья тисеча шестсотъного осмънадцатого мца Генъваря пятого дня.

(Акты Метр. лит.: Кн. зап. № 93, л. 187).

ПРИЛОЖЕНІЕ 49.

«Удостовѣреніе позыва по пановъ Мосальскихъ и по паню брестскую воеводину въ минскій трибуналъ, засвидѣтельствованное въ Гроднѣ 1653 г. Ноября 22 дня». (переводъ).

1653 года Ноября мѣсяца 8-го дня. Я нижеподписавшійся генералъ свидѣтельствую сею моею записью, что въ присутствіи двухъ шляхтичей — пана Григорія Зпатовскаго и пана Ивана Ждановича, подалъ и положилъ земскій гродненскій позывъ, подлежащій разсмотрѣнію главнаго трибунальнаго суда, въ имѣніи пановъ Александра—Сигизмунда и Владислава Мосальскихъ, называемомъ Новый Дворъ и находящемся въ Гродненскомъ уѣздѣ; позывъ сей я прикрѣпилъ къ главнымъ въѣзднымъ воротамъ и объявилъ о томъ дворнѣ и сторожамъ. Писанъ сей позывъ по самихъ пановъ Александра-Сигизмунда и Владислава Мосальскихъ, наслѣдниковъ имѣній оставшихся послѣ роднаго ихъ брата Казимира Мосальскаго, и по вельможную паню Христину, урожденную Тишкевичъ, Мосальскую воеводину брестскую и по пана Казимира Мосальскаго сына ея, какъ имѣющихъ свою часть въ имѣніи Новый Дворъ, вслѣдствіи жалобы пана Христофора Вербека относительно предмета, который означенъ въ самомъ позывѣ. Въ послѣднемъ мною назначенъ и срокъ къ явкѣ обѣимъ сторонамъ въ главный

трибунальный судъ, имѣющій свои засѣданіи въ нынѣшнемъ 1653 году въ Минскѣ.

(Въ концѣ приписка русскими буквами: «У того напису подпись руки генеральское тыми словы: Серафимъ Поплавскій енараль рукою. Который же тотъ написъ и очевистое сознанье енаральское до книгъ гродскихъ городенскихъ есть записано, съ которыхъ и сей вышисъ подъ моею врадовою печатью его милости пану Крыштофу Ворбеку есть выданъ. Писанъ въ Городнѣ»).

(Изъ древнихъ актовъ Гродненскаго суда, принадлежавшихъ князю Ник. Ѳед. Мосальскому).

ПРИЛОЖЕНІЕ 50.

«Разрѣшеніе благородному Ивану Мосальскому, волковысскому гродскому судьѣ, на переуступку Вержболовскаго войтовства сыну его благородному Владиславу Мосальскому. 1682 года». (переводъ).

Іоаннъ III. Божіею милостью король польскій, великій князь литовскій... и т. д.

Объявляемъ сею нашею грамотою—привиллегіею, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что мы разрѣшили и сею нашею грамотою разрѣшаемъ благородному Ивану Мосальскому волковысскому гродскому судьѣ, передать и уступить войтовство Вержболовское, находящееся въ Ковенскомъ уѣздѣ въ Закушинскомъ округѣ и предоставленное ему въ пожизненное пользованіе благородному Владиславу Мосальскому сыну его. Поэтому Владиславъ Мосальскій, принявъ упомянутое войтовство, со всѣмъ къ нему принадлежащимъ, въ томъ видѣ какъ оно находилось во владѣніи благороднаго Мосальскаго, по законной отъ послѣдняго переуступкѣ, можетъ и властенъ въ силу настоящаго нашего разрѣшенія, спокойно владѣть имъ и пользоваться всякими доходами, безъ какихъ либо къ тому препятствій. На что, для лучшей вѣрности, подписавши собственною нашею рукою, приказали приложить печать великого княжества Литовскаго. Данъ въ..... 31 Августа, года Господня 1682, царствованія нашего въ 6 годъ.

Іоаннъ Король.

(Изъ древнихъ актовъ принадлежавшихъ князю Ник. Ѳед. Мосальскому).

ПРИЛОЖЕНІЕ 51.

Раздѣльная запись 1729 года (переводъ).

Мы,—Францъ староста войшвольскій, Мартинъ чашникъ мециславскій, Іосифъ, Михаилъ, Антоній, Венедиктъ и волковысскаго земскаго суда судья Рафаилъ князья Мосальскіе, объявляемъ и сознаемъ симъ нашимъ раздѣльнымъ, ненарушимымъ документомъ, что сдѣлавшись наслѣдниками вотчинныхъ родовыхъ имѣній Пржедзельска въ брестскомъ. Нача въ новогрудскомъ воеводствахъ и Олтупова—въ Волковысскомъ уѣздѣ лежащихъ, по покойномъ отцѣ князѣ Иванѣ-Казимирѣ Мосальскомъ намъ доставшихся, нынѣ согласно волѣ отца нашего раздѣлили слѣдующимъ образомъ: 1) Родовое имѣніе называемое Олтупово, въ Волковысскомъ уѣздѣ лежащее, мы всѣ братья единогласно отдаемъ и уступаемъ князю Рафаилу; 2) Имѣніе Пржедзельскъ — князю Францу и 3) Имѣніе Начъ предназначаемъ намъ: Мартину, Іосифу, Михаилу, Антонію и Венедикту князьямъ Мосальскимъ, какъ дѣтямъ матери нашей Екатерины, урожденной Керсновской, княгини Мосальской, въ пяти ровныхъ частяхъ, а именно: ..... (*слѣдуютъ подробности размежеванія всѣхъ частей*)......... въ удостовѣреніе чего и составили сей раздѣльный актъ, за подписомъ нашихъ рукъ и удостовѣреніемъ приглашенныхъ свидѣтелей. Данъ въ Начи, 1729 года Октября 6-го дня (*слѣдуютъ подписи*).

(Акты Волковысскаго земскаго суда 1730 г. (*); архивъ департамента Герольдіи Правит. сената: дѣло о дворянствѣ князей Мосальскихъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ 52.

Продажная запись 1751 г. (переводъ).

Въ мельницкій гродскій судъ явясь лично князь Владиславъ—Аѳанасій Мосальскій, сынъ князя Ивана-Казимира, обще съ сыновьями своими Яковомъ и Даніиломъ Мосальскими, публично и добровольно сознаю, что онъ родному своему брату князю Антонію Мосальскому и наслѣдникамъ

(*) Актовая книга суда за 1730 г., сгорѣла во время пожара 1779 г.

послѣдняго, свое вотчинное имѣніе Менженинъ въ здѣшней Мельницкой землѣ лежащее, вмѣстѣ съ мызами, дворовыми и крестьянскими строеніями огородами, пашнями..... и проч., ничего въ свою пользу не исключая, далъ, подарилъ и предназначилъ навсегда въ вотчинное владѣніе, предоставляя учинить вводъ и обязуясь защищать отъ нарушителей спокойствія и отвѣтствовать въ судѣ, подъ опасеніемъ уплаты земскаго штрафа, на основаніи сей дарственной записи.

(Изъ актовъ древняго Дрогичинскаго архива; архивъ деп. Герольдіи, дѣло о дворянствѣ князей Мосальскихъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ 53.

Духовное завѣщаніе князя Казимира Мосальскаго, 1736 года (переводъ).

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, да послужитъ все это къ большей славѣ единаго Бога, въ Троицѣ славимаго. Аминь. Всякій сотворенный въ этотъ міръ долженъ убѣдиться ежедневнымъ опытомъ, что жизнь свою на землѣ долженъ кончить не чѣмъ либо инымъ, какъ только смертью. Поэтому и я, Казимиръ-Янъ князь Мосальскій стольникъ черниговскій, будучи по милости Господа Бога, моего Творца, уже въ преклонныхъ лѣтахъ и находясь въ тяжелой болѣзни дѣлаю послѣднее распоряженіе безъ всякаго принужденія, но единственно по доброй моей волѣ и оставаясь въ полномъ разумѣ. Прежде всего грѣшную душу мою, освященную крещеніемъ святой римско-католической вѣры, отдаю въ руки Господа Бога, творца неба и земли, обращаясь съ мольбою къ Его недоступному величію, чтобъ Онъ не вспоминая о моихъ тяжелыхъ преступленіяхъ, ради мукъ Господа нашего Іисуса Христа, избавителя и искупителя, и ходатайства Пресвятой Дѣвы Маріи матери Божіей, принялъ грѣшную душу мою въ царство славы. Тѣло же мое грѣшное, какъ взятое отъ земли, землѣ и отдаю, обязываю его милость Антонія Жабу и его жену, моихъ племянниковъ, а также всѣхъ родственниковъ, чтобы они устроивши поминки, насколько позволятъ средства и какъ велитъ честь,

погребли его въ приходскомъ Иказенскомъ костелѣ въ склепѣ, совершивши нѣсколько богослуженій и роздавши нищимъ милостыню. Въ костелъ Иказенскій за мѣсто, на ремонтъ склепа, на колокольный звонъ и на другія церковныя церемоніи, записываю сто битыхъ талеровъ, должныхъ мнѣ Игнатіемъ Спиткою обывателемъ Друи Сапежины, и вексель на этотъ долгъ и заставу по реестру отдаю въ руки преподобнаго отца Криштофа Озырка Дмоховскаго плебана Иказенскаго костела. Изъ этихъ ста талеровъ 50 жертвую на ремонтъ склепа, а другіе 50 талеровъ — Богуславу Сымонетовичу и женѣ его Аннѣ изъ фамиліи Ордынцовъ Семонитовичевой—моей племянницѣ и ихъ дѣтямъ, обязывая ихъ поминать меня въ своихъ молитвахъ. Отецъ плебанъ иказенскій взыскавши долгъ съ Спитки, долженъ отдать эти 50 талеровъ въ руки Сымонитовичевъ, если же Спитко не захочетъ выкупить своей заставы и своего векселя, тогда оцѣнивши и продавши заставу — 50 талеровъ взять на склепъ, а остальныя деньги, сколько бы ихъ не было выручено, отдать супругамъ Сымонетовичамъ. Въ костелъ же Иказинскій на чашу и дискосъ жертвую збрую украшенную бляхами, а также серебро, изъ котораго настоятель Иказенскаго костела долженъ сдѣлать позолоченную чашу и дискосъ, и душу мою поминать вѣчно. Въ частности жертвую: въ монастырь браславскій 20 тынфовъ, въ костелъ бернардиновъ друйскихъ 17 тынфовъ, въ костелъ доминикановъ друйскихъ 17 тынфовъ, въ костелъ Задвинскій 6 тынфовъ, въ церковь св. Спаса въ Друѣ 6 тын., въ церковь св. Петра въ Друѣ 6 тын., въ церковь св. Николая въ Друѣ 6 тын., въ костелъ Бростовскій 10 тын., въ церковь браславскую 6 тын., въ церковь Иказенскую 6 тын., что все составитъ 100 тынфовъ. За это въ упомянутыхъ костелахъ и церквахъ, соразмѣрно полученной ими суммѣ, должны быть отправляемы службы за упокой души моей и производиться колокольный звонъ. Наслѣдники мои, тотчасъ по смерти моей, ради спасенія души моей, должны выплатить эту сумму вышеозначеннымъ костеламъ. Относительно родоваго имѣнія моего, находящагося въ Браславскомъ повѣтѣ и называемаго Друя, которое Всевышній далъ мнѣ во владѣніе, дѣлаю слѣдующее распоряженіе: прежде всего юрисдику (*) въ городѣ Са-

(*) Часть земли, подчиненная городскому управленію.

нежинѣ—Друѣ, находящуюся въ предмѣстьи Друйскомъ называемомъ Старое Мѣсто, со всѣми плацами заселенными и незаселенными, съ домами христіанскими и еврейскими, съ мѣщанами, ихъ владѣльцами и дѣтьми, съ полями засѣянными, незасѣянными и заселенными, съ сѣнокосами и лѣсами, со всѣми принадлежностями и доходами, вообще въ такомъ видѣ, въ какомъ эта родовая моя юрисдика съ давнихъ поръ была и въ какомъ она находится теперь, не выдѣляя изъ нея ничего въ пользу близкихъ и далекихъ родственниковъ, а совершенно въ такомъ видѣ какъ я самъ владѣлъ ею, я записываю и жертвую на вѣчныя времена его милости Казиміру-Льву Сапѣгѣ генералу отъ артиллеріи великого княжества Литовскаго и его наслѣдникамъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы по смерти моей генералъ артиллеріи великаго княжества литовскаго взявши во владѣніе вышеупомянутую юрисдику, обязался за себя и за своихъ наслѣдниковъ, подъ угрозой страшного суда Божія, заплатить преподобнымъ отцамъ бернардинамъ друйскаго монастыря 3000 злотыхъ; кромѣ того онъ обязанъ уплатить сто битыхъ талеровъ дѣтямъ покойнаго моего брата Самуила Буковскаго. Если же упомянутому друйскому монастырю не будетъ уплочена эта сумма, тогда онъ обязывается ежегодно платить монастырю по 300 злотыхъ. Князья Друйскіе обязуются за душу мою Казиміра, равно какъ и за души Николая Мосальскаго стольника браславскаго и Өеодоры изъ Піотровскихъ Мосальской стольниковой браславской,—моихъ покойныхъ родителей, каждую недѣлю отправлять одну службу Божію съ пѣніемъ. Его милость генералъ артиллеріи, какъ владѣлецъ по смерти моей, можетъ свободно распоряжаться юрисдикою Друйскою, какъ ему угодно будетъ, но на другія мои имѣнія не можетъ имѣть никакого притязанія. Поставляю еще и то условіе, чтобы съ юрисдики этой былъ собираемъ чоповый и шеляжный сборъ по тарифу и на основаніи предидущихъ квитовъ, и чтобы сборъ этотъ не былъ смѣшиваемъ съ чоповымъ съ имѣнія моего Друйки. Съ юрисдики подати должны быть вносимы за три дыма, а съ имѣнія Друйки за одинъ дымъ, какъ дѣлается это и теперь, и на будущее время юрисдика должна платить три части дымовъ, т. е. за три дыма, а Друйки четвертую часть, т. е. за одинъ дымъ. Родовое имѣніе мое Друйку, находящееся

въ томъ же Браславскомъ повѣтѣ, никому не подаренное и никому не записанное, я какъ владѣлецъ не имѣющій никакого потомства и пользуясь свободными правами дворянства, отстранивши отъ этого имѣнія всѣхъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ по мужеской и женской линіи, со всѣми принадлежностями этого имѣнія, лѣсами, и съ лѣсомъ который еще не раздѣленъ между мною и Антоніемъ Дусятскимъ Рудоминою, подкоморіемъ браславскимъ, съ правами на другія рощи и озера, съ рѣкою Друйкою съ ловами на ней и съ другими рѣчками и ключами, съ подданными живущими какъ въ участкѣ Рогалевщизнѣ, такъ и въ другихъ участкахъ, потомственными и приходящими (захожими), находящимися на лицо и тѣми которые разошлись, съ ихъ полями, женами, дѣтьми, съ ихъ повинностями съ огородами, съ ржаными посѣвами, съ пчелами, со всѣмъ ихъ хозяйствомъ, съ постройками дворовыми и гуменными, вообще со всѣмъ тѣмъ, что принадлежало къ этому имѣнію прежде и что принадлежитъ теперь, записываю и жертвую на вѣчныя времена его милости Антонію Жабѣ и Іоаннѣ изъ фамиліи Мирскихъ Антоновой Жабиной—моимъ племянникамъ и ихъ дѣтямъ и наслѣдникамъ. Но при этомъ я поставляю слѣдующее условіе: наслѣдники мои должны на средства изъ этого имѣнія Друйки, построить въ мѣстечкѣ Икажнѣ госпиталь, въ которомъ должны помѣстить шесть нищихъ старцевъ и одѣть ихъ, т. е. на каждые три года давать верхнюю одежду, на подобіе епанчи изъ хорошаго, толстаго темносиняго сукна, съ краснымъ крестомъ на груди, на два года каждому старику давать сермягу и одну пару бѣлья; владѣльцы этого имѣнія, изъ доходовъ его каждый годъ должны давать въ упомянутый госпиталь тридцать четвертей ржи мѣры друйской, ячменю на крупу восемь друйскихъ четвертей, гороху четыре четверти друйскихъ, двѣ четверти друйскихъ пшеницы, соли одну бочку, одного откормленнаго кабана, дрова для отопленія и по мѣрѣ надобности доставлять овощи огородныя и все это должно быть соблюдаемо на вѣчныя времена. А эти нищіе старики, живущіе въ упомянутомъ госпиталѣ, каждый день должны отправлять въ Икаженскомъ костелѣ за душу мою—Казимира и за души родителей моихъ Николая и Өеодоры съ утра рожанецъ в литанію Пресвятой Богородицѣ и Дѣвѣ Маріи, а вече-

ромъ литанію къ сладчайшему имени Іисуса Христа; а за исполненіемъ этого, долженъ смотрѣть о. Дмоховскій, теперешній настоятель, а потомъ его преемники, и также владѣльцы имѣнія Друйки, вышепоименованные супруги Жабы и ихъ наслѣдники. Всѣ они обязываются давать ежегодно на упомянутый госпиталь одежду и жизненные припасы и по мѣрѣ надобности производить починку госпиталя, подъ угрозою отвѣта на Страшномъ судѣ Божіемъ. Если же кто нибудь изъ владѣльцевъ и наслѣдниковъ этого имѣнія моего Друйки, захотѣлъ бы его продать на вѣчныя времена, отдать въ аренду или же въ заставу, то всякій новый владѣлецъ долженъ исполнять все то, что записано на этотъ госпиталь, подъ угрозою того же Страшнаго суда Божія; всѣ остальные чинши и доходы, какіе получались бы благодаря его старанію и усердію, можетъ обращать въ свою пользу, не давая никому отчета въ употребленіи этихъ доходовъ, исполняя только обязательство относительно души моей. Точно также каждый изъ наслѣдниковъ ихъ милость Жабъ, имѣетъ полное право располагать вышеупомянутымъ имѣніемъ по своему усмотрѣнію; бѣжавшихъ подданныхъ розыскивать, водворять на мѣстѣ ихъ жительства и распоряжаться какъ потомственный владѣлецъ; самое имѣніе Друйку, не нарушая только распоряженія моего, сдѣланнаго относительно госпиталя, можетъ отдать, продать, подарить, пожертвовать и записать. Права и документы, касающіеся ограниченія (границъ) моего имѣнія, передаю всѣ въ руки наслѣдниковъ владѣльцевъ, а если бы оказались какія либо дарственныя записи, по которымъ это имѣніе должно принадлежать кому либо другому и о которыхъ я не помню, то всѣ такія записи я уничтожаю настоящимъ моимъ духовнымъ завѣщаніемъ и не признаю за ними никакого значенія. Если кто либо изъ близкихъ ли родственниковъ, или изъ чужихъ людей, осмѣлится по смерти моей безпокоить ихъ милость Жабъ и ихъ наслѣдниковъ, относительно этого моего жертвованія, нарушать мое завѣщаніе, силою отнимать у нихъ полученное по записи имѣніе и вслѣдствіе этого мѣшать имъ заботиться объ упокоеніи души моей и моихъ родителей, то всякаго такого человѣка я призываю на Страшный судъ Божій. Такъ какъ отъ имѣнія Друйки отдѣлена пустошь называющаяся Яйсовщизною и за значительныя заслуги

на вѣчныя времена записана Михаилу Коноплянскому и женѣ его Маріаннѣ изъ фамиліи Ордынцовъ Коноплянской, моей племянницѣ, и право это засвидѣтельствовано въ Браславскѣ, то теперь моимъ духовнымъ завѣщаніемъ я подтверждаю это право, данное имъ, и настоящимъ же завѣщаніемъ я прибавляю вышепоименованнымъ Коноплянскимъ и записываю на вѣчныя времена имъ и потомкамъ ихъ другую пустошь, называющуюся Позваіовщизна, выдѣленную изъ того же имѣнія Друйки, обязывая владѣльцевъ имѣнія Друйки, не дѣлать Коноплянскимъ никакихъ притязаній и пререканій относительно этой пустоши. Внучкѣ моей и крестной моей дочери Францишкѣ Коноплянской, записываю два пивныхъ старыхъ котла и трубы, также пять свинцовыхъ полумисковъ (блюдъ), четыре тарелки и три миски. Воспитаннаго мною Людовика, его жену и ихъ сына Саймона (Шимона), на вѣчныя времена отпускаю на волю и онъ, какъ вольный человѣкъ, можетъ жить гдѣ пожелаетъ и никто не долженъ имѣть права ни на него самого, ни на жену его, ни на потомковъ. А за его службу съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, записываю и жертвую ему самому, женѣ его, дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ готовыми деньгами десять битыхъ талеровъ и кромѣ того пустошь называемую Мацѣіовщизна, выдѣливши ее изъ этого же имѣнія Друйки со всѣми полями, лѣсами, нивами, вообще со всѣмъ, что пустошь эта заключала въ себѣ. Построившись на этой пустоши, они могутъ свободно себѣ жить тамъ, не отправляя никакой повинности владѣльцамъ Друйки и никто не можетъ ихъ приневоливать къ этому. Если же кто либо изъ владѣльцевъ Друйки захочетъ пріобрѣсти эту пустошь для себя, то выселить оттуда Людовика, жену его, дѣтей и наслѣдниковъ ихъ, онъ можетъ не иначе, какъ только заплативши имъ, или ихъ наслѣдникамъ, двѣсти злотыхъ. Точно также поименованный Людовикъ можетъ, если захочетъ, продать эту пустошь за двѣсти злотыхъ, а самъ если желаетъ можетъ переселиться куда угодно. Движимое имущество, скотъ и молодыхъ лошадей, какіе только найдутся, гг. душеприкащики этого завѣщанія должны раздѣлить между гг. Жабами и Коноплянскими. Другое движимое имущество истрачено различнымъ способомъ; оружія, уборовъ, золота и серебра вовсе не имѣю и не оставляю; никому также я ничего не дол-

женъ. Должные же мнѣ покойнымъ Андреемъ Шуманомъ двадцать битыхъ талеровъ и Михаиломъ—Варѳоломеемъ Битнеромъ двадцать два съ половиною талера, данные имъ не подъ росписку, а на слово, всего сорокъ два съ половиною талера, жертвую и записываю Іосафату Качановскому и его женѣ Марцеллѣ изъ Загорскихъ Іосафатовой Качановской, они могутъ искать эту сумму на Шуманѣ и Битнерѣ и взыскавши обратить ее въ свою пользу, а имъ выдать росписку въ полученіи. Сколько окажется недоимочныхъ чиншевъ на евреяхъ и мѣщанахъ моей Друйской юрисдики, душеприкащики мои должны собрать и роздать по костеламъ на службу Божію. Покойнымъ Діонисіемъ Массальскимъ стражникомъ волковысскимъ, даны мнѣ въ заставу за триста битыхъ талеровъ слѣдующія вещи: золоченая збруя, двое часовъ, перо на шляпу, украшенное драгоцѣнными камнями, и перстень. Перстень и перо пропали, а остальное, т. е. збрую и двое часовъ, оставляю гг. Жабамъ и имъ же отдаю въ распоряженіе и долговую запись покойнаго Діонисія Массальскаго, на вышеупомянутые триста талеровъ. Душеприкащиками моими прошу быть преподобнѣйшаго о. Криштофа Озырка Дмоховскаго, настоятеля Икаженскаго костела и Михаила-Варѳоломея Битнера, которые должны наблюсти, чтобы завѣщаніе мое было исполнено во всѣхъ пунктахъ. Оканчивая затѣмъ мое завѣщаніе, прощаюсь со всѣми чинами Браславскаго повѣта, моими благодѣтелями; прощаюсь съ братьями моими дворянами и обывателями и благодарю ихъ за доброе расположеніе ко мнѣ, прощаюсь со всѣми товарищами и родственниками моими, прощаюсь съ прислугою и съ подданными моими, оставляю ихъ подъ опекою Господа Бога и прошу ихъ, если я по человѣческой слабости сдѣлалъ кому либо изъ нихъ какую обиду, или оскорбленіе, простить мнѣ ради Христа. Съ своей стороны я отъ всего сердца моего прощаю всѣмъ и все. Для большей силы этого завѣщанія, я кромѣ собственноручной подписи упросилъ лично подписаться и свидѣтелей, имена которыхъ подписаны ниже. Составлено въ Друѣ 1736 года, Апрѣля 8-го дня. Казимиръ Мосальскій стольникъ черниговскій. (*Слѣдуютъ подписи*).

(**Виленскій центральный архивъ: акты Главнаго литовскаго трибунала за 1741 г., кн. № 97, л. 373**).

ПРИЛОЖЕНІЕ 54.

Явка князя Теофиля Мосальскаго въ Слуцкомъ земскомъ судѣ, 1805 года.

(Переводъ).

Нижеподписавшійся поручикъ польскихъ войскъ Теофиль Христофоровъ сынъ князь Мосальскій, какъ собственнымъ такъ и братьевъ моихъ родныхъ: Антона маіора, Михаила, Игнатія и Доминика хорунжихъ польскихъ войскъ, князей Мосальскихъ именемъ, объявляю этимъ документомъ, выданнымъ титулярному совѣтнику и мальтійскому кавалеру князю Ѳедору Мосальскому, что по присоединеніи польскаго края къ самодержавному россійскому Императорскому скипетру, когда Высочайшими указами повелѣно было доказывать дворянское происхожденіе, то мы, князья Мосальскіе, во исполненіе повелѣнія, вмѣстѣ съ обывателями Новогродскаго повѣта (въ которомъ родъ нашъ владѣлъ наслѣдственными имѣніями Начъ и Соловьевъ) подали въ виленское дворянское собраніе родословную фамиліи нашей, вмѣстѣ съ фамиліей нашей же, владѣющей имѣніями въ Кобринскомъ повѣтѣ и принадлежащей къ одному съ нами родословію. Въ настоящее время обнаруживается еще, что часть фамиліи нашей поселившись въ россійскомъ государствѣ, значительно размножилась въ своихъ поколѣніяхъ и въ упомянутую родословную не вошла, почему поставляю долгомъ какъ отъ себя собственно, такъ и отъ лица поименованныхъ выше братьевъ моихъ, по чистой совѣсти и справедливости засвидѣтельствовать слѣдующее: въ представленной родословной у прадѣда нашего земскаго судьи Волковыскаго повѣта князя Ивана-Казимира Мосальскаго означено восемь его сыновей: Владиславъ-Аѳанасій, Мартинъ, Антоній, Іосифъ, Михаилъ, Венедиктъ, Францъ и Рафаилъ, и происходящее отъ семи младшихъ изъ поименованныхъ братьевъ потомство, а такъ какъ старшій изъ нихъ Владиславъ-Аѳанасій состоялъ въ военной службѣ и попавъ въ плѣнъ въ Россію водворился въ послѣдней, то мы считая его пропавшимъ, по незнанію потомства его и родныхъ въ упомянутую выше родословную поколѣнную роспись не включили. Поэтому нынѣ, когда обстоятельства дозволили князю Ѳедору Мосальскому снова сблизиться съ своей фа-

миліей и онъ потребовалъ засвидѣтельствованія о принадлежности къ роду нашему, то я князь Теофиль Мосальскій отъ лица моего и родни моей свидѣтельствую и признаю, что отъ Владислава-Аѳанасія родившіеся сыновья—Яковъ подпоручикъ русскихъ войскъ и Даніилъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ, также сыновья Даніила Владиславовича: Евграфъ кадетъ, Ѳедоръ—титулярный совѣтникъ и Филиппъ князья Мосальскіе, къ одному съ нами родословію и гербу нашему принадлежали, принадлежатъ и должны принадлежать и наравнѣ со всѣми нами въ родословіи должны быть показаны, какъ происходящіе отъ одного родоначальника и пользоваться какъ двоюродные братья наши тѣми же самыми что и мы родовыми преимуществами. Для удостовѣренія чего настоящій документъ выданъ при свидѣтельствѣ обывателей Слуцкаго повѣта, съ приложеніемъ гербовой печати и собственноручною подписью. Данъ въ Слуцкѣ 1805 года Ноября 10 дня. Войскъ польскихъ поручикъ князь Теофиль Мосальскій. (*Слѣдуютъ подписи*).

(Изъ актовъ Слуцкаго суда 1806 г., принадлежавшихъ князю Ник. Ѳед. Мосальскому).

ПРИЛОЖЕНІЕ 55.

«MEMORYAŁ

Ignacego kniazia Massalskiego biskupa Wilens: prześwietney delegacyi seymowey y tractatowey roku 1774 dnia 28 Marca podany».

«Jeżeli kto, to Biskup Wileński naśladuiąc Przodkow swoich, zna próżność tytułu Xiążęcego, y wiedząc, że w każdym dopieroż w wolnym Narodzie przymiotami y zasługą, nie pozorami mamiącemi pospolstwo, dystyngwować się należy; szczerze przenosi tytuł Szlachcica Polskiego nad wszystkie inne. Ale kiedy niespodzianym losem iedyny Jego Sukcessor Synowiec w zabranych dopiero kraiach od Rzeczypospolitey. większą część Dobr swoich nayduie, a w dziecinnym wieku będąc nie może sobie radzić, przeto sądzi Biskup, że iest Opiekuna powiannością. Sieroty w obcym teraz kraiu nie

znaiomego ubespieczyć dowody urodzenia, y iakie pokaże się z dokumentow, takie przez Diploma żąda mieć utwierdzone, ile że nie dowierzaiąc kraiowych Archiwow porządkowi, niechcial by zostawić przypadkom ognia lub woyny dowody Jego procedencyi.

Nie prosi Dom Massalskich o podniesienie do zaszczytu Xiążęcego, albowiem dziedziczni Krolowie Polscy nigdy mu tego nie uwłaczali, y nikt o tym w Polszcze nie wątpi. Prosi tylko, żeby teraz Rzeczpospolita w swoie Diploma, wszystkie dokumenta, ktore jey prezentowane będą, wprowadziwszy, raczyła o tym, co iest niepodeyrżaną, prawdą względem urodzenia Massalskich, tym autentycznym sposobem dać świadéćtwo y wyrok, czego bez krzywdy nie mogłaby odmowić, jeżeli według dawnych zwyczaiow y przyzwoitości republikantskiego rządu, obcych tytułow procz Szlacheckiego, w kraiach swoich cierpieć niezechce, wieblić będzie Biskup te chwalebne postanowienie, y rownie z drugiemi one zachować nieomieszka. Ale ieżeli zwyczay świeżo wprowadzony ma się utrzymywać używania takich titułow, iakie kto ma; spodziewa się, że Prześwietna Delegacya nie zechce Jego Synowcowi bronić tego, co ma dało urodzenie. Wszakże y w tym nie faworu, ale sprawiedliwości szuka.

Dowody urodzenia Massalskich.

1mo. Okaże się Alexandra Krola Diploma dzielcze Dobr nazwanych Druja, gdzie dwuch Synow Bohdana Kniazia Massalskiego zrodzonych z Sapieżanki Tymoteja maiącego za sobą Xiężniczkę Sanguszkownę y Piotra maiącego za sobą Xiężniczkę Łukomską Plemiennikami dziedzicznych Xiążąt Ruskich nazywa. Ten dokument nayduie się w Archiwum Sapieżyńskim u J. O. Hetmana Polnego Litewskiego, albowiem Tymoteja Kniazia Massalskiego iedyna Corka poszła za Sapiehę, a tak w ten Don y Dobra y dokumenta na nie służące wnocząc, wniosła y to wspomnione Diploma.

2do. Będzie produkowana Genealogia z Moskwy od kilkudziesiąt lat przysłana, dokumentami z Archiwow Kiiowskiego, Smoleńskiego, Czernichowskiego wsparta, gdzie Tymoteja przeniesienie się z Rusi do Litwy za ożenieniem się z Xiężniczką Litewską zda się bydź dowiedzione, y z czasem y z okolicznościemi dobrze zgadzaiące się.

3tio. Metryki Litt: początek swoy wzięły od Alexandra, y za tego Krola kart tylko iest 60, ktorych część zapisana dokumentami służącemi Massalskim, gdzie są wszędzie mianowani Kniasiami. Od czasow zaś Zygmunta I do dziś dnia, pokazuią się latami dokumenta z tychże Metryk wyięte, iako zawsze tytuł Kniaziow Im służył, a te, co są po łacinie, Dux Massalski, mienią.

4to. Z Metryk Koronnych od czasu Zygmunta Augusta początek swoy biorących, nayduie się także dosyć na to dokumentow, że Im y w Sądach Krolewskich y w Przywileiach tytuł Kniaziow dawano.

5to. Historycy Polscy toż samo piszą. Paprocki w Xiędze 4. na karcie 679. w te słowa: Dom Kniaziow Massalskich starodawny, wyszli oni z Smoleńskiey Ziemi. Bił Bohuż Massalski Syn Kniazia Alexandra, ktoremu Krol Zygmunt dał był znaczne opatrzenie do obyszczenia Oyczyzny.

Kojałowicz Dzieiopis w części 2, w Xiędze 5, na karcie 251, gdy mowi w R. 1487, o Rzeczach za Krola Kazimierza II, nazywa tam Xiążęciem Włodzimirza Massalskiego o poselstwie do Moskwy od Krola wysłanego. Piasecki w Edycyi R. 1648 na karcie 304 Basylego Massalskiego Hetmana pod czas wyprawy Demetryuszowey zowie Kniaziem.

Bielski w Kronikach swoich na karcie 768 w R. 1609 mowiąc o Massalskim Hetmanie Moskiewskim nad 70 tysięcy woyska przełożonym, nazywa go także Kniaziem.

Niesiecki w Herbarzu swoim w Tomie 3. na karcie 227 y 228. Massalskich zowie Domem Xiążęcym, oraz z autorow poważnych to wywodzi, że idą ze krwi dziedzicznych Xiążąt Ruskich.

Naostatek nagrobki w Kiiowie od trzechset lat Iwana y Jerzego Kniaziow Massalskich nierowność tego tytułu pokazuią.

6to. Będzie się presentował oryginał diplomatu Zygmunta pierwszego Roku 1501 nadaiący dziedzictwem Dobra Olekszyce Fiedorowi Wasilowi Michayłowiczowi Kniasiowi Massalskiemu za woienne zasługi y dziewięcioletnią w Moskwie niewolę, od ktorego czasu y possessya tych Dobr. y procedencya documentami autentycznemi iest dowiedziona aż do żyiących Hetmana W. Litewskiego następcow.

Linia Małoletniego Xawerego Kniazia Massalskiego Syna Jozefa podskarbiego Litt: od Fiedora Kniazia Massalskiego pierwszego Dziedzica Dobr Olekszyc przez nadanie Zygmunta I. R. 1501, razem y Possessyi wspomnionych Dobr od tamtych czasow aż do dziś dnia Dokumentami autentycznemi, wyprowadzona.

1mo. Przywiley Krola Zygmunta I. na pargaminie nadania wiecznością Olekszyc Fiedorowi Wasilowi Michayłowiczowi Kniaziowi Massalskiemu za woienne zasługi y dziewięcioletnią w Moskwie niewolę . . . . . . Roku 1501 d. 2 Junii.

List tegoż Zygmunta na podanie Olekszyc tegoż Roku 3. 8bra.

Intromissya do Olekszyc przez Lenarta Kończewskiego Dworzanina J. K. Mci Fiedorowi Kniaziowi Mossalskiemu 12 Febr. In dic: 27.

List tegoż Zygmunta I. do Stanisława Petrowicza Starosty Grodzieńskiego pisany, aby w dzierżeniu Olekszyc Fiedorowi Kniaziowi Massalskiemu krzywdy żadney nie uczynił . . . . In dic: 13.

List drugi takiż . . . . 27 Junii In dic: 14.

List Juria Mikołajowicza Starosty Grodzieńskiego na Pustowszczyznę, Zaniewszczyznę według Przywileiu Zygmunta wydzieloną w Pyczowiczach do Olekszyc należących Kniahini Nastazyi Jazłoweckoy Fiedorowcy Kniahini Massalskiey . . . . 25 Febr. In dic: 3.

2do. Potwierdzenie Kniahini Iwanowoy z Kniaziow Koreckich Massalskoy na zamenu z kim chotiał czasty swoieie w Zamku Korcy y wsich Sełach do nieho należacych, z Metryk Litt: . . . . R. 1530. fol. 186.

Sprawa Kniazia Iwana Massalskoho z Bratioju o ludey w Dobrach buntuiących, z Metryk Litt: . . . 1538. fol. 271.

Process Iwana Kniazia Massalskiego na Michała Kniazia Massalskiego Brata rodzonego o wycięcie lasu y o rożne wiolencye w Maętności Danilczycach przysłuchaiącey do Olekszyc poczynione . . . . 1558. d. 11. Janua.

Testament Iwana Fiedorowicza Wasilewicza Kniazia Massalskiego, ktorym Synom swoim Leonowi y Fiedorowi Kniaziom Massalskim Dobra swoie rozpisuie. Przy Fiedorze Olekszyce zostawuie. . . . . R. 1578. d. 13. Febr.

Aktykowany w Grodzie Grodzieńskim . . . . . 1578. d. 26. Apr.

Regestr dzielczy, ktore się Dobra dostały Kniaziu Iwanu Massalskiemu od Braci Jego.

3tio. Prawo reformacyine od Fiedora Iwanowicza Kniazia Massalskiego, Kniahini z Łukomskich Massalskiey Zenie swey na Maiętność Chodakow z przynależytościami, a na Olekszycach zapisuie Kop 10,000, liczby Litewskiey, a ieżeliby za Maż nie poszła . . . . 1571. d. 8. 8bra.

Drugie Prawo od tegoż Kniazia teyże Zenie iak y pierwsze na też samą rzecz dane y w Akta Grodu Krzemienieckiego inserowane, iako też personaliter przez tegoż Fiedora Kniazia Massalskiego przed Starostą tameczuym roborowane . . . . 1571. d. 29. 9bra.

Dział wszystkich Dobr Autentyczny między Lwem y Fiedorem Kniaziami Massalskiemi. . . . . 1575. d. 3. Maja.

Item dział między temiż Massalskiemi Maiętności Olekszyce przyznany na Rokach Ziemskich Trzykrolskich. 1579.

Regestr dzielczy między Lwem a Fiedorem Kniaziami Massalskiemi . . . . 1579. d. 14. 9bra.

Zapis darowny od Kniazia Fiedora Iwanowicza Massalskoho Kniahini Andrzeiowey Bohdanowey Łukomskiey Fiedorowey Massalskiey Zenie swey dany na 1000. Kop na maiętności Olekszycach . . . . 1584. d. 16. 9bra.

Przyznany w Trybunale tegoż Roku, Miesiąca, y Dnia.

List Kassacyiny Kniahini Heleny Massalskiey zapisow od w Bogu zeszłego Iwana Kniazia Massalskiego Małżonka swego, a Oyca Lwa y Fiedora Kniaziow Massalskich sobie dany, na Imie tychże Pasierzbow swoich . . . . 1584. d. 1. Xbra.

Prawo wieczyste przedażne od Jerzego Kniazia Mas-

salskiego Fiedorowi Kniaziowi Massalskiemu Marszałkowi J. K. Mci pustych gruntow do Olekszyc przyległych . . 1593. d. 15. Apr.

Przyznane w Grodzie Grodzieńskim tegoż Roku . . d. 3. Maja.

Przeniesione do Xiąg Ziemskich Grodsieńskich. . . 1594. d. 3. Febr.

List wieczystey przedaży zapis Błota, Bagna, y Puszczy, do teyże maiętności przyległych od Jerzego y Michała Kniaziow Massalskich Fiedorowi Kniaziowi Massalskiemu Marszałkowi J. K. Mci . . . . 1594. d. 3. Febr.

Przyznany w Grodzie na Rokach tegoż Roku:

Widumus działu między Lwem a Fiedorem Kniaziami Massalskiemi stałego . . . . 1579. d. 14. 9bra.

Dział wieczysty Fiedora Iwanowicza Kniazia Massalskiego Marczałka J. K. Mci, ktorym między Synami fwemi Hrehorem y Andrzeiem dzieli maiętności za życia swego, ktorym maiętność Olekszyce precz innych na dział Andrzeia przypadłu . . . . 1615 d. 10. 9bra.

Przyznany w Ziemstwie Grodzieńskim . . . . . 1616. d. 16. Janua.

4to. Dział między Andrzeiem Woiewodą Brzeskim a Hrehorym Podkomorzym Grodzieńskim Fiedorowiczami Kniaziami Massalskiemi po śmierci Oyca swego uczyniony, ktorym działem między siebie tym sposobem Dobra Oyca swego rozebrali: Andrzey wziął Miasto Wieysieie ze wszystkiemi Folwarkami y Wioskami zdawna należącemi, razem y maiętność Olekszyce z Folwarkami wymienionemi y maiętność Czernie w Brzeskim cum attinentiis, resztę zaś wziął Hrehory . . . . 1635. d. 6. Aug.

Aktykowany w Ziemstwie Grodzieńskim . . . . 1640. d. 3. Janu.

w Ziemstwie Brzeskim Aktykowany. . . . . . 1642. d. 20. Junii.

5to. Dział wieczysty Andrzeia Kniazia Massalskiego Woiewody Brzeskiego między Synami swemi duplicis thori: to iest in sortem Syna swego starszego Stanisława z Woierowny Woiewodzanki Chełmińskiey, y Kazimierza z Tyszkiewiczowny Woiewodzanki Kiiowskiey spłodzonych . 1646. d. 5. Janu.

Aktykowany w Grodzie a do Ziemstwa Brzeskiego przeniesiony.

Dekret Trybunalski Kadencyi Wileńskiey w sprawie Krystyny z Tyszkiewiczow Massalskiey y Kazimierza Kniazia Massalskiego Jey Syna z Stanisławem Kniaziem Massalskim o expulsyą z Dobr Olekszyc in contumaciam wypadły . . . . 1652. d. 25. Maja.

Zapis ugodliwy y kwitacyiny między Stanisławem y Kazimierzem Kniaziami Massalskiemi y kwit z procederu . 1653. d. 6. Junii.

Przyznany w Trybunale tegoż Roku, a w Ziemstwie Brzeskim aktykowany . . . . 1659. d. 16. Junii.

List Dworzański podania Olekszyc Kniaziowi Massalskiemu . . . . 1653. d. 8. Febr.

Testament Kniaziowey Massalskiey Woiewodziney Brzeskiey . . . . 1656. d. 2 Apr.

6to. Testament Stanisława Kniazia Massalskiego Podkomorzego Grodzieńskiego, ktorym Synowi swemu Michałowi Olekszyce, Wieysieie y Bulkow zapisuie, a Zonę Naruszewiczownę Kasztelankę Zmudżką przy iey własnych Dobrach zachowuie . . . . 1669.

List Krola Jmci Michała do Stanisława Kniazia Massalskiego pisany, ktorym oznaymuie, że Marcybella Massalska w Fracymerze Krolowey będąca, idzie za Woynę Starostę Gorzdowskiego . . . . 1670. d. 3. Maia.

Kwitacya od Marcybelli z Kniaziow Massalskich Woyniney, y Męża Jey Starostow Gorzdowskich dana Michałowi Kniaziowi Massalskiemu z Summy posagowey przyznana w Trybunale Wileńskim . . . . 1671. d. 15. Apr.

7mo. Testament Michała Kniazia Massalskiego, ktorym prawo na Dobra Wieysieie we stu tysiącach Zło: dane ztwierdza, a przy possessyi maętności Olekszyc y Bulkowa do doyścia lat Syna Jana Kniazia Massalskiego

Marcyannę Ogińska Woiewodzankę Połocką Zonę swoią zostawuie . . . . 1677. d. 3. Junii.

Donacya od Jana Kniazia Massalskiego Starosty Grodzień: Zenie swey Wołłowiczownie, przez ktorą zapisuie 150. tysięcy Złotych, połowę ruchomości y dożywocie na maiętności Olekszycach, Narewoe y Bulkowie . . . 1696. d. 20. Maja.

Extrakt zapisu prawa wieczysto darowanego zrzecznego na wszystkie Dobra y ruchomości od Franciszki z Ogińskich Massalskiey Starościcowey Grodzieńskiey, na ten czas Starościcowi Grodzieńskiemu Mężowi swemu potym Hetmanowi Litt: Michałowi Kniaziowi Massalskiemu danego w Grodzie Grodzieńskim przyznanego. . . . . 1724. d. 4. Aug.

GENEALOGIA

z tych documentow wyprowadzona.

1mo. Fiedor Massalski, ktoremu są nadane Olekszyce, Zona Nastazya Kniahinia Jazłowecka, z nich —

2do. Iwan, Zona Anna Kniahinia Korecka, z nich

3tio. Fiedor Iwanowicz Marszałek J. K. Mci, Zona Bohdanowa Kniahini Łukomska, z nich —

4to. Andrzey Woiewoda Brzeski, Zona Wolerowna Woiew: Chelmiń: znich —

5to. Stanisław, Zona Naruszewiczowna Kasztel: Zmudz: z nich —

6to. Michał, Zona Maryanna Ogińska Woiewody Płockiego y Hetmana Polnego Litt: corka, z nich

7mo. Jan Starosta Grodzieński, Zona Wołłowiczowna Marszałka Słonimskiego Corka, z nich

8vo. Michał Hetman W. Litt:, Zona Franciszka Ogińska Kasztel: Trocka, z nich czterech Synow, pierwszy

9no. Kazimierz Podczaszy Litt:, Zona Sapieżanka Woiewodzanka Mścisławska, Drugi Jozef Podskarbi Litt:, Zona Antonina Xiężniczka Radziwiłłowna Krayczego Lit: Corka, Trzeci Jan Podczaszy Lit: bezżenny, czwarty Ignacy Biskup Wileński.

10mo. Z Jozefa y Antoniny Radziwiłowny zostaią małoletni, Xawery y Helena.

Kwerenda w Metrykach W. X. Litt: Przywileiow, Potwierdzeń, Listow, Dekretow y innych przed—Unio Tranzakcyi Kniaziom Massalskim służących.

Pierwsza księga regestrowa Anno 7013 secundum græcos za krola Alexandra, za ktorego kart tylko trzydziesci znayduie się.

№ 5. Potwierdzenie Kniaziu Petru Michayłowiczu Massalskiemu na Imenia Słobudka, a Szerepow, a Zarude, a Serco na Balawese w Czerniechowskim Powete . . . . Folio 61

Sprawa Kniazia Fiedora Massalskoho z Bratoiu Jego Kniaziem Dmitrem a Kniaziem Semonem o Imenia Dziadka Jch . F. 74

№ 6. Sprawa Kniaziu Semenu Iwanowiczu Wołodymerowiczu z Kniaziem Tymofeiem Massalskim o Imenie Bolszowo . . . . F. 85

Przywiley Kniaziu Wasylu Massalskomu na Imenia w Smoleńskim Powete . . . . F. 99

Taz księga regestrowa za ygmunta Pierwszego.

№ 7. A. 1506. List pisany do Woiewody Smoleńskiego Jurya Chlebowicza, aby Kniaziu Petru Massalskomu Matce z Bratoiu na piat Zemli w Powete Smoleńskim podał. . . . . . F.

№ 8. A. 1513. Potwierdzenie Kniaziu Wasylu Michałowiczu Massalskomu na 6. Służob w Smoleń: Powete w Dubrowen: Pute na wiecznost . . . . F. 244

Przywiley Kniaziu Semenu Michayłowiczu Massalskiemu na 6. Służob w Powete Smoleńskim . . . . F. 246

Przywiley Kniaziu Borysu Michałowiczu Massalskomu na Dworce Durowiczy w Smoleńskim Powete na wecznost . . F. 252

№ Eod. A. Eod. Przywiley Kniaziu Iwanu Federowiczu Massalskomu na ludy Bedryszczy y na 3. Służby w druhom meyste w Smoleńskim Powete w Dubrowońskom puty na wecznost. . F. 253

Potwierdzenie Kniaziu Wasylu Massalskomu na 2 Służob y dwie Zemli Pustyie w Dubroweń: puty na wecznost . . F. 308

№ 49. A. 1547. Wyrok Kniaziu Tymofeiu Sokolińskomu z Kniaziem Juriem Massalskim o nie słusznoie ludey zubieranie z Imenia Krywińskoho . . . . F. 1

List y potwierdzenie Kniaziu Juryu Tymofeiewiczu Massalskomu na Zemlu leżaczoiu na Wilnie, kotoruiu kupił u Iwana Popa Ostyhimowicza Bołotowuza na wecznost . . . . . F. 50

Trzecia księga regestrowa za Zygmunta Augusta.

№ 61. A. 1546. List Kniaziu Massalskomu na wyzwolenie od Ziemskoie Służby . . . . F. 137

Przywiley Kniaziu Andreiu Massalskomu na dwe Zemli Oselych a czotery Pustych Wołosty Uteńskoy na wecznost danoie . . . . F. 147

A. 1549. Dekret miedzy U. Białłozorem a Kniaziem Andrzeiem Piotrowiczem Massalskim o Sługę rekomendowanego Kniaziowi, zabitego od ludzy Białłozora . . . . F. 36

№ 68. A. 1551. Odłożenie Sprawy Doszczyca z Bratoiu Jego z Kniaziem Iwanem Massalskim o Senożaty . . . . . . F. 29

Sprawa Służebnika Ardyakona Wileń. z Kniaziem Massalskim o szkody na Zemli Antokolskiey . . . . F. 385

№ 76. A. 1555. Przywiley Fiedoru Kniaziu Massalskomu pozwolenje na Gruncie Olekszyckim za Rekoiu Swisłoczu Korczmu wolniuiu meti y most zbudowawszy na Rece Swisłoczy mostowoie brati . . . . F. 115

Czwarta księga regestrowa za Zygmunta Augusta.

№ 81. A. 1555. Wyznanie Kniazia Juria Tymofeiewicza Massalskoho, iż Zonie swoiey Annie Sokolińskiey zapisał 3tiu czast wsich Imen swoich wiecznościoiu, a dwie czasty w Summie rzeczy ruchomoie . . . . F. 57

Wyznanie od Kniehini Juriewoie Massalskoie Kniehini Sokolnickoie, iż zapisała Małżonku swoiemu 3tiu czast Imen swoich wiecznościoiu . . . . F. 58

Piąta księga regestrowa za Zygmunta Augusta.

EX ACTIS METRICES REGNI.

1569. Dnia dziesiątego Miesiąca Augusta w Lublinie na Seymie walnym Koronnym za Panowania Nayiaśnieyszego Zygmunta Augusta Przywiley na Targi y Jarmarki Andrzeiowi Petrowiczowi Kniaziowi Massalskiemu w Dobrach Jego Dziedzicznych Smerdyńskie nazwanych w Powiecie Łuckim leżących.

1585. Dnia 10 Miesiąca Decembra w Grodnie za Panowania Nayiaśnieyszego Stefana Krola Dekret Assessorski między Kniaziem Joachimem Koreckim Woiewodzicem Wołynskim Powodem z iedney, a Bohdanem Kniaziem Massalskim Pozwanym z drugiey strony, o dobr połowę Torchowicy y Seł Boreska, Rudlewa, Babołok, Michaczowku, y innych, ktorym dekretem zachowany przy possessyi Bohdan Kniaż Massalski.

1596. Dnia 20 Miesiąca Marca w Warszawie (za Panowania Nayiaśnieyszego Sygmunta Trzeciego) Opieka Bohdanowi Kniaziowi Massalskiemu, nad pozostałym Kniaziem Matyaszem Massalskim niegdy Kniazia Iwana Bohdanowicza Massalskiego Synem dana.

Kwerenda w Metrykach Pięczęci Większey W. X. Litewskiego Przywileiow, potwierdzeń Listow, Dekretowi i innych po Unii Tranzakcyi Domowi Knaziow Massalskich służacych.

Za krola Henryka.

Lib: 134. An: 1574. Przywiley Hryhoryu Kniaziu Massalskomu na Podkomorstwo Horodeńskie . . . . Fol: 5

Za krola Stefana.

Lib: 135. A. 1576. Wyznaczenie do Pana Pawłowicza Andreia Sapiehy Listu, ktorym predał Knaziu Massalskomu Imienia swoie Zemli nazwanoie Sapieżyszki na wieczost . . . . Fol. 405

Za krola Zygmunta III.

Lib: 160. A. 1589. Przyznanie P. Smiatyńskoho Imenia Łososińskoho Knaziu Massalskomu . . . . Fol: 142

Lib: 175. A. 1592. Dekret Iarosiu Korczewskiemu z Knaziem Massalskim o Seło Sterkliszki w Wiłkom: . . . Fol: 245

Item odłożenie Sprawy Kniazia Hryhorya Massalskoho z Ianem Złotowiczem. . . . . Fol: 273

Item Dekret Plebanu Słonimskomu z Kniaziom Bohdanom Massalskim o grunty, Dworca Deszkowskaho w Powiecie Wołkowyskim leżaczoho . . . . Fol: 369

Lib: 176. A. 1592. Jmć P. Kanderu na Seło po Kniaziu Massalskom do Słonima należaczoie . . . . Fol: 185

Lib: 177. Przywiley Kniaziu Andreiu Massalskomu na kilka służob w Wwdztwie Mścisław: . . . . Fol: 56

Lib: 187. Wyrok Instygatora W. X. Lit: z Kniaziem Fiedorem Massalskim z Marszałkiem Horodeń: o Puszczu Belowickuiu, Iałowskoiu i Bełskoiu . . . . Fol: 7

Lib: 188. A. 1592. List na Marszałkowstwo Horodeń: Kniaziu Andreiu Massalskomu . . . . Fol: 197

Lib: 188. List do Obywatelow Horodeńskich oznaymuiuczy, że Marszałkowstwo Horodeń: danoie Kniaziu Massalskomu Fol: 198
Lib: 189. Banic'a Kniachinie Massalskoy na Michayłowskoho. . Fol: 286
Lib: 193. A. 1629. Kniaziu Alexandrowi Massalskomu Kasztełanowi Derpskiemu na sianożęć Ubez nazwana nad Niemnem na uyściu Niewiaży . . . . Fol: 406

Za krola Zygmunta III.

Z metryki Litt: mnieyszey pieczęci.

Sub Lit: A. A. 1519. Kniaziu Massalskomu Marszałkowstwo . . Fol: 250
B. 1588. Przywiley Kniaziowi Massalskiemu na Podkomorstwo Horodeńskie . . . . . . Fol: 580
Potwierdzenie Kniaziu Massalskomu na 29. wołok w Wołosty Słonimskoy . . . Fol: 583
E. 1589. Zeznanie Kniazia Massalskiego prodaży Imenia Wołczkow Lwu Massalskomu . . . Fol: 7
H. Zeznanie P. Iantowieczkieho Zapisu Kniaziu Massalskomu . . . . Fol: 40
DD. 1632. Przywiley Urbanowi Ianowi Kamieńskiemu na trzy Służby po Kniaziu Massalskim Woewodzie Mścisławskim we Wsi Komakowie dożywocie . . . . Fol: 76
FF. Dekret między Izbickim a Kniaziem Massalskim . . . . Fol: 64

Za krola Władisława.

Z metryki Lit: większey pieczęci.

Lib: 203. A. 1634. Konfirmacya Dekretu Kommissarskiego Kniaziu Massalskiemu Kasztelanowi Smoleń: rozgraniczenia Puszczy Iego z Puszczą Wilkowską . . . . Fol: 116

Juryzdyka Sądowa Starostwa Kamieńskiego Kniaziowi Massalskiemu Kasztelanowi Smoleńskiemu . . . . Fol: 240

Konsens temuż ad cedendum Wsi Szylan i Iskrable U. Wincentemu Gieczewiczowi . Fol: 255

Libr 207 Anno 1636. Dekret między U. Stolnikiem W. X. Litt: a Kniaziem Massalskim pozwanym . . . Fol: 603

L 209 Anno 1639. Dekret między Kniaziem Massalskim Wwdą Mińs: i Małżonką Jego a Ur: Janem Orwidem . . . . Fol: 114

Kontumacya Kniaziowi Massalskiemu Kasztelanowi Brzeskiemu na U. Chaleckiego Marszałka Lidzkiego . . . . Fol: 465

216 Anno 1645. Kniaziowi Massalskiemu na założenie Miasta w Dobrach iego Massalany nazwanych. . Fol: 187

222 1648. Dekret między Kniahinią Massalską, a Kiszką Woiewodą Połockim Hetmanem W. W. X. L. Fol: 116

Za krola Władysława.

Z metryk Lit: Pieczęci mnieyszey.

Sub Liter HH. A. 1633. Kniaziowi Massalskiemu na pewne Dobra w Powiecie Starodubowskim post perduelles Fol: 199

Z 1631. Banicya na U. Kiernowskiego od Kniazia Alexandra Massalskiego . . . . . . Fol: 7

Za krola Jana Kazimierza.

Z metryki Lit: większey pieczęci.

Libr 235 Anno 1658. Protestacya Woiewodziney Brzeskiey przeciwko Kniazia Massalskiego . . . . . Fol: 60

236 1654. List zaręczny WW. Tyszkiewiczom przeciw Kniaziowi Massalskiemu Wwdzicowi Brzeskiemu . . . . Fol: 229

237 1658. Dekret międźy Hornowskim a Kniahinią Massalską Woiewodziną Brzeską. . . . Fol: 167
245 1656. Amnestya Kniaziowi Massalskiemu Woiewodzie Brzeskiemu. . . . . Fol: 688

Za krola Michała.

Z metryki Lit: pieczęci wiekszęy.

Libr 251 Anno 1672. Dekret między Kniaziem Massalskim a W. Tyszkiewiczem.

Za krola Michała.

Z metryki Lit: mnieyszey pieczęci.

Sub Lite: LLL A 1676. Aktykacya Przywileiu Kniaziowi Massalskiemu . . . . Fol: 87

Za krola Jana III.

Libr 254 Anno 1676. Banicya w Sprawie Izabelli Naruszewiczowey y Kniahini Alexandrowey Massalskoy na Suchodolskiego . . . . Fol: 187

Jest ieszcze żywy monument w Xięstwie Siewierskim Miasto Massalsk. Te iak wiadomo z Historyi, iednemu ze dwunastu Synow Włodzimierza Xiąźęcia Ruskiego dostało się, ktore iemu y następcom Jego dało obeyście y nazwisko.

Są to Dokumenta spiesznie drabowane y zebrane tylko po części, zda się iednak probuiące dosyć, że Domowi Massalskich tytuł Xiązęcy za wszystkich Krolow nieustannie służył.

Na ostatek za Augusta II y III. Przywileie Hetmanowi W. Litt: służące y Biskupowi Wileńskiemu na dowod rzeczy pokadłaią się.

Petitum Biskupa Wileńskiego do Prześwietney Delegacyi, za małoletnim Xawerym Kniaziem Massalskim Synowcem swoim, aby te wszystkie dowody y dokumenta po nayściśleyszym examinie w diploma wprowadzone były.

Wiemy z Obyczaiow Zacnych Polakow, że pierwsze mieysce po Rodzicach maią Sieroty, wierze i opiece naszey powierzone. *Slowa Staro-Polaka Szczesnego Herburta*».

ПРИЛОЖЕНІЕ 56.

Извлеченіе изъ опредѣленія минскаго дворянскаго депутатскаго собранія, 1804 года. (Переводъ).

.... Поколѣніе князей Мосальскихъ раздѣляется отсюда на двѣ главныя линіи: старшая—отъ князя Богдана Михайловича и младшая—отъ князя Януша Михайловича.

У князя Богдана Михайловича были сыновья Юрій, Андрей и Ѳедоръ что доказываютъ: 1) 1624 г. Мая 29-го—выдѣлъ третьей части имѣнія Олтупово сыну Юрію, въ которомъ выдѣлѣ отецъ князь Богданъ поясняетъ, что оставшіяся двѣ части того же имѣнія должны перейти потомъ къ другимъ двумъ малолѣтнимъ его сыновьямъ Андрею и Ѳедору, и 2) Тяжба родныхъ братьевъ Юрія, Андрея и Ѳедора Богдановичей съ Тризной, 1638 года 21-го Марта, объ убійствѣ одного изъ Олтуповскихъ обывателей. Что сыновьями князя Ѳедора Богдановича были Стефанъ, Станиславъ, Теофиль, Фелиціянъ и Карлъ, то свидѣтельствуется записью 1700 года Апрѣля 2-го, сдѣланной Карломъ Ѳедоровичемъ первой женѣ своей Еверковичъ, въ которой упоминается, что онъ Карлъ есть сынъ Ѳедора Богдановича Мосальскаго, перечисляются упомянутые его родные братья и что дочь князя Карла находится въ замужствѣ за племянникомъ его Доминикомъ Стефановичемъ Мосальскимъ. У князя Стефана Ѳедоровича были сыновья: Доминикъ, Мартинъ, Ѳедоръ, Михаилъ и Казимиръ, въ чемъ удостовѣряютъ: 1) Запись 1697 г. Дек. 14-го Стефана Ѳедоровича сыну своему Казимиру на часть имѣнія Олтупово, 2) Тяжба 1698 г. Іюля 30-го жены Казимира съ тестемъ своимъ княземъ Стефаномъ, по случаю упомянутой записи, 3) Рѣшеніе 1711 г. Окт. 8-го по дѣлу Яскулдовъ съ сыновьями князя Стефана Ѳедоровича—Доминикомъ, Казимиромъ, Мартиномъ и Михаиломъ, 4) Рѣшеніе 1711 г. Окт. 7-го по дѣлу Шеміотовъ съ княземъ Доминикомъ Стефановичемъ, въ которомъ приказывается Шеміотамъ исправить позывъ судъ, такъ какъ въ позывѣ упущенъ княжескій титулъ Мосальскихъ всѣми признанный, и 5) Закладная 1730 г. Апр. 23-го на часть Олтупова, отъ Франца Мосальскаго Венедикту Мосальскому, въ которой пояснено, что онъ пріобрелъ эту

часть отъ Мартина, Михаила и Өедора Стефановичей Мосальскихъ, а часть Доминика и Казимира Стефановичей осталась при Казимирѣ. Что сыновьями князя Доминика Стефановича были Михаилъ и Іосифъ, то доказываютъ: 1) Продажная запись 1737 г. Іюля 27-го на часть Олтупова, совершенная Іосифомъ Доминиковичемъ и матерью его Венедикту Мосальскому, въ силу каковой записи послѣдняя часть Олтупова уже перешла такимъ образомъ изъ старшей линіи Мосальскихъ въ младшую, и 2) Продажная запись 1740 г. Апр. 23-го на имѣніе Грускъ, сдѣланная тѣмъ же Іосифомъ Доминиковичемъ съ матерью, на имя Садовскихъ. Что у князя Іосифа Доминиковича сыномъ былъ Өома, то удостовѣряютъ: 1) Духовное завѣщаніе того же князя Іосифа, 1768 г. Дек. 14-го, которымъ онъ записываетъ сыну своему денежныя суммы, полученныя отъ продажи имѣній Олтупова и Грускъ, и завѣщаетъ сыну выкупить или упомянутое Олтупово, какъ жалованное ихъ предкамъ, или же имѣніе Начъ въ Новогрудскомъ воеводствѣ (нынѣ Слуцкомъ уѣздѣ), какъ съ давнихъ поръ принадлежащее роду Мосальскихъ, 2) Довѣренность 1791 г. Сент. 10-го, отъ Өомы Іосифовича сыну его Онуфрію, на искъ противъ Игнатія Мосальскаго, о суммѣ одолженной послѣднему Іосифомъ Доминиковичемъ, отцомъ Өомы. Этотъ же Өома Іосифовичъ былъ полковникомъ и получилъ отъ короля имѣнія, о чемъ свидѣтельствуютъ: 1) Грамота 1766 г. Іюля 20-го на чинъ, 2) Отставка 1775 г. Нояб. 8-го, ему же данная, 3) Привиллегія 1767 г. Янв. 5-го короля Станислава-Августа гетману Михаилу Мосальскому, на передачу въ пожизненное владѣніе нѣкоторыхъ имѣній Өомѣ Мосальскому и женѣ его урожденной Францискѣ Охотницкой, 4) Вводный листъ на тѣ же имѣнія. Сыновьями полковника Өомы Іосифовича были, доказывающіе нынѣ свое происхожденіе, Онуфрій, Ксаверій и Ромуальдъ, что свидѣтельствуютъ: 1) Упомянутая выше довѣренность Өомы сыну своему Онуфрію, 2) Сдѣлка 1802 г. Сент. 1-го, между упомянутыми братьями по раздѣлу имѣнія Начъ и другаго наслѣдства, оставшагося послѣ отца ихъ полковника Өомы. Что Онуфрій, сынъ Өомы, занималъ разныя должности. о томъ свидѣтельствуютъ: 1) Грамота 1788 г. Сент. 19-го на дворянство, 2) Грамота 1791 г. Іюня 19-го на чинъ подпоручика народной кавалеріи, 3) Грамота 1792 г.

Авг. 8-го на чинъ поручика той же кавалеріи и 4) Отставка съ чиномъ маіора, 1793 г. Ноября 26-го.

. . . .

(Архивъ гродненск. дворянск. депутатск. собранія).

ПРИЛОЖЕНІЕ 57.

Указъ Правительствующаго сената гродненскому дворянскому депутатскому собранію, 1862 г., объ утвержденіи княжескаго титула за фамиліей Мосальскихъ).

«Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержца Всероссійскаго, изъ Правительствующаго сената гродненскому Дворянскому собранію. По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Правительствующій сенатъ слушалъ дѣло по рапорту гродненскаго Дворянскаго депутатскаго собранія, о княжескомъ достоинствѣ рода Массальскихъ. Приказали: Изъ дѣла видно, что родъ князей Массальскихъ, ведущій свое начало отъ великого князя Владиміра, одна отрасль котораго впослѣдствіи переселилась въ Литву, гдѣ по привиллегіи короля польскаго Сигизмунда 1541 г., князю Богушу Александрову Массальскому пожаловано восемь пустошей и сорокъ три человѣка изъ имѣнія Мереча и деревни Которовъ, перешедшія по смерти его, по привиллегіи польскаго же короля Сигизмунда 1566 г., къ сыновьямъ его—князьямъ Петру Веригѣ и Михаилу Массальскимъ, изъ коихъ послѣдній князь Михаилъ въ 1572 г. отказалъ сыновьямъ своимъ князьямъ Богдану, Фридриху и Янушу, имѣніе Подмеречъ, а въ 1605 г. князь Янушъ Михайловъ уступилъ брату князю Фридриху, доставшуюся ему по раздѣлу третью часть имѣнія Подмеречъ, взявъ отъ него взамѣнъ того, третью же часть имѣнія Олтуповщизна, которое въ 1643 г. завѣщалъ сыновьямъ своимъ князьямъ Мартину-Казимиру и Стефану; изъ нихъ князь Мартинъ-Казимиръ въ 1663 г., отдалъ то имѣніе въ пожизненное владѣніе женѣ, а въ потомственное сыновьямъ князьямъ Доминику, Францу, Константину Діонисію и Ивану-Казимиру, изъ которыхъ послѣдній въ 1686 г пріобрѣтя другое имѣніе Менженинъ съ крестья-

нами, въ Мельницкой землѣ лежащее, завѣщалъ оное сыну своему князю Владиславу-Аѳанасію, а прочимъ сыновьямъ назначилъ другія имѣнія свои, а именно имѣніе Начъ князьямъ Мартину, Іосифу, Антону, Михаилу-Донату и Венедикту; Францу имѣніе Пржедзельскъ и Рафаилу Олтуповщизну. Изъ нихъ князь Владиславъ-Аѳанасій въ 1751 г. продалъ имѣніе Менженинъ брату князю Антону, съ ручательствомъ за сыновей своихъ князей Якова и Даніила, которымъ отказалъ въ 1760 г. вырученную отъ продажи сумму, а въ 1795 г. Яковъ отказалъ племяннику своему князю Ѳедору Даніилову половину той суммы; князь Михаилъ-Донатъ часть имѣнія Начъ продалъ въ 1764 г. брату князю Рафаилу Массальскому, ручаясь за сына князя Ивана, отказавъ ему въ 1765 г. вырученныя чрезъ то деньги, прочіе же братья ихъ князья Францъ, Мартинъ, Іосифъ, Михаилъ, Антонъ, Венедиктъ и Рафаилъ въ 1729 г. раздѣлили между собой доставшіяся отъ отца имѣнія. Далѣе, князь Антонъ Ивановъ-Казимировъ, имѣнія свои Менженинъ и Начъ отказалъ сыновьямъ своимъ, князьямъ Станиславу и Христофору, которые въ 1779 г. отъ имени своего и сыновей своихъ князей Ефима, Роберта, Михаила, Теофиля и Доминика, продали имѣніе Менженинъ въ постороннее владѣніе, а имѣніе Начъ досталось Семену-Викентію-Карлу-Якову Массальскому, который въ 1805 г. продалъ оное въ постороннее владѣніе. О дѣйствительномъ существованіи показанныхъ по документамъ имѣній: Начъ — Минской губерніи, въ Пинскомъ уѣздѣ, Олтуповщины — въ Волковыскомъ, Пржедзельскъ — въ Пружанскомъ, Гродненской губерніи, и Менженинъ—Люблинской губерніи въ Бѣльскомъ уѣздѣ, удостовѣряютъ тамошнія Губернскія Правленія. Законное происхожденіе отъ Ѳедора Даніилова сыновей — Ѳедора, Николая и Ивана, отъ Ефима Станиславова — сыновей Семена-Викентія-Карла-Якова съ сыномъ Цезаріемъ - Августиномъ - Маврикіемъ; отъ Михаила Христофорова сыновей Ивана-Юрія съ сыномъ Брониславомъ-Сильверіушомъ, Генриха съ сыномъ Іосифомъ, и Михаила; отъ Доминика Христофорова сыновей: Ксаверія-Люціана съ сыновьями Карломъ-Францомъ и Ксаверіемъ, Іосифа-Александра съ сыномъ Іосифомъ - Андреемъ - Константиномъ, Антона - Станислава, Адольфа-Игнатія, и Ромуальда-Максимиліана и отъ Ивана Михаилова-До-

натова сына Адама-Ивана съ сыномъ Ипполитомъ-Игнатіемъ-Бальбяномъ и внукомъ Николаемъ-Казимиромъ Массальскихъ, доказывается метрическими свидѣтельствами завѣренными духовными консисторіями и документомъ 1780 г., о продажѣ Иваномъ Михайловымъ-Донатовымъ пріобрѣтеннаго имѣнія Ануснпъ, съ ручательствомъ за сына князя Адама-Ивана, а о нелишеніи ихъ правъ дворянства силою закона и несостояніи въ записи въ подушномъ окладѣ доказывается свидѣтельствами мѣстныхъ предводителя дворянства и Казенной Палаты и формулярными о службѣ ихъ списками. Правительствующій Сенатъ, усматривая изъ находящихся въ дѣлѣ документовъ, надлежаще завѣренныхъ, и изъ собранныхъ о родѣ Массальскихъ свѣдѣній, заключающихся въ польскихъ гербовникахъ Нѣсецкаго, Папроцкаго и другихъ, что родъ Массальскихъ доказываетъ княжеское достоинство свое по происхожденію отъ предковъ, пользовавшихся въ Имперіи наслѣдственно титуломъ древнихъ князей русскихъ и литовскихъ, а въ такомъ случаѣ опредѣленіе правъ рода Массальскихъ на княжескій титулъ, должно быть обусловливаемо лишь тѣмъ закономъ, по которому нынѣшніе потомки древнихъ русскихъ и литовскихъ княжескихъ родовъ, доказавшіе свое происхожденіе отъ предковъ, пользовавшихся въ Имперіи наслѣдственно титулами, могутъ быть признаваемы въ почетныхъ достоинствахъ безъ разсмотрѣнія прямыхъ на то доказательствъ, т. е. безъ разсмотрѣнія подлинныхъ грамотъ государей на пожалованіе титуломъ, или выписей изъ грамотъ королей, или другихъ монарховъ, а равно выписей изъ сеймовыхъ конституцій, коими почетные титулы пожалованы, признаны или утверждены (ст. 56, Т. IX, Св. Зак. о сост. изд. 1857 г. и приложенная къ сей статьѣ инструкція). По общимъ узаконеніямъ относительно признанія въ дворянствѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянское происхожденіе лицъ неподлежитъ никакому сомнѣнію и когда ни предки извѣстнаго рода, ни доказывающія дворянство лица, не были лишены правъ дворянства силою закона и въ податномъ состояніи ненаходились, утвержденіе таковыхъ лицъ въ дворянствѣ совершается властію Правительствующаго Сената, безъ испрошенія на то ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія. Таковой же порядокъ утвержденія въ дворянствѣ, соблюдается и въ дѣлахъ объ утвержденіи кого либо изъ дворянъ въ почетномъ титулѣ, если только

доказано, что просящіе объ утвержденіи въ титулѣ лица происходятъ отъ предковъ, пользовавшихся въ Имперіи наслѣдственно титулами древнихъ князей русскихъ и литовскихъ, или же титулами графовъ и бароновъ, возведенныхъ въ сіе достоинство не отъ иностранныхъ государей, а Императорами Всероссійскими (ст. 35 и 56, Т. IX Св Зак. о сост., изд. 1857 г.). Дворянство рода Массальскихъ, признанныхъ уже въ семъ достоинствѣ и бывшею Герольдіею, неподлежитъ никакому сомнѣнію. Равнымъ образомъ неподлежитъ сомнѣнію и происхожденіе ихъ отъ предковъ, пользовавшихся въ Имперіи наслѣдственно титуломъ древнихъ князей русскихъ и литовскихъ. Симъ титуломъ пользовались безпрерывно всѣ поколѣнія Массальскихъ, въ томъ числѣ и послѣднія три поколѣнія ихъ, начиная отъ первыхъ доказателей, предъявившихъ права свои на княжескій титулъ въ 1819 г., что вполнѣ соотвѣтствуетъ и тому закону, по которому и въ числѣ доказательствъ о принадлежности почетнаго титула, по происхожденію, требуется также удостовѣреніе, что пользованіе симъ титуломъ сохранялось въ родѣ постоянно, по крайнѣй мѣрѣ въ трехъ послѣднихъ поколѣніяхъ, начиная отъ отца, нынѣ предъявляющихъ свое право на титулъ (прилож. къ ст. 56, Т. IX, § 5). И хотя одно, послѣднее поколѣніе рода Массальскихъ, именно поколѣніе происшедшее уже отъ лицъ предъявившихъ въ 1819 г. права свои на титулъ, нынѣ не именуется княжескимъ титуломъ, но сіе объясняется съ одной стороны приводимымъ просителями распоряженіемъ Главнокомандовавшаго отдѣльнымъ Литовскимъ корпусомъ, который въ 1823 году воспретилъ Массальскимъ именоваться титуломъ впредь до окончательнаго въ ономъ утвержденія, а съ другой указомъ бывшей Герольдіи 1825 г., коимъ Массальскіе бывъ утверждены въ древнемъ потомственномъ дворянствѣ, въ то время не могли быть признаны въ княжескомъ достоинствѣ, за неполнотою доказательствъ на титулъ. По симъ соображеніямъ и руководствуясь основаніями, принятыми въ дѣлѣ о графскомъ достоинствѣ Стадницкихъ, которыхъ Государственный Совѣтъ призналъ возможнымъ утвердить въ титулѣ властію Правительствующаго Сената, безъ особаго на то **ВЫСОЧАЙШАГО** утвержденія (мнѣніе Государственнаго Совѣта **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденное 25 Декабря 1861 года), Правительствующій Се-

натъ признаетъ, что древній дворянскій родъ Массальскихъ, ведущій происхожденіе свое отъ предковъ, пользовавшихся въ Имперіи наслѣдственно титуломъ древнихъ князей русскихъ и литовскихъ, также можетъ быть утвержденъ въ титулѣ Правительствующимъ Сенатомъ, безъ представленія о томъ на ВЫСОЧАЙШЕЕ утвержденіе; а потому опредѣляетъ: постановленія гродненскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія 30 Іюня 1821, 21 Іюля 1821, 18 Августа 1827, 18 Октября 1832, 12 Марта 1833, 11 Августа 1854, 6 Ноября 1855 и 25 Іюля 1858 годовъ, объ утвержденіи вышеписанныхъ лицъ рода Массальскихъ въ княжескомъ Россійской Имперіи достоинствѣ, со внесеніемъ въ 5-ю часть дворянской родословной книги, какъ правильныя, утвердить; о чемъ тому Собранію съ возвращеніемъ подлинныхъ документовъ дать знать указомъ, предписавъ взыскать съ кого слѣдуетъ и отослать въ казну гербовыя пошлины, за употребленную въ Правительствующемъ Сенатѣ по сему дѣлу вмѣсто гербовой простую бумагу. Указъ посланъ 5 Ноября 1862 года за № 8554».

ПРИЛОЖЕНІЕ 58.

Запись князя Владислава-Аѳанасія, 1760 г. (Переводъ).

Князь Владиславъ-Аѳанасій Мосальскій, сынъ князя Ивана-Казимира Мосальскаго, объявляю сею моею записью, данною сыновьямъ моимъ князьямъ Якову и Даніилу Мосальскимъ, что я, выручивъ отъ продажи имѣнія Менженинъ родному брату моему князю Антонію Мосальскому 4000 злотыхъ, отдалъ эту сумму на проценты графу Станиславу Оссолинскому старостѣ дрогицкому, нынѣ же сію сумму 4000 злотыхъ отписываю и предназначаю сыновьямъ моимъ князьямъ Якову и Даніилу Мосальскимъ навсегда, предоставляя имъ распоряжаться ею по своему произволу, т. е. или оставить попрежнему на процентахъ, или получить въ свои руки и раздѣлить между собою пополамъ. Дано въ Стердыни, 1760 г. Января 7-го дня. Князь Владиславъ-Аѳанасій Масальскій.

(Изъ актовъ древняго Дрогичинскаго архива; архивъ департ. Герольдіи, дѣло о дворянствѣ князей Мосальскихъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ 59.

Духовное завѣщаніе князя Михаила-Доната Мосальскаго, 1765 года.

(Переводъ).

Я князь Михаилъ-Донатъ Мосальскій, покойнаго князя Ивана-Казимира Мосальскаго сынъ, Мартина-Казимира внукъ, сознавая вполнѣ что всякій рожденный долженъ и умереть, и чувствуя свое разстроенное здоровье, дѣлаю въ полной однако памяти слѣдующее для обезпеченія моихъ жены и дѣтей распоряженіе моимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ: Во первыхъ—любезной моей супругѣ княгинѣ урожденной Галимской Мосальской, отписываю и предназначаю все мое движимое имущество, въ ея пожизненное пользованіе, любезнымъ же сыновьямъ моимъ князьямъ Юрію, Феликсу и Ивану Мосальскимъ предназначаю капиталъ, вырученный отъ продажи имѣнія Начъ въ Новогрудскомъ воеводствѣ и находящійся на процентахъ у князя Сапеги, подъ обезпеченіемъ его имѣній; капиталъ этотъ предназначаю къ равному между сыновьями моими, по кончинѣ моей, раздѣлу. Бренное тѣло мое имѣетъ быть погребеннымъ по христіанскому обряду въ мѣстномъ приходѣ; на похороны, св. литургію и панихиду, предназначаю 2000 польскихъ злотыхъ. Прошу супругу и дѣтей моихъ памятовать объ искупленіи души моей, жертвовать на св. литургію и подаяніе нищимъ, а также жить между собою мирно и религіозно, какъ законъ Божій и гражданскій повелѣваютъ. Происходило въ Бѣльскѣ, 1765 г. Авг. 26-го. Князь Михаилъ-Донатъ Мосальскій. (*Слѣдуютъ подписи*).

(Изъ актовъ древняго Дрогичинскаго архива; архивъ департамента Герольдіи, дѣло о дворянствѣ князей Мосальскихъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ 60.

Запись князя Якова Владиславовича Мосальскаго, 1795 года.

(Переводъ).

Въ Дрогичинскій земскій судъ явясь лично, Яковъ Мосальскій, сынъ Владислава-Аѳанасія, здравый умомъ и тѣломъ, публично и добровольно

сознал, что онъ сыну Данiила Мосальскаго полковника русскихъ войскъ, Ѳедору Мосальскому и его законнымъ наслѣдникамъ, даетъ, даритъ и отписываетъ навсегда 2000 польскихъ злотыхъ, каковая сумма составляетъ половину тѣхъ 4000 злотыхъ, которые были записаны отцомъ его Якова въ 1760 году для равнаго раздѣла между имъ Яковомъ и братомъ его Данiиломъ Мосальскими и находятся на процентахъ у графа Оссолинскаго.

(Изъ актовъ древняго Дрогичинскаго архива; архивъ департамента Герольдiи, дѣло о дворянствѣ князей Мосальскихъ).